

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

TOZZER LIBRARY

1Z 1PKH +

HARVARD UNIVERSITY

LIBRARY
OF THE

PEABODY MUSEUM OF AMERICAN
ARCHAEOLOGY AND ETHNOLOGY

IN EXCHANGE WITH

Gos. Russkoe geograficheskoe
obshchestvo.

Received July 10, 1933.

З А П И С К И
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

4

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ.

6

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

Изданъ под редакціей

ИЗДАНЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. И. ВЕСЕЛОВСКАГО и П. И. ЛЕРХА.

N. I. Veselovskago i P. I. Lerkha

Veselovskii ————— *1880. - 17141*

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.
(Вас. Остр., 8 линія, д. № 45).

1880.

27141

H. D.
L. Soc. 100.54, 2.14.1

Exchange with the

Gen. Russkoe geograficheskoe
obshchestvo.

Rec. July 10, '33

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго
Общества.

51-12
71

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловіе	Стр. VII
-----------------------	-------------

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Средняя Зерафшанская долина — В. В. Радлова	1
О бассейнѣ Лобъ-Нора. Извлеченіе изъ китайскаго сочиненія подъ заглавіемъ: «Си-Юй-Шуй-Дао-Цзи» — В. М. Успен- скаго	93
Фергана, по «Запискамъ» султана Бабера — Н. Н. Панту- сова	151
Очерки Шагрисебзскаго бекства — А. А. Куна	201
Повѣрья и обряды Казанскихъ Татаръ, образовавшіеся мимо вліянія на ихъ жизнь суннитскаго магометанства — Кайюма-Насырова, съ предисловіемъ В. В. Гри- горьева	239

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Географическія свѣдѣнія Книги Большаго Чертежа о Кир- гизскихъ степяхъ и Туркестанскомъ Краѣ — А. И. Макашевца (съ картой)	1
Нѣсколько замѣчаній о путешествіи Дженкинсона въ Хиву въ 1559 году — В. Д. Аленицина	43
Страна Куэз-норъ или Цинъ-хай, съ прибавленіемъ краткой исторіи Ойратовъ и Монголовъ, по изгнаніи послед- нихъ изъ Китая, въ связи съ исторіей Куэз-нора — В. М. Успенскаго	57
Списокъ словъ бытоваго значенія нѣкоторыхъ кочевыхъ на- родовъ Восточной Сибири — Ф. Ф. Буссе	197

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій томъ Записокъ по Отдѣленію Этнографіи содержитъ въ себѣ статьи по этнографіи народовъ Востока и исторической географіи Азіи. Въ первомъ отдѣлѣ тома помѣщены статьи по этимъ предметамъ, поступившія въ Отдѣленіе съ 1869 по 1871 годъ, а во второмъ — такія же статьи, поступившія съ 1877 по 1879 годъ. При началѣ изданія этого тома редакцію его принялъ на себя извѣстный нашъ ориенталистъ чл.-сотр. Географическаго Общества П. И. Лерхъ; въ сожалѣнію, часто отвлекаемый многочисленными и разнообразными занятіями, а затѣмъ подвергшись сильному разстройству здоровья, г. Лерхъ не могъ вести изданія съ желаемою скоростью и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ отпечатавъ лишь 11 печатныхъ листовъ перваго отдѣла. Поэтому въ 1878 году, когда состояніе здоровья г. Лерха показало, что продолженіе издательскихъ трудовъ будетъ для него затруднительнымъ, редакція VI-го тома была предложена доценту С.-Петербургскаго университета по кафедрѣ исторіи Востока, д. чл. Общества Н. И. Веселовскому, который и принялъ на себя этотъ трудъ и довелъ его до конца при содѣйствіи пред-

VIII

сѣдательствующаго въ отдѣленіи Этнографіи д. чл. Л. Н. Майкова. На долю г. Веселовскаго выпало приготовить къ изданію большую часть статей втораго отдѣла, а изъ статей перваго отдѣла — «Очеркъ Шагрисебскаго бекства»; сверхъ того, вслѣдствіе прискорбной утраты нѣсколькихъ листовъ изъ рукописи г. Пантусова и отсутствія автора ея изъ Петербурга, г. Веселовскій принялъ на себя трудъ восполнить этотъ пробѣлъ и составить часть комментарія къ Запискамъ султана Бабера, именно — съ примѣчанія 41-го по 60-е включительно.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

СРЕДНЯЯ

ЗЕРАФШАНСКАЯ ДОЛИНА.

СРЕДНЯЯ ЗЕРАФШАНСКАЯ ДОЛИНА.

Въ 1868 году русскіе проникли въ сердце Турана до средняго Зерафшана. Имѣвъ случай посѣтить въ этомъ году вмѣстѣ съ нашими войсками самую южную часть русскихъ владѣній въ Средней Азіи, я считаю своею обязанностію описать именно Зерафшанскую долину, которая, какъ центръ владѣній Тимура, издавна считается сердцемъ Средней Азіи и до-сихъ-поръ изъ всѣхъ ея частей оставалась наименѣе доступною для путешественниковъ. Но я долженъ предупредить читателя, что сообщаемыя мною свѣдѣнія составлены частію по собственнымъ наблюденіямъ, частію по разговорамъ туземцевъ: военное положеніе не позволяло мнѣ хоть и на нѣсколько верстъ удаляться отъ арміи или ея отрядовъ. Приятнымъ долгомъ поставляю себѣ изъяснить здѣсь мою искреннюю благодарность главнокомандующему войсками Туркестанскаго округа Генераль-Адъютанту фонъ-Кауфману за его покровительство и содѣйствіе, которыми я пользовался во время моего пребыванія въ Средней Азіи. Многимъ я также обязанъ г. подполковнику Шауфусу, комиссару при опредѣленіи границы между Россіей и Бухарой.

Горы и рѣки.

Рѣка Зерафшанъ (какъ мнѣ сообщили) вытекаетъ изъ озера Искендеръ-куля на юго-западной части Тхянь-шаня (Кашгаръ-даванъ); главное направленіе имѣетъ она къ за-

наду. До города Пенджикента рѣка эта протекает по довольно узкой долинѣ, огражденной весьма высокими горами, и лишь немного восточнѣе г. Пенджикента долина эта начинаетъ расширяться. Южныя горы—хребетъ Алтаба—здѣсь нѣсколько уходитъ на югъ и спускается террасами къ рѣкѣ, а сѣверный хребетъ, Чункаръ-тагъ, уже находится въ пятиверстномъ разстояніи отъ русла Зерафшана. Какіе притоки принимаетъ Зерафшанъ въ верхнемъ своемъ теченіи, мнѣ неизвѣстно, но у Пенджикента рѣка Зерафшанъ уже снабжена полнымъ запасомъ воды, который ей даетъ возможность орошать всю долину до Бухары, такъ какъ притоки ея, которые она получаетъ на западѣ отъ Пенджикента, весьма незначительны и всѣ, безъ исключенія, истощаются полями. Горы, которыя тянутся непрерывною цѣпью къ югу отъ Зерафшана, извѣстны подъ общимъ именемъ Шяхрисебскихъ горъ, потому что на нихъ находится независимое отъ Бухары Шяхрисебское бекство. Онѣ состоятъ изъ двухъ параллельныхъ хребтовъ, изъ которыхъ сѣверный называется въ восточной своей части Алтаба-тагъ, а въ западной — Каманъ-Баранъ-тагъ, или Самаркандскіе горы. Южный хребетъ, у южной подошвы котораго лежитъ городъ Шяхрисебъ, называется Султанъ-азретъ-тагомъ. Эти горы довольно значительной высоты и во многихъ мѣстахъ возвышаются надъ линією вѣчнаго снѣга. Къ западу онѣ однако несравненно ниже, хотя все-таки образуютъ значительныя возвышенности. Особенно высокихъ горъ я съ Зерафшанской долины не могъ тамъ замѣтить.

Къ юго-западу отъ города Катты-куртана начинается новый хребетъ, который, рѣзко отдѣляясь отъ восточныхъ возвышенностей, почти подъ острымъ угломъ вступаетъ въ Зерафшанскую долину, не доходя до самой рѣки въ разстояніи 6 верстъ. На юго-западъ отъ этого хребта, носящаго названіе Тимъ-тагъ, простирается, какъ говорятъ, до

самой Бухары обширная степь, Орта-чель. Всѣ вышеупомянутыя горы спускаются террасами къ рѣкѣ Зерафшану, такъ что вѣшняя дорога между Самаркандомъ и Катты-Курганомъ идетъ по возвышеннымъ окраинамъ этихъ горъ.

Изъ горъ лежащихъ къ сѣверу отъ Зерафшана, хребетъ Чункаръ-тагъ тянется параллельно съ рѣкою, къ сѣверу отъ Пенджикента. Около 15 верстъ на западъ отъ послѣдняго Чункаръ-тагъ поворачиваетъ къ сѣверу и соединяется съ южными вѣтвями хребта Зандзаръ-тага, простирающагося на западъ до города Джизака. Съ горами образующими Зандзаръ-тагъ, сходятся на западъ горы хребта Нуратаньнгъ-тага, отдѣляющія и охраняющія долину Зерафшанскую отъ сѣверныхъ песковъ. Далѣе къ югу отъ хребта Зандзаръ-тага простирается цѣпь довольно значительныхъ высотъ, состоящая изъ волнообразныхъ возвышеній, которыя, занимая въ ширину отъ 10 до 15 верстъ, тянутся на западъ до южной части Нуратаньнгъ-тага. Эти-то возвышенія и образуютъ водораздѣлъ рѣчныхъ системъ Сыръ-дарьи и Аму-дарьи. Небольшая рѣка Иланъ-эти, выходящая изъ горъ Зандзаръ-тага, направляясь къ сѣверу, доходитъ до самаго Джизака, и, орошая какъ этотъ городъ, такъ и укрѣпленіе Янгы-курганъ, отдѣляетъ своею узкою долиною горы Зандзаръ-тага отъ сѣверной части горъ образующихъ Нуратаньнгъ-тагъ.

Горы Нуратаньнгъ-тага простираются въ главномъ своемъ направленіи съ востока на западъ, отъ рѣки Иланъ-эти, до города Нурата, отъ котораго и получили свое названіе, всего на протяженіи около 150 верстъ. Главный, сѣверный хребетъ, извѣстный подъ названіемъ Кара-тага, довольно крутъ и изрѣзанъ зубцами. На югъ отъ восточной части Кара-тага тянется еще почти совершенно отдѣльный хребетъ Ходумъ-тагъ; къ западу отъ этой очень незначительной горной цѣпи лежитъ хребетъ Караша-тагъ, а отъ этого послѣдняго, также на западъ, простирается, почти

*

параллельно съ хребтомъ Кара-тагомъ, хребетъ Акъ-тагъ. Хребты Ходумъ-тагъ и Караша-тагъ очень незначительны и тянутся легкими волнами; напротивъ того, крутой и зубчатый Акъ-тагъ лишь нѣсколько уступаетъ въ высотѣ Кара-тагу. Хребты Акъ-тагъ и Кара-тагъ, постепенно понижающіеся на западъ отъ деревни Акъ-чапа, приближаются другъ къ другу и сходятся подъ острымъ угломъ подлѣ города Нураты. Въ горахъ къ сѣверу отъ рѣки Зерафшана я нигдѣ не замѣчалъ бѣльцовъ. Пространство между обоими хребтами Нуратангы-тага, большею частію въ 15 — 20 верстъ, не образуетъ плоскости, но пересѣчено многими рядами болѣе или менѣе значительныхъ возвышеній, имѣющихъ главное направленіе съ сѣвера на югъ.

Всѣ выше упомянутыя горы на сѣверъ и на югъ отъ Зерафшана голы, и только въ наиболѣе возвышенныхъ мѣстахъ скалисты; лѣсовъ или даже отдѣльныхъ деревьевъ я нигдѣ не замѣчалъ, за исключеніемъ искусственныхъ плантацій на берегахъ рѣкъ. Горы эти представляютъ видъ однообразныхъ сѣрыхъ громадъ, безъ всякой живописной группировки.

Всѣ рѣки на сѣверномъ склонѣ водораздѣла текутъ къ сѣверу. Это большею частію весьма незначительныя рѣчки. Самая восточная изъ ихъ — выше упомянутая Иланъ-эти, пробирающаяся по очень узкой долинѣ между Зандзаръ-тагомъ и Кара-тагомъ; потомъ, болѣе на западъ, маленькія рѣчки сѣвернаго склона Кара-тага: Кара-Кія, Ашанъ-дара, Устаханъ, Нурекъ, Асманъ-сай, Ажамачъ, Янгы-кышлакъ-су, Кульма, Деристанъ, Ушма, Тутаръ-сай, Сафаръ-ата, Сарымсаклы, Фарышъ, Ухумъ, Андахышъ, Муржерумъ, Самтанъ, Сай, Катты-сай, Эйчъ, Темиръ-коулу, Укунъ. Всѣ эти рѣчки очень не велики и едва доходятъ до подошвы горъ. Прежде, когда горы еще частію были покрыты лѣсами, рѣчки эти были, вѣроятно, гораздо значительнѣе; теперь вся вода

ихъ употребляется на пашни. Онѣ, безъ сомнѣнія, нѣкогда соединялись съ р. Илан-эти и составляли тогда, по всей вѣроятности, значительный притокъ Сыръ-дарьи, теперь же и въ полноводіе онѣ всѣ оканчиваются порознь въ степи.

Рѣчки выходящія изъ южнаго склона Кара-тага — притоки Зерафшана. Сначала — четыре довольно большія рѣчки, вытекающія изъ Нуратынскихъ горъ; онѣ впадаютъ съ правой стороны въ средній Зерафшанъ; три изъ нихъ — изъ Кара-тага. Первая, Кара-абдалъ, беретъ начало въ ущельѣ Сары-бель, и протекаетъ между Хадумъ-тагомъ и Караша-тагомъ; вторая, Тюрсюнъ, выходитъ южнѣе источниковъ рѣки Ухума, и протекаетъ посреди горъ Караша-тага; третья, Пшатъ, вытекаетъ на южномъ склонѣ Кара-тага близъ деревни Пенкента, и отдѣляетъ своею долиною Караша-тагъ отъ Акъ-тага. Теперь вода притокѣвъ этихъ рѣкъ расходится, еще въ горахъ, на пашни, и главныя рѣчки, текущія по широкимъ своимъ русламъ очень незначительными ручейками, оканчиваются, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ подошвы горъ; только при очень высокой водѣ онѣ доходятъ до самаго Зерафшана. Четвертый притокъ Зерафшана отъ сѣвера — рѣчка Джисманъ. Она беретъ свое начало въ сѣверу отъ города Катырчи въ Акъ-тагѣ, въ проходѣ Тикенликъ; лѣтомъ она не доходитъ до Зерафшана, хотя широкое русло ея у деревни Тасмачи заставляетъ предполагать, что она иногда его достигаетъ.

Рѣка Тюрсюнъ образуется изъ рѣчекъ Карабай, Накрутъ и Сарай; прежніе ея притоки, Такъ-мазаръ, Казгалмаръ, Орта-булакъ, Кереше и т. д., даже во время полноводія, не доходятъ до нея.

Рѣка Пшатъ съ запада принимаетъ рѣчку Кошъ-раватъ; другія рѣчки, которыя я видѣлъ западнѣе ея, Акчай, Карачіякъ, Джушъ-Багаджатъ, всѣ истощаются въ садахъ.

На югъ отъ Акъ-тага, между рѣками Пшатъ и Джисманъ, есть еще три маленькихъ рѣчки: Зербентъ, Андакъ и Бюргень; соединялись-ли онѣ прежде, или доходили когда-то отдѣльно до Зерафшана, объ этомъ я не могъ ничего узнать.

Главнѣйшія изъ рѣчекъ, которыя принимаетъ Зерафшанъ съ юга, слѣдующія: Чарвакъ (къ востоку отъ города Пендживента), Чурча (близъ Пендживента, образуемая изъ трехъ маленькихъ рѣчекъ), Бумъ-арыкъ (у деревни Дауль), Кара-су, Инамъ-якши (близъ города Катты-вургана).

О первоначальной величинѣ всѣхъ этихъ притоковъ теперь невозможно составить себѣ точнаго понятія. На всякомъ сколько нибудь годномъ для устройства пашенъ или садовъ мѣстѣ занимаютъ у нихъ необходимое для орошенія количество воды, такъ-что онѣ не только не получаютъ притоковъ опредѣленныхъ имъ отъ природы, но и собственный ихъ запасъ воды безпрестанно уменьшается.

Что касается до названій всѣхъ вышеупомянутыхъ рѣкъ, я долженъ здѣсь замѣтить, что онѣ именно доказываютъ, что здѣшній человекъ чувствуетъ въ какой зависимости онъ отъ воды, и что она составляетъ главное условіе для его обиталищъ. Рѣка или ручеекъ носитъ у всякаго селенія названіе самаго селенія или селеніе названіе рѣчки, вслѣдствіе чего рѣка въ разныхъ мѣстахъ носитъ различныя названія. Такъ напр. называется Кара-абдаль въ своемъ верхнемъ теченіи Кара-абдаль-булакъ, потомъ Яръ-булакъ, потомъ Чарчкъ-булакъ, наконецъ Джума-базаръ-булакъ, всегда по названіямъ селеній находящихся на ея берегахъ. Напротивъ того селенія Катты-сай (большой оврагъ), Тасъ-кечю (весенній бродъ), Саукъ-булакъ (холодный ключъ), Орта-булакъ (средній источникъ) получили непремѣнно свои названія отъ протекающихъ по нимъ ручьевъ.

Искусственное орошение.

Голыя, безлѣсныя возвышенности и долины къ югу и къ сѣверу отъ Зерафшана, за исключеніемъ скалъ на вершинахъ горъ, покрыты однообразною жирною глинистою почвою, которая, при сильныхъ жарахъ, и по сухости продолжительнаго лѣта, нуждается въ значительномъ количествѣ воды, для того чтобы производить болѣе значительную растительность. Поэтому почва эта покрывается лишь скудною травой, если ее человекъ не орошаетъ искусственнымъ образомъ. Но и эта скудная трава исчезаетъ уже въ началѣ лѣта, и только въ горахъ, и именно въ глубокихъ логовищахъ, гдѣ лучи солнца менѣе дѣйствительны и почва гораздо продолжительнѣе сохраняетъ свою влажность, трава остается до второй половины лѣта. Эта особенность почвы придаетъ всему ландшафту пустынный и мертвый видъ, который однако тотчасъ исчезаетъ, коль скоро человекъ искусственнымъ путемъ доставляетъ почвѣ необходимое ей количество воды. Тогда эта почва дѣлается самою плодородною, тогда покрывается она густою травой, тогда являются здѣсь превосходныя поля и великолѣпныя сады, похожіе на райскіе оазисы въ пустынѣ.

При такихъ условіяхъ, состояніе жителей и ихъ обиталищъ непременно должно находиться въ близкомъ отношеніи къ количеству воды, которымъ располагаютъ для орошенія почвы, и густота населенія точнѣйшимъ образомъ ограничена. Можно, безъ увеличенія, сказать, что Зерафшанская долина и ея окрестности населены настолько густо насколько это позволяетъ вода, такъ какъ вода всѣхъ рѣкъ расходуется до послѣдней капли, и нельзя здѣсь прибавить ни малѣйшаго селенія, не причиняя вреда прежнимъ жителямъ. Если, какъ кажется, народонаселеніе здѣсь когда-то было значительнѣе нынѣшняго, то это могло быть только въ томъ случаѣ, если и запасъ воды здѣсь былъ обильнѣе нынѣшняго; и въ самомъ

дѣлѣ мы имѣемъ основаніе думать, что здѣсь мало по малу убываетъ вода; причину такого явленія слѣдуетъ вѣроятно искать въ совершенномъ истощеніи лѣсовъ въ горахъ.

Только опытность, пріобрѣтенная въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій, дала возможность устроить такую искусственную систему орошенія, какую мы видимъ здѣсь; и ей удалось рѣшить трудную задачу: самымъ меньшимъ количествомъ воды орошать наибольшее пространство.

У маленькихъ притоковъ Зерафшана, имѣющихъ болѣе или менѣе значительное паденіе, задачу эту рѣшаютъ не трудно, потому что малое количество воды позволяетъ орошать лишь весьма небольшую часть мѣстъ удобныхъ для разведенія пашень или садовъ. Главное затрудненіе представляетъ широкая Зерафшанская долина, гдѣ приходилось пропорціально распредѣлить воду на равнинѣ отъ 150 до 200 верстъ въ длину и отъ 20 до 25 верстъ въ ширину, которая, кромѣ того, имѣетъ очень незначительную наклонность. Здѣсь надо было искусственнымъ образомъ дать полямъ различный уровень, и устроить съѣтъ пересекающихся въ различныхъ изгибахъ каналовъ, которые то разносятъ воду по маленькимъ ходамъ, то опять ее собираютъ для дальнѣйшаго употребленія. Настоящее чудо — эта искусственная система орошенія, которая едва-ли могла быть лучше выполнена нашими учеными инженерами; и наше удивленіе еще увеличивается при мысли что простые земледѣльцы, безъ всякихъ научныхъ способовъ, которыми мы располагаемъ въ такомъ обиліи, предприняли и совершили это громадное дѣло.

Дать точную картину группировки этихъ каналовъ я не въ состояніи; я ограничусь бѣглымъ очеркомъ главнѣйшихъ ея частей.

Сначала обратимся къ орошенію изъ притоковъ Зерафшана. Изъ маленькихъ рѣчекъ, какъ понятно, не возможно орошать большія поля; поэтому ихъ водой запасаются только сады въ селеніяхъ расположенныхъ по обоямъ ихъ

берегамъ. Чтобы уменьшить испареніе воды проведены только коротенькія каналы, перерѣзывающія длинно-узкія полосы плантацій. Селенія здѣсь состоятъ изъ рядовъ отдѣленныхъ другъ отъ друга группъ дворовъ. Такъ, напр. деревня Джисманъ болѣе 10 верстъ длиной; еще большее пространство занимаетъ деревня Кошраватъ, лежащая между Акъ-тагомъ и Кара-тагомъ. Распредѣленіе воды здѣсь не представляетъ затрудненія. Какъ примѣръ приведу рѣчку Джисманъ. На берегахъ ея лежатъ три деревни: 1) по верхнему ея теченію деревня Джисманъ; 2) по среднему теченію Орта-булакъ (имѣющій нѣсколько собственныхъ ключей); 3) по нижнему теченію деревня Науандакъ. Джисманъ имѣетъ здѣсь воду въ своемъ распоряженіи (т. е. для разлитія на пашняхъ) въ-теченіе одной недѣли только три дня; Орта-булакъ и Науандакъ пользуются этимъ правомъ только по два дня. Въ тѣ дни когда селеніямъ запрещено распускать воду на поля, ходы канавъ въ нихъ должны быть замкнуты. Люди здѣсь такъ свыклись съ понятіемъ о правахъ на распоряженіе водой, что, какъ меня увѣряли, никогда не бываетъ распрей по этому поводу.

У Багаджата, мѣстечка между Кара-тагомъ и Акъ-тагомъ видѣлъ я даже искусственный ручеекъ. Тамъ выкопали на склонѣ горы рядомъ около 8 колодцевъ и соединили ихъ между собой въ глубинѣ, подъ землей. Такимъ образомъ изъ послѣдняго изъ этихъ колодцевъ потекла искусственнымъ путемъ выведенная струя воды, которая и орошаетъ по крайней мѣрѣ до 15 садовъ.

Рѣка Зерафшанъ течетъ въ своемъ собственномъ руслѣ до города Самарканда или, лучше сказать, до горы Чапанъ-аты близъ Самарканда. Городъ Пенджикентъ и его окрестности получаютъ необходимое для орошенія количество воды изъ маленькихъ горныхъ рѣчекъ, выходящихъ изъ Алтабинскихъ горъ, какъ и всѣ остальные селенія, лежащія при подошвѣ этихъ горъ (напр. Кырказы, Мумынаватъ,

Ургутъ, Кара-тэпэ и т. д.). Около 15 верстъ къ западу отъ Пенджикента выведенъ изъ лѣваго берега Зерафшана большой каналъ, который долженъ орошать всѣ селенія между Алтабинскими горами и самимъ Зерафшаномъ. Этотъ каналъ раздѣляется на три канавы, изъ которыхъ значительнѣйшая, средняя, Ангартъ-арыкъ, протекая черезъ большую деревню Джума-базартъ, орошаетъ длинный рядъ селеній, и при водополи доводитъ свою воду гораздо западнѣ Самарканда до рѣчки Кумъ-арыкъ. Восточная изъ этихъ трехъ канавъ доставляетъ воду очень населенной группѣ деревень около мѣстечка Мингъ, а западная орошаетъ мѣстечко Пейшемби съ его окрестностями. Въ одной или въ двухъ верстахъ къ западу отъ этого южнаго канала отдѣляется отъ рѣчки Зерафшана довольно значительное количество воды черезъ большой каналъ, выведенный изъ праваго его берега для орошенія широкой долины у подошвы Чункаръ-тага. Здѣсь, между Чункаръ-тагомъ и главной дорогой изъ Джизака въ Самаркандъ, находится большое число кышлаковъ (деревень). Къ сѣверу отъ главнаго канала отдѣляется значительный каналъ Тайланъ, орошающій большую базарную деревню Акъ-тэпэ; далѣе на западъ отъ Тайлана главный каналъ раздѣляется на нѣсколько маленькихъ канавъ, орошающихъ группу очень густо населенныхъ кышлаковъ, называемыхъ общимъ именемъ урочища Бешъ-арыкъ (пять арыковъ). Около восьми верстъ къ сѣверу отъ вышеупомянутаго канала Тайланъ, сѣвернѣе деревни Акъ-тэпэ, течетъ въ довольно глубокомъ оврагѣ значительная вода по направленію къ западу. На дорогѣ изъ Джизака въ Самаркандъ переѣзжаютъ черезъ эту воду по такъ называемому Хишъ-кэпрю (кирпичный мостъ). Я не могъ узнать, искусственный-ли это каналъ, выведенный изъ Зерафшана, или самостоятельная рѣчка, вытекающая изъ Чункаръ-Тага. По всѣмъ даннымъ, вода эта кажется искусственнымъ каналомъ, потому что глубокій оврагъ образовался видимо въ послѣд-

нее время. Я убѣжденъ въ этомъ, потому что, во-первыхъ, на обѣихъ сторонахъ его не далеко отъ самаго мѣста еще теперь видны остатки селеній, оставленныхъ не болѣе какъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, между тѣмъ какъ по нынѣшнему уровню воды орошеніе здѣшнихъ мѣстъ этимъ каналомъ было бы дѣломъ невозможнымъ, а вблизи нигдѣ нѣтъ другой воды. Во-вторыхъ, потому что я нашелъ на сѣверъ отъ Хишъ-кепрю множество обсохшихъ слѣдовъ бывшихъ канавъ, которыя нынѣ оставлены безъ употребленія, такъ какъ главный каналъ течетъ теперь гораздо глубже чѣмъ прежде. И въ самомъ дѣлѣ пониженіе уровня искусственныхъ каналовъ здѣсь очень часто случается, ибо вода легко вымываетъ мягкую глинистую почву. Все что я могъ узнать объ этой водѣ слѣдующее. Въ верхнемъ теченіи называютъ ее Тюэ-тартаръ, въ среднемъ, т. е. около моста — Туякы, и въ нижнемъ — Булынгыръ. Подъ этимъ именемъ доходитъ она до самаго г. Чилека. Въ нѣсколькихъ верстахъ къ югу отъ города Чилека встрѣтилъ я селеніе Булынгыръ, которое вѣроятно лежитъ на берегу этого же канала. Къ юго-западу отъ вышеупомянутаго урочища Бешъ-арыкъ выходитъ изъ Зерафшана каналъ Янгы-арыкъ (новый каналъ), на берегахъ котораго лежитъ деревня Янбай, селеніе на сѣверъ отъ Зерафшана, по дорогѣ изъ Джизака въ Самаркандъ. Далѣе къ востоку отъ Янгы-арыка выходятъ изъ праваго берега Зерафшана еще три арыка: 1) Мырза-арыкъ, изъ котораго далѣе на западъ выходитъ канава Ишъ-макса; 2) Тонгусъ-арыкъ; 3) Хошъ-кала. Эти три арыка орошаютъ всю долину между Зерафшаномъ и городомъ Чилекъ, и ведутъ свои воды къ западу до селенія Митанъ.

На сѣверъ отъ города Самарканда, у сѣверной подошвы горы Чапанъ-аты, Зерафшанъ раздѣляется искусственной плотиной на два рукава, изъ которыхъ сѣверный называется Акъ-дарья (бѣлая рѣка), а южный Кара-дарья (черная

рѣка). Акъ-дарья, первоначальное русло рѣки Зерафшана, гораздо значительнѣе Кара-дарьи. Но это искусственное раздѣленіе рѣки, должно быть, устроено уже очень давно. Русло искусственной Кара-дарьи очень глубоко и все покрыто галькой. Задача Акъ-дарьи въ отношеніи къ орошенію Зерафшанской долины состоитъ въ томъ, чтобы доставлять достаточное количество воды въ западную часть этой долины т. е. въ пространство между городами Катырчи и Бухарой. Въ средней части Зерафшанской долины выходятъ изъ нея лишь нѣсколько самыхъ незначительныхъ канавъ, служащихъ для орошенія весьма немногихъ селеній на правомъ берегу между Митаномъ и городомъ Катырчи. Напротивъ того задача Кара-дарьи состоитъ въ томъ что-бы орошать всю среднюю долину Зерафшана до города Катырчи, и, кромѣ того, Зіяддинское бекство къ юго-западу отъ Катырчи. Плотина, раздѣляющая оба рукава Зерафшана, находится, какъ я уже сказалъ, у самой подошвы горы Чапанъ-аты. Два раза въ каждомъ году, весной и осенью, приходится ее поправлять. На сколько значительны эти работы, доказывается тѣмъ, что для поправки плотины, состоящей изъ насыпи галекъ, ежегодно два раза необходимо 5,000 рабочихъ, изъ которыхъ 2,000 поставляются Катты-курганскимъ и Пейшембійскимъ бекствами, а 3,000 человекъ Зіяддинскимъ. Это неравное распредѣленіе рабочихъ происходитъ отъ того, что въ случаѣ недостатка воды въ рѣкѣ Кара-дарьѣ болѣе всего терпитъ западное Зіяддинское бекство: поэтому для этого края важнѣе всего чтобы раздѣль рѣкъ находился въ хорошемъ состояніи.

Чтобы доставлять необходимое количество воды поровну всему пространству между Акъ-дарьей и Кара-дарьей, кромѣ множества маленькихъ канавъ, служатъ въ-особенности четыре канала, которые проведены изъ праваго берега Кара-дарьи, преимущественно по направленію къ сѣверо-западу: 1) Аферикентъ, отдѣляющійся отъ р. Кара-дарьи въ 15—20

верстахъ западнѣ Самарканда и близъ селенія Найманча. Онъ главнымъ образомъ служитъ для орошенія городка Янгы-вургана (Кыпчакъ-Янгы-курганъ, какъ онъ называется на картахъ для различія отъ укрѣпленія Янгы-кургана на берегахъ Иланъ-эти) и его окрестности; 2) Ходжарыкъ, выходящій изъ Кара-дарьи около двадцати верстъ западнѣ Аферинкента, орошаетъ кышлаки Тербизъ-табакъ, Иштахаи и т. д.; 3) Мингъ-Арыкъ беретъ свое начало изъ Кара-дарьи у деревни Аманъ-коджа и орошаетъ всѣ селенія окружающія базарное мѣсто Джума-базаръ; 4) Кылычъ-аватъ, орошающій всѣ селенія къ сѣверу отъ города Катты-кургана и особенно городъ Пейшемби и всѣ его окрестности.

Эти четыре канала и всѣ маленькія канавы между ними разводятъ только половину всей массы воды изъ Кара-дарьи, которая, лежа гораздо выше Акъ-дарьи, нигдѣ не получаетъ обратно выведенной изъ нея воды и отъ того видимо уменьшается.

Чтобы орошать южную часть средней долины, т. е. городъ Катты-вурганъ и его окрестности, и, кромѣ того, все Зіяддинское бекство, изъ лѣваго берега Кара-дарьи выведенъ огромный каналъ подъ названіемъ Нурпай. Каналъ Нурпай имѣетъ въ ширину по крайней мѣрѣ отъ 8 до 10 сажень, и, кромѣ того, значительную глубину, что замѣтно уже потому, что во всякомъ селеніи черезъ него построены деревянные мосты, а это, при чрезвычайной дороговизнѣ лѣса здѣсь, дѣлается только при крайней необходимости. Я видѣлъ Нурпай при сильномъ мелководіи, такъ что можно было черезъ него бродить пѣшкомъ, но причиной мелководія было то, что, при военномъ положеніи края весной нынѣшняго года, плотина у горы Чапанъ-аты не была поправлена, и Кара-дарья не получала и половины необходимаго для нея запаса воды. Нынѣ Нурпай беретъ свое начало у деревни Алджанъ, но рассказываютъ, что онъ прежде выходилъ изъ

Кара-дарья близъ деревни Чимбая. Недалеко отъ Катты-куртана Нурпай получаетъ притокъ воды отъ маленькой рѣчки, вытекающей изъ южныхъ горъ. Имѣвъ случай видѣть только восточную часть Нурпая, я не въ состоянїи дать ближайшихъ указаній на счетъ выведенныхъ изъ него канавъ. Между деревнями Арабъ-ханэ и Кожа-куртанъ, гдѣ я останавливался нѣсколько дней, называли мнѣ четыре канавы выходящія изъ него: къ сѣверу — канавы Ябысхоръ и Бешандакъ, къ югу — Казакъ-арыкъ и Дамъ-арыкъ.

Окончивъ краткій обзоръ искусственнаго орошенія средней Зерафшанской долины, я хочу еще въ немногихъ словахъ коснуться вопроса, который во время прошлаго лѣта возбуждалъ много толковъ, именно о томъ, можно-ли запрудить Акъ-дарью, и тѣмъ отнять воду у Бухары. По моему мнѣнїю, подобная мысль могла придти только людямъ совершенно незнакомымъ съ географическимъ положеніемъ Зерафшана. Зерафшанская долина бѣльшую частію ограждена съ обѣихъ сторонъ значительными горами, такъ что главная масса воды во всякомъ случаѣ должна искать себѣ проходъ къ западу. Какія рабочія силы, кромѣ того, понадобились бы для запруженія всей Акъ-дарьи, если уже однѣ поправки плотины, раздѣляющей русла Акъ-дарьи и Кара-дарьи, занимаютъ до 5000 рабочихъ въ-теченіе нѣсколькихъ недѣль? Не легче-ли завоевать Бухару? Допустимъ что все - таки можно запрудить Акъ-дарью, но тогда Кара-дарья и Нурпай на столько наполнились бы водой, что затопили бы навѣрное наши собственныя владѣнія, а въ концѣ концовъ вода все-таки прорвалась бы къ болѣе низкому уровню Акъ-дарьи, къ которому уже теперь ведетъ множество маленькихъ канавъ, которыя, при сильномъ давленїи воды и при мягкой глинистой почвѣ, въ короткое время преобразовались бы въ огромныя русла. Во всякомъ случаѣ имѣется возможность свободнымъ употребленіемъ воды въ средней долинѣ возбу-

дять временныя неправильности орошенія въ нижней долинь. Но есть другой вопросъ, къ которому насъ побуждаетъ осмотръ этой искусственной сѣти орошенія, вопросъ, который гораздо важнѣе перваго: возможно ли надѣяться, что нынѣшнее положеніе дѣлъ въ Зерафшанской долинь какъ нибудь упрочить наши дѣла въ Средней Азій? Зерафшанская долина въ-отношеніи къ орошенію составляетъ нераздѣлимую единицу, которую, при здѣшнихъ обстоятельствахъ, и во вниманіи къ другимъ отношеніямъ, или надо занять цѣликомъ или оставить нетронутой. Занявъ часть ее, мы приобретаемъ населеніе, связанное самыми крѣпкими узами съ остальной ея частію, и въ незанятой нами части оставляемъ гнѣздо, въ которомъ свободно можно затѣвать замыслы противъ насъ, и безъ всякаго контроля съ нашей стороны противники наши имѣютъ возможность непрерывно возбуждать жителей нашихъ предѣловъ, а въ этомъ отношеніи мусульманское духовенство будетъ всегда имѣть успѣхъ у правовѣрныхъ жителей.

Селенія (кышлаки, базарныя мѣстечки и города).

Вся Зерафшанская долина, на сколько она, какъ мы выше показали, покрыта густой сѣтью канавъ, представляетъ сплошную массу селеній. Когда мы ѣдемъ по возвышенностямъ, ограничивающимъ самую долину, мы видимъ въ глубинѣ темную полосу лѣса, рѣзко отдѣляющуюся отъ ярко освѣщенной степи. Это — покрытая селеніями Зерафшанская долина; здѣсь примыкаетъ пашня къ пашнѣ, садъ къ саду, безъ малѣйшаго промежутка; всякій клочекъ земли обработанъ. Спустившись съ голыхъ террасъ въ самой долинь, намъ кажется какъ будто-бы мы перенеслись изъ пустыни въ райскіе сады. Все насъ окружающее измѣнилось. Великолѣпные луга, засѣянные клеверомъ, плѣняютъ глазъ свѣжестью своей зелени. Среди ихъ видны расположенныя правильными четырехугольниками роскошныя поля, на которыхъ разводятся табакъ, кукуруза,

арбузы и дыни. Извиваясь между ними бѣгутъ, тихо журча, безчисленные ручейки, вдоль которыхъ большею частію тянутся длинныя ряды тѣнистыхъ деревьевъ. Посреди этихъ полей группируются густыя сады, окруженные низкими глиняными стѣнами, изъ-за которыхъ поднимаются вѣтвистыя деревья. Огромныя пирамидальныя тополи съ серебристыми зубчатыми листьями вытягиваютъ свои тонкіе стволы. Между ними темѣются могучіе кайрагачи со своими густыми шарообразными вершинами, отъ которыхъ опять рѣзко отдѣляется свѣтлая зелень тутъ и сочная зелень фруктовыхъ деревьевъ, тонкія вѣтви которыхъ чуть выносятъ тяжесть безчисленнаго множества яблоковъ, персиковъ, урюковъ и т. д. Тамъ мы видимъ желтыя рисовыя поля, здѣсь сѣрыя плантаціи хлопва. Глазъ не можетъ наглядѣться на всѣ эти встрѣчающіяся ему прелести. Не снится ли намъ? Мы только что были въ пустынѣ, гдѣ насъ, беззащитныхъ, солнце палило своими жгучими лучами; окружала насъ сѣрая однообразная степь; люди и животныя изнемогали среди этой мертвой природы. Теперь мы покоимся въ тѣни величественныхъ деревьевъ, окруженные разнообразно сгруппированнымъ ландшафтомъ. Вокругъ насъ дѣятельная жизнь; вездѣ мы видимъ рабочихъ на поляхъ, и длинныя ряды проѣзжающихъ по многочисленнымъ дорогамъ. Хотя жаръ все еще довольно значителенъ, но въ сравненіи съ раскаленнымъ степнымъ воздухомъ онъ намъ кажется прохладою. И всѣмъ этимъ великолѣпнымъ обязанъ человекъ водѣ; серебристыми жилками пробѣгая по голой степи, она превращаетъ ее въ рай.

Такимъ образомъ Зерафшанская долина представляетъ непрерывный садъ, и трудно для новопріѣзжаго различать здѣсь отдѣльныя селенія. Деревень какъ у насъ нигдѣ здѣсь нѣтъ, потому что каналы, эти жизненныя жилы селевій, дозволяютъ здѣсь только маленькія группы домовъ и садовъ. Нѣсколько такихъ неправильно разбросанныхъ группъ домовъ, орошаемыхъ однимъ главнымъ каналомъ, образуютъ кыш-

какъ. Слово «кышлакъ» собственно означаетъ «зимовье», какъ и теперь еще зимовье у киргизовъ называется «кыстау». Причина почему деревни здѣсь называются кышлаками, вѣроятно, та что тюркскіе жители во время своего прихода сюда были еще кочующими племенами, и только на зиму останавливались въ низменныхъ мѣстахъ.

Такъ-какъ каналы пересѣкаются различными изгибами, то часто случается, что дворы одного кышлака заходятъ въ предѣлы другаго. Но несмотря на эту разбросанность отдѣльныхъ дворовъ, канава образуетъ между ними самую узкую связь, связь гораздо болѣе тѣсную нежели вѣшнее соединеніе нашихъ деревень. Общія работы при поправкѣ канала, и общій интересъ правильнаго распредѣленія воды, принуждаютъ отдѣльныхъ хозяевъ дѣйствовать за-одно и тѣсно соединяться между собою. При проведеніи границы между Бухарой и русскими владѣніями я имѣлъ случай убѣдиться въ этомъ. Границу пересѣкающую Зерафшанскую долину никакъ нельзя было иначе провести какъ различными изгибами и излучинами, ибо не представлялось возможности отнимать хоть одинъ домъ отъ кышлака, къ которому онъ прежде принадлежалъ, не причиняя тѣмъ значительнаго ущерба жителямъ.

Между этими сплошными рядами кышлаковъ образовалось въ-теченіе времени большое число центральныхъ пунктовъ, которые болѣе походятъ на наши деревни — это базарные кышлаки. Они болѣе частью довольно значительнаго объема. Въ срединѣ ихъ, вокругъ собственной базарной площади, дворы группируются уже гораздо гуще. Въ нихъ уже поселились ремесленники, дома которыхъ не окружены огромными садами, между тѣмъ какъ въ простыхъ кышлакахъ живутъ одни земледѣльцы и садовники. Купцовъ можно встрѣтить лишь изрѣдка. Базары болѣею частью ничто иное какъ огромныя пустыя площади среди деревень, на которыхъ находится нѣсколько глиняныхъ крытыхъ балагановъ имѣющихъ форму ящика, у котораго лишь недостаетъ передней стѣны.

Балаганы эти, какъ и весь базаръ, въ обыкновенные дни совершенно пусты, и площади эти—единственные необработанныя пространства между густыми рядами селеній. Но лишь наступить базарный день, видъ ихъ измѣняется. Глиняныя избушки наполняются торговцами разставляющими вокругъ ихъ свои товары, и вся площадь покрывается густыми толпами народа. Собираются старые и молодые со всего базарнаго округа. За то кышлаки въ эти дни пустѣютъ, ибо кто только имѣетъ возможность — отправляется на базаръ. Даже люди, которымъ нечего покупать или продавать, не пропускаютъ базарныхъ дней и спокойно прогуливаются среди покупателей. Описать такую базарную сцену очень трудно. Тысячи мужчинъ, дѣтей, женщинъ толкаются въ густыхъ толпахъ; сѣрая пустая базарная площадь украшается самими пестрыми цвѣтами. Бѣлыя, синія, красныя, зеленыя чалмы мужчинъ, ярко пестрые ихъ халаты, темная накидная одежда женщинъ, лошади съ блестящей сбруей и чаправами, мулы, ослы и высокія арбы составляютъ ея разнообразную декорацию.

Торговля на этихъ базарахъ удовлетворяетъ единственно нуждамъ земледѣльцевъ, которые здѣсь продаютъ плоды своихъ трудовъ и дѣлаютъ необходимыя для себя покупки. Купцы изъ городовъ лишь изрѣдка посѣщаютъ эти базары, и болѣею частію во время сбора шелка, хлопка и винограда. Привозимые сюда изъ городовъ товары: желѣзные инструменты, глиняные сосуды и матеріи. Изъ мѣстныхъ произведеній болѣе всего продаются земледѣльческія орудія, арбы, колеса и, кромѣ того, сѣстные припасы: хлѣбъ, фрукты и овощи.

Самые большіе изъ базарныхъ кышлаковъ, которые я видѣлъ здѣсь—Акъ-Тэпэ (между Хышъ-кэпрю и Самаркандомъ) и Дагбитъ (на Акъ-дарьѣ, къ сѣверу отъ Самарканда). Они имѣли скорѣе видъ маленькихъ городовъ; въ нихъ уже есть улицы и открытыя ежедневно лавки ремеслен-

никовъ и торговцевъ, и кромѣ того нѣсколько каравансараевъ съ большими дворами и галереями, гдѣ приѣзжающіе находятъ для себя пищу и кормъ для своихъ лошадей. Къ моему удивленію я тамъ увидѣлъ русскіе самовары.

Изъ тѣхъ частей Зерафшанской долины, по которымъ я самъ проѣзжалъ, я могу назвать слѣдующіе базарные кышлаки, съ обозначеніемъ ихъ базарныхъ дней:

1. Мингъ-базаръ (на Кара-дарьѣ) — по понедѣльникамъ.

2. Пейшемби (городъ на Акъ-дарьѣ) — по средамъ и четвергамъ.

3. Джума-базаръ — по пятницамъ.

4. Зира-булакъ (къ югу отъ Нурпая) — по пятницамъ.

5. Иорганъ (къ сѣверу отъ Джума-базара) — по воскресеньямъ.

6. Митанъ (къ сѣверу отъ Акъ-дарьѣ) — по понедѣльникамъ.

7. Иштиханъ — по четвергамъ.

8. Чимбай — по воскресеньямъ.

9. Катты-курганъ — по средамъ и субботамъ.

Кромѣ этихъ, есть еще много базаровъ, дней которыхъ я не въ состояніи сообщить. Главные между ними слѣдующіе: 1) Янгы-курганъ. 2) Дагбитъ. 3) Даулъ (къ югу отъ Кара-дарьѣ). 4) Пейшемби (четвергъ — къ югу-востоку отъ Самарканда. 5) Джума-базаръ (пятница по дорогѣ въ Ургутъ). 6) городъ Чилекъ. 7) Джума-базаръ (между Ходумъ-тагомъ и Караша-тагомъ).

О базарныхъ кышлакахъ на Нуратаньѣ-тагѣ я сообщу позже.

Главными центрами для нѣсколькихъ базарныхъ округовъ служатъ города. Они также имѣютъ видъ огромныхъ кышлаковъ и состоятъ изъ собственнаго города съ крѣпостью и большой полосы садовъ разстилающейся вокругъ нихъ. Здѣсь опишу ихъ видъ вообще, потому что они всѣ, безъ исклю-

*

ченія, во всей средней Азіи имѣютъ совершенно одинаковое расположеніе, и только бѣльшимъ или меньшимъ размѣромъ отличаются другъ отъ друга.

Центръ собственнаго города есть крѣпость (аркъ); она находится обыкновенно на искусственномъ возвышеніи и окружена ровомъ и довольно высокою зубчатою глиняною стѣной. Внутреннее пространство крѣпости занято строениями и улицами, въ которыхъ кромѣ бега и бѣльшей части его солдатъ живеть еще много другихъ жителей. Вокругъ крѣпости, обыкновенно съ трехъ ея сторонъ, расположенъ собственный городъ, окруженный также, хотя и менѣе значительною, стѣной, въ которой находятся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ворота (дервазѣ). Улицы города узкія и извилистыя, и образуются бѣльшею частію только изъ низкихъ глиняныхъ стѣнъ, потому что дома, безъ исключенія, находятся на дворахъ. Изрѣдка глиняныя стѣны украшены самыми грубыми арабесками. Садовъ почти нигдѣ нѣтъ, даже одиночное дерево рѣдко встрѣтишь. Улицы которыя бы образовались домами, я видаеть только въ большихъ городахъ, около базарнаго мѣста, гдѣ высокая цѣна на землю не дозволяетъ имѣть большіе дворы; но и они обращены къ улицѣ глухими стѣнами: двери и окна внутри дворовъ. Единственныя строения, нарушающія это однообразіе—мечети (храмы) и медресе (вышія школы). Первыя изъ нихъ состоятъ бѣльшею частію изъ высокой открытой галереи на высокихъ деревянныхъ столбахъ, потолокъ которой выкрашенъ самыми яркими цвѣтами. Возлѣ этой открытой галереи есть закрытая мечеть для праздничныхъ молитвъ (джума-намазъ) и для службы во время зимнихъ мѣсяцевъ. Немного шире остальныхъ улицъ улицы базарныя, которыя бывають частію открытыми, но также и крытыми. Лавки и мастерскія ремесленниковъ открыты на улицу, и здѣсь въ средѣ торговцевъ и ремесленниковъ кипить дѣятельная шумная жизнь. Для базарныхъ дней, кромѣ обыкновеннаго базара, имѣется еще большая базарная площадь. Медресе

находятся большею частью близ базаровъ; они единственныя строенія изъ жженныхъ кирпичей. Построены онѣ всѣ четырехъ-угольниками, и внутри своихъ строеній имѣютъ дворъ. Кельи муллъ выходятъ на этотъ дворъ, и всякая изъ нихъ имѣетъ отдѣльную дверь. Лицевая къ улицѣ сторона построена большею частью очень аккуратно и красиво, и въ срединѣ ея ворота со сводами.

Отдѣльные дворы окруженные глиняною стѣной состоятъ, какъ и въ деревняхъ, изъ нѣсколькихъ маленькихъ дворовъ съ незначительными избушками. На болѣе обширныхъ дворахъ бывають четырехъ-угольные бассейны, по сторонамъ которыхъ иногда стоятъ деревья. Канавы такъ устроены, что пересѣкають каждый дворъ. Въ этихъ канавахъ моются люди и чистятъ свою посуду, и никто не обращаетъ вниманія на то, что сосѣдъ пользуется тою-же водой для питья; понятно, что въ городахъ вода для европейца должна быть отвратительна.

Города кажутся обыкновенно пустыми, такъ-какъ жители въ-теченіе дня остаются въ домахъ, и только рѣдко замѣтно по улицамъ движеніе. Въ базарные-же дни городъ за то очень оживленъ.

Этотъ собственный городъ окруженъ, какъ я уже замѣтилъ, широкою полосой садовъ занимающею пространство чуть не въ десять разъ большее нежели самый городъ. Между садами улицы гораздо шире и просторнѣе. Домовъ здѣсь нигдѣ не видно, а однѣ глиняныя стѣны, которыми окружены сады. Но эти выше и лучше устроены чѣмъ внутри города. Свѣжая зелень густыхъ деревьевъ высоко поднимающихся надъ стѣнами придаетъ большую прелесть прогулкамъ въ этихъ мѣстахъ, гдѣ глазъ съ удовольствіемъ отдыхаетъ на разнообразныхъ цвѣтахъ, и легкіе, послѣ удушливаго зноя въ городскихъ улицахъ, съ наслажденіемъ вдыхають здѣсь освѣженный густою зеленью воздухъ.

Таковъ вообще видъ всѣхъ городовъ. Постараюсь теперь

представить болѣе подробныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ изъ нихъ, руководствуясь при этомъ преимущественно собственными наблюденіями.

1) Пенджикентъ. Маленькій городъ съ довольно значительною крѣпостью. Пенджикентъ расположенъ на лѣвомъ берегу Зерафшана. Сады этого города получаютъ свою воду отъ горной рѣчки Алтабинскихъ горъ. Окрестности Пенджикента очень гористы и, какъ мнѣ говорили, положеніе города очень красивое. Въ Пенджикентѣ жилъ прежде бекъ, который во многихъ отношеніяхъ держался независимымъ отъ Бухарскаго Эмира, и въ случаѣ усобицъ очень часто приставалъ къ самостоятельному Шахрисебскому беку. Что касается до населенія Пенджикента и его окрестностей, то всѣ жители Зерафшанской долины хвалятъ ихъ какъ хорошихъ стрѣлковъ и храбрыхъ воиновъ. Всѣ думали, что они будутъ продолжать борьбу съ Русскими, и соединятся съ Шахрисебскимъ бекомъ; но этого не сбылось: жители Пенджикента предпочли соединиться съ Русскими безъ всякаго сопротивленія.

2) Самаркандъ. Городъ Самаркандъ, столица Тамерлана, Мекка Средней Азіи, лежитъ на лѣвомъ берегу Зерафшана, въ 5 верстахъ отъ самой рѣки. Необходимое ему количество воды Самаркандъ частью получаетъ отъ маленькой рѣчки изъ южныхъ горъ. Кто себѣ составилъ идеальную картину объ этомъ городѣ по высокопарнымъ именамъ, которыми персидскіе поэты величаютъ Самаркандъ, тотъ конечно увидитъ себя обманутымъ при вѣздѣ въ него. Самаркандъ ничѣмъ не отличается отъ остальныхъ городовъ Средней Азіи. Та же самая густая полоса садовъ окружаетъ его, тѣ же самыя глиняныя избушки и полуразрушившіяся глиняныя стѣны составляютъ узкія, извилистыя улицы; здѣсь на болѣе отдаленныхъ отъ шумнаго базара улицахъ царствуетъ та же мертвая тишина какъ и въ другихъ городахъ. Единственное отличіе Самарканда отъ послѣднихъ, это его памятники зод-

чества, сохранившіеся изъ лучшаго прошедшаго въ полуразрушенномъ видѣ; они, со своими развалинами и кучами муссора, гордо и съ упрекомъ смотрятъ на окружающую ихъ толпу торгашей несъумѣвшихъ эти оскіященныя по своимъ воспоминаніямъ мѣста сохранить въ болѣе приличномъ видѣ. Городъ Самаркандъ я посѣтилъ въ самое неудобное для путешественника время, и поэтому я могъ себѣ составить о немъ понятіе лишь по сравненію его съ другими городами Средней Азіи. Когда я вѣзжалъ въ Самаркандъ, базаръ представлялъ болѣею частію кучу пепла и муссора, надъ которой стояли высокіе столбы дыма; улицы отъ разрушенныхъ домовъ были на пол-аршина покрыты толстымъ слоемъ глиняной пыли; при каждомъ шагѣ, который дѣлала лошадь, подымалось облако пыли, наполнявшей намъ глаза, ротъ и носъ, такъ что трудно было дышать или что-либо видѣть. Населеніе, въ особенности ученый классъ, послѣ своего вѣроломства, боясь мести Русскихъ, разбѣжалось, и даже уцѣлѣвшая часть базара была въ базарные дни почти совершенно пуста. Понятно что при такихъ обстоятельствахъ я могъ собрать весьма мало свѣдѣній, и долженъ былъ довольствоваться посѣщеніемъ древнихъ памятниковъ города и еврейскаго квартала.

Извѣстно, что единственные остатки стариннаго зодчества Самарканда—медресе, мечети и могильные памятники, потому что правовѣрный мусульманинъ Средней Азіи не могъ прославлять памятниками сей тлѣннѣй міръ. Хотя Вамбери, Ханызовъ и Леманъ уже описали достопримѣчательности Самарканда, все-таки не считаю лишнимъ описать ихъ еще разъ.

Самые старыя памятники — временъ Тамерлана. Болѣе интересный и лучше сохранившійся изъ нихъ—могила Тамерлана, такъ называемый Тюрбети-Тимуръ. Мавзолей Тимура устроенъ изъ жженыхъ кирпичей, покрытыхъ глазурованными изразцами, такъ что внѣшнія стѣны строенія

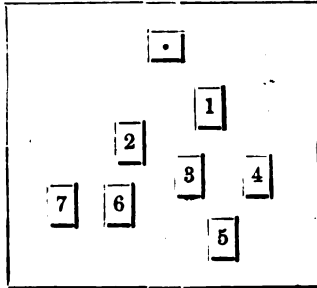
представляютъ украшенія, состоящія изъ арабесковъ и мозаичныхъ надписей. Мавзолей этотъ устроенъ въ видѣ осьмиугольника, съ куполомъ въ формѣ дыни, сплошь покрытымъ поливою. По обѣимъ сторонамъ строения поднимаются двѣ высокія пустыя колонны изъ кирпича, покрытаго изразцами, со спиральными лѣсницами внутри, но въ почти разрушенномъ состояніи. Украшенія на этихъ колоннахъ въ такомъ же родѣ какъ и на самомъ зданіи. Недалеко отъ главнаго корпуса—ворота, которыя похожи на самый мавзолей. На передней сторонѣ этихъ воротъ можно ясно прочесть слѣдующую надпись:

«Строилъ слабый рабъ Мухаммедъ сынъ Махмуда изъ Исфгани.»

Эта надпись доказываетъ (какъ совершенно вѣрно объясняетъ Вамбери), что памятники водчества въ Самаркандѣ исполнялись персидскими художниками.

Отъ довольно большихъ воротъ ведетъ узкій, крытый сводами коридоръ внутрь мавзолея, къ лѣвой его сторонѣ. Строеіе, въ которомъ находится надгробный камень Тимура, состоитъ изъ главнаго купола и четырехъ нишъ. Стѣны внутри обложены великолѣпными плитами изъ яшмы, украшенными отлично вырѣзанными арабесками и надписями; точно также и потолки нишъ богато украшены. Полъ выложенъ каменными плитами и въ срединѣ его, подъ самымъ куполомъ, находится семь надгробныхъ камней, а на сторонѣ обращенной къ Меккѣ—столбикъ и при немъ большое знамя. Но въ какомъ небрежномъ состояніи находится это великолѣпное зданіе! Украшенія стѣнъ болѣею частью отпали, по срединѣ пола, возлѣ надгробныхъ камней, куча извести. Болѣе поврежденные части стѣнъ и пола очень худо починены, и то лишь въ послѣднее время, когда, послѣ взятія Самарканда, генераль Кауфманъ подарилъ значительную сумму на ремонтъ этого мавзолея.

Надгробные камни расположены въ слѣдующемъ порядкѣ и окружены весьма плохими деревянными перилами:

1) Камень — длиною въ 3 аршина и шириной въ $\frac{1}{2}$ аршина — изъ сѣраго мрамора: поверхность этого камня теперь покрыта слоємъ извести. По разсказамъ моего проводника, похороненъ здѣсь Миръ-Сейдъ-Береке-Шейхъ, учитель самаго Тимура, умершій два года послѣ него.

2) Камень, длиною въ $1\frac{1}{4}$ аршина и шириной въ поларшина, изъ сѣраго мрамора съ надписями; этотъ надгробный камень Абдулъ-Латифъ-Мирзы, сына Улугъ-Бека, умершаго въ 854 (=1450) году.

3) Камень — изъ чернаго мрамора, разбитый на два куска, 3 аршина длиною и $\frac{3}{4}$ аршина шириной; вокругъ камня очень неясная надпись. Этотъ надгробный камень самаго Тимура, умершаго въ 807 (=1405) году.

4) Камень — изъ сѣраго мрамора съ надписями — длиною въ 3 аршина, шириной въ $\frac{1}{2}$ аршина. Этотъ надгробный камень Мирзы Улугъ-Бека, внука Тимура (какъ говорятъ въ Самаркандѣ, сына Тимура), умершаго въ 853 (=1449) году; бока и часть верхней поверхности этого камня покрыты известью.

5) Камень разбитъ; на мѣстѣ его находится призма изъ кирпичей, недавно покрытая известью; подъ этой призмой находится плита изъ бѣлаго мрамора. Этотъ надгробный камень Мирзы Ибрагима, сына Улугъ-Бека, умершаго въ 834 году.

6) Камень весь покрытъ известью; онъ считается надгробнымъ камнемъ Мирзы Беди, сына Мирзы Улугъ-Бека, умершаго въ 853 году.

7) Камень изъ сѣраго мрамора, хорошо сохранившійся и совсѣмъ покрытъ изрѣченіями изъ Корана. Этотъ надгробный камень Наипа, сына Улугъ-Бека.

Вблизи отъ входа въ мавзолей есть отверстіе въ полу; черезъ него по лѣстницѣ можно спуститься въ комнату, находящуюся подъ верхней часовней. Эта нижняя комната очень низка и выстроена сводами изъ жженныхъ кирпичей, безъ штукатурки и всякаго украшенія. Голые кирпичи здѣсь удивительно хорошо сохранились. На полу, именно на тѣхъ самыхъ мѣстахъ гдѣ въ верхнемъ покоѣ находятся семь надгробныхъ камней, лежатъ столько же тонкихъ мраморныхъ плитъ съ надписями. Подъ ними похоронены выше упомянутыя лица.

Въ срединѣ города близъ базара построены три медресе, которыя своими великолѣпными фасадами образуютъ квадратъ, площадь Самаркандскаго ригистана. Это единственное мѣсто въ Самаркандѣ гдѣ замѣтно стараніе симметрическимъ расположеніемъ строеній произвести на зрителя пріятное впечатлѣніе. Если бы строенія эти были въ хорошемъ состояніи и площадь между ними содержалась сколько нибудь въ чистотѣ, то она представляла бы рѣдкое для города средней Азіи украшеніе. Но жители Самарканда нисколько не поняли мысли строителей и наполнили эту площадь кучею самыхъ некрасивыхъ лавокъ и глиняныхъ избушекъ до самыхъ стѣнъ медресе, между которыми ведетъ очень узкая улица. При большомъ пожарѣ нынѣшняго года эта часть базара болѣе другихъ пострадала, и даже совершенно сгорѣла, такъ что теперъ только выказываются медресе во всей своей прелести. Сгорѣвшія лавки ясно доказываютъ, что средняя улица не имѣла болѣе двухъ или трехъ сажень въ ширину, и я удивляюсь какъ Вамбѣри могъ приложить къ описанію своего

путешествія картину гдѣ эта площадь представлена обширною и величественною, такъ какъ онъ долженъ былъ найти базарную площадь еще покрытою избушками. Какъ мнѣ сообщилъ главнокомандующій войсками, онъ приказалъ очистить эту площадь и запретилъ вновь строить на ней лавки. Такъ теперь только, когда «невѣрные» заняли эти мѣста, прекраснѣйшее мѣсто Самарканда будетъ почитаемо какъ слѣдуетъ.

Къ - сожалѣнію я нашелъ медресе пустыми (ибо всѣ муллы убѣжали) и я долженъ основываться на незначительныхъ сообщеніяхъ своего проводника.

Эти три медресе называются: Медресе-и-Ширударъ, Медресе-и-Тиллекарі, и Медресе-и-Улугъ-Бекъ. Фасады ихъ богато украшены мозаикой изъ матово-зеленыхъ, темносинихъ, бѣлыхъ и красныхъ изразцовъ, въ родѣ Тюрбети-Тимура. На Медресе-и-Улугъ-Бекъ, кромѣ того, надъ среднимъ порталомъ изображены два большіхъ тигра. Двѣ другъ противъ друга лежащія медресе имѣютъ по обѣимъ сторонамъ высокія, изъ кирпичей сложенныя колоны, которыя также украшены мозаикой. Всѣ три медресе построены въ квадратахъ окружающихъ внутренне дворы. Снаружи лишь на лицевой сторонѣ есть ниши дверей и окошекъ. Ниши остальныхъ трехъ сторонъ обращены внутрь дворовъ. Фасады этихъ зданій украшены великолѣпными порталами со сводами до самой крыши ихъ. На остальныхъ трехъ заднихъ корпусахъ находятся глазурованные куполы въ формѣ дынь.

1) Медресе-и-Ширударъ. Построена Ялангтушъ (не Иеленктошъ-) Багадуромъ въ 1010 году. Войдя черезъ главный порталъ во внутренній дворъ, въ срединѣ трехъ остальныхъ сторонъ строенія также видишь довольно высокіе порталы, между которыми ниши дверей къ кельямъ показываются въ двухъ этажахъ. Каждая дверь ведетъ къ отдѣльной кельѣ, обитаемой двумя муллами. Медресе-и-Ширударъ состоитъ изъ 64 комнатъ, слѣдовательно въ ней могутъ жить 128 муллъ.

2) Медресе-и-Тиллекарри устроена 18 лѣтъ позже Ширудара, въ 1028 году. Внутреннее устройство ея совершенно сходно съ первой. Въ ней только 56 комнатъ, и жило оттого здѣсь только 112 муллъ. Въ лѣвомъ флигелѣ Медресе-и-Тиллекарри есть мечеть построенная съ вшсовыми сводами, въ которой ступеньки для имама изъ бѣлаго мрамора. Украшенія нишъ мечети похожи на украшенія нишъ Тюрбеті-Тимура. Вакуфы этихъ обѣихъ медресе находятся на юго-западѣ отъ города Катты-куртана, и занимаютъ все пространство между Нурпаемъ и горами Тимъ-тагъ, на протяженіи деревень отъ Агекши до Ширинъ-хатуна. Эти вакуфы подарены медресе самымъ Ялагтушемъ.

3) Медресе-и-Улугъ-Бекъ, внука Тимура. Она гораздо меньше остальныхъ медресе и только одноэтажная. Въ ней 24 комнаты, въ которыхъ помѣшалось 48 муллъ. На задней сторонѣ ея есть мечеть, которая была разрушена, но теперь съизнова поправлена. Потолокъ въ ней теперь деревянный, подпираемый деревянными столбами съ хорошей рѣзбой. Дворъ ея, какъ у остальныхъ медресе, вымощенъ булыжникомъ.

Великолѣпнѣйшая изъ всѣхъ медресе и истинно-величественное зданіе временъ Тимура есть Медресе-и-Ханымъ. Построена она въ 791 году, женою Тимура. Безъ сомнѣнія она служила образцемъ для выше описанныхъ трехъ медресе, ибо всѣмъ своимъ устройствомъ она съ ними сходна; но такъ какъ она большею частію разрушена, то можно ея развалины понять только съ помощью сравненія ихъ съ вышеописанными медресе. По объему Медресе-и-Ханымъ гораздо больше вышеописанныхъ. Минареты у передней сторонѣ ея были въ діаметрѣ почти вдвое болѣе куполовъ тѣхъ медресе. По большей части эта медресе, какъ я уже сказалъ, разрушена, и изъ распавшихся ея кирпичей построены ближайшія улицы. Отъ передняго корпуса остался только одинъ порталъ и основаніе минаретовъ. Боковые флигеля

совершенно разрушены, одинъ средній порталъ лѣваго флигеля частью уцѣлѣлъ и употребляется теперь какъ амбаръ. Отъ задняго корпуса осталась только въ среди его лежащая мечеть: она лучше всего сохранилась. Сводъ купола этой мечети очень высокъ. Украшенія внутреннихъ стѣнъ совершенно отпали. Куполь треснулъ и образовалась щель, шириною болѣе аршина. Все-таки строеніе такъ крѣпко, что оно стоитъ уже десятки лѣтъ не измѣнившись нисколько. Внутри мечети есть огромный столъ изъ бѣлаго мрамора.

Нельзя не сознаться въ томъ непріятномъ впечатлѣніи, которое на насъ производитъ настоящее состояніе этого великолѣпнаго зданія съ его прелестными украшениями изъ мозаики: впечатлѣніе это возбуждаетъ чувство презрѣнія къ жителямъ, небрежность которыхъ довела это строеніе до разрушенія. Сравнивая величину Медресе-и-Ханымъ съ остальными медресе, можно смѣло сказать, что здѣсь нѣсколько сотенъ келій давали помѣщеніе ученымъ мулламъ.

Внѣ города, на сѣверо-восточной сторонѣ, находится могильная часовня Шахъ-Зиндэ (Касимъ-бень-Аббаса). Зданіе, въ которомъ могила этого святаго, стоитъ на довольно значительной возвышенности и окружено со всѣхъ сторонъ огромными кладбищами, которыя тянутся почти до самаго города. Вся терраса съ улицы до часовни наполнена разными строеніями, которыя своею неправильностью доказываютъ что строились они въ разныя времена. Къ самой часовнѣ Касимъ-бень-Аббаса ведетъ между разными зданіями довольно узкая улица, вымощенная булыжникомъ. Мраморныхъ ступеней, о которыхъ говоритъ Вамбери, я не видалъ. Въ сопровожденіи нѣсколькихъ муллъ мы поднимались къ часовнѣ; насъ окружала безмолвная тишина; въ разныхъ мѣстахъ видѣли мы молящихся въ тихомъ созерцаніи. Черезъ порталъ и узкій, устроенный сводами, корридоръ насъ вели къ очень богато убранной мечети. Здѣсь мои спутники исполнили воротевую молитву, и, по окончаніи ея, мы вошли черезъ

маленькую дверь въ небольшую комнатку, въ которой стояло знамя святаго. На западной стѣнѣ комнаты была придѣлана желѣзная рѣшетка. За ней находилась могила. Мои спутники съ благоговѣніемъ прикладывали свои лица къ рѣшеткѣ, гладили ее руками и читали фатху. Я также подошелъ къ рѣшеткѣ и увидѣлъ сквозь нея маленькую комнатку изъ жженныхъ кирпичей, въ которой и находится могила выложенная кирпичами. На могилѣ лежала большая куча синихъ и зеленыхъ трапокъ.

Спутники мой объяснили мнѣ, что согласно обычаю, слѣдуетъ дать хранителю могилы маленькій подарокъ. Я подаль тому муллѣ, который казался здѣсь хозяиномъ, рубль серебромъ. До сихъ поръ была вокругъ насъ святая тишина, всѣ казались тронутыми набожнымъ благоговѣніемъ, но подарокъ мой измѣнилъ все. Другой мулла объяснилъ, что деньги слѣдовало дать ему, и затѣмъ начался между заинтересованными сторонами споръ, который, не смотря на святость мѣста, они вели самой оскорбительною бранью, и въ который вмѣшивались всѣ присутствующіе. На меня сцена эта произвела столь непріятное впечатлѣніе, что я поспѣшилъ оставить святыню.

Мечеть и часовня, должно быть, когда-то были великолѣпно украшены; но уже давно и здѣсь исчезло прежнее великолѣпіе. Богато украшенный потолокъ и полива на стѣнахъ болѣею частью отпали, а сдѣланныя поправки очень грубы и безъ вкуса. Когда я спросилъ, было-ли здѣсь лѣтнее жилище Тимура, никто изъ присутствующихъ не могъ мнѣ дать отвѣта. Все что я могъ узнать было то, что зданіе это построено въ 795 году гиджры, и что Касимъ-бень-Аббасъ скрылся здѣсь живою въ землѣ.

На юго-восточной сторонѣ города находится цидатель. Она въ отношеніи къ городу очень велика и имѣетъ нѣсколько верстъ въ окружности. Валъ, окружающій эту крѣ-

пость, очень не великъ, но стѣна толста и высока. Такъ какъ здѣсь нѣсколько дней тому назадъ была ужасная борьба, и кромѣ того крѣпость вся перестраивается Русскими, то понятно что все здѣсь въ большомъ безпорядкѣ и въ совершенно другомъ состояніи нежели было прежде. Замѣтить можно было, что все внутреннее пространство цитадели нѣкогда занято было множествомъ маленькихъ зданій, между которыми извивались узкія улицы. Посреди этихъ домовъ находится замокъ Эмира, въ которомъ Эмиръ проживалъ нѣсколько лѣтнихъ мѣсяцевъ, и гдѣ всякій новый эмиръ долженъ принимать власть предшественника. Снаружи этотъ замокъ очень мало отличается отъ другихъ зданій крѣпости, только окружающая его стѣна немного выше и правильнѣе остальныхъ стѣнъ. Дворецъ состоитъ изъ множества дворовъ, флигелей и большихъ зданій съ галлереями соединенными между собою безъ всякаго порядка. Дома всѣ изъ глины и лишь нѣкоторые изъ нихъ оштукатурены. Нигдѣ я не замѣчалъ ни малѣйшаго слѣда пышности или царской роскоши. Правда, что прежде этотъ дворецъ представлялъ другой видъ чѣмъ теперь, когда онъ преобразованъ въ больницу. Единственная достопримѣчательность найденная мною въ замкѣ Эмира, есть знаменитый Кокташъ (сирийскій камень), возсѣдая на которомъ, эмиры вступали въ управленіе краемъ. Онъ находится на большомъ дворѣ въ срединѣ довольно акуратно построенной галереи. За камнемъ есть въ стѣнѣ ниша, украшенія которой сходны съ украшениями нишъ Турбетъ-Тимура. Этотъ такъ-называемый Кокташъ есть большой кусокъ бѣлаго мрамора съ едва замѣтными синими жилками. Онъ гладко обтесанъ и только на верхнемъ краѣ есть узкая полоса высѣченныхъ со вкусомъ арабесокъ. Вышина Кокташа 1½ аршина, длина его 15 четвертей а ширина семь четвертей. На стѣнѣ висятъ еще теперь оба фирмана, о которыхъ говоритъ Вамбери, но они написаны простыми чернилами—не золотомъ. Въ стѣнѣ, налѣво отъ

задней ниши, есть продолговатый черный камень, на котором находится надпись.

Замок Эмира доказывает во всякомъ отношеніи, что онъ построенъ не очень давно. И во всей крѣпости нигдѣ нѣтъ старинныхъ строеній, за исключеніемъ кладбища находившагося на краю крѣпости, и могилы Кутфъ-и-Чердаунъ. На этой могилѣ построена часовня украшенная снаружи мозаикой. Къ могилѣ этого святаго спускаются по многочисленнымъ галереямъ и подземнымъ ходамъ много ниже уровня крѣпости. Она точно также какъ и могила Шахъ-Зиндѣ, построена изъ кирпичей и покрыта кучею тряпокъ. Здѣсь таже рѣшетка охраняющая святое мѣсто отъ приближенія постороннихъ лицъ. Теперь, когда часовня оставлена совершенно, и рѣшетка не была заперта, я могъ осматривать могилу очень свободно. На могилѣ я нашелъ продолговатый камень, похожій на камень въ стѣнѣ у Кокташа, только надпись къ-сожалѣнію была на многихъ мѣстахъ не такъ ясна.

Говорятъ, что эта могила построена во времена Тимура.

Во время царствованія этого государя Самаркандъ былъ гораздо обширнѣе чѣмъ теперь. Крѣпость Самаркандская была тогда не здѣсь, но въ 3—5 верстахъ къ сѣверу отъ города. Я посѣтилъ это мѣсто и нашелъ здѣсь возвышенность довольно значительную, на которой была, какъ казалось, еще искусственная насыпь, вѣроятно прежняя цитадель. Мѣсто это великолѣпно для обороны, ибо природа защищаетъ его отъ всякаго нападенія и по своей близости оно владѣетъ совершенно городомъ. Здѣсь я замѣтилъ много довольно глубокихъ ямъ, о которыхъ мнѣ говорили, что жители во время войны зарыли въ нихъ свое имущество.

Къ юго-востоку отъ города, около 1¹/₂ версты отъ Бухарскихъ воротъ, лежитъ среди садовъ Медресе-и-Ходжа-Эхрамъ. Устроена она совершенно по образцу Медресе - и - Ширударъ, и украшена подобными же

украшениями изъ мозаики. Основана была эта медресе 320 лѣтъ тому назадъ. Куполь надъ мечетью уже разрушается. Здѣсь 30 келій, въ которыхъ живутъ 60 муллъ. Возлѣ этой медресе превосходный садъ съ очень высокими деревьями. Въ этомъ саду новая мечеть, которая также очень повреждена, и четырнадцать лѣтъ тому назадъ вмѣстѣ съ медресе была реставрирована. Въ саду находится возвышеніе окруженное кирпичною стѣною, и на немъ могила Ходжи-Эхрама. На могилѣ лежитъ высокая плита изъ чернаго мрамора, вся покрытая надписями; передъ могилой стоитъ высокое знамя и столбъ, на которомъ зажигаются свѣчи. Мнѣ рассказывали, что умеръ Ходжа-Эхрамъ 396 лѣтъ тому назадъ.

Изъ новыхъ медресе заслуживаетъ еще вниманія только Медресе-и-Али, построенная эмиромъ-Мусафаромъ и состоящая изъ большого одноэтажнаго квадрата. Она построена изъ простыхъ сженныхъ кирпичей. Въ ней 48 келій для муллъ; на дворѣ этой медресе большой четырехугольный бассейнъ, окруженный прекрасными деревьями.

Кромѣ этихъ медресе и могильныхъ часовень есть въ самомъ городѣ и въ садахъ еще большое количество мечетей и могилъ пользующихся большею или меньшею извѣстностью. Я упомяну только о главныхъ изъ нихъ, которые я самъ имѣлъ случай посѣтить.

1) Мехтюмъ-и-Хоразмъ. Большое кладбище съ множествомъ могилъ святыхъ изъ извѣстной семьи 120 лѣтъ тому назадъ переселившейся изъ Хоразма. Многія изъ этихъ могилъ украшены большими стоячими мраморными плитами. У кладбища находятся двѣ мечети съ великолѣпными фруктовыми садами и бассейнами; у этихъ мечетей есть и маленькая медресе изъ 6 комнатъ. Здѣсь теперь еще живутъ потомки святыхъ. Но я не видаю ни одного изъ муллъ: они всѣ послѣ вятія Самарканда убѣжали.

2) Могила Ходжи Ниссетдара, умершаго около

800 лѣтъ тому назадъ. Могила построена изъ кирпичей и окружена деревянной рѣшеткой. Возлѣ могилы есть мечеть, построенная купцомъ Хаджи-баемъ.

3) Могила святаго Ходжа-Якуба. Могила украшена куполомъ построеннымъ, какъ говорятъ, во времена Тимура. Возлѣ могилы старая мечеть во вкусѣ Турбети - Тимури, и рядомъ съ ней новая мечеть построенная купцомъ Хаджи-баемъ. Въ древней мечети находится отворстіе къ самой могилѣ святаго Ходжа-Якуба. На послѣдней-же я нашелъ такой же долговатый черный камень какъ прежде описанный.

4) Меджид-и-Календеръ. Могила святаго Календеръ Хаджи-Сефа, пришедшаго изъ Мекки въ Самаркандъ, построена изъ кирпичей, окружена деревянной рѣшеткой и покрыта деревянной крышей. Недалеко отъ самой могилы есть обыкновенная мечеть. Къ ней принадлежитъ великолѣпный огромный фруктовый садъ. Здѣсь много маленькихъ хижинъ, гдѣ бѣдные и пилигримы находятъ пристанище. Всѣ доходы съ этого сада принадлежать бѣднымъ.

Обыкновенныхъ мечетей съ открытыми галереями для ежедневныхъ молитвъ — безчисленное множество. Мечети здѣсь вообще любимыя мѣста для стеченія народа, ибо у всякой самой маленькой мечети есть бассейнъ и садикъ, и въ тѣни деревьевъ тамъ пріятно отдохнуть отъ знойнаго жара открытыхъ улицъ: поэтому у этихъ мечетей очень оживленное движеніе. Толпы пестро одѣтыхъ мужчинъ занимаютъ всякое защищенное отъ солнца мѣсто. Сидятъ здѣсь купцы, громко разговаривая о какомъ нибудь очень важномъ дѣлѣ; недалеко отъ нихъ собралось множество слушателей вокругъ дервиша или муллы, рассказывающаго священныя легенды; между ними расположились въ различныхъ группахъ наслаждающіеся простымъ завтракомъ изъ фруктовъ и хлѣба. Здѣсь постоянное движеніе; казалось-бы что находишься въ трактирѣ, если-бы между этими группами не замѣтны были моля-

щіеся, исполняющіе обряды ежедневныхъ молитвъ. Замѣчательное, непонятное дѣло—фанатизмъ этихъ магометанъ! Тѣ самые люди, которые нѣсколько дней тому назадъ были готовы убить всякаго невѣрнаго осмѣливагося войти въ святой городъ, теперь меня пригласили въ мечеть завтракать, и вокругъ себя я не замѣчалъ ни одного лица смотрѣвшаго съ ужасомъ на кафира; напротивъ, присутствующіе вмѣшивались въ нашъ разговоръ, который мы вели въ довольно веселомъ тонѣ.

Вообще нельзя отрицать, что христіане здѣсь въ Самаркандѣ не слишкомъ часто видятъ пріятельныя лица; черные глаза, которые на насъ смотрѣли, очень часто блистали изъ-подъ черныхъ бровей довольно дикимъ огнемъ, и невольно рука искала за поясомъ оружія, когда на насъ направленъ былъ одинъ изъ этихъ ядовитыхъ взглядовъ. Только одна часть жителей Самарканда, хотя весьма незначительная, здѣсь приняла христіанъ съ величайшею радостью—это евреи. Замѣчательная игра судьбы! Еврей, который въ Европѣ столько столѣтій жилъ во враждѣ съ христіаниномъ и теперь еще такъ рѣзко отъ него отдѣляется, въ Азіи пріивѣтствуетъ его съ сіяющимъ лицомъ, радостно присоединяется къ нему и счастливъ, когда онъ можетъ поклониться ему. Съ гордостью смотритъ онъ на христіанина какъ на своего друга, своего защитника, чувствуя себя безопаснымъ возлѣ него и смотритъ съ презрѣніемъ на магометанина. Нѣкоторые евреи, съ которыми я познакомился, пригласили меня посѣтить ихъ жилища. Какъ только мы вѣхали въ еврейскій кварталъ, снаружи ничѣмъ не отличающійся отъ остальныхъ частей города, мы увидали себя окруженными густою толпой, которая съ громкими восклицаніями радости провожала насъ по улицамъ. Приглашали насъ входить въ дома и вездѣ встрѣчали пріятельно. Угощали насъ хлѣбомъ, фруктами, чаемъ, выкуреннымъ изъ винограда виномъ, и мы принимали предложенное намъ на открытыхъ галлерейхъ, окруженные густою толпой любопытныхъ.

Дома евреевъ такіе-же какъ дома магометанъ, и болшею частію построены работниками - магометанами. Нѣкоторые изъ евреевъ, особенно аксакаль (старшина), къ которому мы и зашли, какъ казалось, довольно зажиточны. Гостиная у аксакала была хорошо убрана и большой садъ примыкалъ къ дому. Хозяинъ не мало путешествовалъ и рассказывалъ намъ даже о Германіи, которую онъ посѣтилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Радужный пріемъ, который здѣсь дѣлаютъ евреи христіанамъ, объясняется тѣмъ ужаснымъ гнетомъ, который они по настоящее время терпѣли отъ магометанъ. Они должны были уже одеждой отличатся отъ правовѣрныхъ: подпоясываться веревкой, а не поясомъ, и на головѣ носить острый колпакъ, чтобы правовѣрный по ошибкѣ не поклонился бы невѣрному. Запрещено было имъ ѣздить верхомъ на лошади или на ослѣ; и каждому правовѣрному они должны были давать дорогу, съ почтеніемъ-преклоняясь передъ нимъ. Понятно что теперь это измѣнилось, и евреи носятъ пояса и шапки обшитыя мѣхомъ. Они брѣютъ голову какъ магометане, только надъ висками оставляютъ часть волосъ — песики, которые обыкновенно въ видѣ длинныхъ локоновъ падаютъ на грудь. Это единственное отличіе евреевъ отъ остальныхъ магометанскихъ жителей города.

Кромѣ обыкновенныхъ податей, евреи должны были платить еще особую дань, которая бралась поголовно и отъ 2 доходила до 12 рублей. Гоненіе на евреевъ была вещь очень обыкновенная, и часто, когда эмиръ или беки были въ нуждѣ, они безъ церемоніи угрожали убить всѣхъ евреевъ, которые тотчасъ откупались большими деньгами. Эмиръ даже въ нынѣшнемъ году, какъ говорятъ, принудилъ евреевъ заплатить болшую часть требуемыхъ отъ него контрибуціонныхъ денегъ. Если евреи теперь еще не смѣютъ носить чалмы, и вообще скромно держатся, то они дѣлаютъ это лишь ради своихъ братьевъ въ Бухарѣ, которыхъ эмиръ грозилъ убить,

если они осмѣлились - бы носить это святое украшеніе правовѣрныхъ.

Главное занятіе евреевъ есть торговля и именно торговля шелкомъ, который они сами красятъ, и куреніе вина, которое прежде отъ нихъ тайкомъ покупали правовѣрные. Теперь они тотчасъ захватили въ свои руки торговлю съ русскими: большая часть коммиссіонеровъ посѣщающихъ лагерь—еврей.

Типъ евреевъ остался совершенно чистымъ: длинные горбатые носы, узкія блѣдныя лица съ довольно выдающимися губами, вообще очень благородныя черты. Женщинъ я видѣлъ очень немногихъ, но дѣвушки были почти всѣ удивительной красоты.

Всѣ движенія евреевъ показываютъ ясно отпечатокъ рабства, которое они столько лѣтъ переносили. Страсть къ приобрѣтенію и склонность къ торговлѣ у нихъ обнаруживаются не менѣе чѣмъ у европейскихъ ихъ единовѣрцевъ, но это здѣсь менѣе замѣтно, потому что магометане въ этомъ отношеніи имъ нисколько не уступаютъ.

Языкъ, которымъ говорятъ здѣсь еврей, безъ исключенія персидскій, когда они говорятъ между собою; но всѣ, и даже самые маленькія дѣти, говорятъ по-татарски; нѣкоторые изъ нихъ, уже въ-теченіе тѣхъ немногихъ недѣль что Русскіе въ Самаркандѣ, выучили много русскихъ словъ, такъ что уже могутъ кое-какъ объясняться по-русски.

Во время моего пребыванія въ еврейскомъ кварталѣ посѣтилъ я также между прочимъ синагогу. Мы остановились передъ маленькимъ домикомъ, прошли черезъ два или три узкіе двора, и наконецъ вышли на довольно большой дворъ, гдѣ подъ открытой галлереей сидѣло около 40 маленькихъ дѣтей. Въ срединѣ ихъ сидѣлъ молодой человекъ, лѣтъ двадцати, и читалъ изъ большой библіи на распѣвъ громкимъ голосомъ еврейскій текстъ, при чемъ онъ въ тактъ качалъ свое туловище. Мальчики сидѣли по-трое, съ поджатыми нож-

нами, вокругъ одной библіи, и повторяли хоромъ слова учителя, подражая вмѣстѣ съ тѣмъ и его движенію туловищемъ. Мнѣ сообщили, что мальчики здѣсь только учились читать по-еврейски и что здѣсь имъ не объясняютъ читаннаго. Черезъ нѣсколько времени мы пошли далѣе; пройдя еще черезъ дворъ и узкій коридоръ, мы дошли наконецъ до маленькаго домика окруженнаго со всѣхъ сторонъ высокими домами. Передъ этимъ домикомъ была открытая галлерей. Здѣсь опять сидѣло до сорока мальчиковъ, отъ 10 до 16 лѣтъ, и среди ихъ сидѣлъ съдой старикъ раввинъ. Онъ заставлялъ ихъ поочереды читать и объяснялъ имъ прочитанное. И здѣсь всѣ читающіе качали туловищемъ. Я взглянулъ на нѣкоторыя изъ книгъ и увидалъ вездѣ, къ крайнему моему удивленію, вѣнскія и лондонскія изданія. Я спросилъ учителя, нѣтъ-ли у нихъ старинныхъ рукописныхъ книгъ, но онъ мнѣ отвѣтилъ, что такихъ здѣсь найти невозможно, что всѣ ихъ книги получаютъ черезъ Россію или черезъ Индію.

О происхожденіи здѣшнихъ евреевъ онъ мнѣ разсказывалъ, что они переселились лѣтъ 100 или 150 тому назадъ изъ Персіи въ Бухару и оттуда въ Самаркандъ. Онъ самъ помнитъ еще стариковъ, родившихся въ Персіи. Только въ послѣднее время переселились отсюда евреи въ Ташкентъ.

Евреевъ здѣсь болѣе 1000 душъ, и болѣею частию они грамотны.

Потомъ раввинъ ввелъ меня въ маленькій домикъ безъ оконъ; это была синагога. Внутри она была безъ всякаго украшенія, въ задней стѣнѣ находились двери и за ними стояли молитвенныя свертки въ футлярахъ изъ краснаго бархата. Эти свертки были писаны на новой бумагѣ и въ почеркѣ не обнаруживалось ничего стариннаго. Когда я выразилъ удивленіе что синагога такая маленькая, раввинъ мнѣ объяснялъ, что до сихъ поръ они могли лишь въ тайнѣ исполнять обряды своего богослуженія и что они всѣ лишились-бы жизни, если-бы магометане узнали о су-

ществованія синагоги. Но теперь они намѣреваются построить большую новую синагогу.

У евреевъ я встрѣтилъ много индѣйцевъ изъ Пенджаба. Во время осады занятой Русскими цитадели они искали себѣ убѣжища у евреевъ. Большая часть индѣйцевъ была убита во время этихъ смутъ магометанами и съ ними же много евреевъ. Индѣйцевъ въ Самаркандѣ очень немного. Они здѣсь, какъ и въ остальныхъ городахъ средней Азии, ростовщики. Индѣйцевъ магометане ненавидятъ еще болѣе чѣмъ евреевъ.

Дать статистическія свѣдѣнія о Самаркандѣ я никакъ не въ состояніи. Я полагаю, что въ Самаркандѣ по крайней мѣрѣ до 10,000 жителей. Въ своемъ объемѣ Самаркандъ гораздо незначительнѣе Ташкента, который безспорно самый большой городъ трехъ ханствъ. Какъ мѣсто торговое, Самаркандъ также далеко не имѣетъ значенія Ташкента, потому что черезъ него идетъ только торговый путь между Бухарой и Коканомъ. Русскіе, какъ и индѣйскіе, товары привозятся сюда черезъ Бухару, только въ количествѣ потребномъ для нуждъ самаго Самарканда и его окрестностей, ибо Коканъ получаетъ русскіе товары черезъ Ташкентъ. Промышленностью самаркандскіе жители мало занимаются, здѣсь всего нѣсколько фабрикъ шелковыхъ и бумажныхъ матерій; главныя занятія жителей — садоводство, производство шелка и хлопка.

Что особенно отличаетъ Самаркандъ отъ другихъ городовъ, это его прошедшее и множество священныхъ мѣстъ, къ которымъ стекаются паломники со всѣхъ сторонъ.

3) Катты-Курганъ.

Въ Катты-Курганѣ, лежащемъ въ 60—70 верстахъ къ западу отъ Самарканда на каналѣ Нурпай, я долженъ былъ, противъ своего желанія, пробыть болѣе недѣли, потому что пограничные бухарскіе комиссары явились очень поздно. Мы нашли здѣсь довольно удобное жилище въ саду Эмира

и поставили наши палатки вокругъ большого четырехугольнаго бассейна въ тѣни аллеи изъ гигантскихъ карагачей.

Садъ Эмира въ Катты-курганѣ очень великъ; онъ, правда, не соответствуетъ нашимъ понятіямъ о паркѣ царскаго увеселительнаго замка, но все-таки отъ остальныхъ садовъ довольно рѣзко отличается своимъ правильнымъ расположеніемъ, своими величественными деревьями и широкими гладкими дорожками, которыя покрыты высокими виноградными шпалерами. На правой сторонѣ сада находится прежнее жилище Эмира, состоящее изъ нѣсколькихъ флигелей и домовъ. Это довольно пріятное лѣтнее жилище, которое впрочемъ нигдѣ не отличается особенными украшеніями. Въ главномъ зданіи есть большая зала съ окнами въ садъ, которыя днемъ открыты, и съ галлереей на дворъ находящейся на другой сторонѣ. На лѣвой сторонѣ этого двора маленькая мечеть и возлѣ нея находятся низкіе домики съ комнатами для жителей Эмира. Направо отъ главнаго зданія — помѣщенія для женщинъ, посреди которыхъ крытый дворъ освѣщаемый сверху окнами маленькой башни. Стѣны вездѣ на просто выбѣланныя. Съ главнымъ дворомъ соединены другіе дворы, въ которыхъ находятся конюшни и службы.

Здѣсь обыкновенно Эмиръ жилъ отъ одного до двухъ мѣсяцевъ, и я слышалъ ужасающіе рассказы о нравственномъ его поведеніи. Онъ былъ окруженъ большою толпою женщинъ и мальчиковъ, и постоянно требовалъ свѣжаго товара отъ своихъ любезныхъ подданныхъ. Я лучше умолчу о развратной жизни владѣтеля правобѣрныхъ.

Садъ Эмира лежитъ въ полуверстѣ къ югу отъ города Катты-кургана. Отъ него до городскихъ воротъ ведетъ прямая, очень широкая улица какой я нигдѣ не встрѣчалъ въ Средней Азіи. Городъ Катты-курганъ построенъ четырехугольникомъ, и имѣетъ ворота съ четырехъ сторонъ. Къ югу лежитъ Самаркандъ-дервазѣ-и (Самаркандскія ворота), на восточной сторонѣ Айдаръ-Чаманъ-дер-

вазэ-и, на сѣверной сторонѣ Базарь-дервазэ-и, и на западной сторонѣ Бухара-дервазэ-и. Въ серединѣ города, на маленькой искусственной возвышенности, имѣется довольно незначительная цитадель. Улицы узкія и угловатыя, дома и стѣны бѣльшую частію полуразрушившіяся. Во всемъ городѣ только одинъ домъ построенъ изъ кирпичей — это медресе находящаяся на базарѣ, недалеко отъ цитадели. Имя этой медресе — Медресе-и-Накши; она основана 70 лѣтъ тому назадъ и построена, какъ прежде упомянутыя медресе, квадратомъ окружающимъ внутренній дворъ. Лѣтомъ эта медресе совершенно пуста. Въ ней жили только 1 мударисъ, 1 хатибъ, 1 имамъ и 1 муэззинъ, и кромѣ ихъ, еще 15 слѣпыхъ; зимой, какъ говорятъ, въ ней живетъ до 100 человекъ.

Базарь — улица извилистая. Онъ начинается къ югу отъ крѣпости и простирается до Базарь-дервазэ-и. Съ обѣихъ сторонъ базара стоятъ ряды лавокъ, которыя въ небазарные дни бѣльшую частію закрыты. Только лавки ремесленниковъ всегда открыты. На базарѣ я замѣтитъ два караван-сарая.

Большую частію дома въ городѣ, какъ я уже сказалъ, очень малы и полуразрушены; многіе изъ нихъ теперь пусты, такъ какъ въ нихъ прежде жили чиновники и солдаты. Жители города бѣльшую частію бѣдны и состоятъ изъ ремесленниковъ, рабочихъ и мелкихъ торговцевъ; здѣсь же живетъ отъ 30 до 40 семействъ евреевъ. Богатыхъ капиталистовъ здѣсь не болѣе двухъ или трехъ.

Въ небазарные дни городъ пустъ: на базарѣ изрѣдка видишь маленькія группы людей; остальные части города какъ будто мертвы.

Здѣсь я познакомился съ очень богатымъ купцомъ, афганцемъ изъ Кабула, который около 15 лѣтъ тому назадъ переселился сюда. Онъ меня пригласилъ къ себѣ, и я съ удовольствіемъ принялъ его приглашеніе.

Домъ его состоитъ изъ нѣсколькихъ дворовъ, на которыхъ находятся амбары, склады и мастерскія для разматыванія шелка. Въ срединѣ ихъ домъ хозяина, состоящій изъ двухъ этажей. Въ верхнемъ этажѣ очень хорошо устроенныя комнаты для приема гостей. Стѣны и потолокъ покрыты гипсомъ и украшены вездѣ рельефными арабесками съ большимъ вкусомъ; первыя раскрашены очень красивыми рельефными виньетками окружающими букеты цвѣтовъ самыхъ яркихъ колеровъ. потолокъ горѣлъ въ самыхъ разнообразныхъ цвѣтахъ, собранныхъ въ рисункахъ, какіе можетъ создать лишь фантазія восточнаго народа. Полъ былъ покрытъ турменскими коврами.

Угощеніе было обыкновенное: пилавъ съ морковью, чай, фрукты и конфекты. Болѣе всего заинтересовали меня сообщенія хозяина о торговлѣ шелкомъ.

Лучшіе коконы Зерафшанской долины — бухарскіе. Въ Бухарѣ цѣна 1 череву (5 фунтамъ) отъ 4 до 8 кокановъ (отъ 80 в. до 1 руб. 60 коп.). Лучшіе Катты-курганскіе коконы не дороже 7 кокановъ (1 руб. 40 коп.). Коконы коканскіе еще болѣе цѣнятся чѣмъ бухарскіе; однако Коканцы не умѣютъ обрабатывать шелкъ, отчего бухарскія шелковыя матеріи гораздо дороже коканскихъ. По здѣшней обработкѣ 32 черека (4 пуда) кокановъ даютъ лишь два черека шелку лучшаго отбора; худшаго сорта получается изъ того-же количества отъ 4 до 5 черековъ. Вокругъ Катты-кургана очень много занимаются производствомъ шелка, и хозяинъ мой полагалъ, что бекства Катты-курганъ и Пейшемби производятъ до 500 батмановъ (5,000 пудовъ) сырца. Шелкъ смотанный здѣсь безъ исключенія отправляется въ Бухару, и даже самаркандскій шелкъ болѣею частію отправляется туда-же, потому что лишь незначительную часть его иранскіе поселяне ткутъ въ Самаркандѣ и его окрестностяхъ. Въ Катты-курганѣ нигдѣ нѣтъ фабрикъ шелковыхъ издѣлій. Изъ Бухары же отправляется значительное количество сыраго шелка черезъ Афга-

нистанъ въ Индію. Цѣна хорошему сырцу здѣсь 100 кокановъ (20 руб.) за черекъ, между тѣмъ какъ худой шелкъ стоитъ только 3 тилы 5 кокановъ (13 руб. сер.) за черекъ.

Я потомъ осматривалъ фабрику гдѣ разматывается шелкъ. Нисколько не удивительно, что при такомъ весьма нераціональномъ разматываніи получается только 16-я часть чистаго шелка. Шелкъ наматывается на большое мотовило имѣющее по крайней мѣрѣ четыре аршина въ діаметрѣ. Такой размѣръ мотовилу данъ для того чтобы достигнуть болѣе значительной скорости оборота. У всякаго мотовила два человека: одинъ толкаетъ колесо, другой накладываетъ на него нить. Надобно удивляться какъ при такомъ несовершенномъ способѣ добывается еще сколько нибудь порядочный шелкъ.

Производство хлопка въ Катты - курганскомъ окрестіи столь-же значительно какъ и производство шелка. Но здѣсь обрабатывается только незначительная часть добываемаго хлопка; большая часть лучшаго отбора посылается неочищенною въ Бухару.

Я посѣтилъ въ послѣдствіи и здѣшнихъ ткачей, которые всѣ подтвердили сообщенія моего хозяина. Здѣсь въ Катты-курганѣ выдѣлываютъ слѣдующія бумажныя матеріи и продаютъ ихъ по слѣдующимъ цѣнамъ:

Бязь,	кусокъ въ	8 аршинъ	по	60 коп. сер.
Аладжа	»	8	»	70 »
Калами	»	8	»	50 »
Астарь	»	8	»	30 »

Матеріи эти всѣ очень узкія. Здѣшняя ткань никуда не вывозится, но потребляется на мѣстѣ.

Ткачество здѣсь не очень выгодное ремесло. У одного ткача, у котораго дѣлалась аладжа, и котораго я потомъ посѣтилъ, было три станка. Одинъ человекъ не въ состояніи изготовить въ день больше 8 аршинъ, и такимъ образомъ, при самой напряженной работѣ можетъ заработать въ день только 10 копѣекъ.

Устройство этих ткацких станков не лучше устройства мотовиль для разматывания шелка. Нитки растягиваются на улицѣ на поперечныхъ гребняхъ, слагаются по пяти нитокъ въ видѣ нашихъ тесемъ, и сматываются въ длинноватые мотки. Ткацкіе станки находятся на одной стѣнѣ комнаты, а подъ ними въ полу углубленіе, такъ что ткань сидитъ на уровнѣ пола. Нити основы растягиваются отъ станка до верхней части противоположной стѣны, и подъ станкомъ навиты на осьмиугольную призму. Давленіемъ ногъ поднимаются нити, отдѣленные другъ отъ друга кусками камыша. Нити основы сначала сложены по пяти, а потомъ по сту, и отдѣляются другъ отъ друга деревянными гребнями укрѣпленными на стѣнѣ.

Когда матерія выткана, ихъ смачиваютъ клейковатою водою и бьютъ большими деревянными молотками до тѣхъ поръ пока они не получаютъ гладкую, какъ бы лакированную наружность. Это проклеиваніе матеріи производится особыми ремесленниками, мастерскія которыхъ на базарѣ. Я посѣтилъ одну изъ нихъ. Работа эта очень трудная и даетъ только самый скромный заработокъ. При самой напряженной работѣ одинъ работникъ въ день можетъ приготовить не болѣе четырнадцати кусковъ бумажной матеріи, и за всякіе восемь кусковъ получаетъ 20 копѣекъ серебромъ. Молотки стоятъ 2¹/₂ кована (50 копѣекъ) и черезъ мѣсяцъ уже не годны для дѣла. Полушелковыя матеріи (дарая) намачиваются яичнымъ бѣлкомъ.

Кромѣ этихъ мастерскихъ ткачей, я посѣтилъ еще одну изъ многочисленныхъ водяныхъ мельницъ. Мельницы лежатъ много глубже двигающей ихъ канавы. Вода канавы изливается въ деревянный жолобъ и попадаетъ на горизонтальное колесо, лежащее подъ самымъ жерновомъ, подъ угломъ по крайней мѣрѣ въ сорокъ градусовъ, такъ что жернова дѣлаютъ столько же оборотовъ какъ и колеса. Понятно что при такомъ устройствѣ вода должна имѣть огромное паденіе, чтобы какъ нибудь ускорить движеніе жернововъ.

Хлѣбныя зерна очищаютъ просѣваніемъ сквозь большія сита, и надо удивляться ловкости рабочихъ, которые движеніемъ руки бросаютъ хлѣбныя зерна, наполняя сито до четвертой части, вверхъ болѣе сажени вышиною и потомъ опять съ тою же ловкостію принимаютъ ихъ въ сито. Сита имѣютъ почти аршинъ въ діаметрѣ. Въ мельницѣ было два жернова и всякій изъ нихъ молотъ въ сутки 10 батмановъ (100 пудовъ). За каждый батманъ мельникъ получаетъ 5 черковъ (15 ф.) за работу въ видѣ платы. Въ окрестностяхъ Катты-курмана есть до 300 такихъ мельницъ.

Въ обыкновенные дни Катты-курманъ (какъ я уже сказалъ) очень пустъ, но это измѣняется въ базарные дни, по средамъ и субботамъ. Тогда не только вся базарная улица въ городѣ, отъ крѣпости до базаръ-дверзавы, густо наполняется народомъ, но и улицы внѣ городскихъ стѣнъ до канала Нурпай и еще на полверсты по берегу самаго Нурпая. Тысячи покупателей и продавцевъ толпятся на базарѣ. Въ городѣ находятся ремесленники и городскіе продавцы, внѣ города же разставляютъ свои товары жители Пейшемби, Янгы-курмана и всѣхъ деревень. На разныхъ пунктахъ базара торговцы группируются по роду своихъ товаровъ. Тамъ хлѣбный рынокъ, скотный рынокъ, фруктовый рынокъ и т. д. Въ базарные дни я по возможности шатался по базарамъ и собиралъ свѣдѣнія всякаго рода, что при палящемъ солнечномъ зноѣ, при окружающей пыли и движеніи народномъ, составляло занятіе нелегкое. Базаръ начинается очень рано и оканчивается уже въ 11 часовъ утра. Я думаю, что не безынтересно будетъ, если я здѣсь сообщу цѣны на главные товары.

Баранина.

За фунтъ 6 копѣекъ. Овцы приговяются сюда изъ Шехрисебса или изъ Карши. Теперь большой рослый баранъ стоитъ не менѣе 40 кокановъ (8 руб.). Раньше цѣна овецъ не превышала 30 кокановъ (6 рублей). Причина этой дорого-

визны—военное положеніе края, ибо ни изъ Карши, ни изъ Шехрисеба не пригнали скота. Нынѣ пригнанные бараны всѣ изъ Зандваръ-тага, къ югу отъ города Ура-т...

Говядина.

Отъ 3 до 4 копѣекъ за фунтъ. Въ жаркое время года говядина очень дешева, потому что ея надо скорѣе продать. Зимой цѣна говядины доходить отъ 8 до 9 копѣекъ за фунтъ. Вообще говядина привозится на базаръ въ небольшомъ количествѣ; жители Средней Азіи не любятъ ее.

Хлопокъ.

Неочищеннаго хлопка (гоза) на базарѣ было три сорта: лучшаго 1 батманъ по 40 ковановъ (8 руб.), средняго 1 батманъ—32 кокана (6 р. 40 к.), нисшаго сорта 1 батманъ—21 коканъ (4 рубли 20 коп.). Говорятъ что очищенный хлопокъ продается пудъ по 5 рублей. Въ Ташвентѣ, 16 пудовъ привезеннаго изъ Кокана очищеннаго хлопка стоятъ 24 тиллы (96 рублей серебр.).

Соль.

5 фунтовъ соли стоятъ 8 копѣекъ. Цѣна на соль втрое выше прежней цѣны. Прежде 1 черекъ стоилъ отъ 2 до 3 копѣекъ. Видна здѣсь одна лишь каменная соль красноватаго цвѣта, которая привозится изъ Каршинскихъ горъ. И цѣна соли возвысилась вслѣдствіе войны, которая прервала всякое сообщеніе съ югомъ.

Мыло.

Мыло продается здѣсь круглыми кусками по 2 фунта; оно довольно бѣлое и крѣпкое, готовится же въ Катты-курганѣ и въ окрестностяхъ. Кусокъ въ 2 фунта стоитъ 15 копѣекъ. Мыловаренныхъ фабрикъ не существуетъ: мыло готовится въ домашнемъ хозяйствѣ.

Табакъ.

Табакъ продается измельченный и въ очень незначительномъ количествѣ. Фунтъ его стоитъ 4 копѣйки. Табъ какъ куре-

не табаку здѣсь нигдѣ не въ обычаѣ, то изъ него готовится здѣсь лишь нюхательный табакъ. Приготовленный нюхательный табакъ стоитъ отъ 8 до 9 копѣекъ фунтъ.

Красильный матеріалъ въ сырѣ видѣ.

Бузганджъ (красная краска) изъ Карши; полфунта стоитъ 28 кокановъ (5 руб. 60 коп.).

Роянъ (желтая краска), корень привозимый изъ Бухары, 1 фунтъ 12 копѣекъ.

Найпусъ (желтая краска), добываемый на мѣстѣ, 1 фунтъ 10 копѣекъ.

Такмакъ изъ Ура-тюпэ, $\frac{1}{2}$ пуда 2 рубля 40 коп.

Сѣмена китайскаго клевера.

Сѣмя растѣнія бѣдэ, которымъ засѣваются искусственныя луга, стоитъ фунтъ 2 копѣйки. Для сѣва одного танапа необходимо полпуда сѣмени. Высѣянный клеверъ растетъ изобильно 4 года и каждый годъ скашивается 3 раза.

Фрукты:

Яблони лучшаго сорта 1 фунтъ—2 копѣйки.

» нисшаго » 1 фунтъ—отъ 1 до $1\frac{1}{2}$ копѣйки.

Урюки большіе 1 фунтъ—3 копѣйки.

» маленькіе 1 фунтъ—2 копѣйки.

Виноградъ лучшій сортъ 1 фунтъ—4 копѣйки.

» висшій » 1 фунтъ—2 »

Пшеница.

Пшеница въ зернѣ 1 батманъ—18 кокановъ (3 р. 60 к.).

Пшеничная мука 1 батманъ—22 кокана (4 р. 40 к.). Мука теперь очень дорога; въ дешевое время цѣна ея обыкновенно не превышаетъ 17—18 кокановъ (3 р. 40—3 р. 60 к.).

Ячмень.

Ячмень употребляется здѣсь только для корма лошадей; 1 батманъ стоитъ 12 кокановъ (2 руб. 40 коп.).

Рисъ.

Неочищенный рисъ (шалъ), одинъ батманъ—24 кокана (4 рубля 80 копѣекъ).

• Очищенный, лучший рисъ, 1 батманъ—64 кокана (12 рублей 80 копѣекъ).

Мелкій рисъ, крупчатый, 1 батманъ—22 кокана (4 рубля 40 копѣекъ).

Глиняныя издѣлія.

Глазурованные тарелки и блюда отъ 15 до 20 копѣекъ. Большія блюда 30 коп. Маленькія чашки 10 коп. за штуку.

Неглазурованные кувшины—отъ 5 до 6 копѣекъ, большіе 10 коп. Очень большіе, въ $1\frac{1}{2}$ аршина вышиною, 20 коп.

Въ Катты-курганѣ живутъ 6 мастеровъ глиняныхъ издѣлій; одинъ изъ нихъ имѣетъ свою мастерскую на вѣпнемъ базарѣ; въ ней работаютъ два работника, которые въ день приготавливаютъ до семидесяти большихъ кувшиновъ. Работники нанимаются помѣсячно и каждый изъ нихъ получаетъ 20 кокановъ (4 р.) въ мѣсяцъ на собственномъ содержаніи.

Въ лавкахъ гдѣ продаются матеріи, кромѣ бумажныхъ катты-курганскихъ, были еще шелковыя и бумажныя издѣлія изъ Кокана, Бухары и Кабула.

1) Коканскіе товары:

Мата (грубая даба), восемь пачекъ по 12 аршинъ — 1 тилла 5 ков. (5 рублей).

Дарая (полшелковая матерія), два конца въ $3\frac{3}{4}$ арш. — 1 тилла (4 рубля).

Шан (шелковая матерія—8 арш.) отъ 5 до 6 рублей.

Одѣяла стеганныя на ватѣ, изъ грубой бумажной матеріи—отъ 1 до 3 рублей.

Халаты изъ бумажной матеріи— $1\frac{1}{2}$ рубля.

2) Бухарскіе товары:

Шан, шелковая матерія (ванаусъ), кусокъ въ 18 аршинъ отъ 15 до 18 рублей. Шан бываютъ пестрыя, двуличныя

(лиловосинія и зеленовато-желтыя), одноцвѣтныя (красныя, бѣлыя, желтыя), бѣлыя съ тонкими черными или желтыми дорожками, полосатыя.

Падшаи, полушелковая матерія, 18 арш. отъ 7 до 8 руб.

Басмашитъ (пестрый грубый каленкоръ), 100 штукъ по 22 аршина — отъ 110 до 120 рублей.

Саргуджа, бумажная матерія, низкій сортъ (подъ названіемъ киргизской), 18 арш. — 1 р. Лучшій сортъ 18 арш. — 2 рубля.

3) Кабульскіе товары:

Нилъ, свинья краска, пудъ—отъ 14 до 15 тиллъ (56—60 р.).

Дакэ, бѣлый тонкій мулъ, 24 арш. — отъ 5 до 6 руб.

Камхатъ, шелковая матерія съ золотыми цвѣтками, 7 аршинъ — 50 тиллъ (100 рублей).

Изъ Кабула привозятъ сюда множество англійскихъ товаровъ, главнымъ образомъ дакэ и другія бѣлыя бумажныя матеріи.

4) Изъ Мешгеда:

Серъ, тонкая бумажная матерія, 50 аршинъ стоятъ 10 р.

Готовые длинные халаты на бумажной подкладкѣ привозятся изъ Кокана и Бухары; они очень различной цѣны:

Халаты изъ бумажной матеріи	отъ 2 до 5 руб.
» » дараи	» 7 » 9 »
» » шаи	» 10 » 14 »
» » сукна	» 20 » — »
» » сукна, вышитые	» 25 » 30 »
» » плиса, обыкновенно малиноваго цвѣта, золотомъ или серебромъ вышитые	40 »
» » пестраго кашмира	» 50 » 60 »
» » камхата	» 40 » 80 »

Торговля съ Кашгаромъ теперь совершенно прервана. Прежде оттуда привозили чай и серебро, послѣднее въ ямбахъ по 32 тилли. Чай, который теперь здѣсь продается,

очень худаго качества. Кажется, что привозят его чрезъ Кабуль изъ Индіи. Китайскій чай—только зеленый; это самый любимый напитокъ богатыхъ татаръ.

Изъ другихъ предметовъ торговли слѣдуетъ еще упомянуть о коврахъ, привозимыхъ сюда въ большомъ количествѣ черезъ Бухару изъ сѣверной Персіи и Туркменской степи. Они изъ шерсти и великолѣпной работы. Цѣна зависитъ отъ красокъ и отъ величины; продаются отъ 10 до 100 рублей. Сѣдла привозятся изъ Самарканда.

Что касается до торговли сырыми шкурами, то онѣ, за исключеніемъ овечьихъ шкуръ, посылаются въ Бухару; овечьи шкуры идутъ безъ исключенія въ Ташкентъ.

Вотъ главныя свѣдѣнія собранныя мною на Катты-курганскомъ базарѣ. Я думаю, что торговыя отношенія Катты-кургана мало измѣнились, такъ какъ военные походы не тронули Зерафшанской долины. По этой причинѣ я здѣсь и собралъ свѣдѣнія о торговлѣ. Что военное положеніе не имѣло вліянія на жителей Зерафшана, это показываетъ все состояніе долины: жители ея, на сколько я могъ замѣтить, нигдѣ не оставляли своихъ жилищъ и, за исключеніемъ высшихъ классовъ, приняли русскихъ безъ всякой враждебности.

Селенія въ предѣлахъ горъ окружающихъ Зерафшанскую долину.

Тогда какъ Зерафшанская долина наполнена густыми рядами селеній, на террасахъ окружающихъ ее горъ лишь рѣдко встрѣчаются селенія разбросанныя кое-гдѣ и, кромѣ того, весьма незначительныя. Причина тому, какъ понятно, малое количество воды.

Селенія, которыя мы встрѣчали на дорогѣ изъ Самарканда въ Катты-курганъ—очень незначительныя деревни состоящія изъ нѣсколькихъ домиковъ разбросанныхъ по голой степи. Главныя изъ нихъ: Кара-су-дауль, Зара-булакъ. Эти деревни на путешественника производятъ самое

неприятное впечатлѣніе. Дома того-же самаго сѣраго цвѣта какъ и окружающая ихъ степь, а отсутствіе садовъ лишаетъ ихъ очаровательнаго характера оазисовъ. Малое количество воды, которое едва достаточно для жителей на питье и получается отчасти изъ искусственныхъ колодцевъ, не допускаетъ подобной роскоши. Зато широкія волны террасъ покрыты безчисленными пашнями, которыя здѣсь не нуждаются въ искусственномъ орошеніи. Удивительно какъ хлѣбъ здѣсь можетъ родиться на этой сухой почвѣ. Но пашни эти производятъ на васъ не лучшее впечатлѣніе чѣмъ самая голая степь. Это не наши хлѣбныя поля, покрытыя густымъ золотымъ моремъ колосьевъ; здѣсь рдѣютъ лишь коротенькіе стебельки, а сквозь нихъ вездѣ видна однообразная сѣрая почва, такъ что издали поля ничѣмъ не отличаются отъ самой степи. Урожай, какъ говорятъ, здѣсь очень незначительный, и рѣдко бываетъ выше чѣмъ самъ-четверть и самъ-пять.

Такъ-какъ здѣсь было главное поприще военныхъ дѣйствій нынѣшняго года, то бѣольшая часть жителей убѣжала на югъ; поля между Дауломъ и Зира-булакомъ остались нескошенными и совершенно засохли. Точно также и широкія поля между Зира-булакомъ и Тимъ-тагомъ (вакуфъ медресе Яланггуша въ Самаркандѣ).

Къ сѣверу отъ Зерафшана притоки воды гораздо значительнѣе; поэтому тамъ находятся довольно густыя плантаціи и луга. Вообще селенія между Акъ-тагомъ и Зерафшанскою долиной отличаются отъ селеній призерафшанскихъ только тѣмъ, что группы садовъ и домовъ разбросаны въ длинныхъ полосахъ по берегамъ водныхъ источниковъ. И здѣсь многія изъ террасъ засѣяны пшеницею.

На горныхъ мѣстахъ Нуратангъ-тага, между сѣвернымъ Кара-тагомъ, Акъ-тагомъ, Караша-тагомъ и Ходумъ-тагомъ, также по недостатку воды, селенія рѣдки. Западная часть этихъ горъ до мѣстечка Сарай принадлежитъ къ Нуратинскому бекству. Главный городъ этого бекства, Нурата,

*

лежитъ на западной подошвѣ этихъ горъ и, какъ говорятъ, меньше города Катты-кургана, но все-таки это самый большой и почти единственный городъ всего бекства. Кромѣ него есть еще большое число базарныхъ мѣстечекъ: Чюэ, Багаджать, Акчапъ, Джушъ, Кошъ-равать, Пшать, которыя состоятъ изъ 50—100 разбросанныхъ домовъ; изъ нихъ Акчапъ, Джушъ, Пшать имѣютъ довольно значительное количество садовъ. Остальныя селенія состоятъ изъ очень немногихъ домовъ и находятся бѣльшую частію на склонахъ сѣверныхъ и южныхъ горъ. Люди здѣсь занимаются земледѣліемъ и засѣваютъ свои поля на возвышенныхъ мѣстахъ гдѣ почва не нуждается въ искусственномъ орошеніи. Садоводство здѣсь незначительно, а рисъ и хлопокъ рѣшительно не разводятся. Скотоводство также не очень распространено, потому что голая степь не даетъ необходимаго корма для скота.

Горныя мѣста къ востоку отъ Сарая принадлежали прежде къ Джизакскому бекству; они населены еще рѣже чѣмъ восточная часть горъ и, за исключеніемъ Тюрсюна, довольно значительной деревни, вездѣ представляютъ селенія разбросанныя отдѣльными дворами. Бѣльшую частію люди здѣсь живутъ въ кошомныхъ юртахъ, по берегамъ маленькихъ рѣчекъ. Садовъ здѣсь почти нигдѣ не видать, но при юртахъ почти всюду искусственные луга. Немного туще населеніе по близости Накрута и Кара-абдала. Когда приближаешься къ долинѣ между Караша-тагомъ и Ходумъ-тагомъ, къ югу отъ деревни Конграта начинается густое населеніе; даже у деревни Джума-базаръ селенія сплошныя, какъ въ самой Зерафшанской долинѣ.

Отсюда тянется безпрерывный рядъ селеній къ юго-западу до городка Чилека, который меньше Катты-кургана, но все-таки былъ резиденціей отдѣльнаго бека. Объ окрестностяхъ города Чилека я не въ состояніи дать точныхъ указаній, потому что заболѣлъ на дорогѣ и только съ величай-

шпмъ трудомъ могъ продолжать свой путь до Самарканда. Это и причина тому, что карга моя въ этихъ мѣстахъ показывается значительные пробѣлы.

Сѣвернаго склопа Кара-тага, который прежде также принадлежалъ къ Джизакскому бекству, я не посѣщалъ. Но, какъ рассказываютъ, мѣстности эти мало отличаются отъ остальныхъ мѣстъ Нуратань-тага. Единственный болѣе значительный пунктъ тамъ — укрѣпленіе Ухумъ.

Пути сообщенія.

Главныя дороги пролегающія черезъ Зерафшанскую долину, въ направленіи отъ востока къ западу, это пути сообщенія между Бухарой и Ташкентомъ (Коканомъ). Самый короткій путь между Ташкентомъ и Бухарой ведетъ черезъ укрѣпленіе Чиназъ, по безводной степи, въ городъ Джизакъ. У Чиназа, гдѣ приходится переправляться черезъ Сыръ-Дарью, желѣзныи паромъ. Прежде эта дорога была самая посѣщаемая. Это доказываетъ великолѣпный, изъ кирпичей устроенный, каравансарай Мирза-раватъ, посреди безводной степи, между Чиназомъ и Джизакомъ. Мирза-раватъ теперь почти разрушенъ и подземные бассейны его для храненія дождевой воды находятся въ самомъ жалкомъ состояніи. Въ послѣдніе годы эта дорога посѣщается очень немногими караванами, потому что кирзискій султанъ Садыкъ-тёрё, по приказанію Бухарскаго Эмира, грабилъ путешественниковъ. Одни русскіе путешественники, и то лишь огражденные значительномъ конвоемъ, рѣшались слѣдовать по этому пути, и для поддержанія сообщенія между Чиназомъ и Джизакомъ былъ назначенъ правительствомъ ежемѣсячный военный отрядъ.

Дальшій путь изъ Ташкента въ Джизакъ ведетъ черезъ городъ Ходжентъ (и тамъ хорошій паромъ облегчаетъ переправу черезъ Сыръ-Дарью), Нау, Ура-тэпэ и Заминъ. Дорога черезъ безводную степь составляетъ отъ 180 до 200 верстъ,

тогда-какъ дорога черезъ Ходжентъ—350 верстъ. Дорога изъ Кокана соединяется съ послѣдней южнѣ Ходжента.

Изъ Джизака ведутъ три главныя дороги въ Бухару:

1) Сѣверная дорога. По сѣверному склону Нуратаньнъ-тага въ городъ Нурата и оттуда прямо въ Бухару.

2) Средняя дорога. Черезъ горный проходъ Баръишекъ, въ сѣверный Джума-базаръ (между Карашатагомъ и Ходумъ-тагомъ) въ городъ Катырчи.

3) Южная дорога. Черезъ такъ-называемыя Тамерлановскія ворота, по рѣчкѣ Иланъ-этью, немного сѣвернѣ укрѣпленія Янгы-кургана, въ Самаркандъ.

Отъ Самарканда эта дорога раздѣляется на двѣ дороги: 1) внѣшняя дорога на югъ отъ Зерафшанской долины, черезъ деревни Дауль, Чимбай и Ширъ-кудукъ въ Зара-булакъ; потомъ черезъ горы Тимъ-тагъ и степь Орта-чѣль въ Бухару; 2) среди Зерафшанской долины, черезъ Янгы-курганъ, Катты-курганъ, Керминэ въ Бухару.

Такъ-какъ западная половина внѣшней дороги безводна, и кромѣ того по ней приходится сдѣлать переваль черезъ Тимъ-тагъ, путешественники большею частію слѣдуютъ по внѣшней дорогѣ до деревни Чаръ-кудукъ, и отсюда черезъ Катты-курганъ выходятъ на внутреннюю дорогу.

Между сѣверными горами есть значительная дорога по южному склону Кара-тага, соединяющая укрѣпленіе Янгы-курганъ и городъ Джизакъ съ селеніемъ Акчапъ и городомъ Нурата. Главныя селенія, черезъ которыя она идетъ: Кара-Абдалъ, Накрутъ, Сарай, Кошъ-равать, Джушъ и Акчапъ. Отъ нея отдѣляются слѣдующія дороги къ югу: 1) изъ Кара-Абдала между Карашатагомъ и Ходумъ-тагомъ въ г. Чилекъ; 2) изъ Накрута черезъ Тюрсюнъ въ Чилекъ; 3) изъ Кошъ-равата черезъ Пшатъ и Акъ-тэпэ въ Митанъ; 4) изъ Кошъ-

равата черезъ Татты въ Зербентъ; 5) изъ Кошъ-равата черезъ Кереганъ въ Зербентъ; 6) изъ Караташа черезъ Каунчи въ Андакъ; 7) изъ Караташа черезъ Каратутъ въ Бюрганъ; 8) изъ Багаджата черезъ Тикенликъ въ Джизманъ (Тасмачи).

Дороги 1, 2, 3 и 8-я—главныя, потому что на остальныхъ дорогахъ перевалы черезъ Ак-тагъ довольно затруднительны. Переваль у Тикенлика возможенъ только на вьючныхъ лошадяхъ или на верблюдахъ, но вообще безопасенъ. Дороги 4, 5, 6 и 7-я, какъ говорятъ, очень затруднительны и для вьючныхъ лошадей.

Къ сѣверу отдѣляются слѣдующія дороги: 1) изъ Акчапа въ Темиръ-каукъ; 2) изъ Сарая или Джуша черезъ Сэурюкъ или Устюнъ въ Ухумъ; 3) изъ Кара-абдала черезъ Зара-бель въ Кульму; всѣ эти перевалы очень затруднительны, особенно переваль къ Ухуму.

Къ юго-западу отъ города Дживака три горныя прохода черезъ Нуратаннъ-тагъ: 1) Иланъ-эту (обыкновенная дорога въ Янгы-курганъ); 2) горный проходъ Биръ-ишекъ; 3) горный проходъ Сары-сай къ востоку отъ рѣки Куакія.

Всѣхъ дорогъ въ собственной долинѣ Зерафшана я не въ состоянii обозначить; понятно, что при густомъ народонаселенii ея, здѣсь безчисленныя дороги пересѣкаются. Больше значительныя дороги соединяють, конечно, города и базарныя селенія, особенно Янгы-курганъ, Катты-курганъ, Каттырчи, Пейшемби и Чилекъ.

Главныя дороги слѣдующія:

1) отъ Катты-кургана до Пейшемби: Катты-курганъ, Кюпшегей, Янывакъ, Машъ-равать, Куль-курганча, Иске, Ябы, Кадамъ, Пейшемби.

2) отъ Катты-кургана до Каттырчи: Катты-курганъ, Кушбеги-тэпэ, Палванъ-тэпэ, Джалаиръ,

Кара-кыпчакъ, Мазарь-алай, Кичи-мингъ, Катты-мингъ, Момунъ-ходжа, Узать-ханъ, Буламуки, Ябу, Исавай-тѣпѣ, Кимедузъ, Катырчи.

3) изъ Пейшемби въ Катырчи: Пейшемби, Тавыранъ, Наука-тѣпѣ, Калмакъ-тѣпѣ, Ала-атлывъ-ходжа, Беглерь-кышлакъ, Катпанъ, Мангыранъ, Урусъ-кышлакъ, Кимедузъ, Катырчи.

4) отъ Катты-кургана въ Иштиханъ: Катты-курганъ, Кюрпе, Гедей-тапчасъ, Акъ-чоргазы, Кирьичитъ, Кютере, Иштиханъ.

5) отъ Пейшемби въ Иштиханъ: Пейшемби, Аманъ-ходжа, Джума-базаръ, Байлата, Иштиханъ.

6) отъ Иштихана въ Янгы-курганъ: Иштиханъ Сапа-ходжа, Араматъ, Саганча, Янгы-курганъ.

7) отъ Иштихана въ Чилекъ: Иштиханъ, Бѣхранъ, Кара-кышлакъ, Митапъ, Чагатай, Сарачунакъ, Кіятъ, Сарышъ, Торайгыръ, Вели, Чибишъ-тѣпѣ, Паныкъ, Сарытай, Чилекъ.

8) отъ Янгы-кургана въ Чилекъ: Янгы-курганъ, Чиназаръ, Бешъ-кѣтмѣнъ, Балта, Чапарашлы, Чэукэ, Кочы-тѣгирмѣнъ, Эсэнъ-чарыкъ, Чилекъ.

9) отъ Чилека въ Самаркандъ: Чилекъ, Булунгуръ, Ду-арыкъ, Ишъ-макса, Ухлеръ, Календеръ, Дагбитъ, Самаркандъ.

На востокъ ведетъ большая дорога отъ Самарканда къ городу Пенджи-кентъ и отсюда въ Урь-митанъ; отъ этой дороги отдѣляются слѣдующія боковыя дороги: 1) дорога черезъ Кара-тѣпѣ въ Шехрисебсъ, 2) черезъ Джума-базаръ въ Ургутъ и въ Джамъ, 3) отъ Пенджикента черезъ Хурму въ крѣпость Магіянъ.

Отъ Катты-кургана къ югу дорога ведетъ черезъ Сарай-курганъ и Улусъ въ Джамъ и отсюда въ

Шехрисебсь; отъ этой дороги опять отдѣляется дорога черезъ Сипкэ въ городъ Карши. Другая дорога въ Карши ведетъ отъ города Катырчи черезъ деревню Ширинъ-хотунъ въ Сипкэ.

Всѣ эти дороги въ самомъ неудовлетворительномъ состояніи; огромныя колеса арбъ образуютъ въ мягкой глинистой почвѣ глубокія колея, которыя особенно въ низменныхъ мѣстахъ часто вымываются водою и оттого превращаются въ глубокія ямы, болота или текущія канавы. Дороги въ окаймляющихъ долину горахъ никогда не поправляются, потому что здѣсь не угрожаетъ опасность отъ наводненія, и оттого онѣ иногда выѣзжены на глубину болѣе сажени. Дороги поправляются только въ низменныхъ мѣстахъ долины, гдѣ къ тому принуждаетъ жителей изобиліе воды.

Мосты встрѣчаются здѣсь нрѣдка и устраиваются только въ самыхъ необходимыхъ мѣстахъ, особенно надъ глубокими искусственными каналами берега которыхъ всегда круты, и гдѣ, при мягкой глинистой почвѣ, нельзя обойтись безъ моста. Такъ на-примѣръ, черезъ Нурпай и черезъ большіе южныя кавалы въ востоку отъ Самарканда построены мосты у каждаго селенія. Но мосты эти очень худо устроены и состоятъ изъ необтесанныхъ бревенъ и досокъ, такъ-что переѣздъ черезъ нихъ довольно опасенъ. Я видѣлъ только одинъ мостъ который построенъ изъ кирпичей, это—выше упомянутый Хишъ-кэпрю, къ сѣверу отъ селенія Акъ-тэпэ, между Джизакомъ и Самаркандомъ. У жителей Средней-Азіи этотъ мостъ считается великолѣпнымъ строеніемъ, европейцу же онъ кажется жалкимъ твореніемъ, гораздо хуже нашихъ сельскихъ мостовъ. Этотъ мостъ построенъ лѣтъ 40 тому назадъ, отцемъ нынѣшняго эмира.

Рѣки и ручейки берега которыхъ пологи и русла которыхъ покрыты галькой—безъ мостовъ; только на большихъ рѣкахъ находятся очень грубыя лодки для перевозки людей и товаровъ, въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ ихъ пересѣкаютъ главныя

дороги. Мели переѣзжаютъ бродомъ, на-примѣръ, на Зерафшанѣ около горы Чапанъ-ата. Броды эти на многихъ мѣстахъ не безопасны. На мелкихъ-же канавахъ мостовъ нѣтъ, и путешественники въ Средней-Азiи долго помнятъ съ ужасомъ эти болотистые, иломъ покрытые переѣзды, гдѣ завязнувшія телѣги задерживаютъ ихъ часто на нѣсколько часовъ.

Единственный мостъ, нынѣ разрушенный, который дѣйствительно представлялъ чудное архитектурное произведеніе, находится къ сѣверу отъ горы Чапанъ-ата, на томъ мѣстѣ гдѣ теперь съ опасностію жизни переѣзжаютъ бродомъ рѣку Зерафшанъ. Онъ былъ построенъ изъ кирпичей, и еще теперь двѣ величественныя его арки выходятъ далеко въ рѣку; но остальная часть его разрушена гибельнымъ вліяніемъ времени. Былъ-ли этотъ мостъ когда-то оконченъ, или остался онъ неоконченнымъ, этого теперь нельзя рѣшить; кромѣ двухъ арокъ поднимающихся на лѣвомъ берегу надъ уровнемъ рѣки до пяти сажень, нигдѣ нѣтъ слѣдовъ моста. Такъ-какъ плотина раздѣляющая Кара-дарью и Акъ-дарью построена именно на этомъ мѣстѣ, то можно предположить что этотъ мостъ со своими огромными пилястрами вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ и основаніемъ плотины для раздѣла рѣки. Я не могъ узнать кѣмъ былъ устроенъ этотъ мостъ: жители не обращаютъ на него никакого вниманія. Мостъ этотъ представляетъ собою особый интересъ, потому что это единственное въ краю значительное архитектурное произведеніе непосвященное религіи.

Населеніе.

Народонаселеніе Зерафшанской долины и ея окрестностей по языку своему раздѣляется на два отдѣла: 1) племена говорящія тюркскими нарѣчіями, и 2) племена говорящія поперсидски. Первые составляютъ главную часть населенія, и между ними послѣднія живутъ разсѣянно по нѣкоторымъ пунктамъ.

Говорящіе по-персидски жители Зерафшана называются здѣсь общимъ именемъ Таджикивъ. Они живутъ большею частію въ городахъ и тамъ занимаются почти исключительно торговлею и ремеслами. Частію они состоятъ изъ древнихъ персидскихъ жителей края, частію изъ позднѣйшихъ пришельцевъ изъ сѣверной Персіи, или изъ персидскихъ рабовъ, продаваемыхъ въ ханствахъ ежегодно въ очень значительномъ числѣ Туркменами. Общее названіе для послѣднихъ—Иранцы, и принадлежатъ они частію, хотя и тайно, къ шиитской сектѣ.

Главныя мѣста пребыванія Таджикивъ (я этимъ именемъ хочу назвать всѣхъ говорящихъ по персидски): городъ Ходжентъ на Сыръ-дарьѣ, состоящій изъ двухъ отдѣловъ: узбекскаго города и таджикскаго города; Ура-тэпэ, Джизаъ, почти исключительно обитаемый таджиками, и Самаркандъ. Въ Самаркандѣ внутренній городъ населенъ только таджиками, и на улицахъ изрѣдка слышнень другой языкъ кромѣ персидскаго; точно такъ и въ южныхъ садахъ города. Здѣсь также образовалось нѣсколько деревень Иранцевъ занимающихся исключительно производствомъ шелка. Городскіе Таджики о своемъ происхожденіи ничего не знаютъ.

Остатки прежнихъ персидскихъ жителей края—безъ сомнѣнія, и такъ называемые Галджа или горные Таджики, которые живутъ значительными кучами деревень на различныхъ горныхъ хребтахъ Бухарскаго и Коканскаго ханствъ. Видя древнихъ жителей только на высокихъ, горныхъ мѣстахъ, невольно приходишь къ убѣжденію что они удалились въ горы, вытѣсненные наплывомъ враждебныхъ имъ турецкихъ племень. Эти сплошныя населенія горныхъ Таджикивъ, сколько я могъ узнать, находятся на слѣдующихъ мѣстахъ:

1) на разстояніи одного дня пути отъ Кокана, на дорогѣ въ Дауанъ; изъ здѣшнихъ мѣ особенно названы были деревни: Шайданъ, Бебадурханъ и Тангасъ.

2) Въ горахъ на юго-западъ отъ Ташкента.

3) На сѣверномъ склонѣ Кара-тага между Джизакомъ и Темиръ-воукомъ.

4) По верхнему теченію Зерафшана, къ востоку отъ Пенджикента, гдѣ мнѣ называли жителей персидскими именами Галджа и Кара-тегинъ, или Кара-тинъ.

Къ-сожалѣнію я не могъ посѣтить ни одного изъ означенныхъ селеній, и потому объ этихъ жителяхъ, ихъ обычаяхъ и нравахъ не могу сообщить точныхъ указаній.

Жители собственно долины Зерафшана болѣею частію Тюрки (Узбеки), за исключеніемъ нѣсколькихъ пунктовъ на Нурпай, Катты-Курганскаго и Зіаддинскаго бекствъ, которые населены Арабами. Но арабы эти давно отатарились и забыли совершенно свой собственный языкъ.

Жители тюркскіе раздѣляются на слѣдующіе отдѣлы:

I. Узбеки:

1) Кытай-Кыпчаки.

Они живутъ въ долинѣ средняго Зерафшана между Самаркандомъ и Катырчи, и къ сѣверу до Чилека. Подраздѣляются на слѣдующіе роды:

Кытай.

Сары-Кытай (желтые Кытай).

Отарчы.

Канджигалы (съ тороками).

Кошъ-тамгалы (съ двойнымъ тавромъ).

Чэмюшлю (съ кувшиномъ).

Тараклы (съ гребнемъ).

Балгалы (съ молоткомъ).

Кыпчаевъ.

Тёртъ-тамгалы (съ 4-мя таврами).

Сары-Кыпчакъ (желтые Кыпчаки).

Тогусъ-Бай (девять богачей).

Военные клики (уранъ) Кытаевъ — Улу-тагъ, Кыпчакъ — Товсаба. На счетъ Кыпчаковъ надо замѣтить что они также составляютъ большую часть населенія Кованскаго хан-

ства. Тамъ они ведутъ кочевую жизнь, но есть тамъ и осѣдлые Кыпчаки въ городахъ. Коканскіе Кыпчаки вообще считаются Узбеками. Остатки этого когда-то могущественнаго племени разсѣяны по всему пространству между тюрками. У Киргизовъ есть значительное племя Кыпчаговъ, и такое же находится у Алтайскихъ Калмыковъ. Тамъ есть, кромѣ того, на Телецкомъ озерѣ, племя Тогусъ (смотри племя Зерафшанскихъ Кыпчаковъ Тогусъ-бай). Въ Зерафшанской долинѣ Кыпчаки живутъ главнымъ образомъ около Янгы-Кургана, между Самаркандомъ и Катты-Курганомъ, который называется поэтому также «Кыпчакъ-Янгы-Курганъ». Оба отдѣла, Кыпчаки и Кытай, такъ слились, что считаются за одно племя, и на вопросъ о родѣ получаешь всегда отвѣтъ: «Кытай-Кыпчакмынъ», т. е. я изъ Кытай-Кыпчаковъ.

2) Кыркъ-мынанъ-юсь (Кырки съ Юсями) живутъ на большомъ пространствѣ между Ходжентомъ, Ура-тэпэ, Заминомъ, Джизакомъ, укрѣпленіемъ Янгы-Курганъ и къ югу до города Пенджикента.

Отъ Ходжента до Ура-тэпэ и Замина живетъ племя Юсь, равно и у самаго Пенджикента, между-тѣмъ какъ около Джизака и Янгы-кургана живутъ Кырки. Кырки и Юсы называются и общимъ названіемъ Марка. Рода ихъ слѣдующіе:

Кыркъ (сорокъ)

Кара-Койлы (съ черными баранами).

Карача.

Кара-сиракъ.

Чапарашлы.

Юсь (сотня).

Карапча.

Тыгырыкъ.

Пэрчэ-юсь.

Коянъ-кулаклы (съ заячьими ушами).

Туяклы (съ копытами).

Сиргагы.

Эргэнэкли.

Солакы.

Ханъ-ходжа-кытайзы.

Хаджи-кытайзы.

Родъ Туякы образуетъ населеніе города Пендживента. Племя Юсь (сто) находится также у Черновыхъ Татаръ, живущихъ возлѣ Телецкаго озера. Кромѣ того, нужно замѣтить что Киргизы раздѣлены на три орды, которыя по-киргизски называются Джюсь (сотня). Замѣчательно что эти два такъ тѣсно связанныхъ племени выражаютъ своими именами два числа: Кыркъ = 40, Юсь = 100.

Можетъ быть что изъ Кырк-юсь образовалось и названіе «Кыргызъ». Такая перемѣна звуковъ совершенно соотвѣтствуетъ фонетическимъ законамъ татарскихъ языковъ. Что это положительно такъ, утверждать не хочу: высказываю только предположеніе.

3) Канглы. Маленькое племя, живущее вблизи Джизака.

4) Найманъ. Это племя живетъ къ югу отъ Катты-кургана въ селеніяхъ Улусъ, Сицкэ и т. д. и въ городѣ Джамъ. Боевой кликъ (уранъ) Наймановъ—Якшы-бай. И племя Найманъ очень распространено у Киргизовъ.

5) Мингъ. Довольно значительное племя, живущее къ юго-западу отъ города Самарканда до Алтабинскихъ горъ. Въ Кара-тэпэ и Ургутѣ, какъ говорятъ, тоже обитаютъ части этого племени. Въ Кокандѣ, говорятъ, племя Мингъ очень распространено, и Коканскій ханъ самъ изъ этого племени.

6) Кэнэгэсъ. Большое племя Кэнэгэсовъ образуетъ главное населеніе Шехрисебса. Это очень распространенное племя, особенно въ Хивинскомъ ханствѣ. Татары Казанскіе называютъ себя Кинесъ, почему должны быть изъ этого же племени.

7) Мангытъ. Племя Мангытъ составляетъ главное

населеніе города Карши и его окрестностей. Эмиръ Бухарскій самъ изъ племени Мангытъ.

8) Меситъ, Ябы, Тама, называемые обыкновенно общимъ именемъ Учъ-ру (три рода). Живутъ въ Зіаддинскомъ бекствѣ до города Кошкаузъ.

9) Сарай. Живутъ къ западу отъ Кошкауза до города Ханчарвагы.

10) Буркутъ. Живутъ отъ Кэрминэ до Мэликэ.

11) Аллатъ Живутъ отъ Кара-кэля до Бухары и до Шардже.

12) Бехринъ. Маленькое племя вблизи Нейшамби, къ сѣверу отъ Катты-Кургана.

13) Баташъ. На разныхъ мѣстахъ перемѣшано съ другими племенами.

II. Кара-калпаки.

Кара-калпаковъ въ средней Зеравфшанской долинѣ очень немного. Они живутъ къ востоку отъ Самарканда въ срединѣ между Кытай-Кыпчаками и Кыркмынанъ-Юсями, въ разныхъ селеніяхъ около Аь-тэпэ и въ урочищѣ Бешъарыкъ. Говорятъ что не очень давно они переселились сюда съ Аму-дарьи. Теперь они живутъ здѣсь осѣдло. Родами здѣшнихъ Кара-калпаковъ мнѣ называли:

Оймаутъ.

Акъ-войлы.

Кара-сенгиръ.

III. Тюркмены.

Изъ Тюркменовъ, живущихъ въ большомъ числѣ къ востоку отъ рѣки Аму-дарьи, здѣсь находятся только три рода:

Казай-аглы,

Канджыгалы,

Бюгѣжюлю,

изъ которыхъ послѣдніе два принадлежатъ къ главному племени Уйсуновъ. Этими Тюркменами населено все Нура-

тынское бекство. Тюркмены живут здѣсь осѣдло совершенно какъ жители собственно Зерафшанской долины.

Это главные племена тюркскаго происхожденія, о которыхъ я слышалъ кое-что въ средней Зерафшанской долинѣ. Они живутъ не отдѣляясь рѣзко другъ отъ друга, но все-таки одно племя составляетъ всегда главную массу населенія въ извѣстномъ мѣстѣ. Что здѣсь часто происходило смѣшеніе племень, это доказываетъ большое число кышлаковъ, получившихъ свое названіе отъ имени рода, къ которому принадлежатъ жители его. Такъ есть деревня Мингъ между Кытай-Кыпчаками, точно такъ деревни Джалаиръ и Конгратъ между другими племенами. О родствѣ разныхъ племень рассказываютъ различныя легенды. Такъ, напримѣръ, что Мангытъ и Кэнэгэсъ были два брата. Но я не считаю нужнымъ повторять здѣсь этихъ, часто другъ другу противорѣчащихъ, преданій. Замѣчу только одно—вогда Эмиръ Бухарскій, который родомъ изъ Мангытовъ, вступаетъ на престолъ, то его сажаютъ на бѣлую кошму, четыре угла которой поднимаютъ депутаты четырехъ родовъ: Мингъ, Аллатъ, Бехринъ и Баташъ.

Я думаю что будетъ здѣсь уместно сказать нѣсколько словъ и на счетъ тюркскихъ племень живущихъ къ сѣверовостоку отъ Зерафшанской долины, т. е. въ предѣлахъ Ташкента, Чемкента, Аулие-аты.

Въ этихъ болѣе на сѣверъ лежащихъ странахъ персидскій элементъ очень незначителенъ. Здѣсь говорятъ въ городахъ и деревняхъ, какъ и въ степи, только тюркскими нарѣчіями. Осѣдлое населеніе городовъ Ташкента, Чемкента, Аулие-аты, Меркэ и Туркестана, какъ и всѣхъ деревень вокругъ ихъ, называется общимъ названіемъ: *Сартъ*; такимъ же именемъ называютъ ихъ Киргизы и Узбеки. Я не могу ясно опредѣлить происхожденія этихъ Сартовъ. Родовыхъ ихъ именъ я не могъ узнать. По наружности они очень похожи на Таджиковъ. Но персидскій языкъ для нихъ—чужое и незнакомое нарѣчіе, если они не изучали его въ Бухарскихъ или

Самаркандскихъ медресе. Они сами рѣзко себя отдѣляютъ отъ Таджикивъ, которые живутъ между ними разбросанно и по одиночкѣ. По объясненіямъ Вамбѣри можно было бы заключить что Сарты по происхожденіи Таджики. Онъ утверждаетъ это, разсуждая о происхожденіи хивинскихъ Сартовъ: «Сарты, называемые въ Бухарѣ и въ Коканѣ Таджикими, древніе персидскіе жители Харезма». Меня только удивляетъ что Сарты, живущіе здѣсь на сѣверѣ такими густыми массами, именно здѣсь такъ совершенно отатарились, между-тѣмъ какъ Таджики въ отдѣльныхъ деревняхъ сохранили свой персидскій языкъ. Съ другой стороны возможно что имя Сартъ дано имъ извнѣ, точно такъ какъ бухарскіе переселенцы на рѣкѣ Тоболѣ въ настоящее время называютъ себя Сартами, потому что тобольскіе татары имъ дали такое названіе, а татары вообще и калмыки алтайскіе приняли подобныя же, имъ самимъ сначала неизвѣстныя названія—отъ Русскихъ. Ташкентскіе Сарты могли получить это названіе отъ Киргизовъ, которые въ самомъ дѣлѣ называютъ всѣхъ осѣдлыхъ магометанъ Средней Азіи такимъ именемъ, несмотря на то Узбеки-ли они, Сарты, Таджики или Кашгарскіе Татары.

Жители мѣстностей между Ташкентомъ и Ходжентомъ, особенно въ окрестностяхъ мѣстечка Той-тэпэ, называютъ себя *Курама*. Киргизы утверждаютъ что они получили это названіе потому, что суть смѣсь Киргизовъ и Сартовъ. Они прежде, какъ говорятъ, были Киргизы, но теперь смѣшались съ Сартами, и живутъ осѣдло. Правдоподобно, во всякомъ случаѣ, что они составляютъ смѣсь и недавно поселились въ деревняхъ. Они раздѣляются на четыре рода:

Джалаиръ,
Тама,
Джагалбайлы,
Таравлы.

Въ степяхъ вокругъ Ташкента, Чемкента, Ауліе-аты и Туркестана, обитаютъ многочисленныя киргизскія племена,

которыя, какъ и сѣверные ихъ сосѣди, называютъ себя Казаками. Киргизы, живущіе вблизи этихъ городовъ, особенно Ташкента, гораздо бѣднѣе своихъ сѣверныхъ братьевъ и уже отчасти занимаютъ земледѣіемъ. Эти Киргизы представляютъ пеструю смѣсь самыхъ различныхъ родовъ, будучи потомками всѣхъ трехъ ордъ. Вотъ довольно точныя подробности объ этихъ родахъ:

1) Уйсунъ, большая орда (Улу-джюсъ).

Сикымъ (около Ташкента).

Джаньсъ.

Темиръ.

Шымырь.

Вотпай (около Аулие-аты).

Куруласъ, народъ героя Идэгэ-Би, побѣдившаго
Тохтамышъ-Хана.

Сиргэли	} называемые общимъ именемъ Бесъ-тэн- бала (пять ровныхъ дѣтей).	} (на рѣчкѣ Шу).
Ысты		
Отакшы		
Джалаиръ		
Шапрашъ		

(около Туркестана).

Канглы (около Ташкента).

2) Орта-джюсъ (средняя орда).

Кыпчакъ (около Ташкента).

Онъ-эки-Конгратъ (12 Конгратовъ).

1) Алты-ата кэвтингъ-улу	} (около Таш- кента).
2) Алты-ата вэктэнгшю	

Аргынъ (около Ташкента).

Найманъ (около Ташкента).

Шаншкулъ.

2) Киши-Джюсъ (малая орда).

Рамаданъ (около Чиназа).

Алпынъ (около Чиназа).

Джагалбайлы (около Ташкента).

Т а м а.

Т а р а к т ы.

Въ Зерафшанской долинь, какъ вообще въ Средней Азiи, говорятъ двумя языками, по персидски и по тюркски. На счетъ здѣшнихъ персидскихъ поднарѣчій я долженъ ограничиться замѣчаніемъ что они, кажется, мало различаются отъ языка Персiи.

Что касается до тюркскаго идіома, то онъ раздѣляется на слѣдующія поднарѣчія: 1) киргизское, 2) кара-калпацкое, 3) тюркменское, 4) узбецкое или джагатайское. Первые три изъ этихъ поднарѣчій очень близки другъ къ другу, между тѣмъ какъ узбецкое довольно рѣзко отъ нихъ отдѣляется. Письменный языкъ имѣетъ только джагатайское поднарѣчіе. Понятно, что у племени разбросаннаго на столь великомъ пространствѣ какъ узбецкое, и языкъ показываетъ разные отгѣнки, но все-таки мы можемъ на него смотрѣть какъ на нѣчто цѣлое. По крайней мѣрѣ всѣ жители городовъ отъ Аулие-аты до Бухары другъ друга понимаютъ безъ всякаго затрудненія. Это и понятно, потому что между всѣми этими городами всегда существовало живѣйшее торговое движеніе, и хожденіе къ святымъ мѣстамъ не мало сближало ихъ между собою.

Что-же касается до чистоты тюркскаго языка, то говорятъ на немъ чище всего въ степяхъ, куда уничтожающая всякую народность магометанская цивилизація еще не могла проникнуть. Киргизы менѣе всѣхъ другихъ принимали въ языкъ свой персидскія и арабскія слова, и когда принимали такія слова, то измѣняли ихъ по фонетическимъ законамъ своего языка и этимъ сдѣлали ихъ собственностію народа. Но и въ ихъ языкѣ замѣтно началъ проникать чужой элементъ, какъ явно доказываетъ языкъ Киргизовъ живущихъ вблизи Сартовъ. Къ киргизскому поднарѣчію въ -отношеніи чистоты близко подходитъ языкъ Кара - калпаковъ, къ востоку отъ Самарканда, и Тюркмень, въ Нуратинскихъ горахъ, несмотря на то,

*

что племена эти, въ социальномъ отношеніи, уже подчинились Узбекамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ уже внесли въ свой языкъ значительное число иноплеменныхъ словъ. Языкъ узбекскихъ земледѣльцевъ въ деревняхъ Зерафшанской долины по отношенію къ чистотѣ уже рѣзко отдѣляется отъ вышеупомянутыхъ поднарѣчій. Арабскія и персидскія слова, и даже грамматическіе обороты этихъ языковъ употребляются тамъ людьми безграмотными. Болѣе всего испорченъ языкъ жителей городовъ, гдѣ благовоспитанность и мода требуютъ украшенія роднаго языка чужими перьями, и это для жителей городовъ тѣмъ легче, что практическое знаніе персидскаго языка, по многочисленности Таджиковъ, здѣсь очень распространено. Въ самихъ же городахъ тѣмъ болѣе замѣтно обезображеніе языка, чѣмъ болѣе сближаешься съ образованнымъ, ученымъ классомъ общества, говорящимъ языкомъ совершенно свойственнымъ ему одному. У этого класса не только явилось безчисленное множество чужихъ словъ, но и обороты фразъ совершенно измѣнены и законы звуковъ тюркскаго языка измѣняются ими, чтобы угождать иноплеменному элементу.

Какъ будто-бы ученость требовала такой неестественности, муллы принуждаютъ читающихъ учениковъ произносить слова иначе нежели требуютъ законы языка, и порицаютъ строго выговоръ народный. Оттого всѣ грамотные люди читаютъ по привычкѣ исковерканнымъ выговоромъ муллъ.

Простой человѣкъ, который только умѣетъ читать и писать, читаетъ и пишетъ всегда тюркскимъ языкомъ, хотъ онъ и старается по-возможности подражать въ письмѣ книжному языку. Но если онъ началъ болѣе учиться и занимался нѣкоторое время въ медресе, онъ тотчасъ-же съ презрѣніемъ отварачивается отъ тюркскихъ книгъ, этихъ произведеній невѣжества, отъ пищи простаго народа, и углубляется въ изученіе персидскаго языка. Это не только въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ близость Таджиковъ могла бы дать поводъ къ тому, но и въ тѣхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ Чемкентъ и Ауміе-ата, гдѣ

нѣтъ соприкосновенія съ людьми говорящими по-персидски. Но въ письмѣ эти полученные употребляютъ только тюркскій языкъ, ибо не владѣютъ довольно персидскимъ. Изъ арабскаго языка они изучаютъ только Коранъ и молитвы, и читаютъ нѣсколько легкихъ сочиненій съ подстрочнымъ переводомъ. Но если ученый дошолъ до арабской грамматики (неху) и приобрѣлъ болѣе близкое знакомство съ арабскимъ языкомъ, то онъ пренебрегаетъ уже персидскимъ и занимается только арабскимъ — цѣлю и желаніемъ всякаго грамотнаго. Съ благоговѣніемъ и изумленіемъ смотрятъ маленькіе муллы на этихъ корифеевъ науки, которые понимаютъ священное писаніе, и съ удивленіемъ слушаютъ ихъ рѣчи, когда они употребляютъ арабскія фразы, къ которымъ тутъ - же прибавляютъ необходимыя для слушателя объясненія на тюркскомъ языкѣ. Въ письмѣ эти великіе ученые употребляютъ только персидскій языкъ, не обращая вниманія на то, знаетъ-ли его получатель письма. Бѣдный получатель теперь принужденъ искать себѣ переводчика! Въ собственно Зерафшанской долинѣ, именно близъ городовъ, это не представляетъ большаго затрудненія: здѣсь и многіе не очень образованные знаютъ этотъ языкъ.

Официальная переписка, документы и приказы правительственныхъ лицъ всегда пишутся по-персидски, даже въ Коканѣ. Причина этому та, что всякій чиновникъ (даже на дорогѣ) всегда имѣетъ съ собой муллу (мирзу), который понятно пишетъ на ученомъ языкѣ. Я часто имѣлъ случай присутствовать при сочиненіи этихъ официальныхъ документовъ. Чиновникъ сообщаетъ муллѣ содержаніе письма, тотъ сочиняетъ его какъ ему вздумается. По окончаніи его чиновникъ только прикладываетъ къ нему свою печать.

При такихъ обстоятельствахъ легко объяснить, отчего чужіе элементы вкрадываются въ языкъ Узбековъ; но разлагающимъ началомъ на духъ языка дѣйствуетъ именно то, что эти чужіе элементы не подчиняются законамъ тюркскаго языка,

остаются въ немъ въ первоначальной самостоятельности, какъ паразиты.

Вообще никто не станетъ отрицать что умственные занятія и ученіе образуютъ умъ и развиваютъ разсудокъ, но въ Средней Азійи видимъ противное. Здравый разсудокъ и проницательность находимъ здѣсь только у простаго народа. Языкъ Киргизовъ плавень и краснорѣчивъ, они остроумны и часто колки и находчивы въ вопросахъ и отвѣтахъ, иногда даже удивительно ловки, и всякій, даже самый необразованный, киргизъ владѣетъ своимъ языкомъ въ той силѣ, въ какой мы это въ Европѣ замѣчаемъ только у Французовъ и Русскихъ. Если они рассказываютъ, оборотъ рѣчи ихъ свѣжъ и пріятель. Это ясно обнаруживается въ образцахъ народной литературы, которые мною собраны и издаются Императорскою Академіей Наукъ.

Очень близко подходятъ къ Киргизамъ въ этомъ отношеніи Кара-калпаки и Тюркмены.

Узбекскій земледѣлецъ внутренней долины Зерафшана въ умственномъ отношеніи гораздо неповоротливѣе чѣмъ простое дитя степи, а образованный классъ въ городахъ выражается тяжело и черезъ-чуръ скученъ въ разговорахъ. Иначе это и не можетъ быть, потому что разговорный ихъ языкъ, отъ внесенія въ него чужаго элемента, потерялъ свой первоначальный типъ. Киргизецъ слышитъ свои сказки, мѣш и пѣсни на своемъ языкѣ, и это на него производитъ сильныя впечатлѣнія и возбуждаетъ въ немъ желаніе подражать имъ. Узбекъ, напротивъ того, слушаетъ каждый простой рассказъ на языкѣ котораго онъ большею частію не понимаетъ, который ученый читатель долженъ пояснить своими примѣчаніями, и чѣмъ глубже онъ вникаетъ въ науки, тѣмъ болѣе рѣчь окутывается непонятнымъ для него покровомъ. Узбекъ привыкаетъ угадывать мысль изъ слышанныхъ непонятныхъ и понятныхъ словъ, и повторять пустой ихъ звонъ. Ребенкомъ онъ учитъ молиться по-арабски, потомъ читаетъ цѣлые года коранъ, не

повиная ни малѣйшимъ образомъ прочитаннаго, и т. д. Черезъ это, понятно, упражняется и развивается только одна часть ума — память, между тѣмъ какъ всѣ остальные умственные силы слабѣютъ. И правда, память у нихъ необыкновенно развита. Одинъ изъ моихъ спутниковъ зналъ наизусть цѣлыя страницы арабскихъ молитвъ и взрѣченій корана, и пѣлъ цѣлыя главы изъ «Мугаммеді» и пѣсенъ Миръ-Али-Шира, не имѣя ни малѣйшаго понятія о содержаніи ихъ. Высшая степень учености состоитъ въ пресодолѣніи трудностей языка (въ совершенномъ изученіи арабскаго и персидскаго языковъ), и число счастливыхъ которымъ это удастся, весьма ограничено.

Главныя мѣста учености—медресе, но въ нихъ занимаютъ только однимъ богословіемъ. Вообще здѣсь считается грѣхомъ посвящать себя поэзіи или изящной литературѣ. Отъ того рѣдко встрѣишь, даже и у торгующихъ сословій, сочиненія поэтическія или историческія на арабскомъ, персидскомъ или тюркомъ языкахъ. Мнѣ стоило довольно много труда приобрести нѣкоторыя сочиненія этого рода. Даже у простаго народа едва найдешь что-либо другое кромѣ легендъ о святыхъ или «Хикметы» Ахмеда Ессеви и другія тому подобныя произведенія; народныя пѣсни или сказки только взрѣдка встрѣчаются. Главныя сочиненія Джагайтайской литературы сообщилъ Вамбери въ «Sagataische Studien». При другомъ случаѣ мнѣ вѣроятно представится случай дополнить его свѣдѣнія.

При такихъ обстоятельствахъ не удивительно что въ Средней Азіи, и особенно въ Зерафшанской долинѣ, ученость и фанатизмъ тѣсно связаны между собою. Чѣмъ болѣе ктонибудь предался наукѣ, тѣмъ болѣе онъ магометанинъ-фанатикъ, и высшіе ученые—факлы нетерпимости. Они—вѣчныя причины всѣхъ смутъ въ Средней Азіи, и въ нынѣшнемъ году принудили Эмира къ войнѣ. Они—возмутители жителей Самарканда противъ Русскихъ, и причинили этому городу всѣ тѣ несчастія и бѣдствія которыя онъ перенесъ. Они неизбежно принудятъ

всякаго владѣтеля правовѣрныхъ уничтожить договоръ заключенный съ невѣрными; въ ихъ глазахъ всякій миръ заключенный съ невѣрными есть уже преступленіе противъ вѣры. Такъ идутъ дѣла въ Бухарѣ, такъ въ Коканѣ. Что-бы ни говорили о вѣрности хана Коканскаго и о дружбѣ его съ Русскими, все это неосновательно: одна нужда заставляетъ его мириться со своимъ положеніемъ; вѣрность его—мечта; при первомъ удобномъ случаѣ онъ откажется отъ нея, потому что никогда не будетъ въ состояніи противиться ученымъ фанатикамъ.

Эмиръ Бухарскій и его сановники должны быть за-одно съ учеными муллами и даже подчиняться ихъ волѣ; они знаютъ что ихъ собственная власть основывается на сочувствіи послѣднихъ. Оттого они по наружности самыя строгіе магометане, и поддерживаютъ ученое сословіе, посредствомъ котораго только и въ состояніи они держать народъ въ своихъ рукахъ и въ повиновеніи.

Большая часть образованнаго класса принадлежитъ къ торговому сословію: оно менѣе фанатично чѣмъ ученые и сановники, и по этой причинѣ не такъ враждебно къ Русскимъ, отъ которыхъ получаетъ притомъ большія выгоды. Но и торговцы слишкомъ хорошіе магометане, чтобы при случаѣ не примкнуть къ сторонѣ защитниковъ религіи, хотя и съ другой стороны, покоряясь необходимости, они по крайней мѣрѣ наружно, повинутся вполне новымъ завоевателямъ. Болѣе терпимости обнаруживаетъ та часть торговаго сословія которая уже издавна находилась въ торговыхъ сношеніяхъ съ Россіей, и часто довольно далеко проникала въ ея предѣлы.

Простой народъ вообще апатиченъ и безхарактеренъ. Онъ наружно со строгостью исполняетъ обряды религіи, хотя не любитъ чиновниковъ и ученыхъ, гнетъ которыхъ чувствуетъ надъ собою, а между тѣмъ все-таки легко увлекается поджигательствомъ фанатиковъ.

Киргизы и Кара-калпаки чужды магометанскаго фанатизма. Они, правда, по наружности довольно-строгіе привер-

женцы ислама, даже строже самихъ Узбековъ, но еще не проникнуты пылающимъ жаромъ фанатизма; кромѣ того, они ненавидятъ владѣтельный классъ Сартовъ, Таджикивъ и Узбековъ, особенно ученыхъ муллъ, которые ихъ всегда называютъ невѣрными изъ-за нѣкоторыхъ обрядовъ, оставшихся у нихъ отъ язычества. Отсюда и происходитъ то замѣчательное явленіе, что Киргизы съ самаго начала примкнули къ Русскимъ, и всегда готовы воевать противъ жителей городовъ. Къ этому ихъ частію возбуждаетъ старинная ненависть, а частію и склонность къ грабежу, къ чему всегда представляется удобный случай во время военныхъ дѣйствій. Последнее подтверждается и тѣмъ что Киргизы приняли участіе въ борьбѣ Дунгеновъ и Таранчей противъ Китайцевъ въ Илійской долинѣ, послѣ того какъ они увидали на чьей сторонѣ перевѣсъ, и гдѣ болѣе представляется имъ случая къ добычѣ.

Въ такомъ положеніи находится умственное и политическое настроеніе народа занятой Русскими части Средней Азии. Мы видимъ здѣсь два элемента борющимися между собою: тюркскій — народный, и персидско-арабскій — магометанскій. Последній къ-несчастію ужъ вездѣ почти взялъ верхъ и дѣлаетъ невозможнымъ всякое свободное развитіе народа. При такихъ обстоятельствахъ не можетъ быть рѣчи объ умственныхъ и матеріальныхъ успѣхахъ. Борьба слишкомъ неровная. Только тогда когда тюркскій народный элементъ получитъ вѣрную поддержку отъ европейской цивилизаціи, тогда развитіе народа станетъ возможнымъ. Но здѣсь нельзя терять времени, здѣсь надо дѣйствовать поспѣшно. Уже теперь представители магометанства невидимо окружили даже жителей степей религіозною цѣпью, и эта цѣпь ихъ на нѣкоторыхъ пунктахъ ясно обнаруживается и будетъ укрѣпляться безъ сомнѣнія всякій день болѣе-и-болѣе, если не принесется народному элементу поспѣшная помощь. Таково положеніе дѣлъ въ Бухарѣ, таково оно и въ Киргизской степи давно принадлежа-

щей къ русскимъ владѣніямъ. Еще нѣсколько лѣтъ замедленія, и будетъ слишкомъ поздно.

Точно такъ какъ въ Европейской Турціи хитрый, ловкій и дѣятельный грекъ рѣзко отличается отъ лѣниваго, равнодушнаго, но честнаго турка, такъ и въ Средней Азіи хитрый, старательный и ловкій персіянинъ—отъ неуклюжаго татарина. Впрочемъ, черезъ смѣшеніе съ персидскимъ элементомъ и тюркское населеніе городовъ во многихъ отношеніяхъ сблизилось въ нравахъ своихъ съ Таджикими. Въ этомъ населеніи, которое, какъ настоящіе Таджики, написало на своемъ знамени слова: «выгода» и «жадность», высшей цѣлю дѣйствій является матеріальное приобрѣтеніе. Несмотря на презрѣніе которое питають магометане ко всему что относится до этого бреннаго свѣта (фани дунья), золото есть ихъ единственный идолъ. Они не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на связи крови или другія отношенія, когда могутъ приобрѣсть какую нибудь матеріальную выгоду; повтому главное занятіе жителей городовъ — торговля, такъ какъ черезъ нее могутъ они достигать наибольшихъ выгодъ, не прибѣгая въ тѣлесному напряженію, которое жители тюркскихъ городовъ ненавидятъ не менѣе чѣмъ Таджики. Нигдѣ люди не торгуются такъ какъ на базарахъ Средней Азіи, гдѣ продаватель, какъ только представляется возможность, старается обмануть покупателя. Жадность къ деньгамъ этихъ жителей городовъ не знаетъ никакихъ предѣловъ. Мнѣ самому случилось, что богатый человѣкъ, который показалъ мнѣ нѣкоторыя мѣста въ Самаркандѣ, далъ намекъ сопровождавшему меня киргизу, чтобы я сдѣлалъ ему небольшой подарокъ, и когда я, чтобы испытать его, подаль ему двадцать копѣекъ серебромъ, онъ принялъ ихъ съ большой радостью. Слово «силау» (подарокъ) слышно здѣсь на каждомъ шагу; за самыя ничтожныя услуги, какъ на-примѣръ указаніе какой нибудь улицы или тому подобное, требуютъ подарка. Слово «силау» всегда сопровождается самой сладкой улыбкой и

очень понятнымъ движеніемъ руки. Даже купецъ, когда что нибудь у него покупаешь, сверхъ опредѣленной платы просить еще «силу».

Послѣ жадности и страсти къ приобрѣтенію, главная черта горожанъ — скупость. Если они хотятъ что нибудь приобрѣсть, тогда слова «бренный свѣтъ» никогда не услышишь, но тѣмъ чаще слышишь его, когда они хотятъ скрыть свою скупость. По причинѣ скупости самые богатые живутъ также худо какъ и бѣдные, и питаются тою же самой пищею. Тѣмъ они только и отличаются, что домъ ихъ наряднѣе.

Кромѣ жадности и скупости, отличительныя черты ихъ характера — трусость, лютость и лицемеріе; взгляните только на страшное обхожденіе ихъ съ русскими или киргизскими плѣнными, случайно попавшимися въ ихъ руки; какія должны были они терпѣть страшнѣйшія мученія. Такъ, на-примѣръ, вырывали одному киргизу ежедневно по одному зубу, за то что онъ ѣлъ хлѣбъ невѣрныхъ, почему зубы его были уже затѣмъ недостойны разжевывать Божій даръ. Другому вытянули жилы, и переломали руки и ноги. Взгляните на происходившее въ прошломъ году въ Джизакѣ, когда Эмиръ обѣщалъ награду за всякую русскую голову, когда убили ночью часовыхъ и отрѣзали имъ головы, когда вырыли изъ земли покойниковъ, и головы ихъ привезли въ Бухару. Взгляните только на дервиша рассказывающаго вѣрующей толпѣ ложныя сновидѣнія свои, чтобы выручить этимъ деньги, и облакающаго свою ложь набожными словами и молитвами.

Жители деревень Зерафшанской долины производятъ уже болѣе пріятное впечатлѣніе, ибо въ нихъ замѣтна какая-то чистосердечность, которой у жителей городовъ не замѣчаемъ. Жадность у нихъ не такъ ясно выражается, они не такъ дѣятельны и старательны какъ городскіе жители, но флегматичны и лѣнны, при всемъ этомъ однако тѣлеснаго труда не боятся, какъ этого и требуютъ ихъ занятія. Они очень

не любятъ Таджикивъ, хитрости и ловкости которыхъ опасаются. При этомъ они боязливы и робки.

Кара-Калпаки, Тюркмены и Киргизы—чистые дѣти природы, которые хотя хитры и лукавы, но все-таки явно показываютъ добродушіе и привязанность. Они лѣнны, боятся всякой работы, и любятъ чтобъ милостивая природа кормила и снабжала ихъ всѣмъ нужнымъ; воинственности и храбрости я у нихъ не замѣчалъ, напротивъ того — большую трусость. Глазѣя, они толнятся вокругъ новаго пріѣзжаго, и при этомъ часто такъ навязчивы что едва отъ нихъ отдѣлаешься. Безстыдность въ требованіяхъ и попрошайствѣ у нихъ отличительная черта. Что касается до наружности, то тюркскій типъ здѣсь ясно отличается отъ персидскаго или отъ смѣси съ послѣднимъ. Киргизы, Кара-калпаки и Тюркмены еще чистые представители тюркскаго элемента: обыкновенно они средняго роста, коренасты, крѣпкаго тѣлосложенія. У нихъ широкое лицо, выдающіяся скулы, толстый носъ, и къ задѣ вдавленный лобъ. Волосы ихъ черныя, но съ легкимъ оттѣнкомъ русаго цвѣта. Брови узкія, борода рѣдкая. Таджики, сѣверные Сарты и часть Убековъ большею частію высоки, стройны и слабаго тѣлосложенія; лица ихъ узкія, съ очень рѣзкими чертами. Носъ у нихъ большой и немного загнуть, брови густыя и полная черная борода окаймляетъ красивое лицо. Блестящій черный цвѣтъ волосъ и бороды, большіе черные глаза, сверкающіе большею частію дикимъ огнемъ, даютъ имъ выраженіе мужественной красоты, и вся ихъ фигура при первомъ взглядѣ производитъ на васъ впечатленіе силы и рѣшимости. Немало способствуетъ тому и серьезность выраженія, преобладающая большею частію на ихъ лицѣ, но вся наша иллюзія исчезаетъ, какъ только появляется на ихъ лицахъ сладкая, лукавая улыбка, свойственная всѣмъ Таджикамъ при разговорахъ.

Образъ жизни жителей Средней Азии столь же однообразенъ какъ и устройство ихъ городовъ, какъ и окружающая послѣдніе

природа. Публичная жизнь, какъ и у всѣхъ магометанъ, принадлежитъ только мужчинамъ. Ихъ однихъ видимъ мы тихо и важно расхаживающихъ по улицамъ. Одѣты они въ свои пестрые и длинные халаты, обуты въ сапоги съ длинными и узкими голенищами, въ свѣтло-зеленыхъ галошахъ; головы покрыты фантастично-свернутыми огромными чалмами бѣлаго, зеленого и краснаго цвѣта. Они одни сидятъ группами на базарѣ или у мечети, гдѣ ведутъ оживленные разговоры. Только изрѣдка прокрадывается между пестрыми группами мужчинъ маленькая стройная личность, закутанная въ длинный синій халатъ, наброшенный на голову. Рукава этого халата, назади концами сшитые, доходятъ почти до подола. Халатъ она прихватываетъ рукою на груди, а къ стоячему воротнику пришить кусокъ черной сѣтки изъ конскихъ волосъ, закрывающей совершенно лицо. Это — женщина. Какъ преступница боящаяся свѣта, идетъ она сквозь группы мужчинъ, почтительно давая дорогу всякому изъ нихъ съ ней встрѣтившемуся.

Оставимъ теперь улицу, и войдемъ чрезъ узкія ворота на внутренній дворъ зданія. Возлѣ воротъ мы видимъ подъ глиняной, на деревянныхъ столбахъ покоющейся, крышей рядъ яслей для лошадей. Въ большихъ городахъ и вблизи базаровъ, гдѣ люди живутъ очень тѣсно, эти ясли находятся обыкновенно въ широкихъ коридорахъ, ведущихъ къ маленькимъ дворикамъ. Дворъ построенъ почти всегда квадратомъ, и окруженъ высокими стѣнами или домами. Одну изъ стѣнъ двора образуетъ домъ хозяина: тамъ находится нѣсколько маленькихъ дверей, украшенныхъ грубой рѣзбой а передъ ними возвышается четырехугольная площадка или терраса изъ крѣпко сбитой глины, вышиною на аршинъ отъ пола. Обыкновенно эта терраса покрыта коврами. Двери ведутъ въ гостинныя хозяина, которыя получаютъ свѣтъ чрезъ эти же двери и чрезъ маленькія находящіяся надъ дверьми окна, состоящія изъ деревянной рѣшетки заклеенной прозрачной бумагой. Стѣны

этихъ комнатъ бѣльшею частію изъ глины, и только у богатыхъ онѣ општукатурены или даже украшены арабесками. Потолокъ состоитъ изъ длинныхъ деревянныхъ балокъ, расположенныхъ другъ отъ друга на разстояніе поларшина и покрытыхъ поперечными тонкими жердями. На потолокъ наброшенъ толстый слой глины, составляющей плоскую крышу дома. Потолокъ обыкновенно забѣленъ, но у богатыхъ выштукатуренъ и раскрашенъ пестрыми красками и золотомъ. Въ стѣнахъ находятся, въ разстояніи одного аршина отъ полу, ниши, въ которыхъ обыкновенно помѣщается бібліотека хозяина (въ числѣ книгъ непременно имѣется Коранъ и Хефтьякъ) и, кромѣ того, чайная посуда. Полъ этихъ комнатъ изъ битой глины и покрытъ тюркменскими коврами; на полу въ разныхъ мѣстахъ лежатъ круглыя подушки, обтннутыя пестрой шелковой матеріей, и для лучшихъ гостей — шелковыя одѣяла на ватѣ.

Въ другой стѣнѣ двора есть большая дверь; чрезъ нее, видимъ, выглядываютъ нѣсколько дѣтскихъ головокъ, любопытно осматривающихъ новаго пришельца. Эта дверь ведетъ ко второму двору, устроенному такъ же какъ первый: на немъ живетъ семейство хозяина.

Бѣльшею частію жилища состоятъ изъ двухъ дворовъ; только у самыхъ бѣдныхъ одинъ дворъ, раздѣленный цыновкою на двѣ половины. Передняя часть и здѣсь принадлежитъ мужчинамъ, а задняя семейству. Задній дворъ хозяинъ (особенно богатый) днемъ рѣдко посѣщаетъ. На заднемъ дворѣ живетъ бѣдная невольница мужчины исполняя свои безцвѣтныя и однообразныя занятія. Она сидитъ тамъ одна, дѣти играютъ вокругъ нее; она шьетъ, прядетъ, готовитъ кушанья, затѣмъ ищетъ себѣ тѣнистаго уголка и ложится спать. Я имѣлъ случай осматривать женскій дворъ сосѣдняго дома, и могъ такимъ образомъ составить себѣ ясное понятіе о жизни женщинъ. Женщины тихо и медленно исполняютъ свои безрадостныя работы: такъ ясно у нихъ прогля-

дысаетъ скука, овладѣвающая всею ихъ жизнью. Для женщины нѣтъ удовольствія и развлеченія, ибо только изрѣдка посѣщаетъ ее сосѣдка, съ которой она можетъ кое о чемъ поговорить. Хорошо что жарь склоняетъ человѣка ко сну: безъ частаго сна она едва-ли бы могла переносить такую жизнь.

Мужской дворъ днемъ по большей части пустъ, ибо хозяинъ долженъ идти на рынокъ и не смѣетъ пропустить молитвы въ мечети. Но послѣ обѣда часто собираются гости. Тогда дворъ оживляется и подаются чай, фрукты и другія угощенія, и занимательный разговоръ увеселяетъ всѣхъ. Еще болѣе одушевится собраніе, когда въ него войдетъ знакомый мулла съ высокою, акуратно сложенною, бѣлою какъ снѣгъ чалмой на головѣ, важно опираясь на длинный серебряный украшенный посохъ, и почтитъ собраніе своимъ присутствіемъ. Занявъ свое почетное мѣсто онъ протягиваетъ руку къ одной изъ книгъ лежащихъ въ нишѣ, и читаетъ присутствующимъ какой-то арабскій текстъ.

Слушатели должны быть очень тронуты священными словами, ибо тотчасъ послѣ его ухода домъ наполняется новыми гостями, приводятъ мальчика лѣтъ двѣнадцати, одѣтаго въ женское платье; гости садятся на дворѣ въ полукругъ, и мальчикъ начинаетъ въ серединѣ двора свой танецъ, состоящій изъ отвратительно неграціозныхъ, очень неприличныхъ движеній тѣломъ. На инструментѣ со струнами, похожемъ на балалайку, играютъ музыку къ танцу, и присутствующіе мужчины хлопаютъ тактъ въ ладоши. Похотливые любострастные взгляды бросаются на танцующаго бѣзэ, который съ своей стороны отвѣчаетъ этимъ до сумашествія влюбленнымъ старикамъ вѣжно кокетливыми взглядами, и подбрасываетъ предпочитаемымъ изъ нихъ кусочки хлѣба или сахару, на которые они бросаются съ жадностью и проглатываютъ съ неописаннымъ наслажденіемъ. Эти танцы продолжаются до глубокой ночи, почему и оставляю конецъ праздника подъ ея покровомъ.

Послѣдствія этого разврата ужасны; онъ разрываетъ послѣднія узы семейной жизни. Ежегодно тысячи мальчиковъ отъ 8 до 12 лѣтъ систематично приучаются къ этой блудной жизни и умираютъ нравственною смертью.

Пища жителей Зерафшавской долины чрезвычайно проста и у всѣхъ классовъ общества та же самая. Бѣдные и работники большею частію питаются фруктами и хлѣбомъ. Хлѣбъ мѣсятъ изъ пшеничной муки, воды и соли, и не подвергая его брожевію, пекутъ въ видѣ тоненкихъ лепешекъ. Свѣжій хлѣбъ довольно вкусенъ. Кромѣ того бывають у нихъ маленькія булки, приготовленныя на бараньемъ салѣ, которыхъ уже нельзя назвать вкусными. Фрукты, понятно, различны по временамъ года: вишни, али-бухара (родъ сливъ), яблоки, груши, персики, урюкъ, туловыя ягоды, дыни и арбузы. Дыни, которыя въ самомъ дѣлѣ великолѣпны, во время поздняго лѣта почти исключительно пищею служатъ бѣднымъ.

Изъ вареныхъ блюдъ общепотребительное — пилавъ, кушанье по имени персидское; здѣшніе жители называютъ его «ашъ» (пища). Это густой рисъ, варенный съ бараниной, который подается съ морковью. Пилавъ—единственное кушанье для гостей, и ѣлъ я его такъ много, что получилъ къ нему отвращеніе; онъ подается на столъ и бѣднаго и богатаго. Другое кушанье, которое въ большомъ употребленіи, это — лапша, вареная на бульонѣ или на молокѣ. Нерѣдко готовятъ баранину жаренную мелкими кусочками. Кушанья изъ молока, даже кислое варенное молоко (айранъ) рѣдко встрѣчаются. На базарахъ продають пельмени варенные въ ситахъ паромъ: они очень жирны, но довольно вкусны.

Чай, у богатыхъ зеленый, въ особенномъ употребленіи. Его подаютъ съ миндалемъ, изюмомъ и сушенными фруктами. Чай очень не вкусенъ, потому что варятъ его въ высокихъ мѣдныхъ чайникахъ (кувшинахъ) на огнѣ. Въ нѣкоторыхъ караванъ-сараяхъ, даже въ деревняхъ, находилъ я русскіе са-

мовары. Но они еще въ рѣдкомъ употребленіи у простаго народа.

Изъ питей упомяну о шербетѣ. Онъ, какъ мнѣ говорили, готовится изъ меда. Медъ владется въ большіе глиняные кувшины которые герметически закупориваютъ и потомъ закапываютъ въ землю. Черезъ это медъ превращается въ густую жидкость, какъ будто сиропъ бураго цвѣта, который, смѣшанный съ водой, даетъ пріятный напитокъ.

Водку изъ изюма я встрѣчалъ только у евреевъ въ Самаркандѣ.

Упомянутыя блюда встрѣтишь у богатаго и бѣднаго, и даже столъ Эмира, сколько мнѣ извѣстно, не отличается другими переѣнами. Я ѣлъ здѣсь только баранину и изрѣдко говядину. Лошадинаго мяса, любимаго купанья киргизовъ, тюркменъ и русскихъ татаръ, здѣсь кажется не ѣдятъ. Купанья подаются болѣею частію на грязныхъ скатертяхъ разосланныхъ на полу; ѣдятъ руками, которыя моютъ передъ обѣдомъ и послѣ него, какъ предписано Кораномъ. Ложекъ и вилокъ я нигдѣ не видалъ.

Управленіе.

Зерафшанская долина принадлежала во всемъ своемъ пространствѣ ниже города Пенджикента къ Бухарскому ханству. Эмиръ, высшій владѣтель этого ханства, проживалъ прежде зиму въ Бухарѣ, а лѣто въ Карши, въ Катты-Курганѣ и въ Самаркандѣ. Лѣтнее жилище Эмира въ Катты-Курганѣ мною выше описано.

Управленіе ханства—военно-клерикальный деспотизмъ. По наружному виду управленіе чисто военное.

Все ханство раздѣлено на бекства, которыя управляются беками, назначаемыми по усмотрѣнію Эмира. Бекства средней Зерафшанской долины, до занятія ея Русскими, были слѣдующія: 1) Джизакъ, 2) Самаркандъ, 3) Пенджи-

кентъ, 4) Чилекъ, 5) Нурата, 6) Пейшемби, 7) Катты-курганъ, 8) Катырчи, 9) Зиаддинъ.

Беки командуютъ ввѣренными имъ войсками, занимающими гарнизоны въ главныхъ городахъ бекствъ; кромѣ того они намѣстники самого Эмира и управляютъ ввѣреннымъ имъ краемъ почти съ неограниченною властію. Главная обязанность ихъ состоитъ въ доставленіи Эмиру ежегодной опредѣленной подати и въ сохраненіи за Эмиромъ верховной власти въ краѣ, т. е. они должны препятствовать всякому возстанію и неповиновенію. Беки нерѣдко считали себя самостоятельными владѣтелями и вели даже между собою самостоятельныя войны; бывали даже случаи что беки возставали противъ власти Эмира. По этой причинѣ Эмиръ своихъ бековъ не оставляетъ слишкомъ долго на своемъ мѣстѣ; онъ очень остороженъ при ихъ выборѣ и назначаетъ ихъ изъ самыхъ приближенныхъ къ себѣ лицъ, а черезъ нѣкоторое время призываетъ ихъ назадъ къ своему двору.

Число воиновъ состоящихъ въ распоряженіи бека—различно и зависитъ отъ величины управляемаго имъ бекства. Большею частію они состоятъ изъ нѣсколькихъ сотъ наѣздниковъ, получающихъ въ мѣсяцъ двадцать тенегъ (четыре руб.) на содержаніе себя и своей лошади. Офицеры этихъ войскъ — Юзбаши (командующій сотнею), Мирахоръ (шталмейстеръ), въ родѣ личнаго адъютанта при бекѣ, которому иногда довѣряется и командованіе отрядомъ, Пенджабаши (командующій пятидесятью) и Дибаши (командующій десятию).

Какъ-только предвидится опасность войны, бекъ обязанъ увѣщаніями, силою и платою, по крайней мѣрѣ утроить свое обыкновенное войско, и всѣми своими военными силами по приказанію Эмира соединиться съ главными его силами. Путешественники, въ числѣ ихъ и Вамбери, слишкомъ преувеличиваютъ военныя силы Бухары, состояція изъ военныхъ силъ бекствъ и собственныхъ охранительныхъ войскъ Эмира. Меня увѣряли что они въ-совокупности не превосходятъ обы-

кновенно 8000 человекъ, и въ случаѣ войны могутъ быть увеличены не болѣе какъ до 20,000 человекъ. Чтобы придать болѣе значенія своей арміи передъ сраженіемъ, силою принуждаютъ жителей ближайшихъ селеній присоединиться къ войскамъ, такъ что вмѣстѣ съ этими, вовсе невооруженными, жителями и съ людьми являющимися на полѣ дѣйствія изъ любопытства собравшаяся масса доходитъ до 40,000 человекъ. Что эта не вооруженная толпа, хотя она и увеличиваетъ по виду армію, во время битвы только вредитъ дѣйствіямъ ея, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Поэтому мы и видимъ что при каждомъ столкновеніи съ Русскими большая часть непріятельской арміи бросается бѣжать, услышавъ первый выстрѣлъ изъ пушекъ. При завоеваніи городовъ, жители города составляютъ большую часть защищающихъ городъ силъ, и говорятъ что горожане сражаются гораздо лучше войскъ Эмира. Такъ мнѣ рассказывалъ очевидецъ.

Главнокомандующій арміей — Аскеръ-башъ, состоитъ обыкновенно при дворѣ Эмира. Въ нынѣшнемъ году былъ командующимъ войсками Османъ-бекъ, ренегатъ, казакъ убѣжавшій много лѣтъ тому назадъ съ Сибирской линіи. Говорятъ что кромѣ его еще много дезертеровъ изъ русскихъ владѣній, частію изъ магометанъ, занимаютъ значительныя мѣста въ Бухарской арміи. Часть собственной арміи Эмира составляютъ на вербованные Афганцы, изъ которыхъ въ нынѣшнемъ году отъ 200 до 300 человекъ, подъ предводительствомъ Искендеръ-хана, перешли къ Русскимъ. Эти Афганцы, какъ я самъ видѣлъ, сбродъ всякой сволочи, которые только ради добычи несутъ военную службу. Говорятъ что они въ нынѣшнемъ году безъ всякаго зазрѣнія совѣсти храбро сражались противъ своихъ единовѣрцевъ и своего прежняго владѣтеля.

Армія Бухарская болѣею частію состоитъ изъ наѣздниковъ, которые набираются изъ войскъ бекствъ и вновь на вербованныхъ солдатъ. Вооружены они очень неодинаково и

*

бросаются на непріятеля безъ всякаго порядка. Гораздо меньше числомъ пѣхота Эмира. Она лучше вооружена и носить, какъ увѣрають, частію опредѣленную форму. Пѣхота уже упражняется въ военной эксерциціи; инструкторы ея—русскіе дезертеры и Афганцы, служившіе въ Индіи сипаями.

Артиллерія прежде была только крѣпостная, но въ послѣднихъ годахъ артиллерія уже дѣйствовала при сраженіи у Зирь-булака. Бухарцы успѣли даже довольно ловко спасти свои пушки. Эмиръ, какъ кажется, имѣетъ въ своемъ распоряженіи отъ 40 до 50 пушекъ. Стрѣльба артиллеріи довольно неловка, такъ что выстрѣлы не причиняють большаго вреда непріятелю. Пушки очень не хороши, дулы худо отлиты и ядра некруглыя. Такъ-называемыя горныя пушки—просто игрушки и негодны ни для какаго употребленія. Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ русскій офицеръ былъ захваченъ киргизами и привезенъ въ Бухару, Эмиръ требовалъ отъ него чтобы онъ обучалъ артиллерію. Послѣ долгихъ отказовъ онъ наконецъ согласился и пошелъ къ мѣсту ученія; но когда увидѣлъ ея приемы, то едва могъ удержаться отъ смѣха. Тогда командующій артиллеріей сообщилъ ему что ему слѣдуетъ не порицать а только хвалить, въ противномъ же случаѣ онъ можетъ поплатиться жизнью. Это ему было сказано чистымъ русскимъ языкомъ. Онъ послѣдовалъ этому совѣту и объяснилъ Эмиру, что все идетъ превосходно; Эмиръ наградилъ его подаркомъ и болѣе его не беспокоилъ.

Какіе успѣхи сдѣлало военное искусство Бухарцевъ, и какъ они понимаютъ побѣды Русскихъ, доказываетъ посланный въ Ташкентъ Муса-бай. Онъ вездѣ искалъ книги, изъ которой можно научиться побѣждать непріятеля. Онъ, какъ мнѣ рассказывали, ясно выразился, что произношеніемъ два (молитвы) Русскіе побѣждаютъ другихъ.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію управленія краемъ, сважу нѣсколько словъ о высшихъ бухарскихъ сановникахъ,

съ которыми я познакомился во время своего путешествія. Это были три посланника, отправленные Эмиромъ въ главную русскую квартиру въ Самаркандѣ для передачи подписаннаго мирнаго трактата, и три бека, которыхъ я видѣлъ во время случайнаго моего пребыванія при опредѣленіи границъ.

Посольство Эмира состояло изъ трехъ лицъ: Муса-бай, мирахоръ, т. е. шталмейстеръ Эмира, высокое духовное лице Ишанъ и одинъ финансовый чиновникъ. Муса-бай, ловкій старикъ и хитрый льстецъ, давалъ безпрестанно въ сладкихъ словахъ всевозможныя обѣщанія. Мы съ нимъ тотчасъ познакомились, такъ что онъ уже на второй день подарилъ мнѣ историческое сочиненіе на персидскомъ языкѣ, прося при этомъ дозволенія оставить эту книгу на нѣсколько дней у себя; я ему подарилъ хорошій коранъ; но въ послѣдствіи онъ уѣхалъ и не отдалъ мнѣ подаренной мнѣ книги. Говорилъ онъ много, но мало дѣльнаго. Второй посланникъ, Ишанъ (туркменскаго происхожденія), произвелъ на меня болѣе выгодное впечатлѣніе. Онъ былъ серьезенъ и довольно откровененъ; личность его выражала что-то достойное; много онъ мнѣ сообщил интереснаго о Туркменахъ. Но главнымъ предметомъ нашего разговора былъ Исламъ. Онъ старался меня убѣдить въ преимуществѣ этой религіи и непремѣнно желалъ чтобъ я принялъ эту вѣру. Споръ нашъ велся очень горячо и я долженъ признать за нимъ много ловкости. Отъ третьяго посланника я не слышалъ никогда ни слова, онъ разыгрывалъ какую-то безмолвную личность. Посланники эти были одѣты въ хорошіе шелковые халаты, ничѣмъ неотличающіеся отъ платьевъ остальныхъ Татаръ. Чапراки ихъ сѣдель были вышиты золотомъ; оба свѣтскіе посланники носили сабли, а духовное лицо—принадлежащій къ его званію посохъ; когда онъ садился на лошадь, онъ передавалъ этотъ посохъ слугѣ, который его носилъ за нимъ.

Три бека, съ которыми я познакомился во время опредѣленія границы, были Рахметъ-би, бекъ Зіаддинскій, Багадуръ-би, бекъ Катырчинскій, и Абдуль-гафаръ, бекъ Нуратинскій. Рахметъ-би, тотъ самый бекъ, о которомъ упоминаетъ Вамбери какъ о правителѣ Бухары во время отсутствія Эмира, былъ по происхожденію таджикъ. Онъ пріѣхалъ къ намъ въ Катты-курганъ, чтобы оттуда итти въ Самаркандъ для правленія Зерафшанской плотины. Здѣсь онъ получилъ приказаніе Эмира присутствовать при опредѣленіи границы. Онъ одѣвался просто, но изящно, и въ скоромъ времени усвоилъ себѣ формы обхожденія съ Европейцами. Своихъ выгодъ онъ добивался любезностью въ обращеніи. Я скоро съ нимъ познакомился; отвѣты на всѣ вопросы мои о Бухарѣ онъ хитро умѣлъ отклонить. Онъ оказался весьма ловкимъ дѣловымъ человекомъ и совершенно хорошо понималъ безвыходное положеніе Бухары. Занятія во время его присутствія кончились довольно скоро. Жители встрѣчали его съ почтеніемъ, что ему нисколько не мѣшало везти съ собой двухъ бѣзѣ. Говорили что онъ въ большомъ почетѣ и въ милости у Эмира.

Противоположностью этому хитрому Рахметъ-бію былъ Катырчинскій бекъ Багадуръ-би. Онъ былъ молчаливъ, скрытенъ, неуклюжъ и самыхъ ограниченныхъ способностей. Окружающая его толпа выказывалась въ-отношеніи къ нему наглою и грубою, и нѣсколько разъ, когда онъ говорилъ со мною или съ переводчикомъ, я слышалъ что одинъ изъ его свиты ему замѣчалъ: «что ты такъ много говоришь, это нейдетъ къ твоему положенію». Когда мы пріѣхали въ Катырчи, русскій пограничный комиссаръ пригласилъ его прибыть въ нашъ лагерь; онъ отказался отъ этого приглашенія, опираясь на то, что не получилъ никакихъ инструкцій отъ Эмира, но объявилъ что передастъ одному изъ своихъ родственниковъ свою печать и съ нимъ вмѣстѣ пришлетъ нѣсколькихъ аксакаловъ, которые могли бы опредѣлить границу. Это было, понятно, отвергнуто нашимъ комиссаромъ

и повторено требованіе о личномъ его присутствіи. Тогда онъ согласился и назначилъ деревню Тасмачи какъ мѣсто встрѣчи, пріѣхать-же въ Кимидузъ, гдѣ мы находились, онъ отказывался, выставляя что онъ не можетъ оставить своего бекства, и прислалъ подарки, которые при такихъ обстоятельствахъ конечно не были приняты. Въ деревнѣ Тасмачи мы встрѣтились наконецъ. Онъ принялъ насъ на галереѣ большаго дома, окруженный свитою во сто человекъ, сидѣвшихъ вокругъ него. Подлѣ него сидѣлъ ясауль-баши и нѣсколько муллъ. Онъ говорилъ мало; за него говорилъ болѣею частію ясауль-баши (ясауль-башъ) и одинъ изъ муллъ, которые прежде всего намъ объявили что Багадуръ-би совсѣмъ другой человекъ чѣмъ Рахметъ-би, что онъ узбекъ изъ княжскаго рода, родственникъ самого Эмира, между тѣмъ какъ Рахметъ-би только таджикъ и выскочка. На слѣдующій день началось опредѣленіе границы, но мы не мало удивились, когда на другое утро увидали себя окруженными толпою отъ 800 до 1000 наѣздниковъ, составлявшихъ свиту бека; изъ нихъ болѣе 200 были вооружены ружьями. Бекъ былъ окруженъ 10-ю ясаулами, вооруженными бѣлыми палками. Онъ повидимому избѣгалъ ѣхать съ нами. У всякой деревни онъ останавливался и два раза отзывался болѣзнію, чтобы удалиться. Позже мы узнали что онъ дрожалъ отъ трусости когда долженъ былъ ѣхать съ нами, и что онъ собралъ свой отрядъ въ самомъ непродолжительномъ времени изъ ближайшихъ деревень, чтобы защищаться въ случаѣ нападенія. Когда, по окончаніи работъ, я ему подалъ протоколъ и просилъ его подписать, онъ взялъ его и не взглянувъ на него, закрѣпилъ печатью и возвратилъ мнѣ назадъ. Только когда я его попросилъ по крайней мѣрѣ прочесть протоколъ, тогда онъ передалъ его муллѣ, который и прочелъ его вслухъ.

Третій бекъ, Абдуль-гафаръ, сначала вмѣсто себя хотѣлъ послать сына своего, но потомъ пріѣхалъ самъ въ деревню Акчапъ. Онъ произвелъ на меня наилучшее впечатлѣніе;

онъ не былъ такъ ласковъ какъ Рахметъ-би, но и не такъ грубъ какъ Багадуръ-би. Онъ держалъ себя чинно, обнаруживалъ хорошее знаніе края и обстоятельствъ; кромѣ того въ немъ проявлялось и немало энергіи. Онъ не имѣлъ свиты и ни одинъ ясауль не носилъ передъ нимъ палки. Населеніе встрѣчало его, на сколько я могъ замѣтить, съ большою почтительностію и уваженіемъ.

Много требуется ловкости чтобы вести переговоры съ посланниками Средней Азіи. Они большіе мастера на плутни и увертки, и особенно стараются унизить въ глазахъ окружающаго ихъ народа значеніе противника. Такъ, на примѣръ, дѣйствовалъ Рахметъ-би, когда ему посланъ былъ на встрѣчу молодой офицеръ изъ Катты-курмана. Когда тотъ приблизился, бекъ показалъ видъ будто хочетъ слѣзть съ лошади, но держался на одномъ стремени; офицеръ, замѣтивъ это, дѣйствительно слѣзъ съ лошади, но Рахметъ-Би живо опять сѣлъ на лошадь и уже съ лошади подаль руку стоявшему передъ нимъ офицеру. Затѣмъ онъ продолжалъ путь, не обращающа вниманія на озадаченнаго офицера.

Теперь мы обратимся къ внутреннему управленію края.

Назначенный Эмиромъ бекъ — въ тоже время, какъ я уже выше сказалъ, намѣстникъ Эмира во всѣхъ отрасляхъ управленія. Жалованья, ни бекъ, ни подчиненные его не получаютъ. Онъ себя и своихъ подчиненныхъ, даже своихъ солдатъ, долженъ содержать на мѣстныхъ средства, и имѣть на это извѣстныя пошлины въ своемъ распоряженіи. Ближайшіе помощники бека — его родственники, которыхъ онъ посылаетъ съ уполномочіемъ отъ себя въ разные пункты своей области. Родственниковъ онъ опредѣляетъ потому, что думаетъ что они, связанные съ нимъ общими интересами, его не обманутъ. Его родственники уважаются и принимаются народомъ какъ и самъ бекъ. Кромѣ того онъ окружаетъ себя ясаулами, число и выборъ которыхъ совершенно зависитъ отъ него. Старшій изъ ясауловъ называется ясауль-баши. Эти ясаулы

большую частью окружают бека, они его лазутчики и, кроме того, получают незначительныя порученія въ разные пункты области.

Всякое бекство раздѣлено на маленькіе округа, во главѣ которыхъ стоятъ аксакалы. Главнымъ изъ нихъ считается тотъ аксакалъ который управляетъ городомъ гдѣ живетъ бекъ. Онъ носитъ титулъ амин'а. На аксакалахъ лежитъ обязанность исполнять въ своемъ округѣ приказанія бека, но ихъ главное назначеніе — собираніе податей. Во всякомъ селеніи — опять аксакалъ, въ родѣ нашихъ старшинъ. Таковыя же аксакалы назначаются на всѣ базары и на водопроводы. Всѣ эти чиновники должны содержать себя мѣстными средствами. Определеннаго порядка службы и управленія здѣсь не существуетъ: всякій чиновникъ долженъ дѣйствовать по обычаямъ и по своему усмотрѣнію, чтобы исполнить приказанія бека.

Кромѣ этого свѣтскаго управленія есть еще духовное управленіе. Въ немъ, кажется, еще болѣе неопредѣленности чѣмъ въ свѣтскомъ. Духовное управленіе состоитъ изъ касты ученыхъ, окружающихъ бека, которые, вмѣстѣ съ остальными учеными и духовными лицами, подъ видомъ слабой связи между собою крѣпко охватываютъ всю область. Единственные чиновники этой касты состоящіе на разныхъ мѣстахъ — казы или судьи. Кто ихъ назначаетъ, я не могъ узнать: кажется, что мудлы вмѣстѣ съ бекомъ ихъ опредѣляютъ.

Казы разбираетъ частныя споры и судить дѣла противъ нарушенія общественнаго порядка и преступленія. Законъ по которому онъ долженъ судить — это шеригатъ, основанный на коранѣ; этотъ законъ, понятно, во многихъ отношеніяхъ негоденъ для обстоятельствъ и положеній дѣшняго края, но къ-сожалѣнію магометанскіе юристы или, лучше сказать, богословы Средней Азіи не стараются разработать его далѣе, сообразно съ потребностями народныхъ нуждъ. Такимъ образомъ судьямъ при рѣшеніи дѣлъ открыто весьма широкое поле

для ихъ произвола, особенно потому, что законъ этотъ писанъ на арабскомъ языкѣ, и самый судья переводчикъ и толкователь этого закона. При рѣшеніяхъ своихъ онъ оттого смотритъ болѣе на умственные способности спорящихъ или на вліяніе ихъ въ обществѣ, чѣмъ на слово закона; какъ рѣшаются дѣла по уголовнымъ преступленіямъ я не могу съ точностію опредѣлить; кажется, казы приглашаетъ для этого акакала и нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ. Точно также я не знаю докуда распространяется законная власть судьи. Кажется, что въ важныхъ дѣлахъ казы долженъ испрашивать согласія бека, но бекъ долженъ дѣйствовать въ этомъ отношеніи по рѣшенію окружающихъ его муллъ. Бекъ самъ имѣетъ власть приговорить къ смертной казни, но я слышалъ что и чиновники маленькихъ округовъ приговаривали къ смертной казни и приговоры эти приводили въ исполненіе безъ разрѣшенія бека. Въ случаѣ возстаній, бекъ дѣйствуетъ по своему усмотрѣнію и вѣшаетъ виновныхъ сколько ему хочется. Говорятъ что прежде бывали здѣсь въ этомъ отношеніи ужасныя сцены, потому что важность и значеніе бека часто зависѣло отъ числа повѣшенныхъ.

Жители Зерафшанской долины такъ привыкли къ вѣшанію, что это на нихъ не производитъ ни малѣйшаго впечатленія: они называютъ публичныя казни, какъ и остальные общественныя зрѣлища, «тамаша».

Каста духовныхъ и ученыхъ лицъ строго наблюдаетъ за правовѣріемъ жителей, и отступленіе отъ правовѣрія подмечать суду однихъ только духовныхъ лицъ. Въ такихъ случаяхъ бекъ не имѣетъ никакой власти и долженъ предоставить жертву фанатикамъ, въ расположеніи которыхъ онъ самъ такъ сильно нуждается.

Но иногда Эмиръ и беки оказываютъ сопротивленіе духовнымъ лицамъ и даже открыто на нихъ нападаютъ; такъ, напримѣръ, два года тому назадъ Эмиръ Музафаръ-эддинъ (какъ говорятъ) повѣсилъ въ Самаркандѣ нѣсколько

десятьковъ муллъ, за то что они возбудили противъ него народъ.

Въ настоящее время, по крайней мѣрѣ когда я былъ въ Зерафшанской долинѣ, шли страшныя смуты по всему ханству. Эмиръ заключилъ миръ съ Русскими противъ воли духовенства. Послѣ того ученые привлекли на свою сторону и возбудили Эмира противъ его сына, къ которому присоединились киргизскій султанъ Садыкъ и беки державшіе сторону духовенства. Къ нимъ присталъ еще бекъ Шехрисебскій, давнишній врагъ Эмира, и началъ наступательныя военныя дѣйствія противъ него. Эмиръ былъ не въ силѣ устоять противъ бунтовщиковъ. Но, какъ доказываютъ послѣднія извѣстія, Русскія власти поддержали значеніе Эмира: движеніемъ къ лѣвому флангу они принудили Шехрисебскаго бека отдѣлиться отъ своихъ союзниковъ, потомъ двинулись на Карши, выгнали оттуда мятежниковъ, и возвратили этотъ городъ Эмиру. Какъ долго Эмиръ будетъ въ состояніи сопротивляться вліянію и проискамъ ученыхъ, яснѣе покажетъ будущее. Судьба его не завиднѣе судьбы Коканскаго Хана, который находится въ величайшей опасности. Но Худаяръ-ханъ—другой человѣкъ чѣмъ Музафаръ-эддинъ; онъ знаетъ Русскихъ, жилъ долго между ними, и имѣетъ ясное понятіе о ихъ силѣ. Я этимъ не хочу сказать чтобы Русскимъ угрожали въ Средней Азіи какія нибудь опасности; объ этомъ думать нечего; но мысли о дружественныхъ отношеніяхъ съ сосѣдними непокорными ханствами Средней Азіи—мечта. Русскіе всегда должны смотрѣть на этихъ хановъ какъ на своихъ враговъ и всегда быть на-готовѣ противиться ихъ замысламъ. Такія отношенія невыносимы для образованнаго государства, которому неприлично стоять часовымъ на границахъ своихъ владѣній.

Европа должна быть благодарна Россіи, что послѣдняя удерживаетъ эти гнѣзда фанатизма и невѣжества; и даже для Англіи могла бы быть только польза, если бы Русскіе и Англичане стали сосѣдами въ Афганистанѣ. Предположеніе что Рус-

свѣ могутъ возбудить магометанскихъ подданныхъ противъ Англичанъ — такъ-же немислимо, какъ и то что человѣкъ живущій съ своимъ врагомъ въ одномъ деревянномъ домѣ рѣшился бы поджечь домъ своего недруга.

Наконецъ, скажу еще нѣсколько словъ на счетъ податей, собираемыхъ бухарскимъ правительствомъ въ Зерафшанской долинѣ. Подати были троякаго рода: *хараджъ*, *танапъ* и *зекетъ*. *Хараджъ* — пошлина съ хлѣбныхъ растѣній, которую земледѣлецъ долженъ отдать въ натурѣ съ получаемого отъ своихъ полей урожая. Указанія на счетъ этой подати мнѣ сдѣланы различныя: отъ $\frac{1}{8}$ до $\frac{1}{6}$ части урожая. *Танапъ* есть пошлина съ садоводовъ. Она собирается съ фруктовъ, овощей, хлопка и искусственныхъ луговъ, пропорціонально площади занимаемой плантаціей. *Танапъ* оплачивается деньгами. Съ тутовыхъ деревьевъ собиралась особая дань. *Зекетъ*, наконецъ, есть подать собираемая съ товаровъ, привезенныхъ на базаръ, съ каравановъ, со скота, съ ремесленниковъ и съ харчевень. Объ этихъ податяхъ дать болѣе опредѣленные указанія я не въ состояннн, потому что рассказы жителей, изъ очень понятныхъ причинъ, были самые разнообразныя и противорѣчили другъ другу. Пошлины эти очень тяжелы, несправедливы и неправильно распределены, потому что они налагаются на одну рабочую силу, а не на имѣніе. Можно надѣяться что чиновники новозанятаго края вскорѣ дадутъ точныя и вѣрныя указанія на счетъ пошлинъ и экономическихъ отношеній вѣреннаго имъ края.

В. Радловъ.

Въ концѣ 1868 года.

О БАСЕЙНѢ ЛОБЪ-НОРА.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ КИТАЙСКАГО СОЧИНЕНІЯ

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ

„СИ-ЮЙ-ШУЙ-ДАО-ЦЗИ“.

О БАССЕЙНѢ ЛОБЬ-НОРА

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ КИТАЙСКАГО СОЧИНЕНІЯ

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ

„СИ - ЮЙ - ШУЙ - ДАО - ЦЗИ“.

В. М. Успенскаго.

Настоящій трудъ исполненъ мною по предложенію многоуважаемаго профессора В. В. Григорьева. По мысли его, я хотѣлъ перевести сполна означенное китайское сочиненіе; но лишь только принялся за дѣло, какъ увидѣлъ что у меня не достало бы времени выполнить эту задачу. Поэтому и рѣшился я ограничиться извлеченіемъ, да и то лишь изъ одного отдѣла сочиненія, именно: «О теченіи водъ въ Восточномъ-Туркистанѣ». Впрочемъ, можно думать что, ограничиваясь извлеченіемъ, я ничего существеннаго изъ содержанія книги не упустилъ, такъ-какъ авторъ ея, по китайскому рецепту для составленія книгъ, старался собрать въ своемъ сочиненіи, съ одной стороны, всѣ древнія свѣдѣнія о «Западномъ-Краѣ» отъ Ханьской династіи до Танской — свѣдѣнія которыя мы имѣемъ уже въ переводѣ О. Іакина («Собраніе свѣдѣній о народахъ обитавшихъ въ Средней-Азіи въ древнія времена». Спб. 1851); съ другой — не упускалъ изъ виду и вносилъ въ трудъ свой, гдѣ только находилъ удобнымъ, военныя извѣстія, которыя хотя сами по себѣ весьма интересны,

но мало объясняютъ географическую часть труда, собственно для насъ важную; съ третьей, наконецъ, въ книгѣ попадаетъ много и такихъ мѣстъ которыя не могутъ доставить наукѣ никакой пользы. Для образчика, я привелъ въ своемъ извлеченіи одно изъ такихъ мѣстъ.

Между-тѣмъ, сочиненіе изъ котораго мы представляемъ извлеченіе, имѣетъ для насъ громадный интересъ по новостямъ, подробности и отчетливости заключающихся въ немъ свѣдѣній относительно теченія рѣкъ и направленія горъ, какъ въ Восточномъ-Туркистанѣ собственно, такъ и во всемъ «Западномъ-Краѣ», тогда-какъ объ этомъ предметѣ во всемъ что напечатано доселѣ въ Европѣ имѣемъ мы лишь нѣсколько мелкихъ и ничтожныхъ замѣтокъ. Только въ «Статистическомъ Описаніи Китайской имперіи» О. Іакинаеа встрѣчаемъ небольшой отдѣлъ посвященный этому предмету; но свѣдѣнія заключающіяся въ этомъ отдѣлѣ, весьма неполны, и притомъ, по большей части, заимствованы изъ устарѣвшихъ китайскихъ сочиненій. Вслѣдствіе этого наше извлеченіе представляетъ совершенно новый матеріалъ для гидрографіи и частию орографіи страны, ближайшее знакомство съ которою представляется въ настоящее время желательнымъ, не только въ научныхъ, но даже въ политическихъ и коммерческихъ видахъ.

Касательно вѣрности и точности свѣдѣній которыя мы выписали, можно будетъ судить не раньше какъ послѣ изслѣдованія страны Европейскими изыскателями въ родѣ смѣлаго и предприимчиваго Гэварда (Hayward: см. письмо его отъ 11 сентября 1869 года въ Proceedings of the Royal Geographical Society, vol. XIV, № 1). Съ своей стороны должны мы замѣтить во всякомъ случаѣ что авторъ «Си-юй-шуй-дао-цзи», въ большинствѣ случаевъ, былъ не компиляторомъ только чужихъ свѣдѣній и устныхъ извѣстій, но и очевидцемъ описываемаго. Онъ, за различные грѣшки, отправленъ былъ китайскимъ правительствомъ въ Западный-Край,

какъ въ мѣсто ссылки. Тамъ успѣлъ поддѣлаться къ цзянь-цзюню, или главноуправляющему краемъ, съ разрѣшенія котораго и могъ слѣдовать за войсками, участвовать во всѣхъ командировкахъ и экспедиціяхъ; слѣдовательно, могъ видѣть множество мѣстностей въ этомъ краѣ, и собрать о нихъ болѣе-или-менѣе точныя свѣдѣнія. Этотъ, собственно ему принадлежащій матеріалъ пополнилъ онъ извлеченіями изъ другихъ древнихъ и новыхъ книгъ о краѣ, изъ различныхъ донесеній и докладовъ, и все такимъ образомъ собранное издалъ, подъ заглавіемъ «Си-юй-шуй-дао-цзи», въ третьемъ году правленія Дао-гуанъ. По нашему лѣтосчисленію это приходится въ 1823 году. Существованіе этой книги сдѣлалось впервые извѣстнымъ изъ каталога китайской бібліотеки Азіатскаго Департамента (поступившей потомъ въ Азіатскій Музей Императорской Академіи Наукъ), изданнаго въ 1843 году, повоеннымъ архимандритомъ Аввакумомъ.

Что-же касается собственно нашего извлеченія, то недостатокъ литературной его обработки произошелъ отъ трудности и малой еще опытности нашей справиться съ китайскою рѣчью при переложеніи ея на русскую. Главнымъ-же на нашъ взглядъ недостаткомъ нашей работы представляется то, что мы оставили всѣ собственныя имена рѣкъ, горъ, мѣстностей и проч. въ китайской ихъ транскрипціи. Но устранить этотъ недостатокъ не было для насъ никакой возможности, такъ-какъ для этого необходимо знаніе тѣхъ тюркскихъ нарѣчій которыми говорятъ въ Восточномъ-Туркистанѣ, или, по-крайней-мѣрѣ, нужно было прибѣгать постоянно къ опытному и бывалому въ тамошнихъ мѣстахъ азіатцу, каковаго при моей работѣ не было у меня подъ рукою. Другимъ, не менѣе чувствительнымъ, недостаткомъ оказывается отсутствіе при нашемъ трудѣ карты, хотя она и приложена къ китайскому сочиненію. Но этотъ недостатокъ можетъ быть устраненъ для спеціально занимающихся дѣломъ — существованіемъ карты составленной въ Военно-Топогра-

фическомъ Дяпо, по свѣдѣніямъ собраннымъ объ этомъ краѣ И. И. Захаровымъ, бывшимъ генеральнымъ консуломъ нашимъ въ Кульчжѣ.

Въ-заключеніе считаю долгомъ засвидѣтельствовать искреннюю мою благодарность многоуважаемымъ профессорамъ В. П. Васильеву и И. И. Захарову, за тѣ указанія и ту помощь которыми пользовался я отъ нихъ при переводѣ и составленіи объяснительныхъ къ нему примѣчаній.

Лобъ-норъ, какъ начало и источникъ Желтой-рѣки (Хуанъ-хэ), есть мѣсто собранія стоячей воды.

Ерль-я ¹⁾ говоритъ что Хуанъ-хэ вытекаетъ изъ пустоты Кунъ-лун'я ²⁾. При истокѣ вода бѣлаго цвѣта. Въ предисловіи къ «Картѣ рѣкъ» ³⁾ говорится, что изъ пустоты Кунъ-луна вытекаютъ четыре рѣки. Кунъ-лунъ же есть тоже что Ганъ-ди-сы (Гандесъ).

¹⁾ Название сочиненія.

²⁾ Подъ именемъ Кунъ-лунской пустоты, какъ увидимъ ниже, разумѣется дуга образуемая Кунъ-лунемъ и его отрогами.

Кунъ-лунъ есть китайскій Олимпъ, съ которымъ связаны многія народныя легенды, напримѣръ, легенда о томъ что народъ китайскій пришелъ именно съ Кунъ-луна. Темныя свѣдѣнія объ этихъ горахъ существовали у Китайцевъ еще въ глубокой древности. Свѣдѣнія эти болѣе-или-менѣе прояснились и усложнились съ открытіемъ для нихъ Западнаго-Края. Когда-же Китайцы ознакомились и заразились индо-буддійской космологіей, въ которой не маловажную роль играетъ Кунъ-лунъ, какъ центръ міра, они узнали, въ тоже время, что въ мірѣ есть только четыре рѣки: Гангъ, Индъ, Бакшу или Аму-дарья, и Сита, которыя берутъ начало, по ихъ повѣстіямъ, изъ Кунъ-луна. Для того чтобы къ послѣдней рѣкѣ (Сита) приурочить свою Хуанъ-хэ нужно было сказать что настоящее, самое верхнее, ея русло есть теченіе рѣки Кашгаръ-дарья, которая беретъ свое начало на отдаленномъ западѣ и, притекая къ Лобъ-нору, принимаетъ съ юга рр. Ярканъ, Хотанъ и другія; а потомъ изъ Лобъ-нора пробирается песками, и появляется на западныхъ предѣлахъ Хухэнора.

³⁾ Название сочиненія.

И-тунъ-чжи ⁴⁾ говоритъ что «въ Си-цзанѣ ⁵⁾ есть горы Ганъ-ди-сы, находящіяся въ (провинціи) Н'гари». Гандесъ находится отъ (тибетскаго) города Да-ка-ла (Дагла), въ провинціи Н'гари, на с.-в. въ 310 ли; а отъ Шэнъ-сі'йской губерніи, отъ области Си-нинъ-фу, на ю.-з. въ 5590 слишкомъ ли. Высота этихъ горъ въ 550 чжановъ (сажень) слишкомъ; окружность въ 140 слишкомъ ли. Со всѣхъ четырехъ сторонъ вершины и пики возвышаются до-чрезвычайности, но главный пикъ выше всѣхъ ихъ на 100 чжановъ. Накопившійся снѣгъ представляетъ видъ нависшихъ скалъ, блестящихъ и бѣлѣющихъ. Съ вершины множество источниковъ спускаются къ подошвѣ горъ, тотчасъ пропадаютъ подъ землю, и омываютъ ихъ (горы) со всѣхъ сторонъ ⁶⁾. Всѣ эти горы группируются около выдающагося изъ всѣхъ чрезвычайно-высокаго пика. Этотъ пикъ называется горою А-ноу-да (Анаватапте). Въ «Описаніи Западнаго-Края» Анъ-банъ-цзи говорится что на срединѣ Чжамбудвины (шанъ-бу-чжоу) есть озеро А-на-по-да-до (Анаватапте), находящееся на югѣ отъ горъ Сянъ (пахучихъ) и на с. отъ Великихъ-Снѣжныхъ-Горъ. Въ окружности оно имѣетъ 800 ли. Въ «Запискахъ Танской Династіи» говорится что (озеро Анаватапте) считается не горячимъ и не бурнымъ. Въ-древности это озеро искаженно называлось А-ноу-да, въ соотвѣтствіе горъ того же имени, тогда-какъ эту гору нужно называть также А-на-по-да-до (Анаватапте). Только Хой-юанъ, въ толкованіи своемъ на книгу Хуа-янъ-цзинъ, говоритъ что по свѣдѣніямъ заключающимся въ ней, открывается что на вершинѣ горъ Сянъ (пахучихъ) есть озеро А-ноу-да, и съ каждой изъ четырехъ сторонъ его стекаетъ по одной рѣкѣ. Въ самой-же

⁴⁾ Заглавіе всеобщей географіи Китайской Имперіи.

⁵⁾ Цзанъ-ди есть названіе самой западной провинціи (Тибета). *Прим. автора.*

⁶⁾ Отъ слова-до-слова нужно было бы перевести такъ: и извилаясь сюда и сзади окружаютъ ихъ.

книгѣ Хуа-янь-цзинь это извѣстіе излагается подробнѣе, такъ-что дѣлается яснымъ что горы А-ноу-да и Сянъ (пахучіе) —однѣ и тѣже, и что не должно, подобно Бань-цзи, дѣлать изъ нихъ различныя горы.

Въ «Описаніи Западнаго-Края» Ши-ши (Сюань-цзана), въ Шуй-цзинь-чжу, и въ Го-ди-чжи ⁷⁾—во всѣхъ (этихъ сочиненіяхъ) говорится что А-ноу-да и Кунь-лунь суть одно и тоже. Что-же касается до Кунь-луня и Гань-ди-сы, то первое есть древнее, а второе новѣйшее названіе (однихъ и тѣхъ же горъ). Эти горы лежатъ (по Пекинскому меридіану) подъ 37° 50' широты, и 34° и 20' долготы. Отъ этихъ горъ направляются четыре отрога (кряжа) горъ. Тотъ который направляется къ в., называется Да-му-чэ (чу) кэ-ка-ба-бу-шань (Дамчокъ Кабабъ ⁸⁾). Рѣка вытекающая изъ этого хребта называется Яй-лу-цзянь-бо-чу (Яйру-цзанбо-чу ⁹⁾). Она течетъ на ю. и впадаетъ въ Южное-Море.

Объ этой же рѣкѣ Я-лу-цзань-бу въ «Запискахъ о Западномъ-Краѣ» (Си-юй-цзи) говорится: съ восточной стороны озера изъ Инь-ню-коу вытекаетъ рѣка Цзинь-кѣ (Гангъ) и на ю.-в. впадаетъ въ Южное-Море.

Хребетъ, который простирается на югъ — называется Ланъ-цинъ (цянъ)кэ-ба-бу-шань (Ланъ-чэнь ка-бабъ ¹⁰⁾). Рѣка вытекающая изъ этого хребта называется Ланъ-чу. Въ «Описаніи Западнаго-Края» говорится: «На южной

⁷⁾ Названіе сочиненій.

⁸⁾ По-тибетски названіе это означаетъ «лошадный ротъ» (ма-коу). *Пр. аст.*

⁹⁾ По «Статистическому Описанію Кит. имперіи» Іакнива, т. II, стр. 142, значится: «Ярунь-цзанбу-чу начало принимается на в. предѣлахъ Тибета изъ горы Дачо-камбобъ-ганри; протекая на в. около 2,600 ли, проходитъ по южную сторону Хласси; потомъ поворачиваетъ на юго-востокъ и уходитъ за границу. Упомянутая въ Китайской исторіи Ба-бу-чуанъ должна быть Ярунь-цзанбу-чу. На европейскихъ картахъ названа Брахма-путра».

¹⁰⁾ По-тибетски названіе это значить «ротъ слона» (сянь-коу). *Примѣч. аст.* Въ «Стат. опис. Кит. Имп.» ч. II, стр. 187, говорится: «Ланцзинь-гамбобъ-ганри, высочайшая гора представляющая подобіе слона, отъ чего и названіе

сторонѣ озера изъ Цзинь-сянь-коу (ротъ золотого слона) вытекаетъ рѣка Синь-ду и впадаетъ на юго-западѣ въ море». Отрогъ идущій въ направленіи къ з. называется Ма-бу-чжуй-ка-ба-бу-шань (Мавча - кабабъ) ¹¹⁾. Рѣка вытекающая изъ этого отрога называется Ма-чу. Въ «Описаніи Западнаго-Края» говорится: «съ западной стороны озера изъ Лю-ли-ма-воу (ротъ жемчужно-стеклянной лошади) вытекаетъ рѣка Фу-чу и на с.-з. впадаетъ въ море. Отрогъ, направляющійся къ с. называется Сэнь-гэ-ка-ба-бу-шань (Сэньгэ кабабъ ¹²⁾). Рѣка вытекающая изъ этого хребта называется Ла-чу. Въ «Описаніи Западнаго-Края» говорится: «На сѣверной сторонѣ озера изъ По-чжи-ши-цзы-коу вытекаетъ рѣка Си-до (Сита) и на с.-в. впадаетъ въ море».

Гдры Сэнь-гэ-ка-ба-бу (сэньгэ-кабабъ), по-истинѣ, служатъ началомъ всѣхъ горъ Западнаго-Края. Поэтому въ «Запискахъ о 13-ти чжоу» ¹³⁾ говорится что Кунь-лунь имѣетъ четыре отрога большихъ; а въ Хуай-нань-цзи ¹⁴⁾ упоминается что въ Кунь-лунѣ имѣются четыре рѣки. Хребетъ Сэньгэ-кабабъ лежитъ подъ 34° 55' шир. и 40° или 30° (?) 30' долг. отъ Хотана прямо на югъ. Прошедши мимо Хотана на с. з. онъ простирается на 1600 слишкомъ ли, и составляетъ хребетъ Ци-ци-кэ-ли-кэ (Цэцэкликъ=цвѣтникъ) и хребетъ

Лань-цзинь — слонъ. Она составляетъ вершину отрасли горъ идущихъ отъ Гандеса-ри на ю. Изъ сей горы принимаетъ начало рѣка Ланчу. Менапиганри и Мачжа Камбобъ-ганри (Мавча - кабабъ) суть звѣнья помянутой отрасли.

¹¹⁾ По-тибетски это значитъ «ротъ павлина» (кунь-цзё-коу). *Примѣч. авт.*

¹²⁾ По-тибетски значитъ «львиный ротъ» (ши-цзы-коу). *Примѣч. авт.* «Стат. опис. Кит. имп.» ч. II, стр. 137, говоритъ: «Сэньгэ-камбобъ-ганри»; высочайшая гора представляющая подобіе льва, отъ чего и названіе Сэньгэ—левъ. Она лежитъ по с. сторону Гандеса-ри, и составляетъ вершину отрасли горъ, простирающихся отъ Гандеса на с. до южныхъ Хотанскихъ горъ. Луковня и Небесныя горы въ Восточномъ-Туркестанѣ составляютъ продолженіе сей отрасли.

¹³⁾ Заглавіе сочиненія.

¹⁴⁾ Тоже.

*

Ка-ши-та-ши (Кашъ-ташъ—разноцвѣтный камень). Далѣе в. составляетъ хребетъ Хо-ши-ку-чжу-кэ (Хоши-кучжукъ=пара ушей). Далѣе, направляясь на с. съ поворотомъ къ в. составляетъ горы Ка-бу-ка (Кабка)¹⁵⁾. Еще далѣе на с. съ поворотомъ къ в. идутъ горы Ка-ка-си (Гакшань). Такимъ образомъ отъ Цэцэклика до Гакшань образуется полукругъ (дуга) въ 1800 слишкомъ ли, который обнимаетъ Западный-Край съ западной и сѣверной сторонъ. Вообще-же этотъ полукругъ (дуга) носить общее названіе Цунъ-линъ. Такимъ образомъ цунъ-линъ составляетъ полукругъ, въ срединѣ котораго находится пустая земля (т. е. ровная мѣстность).

Это-то и называется Кунъ-лунскою пустотою¹⁶⁾. Отсюда-то и вытекаетъ Хуанъ-хэ.

Хуанъ-хэ имѣетъ три источника. Первый называется рѣкою Ка-ши-ка-рль (Кашгаръ-даря). Гэ-сэ по-хойски¹⁷⁾ собственно значить «разноцвѣтный»; а отсюда Ка-ши; кэ-ръ (ка-ръ) же значить «каменное строеніе», такъ-какъ страна эта чрезвычайно богата каменными строеніями. Въ «Юаньской Исторіи» при Ши-цзю, въ правленіе Чжи-юань подъ 25 годомъ и 11-ю луною значится, что Ху-чема-динъ управлялъ губерніями Гань-су, Шэнь-си и другими военными поселеніями, а даругачи Гань-дуань былъ въ Кашгарѣ начальникомъ 1050 рабочихъ домовъ и колоній. Въ біографіи Линъ-люй-си-лянъ говорится что въ 4-й годъ онъ дошелъ до города Кэ-ши-кэ-ли (Кашгаръ). Въ біографіи Бай-янь-па-ду-лу подъ 21 годомъ правленія Чжи-юань говорится что гунъ Чжу-бо повелѣлъ У-хунъ-ча итти

¹⁵⁾ Не это-ли индѣйскій Кавказъ древнихъ греческихъ писателей?!

¹⁶⁾ «Въ Шанъ-хай-цзинъ» (книга о горахъ и моряхъ) гора эта называется несходящейся (т. е. дугобразной). Въ этой книгѣ говорится: на з. отъ горы Хуа-шанъ и на в. отъ горы Бу-чжоу-чжи-шанъ (несходящейся) въ озерѣ Ю скрывается рѣка (Хуанъ-хэ).

¹⁷⁾ «Хой» — слово которымъ Китайцы, и въ-древности, и до настоящаго времени, означаютъ жителей Восточнаго-Туркестана и странъ далеко на Западъ.

въ страну Ци-ши-кэ-ли, и сдѣлалъ его тамъ ю-цзи (пожаловалъ полковникомъ). Изъ этого слѣдуетъ что во время Юаньской династіи Кашгаръ носилъ названіе города ¹⁸⁾.

Въ западныхъ странахъ есть государство Мо-кэ (Мекка) и Мо-дэ-на (Медина). Первый ханъ въ этихъ государствахъ былъ Цинь-цзи-ци-хань (?). Одинъ изъ потомковъ его по-имени Пайхамбаръ изобрѣлъ Магометанскую религію и сдѣлался родоначальникомъ поколѣнія. У него родились четыре сына, но всѣ скоро умерли. Дочь-же свою онъ выдалъ замужъ за Абуталеба сына Алиева, который продолжалъ слѣдовать магометанству (хой) и составилъ второе колѣно. Въ 25-мъ колѣнѣ такъ-называемый Махмудъ-Эминъ родилъ четыре сына. Старшій назывался Кэ-сэ-му (Касимъ) и перешелъ въ государство Бука-ръ (Бухару); второй назывался Му-са и перешелъ въ государство Ба-лэ-кэ (Балхъ); третій, по-имени Моминъ, остался на родинѣ; а четвертый, Махмудъ Юй-су-бу (Юсуфъ), перешелъ въ Кашгаръ. Онъ первый ввелъ Магометанство въ Кашгаръ. Внуки этого-последняго, называвшіеся Махмудами, приобрѣли всеобщее уваженіе. Галданъ Цэрэнъ призвалъ къ себѣ (Махмудъ-Юсуфа) и посадилъ въ тюрьму въ Или; вмѣстѣ съ нимъ заключилъ онъ въ оковы и двухъ сыновей его, изъ которыхъ старшій назывался Борониду, а младшій—Хоцзичжанъ. Они назывались иначе старшій и младшій Ходжи (Хо-чжо-му). Когда китайское войско усмирило Или, по смерти Махмуда, Динъ-бэй (?) главнокомандующій Бань-гунъ-ди-гао изъ двухъ сыновей (Юсуфа) заключенныхъ въ тюрьму, Хоцзичжана оставилъ въ Или, а Борониду послалъ въ Кашгаръ управлять прежнюю областію. Въ правленіе Цянъ-лунъ въ 20 году Амурсана произвелъ возмущеніе. Хоцзичжанъ въ этотъ промежутокъ времени убѣжалъ въ Яркянъ

¹⁸⁾ Изъ всей этой тирады мы не можемъ извлечь для себя никакой пользы; а въ этомъ сочиненіи такихъ тирадъ бездна; поэтому дальѣ мы старались оу-снять ихъ.

(Ъ-рлѣ-цянъ), и вмѣстѣ съ Борониду занимали города и производили возмущенія. Въ 24 г. лѣтомъ Динъ-банъ (?) главнокомандующій Чжао-гунъ-хуй, отправившись изъ Аксу, взялъ Кашгаръ. Борониду, помогавшій Яркяни, услышавши объ этомъ, побѣжалъ, угналъ у тамошнихъ жителей скотъ, и перешелъ чрезъ горы на западъ. Кашгаръ граничитъ съ ю.-в. Яркяню; съ з. — кочевьями Бурутовъ изъ поколѣнія Ке-р-ти-цзинъ (Каратегинъ); на с. также кочевьями Бурутовъ изъ поколѣнія Чунбагышъ (Чунъ-бака-ши). Рѣка вытекающая на з. отъ Кашгара и направляющаяся къ в., по этой причинѣ и носитъ свое имя (т. е. имя Кашгарской-Рѣки). Рѣка Кашгаръ имѣетъ два источника: сѣверный и южный.

Сѣверный источникъ рѣки Кашгаръ называется У-ланъ-у-су. При династїи То-ба-вэй путешественникъ - монахъ Сунъ-юнь, по словамъ «Исторїи Лоянскаго Монастыря», выѣхалъ изъ города Хань-мо (Хами) на западъ, и чрезъ 878 ли дошелъ до Юй-тянь (Хотанъ). Предѣлы Хотана отъ запада къ востоку простираются на 3000 слишкомъ ли. Въ правленіе Шэнъ-гуй въ 20-й годъ 7-й луны въ 29-й день изъ Юйтани онъ (Сунъ-юнь) пришелъ во владѣніе Чжу-цзюй-бо. Границы этого владѣнія можно обойти кругомъ въ пять дней. Потомъ въ началѣ 8-й луны онъ вступилъ въ границы владѣнія Ханъ-панъ-то. Отправляясь далѣе на з., чрезъ 6-ть дней взбирался на горы Цунъ-линъ. Отсюда къ з. дорога извилистая. Горный склонъ длиною въ 1000 ли. Нависпія скалы, вышиною въ 10,000 чжановъ (сажень), касаются неба, и какъ-бы упираются въ него. На самомъ дѣлѣ, если сравнить ихъ съ горами Тай-ханъ ¹⁹⁾, и

¹⁹⁾ Тай-ханъ есть обширный кряжъ горъ въ сѣверной половинѣ Китая. Онъ начинается въ губерніи Хэ-нанъ на лѣвомъ берегу Желтой рѣки, въ 25 ли отъ города Хуай-цинъ-фу на с.; отсѣлъ тянется на с.-в. чрезъ губернію Шанъ-си. Въ Чжи-ли отъ Пекина на з. принимаетъ названіе Си-Шанъ; съ поворота на в. до Корейскаго залива называется Янь-шанъ. См. «Статист. Опис. Кит. импер.» Якинава, т. I, стр. 5.

Мэнь-мынь, то вовсе нѣтъ никакого сходства; равно-какъ и съ Сяо-гуань и Лунь-бань. При восхожденіи на Цунь-линъ шагъ за шагомъ постепенно поднимаешься выше и выше, и только чрезъ четыре дня достигаешь до вершины. Находясь на этой высотѣ, по-истинѣ, находишься какъ-будто на половинѣ пути къ небу. Владѣніе Хань-пань-то лежитъ прямо на горныхъ вершинахъ. — Хань-пань-то въ настоящее время есть урочище А-лай, принадлежащее Бурутамъ изъ поколѣнія Кертицзинъ. Въ «Исторіи младшей династіи Хань» упоминается о Цунь-линѣ, и говорится что на западной части Цунь-лина лежало владѣніе Сю-сюнь (Сю-дунь=Согдіана). На ю.-в. отъ урочища А-лай находятся горы Кабка, называемыя также Хэ-сэ-лэ-линъ (красныя горы, по-хойски Кызыль-тагъ). Съ четырехъ сторонъ, съ разныхъ вершинъ ихъ вода стекаетъ къ подошвѣ, гдѣ образуется маленькое озеро ²⁰). Горы (Кызыль-тагъ) — краснаго цвѣта и безлѣсны; только на нѣкоторыхъ изъ вершинъ растеть короткая и сухая трава. Постоянно дуетъ холодный вѣтеръ, который пронзаетъ человѣка. По этой причинѣ и Сунь-юнь упоминаетъ что на вершинахъ Цунь-лина не рождаются, ни трава, ни деревья. Отъ горъ Хэ-сэ-лэ рѣчка (Улань-усу или Кызыль-су) течетъ къ в. 120 ли, мимо хребта Мукэ-хунь. Далѣе чрезъ 100 ли приближается она къ хребту Минъ-ти-гань. Еще чрезъ 120 ли течетъ по сѣверной сторонѣ горъ Ай-и-а-ти, потомъ чрезъ 120 ли протекаетъ мимо хребта Канъ-ши-по, а чрезъ 100 ли далѣе течетъ мимо горъ Бѣ-ши-то-хай. Тутъ съ с.-в. въ нее впадаетъ рѣчка называемая Тунъ-бу-лунь. Она течетъ съ восточной стороны хребта Тунъ-бу-лунь-линъ, и продолжаетъ свое теченіе далѣе къ в. 50 ли, до Ка-ди-бу-лакъ. Тутъ есть рѣчка называемая Ка-ди-бу-лакъ, которая впадаетъ въ Тунъ-бу-лунь съ сѣвера. Тунъ-бу-лунь да-

²⁰) Озеро изъ котораго вытекаетъ Улань-усу — первый изъ источниковъ Кашгарь-дарья.

лѣе къ ю.-в., протекаетъ 40 ли до мѣстности Ну-ла (?). Еще чрезъ 50 ли течетъ мимо Ця-ли-та-булакъ. Здѣсь есть другая рѣчка, впадающая также съ с. въ Тунь-бу-лунь. Эта-последняя течетъ далѣе къ ю.-в. на разстояніи 70 ли до И-сянъ ²¹⁾).

Отъ И-сянъ идетъ дорога на с.-з. 200 ли, до хребта Ша-ли-тэ; далѣе 100 ли до Му-р-да (?); еще 100 ли до ущелья Гу-ли-цзя (хя); потомъ 100 ли — до Ка-бу-ланъ-ку-и (Ушъ или Опъ); далѣе 20 ли до Лянъ-каръ (Лянгаръ); еще далѣе 80 ли до О-ши: это есть маленькій городокъ, входящій въ предѣлы Кованда; здѣсь есть рѣка называемая А-кэ-бу-гу-ла-ръ; дорога продолжаетъ отсюда 50 ли до А-р-банъ; еще 100 ли до Минъ-ту-бо (Минъ-тэпе); далѣе 60 ли до Ху-ба (Хубасанъ). Эти три мѣста—всѣ суть малые города; еще 100 ли до Ма-р-ка-ланъ (Маргалана); еще далѣе 100 ли до Хо-ши-ту-гу-р-манъ, и наконецъ 80 ли до города Кованда ²²⁾).

Рѣка Тунь-бу-лунь (отъ Исяна) течетъ къ ю.-в. 15 ли, до Ра-ка-ла-кал-а; далѣе къ ю.-в. 10 ли, до устья рѣки Ла-ва-ла, которая впадаетъ въ нее съ сѣвера; еще къ ю.-в. 60 ли, до Шао-ли-то-хай; потомъ къ ю.-в. чрезъ 10 ли течетъ мимо У-лу-ху-ка-тэ. Здѣсь еще есть рѣчка, впадающая съ сѣверной стороны въ Тунь-бу-лунь. Далѣе эта-последняя протекаетъ 60 ли на ю.-в., до

²¹⁾ Отсюда, по Си-юй-шуй-дао-ци, начинается дорога изъ Кашгара въ Ковандъ.

²²⁾ Сравнивая этотъ маршрутъ, или описаніе пути въ Ковандъ, съ дневниками Миръ-Изветъ Уллаха и одного русскаго купца, помѣщенными въ Ратгеровой Азій, мы находимъ большую разность. Какъ видно, всѣ трое описываютъ одинъ и тотъ же путь, съ тою разницею что послѣдніе два начинаютъ считать станціи—одинъ отъ Кашгара, а другой—отъ Кованда; китаецъ-же отъ И-сяна. При всемъ этомъ они совершенно не сходятся въ названіяхъ мѣстностей, кромѣ двухъ-трехъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ. Мы можемъ объяснить это только тѣмъ, что они упоминаютъ о различныхъ стоянкахъ. Кромѣ этого у русскаго купца Арбанъ стоитъ за Ошемъ ближе къ Кашгару; а у китаецъ—въ томъ же порядкѣ, только ближе къ Кованду. Ясная путаница.

Ъ-сы-кэ-ци-кэ; еще на ю.-в. чрезъ 60 ли доходить до Шао-бу-лакъ. Тутъ снова впадаетъ въ нее съ с. одна рѣчка; потомъ 50 ли къ ю.-в. течетъ она до Вэй-ху-су-лу; далѣе чрезъ 40 ли течетъ мимо Ку-су-ху; еще въ томъ же направленіи чрезъ 70 ли проходитъ мимо Шао-бу-лакъ; еще на ю.-в. 20 ли до Кань-тэ-лѣ-кэ; далѣе 50 ли до Бахабукъ; потомъ 40 ли къ ю.-в. течетъ до Хань-ѣ-хуань и отсюда къ югу впадаетъ въ рѣку Кызыль. Въ этомъ мѣстѣ и составляется начало рѣки Дэрбичукъ (т. е. здѣсь обѣ рѣки принимаютъ названіе Дэрбичукъ). Мѣсто это лежитъ подъ 43° 45' шир. и 44° 20' долг. По сѣвернымъ берегамъ этой рѣки лежитъ пастушеская земля Бурутовъ изъ поколѣнія Чунбагышь. Когда китайское войско, преслѣдуя Хоцзи-чжана, перешло въ предѣлы этого владѣнія, то старшина онаго, по имени Турцибай, просилъ принять его въ подданство со всѣми подвластными ему людьми нѣсколькихъ десятковъ поколѣній, изъ которыхъ главное было Цзи-бу-ча-кэ (Кипчакъ). Въ 20-й годъ правленія Цзя-цинъ, когда былъ казневъ Махмедъ, по имени Шурди, кочевники эти разошлись въ разныя стороны. Въ настоящее время Чунбагышь составляетъ весьма сильное пастушеское владѣніе.

Рѣка Дэрбичукъ течетъ на ю.-в. и проходитъ мимо караула Ка-лянъ-гуй (Харангой) ²³⁾. Къ югу отсюда земля производитъ превосходный камень чернаго цвѣта съ бѣлыми крапинами. На в. отъ этого караула есть маленькая рѣчка; она течетъ съ с. на ю. и впадаетъ въ р. Дэрбичукъ. Такъ-какъ вода въ Дэрбичукѣ краснаго цвѣта, а красный цвѣтъ по-монгольски называется уланъ (улаганъ), то поэтому рѣка и называется Уланъ-усу. По-хойски красный кызыль; почему и рѣка эта иначе называется Кызыль (су). Уланъ-усу отъ караула Харангой течетъ далѣе къ ю.-в. 50 ли, и

²³⁾ По-хойски Ка-лянъ-гуй (Харангой) значитъ «черный, темный»; и караулъ называется такъ потому, что закрывается горами (находится подъ тѣнью горь). *Прим. автора.*

проходить мимо урочища Минъ-Яо; тутъ былъ прежде караулъ. Далѣе къ ю-в. чрезъ 40 ли она протекаетъ мимо деревень Му-ши-су-рукъ²⁴⁾. Тутъ впадаетъ въ нее рѣчка Муши, которая вытекаетъ на западѣ отъ деревни Муши съ горъ тремя ключами, которые сначала текутъ вмѣстѣ, а потомъ снова раздѣляются на три, и одинъ только восточный орошаетъ поля деревни Муши; южный-же течетъ 80 ли до своего впаденія (въ Улань-усу). Въ Муши прежде былъ караулъ, но нынѣ онъ перенесенъ въ другое мѣсто. Отъ этой деревни къ с.-в. дорога идетъ въ Кокандъ.

Отъ деревни Муши дорога идетъ 60 ли до Хань-юй хань; далѣе 60 ли до урочища Тэрлэкъ, гдѣ добывается свинецъ; еще 60 ли до Ку-шу-чжу-хай; еще далѣе 30 ли до О-вэ-су-лу-рѣ; дорога въ Оксулуръ проходитъ чрезъ небольшой хребетъ; потомъ идетъ 70 ли до Осыкэ-ци-кэ; еще 30 ли до Се-р-ликъ-ѣ-сѣ; далѣе 40 ли до На-ха-р-ча-лэ-ди; еще 20 ли до И-гэнь; еще далѣе 50 ли до То-хай-ба-ши; потомъ чрезъ 10 ли переходятъ чрезъ хребетъ Ъ-кэ-й-цза-кэ; далѣе 30 ли до Ъкэйцзакэ-булакъ; еще 40 ли до Ку-ку-су; еще далѣе 30 ли до подошвы хребта Тэѣрмѣкъ, отъ подошвы котораго до вершины 10 ли; потомъ, перейдя чрезъ хребетъ, 70 ли нужно идти до Сэ-ли-ку-чу-кэ; далѣе 60 ли до Таргалакъ; еще 30 ли до Ту-ба-р-ла-кэ-та-му: тутъ есть разрушенная крѣпость, окруженностию въ одну ли; эта мѣстность принадлежитъ Бурутамъ изъ поволенія Э-дэ-гэ-на. Далѣе 40 ли до Гу-лэ-ша; еще 70 ли до Тугуркэтохай; до прибытія сюда нужно переходить два хребта; потомъ 90

²⁴⁾ Деревня Муши и деревня Сурукъ, такъ-какъ находятся не далеко одна отъ другой, то и носятъ одно имя Муши-сурукъ. Отъ Кашгара лежитъ на с.-в. въ 80 ли. *Замѣч. авт.* По другимъ, разстояніе этой деревни отъ Кашгара гораздо больше. Такъ Валихановъ говоритъ: Муши отъ Кашгара разстояніемъ около 70-ти верстъ на с.-в. См. «Зап. Рус. Геогр. Общ.» за 1861 г., кн. III, стр. 25. Значитъ почти вдвое болѣе, чѣмъ показываетъ китаецъ.

ли до Оши; отсюда далѣе, приблизившись къ Исяну, дороги сходятся вмѣстѣ.

Отъ деревень Муши-сурукъ рѣка Улань-усу течетъ къ ю.-в. и отъ восточнаго берега ея отведенъ рукавъ или каналъ, который течетъ на в. и проходитъ по сѣверной сторонѣ деревни Сурукъ. Потомъ мало-по-малу направляется къ югу и проходитъ на с. отъ деревни Цзюрганъ ²⁶⁾. Потомъ течетъ къ в. и проходитъ къ с. отъ деревни Арбатъ ²⁶⁾; еще къ в. направляется по южной сторонѣ деревни Башкэлэмъ ²⁷⁾; здѣсь каналъ останавливается и не течетъ далѣе. Между-тѣмъ Улань-усу, протѣвши (отъ этого канала) на ю.-в. 40 ли до южной стороны деревни Су-лунъ, отъ западнаго берега своего отдѣляетъ новый каналъ, который орошаетъ поля деревни Тогуса въ (въ 30 ли на з. отъ Кашгара) и останавливается. Сама-же Улань-усу чрезъ 40 ли теченія на ю.-в. подходит къ Кашгару; тутъ съ восточнаго берега отведены два канала. Сѣверный проходитъ по сѣверную сторону (маньчжурскаго) Кашгара до хойскаго города (т. е. до Кашгара собственно), и обогнувъ его съ восточной стороны, соединяется съ рѣкой. Южный каналъ орошаетъ поля деревни Сэрмынь (въ 2 ли на з. отъ Кашгара), и пройдя мимо города съ юго-восточной стороны соединяется съ рѣкой.

Южный источникъ Кашгарской-Рѣки называется Я-м а н ь я р ь.

На востокъ отъ хребта Хошику-чжувъ есть большое озеро, называемое Ка-ра-ку-лэ ²⁸⁾; въ окружности имѣеть

²⁶⁾ Деревня эта лежитъ на с.-в. отъ Кашгара въ 30 ли. *Прим. авт.*

²⁶⁾ Отъ Кашгара на в. въ 30 ли. *Прим. авт.*

²⁷⁾ Тутъ нѣкогда находились 5-ть садовъ, отъ чего деревня эта и получила свое названіе; отъ Кашгара лежитъ на с.-в. въ 30 ли. *Прим. автора.*—Всѣ эти показанія автора почти совершенно подходятъ къ опредѣленіямъ Валиханова. «Зап. И. Р. Геогр. Об.» за 1861, в. III, стр. 25 — 26. По Си-йи-вэнь-цзянь-лу; Башкэрэмъ лежитъ отъ Кашгара на в. только въ 10 ли.

²⁸⁾ Названіе это происходитъ отъ монгольскаго хара, или хойскаго кара, «черный»; колы по-хойски «озеро». *Примѣч. автора.*

нѣсколько сотъ ли. Оно простирается съ с. на ю. отъ 43° 50' до 44° 10'; а съ з. на в. отъ 45° до 46°. Тутъ находится кочевье Буратовъ изъ поколѣнія Ка-бу-ци-кэ (Кипчаки). Съ вершины горы Алай видны серебристыя волны (этого озера), отражающія небесный блескъ. Рѣка вытекающая изъ озера съ восточной стороны течетъ къ в.; вытекающая съ западной стороны течетъ къ з. Берегъ озера, изъ котораго рѣка вытекаетъ на в., называется Чжо-бу-ла-кэ (Шобулакъ). Отъ Шобулака и озера (Каракуль) къ с.-в. въ 130 ли находится Най-цзы-та-ши; далѣе къ з. въ 110 ли находится Цзѣ-ди-р-та-ши; еще къ з. въ 110 ли находится Су-ба-ши; еще далѣе къ з. въ 80 ли лежитъ Ку-цзы-ргунь-бай; еще къ з. въ 120 ли называется Ъ-си-ли-кунъ; далѣе къ з. въ 60 ли находится Ма-р-ча-а-сы; еще далѣе, направляясь къ з. по берегу рѣки, вытекающей изъ (озера) на западъ чрезъ 100 ли приходишь къ Бу-луманъ ²⁹⁾; далѣе на з. въ 130 ли находится У-нуту; еще къ з. въ 150 ли лежитъ Ка-ла-бай; далѣе къ с.-в. чрезъ 180 ли находится мостъ чрезъ большую рѣку; еще далѣе къ з. въ 100 ли находится У-рта-сы-гунъ; еще къ з. чрезъ 90 ли находится городъ Ши-кэ-нанъ (Шенганъ).

Въ «Запискахъ о Западномъ-Краѣ» (Си-юй-цзи) говорится что Сюань-цзанъ на с.-в. отъ границъ владѣнія Шанъ-ми перевалилъ чрезъ горы и долины; проходилъ чрезъ опасныя пропасти; и послѣ того какъ сдѣлалъ 700 слишкомъ ли, достигъ Памирской выси. Она простирается съ з. на в. 1000 слишкомъ ли, а отъ с. къ ю. около 100 ли. Въ самой высокой своей части имѣетъ ширины не болѣе 10 ли. Она лежитъ между двумя снѣжными горами. Поэтому тамъ царствуетъ сильный холодъ, и вѣтеръ проникаетъ до костей. Снѣгъ идетъ весною и лѣтомъ; день и ночь дуетъ сильный порывистый вѣтеръ. По срединѣ выси есть большое Драко-

²⁹⁾ Вѣроятно и это названіе рѣки.

новое-Озеро, простирающееся съ з. къ в. на 300 слишкомъ ли, а съ с. на ю. 50 ли. Оно лежитъ внутри Большаго-Цунъ-лина и въ срединѣ Чжамбудвины. Мѣсто это есть самое возвышенное. Воды (озера) чисты и прозрачны какъ зеркало. Никто еще не опредѣлилъ ихъ глубины; цвѣтъ ихъ синій; вкусъ чрезвычайно сладкій и пріятный. Въ глубинѣ ихъ живутъ драконы, акулы, крокодилы, черепахи и проч.; на поверхности плаваютъ утки, дикіе гуси и журавли (?). Есть громадныя яйца, находимыя въ дикихъ равнинахъ, а также въ мѣстахъ болотистыхъ и на песчаныхъ островахъ.

Къ з. изъ озера вытекаетъ широкой ручей, который, направляясь къ з. доходитъ до восточныхъ предѣловъ владѣнія Да-мо-си-тѣ-ди, и, соединившись съ Башту течетъ къ западу. Къ востоку изъ озера вытекаетъ также большой ручей. Въ «Запискахъ Танской Династіи» говорится что Драконово-Озеро ивородцы называютъ Ку-лэ; а такъ-какъ цвѣтъ воды въ немъ черносиній, то и называетъ его Ка-ла (кара). — Изъ этого озера и вытекаетъ южный источникъ (Кашгарской-Рѣки). Вода изъ озера течетъ къ в. 100 ли и доходитъ до хребта Ча-ка-р-а-ла-рѣ; далѣе къ в. течетъ 100 ли и проходитъ къ с. отъ горъ Кара-ташъ и къ югу отъ горъ У-лу-ка-ла ³⁰⁾. Здѣсь рѣка называется Ту-ба-ли-кэ.

Вотъ извѣстіе заимствованное изъ біографіи Ка-дай-мо-тэ: Въ 28-мъ году правленія Цянь-лунъ кашгарскій Банъ-ши-цзоду-юй-ши, по имени Юнъ-гуй-шу, говоритъ что Кадаймотэ объясняетъ плодородіе Туркистанскихъ полей тою пользою которую доставляетъ имъ богатое орошеніе. Одна изъ рѣкъ, текущихъ къ Кашгару, говоритъ онъ, называется Кэ-сэ-лѣ, вытекаетъ на з. отъ Кашгара изъ горъ Кабука, и направляется къ ю.-в. чрезъ То-гу-сы-ця-тэ ³¹⁾, черезъ Сермынь, Кашгаръ, Ка-ла-кэ-рѣ, До-ло-тэ-ба-кэ ³²⁾; А-р-

³⁰⁾ Хойское слово Улу значить «величественный видъ», «высокій». *Пр. авт.*

³¹⁾ По-хойски Тогусы значить «деньги»; а кятэ—«деревня» (хата?). *Пр. авт.*

³²⁾ Ба-кэ значить «насаженный лѣсъ». *Пр. авт.*

ба-тэ, Пи-це-а-ба-тэ и, орошая всё эти мѣста, проходитъ чрезъ Ба-р-чу-кэ и т. д. до впаденія въ Лобъ-норь. Другая рѣка, (текущая къ Кашгару) называется То-юнь, вытекаетъ отъ Кашгара на с.-з. изъ горъ То-юнь, направляется къ ю.-з. и проходитъ чрезъ Юй-сы-тунъ-а-ла-ту-ши ³³⁾, мимо деревни А-р-ху ³⁴⁾, мимо Цзюрганъ (небольшой туркистанскій городокъ), А-сы-тэнъ-а-ла-ту-ши ³⁵⁾ Ба-шикэ-лэ-му, и потомъ впадаетъ въ Кызыль.

Третья рѣка называется Ту-ба-ли-кэ; вытекаетъ она отъ Кашгара на ю.-з. изъ горъ Цзи-сы и, дошедши до западныхъ окраинъ горъ У-бо-лэ, течетъ къ в. По соединеніи съ рѣкою Ту-мынь-ци-хэ верхнимъ теченіемъ своимъ направляется, въ видѣ глубокой канавы, мимо Хань-а-ли-кэ, Ти-сы-гунъ и Кэ-сэ-ле-бу-й (протекаетъ такимъ образомъ три мѣстности), а нижнимъ теченіемъ направляется къ с.-в. и впадаетъ въ Кызыль. Четвертая рѣка называется Ку-ли-нь-ти-сы-гунъ (Ку-ли-та-сы-хунъ): вытекая отъ Кашгара на ю.-з., и на з. отъ Инъ-ци-ша-рѣ (Ингасарѣ), изъ горъ Цянъ-хунъ, направляется она къ с.-в. и орошаетъ обрабатываемыя поля каждаго селенія до Ингасара; потомъ входитъ въ песчаное ложе и, прошедши чрезъ три мѣстности: Кэ-сэ-ле-бу-й, Ти-сы-гунъ и Хань-а-ли-кэ, соединяется съ рѣкою Ту-ба-ли-кэ).

Рѣка Тубаликъ течетъ далѣе къ в. 90 ли, и проходитъ мимо горъ Гэ-сы-а-рѣ-я; еще далѣе къ в. течетъ 100 ли до Куйлукъ; еще къ в. чрезъ 125 ли проходитъ по сѣверной сторонѣ горъ Вэй-та-кэ (Вэй-тагъ); потомъ, въ томъ же направленіи чрезъ 60 ли проходитъ на сѣверѣ отъ

³³⁾ Юйсытунъ значитъ «высокое мѣсто»; ала—«источникъ (коу), выходящій подъ горою»; туши—«деревни, находящіяся одна противъ другой». *Прим. авт.*

³⁴⁾ Ар-ху лежитъ отъ Кашгара на с.-в. въ 150 ли, и находится на восточномъ берегу р. И-ланъ-уа-сы. *Прим. авт.*

По Валиханову—въ 95 верстахъ (190 ли). См. «Зап. И. Р. Г. Общ.» за 1861 г. кн. III, стр. 25. По Си-юй вѣнь цянъ-лу, лежитъ на с.-з. въ 190 ли.

³⁵⁾ Асытэнъ значитъ по-хойски «низкое мѣсто», «пнижній». *Прим. авт.*

караула И-лэ-гу-чу еще через нѣсколько ли къ в. проходитъ на с. отъ деревни Та-ши-ба-ли-кэ (Ташъ-балыкъ). Здѣсь она принимаетъ названіе Я-мань-я-рѣ О-сы-тэнъ. «Дурной» по-хойски называется Я-мань, а «ровъ» называется Ярѣ. Такъ какъ рѣка по глубинѣ своей неудобопроходима, то возбуждаетъ отвращеніе и называется Ямань-Ярѣ. Рѣка теченіемъ своимъ (въ этомъ мѣстѣ) дѣлаетъ тучными и плодоносными поля деревни Ташъ-балыкъ, что даетъ силу жителямъ ея. Далѣе Яманьярѣ течетъ къ в. и принимаетъ въ себя рѣчку текущую съ з. изъ деревни У-бо-рѣ ³⁶⁾. Еще далѣе къ в. Яманьярѣ принимаетъ названіе Тай-ли-бу-чу-кэ, и въ направленіи къ в. протекаетъ еще на с. отъ деревни Ку-линь-ти-сы-гунъ ³⁷⁾. Въ этомъ мѣстѣ есть военный постъ — отъ Кашгара на разстояніи одного ночлега (составляющей первую станцію отъ Кашгара на югъ). Отсюда Тай-ли-бу-чу-къ поворачиваетъ къ с.-в. и течетъ къ соединенію съ Кызылемъ — ниже Кашгара, на с.-в. отъ деревни Я-пу-р-гу. Въ нижнемъ теченіи своемъ (Яманьярѣ или Тайлибучукъ) вслѣдствіе отведенныхъ канавъ, орошаетъ и напоетъ большія пространства; но отъ деревни Япургу ³⁸⁾ вода теряетъ способность къ разлитію (что зависитъ отъ мелководія ³⁹⁾).

Рѣка Ку-сэнъ или, что тоже, Ку-линь-ти-сы-гунъ беретъ начало изъ горъ Цянъ-хунъ; по выходѣ изъ горъ течетъ къ в. и проходитъ у южной подошвы горъ Вэй-тагъ. Въ этомъ мѣстѣ горы стоятъ надъ рѣкою высокою скалою надъ самымъ берегомъ. Рѣка, обойдя эти горы, течетъ далѣе къ в., проходитъ къ с. отъ караула Ту-му-шу-кэ ⁴⁰⁾,

³⁶⁾ Лежитъ отъ Кашгара на ю.-в. во 100 ли. *Пр. авт.*

³⁷⁾ Отъ Кашгара на ю. во 100 ли. *Пр. авт.*

³⁸⁾ Отъ Кашгара на ю.-в. въ 200 ли. *Пр. авт.*

³⁹⁾ Между рр. Кашгарскою и Ярканскою мы видимъ еще рѣку, которая протекаетъ въ томъ же направленіи какъ и Тайлибучукъ, не успѣваетъ однакоже присоединиться ни къ той, ни къ другой, но далеко отъ нихъ теряется въ пескахъ. Она состоитъ изъ трехъ рѣкъ, которыхъ направленіе параллельно р. Кашгарской.

⁴⁰⁾ Отъ Ингасара на с.-з. въ 60 ли, а на ю.-в. до караула Тѣргоцкы 50 ли.

и сама принимаетъ названіе Ту-му-шу-кэ-хэ; потомъ поворачиваетъ къ ю.-в. и, пройдши на в. отъ караула Тѣ-р-го-ци-кэ ⁴¹⁾, впадаетъ въ рѣку Тѣ-р-го-ци-кэ. Рѣка Тѣргодикъ беретъ начало среди кочевьевъ Ци-бу-ча-кэ (Кипчаки), течетъ къ ю.-в. и проходитъ на югѣ отъ караула Тѣргодикъ, далѣе къ в. течетъ на ю. отъ караула Тэ-ци-сы ⁴²⁾, и соединяется съ рѣкою У-лу-кэ, которая также вытекаетъ среди Кипчакскихъ кочевьевъ, и въ теченіи своемъ проходитъ къ с. отъ караула У-лу-кэ ⁴³⁾. Здѣсь обѣ рѣки соединяются вмѣстѣ и впадаютъ въ рѣку Ту-му-шукъ. Эта-последняя течетъ къ в. и проходитъ на ю. отъ Туркистанскаго города Ингасара, предъ которымъ на 100 ли тянутся песчаные холмы высокою въ нѣсколько сажень; рѣка далѣе къ в. входитъ въ предѣлы Яркяньскаго округа и протекаетъ къ с. отъ деревни Ку-р-та-ли-му; далѣе къ в. теряется въ пескахъ и не течетъ.

Рѣки Кызыль-су и Яманьяръ, протеки на ю. отъ Кашгара и слившись вмѣстѣ, принимаютъ названіе Сѣверной-Цуялинской Рѣки.

Рѣка Улань-усу проходитъ на югѣ отъ города въ 7-ми ли; и тутъ (еще) принимаетъ имя Ци-ли-хе (семиліной рѣки); далѣе къ в. проходитъ на ю. отъ Турецкаго города, и на ю.-в. въ разстояніи одной ли отъ сторожеваго города, находящагося на мѣстѣ которое называется «старымъ землянымъ городомъ». Пройдши на ю. отъ Хой-чена, Улань-усу отдѣляетъ отъ себя на югъ каналъ, который течетъ къ в. и проходитъ къ с. отъ деревни Кызыль буй ⁴⁴⁾ и орошаетъ поля еѣ. Далѣе къ в. течетъ онъ до деревни Пи-цѣ-а-ба-тэ и останавливается (каналъ этотъ, по Кадаймотэ,

⁴¹⁾ Отъ Ингасара на с.-з. въ 60 ли, а на ю.-в. до кар. И-цзы 80 ли. *Пр. аст.*

⁴²⁾ Отъ Ингасара на ю.-з. въ 30 ли. *Пр. аст.*

⁴³⁾ На ю. отъ Ингасара во 100 ли. *Пр. аст.*

⁴⁴⁾ Отъ Кашгара на ю.-в. въ 80 ли. *Пр. аст.*

имѣеть глубокое и быстрое теченіе). Сама-же Улань-усу течеть далѣе къ в. и соединяется съ рѣкою Яманьярь (послѣ этого принимаютъ общее названіе Цунъ-линъ-бѣй-хэ). Далѣе къ в. доходитъ до Ка-ба-кэ-а-кэ-чжанъ (Кабакъ-Акчжанъ) и соединяется съ Южною (Ярканьскою) Рѣкою.

Сѣверныя рѣки.

На в. отъ Хой-чен'а рѣка Улань-усу съ лѣвой стороны принимаетъ въ себя рѣку Ту-ши-кэ-та-ши ⁴⁵⁾. Рѣка эта вытекаетъ изъ горъ Го-юнь, и соединяется съ одной стороны съ рѣчкою вытекающею изъ горъ Кунъ-а-ти, а съ другою — съ рѣчкою выходящею изъ горъ Ча-кэ-ма-кэ (Чакмакъ), и составляетъ Тэ-мынь; потомъ течеть къ ю.-в. и проходитъ къ с. отъ караула Ту-шу-кэ-та-ши (Тессыкъ таши ⁴⁶⁾); здѣсь принимаетъ названіе Тессыкъ-таши. Далѣе течеть къ в. и доходитъ до сѣверной стороны деревни Юй-сы-тунъ-а-ла-ту-ши ⁴⁷⁾. Тугъ впадаетъ въ нес рѣка Илань-

⁴⁵⁾ Объ этой рѣкѣ мы имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ послѣднихъ русскихъ извѣстій доставленныхъ Остенъ-Сакеномъ. «29-го іюля, говоритъ онъ, мы продолжали путь отъ Турагатскаго перевала на югъ. Сначала мы шли внизъ по долинѣ рѣки Тоянды. Ложе ея или расширяется саженъ на 50, если небогѣе, и тогда скудная вода пробирается тонкими струями между галькою, или-же Тоянды принимаетъ видъ горнаго ручья, стѣсненнаго съ обѣихъ сторонъ въ глубокомъ каменистомъ ложѣ. Долина рѣки окаймлена не очень высокими горами и направляется почти въ меридіональномъ направленіи на югъ.... 30-го іюля около полудня мы пришли къ слиянію Тоянды съ Сууты, которая течеть съ з. и, по всей вѣроятности, беретъ начало у перевала Суукъ въ Кашгаръ-дабанъ» («Изв. Импер. Рус. Геогр. Общ.» за 1869 г., т. V, № 4, стр. 145 и 146).

⁴⁶⁾ «Караулъ Тессыкъ таши былъ крайнимъ предѣломъ нашей поѣздки—говоритъ Остенъ-Сакенъ. По словамъ Кьргизовъ, мы находились въ 12-ти верстахъ отъ селенія Артушь и въ 30 верстахъ отъ Кашгара. Цифры эти, разумѣется, только приблизительныя. Въ маршрутѣ, помѣщенномъ въ Гумбольтовой *Asie Centrale* (t. III p. 370) разстояніе отъ Кашгара до Артуша показано въ 30 верствъ, а отъ Артуша до перваго Китайскаго караула 25 верствъ, что составило-бы всего 55 верствъ» («Извѣст. И. Р. Г. Общ.» за 1869 г., т. V, стр. 147).

⁴⁷⁾ Отъ Кашгара на с. въ 50 лн. *Примм. авт.* По Ся-юй-вэнь-цзянь-гу лежитъ въ 130 лн отъ Кашгара на с.-з.

у-ва-сы. Илань-увасы ⁴⁸⁾ имѣть три источника: первый называется Чжа-я-кэ-цэ-и, второй—Су-кэ-тэ (Суукты), третій—Ту-гу-рмань-ти. Они сначала текутъ отдѣльно къ ю. до Су-кэ-са-и и здѣсь соединяются въ одну рѣку, которая, по соединеніи, протекаетъ на ю. 10 ли и проходитъ къ в. отъ караула И-лань-у-ва-сы; далѣе течетъ къ ю.-в. и впадаетъ въ р. Ту-шу-кэ-та-ши. Затѣмъ обѣ рѣки вмѣстѣ текутъ къ в. и проходятъ на ю.-з. отъ селенія А-сы-тэнь-а-ла-ту-ши (Астэнь-аргушъ ⁴⁹⁾). Здѣсь принимаютъ названіе рѣки То-юнь. Рѣка эта, такъ-какъ принимаетъ много воды, имѣетъ быстрое теченіе. Послѣ этого рѣка поворачиваетъ къ ю. и проходитъ на в. отъ деревни Башкеремъ; еще течетъ къ ю. 20 ли, доходитъ до Бу-ху-ци ⁵⁰⁾, и впадаетъ съ с. въ Улань-усу ⁵¹⁾.

Улань-усу отъ Бухуци течетъ къ в. 130 ли и проходитъ на с. отъ селенія Пай-цзу-а-ба-тэ (Фэйзабатъ ⁵²⁾). Далѣе къ в. протекаетъ 110 ли и проходитъ къ с. отъ селенія Инъ-а-ва-тэ ⁵³⁾; затѣмъ выходитъ изъ Кашгарскихъ предѣловъ. Рѣка Пи-цѣ-а-ба-тэ (Улань-усу здѣсь принимаетъ это названіе) далѣе къ в., чрезъ 100 ли, доходитъ до мѣстности То-кэ-ча-ка-рѣ; еще далѣе, чрезъ 90 ли, доходитъ до урочища И-ми-ши; еще къ в., чрезъ 80 ли — до урочища А-кэ-ча-ка-рѣ; затѣмъ къ в. течетъ 80 ли до мѣстности Ша-ху-рѣ. Здѣсь, на южномъ берегу, разстилается уже

⁴⁸⁾ Рѣка эта получаетъ имя отъ караула. *Пр. асм.*

⁴⁹⁾ «Отъ Кашгара на с.-в. въ 70 ли; иначе называется И-кэ (большой) Азатуши». *Пр. асм.* По Валиханову — отъ Кашгара въ 60 верстахъ, по Си-юй-вэнь-цзянь-лу — въ 80 ли.

⁵⁰⁾ Отъ Кашгара прямо къ в. въ 30 слишкомъ ли. *Пр. асм.*

⁵¹⁾ Отсюда теченіе Кашгаръ-дарья принимаетъ характеръ степныхъ рѣкъ. Населенность становится рѣже; только вдоль большой дороги, которая идетъ параллельно рѣкѣ, мы видимъ отъ станціи до станціи воснише пакеты и нѣсколько деревень въ-сторонѣ.

⁵²⁾ Рѣка протекаетъ отъ селенія въ 60 ли. *Пр. асм.*

⁵³⁾ Берегъ рѣки отстоитъ отъ селенія на 50 ли. *Пр. асм.*

настоящая песчаная степь Бо-сы-хань⁵⁴⁾. Далѣе къ в., чрезъ 90 ли, проходитъ на с. отъ селенія Ма-ла-р-ба-ши⁵⁵⁾, затѣмъ поворачиваетъ къ ю.-в. и протекаетъ чрезъ 80 ли, на с. отъ пикета Кара-тагъ⁵⁶⁾; опять поворачиваетъ къ с.-в. и чрезъ 65 ли проходитъ къ с. отъ сторожевой башни Ба-р-чю-кэ⁵⁷⁾ (отъ Барчукэ на ю.-з. до города Яркяни, на разстояніи 740 ли, находятся Хойскія деревни; въ прежнее время здѣсь расположены были караулы). Рѣка, прошедши на с. отъ башни, имѣетъ цвѣтъ воды мутный; ширина ея въ этомъ мѣстѣ не болѣе двухъ чжановъ (саженей) и теченіе не очень быстрое. Она раздѣляется на нѣсколько вѣтвей. Южная (вѣтвь) образуетъ маленькое озеро, вода котораго при началѣ чиста, и въ которомъ есть рыба похожая на карпа (?). Далѣе къ с.-в., чрезъ 80 ли, рѣка протекаетъ на з. отъ сторожевой башни Ку-ку-чэ-рѣ; еще чрезъ 70 ли, въ томъ же направленіи, проходитъ на з. отъ караульной башни Хэнъ-а-ла-кэ; еще далѣе къ с.-в. течетъ 30 слишкомъ ли, и проходитъ на з. отъ селенія Ча-тэ-си-линъ⁵⁸⁾; потомъ, чрезъ 20 ли, течетъ на з. отъ сторожевой башни У-ту-сы-кэ-мань; еще къ с.-в., чрезъ 50 ли, течетъ съ з. мимо такой же башни называемой И-лэ-ду. Далѣе къ с.-в., протекши 40 ли, выходитъ изъ предѣловъ Яркяни и вступаетъ въ Аксускія границы; здѣсь проходитъ 100 ли слишкомъ по непрерывно-тянувшимся тростникамъ, и такимъ же образомъ далѣе на с.-в., прошедши 20 ли, пово-ра-

⁵⁴⁾ Эта степь, вѣроятно, препятствуетъ слиянію въ этихъ мѣстахъ р. Кашгарской съ Яркянской, потому что далѣе па в. мы видимъ что нѣтолько эти рѣки, но и р. Хотанъ—текутъ отсюда параллельно между собою до дальнѣйшаго соединенія при Габакъ-акчжанъ.

⁵⁵⁾ Деревня находится отъ Яркяни на с.-в. въ 600 ли. *Пр. авт.*

⁵⁶⁾ «Черныя-горы», которыя видимъ между этой рѣкой и восточнымъ русломъ Яркянской рѣки.

⁵⁷⁾ Гдѣ расходятся дорога ведущая изъ Аксу на Кашгаръ и Яркяни.

⁵⁸⁾ Отъ Яркяни на с.-в. въ 935 ли. *Пр. авт.*

чивается къ в.; а еще чрезъ 20 ли выходитъ изъ тростниковъ и протекаетъ на ю.-з. отъ сторожевой башни Ду-ци-тэ; потомъ опять поворачивается къ ю.-в. Тутъ можно переходить ее черезъ мостъ на телѣгахъ и лошадяхъ. Далѣе течетъ къ в. и доходитъ до Габакъ-акчжань. Мѣсто это лежитъ подлѣ 44° 25' шир. и 36° 30' долг. Въ «Хэ-юань-цзи-ля»⁵⁹⁾ говорится что рѣка (Улань-усу), дошедши до Барчукэ, чрезъ 800 ли потомъ достигаетъ до Габакъ-акчжань, и на ю.-з. соединяется съ рѣкою Ъ-р-цянъ (Яркань). Источникъ Ярянъской-Рѣки выходитъ изъ середины Цунъ-лина; и такъ какъ онъ принимаетъ направленіе южное, то рѣка эта и называется «Южною-Цунлинскою.»

Рѣка Яркань⁶⁰⁾ имѣетъ два источника. Западный источникъ называется Цзѣ-пу-лэ-шань-хэ.

Западный истокъ выходитъ на ю. отъ города Ка-чу-тэ (?) изъ большихъ горъ. Мѣсто источника лежитъ между 41° 5' и 43° 30'. Онъ течетъ на с.-в. 200 слишкомъ ли. Тутъ есть рѣчка, вытекающая изъ хребта Цэцэкликъ. Эта послѣдняя течетъ къ ю. 120 ли и, пройдши на в. отъ селенія Сэ-лэ-ку-лэ (Сэрэкуль), впадаетъ въ Цзѣ-пу-лэ-шань. Сэрэкуль находится отъ Яркани на з. въ 800 ли, и составляетъ главный центръ путей сообщенія съ юго-западными странами.

Отъ селенія Сэрэкуль считается три дороги, ведущія въ заграничныя страны:

1) На ю. отъ Сэрэкуля въ 14 дняхъ пути находится Ба-лэ-ти (Балти); далѣе на ю.-в. чрезъ одинъ день достигашь до городка Ха-бу-лунъ, зависящаго отъ того же

⁵⁹⁾ Названіе сочиненіе.

⁶⁰⁾ «Яркань-ѣстанъ принимаетъ начало отъ Яркани на ю.-з. въ цѣпи Луковыхъ горъ; послѣ многихъ изворотовъ, вышедъ изъ горъ раздѣляется на два протока, коими, обоидъ Яркань, опять соединяется, и на с.-в. впадаетъ въ Кашгарь-дарью» (Стат. Опис. Кит. импер. т. II, стр. 124).

Балти. Отъ Ха-бу-лунь на ю. въ 16-ти дняхъ пути находится Ту-бо-тэ (Тибетъ) или, что тоже, Цзань-ди. Въ 29-ти дняхъ пути на ю.-з. отъ Балти находится владѣніе Ка-ши-ми-рь; далѣе къ ю.-з. въ 43 дняхъ пути — Инъ-ду-сы-тань.

2) Отъ Сэрэкуля на з. въ 5 дняхъ пути находится Хей-сы-ту-цзы; далѣе на ю.-з. въ 3 дняхъ пути находится Гань-чжу-тэ, платаций Китаю ежегодную дань въ 1¹/₂ лава золота; далѣе на з. въ 4 дняхъ пути лежитъ Бо-лу-ло (Болоръ), отъ котораго на ю. находится Балти. Отъ Гань-чжу-тэ на с.-з. въ 3 дняхъ пути находится Бадакшань. Далѣе на с. въ 5 дняхъ находится Та-му-гань; далѣе на с. въ 3 дняхъ пути находится Ча-я-бо; еще на ю.-з. въ 3 дняхъ пути находится Хунь-ту-сы (Кундузь); потомъ на с.-з. въ 3 дняхъ пути — Та-лэ-хань, сосѣдственный съ Га-зе-ни. Начиная отъ Хэй-сы-ту-цзы до Талэ-хань всѣ обитатели принадлежатъ къ поколѣнію Га-лэ-ча. Въ 20 дняхъ пути на з. отъ Болора находится Ай-у-хань (Афганъ), называемый также Ка-бу-лэ.

3) Отъ Сэрэкуля на с. въ трехъ дняхъ пути находится Гунь; отсюда на с.-в. въ двухъ дняхъ пути лежитъ О-хань; далѣе на с.-з. въ 2 дняхъ находится Ча-тэ-ла-лэ. Тутъ дорога раздѣляется въ двѣ стороны. На с. чрезъ одинъ день пути находится Ло-шань; на з. въ одномъ днѣ пути лежитъ Ши-кэ-нань; далѣе на с.-з. въ 2 дняхъ находится Да-р-ва-сы. Отъ Гуня до сихъ мѣстъ живетъ также племя Га-лэ-ча. На с. отъ Да-р-ва-сы живутъ Буруты Каратегинь. Отъ Ло-шань на с. находится Хо-хань (Коканъ). Городъ Хо-хань отстоитъ отъ Сэрэкуля на с.-з. въ 10 дняхъ пути. Подвластные ему города: Ма-р-га-лань находится въ одномъ днѣ пути; Ань-цзи-янь — на с.-в. въ 3 дняхъ; О-ши — на ю.-в. въ 8 дняхъ; На-му-гань — на ю.-з. въ 2 дняхъ; Ташихань (Ташкендъ) — на с.-з. въ 4 дняхъ; Ка-ла-бу — на с.-з. въ 5 дняхъ; Хо-чжань (Ходжендъ) на ю.-з. въ 5 дняхъ пути. На границахъ отдѣ-

ляющихъ Коканъ отъ Хойскихъ поколѣній находятся два хребта: Ка-бу-лань и Су-ти-бу-ла-кэ. Поколѣніе Эдэ-гэ-на Бу-лу-тэ живетъ на в. отъ хребтовъ, а на з. начинаются Коканскія земли. Отъ Кокана на з. въ 15 дняхъ пути находится Бу-ха-ррь; отъ него на ю.-в. до Сэрэкуля считается 32 дня пути; отъ него зависить городъ О-лэ-ту-бо (Уратюбе), на в., въ 7 дняхъ пути; Цзи-цза-кэ — на в. въ 3 дняхъ пути; Бай-ле-ха — на с.-в. въ 3 дняхъ; Ка-сыни (Газни) — на ю.-з. въ 10 дняхъ; Кань-да-ха-ррь — на ю.-в. въ 20 дняхъ пути.

Западный истокъ (рѣки Ярвянь) далѣе поворачиваетъ и течетъ къ ю.-в. Тутъ есть рѣчка, проходящая на в. отъ горъ Цянъ-хунь и впадающая въ него. Далѣе на в. проходитъ онъ къ ю. отъ мѣстности То-ли-бу-лунъ, и принимаетъ здѣсь названіе рѣки То-ли-бу-лунъ. Она течетъ на ю.-в. 100 слишкомъ ли и поворачиваетъ къ с.-в. Затѣмъ дѣлаетъ поворотъ на с.-з., и протеки нѣсколько сотъ ли проходитъ около сѣверной стороны горъ Ми-р-дай (Мирджай). Горныя высоты около 30 ли. Во всѣ четыре времени года на нихъ накопляется снѣгъ. Долины углубляются на 60 ли. Горы эти производятъ превосходный юй краснаго цвѣта ⁶¹). То-ли-бу-лунъ далѣе поворачиваетъ на с.-в. и течетъ къ с. отъ горъ Инъ-э-ци-пань, и здѣсь уже принимаетъ названіе Цзъ-пу-лэ-шань. Далѣе къ с.-в. она протекаетъ 100 съ нѣсколькими десятками ли, и проходитъ на с. отъ селенія Хо-ши-а-ли-бу ⁶²). Тутъ находится шестое мѣсто стоянки (инъ — лагерь) людей назначенныхъ для собиранія юй ⁶³). Еще въ томъ же направленіи рѣка чрезъ 40 ли протекаетъ на ю. отъ селенія Ка-чунъ: тутъ находится

⁶¹) Подробности объ этомъ см. у Іакинѳа въ «Опис. Чжунг. и Вост. Турк.», стр. 137.

⁶²) Селеніе это находится отъ Ярвяни на ю.-з. въ 260 ли. *Пр. аст.*

⁶³) Этотъ инъ лежитъ на южномъ берегу. *Пр. аст.* Юй — драгоцѣнный камень, жасріс Древнихъ, но не то что «ашма».

пятая стоянка (инь); далѣе на с.-в. течетъ 60 ли и проходитъ на ю. отъ селенія А-р-ма-сы. Здѣсь есть рѣчка, вытекающая изъ горъ Мирджай и съ ю. впадающая въ Цзѣ-пу-лэ-шань; здѣсь находится четвертая стоянка ⁶⁴). Далѣе въ томъ же направленіи чрезъ 50 ли протекаетъ на с. отъ селенія Ка-р-ка-ци: здѣсь находится третья стоянка. Еще къ с.-в. чрезъ 30 ли протекаетъ на с. отъ селенія У-лу-ка-минъ: здѣсь стоитъ вторая стоянка. Далѣе къ с.-в. течетъ 30 ли и проходитъ на с. отъ селенія У-лу-кэ-ту-би: здѣсь находится первая стоянка ⁶⁵). Затѣмъ еще къ с.-в. чрезъ 70 ли проходитъ на ю. отъ Яркани. Вода здѣсь до того чиста и прозрачна, что можно видѣть дно рѣки. Далѣе къ с.-в. рѣчка Цзѣ-пу-лэ-шань скопляетъ воду и образуетъ мытную пристань (? ⁶⁶). Отъ водяной травы и отъ того что образуется застой, вода принимаетъ черный цвѣтъ; почему Туркистанцы и называютъ ее Кара-усу. Далѣе рѣчка направляется на с.-в. и доходитъ до урочища Янъ-ва-ли-кэ: она проходитъ здѣсь къ югу отъ кумирни посвященной въ честь дракона ⁶⁷). Кумирня эта построена въ 42-мъ году правленія Цянь-лунъ. Далѣе къ с.-в. чрезъ 100 съ нѣсколькими десятками ли протекаетъ къ з. отъ урочища Мо-кэ-ли-тэ, и соединяется съ восточнымъ истокомъ. Мо-кэ-литэ называется также Май-гэ-тэ. Восточный истокъ (р. Яркань) называется Тинъ-цза-бу. Онъ вытекаетъ изъ горъ Ку-кэ-я-рѣ ⁶⁸), которыя находятся на з. отъ Хотана и соединяются съ Южными-Горами (Нань-шань). Вода, вытекающая изъ горъ, направляется къ с. и принимаетъ въ себя съ з. одну рѣчку. Далѣе къ с. чрезъ 200 слишкомъ ли она проходитъ на с. отъ города

⁶⁴) Обѣ эти стоянки находятся на сѣверномъ берегу. *Пр. аст.*

⁶⁵) Эти три стоянки находятся на южномъ берегу рѣки. *Пр. аст.*

⁶⁶) Отъ Яркани на ю.-в. въ 70 ли. *Пр. аст.*

⁶⁷) На ю.-в. отъ Яркани въ 50 ли. *Пр. аст.*

⁶⁸) Ку-кэ по-хойски значитъ «голубой»; а яръ — «ровъ». *Пр. аст.*

Шату ⁶⁹). Тутъ она раздѣляется на двѣ вѣтви, которыя, проведши пространство въ 180 ли, снова соединяются. Далѣе къ в. чрезъ 100 ли рѣка принимаетъ названіе Тинъ-цзабу; называется также и Ка-ла-сы-тань. Мѣсто истока лежитъ подь 40° 30' шир. 39° 50' долг. Рѣка Тинъ-цзабу течетъ къ с.-в. и проходитъ на в. отъ караула Ю-лэ-а-ли-кэ. Далѣе она направляется къ с.-в., протекаетъ на ю. отъ селенія Ка-р-ка-ли-кэ, и принимаетъ названіе Ка-р-ка-ли-кэ; еще далѣе въ томъ же направленіи называется Цинь-да-лэ. Цинь-да-лэ течетъ далѣе къ с.-в. и дошедши до селенія Мо-кэ-ли-тэ соединяется съ западнымъ истокомъ.

Протекши отъ Яркяни къ в. и соединившись вмѣстѣ, они принимаютъ названіе «Южной-Цунлинской-Рѣки», которая далѣе течетъ къ в. и соединяется съ «Сѣверною-Цунлинскою-Рѣкою».

Южная-Цунлинская-Рѣка при самомъ началѣ, послѣ соединенія, поворачиваетъ къ с.-з. и проходитъ на с. за 60 ли отъ сторожевой башни Ай-ци-тэ-ху. Потомъ поворачиваетъ опять къ с.-в. и чрезъ 60 ли протекаетъ на ю. отъ сторожевой башни Лай-ли-кэ. Далѣе къ с.-в. чрезъ 90 ли проходитъ на ю. отъ сторожевой башни Май-на-тэ; еще чрезъ 100 въ томъ же направленіи протекаетъ на ю. отъ сторожевой башни А-ю-гэ-рѣ; далѣе къ с.-в. черезъ 80 ли проходитъ на ю. отъ такой же башни, называемой А-ка-са-ка-ма-ла-рѣ; еще къ с.-в. чрезъ 70 ли протекаетъ на ю. отъ бывшей башни Хуа-си-кэ-ди. Далѣе къ с.-в. чрезъ 70 ли протекаетъ на ю. отъ бывшей башни Сэ-р-гу-ну-сы. Еще къ с.-в. чрезъ 80 ли проходитъ на ю. отъ бывшей башни Чже-кэ-дэ-ли-кэ-то-хай. Отъ сторожевой башни А-ка-са-ка-ма-ла-рѣ на

⁶⁹) По-хойски значить «лѣстница». Пр. авт.

в. рѣка отдѣляется отъ себя глубокую канаву. Канавы эта течетъ къ в. и чрезъ 90 ли проходитъ на ю. отъ сторожевой башни Пи-чжань-ли-кэ; далѣ канавы поворачиваетъ къ с. и чрезъ 75 ли проходитъ на ю. отъ башни Хай-нань-му-цяо; далѣ течетъ къ в. 70 ли и проходитъ на ю. отъ башни Ка-ла-та-кэ (Кара-тагъ); затѣмъ течетъ еще нѣсколько десятковъ ли, и останавливается. Къ з. отъ башни Хай-нань-му-цяо, отъ этой канавы отдѣляется новая канавы, которая течетъ отъ башни къ с. и омываетъ селеніе Ма-ла-р-ба-ши. — Южная (Цунлинская) Рѣка течетъ къ в. и проходитъ на ю. отъ башни Ба-р-чу-кэ. На ю. отъ башни находятся песчанья горы; за этими горами течетъ рѣка, отъ южнаго берега которой тянется Го-би (Ша-ци). Далѣ къ в. рѣка протекаетъ на ю. отъ башни Хэнь-а-ли-кэ. Затѣмъ далѣ на в. соединяется она съ Сѣверною-Цунлинскою Рѣкою. Въ Хэ-юань Цзи-ляо ⁷⁰⁾ говорится что западный истокъ по соединеніи съ рѣкою Тинь-ца-бу течетъ къ с.-в. 400 слишкомъ ли, и доходитъ до предѣловъ Ма-ца-р-та-кэ. Отсюда на ю. идетъ Го-би; далѣ къ в. рѣка чрезъ 500 ли доходитъ до Габакъ-авчжань и соединяется съ Кашгарскою-Рѣкою.

Третья рѣка называется Хотань. Она имѣетъ (также) два источника; западный источникъ называется рѣкою Ка-ла-ка-ши (Каракашъ).

На ю. отъ города И-ли-ци въ 580 ли находятся снѣжныя горы Ча-кэ-ма-вэ-цюй-ди, называемыя также Нань-шань (Южныя-Горы). Въ «Исторіи Ханьской Династіи» говорится что Юй-тянь находится у подошвы Южныхъ-Горъ, а въ Си-юй-ци (эти горы) называются Сюэ-шань (Снѣжныя-Горы ⁷¹⁾). Вода выходитъ изъ двухъ долинъ,

⁷⁰⁾ Названіе сочиненія.

⁷¹⁾ Въ отличіе отъ Сянгкабабъ, которая отъ (Сюань-Цзань) называется «Дя-сюэ-шань» (Великія-Снѣжныя-Горы). *Пр. авт.*

находящихся у горъ Цю-мо-чжи. Первая называется Санъ-гу (находится на з.), вторая называется Щу-я (находится на в.). Ручьи, выходящіе изъ этихъ долинъ, текутъ отдѣльно. Мѣсто этого источника лежитъ подь $41^{\circ} 2'$ шир. и $37^{\circ} 40'$ долготы. По выходѣ изъ долинъ, вода соединяется и течетъ къ с.-в. 300 слишкомъ ли, и проходитъ на в. отъ караула Ао-чжа-тэ; еще къ с.-в. чрезъ 30 ли протекаетъ на з. отъ караула Да-й-да-вэ, и на в. отъ караула Каса-рь⁷²⁾. Далѣе течетъ къ с. и раздѣляется на двѣ вѣтви. Западная вѣтвь течетъ къ с.-в. 70 ли, и проходитъ на з. отъ города Ка-ла-ка-ши (Каракашъ); а еще чрезъ 30 ли течетъ на в. отъ сторожевой башни Цзао-ва-лэ и принимаетъ названіе Цзао-ва-лэ. Туркистанцы называютъ ее также Сэ-рэ-кэ-су, потому-что она имѣетъ желтый цвѣтъ воды. Цзао-ва-лэ потомъ течетъ къ с., доходитъ до Ка-ла-санъ и скрывается въ пескахъ. Восточная вѣтвь направляется къ с.-в. и проходитъ отъ города Илици на ю. въ 48 ли; потомъ течетъ на с.-в. 70 ли, и проходитъ къ в. отъ города Каракашъ; потомъ течетъ къ с.-в. и чрезъ 40 ли слишкомъ протекаетъ къ з. отъ караула Ма-ца-аръ; далѣе течетъ къ с., доходитъ до мѣстности называемой И-кэ-ли-я-ръ (кривой ровъ), и соединяется съ восточнымъ истокомъ.

Восточнымъ истокомъ называется рѣка Юй-лунъ-ка-ши (Юйрункашъ). Эта рѣка въ свою очередь имѣетъ два истока. Западный истокъ выходитъ изъ горъ Ха-лянъ-гуй (Харангуй); а восточный изъ Сибъжныхъ-Горъ. Мѣсто источника лежитъ подь $41^{\circ} 10'$ шир. и 37° долг. Оба эти истока, по соединеніи, текутъ на с.-в. 240 ли и проходятъ къ з. отъ караула Бо-цзя-я, и къ в. отъ караула И-ли-банъ-ци⁷³⁾. Далѣе къ с.-в. чрезъ 20 ли протекаютъ на в. отъ караула Чжа-м-уда-ръ; еще къ с.-в. чрезъ 20 ли

⁷²⁾ Эти караулы отстоятъ одинъ отъ другаго на одну ли. *Пр. аст.*

⁷³⁾ Караулы находятся одинъ отъ другаго въ 10 ли. *Пр. аст.*

протекають на в. отъ караула А-са-рѣ, и на в. отъ караула Ха-ла-ци. Потомъ раздѣляются снова на двѣ вѣтви. Восточная вѣтвь течетъ къ с.-в. и проходитъ на с.-з. отъ селенія Юйрункаши ⁷¹⁾. Далѣе течетъ къ с.-з., и чрезъ 5 ли проходитъ на з. отъ караула Цзи-я, и къ в. отъ Сай-ба-кэ (караулы эти въ 5 ли другъ отъ друга). Еще на с.-з. чрезъ 20 ли протекаетъ къ з. отъ караула Ту-ши-хань-дикэ, и соединяется съ западною вѣтвю. Западная вѣтвь отъ мѣста раздѣленія течетъ къ с.-в. 15 ли, и проходитъ на в. отъ города Илици; потомъ протекаетъ на з. отъ караула Сай-ба-кэ, и на в. отъ И-цянъ-ци (караулы эти въ 5 ли другъ отъ друга). Далѣе течетъ на с.-з. 15 ли, и соединяется съ восточною вѣтвю. Вмѣстѣ они направляются къ с. и чрезъ 80 слишкомъ ли проходятъ къ в. отъ караула Ма-цза-рѣ (отъ караула до Илици на югъ 120 ли). Далѣе текутъ къ с., и чрезъ 200 ли доходятъ до И-кэ-ли-я-рѣ, гдѣ соединяются съ рѣкою Каракашъ. Въ «Исторіи Вэйской Династіи» говорится что на в. отъ Юйтяни въ 20 ли есть большая рѣка, текущая къ с. и называемая Шу-чжи. На з. отъ города въ 55 ли также есть большая рѣка, называемая Да-ли. По соединеніи съ Шу-чжи, вмѣстѣ текутъ къ с. Такимъ образомъ Шу-чжи составляетъ восточный источникъ, а Да-ли — западный. Рѣка производитъ юй, почему и называется Юй-хэ. Провленія Цянъ-лунъ въ 26-й годъ издано повелѣніе: въ обѣихъ рѣкахъ, въ западной и въ восточной, до хребта Харангуй, каждый годъ, весною и лѣтомъ, два раза собирать юй. Въ «Описаніи Хотана» говорится что рѣка Юйтянь раздѣляется на три вѣтви: восточная (отъ города) называется Бо-юй-хэ; западная (отъ города) — Юань-юй-хэ; третья, самая западная, именуется У-юй-хэ. Въ другомъ сочиненіи, «Чжанъ-буанъ-ѣ-синъ-чэнъ-цзи», говорится

⁷¹⁾ Отъ Илици къ в. въ 10 ли. *Пр. авт.*

что рѣка Бо-юй находится на в. отъ города въ 30 ли; рѣка Юань-юй — отъ города на з. въ 20 ли; а рѣка У-юй — отъ Юань-юй на з. въ 7 ли.

Проедши отъ города съ одной стороны на з., а съ другой на в., и соединившись на с. отъ города, они принимаютъ названіе рѣки-Юйтянь ⁷⁵), которая течетъ къ с.-в. и соединяется съ Цунлинскими рѣками.

Рѣки Каракашъ и Юрункашъ, протекая каждыя отдѣльно къ с.-в. по 200 ли слишкомъ, сходятся вмѣстѣ въ одну рѣку, которая далѣе течетъ къ с.-в. и проходитъ на в. отъ горъ Ця-та-ли-ци; еще къ с.-в. протекаетъ на в. отъ мѣстности Та-кэ-сань-кэ-рѣ; далѣе, въ томъ же направленіи, проходитъ на в. отъ селенія Ба-ш и-бо-кэ. Всѣ эти мѣстности находятся въ песчаной степи. Протекши, такимъ образомъ, отъ соединенія своего 400 слишкомъ ли, далѣе къ с.-в. рѣка Юйтянь соединяется съ з. съ рр. Кашгарскою и Яркянскою. Въ «Исторіи Ханьской Династіи» говорится что эта рѣка имѣетъ два источника: одинъ вытекаетъ изъ Цунъ-лина, а другой изъ Юй-тяни; Юй-тянь-же лежитъ у подошвы Южныхъ-Горъ. Рѣка эта течетъ къ с. и соединяется Цунлинскими рѣками.

Третій источникъ (Хуань-хэ) есть рѣка А-кэ-су, притекающая съ сѣвера.

Округъ Аксу во времена династіи Хань составлялъ владѣніе Вэнь-су. Онъ граничитъ къ в. съ Ку-чэ, къ з. съ У-ши, къ ю. съ Яркяню, и къ с. съ Или. Рѣка, вытекающая съ с. проходитъ чрезъ этотъ округъ въ направленіи къ ю.-з., почему и носитъ общее названіе Аксу. На з. отъ города Аксу, въ 240 ли, находится городъ У-ши. Отъ У-ши на с.-з. есть отрогъ Цунлинскаго хребта, который носитъ названіе

⁷⁵) По «Статистич. Опис. Кит. Имп.», т. II стр. 124, Хотанъ-дарья, принявъ начало отъ Илици на ю. въ хребтѣ Ниманги-тагъ, течетъ двумя истоками. Юрунъ-кашъ-кюль и Кара-кашъ-кюль, по соединеніи коихъ при Кашгарѣ принимается названіе Хотанъ-дарья, и, протекая на с., впадаетъ въ Кашгаръ-дарья.

горь Ка-кэ-шань (Гакшань). Западная вѣтвь рѣки Аксу выходитъ изъ этихъ горь. Мѣсто источника лежитъ подь 40° 50' шир. и 40° 50' долг. Эта западная вѣтвь течетъ къ ю. 100 ли, и проходитъ на с. отъ хребта И-р-ци-баши ⁷⁶⁾. Тутъ она принимаетъ одну рѣчку, текущую съ с. По соединеніи направляется къ в. и течетъ по границѣ кочевьевъ Бурутовъ изъ племени Ху-ши-ци; потомъ протекаетъ на ю. отъ караула Бо-ди-рѣ (находящагося отъ Уши на з. въ 90 ли) и принимаетъ названіе Бо-ди-рѣ-хэ. Далѣе къ в. есть небольшая каменная скала удивительной (?) высоты, вызываемая Ху-ши-шань (гора Ху-ши). Рѣка Бодирѣ, прошедши съ с. мимо этой скалы, раздѣляется на двѣ вѣтви. Обѣ вѣтви текутъ къ в. и проходятъ на с. отъ горь Инъ-ло, которыя доходятъ почти до самаго города (Уши); далѣе къ в. протекаютъ на с. отъ города У-ши ⁷⁷⁾. Отъ Уши текутъ къ в. 80 ли, и снова соединяются. Въ промежуткѣ этихъ двухъ вѣтвей (отъ раздѣленія ихъ до соединенія) живутъ Туркистанцы (Хой). Къ с. отъ берега этой рѣки въ 200 ли тянутся непрерывно отъ з. къ в. большія горы ⁷⁸⁾. На с. отъ караула Бодирѣ горы называются Хай-ци; далѣе къ в. носятъ имя Сэ-лэ-кэ-та-ши (Сэлэкъ-таши); еще къ в. — Ци-ши-хань-бу-ла-кэ; еще далѣе къ в. называются Инъ-а-ла-тэ (Инарать); еще въ томъ же направленіи—Мэнь-кэ-су; потомъ къ в. тянутся горы Кэ-кэ-ба-ши; еще къ в. идутъ И-ди-кэ; далѣе Чинь-дань; Ур-гай-лэ-кэ; Му-цзы-лу-кэ; У-юй-бу-ла-кэ; У-лу-ху-я-и-ла-кэ; Ха-ша-ла-и; эти-последнія горы находятся на границѣ съ Аксу. Общее названіе

⁷⁶⁾ Слѣдовательно этотъ хребетъ идетъ почти параллельно съ горами Гакшань.

⁷⁷⁾ «Внутри самаго города находится крутая гора Мо-р-чэ-рѣ; на Хойскомъ языкѣ, «гора которая вдругъ появилась» называется У-чи: названіе Уши есть искаженіе этого слова». *Пр. акт.* Поэтому можно думать что здѣсь были нѣкогда вулканическія изверженія.

⁷⁸⁾ Отъ горь Гакшань, подь общимъ именемъ Гунгулукъ.

всѣхъ этихъ горъ есть Гунъ-гу-лу-кэ (Гунгулукъ). Всѣ отроги горъ Ка-кэ-шань (Гакшань). а также и Гунгулукъ, отличаются страшными крутизнами и высотой; горные потоки льются во всѣхъ направленихъ; долины чрезвычайно узкія, такъ что по нимъ можно проѣзжать только верхомъ или гуськомъ. Тутъ въ горахъ Гунгулукъ есть урочища называемыя сѣвернымъ и южнымъ Голо. Южное Голо сообщается съ Илійскимъ карауломъ Ъ-кэ-ха-бу-ха-кэ ⁷⁹⁾, а сѣверное Голо принадлежать къ землямъ, занимаемымъ Бурутами. Рѣка Бодиръ далѣе течетъ къ ю.-в. 10 лишикомъ ли, и прошедши на с. отъ деревни Та-ту-са-ла-ди ⁸⁰⁾, выходитъ изъ предѣловъ Уши и вступаетъ въ Аксускій округъ. Тутъ она принимаетъ названіе р. То-ши-гань, которая течетъ также къ ю.-в. и чрезъ 40 ли проходитъ на ю. отъ селенія Тэ-лэ-ба-кэ; далѣе течетъ къ в. и проходитъ съ с. мимо сторожевой башни Ча-ха-ла-кэ ⁸¹⁾, потомъ — къ в. на с. отъ мѣстности Чже-р-гэ-чже-кэ-дэ, и соединяется съ восточною вѣтвю.

Восточная вѣтвь выходитъ изъ горъ Чу-кэ-да-рѣ, и называется Ху-ма-ла-кэ. Она течетъ къ ю. и чрезъ 80 ли принимаетъ въ себя рѣку Танъ-на-ха-кэ. Къ с. отъ города Аксу есть шесть ключей, которые соединяются вмѣстѣ и направляются къ ю. до впаденія въ Ху-ма-ла-кэ, которая далѣе течетъ къ в., и на ю.-з. отъ города Аксу соединяется съ западную вѣтвю. Мѣсто источника восточной вѣтви лежитъ подъ 40° 30' шир. и 39° долг. Восточная и западная вѣтви, соединившись, текутъ къ в. 60 ли, и снова раздѣляются на двѣ вѣтви. Западная вѣтвь течетъ къ ю. и проходитъ на в. отъ селенія Ай-гэ-рѣ (отъ Аксу къ ю. въ 130 ли); тутъ она принимаетъ названіе рѣки-Ай-гэ-рѣ,

⁷⁹⁾ Отсюда видно что Уши имѣетъ сообщенія съ Илійскомъ округомъ.

⁸⁰⁾ Отъ деревни на з. до Уши 90 ли. *Пр. авт.*

⁸¹⁾ Отъ башни къ в. до Аксу 80 ли. *Пр. авт.*

которая продолжает течение къ ю. и проходить на з. отъ пикета Хунь-ба-ши (отъ Аксу въ 80 ли); затѣмъ чрезъ 30 ли поворачиваетъ на ю-в., и проходить къ ю. отъ селенія Бо-ши-а-ли-кэ (отъ Аксу въ 160 ли); далѣе течетъ въ томъ же направленіи и соединяется съ восточною вѣтвію. Такимъ образомъ отъ раздѣленія до соединенія западная вѣтвь протекаетъ 200 ли. Восточная вѣтвь, по раздѣленіи, течетъ къ ю-в. и проходить на ю. отъ города Аксу (въ разстояніи 40 слишкомъ ли). Далѣе, въ томъ же направленіи, протекаетъ къ в. отъ пикета Хунь-ба-ши, и черезъ 30 ли принимаетъ названіе Хунь-ба-ши. Рѣка въ этомъ мѣстѣ шириною около ли, для переправы чрезъ нее есть двѣ лодки. Хунь-ба-ши течетъ далѣе къ ю-в. и, прошедши на с. отъ селенія Хунь-ба-ши, принимаетъ названіе рѣки Чу-кэ-да-рѣ, которая, въ томъ же направленіи, протекаетъ на с. отъ селенія Бо-ши-а-ли-кэ; потомъ, прошедши на ю. отъ селенія Ха-ла-та-лэ⁸²), соединяется съ западною вѣтвію, послѣ чего принимаютъ обѣ названіе р. Ха-ла-та-лэ. Отъ селенія Ха-ла-та-лэ, находящагося на ю. отъ пикета Чжа-му, въ былое время проходили чрезъ 200 ли до предѣловъ Хотана; по этому пути Фу-гунь-дэ, спѣша на помощь Хотану, прошелъ чрезъ песчаную степь (лежащую къ ю. отъ селенія Хараталъ); но въ настоящее время тутъ не ѣздятъ, ни въ телѣгахъ, ни верхомъ. Далѣе рѣка течетъ по мѣстамъ обильнымъ травою и обширными лѣсами, гдѣ есть много птицъ.... (?). Потомъ течетъ къ ю. и доходитъ до острова Габакъ-акчжанъ, гдѣ соединяется съ обоими Цунлинскими и Хотанскою рѣками. Мѣсто соединенія лежитъ подъ 40° 15' шир. и 36° 40' долг. Всѣ эти четыре рѣки отъ истоковъ своихъ имѣютъ весьма длинное теченіе. Кашгарская рѣка протекаетъ 2700 слишкомъ ли; Иркянская 2100 слишкомъ ли; Хотанская длиною 1100 ли, и наконецъ р. Аксу

⁸²) Селеніе находится отъ Аксу на ю-в. въ 200 ли. *Ир. асм.*

течетъ 900 слишкомъ ли. Затѣмъ всѣ эти рѣки текутъ вмѣстѣ. Въ Хэ-юань-цзи-ля о говорится что мѣсто соединенія этихъ четырехъ рѣкъ представляетъ видъ колодца, въ который вливается вода.

Затѣмъ слѣдуетъ рѣка называемая нынѣ А-р-ба-тэ, или иначе А-ча-ха-ла⁸³). Она вытекаетъ на с. отъ Аксу, изъ середины горъ Ма-цза-р-гоу; течетъ къ ю-в. и проходитъ на ю. отъ пикета Хо-ю-хо-ло-кэ⁸⁴). Около этого караула къ в. есть соляная гора. Эта гора отъ подошвы до вершины состоитъ изъ красной глины, на которой не растутъ, ни трава, ни деревья; въ ней находятъ каменную (ледяную—бинь) соль въ кускахъ, которые бывають величиною: малые—съ кулакъ, а большіе—съ блюдо; пѣтъ ея блестящій какъ у хрустала; она считается полезною въ глазныхъ болѣзняхъ, и въ болѣзняхъ рта. Гора эта называется Чи-ша (красный песокъ). Рѣка Арбатэ, пропедши къ в. отъ этой горы, течетъ къ ю., отъ пикета Ха-ла-юй-лэ-кунь на в. Эта мѣстность соотвѣтствуетъ древнему владѣнію Гу-мо. Далѣе къ ю. рѣка скрывается въ пескахъ, и не соединяется съ сѣверною рѣкою (Аксу). Она протекаетъ всего 300 ли.

Рѣки (Кашгаръ, Яркань, Хотанъ и Аксу) текутъ далѣе къ в. и принимаютъ текущую съ юга рѣку Кэ-лэ-ди-я⁸⁵).

На в. отъ Хотана (Илици тоже) въ 10 ли находится селеніе Юй-рунъ-кашъ, лежащее подъ 36° 52' шир. и 36° 20' долг. Отъ этой деревни на ю-в. въ 230 ли лежитъ деревня Ци-р-ла, подъ 36° 47' шир. и 35° 40' долг. Отъ Цирлы къ с-в. (?) въ 180 ли находится городъ Кэ-лэ-ди-я, лежащій подъ 46° 58' шир. и 34° 30' долг. На ю. отъ Кэ-лэ-ди-я

⁸³) А-ча по-хойски значить «рѣка вытекающая изъ отдѣльной вѣтви горъ». *Пр. авт.*

⁸⁴) Пикетъ находится отъ Аксу къ с-в. въ 245 ли. *Пр. авт.*

⁸⁵) Эта рѣка, сколько мнѣ извѣстно, не нанесена еще ни на одну Европейскую карту, исключая Карты Средней Азии изданной Военно-топографическимъ Депо, на которой эта мѣстность изображена по свидѣніямъ И. И. Захарова; но и тамъ показано только верхнее и нижнее ея теченіе; среднее-же теряется въ пескахъ.

въ 350 ля, подъ 36° 13' шир. и 34° 45' долг. находится деревня Та-кэ (самый крайній предѣлъ населенности въ этихъ краяхъ). Городъ Кэ-лэ-ди-я лежитъ въ южныхъ горахъ, называемыхъ также Кэ-лэ-ди-я. Отсюда идетъ дорога, въ Цзань-ди (западная провинція Тибета). Въ 58-мъ году правленія Кань-си сюда пришло 8000 цзюнгарскаго войска съ цѣлю проникнуть въ Тибетъ (Цзань). Въ 1-мъ году правленія Юнь-чженъ, въ 6-й лунѣ, этимъ путемъ хотѣлъ проникнуть туда и куээнорскій Ло-бу-цзань да-чэнь; за нимъ погнались изъ Тибета и изъ Янь-ба-чжанъ тибетскія и китайскія войска, но дойдя до Ка-лэ-цзань-гу-ча остановились по причинѣ снѣговъ. Этотъ путь съ большою подробностію представляется въ описаніи Тибета, называемомъ Си-цзапъ-чжи. Отъ Хлассы, направляясь прямо на с. чрезъ 24 дня доходишь до На-кэ-чань; еще чрезъ 15 дней—до Шу-лунъ-ша-ръ; оттуда чрезъ 18 дней достигашь до города Кэльдія. (По этому же описанію видно что есть другая дорога изъ Тибета въ Яркянь, куда отъ города Лу-ду-кэ (Ладакъ) доходятъ чрезъ 15 дней). Горы Кэльдія ⁸⁶⁾ простираются (въ окружности что-ли?) на 1000 слишкомъ ли, и состоятъ то изъ песковъ, то изъ снѣговъ. Они издаютъ зловредныя испаренія, такъ-что люди, ни зимой, ни лѣтомъ, не могутъ чрезъ нихъ переѣзжать. Изъ этихъ горъ выходитъ рѣка, которая, направляясь къ с., протекаетъ на в. отъ города Кэльдія. Въ «Описаніи Западнаго Края при Танской династіи» (Си-юй-цзи) говорится: на ю-в. отъ города Ку-сандань-ца (Хотанъ) въ 100 слишкомъ ли есть большая рѣка, текущая къ с-з. Жители пользовались ея водами для орошенія своихъ полей; но потомъ она вдругъ перестала течь. Правитель этой страны глубоко опечалился; приказалъ запретить лошадей, и отправился къ Архану чтобы спросить его. Правитель сказалъ ему: большая рѣка, изъ которой жители госу-

⁸⁶⁾ Это есть самая дальняя часть южныхъ горъ въ В. Туркестанѣ. *Пр. авт.*

дарства брали воду, вдругъ прекратила свое теченіе. Отъ чего это зависитъ, и что нужно для устраненія этого бѣдствія? Арханъ отвѣчалъ: Драконъ сдѣлалъ это, нужно ему принести жертву и помолиться, потомъ, по-прежнему, будетъ польза. По этой причинѣ, правитель, возвратившись, принесъ жертву дракону рѣки. Вдругъ изъ воды вышла женщина и сказала: такъ-какъ мужъ мой рано умеръ, и нѣтъ (человѣка) который-бы заправлялъ теченіемъ рѣки, вслѣдствіе этого люди потеряли пользу. Сдѣлай моимъ мужемъ перваго министра, и рѣка потечетъ по-прежнему. Когда отправился въ рѣку первый министръ, то рѣка потекла по-прежнему и до настоящаго времени доставляетъ пользу людямъ, ⁸⁷⁾. Въ «Исторіи Тановъ» говорится: въ 300 ли отъ Хотана на в. есть рѣка Цзянь-дэ-ли; на восточной сторонѣ рѣки есть городъ Цзянь-дэ-ли, называемый также Цзюй-ми; это есть древній городъ Нинъ-ми ⁸⁸⁾. Нынѣшняя рѣка находится отъ города на в.; течетъ къ с. 300 ли и впадаетъ въ Большую-Рѣку (Таримъ).

Большая рѣка (Таримъ), прошедши на с. отъ предѣловъ урочища Бу-гу-сы-кунъ-го-р-го, принимаетъ названіе Эргоу.

Кунъ-горъ-го по-хойски значитъ «степной плодъ»; а названіе Бу-гу-сы значитъ «величиной съ брюхо» (степной плодъ величиною съ брюхо). Плодъ, по-истинѣ, большой! Мѣстность эта находится на с-в. отъ города Илици въ 500 слишкомъ ли; отъ (острова) Габакъ-акжанъ отстоитъ на 100 ли. Она лежитъ подъ 40° 25' шир. и 36° 20' долг. Длина тѣни лѣтомъ въ полдень при свѣтѣ солнца бываетъ тутъ въ три фута (чи) и одну долю (фынь); зимою доходитъ до двухъ сажень (чжанъ), двухъ вершковъ (цунь) и 6 долей (фынь); весною и осенью бываетъ въ 8 чи, 4 цуня и 7 фыновъ.

⁸⁷⁾ См. Mémoires de Hiouen-thsang. Т. II, р. 239, 240, 241.

⁸⁸⁾ См. Иакинъ: «О народ. обитавш. въ средн. Азіи» т. II, отд. 2, стр. 228.

Къ ю. отъ этого урочища, среди песчаной степи, тянутся большія горы, составляющія отрогъ отъ хребта Ша-ту-ту. Большая-Рѣка протекаетъ отсюда на с. и принимаетъ названіе Эргоу. Названіе Эргоу имѣетъ слѣдующее значеніе: «рѣка при теченіи своемъ дѣлающая поворотъ». Эргоу, протекиши къ в. отъ урочища Бу-гу-сы-кунъ-го-р-го 250 ли, доходить до Ъ-и-лэ-юй; еще къ в. чрезъ 80 ли доходить до Ъ-лэ-а-ли-кэ⁸⁹⁾, потомъ далѣе течетъ къ с-в. 70 ли и доходить до города Ша-я-рѣ, и проходитъ на ю. отъ этого города. Шаярѣ принадлежитъ къ кучаскому округу. Куча-же составляетъ сѣверныя предѣлы древняго владѣнія, извѣстнаго еще при ханьской династіи, Гуй-сы. Городъ эти находится въ 180 ли другъ отъ друга⁹⁰⁾. Шаярѣ лежитъ подъ 40° 55' шир. и 34° 15' долг. Тѣнь лѣтомъ бываетъ здѣсь длиною до 3 футовъ (чи), 1-го цуня (вершка) и 7 долей (фынь); зимою бываетъ длиною въ 2 сажени (чжанъ), 1 чи и 2 фына; весною и осенью — въ 8 чи, 7 цуня и 2 фына. Отъ Шаяра къ в. въ 320 ли находится Сы-р-ли-кэ-мо-си-ти (въ этомъ мѣстѣ есть ли-бай-сы (мечеть); а на ю-в. въ 300 ли лежитъ Ланъ-ха-ли (эти мѣста имѣютъ дальнѣйшее сообщеніе съ востокомъ). На з. же отъ Шаяра въ 60 ли слишкомъ находится караулъ Сай-ла-ли-кэ. Отъ караула къ з. въ 320 ли находится урочище называемое Та-ши-гэнъ-гэ-ли, а отъ караула къ ю-з. въ 240 ли находится урочище Ба-ши-кэ-я-кэ (Башъ-кыякъ): оба урочища имѣютъ сообщеніе съ Аксускою деревнею Ка-ла-та-лэ, и такимъ образомъ дорога проникаетъ до Кашгара и Яркяни⁹¹⁾. На ю. же отъ Сы-р-ли-кэ-мо-си-ти вдоль

⁸⁹⁾ Ъ-лэ по-хойски значить «вѣтеръ». Значить — это мѣстность въ которой есть рѣка быстрая какъ вѣтеръ. *Пр. авт.*

⁹⁰⁾ Шаярѣ лежитъ отъ Кучи прямо на югъ. *Пр. авт.*

⁹¹⁾ Здѣсь разумѣется (кромѣ главной дороги идущей отъ Хами къ Кашгару) проселочная, которая идетъ на Шаярѣ (въ земляхъ Кучэ) и Хараталъ-чжуанъ въ Аксу.

всѣхъ предыдущихъ мѣстъ до Та-ши-гэнь-гэ-ли на необозримое пространство тянутся топи ⁹²⁾, по которымъ не проходитъ человѣческая нога. Это есть сѣверный берегъ рѣки Эргоу. На с-в. отъ Шаяра въ 200 ли находится городъ У-лу-ку-му (Улукумъ), а на с-з. въ 240 ли — Янь-та-кэ-ша-рѣ (Янтагъ-шарѣ), которые смѣжны съ предѣлами Кучэ. Янтагъ-шарѣ есть заброшенный городъ, смѣжный съ Ю-лэ-ду-сы-ба-кэ (Юлдусъ-бакъ), находящимся на ю-з. отъ Кучи въ 90 слишкомъ ли. Рѣка Эргоу проходитъ отъ города (Шаяра) на ю. во 100 слишкомъ ли. Въ «Исторіи династии Вэй» говорится что на ю. отъ владѣнія Гуй-сы въ 300 ли есть большая рѣка, протекающая на в. подъ именемъ Цзи-сюй ⁹³⁾. Далѣе рѣка поворачиваетъ къ с. По южному берегу ея тянется страна которую вдоль и поперегъ перерѣзываютъ горы. Главныхъ кражей считается (однако) всего три: 1) Хребетъ Ша-ту-ту, направляющійся съ ю. на с., отстоитъ (останавливается?) отъ города Ха-ла-ша-рѣ на 1400 ли. Онъ устремляется на с. и чрезъ 400 слишкомъ ли поворачиваетъ къ с-з.; послѣ чего, чрезъ 1200 слишкомъ ли подходитъ съ ю. къ урочищу Бу-гу-сы-кунь-го-р-го и останавливается; 2) хребетъ болѣе восточный называется На-ши-да-рѣ (Нашатырь), или У-лань-да-бу-су (красная соль ⁹⁴⁾). Онъ находится прямо на ю. (?) отъ Лобъ-нора въ 1000 ли. Этотъ хребетъ отличается высокими пиками; сначала онъ направляется на ю-з. и чрезъ 200 ли раздѣляется на двѣ вѣтви, изъ которыхъ южная тянется къ з. 200 слишкомъ ли, называется Шунь-то-го-рѣ и останавливается. Сѣверная вѣтвь направляется къ с-з., чрезъ 1400 слишкомъ ли поворачиваетъ къ з., доходитъ до Шаяра, и на ю. отъ него останавливается. Третья, самая восточная вѣтвь горъ, называется

⁹²⁾ См. «Опис. Чжунг. и Восточ. Турк.» отд. II, стр. 124.

⁹³⁾ См. «О Народ. обит. въ средн. Азіи». Т. II, отд. II, стр. 160.

⁹⁴⁾ Хребетъ замѣчательный тѣмъ что въ немъ добывается нашатырь и красная соль. *Пр. авт.*

Си-цзинь-у-лань. Онѣ находятся противъ Ту-лу-фань, отъ котораго отстоятъ на 1400 слишкомъ ли. Горы Си-цзинь-у-лань еще направляются къ с-в. и чрезъ 100 слишкомъ ли принимаютъ названіе Ба-янь-ха-ла-дэ-ли-бэнь-ба; далѣе къ в. образуютъ горы Но-му-ци-ту (Номчиту—«благочестивыя»⁹⁵); также составляютъ горы Ба-янь-ха-ла-си-лунь; горы Инь-дэ-р-ту-си-лэ-ту (ширэтү) и наконецъ горы Ци-р-са-то-ло-хай. Всѣ эти горы имѣютъ протяженіе въ 600 слишкомъ ли и принадлежатъ къ системѣ хребта Ба-янь-ха-ла (Баянь-хара). Отсюда-то выходитъ А-лэ-тань-го-лэ (Алтань-голь⁹⁶).

Отъ горъ Баянь-хара-дэ-ли-бэнь-ба на з. въ 200 ли тянется къ с-з. отдѣльный хребетъ на 1000 ли, и не дошедши до Лобь-нора, останавливается отъ него на ю. въ 80 ли. На в. отъ этого хребта находится песчаная степь, называемая Ма-хай. Въ окружности она имѣетъ двѣ тысячи слишкомъ ли. Она находится на з. отъ Кара-норъ (озеро Кара). Далѣе на с-з. находится также песчаная степь Ка-шунь (по-монгольски значить «горькая вода»). Отъ нея далѣе на с. находится песчаная степь И-р-ху-ма, лежащая на ю-з. отъ города Ха-ми. Вообще отъ Хотана на с-в. тянется безграничная степь. Въ «Си-юй-цзи» говорится: на в. отъ Хотана вступаешь въ песчаную пустыню. Въ этой пустынѣ отъ слупучихъ песковъ не остается людскихъ слѣдовъ; оттого многіе сбиваются съ дороги. Во всѣ четыре стороны все необозримо и ничего нельзя указать. Пройдя (отъ Хотана—куда?) 400 слишкомъ ли достигаешь до древняго владѣнія Ду-хо-ло. Государство это давно опустѣло, и городскія стѣны находятся въ развалинахъ; оттуда въ 600 ли находится древнее владѣніе Чжо-мо-до-на или Цу-мо, гдѣ въ городахъ и селеніяхъ

⁹⁵) По-Монгольски номъ — значить буддійское «ученіе»; ци (чи) значить «люди» (?); а ту значить «есть, имѣется». *Пр. авт.* Значить что подъ этими горами живутъ люди чрезвычайно преданные буддійскому ученію.

⁹⁶) Алтань-голь — верхнее теченіе Хуань-хэ.

(предмѣстіяхъ?) нѣтъ и помину о жителяхъ. Далѣе къ в. въ 1000 ли слишкомъ находится древнее владѣніе На-фу-бо, или Лу-лань ⁹⁷⁾.

Далѣе къ в. рѣка Эргоу принимаетъ названіе Та-ли-му (Таримъ).

Огромная масса воды направляется далѣе къ в. По обоямъ берегамъ находится необозримая степь. Пропедши городъ Шааръ, далѣе на ю. отъ песчаныхъ горъ рѣка Эргоу поворачиваетъ къ с. и течетъ по мѣстности называемой Та-ли-му, отъ которой до Шаара на с.-з. считается около 200 ли. По-хойски мѣстность на которой можно воздѣлывать землю, называется Та-ли-му. На сѣверномъ берегу рѣки стоитъ караулъ, состоящій изъ башни, высотой около двухъ чжановъ (саженей). Пропедши отъ караула на в., рѣка поворачиваетъ опять къ в. Ширина ея въ 50 слишкомъ чжановъ (саженей).

Далѣе къ в. (Таримъ) принимаетъ рѣку Вэй-цянъ, притекающую съ сѣвера.

Отъ города Аксу на с. въ 445 ли, и отъ города Или на ю. въ разстояніи 655 ли, находятся большія горы подъ именемъ хребта Му-су-рѣ (ледяныя горы), называемыя также Цзао-ха. Горы эти тянутся съ з. на пространство 300 ли, начиная отъ горъ Са-ва-бу-ци, которыя суть продолженіе (отроги?) горъ Гакшанъ. Хребетъ этотъ длиною во 100 ли (?), а высоту (отвѣсную что-ли?) имѣетъ во 100 слишкомъ чжановъ (саженъ). Крѣпкій ледъ образуетъ скалы, положенныя одна на другую, которыя издають блескъ. Ледъ имѣетъ три цвѣта зеленоватый съ краснымъ отливомъ, бѣлый подобный хрусталу, и бѣлый какъ раковина (молочный цвѣтъ). Въ 21-мъ г. правленія Цзя-цинъ (1816); въ первой

⁹⁷⁾ Изъ этого видно что эта песчаная степь въ 2000 ли прежде не такъ была пустыня, какъ теперь. Страна эта у Китайцевъ имѣла общее названіе Сяо-ванъ (Малый Вань). Исторія подтверждаетъ что прежде здѣсь было правильное сообщеніе.

лунѣ 5-го числа, на разсвѣтъ мы (авторъ?) выѣхали изъ пикета Ка-кэ-ча-га-р-хай (Гакцагархай? ⁹⁸) и чрезъ 20 ли прибыли къ подошвѣ горы. Солнце только-что восходило; мы стали подниматься на гору гуськомъ, винтообразно (?); вѣтеръ дулъ на встрѣчу; песокъ (матель?) билъ прямо въ лицо; холодъ проникалъ до мяса и костей; запрещено было говорить. Ледъ представлялъ трещины, которыя простирались на футъ; они были закладены лошадиными костями, которыя какъ-бы образовали мостъ. Поднявшись на вершину, чрезъ нѣсколько ли стали переправляться черезъ снѣжное море, которое имѣло въ окружности 3 или 4 ли. Опасная и узкая тропа, какъ нить, окаймляла море и прекращалась посрединѣ. Въ дорожникѣ Ду-хуан'я ⁹⁹ говорится: на с-з. отъ Ань-си ¹⁰⁰ въ разстояніи 1000 слишкомъ ли находится горный хребетъ Бо-да (Богда?). Оттуда далѣе на с. чрезъ нѣсколько дней пути нужно переправляться черезъ снѣжное море, которое находится среди горъ, въ которыхъ лѣтомъ и весной постоянно идутъ снѣгъ и дождь; почему (мѣсто это) и называется «Снѣжнымъ Моремъ». Чрезъ него идетъ узкая тропа, подлѣ которой часто встрѣчаются во льду трещины на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ сажень. Среди этихъ горъ есть также два озера; каждое въ окружности имѣетъ около 10 сажень (чжанъ). Онѣ находятся среди льда; но въ нихъ льда нѣтъ, а, напротивъ, чистая и прозрачная вода. Это два горячія моря (жѣ-хай). Въ Си-юй-цзи говорится что въ 300 слишкомъ ли къ с-з. отъ владѣнія Па-лу-цзя (Барука?), перешедши каменистую пустыню, достигашь до снѣжныхъ горъ, которыя дежатъ къ с. отъ Цунъ-линскаго хребта. Воды вообще текутъ къ в. Гбры и долины

⁹⁸) Онъ находится на ю. отъ Илійскаго пикета Ша-ту-а-манъ во 100 ли. *Пр. авт.*

⁹⁹) Значитъ эта переправа известна была еще при Танской династии.

¹⁰⁰) Ань-си находилось въ предѣлахъ Кучи, и при Танской династии составляло Ду-ху-фу. *Пр. авт.*

покрыты снѣгомъ. И весною и лѣтомъ тамъ можно видѣть только одинъ ледъ. Вѣтеръ дуетъ тамъ съ необыкновенною силою, и путешественники подвергаются нападенію драконовъ. По этой дорогѣ нельзя нести съ собою, ни красной одежды, ни тывенныхъ сосудовъ, нельзя также громко кричать и т. д. ¹⁰¹⁾.

Какъ видно изъ донесеній и указовъ, данныхъ въ правленіе Цянь-лунь, помѣщенныхъ тутъ же авторомъ цѣлкомъ, спускъ съ Музарта на противоположную сторону происходитъ по ступенькамъ, прорубленнымъ во льду; для этого приставлены 70 Туркистанскихъ семействъ. Какъ видно также, эта лѣстница идетъ только двѣ ли, а самый спускъ тянется на 40 ли. Этой горѣ приносится жертва весною и осенью во всѣхъ мѣстахъ по Новой Линіи отъ имени Гао-цзун'а или Цянь-лун'а, какъ завоевателя этого края). Подъ гору съ шумомъ грома стремится водопадъ. Цвѣтъ воды его подобенъ соку муки (?), почему и называется Бо-лунъ-коу (ущелье блага дракона). Пройдя далѣе къ з. около одной ли, приходишь до пикета Та-му-ка-та-ши. Позади этого пикета находится непроходимая гора. На з. отъ караула въ разстояніи около 5 ли бьетъ ключъ — черный какъ тушь, почему и называется Хэй-лунъ-воу (ущелье черного дракона). Эти два ключа соединяются на югѣ отъ пикета и составляютъ рѣку Му-су-рѣ; а эта рѣка составляетъ западный источникъ рѣки Вэй-цянь. Мѣсто источника лежитъ подъ 40° 20' шир. и 36° 20' долг. Бо-лунъ и Хэй-лунъ — обѣ горы вмѣстѣ направляются (?) къ ю. Онѣ находятся одна отъ другой на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ сажень (чжанъ). Вода, выходящая изъ нихъ течетъ по долинѣ обширнымъ потокомъ, чрезъ который путешественникамъ приходится переправляться нѣсколько разъ, почему потокъ этотъ и называется Хуанъ-ли (?). Протекши, такимъ образомъ, все въ ю-з. направленіи,

¹⁰¹⁾ См. Mémoires de Hiouen-thsang. T. I, pag. 11.

черезъ 80 ли рѣка проходитъ на в. отъ пикета Ху-сы-ту-то-хай; далѣе къ ю. черезъ 50 ли течетъ на в. отъ пикета Ту-ба-ла-тэ. Потомъ поворачиваетъ къ ю-в. и проходитъ во 100 слишкомъ ли на с. отъ песчаной степи Ди-шуй-яй. Еще протекаетъ нѣсколько десятковъ ли и проходитъ на ю. отъ селенія Но-и-гу-тэ ¹⁰²⁾ и на с. отъ пикета Ча-р-ци-кэ. На всемъ теченіи своемъ она называется рѣкою Му-цза-ла-тэ. Но-и-гу-тэ есть поколѣніе Бурутовъ. Рѣка Му-цза-ла-тэ далѣе къ в. чрезъ 80 ли проходитъ на с. отъ пикета О-и-сы-та-кэ-ци-кэ; потомъ поворачиваетъ къ ю., и чрезъ нѣсколько ли протекаетъ на з. отъ селенія Яр-гань ¹⁰³⁾, и принимаетъ названіе рѣки Яргань. Прощедши селеніе, она поворачиваетъ снова къ в. и принимаетъ въ себя рѣку Ха-бу-са-лянъ, текущую съ с. Рѣка Ха-бу-са-лянъ выходитъ изъ горъ лежащихъ къ с-з. отъ города Бай ¹⁰⁴⁾, и течетъ къ ю., а потомъ раздѣляется на три вѣтви. Западныя двѣ вѣтви направляются къ ю., и чрезъ 80 ли теченія впадаютъ въ р. Яргань. Восточная вѣтвь течетъ нѣсколько ли и въ свою очередь раздѣляется на двѣ вѣтви. Западная изъ нихъ течетъ къ ю., и, прощедши на з. отъ города Бай, соединяется съ прежними двумя вѣтвями и (съ ними вмѣстѣ) впадаетъ въ Яргань. Восточная вѣтвь течетъ къ ю-в. въ Ка-ла-у-су (Кара-усу), которая, прощедши на в. отъ города Бай, составляетъ рѣку Му-чжотэ, и (далѣе) къ ю. впадаетъ въ Яргань. Кара-усу выходитъ изъ горъ лежащихъ къ с-в. отъ города Бай, а отъ источника рѣки Ха-бу-са-лянъ на в. во 100 ли. Кара-усу течетъ къ ю., и чрезъ 10 слишкомъ ли раздѣляется также на двѣ вѣтви. Западная вѣтвь течетъ къ ю-з. и впадаетъ въ р. Ха-бу-са-лянъ; а восточная направляется къ ю-в., и

¹⁰²⁾ Селеніе находится отъ г. Аксу на с-в. въ 350 ли, а отъ рѣки въ 10 слишкомъ ли на с. *Пр. аст.*

¹⁰³⁾ Отъ Аксу на в. въ 400 слишкомъ ли. *Пр. аст.*

¹⁰⁴⁾ Городъ лежитъ на в. отъ пикета О-и-сы-та-кэ-ци-кэ въ 60 ли. *Пр. аст.*

прошедши на в. отъ города Сай-ла-му (Сайрамъ ¹⁰⁵), останавливается и не течетъ. Ярганъ, принявши рѣку Мучжа-тэ, течетъ къ в. 70 ли слишкомъ, проходитъ на ю. отъ города Сайрама и принимаетъ въ себя съ с-в. рѣку Нань-ху. Затѣмъ Ярганъ течетъ къ в. 20 ли слишкомъ ли и соединяется съ рѣкою Кэ-сэ-лэ (Кызыль). Рѣка Кызыль составляетъ восточный источникъ р. Вэй-цянь. Мѣсто источника лежитъ подъ 42° шир. и 34° 30' — 35° 10' долг. Она выходитъ тремя вѣтвями. Западная вѣтьвь вытекаетъ изъ горъ А-лэ-тань-ху-су ¹⁰⁶), а обѣ восточныя выходятъ изъ горъ Э-ши-кэ-ба-ши (Эшкэбашъ ¹⁰⁷). Эшкэбашъ иначе называется Бо-шань (бѣлыя горы). Въ «Исторіи династіи Суй» онѣ называются А-цзѣ (цзѣ значитъ «овенъ» — кладеный баранъ), а въ «Танской Исторіи» — А-цзи-тянь. Три вѣтви соединяются, прошедши къ ю. 80 ли, такимъ образомъ: съ с-в. притекаетъ вѣтьвь Ши-хо-дань-р. (шань?), а съ в. — вѣтьвь Ша-р-да-лань, и соединившись, текутъ потомъ къ ю-в. 70 ли слишкомъ ли; прошедши на з. отъ пикета Кэ-сэ-лэ, составляютъ рѣку Кэ-сэ-лэ. Каждый годъ съ конца весны и до глубокой осени поставляются два караула на западномъ берегу источника (какого?) этой рѣки. Первый называется Ни-цза-р-а-та (находится въ горахъ въ 130 ли къ с-в. отъ пикета Кэ-сэ-лэ); второй носитъ имя А-р-тунъ-хо-ши (лежитъ отъ Ни-цза-р-а-та на с-в. въ 30 ли). Рѣка Кэ-сэ-лэ далѣе течетъ къ ю. 30 ли слишкомъ ли, и проходитъ на з. отъ мѣста въ которомъ находится тысяча буддійскихъ пещеръ. Рѣка проходитъ подъ утесомъ и впадаетъ въ рѣку Цзюрганъ. Обѣ онѣ въ этомъ мѣстѣ составляютъ рѣку Вэй-цянь. На западномъ берегу рѣки Кэ-сэ-лэ есть дров-

¹⁰⁵) Городъ находится отъ г. Бай къ в. во 100 ли; оба они принадлежатъ къ Айсускому округу. *Пр. акт.*

¹⁰⁶) Названіе это происходитъ отъ множества деревьевъ которыхъ листья осенью блестятъ подобно золоту. *Пр. акт.*

¹⁰⁷) Цо-хойски эши-кэ значить «маленькій горный баранъ»; а баши — «города».

ній покинутый горедь, имѣющій въ окружности около двухъ ли. Мѣсто соединенія двухъ рѣкъ лежитъ подь 41° 25' шир. и 35° 10' долг. Рѣка Вэй-цянъ течетъ (сначала) къ в., потомъ поворачиваетъ къ ю., и чрезъ 40 ли проходитъ на з. отъ горь Динъ-гу ¹⁰⁸). Проходя адѣсь передъ пещерами, она течетъ къ ю. 8 ли, и минуя эти горы, раздѣляется на пять рукавовъ (канавъ?). Два изъ нихъ отведены къ в. Сѣверный называется Пи-цѣ-а-ба-тэ; онъ оттекаетъ съ ю-в. селеніе тогоже имени ¹⁰⁹) и останавливается. Южный (рукавъ) называется Вэй-цянъ, направляется къ ю-в. на с. отъ селеній Ху-му-ту-ла, Бо-ши-кэ-лэ-му и Лянъ-ге-рѣ ¹¹⁰). Далѣе къ ю-в. проходитъ на с. отъ селенія И-бо-р-ба-кэ ¹¹¹). Еще къ ю-в. протекаетъ на в. отъ селенія Хэ-ту-ла ¹¹²) и на з. отъ селенія Ка-да-су ¹¹³). Далѣе въ томъ же направленіи течетъ на с. отъ селенія Инъ-ци-кэ-ай-ли-кэ ¹¹⁴); потомъ далѣе къ в. протекаетъ на с. отъ селеній Тэ-тэ-р-ци ¹¹⁵), Цянъ-гэ ¹¹⁶), Хо-р-но-сы ¹¹⁷), Инъ-гэ-ту-ла. ¹¹⁸). Далѣе поворачиваетъ къ ю-в. и протекаетъ на з. отъ селенія Бо-ши-ба-кэ ¹¹⁹), потомъ на ю. отъ То-гу-сы-то-шань. ¹²⁰), наконецъ доходитъ до селенія Хо-гэ-рѣ и останавливается. На з. отведены изъ рѣки Вэй-цянъ три рукава:

¹⁰⁸) Въ этихъ горахъ есть также каменные комнаты (залы) вышиною около сажени, глубиною около двухъ сажени. Есть также и пещеры, которыхъ входы обращены къ ю-з. *Пр. аст.*

¹⁰⁹) Пи-цѣ-а-ба-тэ находится отъ Кучи на з. въ 40 ли. *Пр. аст.*

¹¹⁰) Эти три селенія лежатъ отъ Кучи на с-з. въ 60 ли. *Пр. аст.*

¹¹¹) Отъ Кучи къ з. въ 55 ли.

¹¹²) Отъ Кучи къ з. въ 60 ли.

¹¹³) Отъ Кучи къ з. въ 55 ли.

¹¹⁴) Отъ Кучи на ю-з. въ 55 ли.

¹¹⁵) Отъ Кучи на ю-з. въ 70 ли.

¹¹⁶) Отъ Кучи на ю-з. въ 65 ли.

¹¹⁷) Отъ Кучи на ю-з. въ 60 ли.

¹¹⁸) Отъ Кучи на ю-з. въ 50 ли.

¹¹⁹) Отъ Кучи на ю-з. въ 30 ли.

¹²⁰) Отъ Кучи на ю. въ 60 ли.

Пр. аст.

сѣверный называется Ю-лэ-ду-сы-ба-кэ, течетъ къ ю-з., орошаетъ селеніе того же имени, и далѣе не течетъ; слѣдующій южный рукавъ называется Та-ши-ли-кэ, течетъ къ ю. чрезъ селеніе того же имени ¹²¹⁾, и останавливается; наконецъ другой южный рукавъ называется То-кэ-су, течетъ также къ ю., и проходитъ на з. отъ селенія Чжа-и ¹²²⁾; потомъ, направляясь къ ю-з., протекаетъ на с. отъ селенія И-ци-ай-ли-кэ ¹²³⁾, затѣмъ снова, въ южномъ направленіи, дойдя до селенія То-кэ-су ¹²⁴⁾, далѣе не течетъ. Рѣка Вэй-цянь направляется къ ю. и проходитъ на з. отъ селенія Ху-му-шанъ-ла; далѣе—къ в. отъ селенія Чжа-и, и на з. отъ Хо-чжо-ту-ла-сы ¹²⁵⁾; потомъ проходитъ на в. отъ селенія Ти-гэнь ¹²⁶⁾ и, поворотивъ къ ю-в., протекаетъ на ю. отъ селеній Ха-ла-ша-рѣ ¹²⁷⁾, Ци-та-тэ ¹²⁸⁾, Янь-дэр-мань ¹²⁹⁾ и на с. отъ селеній Кэ-кэ-бу-гоу ¹³⁰⁾, Я-мань-ай-ли-кэ ¹³¹⁾, Ё-гэ-р-ци ¹³²⁾, Сай-ли-ка-та-рѣ ¹³³⁾, наконецъ течетъ на с. отъ города Шаярѣ, и къ ю. отъ селенія Чжанъ-гэ-р-ай-ли-кэ ¹³⁴⁾. На всемъ этомъ протяженіи она называется рѣкою Ао-гэнь. Туркистанцы называютъ ее также У-кэ-тэ (Укэть). Далѣе она течетъ къ ю-в. и проходитъ на ю. отъ селеній Ка-ла-

¹²¹⁾ Отъ Кучи къ з. въ 80 лн.

¹²²⁾ Отъ Кучи къ з. въ 75 лн.

¹²³⁾ Отъ Кучи къ ю-з. въ 80 лн.

¹²⁴⁾ Отъ Кучи на ю-з. во 100 лн.

¹²⁵⁾ Отъ Кучи на ю-з. въ 60 лн.

¹²⁶⁾ Отъ Кучи на ю-з. во 100 лн.

¹²⁷⁾ Отъ Кучи на ю-з. въ 80 лн.

¹²⁸⁾ Отъ Кучи на ю-з. въ 80 лн.

¹²⁹⁾ Отъ Кучи на ю-з. въ 75 лн.

¹³⁰⁾ Отъ Шаара къ с-з. въ 40 лн.

¹³¹⁾ Отъ Шаара къ з. въ 25 лн.

¹³²⁾ Отъ Шаара къ з. въ 20 лн.

¹³³⁾ Отъ Шаара къ з. въ 10 лн.

¹³⁴⁾ Отъ Шаара къ с. въ 10 лн.

Пр. аст.

дунь ¹³⁵), Ча-р-да-кэ ¹³⁶), Шо-р-та-му ¹³⁷), и на с. отъ Та-ши-кэ-та-му ¹³⁸); потомъ течеть къ в., на ю. отъ селенія Чу-р-хо-ша-рѣ ¹³⁹), и на с. отъ Карта-ши ¹⁴⁰), Ка-я-ма-та ¹⁴¹), Сань-цзя-р-тѣ-ми ¹⁴²). Далѣе протекаетъ на ю. отъ озера (?) Ша-ка-ли-кэ; и, поворотивъ къ ю-в., чрезъ 5 ли снова направляется къ в., доходитъ до селенія Юй-гу-рѣ (древнее Бу-гу-рѣ) съ южной его стороны, и впадаетъ въ большую рѣку Таримъ.

Вся система рѣкъ сливающихся въ Вэй-цянъ называется въ «Шуй-цзинъ-чжу» западными кучаскими рѣками; въ соотвѣтствіе этому есть и восточныя кучаскія рѣки.

Къ с.-з. отъ Кучи въ 600 слишкомъ ли, на границѣ съ Или есть хребетъ Ку-кэ-на-кэ ¹⁴³). У подошвы этого хребта берутъ начало три рѣчныя вѣтви, которыя въ теченіи своемъ къ ю. проходятъ на з. отъ караула Ку-кэ-на-кэ; потомъ направляются къ ю.-з., и проходятъ сперва на з. отъ хребта Цао-линъ (травяной хребетъ), потомъ также на з. отъ хребта Ши-линъ (каменистый), и далѣе мимо горъ Болэ-ци-рѣ (Бэлчирѣ) шанъ ¹⁴⁴). Лѣвая и правая вѣтви (или лучше сказать—двѣ южныя вѣтви) соединяются и текутъ около 2 ли до сліянія съ (второю) лѣвою (или сѣверною) вѣтвию, и составляютъ одну рѣку, которая течеть къ ю.-з., и проходитъ на з. отъ горъ Тунъ-чанъ-шанъ (мѣдный рудникъ ¹⁴⁵). Пройдя горы, рѣка минуетъ къ в. разрушен-

¹³⁵) Отъ Шаяра къ с.-в. въ 5 ли.

¹³⁶) Отъ Шаяра къ с.-в. въ 10 ли.

¹³⁷) Отъ Шаяра къ с.-з. въ 15 ли.

¹³⁸) Отъ Шаяра къ ю-в. въ 15 ли.

¹³⁹) Отъ Шаяра къ с.-в. въ 40 ли.

¹⁴⁰) Отъ Шаяра къ ю-в. въ 50 ли.

¹⁴¹) Отъ Шаяра къ в. въ 60 ли.

¹⁴²) Отъ Шаяра къ в. въ 70 ли.

} Пр. аст.

¹⁴³) По-хойски кукэнакъ значить «черная ласточка». Пр. аст.

¹⁴⁴) Бэлчирѣ по-монгольски значить «мѣсто соединенія», «перекрестокъ».

¹⁴⁵) Горы эти лежатъ въ 60 ли къ с.-в. отъ Кучи. Пр. аст.

ный городъ, и снова раздѣляется на три вѣтви. Западная называется Ми-р-тэ-янь-хэ, течетъ къ ю., на з. отъ селеній Ша-мань-ба-кэ ¹⁴⁶⁾ и Ку-кэ-гунь-ба ¹⁴⁷⁾; далѣе къ ю. проходитъ мимо восточныхъ воротъ Кучи, гдѣ изъ нея отведена вода въ канаву, которая входитъ въ городъ. Сама-же Миртэянь направляется къ ю., на з. отъ селенія Ка-ла-ай-ли-кэ ¹⁴⁸⁾ и на в. отъ Да-хо-лай ¹⁴⁹⁾. Потомъ поворачиваетъ къ ю.-в., и протекши всего 180 ли впадаетъ въ озеро (?) Ша-ха-ли-кэ. Восточная (средняя) вѣтвь называется У-ка-р-са-и-хэ; послѣ раздѣленія течетъ къ ю.-в., и проходитъ на з. отъ селенія Ху-му-ли-кэ ¹⁵⁰⁾, и на в. отъ Би-цзя-кэ ¹⁵¹⁾; потомъ, въ томъ же направленіи, протекаетъ на з. отъ селенія Ка-ла-дунь ¹⁵²⁾ и на в. отъ У-ка-ръ ¹⁵³⁾; еще далѣе проходитъ на з. отъ селенія Са-хань-юнь ¹⁵⁴⁾. Затѣмъ течетъ къ в., и протекаетъ на ю. отъ селеній А-кэ-та-ци ¹⁵⁵⁾, Лу-чу-ръ ¹⁵⁶⁾, Бо-сы-тань ¹⁵⁷⁾ и Инь-ка ¹⁵⁸⁾; далѣе опять склоняется къ ю.-в., протекаетъ на з. отъ селенія Хо-ку-ши ¹⁵⁹⁾, и, подобно первой, чрезъ 180 слишкомъ ли, впадаетъ въ озеро (ху) Ша-ка-ли-кэ. Вторая, болѣе восточная, вѣтвь называется Ъ-ба-ши-хэ; по отдѣленіи отъ предыдущей, она течетъ къ в. и проходитъ на с. отъ селе-

- ¹⁴⁶⁾ Отъ Кучи къ с. въ 5 ли.
- ¹⁴⁷⁾ Отъ Кучи къ с. въ 3 ли.
- ¹⁴⁸⁾ Отъ Кучи на ю-з. въ 5 ли.
- ¹⁴⁹⁾ Отъ Кучи на ю-в. въ 10 ли.
- ¹⁵⁰⁾ Отъ Кучи на с.-в. въ 15 ли.
- ¹⁵¹⁾ Отъ Кучи на с.-в. въ 10 ли.
- ¹⁵²⁾ Отъ Кучи на в. въ 15 ли.
- ¹⁵³⁾ Отъ Кучи на в. въ 10 ли.
- ¹⁵⁴⁾ Отъ Кучи на ю.-в. въ 20 ли.
- ¹⁵⁵⁾ Отъ Кучи на ю.-в. въ 20 ли.
- ¹⁵⁶⁾ Отъ Кучи на ю.-в. въ 30 ли.
- ¹⁵⁷⁾ Отъ Кучи на ю.-в. въ 35 ли.
- ¹⁵⁸⁾ Отъ Кучи на ю.-в. въ 40 ли.
- ¹⁵⁹⁾ Отъ Кучи на ю.-в. въ 50 ли.

Пр. акт.

ній Ма-чжа-пу-туань¹⁶⁰⁾ и Минъ-жай-ли-я-та¹⁶¹⁾. Затѣмъ поворачиваетъ къ ю.-в., и протекиши всего 50 слиш-комъ ли впадаетъ въ озеро (ху) А-ти-вэй-на-кэ. Эти вѣтви и есть тѣ которыя называются восточными кучаскими рѣками.

Въ «Шуй-цзинъ-чжу» говорится что кучаскія рѣки имѣють два источника. Западный источникъ беретъ начало на южной сторонѣ Сѣверныхъ Великихъ Горъ. Воды эти текутъ на ю. и проходятъ мимо горъ Чи-ша-шань (гора краснаго песка): горы эти принадлежать къ Аксускому округу. Еще рѣчка выходитъ съ восточной стороны горъ, течетъ также къ ю. и составляетъ лѣвый притокъ. Далѣе воды эти направляются къ ю.-в., и раздѣляются на три вѣтви: правыя двѣ текутъ къ ю.-в. и впадаютъ въ Бэй-хэ (Таримъ¹⁶²⁾); восточныя рѣки берутъ начало на с.-в. отъ Кучи, и текутъ къ ю. по песчанымъ мѣстамъ. Вѣтвь отдѣляющаяся на право, входитъ въ городъ Кучу. Далѣе она течетъ на ю.-в., и справа соединяется съ вѣтвю западныхъ рѣкъ, а еще далѣе вливаются въ восточныя рѣки, и наконецъ впадаютъ въ Великую Рѣку (Таримъ).

Мы видѣли выше что западная рѣка раздѣлилась на три вѣтви. Двѣ изъ нихъ соединились съ Таримомъ, а послѣдняя вѣтвь пошла на ю. отъ города Кучи, и, соединившись съ одною изъ восточныхъ вѣтвей, слилась потомъ съ восточными водами, которыя въ свою очередь проникають до Тарима и впадаютъ въ него. Мѣсто впаденія лежитъ на з. отъ владѣнія Цзюй-ли. Въ настоящее-же время (прибавляетъ авторъ) западныя Кучаскія воды впадаютъ въ Таримъ, а восточныя впадаютъ въ озера (ху), и ни одна вѣтвь не проникаетъ до Тарима.

¹⁶⁰⁾ Отъ Кучи на с.-в. въ 15 ли. *Пр. аст.*

¹⁶¹⁾ Отъ Кучи на с.-в. въ 20 ли. *Пр. аст.*

¹⁶²⁾ На картѣ приложенной къ Си-юй-шуй-дао-цзи, эти правыя двѣ вѣтви отмѣчены черными полосами, съ выпискою изъ Шуй-цзинъ-чжу.

Рѣка Таримъ отъ селенія Юй-гу-рѣ течетъ къ в. ¹⁶³⁾. «Юй-гу-рѣ при Ханьской династїи составлялъ владѣніе Лунь-тай. Въ Си-юй-чжуань говорится что Лунь-тай и владѣніе Цзюй-ли находились въ сосѣдствѣ». Къ ю. отъ селенія Юй-гу-рѣ въ 40 ли есть древній покинутый маленькій городокъ, а еще чрезъ 20 ли есть большой покинутый городъ. Рѣка Таримъ далѣе къ в. чрезъ 200 ли протекаетъ на ю. отъ пикета Цэ-тэ-рѣ (Чатырѣ); еще чрезъ 160 ли, въ томъ же направленїи, проходитъ на ю. отъ Че-р-чю-булакъ. Мѣстность эта на пространствѣ въ два дня пути составляетъ равнину, доходящую на ю. до Тарима, или чтѣ-тоже, до древняго владѣнія Цзюй-ли, а на с. простирающуюся до горъ, или до древней мѣстности У-лэ-й, въ которой во времена Ханьской династїи сосредоточены были всѣ караулы, какъ въ центрѣ Западнаго Края. Таримъ протекаетъ далѣе къ в. 170 ли, и проходитъ на ю. отъ селенія Ку-р-лэ ¹⁶⁴⁾. Предѣлы Ку-р-лэ соприкасаются на в. съ Харашаромъ, на з. съ Юй-гу-рѣ (Бугурѣ); на ю.-в. простираются въ Лобнору на 500 слишкомъ ли, на с. доходятъ до хребта До-ло-линъ на 200 ли. Предѣлы Юй-гу-ра соприкасаются на з. съ Кучэ, на в. граничатъ съ Ку-р-лэ, на ю. простираются до Тарима на 240 ли, къ с. доходятъ до горъ Ай-ку-мо-ши-шань на 70 ли.

Въ Таримъ съ с. впадаетъ Хай-ду. Отъ города Кучи на с. есть горы Хань-тэнъ-гэ-ли (Хань-тэнгри); къ в. отъ горъ въ 100 слишкомъ ли есть мѣстность А-ла-рѣ, въ которой больше 100 ключей сливаются и текутъ къ в. Это-то и есть рѣка большой Юдусъ ¹⁶⁵⁾. Мѣсто источника лежитъ подъ 42° 45' шир. и 34° 30' долг. На этомъ мѣстѣ

¹⁶³⁾ Отъ Кучи на с.-в. въ 320 ли находится пикетъ Юй-гу-рѣ; отъ него на ю. въ 10 ли стоитъ туркистанская деревня Юй-гу-рѣ. *Пр. аст.*

¹⁶⁴⁾ Она лежитъ на ю. отъ пикета того же имени въ 3 ли. *Пр. аст.*

¹⁶⁵⁾ Юдусъ по-хойки значитъ «звѣзда», потому-что самый родникъ, изъ котораго она вытекаетъ, подобенъ звѣздѣ. *Пр. аст.*

кочуютъ Ту-р-ху-тэ (Тургуты) Чжо-ли-кэ-ту хана. Рѣка Юлдусъ течеть къ в., и принимаетъ съ ю. Тэ-р-мо-ка-да булакъ; далѣе къ в. въ нее впадаетъ еще съ ю. Бу-лань ¹⁶⁷⁾ булакъ; потомъ она соединяется съ р. Малымъ-Юлдусомъ, которая вытекаетъ на с. отъ мѣстности А-лэ-тань-инь-кэ-сунь. Мѣсто источника лежитъ подь 43° 10' шир. и 31° 30' долг. Тутъ находятся кочевья Хо-шу-тэ (Хошоутовъ). Малый-Юлдусъ составляется изъ нѣсколькихъ десятковъ ключей, и въ видѣ маленькаго ручейка протекаетъ на с. отъ горъ О-лань. Тутъ есть четыре рѣчки, которыя впадаютъ въ Юлдусъ съ с. Далѣе рѣка эта течеть къ з., и проходитъ на с. отъ горъ Э-лэ-бо-кэ-шань, гдѣ съ с. принимаетъ рѣчку У-ли-я-суй-тай (Уласутай); потомъ течеть къ ю.-з. и соединяется съ большимъ Юлдусомъ. На мѣстѣ соединенія съ Большимъ-Юлдусомъ есть еще двѣ рѣчки, которыя текутъ на в. отъ горъ У-ши-ця-кэ-шань и впадаютъ въ Большой Юлдусъ съ з. Это мѣсто считается серединой Западнаго Края; на в. отсюда проходятъ къ горѣ А-ла-куй (Архунь); а на з. — къ истокамъ рѣки Кунгэсъ, въ Илійскомъ округѣ.

До завоеванія Китайцами Цзюнгаріи это мѣсто служило постоянною дорогою для сообщенія. Посланникъ Императора Юнь-чжена, отправлявшійся въ Цзюнгарію, въ своихъ путевыхъ запискахъ говоритъ: «Отъ Чагань-обогу мы проѣхали на самый Юлдусъ; на пространствѣ 90 ли дорога была ровная; трава и вода хороши. Отъ Малаго Юлдуса остановились на большомъ; на пространствѣ 80 ли дорога ровная, трава и вода отличныя. На Большомъ и Маломъ Юлдусѣ зимой и лѣтомъ бываетъ все какъ слѣдуетъ (?); только въ концѣ весны (?) бываетъ снѣгъ съ дождемъ, поднимается не-вд-время вѣтеръ, и дѣлается холодно. Отсюда дорога раздѣляется на двѣ вѣтви.» Для того чтобы ѣхать скоро, отъ Большаго Юлдуса ѣдутъ на ущелье горъ Одонь-куръ

¹⁶⁷⁾ Бу л а н ь значить «горачій ключъ». *Пр. аст.*

(звѣздныя кучи снѣга), въ 60 ли; отсюда чрезъ 50 ли переѣзжаютъ и самыя горы Одонь-куръ. Если выбирать ровную дорогу, то съ Большаго Юлдуса ѣдутъ на ю.-з. и переѣзжаютъ хребетъ У-на-хань-да-хань (Унахань дахань), изъ котораго берегъ начало рѣки Кунгэсь.

Такимъ образомъ обѣ рѣки (Б. и М. Юлдусь), послѣ слиянія своего, отъ горъ Ка-р-ка-ту-шань текутъ къ ю.-в., и принимаютъ съ с. У-р-ту-булакъ; отсюда далѣе снова раздѣляются на двѣ вѣтви. Обѣ онѣ направляются къ в., и одна составляетъ южную вѣтвь, а другая сѣверную. Сѣверная вѣтвь принимаетъ Му-хай-ша-ла булакъ; потомъ Шибар-тай булакъ, Сай-ла-му булакъ, Гу-р-бань-Ну-ку-ръ (трехъ друзей) булакъ, Ча-гань-усу, Гунь ка-бу-ци-лэ булакъ; наконецъ въ своемъ теченіи къ в. обѣ вѣтви доходятъ до горъ Да-лань линъ и опять соединяются въ одну рѣку, которая течетъ къ ю.-в. Тутъ есть рѣчка Улань-усу, которая, протекши мимо долины горъ Бортушань, направляется къ ю. и соединяется съ рѣкою Бортухэ. Бортухэ беретъ начало на ю.-в. отъ Турфаньскаго пикета То-кэ-сунь; течетъ къ с. и, обогнувъ съ с. этотъ пикетъ, поворачиваетъ къ з., проходитъ на с. отъ И-ла-ли-кэ (Юль-арикъ), и наконецъ вступаетъ въ ущелье горъ А-ла-куй (Архунь). Посланникъ (Императора Юнь-чжена), отправленный въ Цзюнгарию, въ путевыхъ запискахъ своихъ говоритъ: «9-го числа 1-й луны изъ Юль-аривъ проѣхали мы 140 ли до ущелья Алакуй; дорога была широкая; по ней попадались мелкіе камни; неподалеку отъ Алакуй до станціи, въ это ущелье съ восточной стороны входитъ рѣчка, называемая Тэ-кэ, вытекающая изъ ю.-з. горы; вода свѣтлая, деревья образуютъ лѣсъ; путешественники пробираются по берегамъ этой рѣчки, то спускаясь, то подымаясь; верблюды и лошади отъ этого весьма терпятъ. 10-го числа мы все еще ѣхали по ущелью Алакуй 60 ли, и переѣзжали рѣчку семь или восемь разъ; лѣсъ

былъ густой, дорога опасная и узкая. 11-го числа продолжали ѣхать по тому же ущелью 70 ли; около горнаго отвѣрстія есть развалившійся уже земляной городокъ; въ немъ есть гора, которая вырублена уступами. По выѣздѣ изъ ущелья Алакуй, чрезъ 70 ли прибыли въ Гурбань-дэннултай; вода и трава были прекрасны. Кругомъ жили подданные Цеванъ А-ла-бу-тан'а (Равтана) Далай Ши-ла-ту (ширэту). Хотя при переѣздѣ чрезъ два хребта и встрѣчаются камни, но ѣхать удобно. Впереди на с.-з. видны три горы (пика): это горы Гурбань-хабчигай; изъ трехъ ущелій этой горы вытекаетъ по рѣчкѣ. Отъ Дэннултай, переѣхавъ чрезъ небольшой перевалъ перваго Хабчига'я, чрезъ 60 ли прибыли къ средней горѣ Хабчигай. На в. (с.-в.?) отъ этой горы находятся горы Э-линъ Хабирга (Эрэйнь Хабирга); отъ средняго Хабчигай проѣхали мимо южнаго ущелья горы Хатунь-Богда; по дорогѣ встрѣчались камни, и мы переѣзжали рѣку нѣсколько разъ. Въ ущельѣ живутъ подданные Ши рэту-Ламы. Проѣхавши всего 70 ли, прибыли къ третьему Хабчигай; а отсюда, переѣхавъ хребетъ Чагань-оботу, прибыли на (станцію?) Чагань-оботу, проѣхавъ всего 100 ли. Дорога была ровная, трава и вода прекрасныя. Мѣстность эта называется Ущельемъ-Трехъ-Горъ, изъ которыхъ вытекаютъ также три рѣчки: первая называется Хабчигай-хэ или Ба-лунъ барунъ—правая, западная) Хабчигай; вторая—До-муда (думда—средняя) Хабчигай; третья—Чжунъ (цагунъ—восточная) Хабчигай. Всѣ эти рѣчки соединяются съ Улань-у-су. Улань-усу потомъ соединяется съ Юлдусомъ, который течетъ къ ю.-в. и составляетъ рѣку Хай-ду. Хайду течетъ далѣе къ ю.-в. и проходитъ въ 5 ли отъ западныхъ Харашарскихъ воротъ. По обоемъ берегамъ ея поставлены пикеты. Рѣка въ ширину имѣетъ три ли ¹⁶⁸). Обогнувъ съ з.

■ ¹⁶⁸) Рѣка Хайду зимою и весною имѣетъ въ ширину не болѣе одной ли, а лѣтомъ и осенью отъ дождей разливается до 4 ли. «Стат. Опис. Кит. Имп.», ч. II, стр. 123.

*

городъ, она обходитъ его съ юга и поварачиваетъ къ с.-в. Протекши въ этомъ направленіи 70 ли, она омываетъ съ ю. поля двухъ деревень (гунъ-дунь); далѣе къ с.-в. чрезъ нѣсколько десятковъ ли обтекаеть, также съ ю., поля Тургутскихъ селеній, а потомъ и Хошоутовскихъ; наконецъ вливается въ большой водоемъ, называемый Бо-сы-танъ-норъ, Озеро въ длину имѣетъ 240, а въ ширину 40 ли (? ¹⁶⁹). Оно лежитъ подь 42° 8' шир. и отъ 28° 30' до 29° 59' долг. Если идти на в. отъ пикета Ша-кэ-та-ла, то впереди виднѣется горное ущелье. На западномъ берегу озера есть древній городокъ. По сторонамъ отъ озера родится селитра и соль. Рѣка снова вытекаетъ изъ югозападнаго угла озера, и течетъ нѣсколько десятковъ ли параллельно Хайду-хэ; потомъ къ ю.-з. проходитъ 100 ли, и поворотивъ къ ю. входитъ въ горы; затѣмъ поварачиваетъ снова къ з. и протекаетъ на ю. отъ старинныхъ каменноугольныхъ копей, открытыхъ въ 19-мъ году правленія Цзя-цинъ. Еще далѣе къ з., въ разстояніи около полу-ли протекаетъ на ю. отъ пикета Ка-ла-ка-а-манъ, и прошедши еще 30 слишкомъ ли, выходитъ изъ горъ; здѣсь она поворачиваетъ къ ю., и чрезъ 20 слишкомъ ли протекаетъ между селеніемъ Курла и пикетомъ того же имени; затѣмъ — къ ю.-з., течетъ между тростниками, и всего чрезъ 70 ли проходитъ въ 20 ли на ю. отъ пикета Карабулакъ; далѣе протекаетъ на ю.-з. отъ пикета Черчу. Такимъ образомъ протекши всего 300 ли принимаетъ, попрежнему, названіе Хайду-хэ, поварачиваетъ къ югу, и прошедши еще 300 ли, наконецъ, поворотивъ въ в., впадаетъ въ Таримъ.

Таримъ отъ селенія Курла чрезъ 200 ли къ в. проходитъ на ю. отъ г. Харашара; еще чрезъ 200 ли — на ю. отъ Босганъ-нора; а далѣе къ в. впадаетъ въ Лобъ-норъ. Лобъ по хойски значитъ «мѣсто соединенія водъ». Въ

¹⁶⁹) Бостанъ-норъ лежитъ въ 4 ли отъ Харашара на ю., содержитъ до 300 ли длины и до 144 ли ширины см. тамъ же I, стр. 122.

«Исторіи Турфаньскихъ Тюркскихъ Поволѣній» сказано что Лобъ-норъ находится въ сосѣдствѣ съ Турфанамъ, и что это есть огромный водоемъ, въ который впадаютъ 60 слишкомъ рѣкъ изъ предѣловъ Ярканьскихъ и Кашгарскихъ. Озеро (Лобъ норъ) простирается отъ з. въ в. 200 слишкомъ ли, а отъ с. въ ю. 100 слишкомъ ли ¹⁷⁰). Зимую и лѣтомъ оно не увеличивается и не уменьшается. Оно лежитъ подъ 40° 30' шир. и отъ 28° 10' до 29° 10' долг. Только въ одномъ мѣстѣ оно принимаетъ въ себя воды. По сторонамъ большаго озера есть малыя озера. Три озера, окружающія оное съ с., не имѣютъ названій; а изъ четырехъ находящихся на ю., одно называется А - р - го у - х а й - т у; другое — Ба - ка - ка - с у н ъ; третье — Та - ли - м у; четвертое не имѣетъ имени. Мѣсто это отъ Харашара находится на ю. в. въ 500 ли ¹⁷¹), а отъ Турфаньскаго сторожеваго города на ю.-з. въ 900 слишкомъ ли.

Озеро Лобъ-норъ, занимая средину Туркистана, въ которому въ обширномъ смыслѣ надобно причислить и всѣ земли далѣе въ в. до Цзя-юй-гуан'я, или витайской стѣны, находится всторонѣ отъ большой дороги, и туда не проникаетъ даже витайское владычество, потому-что обитатели этого озера платятъ дань только чрезъ посредство Турфаньскаго цзюнь-тан'а ¹⁷²). Посланцы его отправляются туда для принятія дани изъ деревни Хара-эръ-гунъ, находящейся на ю. отъ Турфана въ 30 ли. Они ѣдутъ на ю.-з. 500 слишкомъ ли, и проѣзжаютъ на в. отъ большаго озера Ку-му-ши, которое находится въ 240 ли на ю. отъ пикета Ку-му-ши-а-кэ-ма, лежащаго въ 520 ли на с.-в. отъ Харашара; въ этомъ мѣстѣ находятся казенныя паст-

¹⁷⁰) По «Стат. опис. Кит. Имп.», т. II, стр. 122, оно содержитъ до 400 ли длины и до 200 въ ширину.

¹⁷¹) Лежитъ въ 200 ли отъ Харашара на югъ (см. тамъ же).

¹⁷²) Между-гѣмъ въ окрестностяхъ его пролегалъ прежде путь изъ Китая въ Хотанъ.

бища. Далѣе отсюда на ю. выходятъ изъ горъ; отъ Турфана до этого мѣста проводятъ въ дорогѣ 6 дней. На ю. отъ горъ находится ровная песчаная степь, на которой никто не живетъ. Черезъ 3 дня приѣзжаютъ къ сѣверному берегу небольшого озера и зажигаютъ огонь, чтобы дать о себѣ знать; тогда на встрѣчу имъ выѣзжаютъ Туркистанцы на плотахъ. Это маленькое озеро простирается за нѣсколько ли. Отъ южнаго берега начинается обширная степь, на которой растетъ однако же хутунъ (?). Это уже есть сѣверный берегъ Лобъ-нора. Получивши дань, посланцы возвращаются въ Турфанъ. Озеро Лобъ-норъ на востокъ имѣетъ сообщеніе съ Дунъ-хуан'омъ, а чрезъ то и далѣе съ Су-чжоу. Въ «Синь-чжи» сказано: «Отъ Хара-нора, что въ Ша-чжоу, прямо на з. считается около мѣсяца пути до Лобъ-нора по небольшой тропинкѣ» (этотъ путь извѣстенъ былъ еще въ-древности). Въ «Описаніи Западнаго Края при Ханьской династіи» отъ прохода Янь-гуань считалось до Пу-чанъ-хай (тогдашняго Лобъ-нора) 1300 ли.

ФЕРГАНА,

ПО „ЗАПИСКАМЪ“ СУЛТАНА БАБУРА.

Н. Н. Пантусова.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемое географическое описаніе Ферганы составляет переводъ — сдѣланный мною по предложенію профессора В. В. Григорьева — части введенія въ обширный томъ «Записокъ» султана Бабура (конца XV и нач. XVI стол.) ¹⁾, писанныхъ имъ на джагатайскомъ нарѣчїи и изданныхъ въ подлинномъ текстѣ Н. И. Ильминскимъ ²⁾, но къ сожалѣнію — по одной лишь Керовской рукописи (1737 г.), принадлежащей библиотекѣ Учебнаго Отдѣленія Восточныхъ языковъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Географическія извѣстія султана Бабура о Ферганѣ представляютъ самое подробное — до его эпохи — и обстоятельное, въ ряду мусульманскихъ сочиненій, географическое описаніе помянутой страны, бывшей родиною и наслѣдственнымъ владѣніемъ этого великаго государя.

Въ переводѣ своемъ мы старались придерживаться, какъ можно ближе, къ турецкому тексту изданія Н. И. Ильминскаго, который и служилъ основаніемъ для предлагаемаго труда; при сличеніи же вариантовъ пользовались какъ турецкимъ

¹⁾ Эти «Записки» Бабура, которымъ предшествуютъ географическое обзорѣніе Ферганы и генеалогическія извѣстія о его родѣ, начинаются собственно описаніемъ событій съ 899 г. гижры (1494 г. христіанск. счисл.) и прерываются на первыхъ дняхъ 936-го года гижры (сентябрь 1529 г.); позднѣйшія же дополненія не найдены; впрочемъ, и невѣдомо, писалъ-ли онъ что-нибудь объ остальныхъ 15 мѣсяцахъ своей жизни. «Записки» свои Бабуръ писалъ языкомъ простымъ, чуждымъ цвѣтности мусульманскихъ сочиненій, чуждымъ притязаній на литературное щегольство.

²⁾ Подъ названіемъ: Бабуръ-Намэ, или Записки султана Бабура. Казань. 1857.

подлинникомъ, изданнымъ професс. И. Н. Березинымъ, ¹⁾ такъ и европейскими переводами «Записокъ», именно Лейдена и Эрскейна, ²⁾ и Кланротовымъ, ³⁾ сдѣланными съ джагатайскихъ рукописей и персидскихъ переложений ихъ. ⁴⁾

Какъ введеніе къ этому маленькому труду, сочли мы не лишнимъ предпослать ему хронологическій перечень сочиненій важнѣйшихъ мусульманскихъ, китайскихъ, а также и европейскихъ путешественниковъ и изслѣдователей, — заключающихъ въ себѣ болѣе или менѣе точныя и подробныя извѣстія о Ферганской долинѣ — до времени изданія V тома *Erdkunde* Риттера. Перечень же многихъ новѣйшихъ извѣстій, между прочимъ и о Ферганѣ, появившихся послѣ изданія V-го тома, можно найти въ «Дополненіяхъ» професс. В. В. Григовьева къ его переводу Риттерова «Кабулистана и Кафиристана». ⁵⁾

¹⁾ Турецкая Хрестоматія, т. 1. Казань, 1857 г., стр. 82 и слѣд. (Содержитъ только введеніе въ «Записки»). Хотя текстъ здѣсь изданъ по тому же Керовскому списку, какъ и у Н. Ильминскаго, однако онъ имѣетъ много отступленій и поправокъ.

²⁾ *Memoirs of Zehir-ed-Din Muhammed Baber, Emperor of Hindustan etc. translated partly by John Leyden, partly by William Erskine, with Notes and a Geographical and Historical Introduction, съ картою. London. 1826 г.*

³⁾ *Archiv für asiatische Literatur, Geschichte und Sprachkunde, verfasst von Julius von Klapproth. Erster Band. St. Petersburg. 1810, стр. 10—110.* (Содержитъ только географическое описаніе Ферганы). Существуетъ еще два перевода «Записокъ»: 1) нѣмецкій Кайзера, сдѣланный черезъ два года по выходѣ англійскаго, и по англійскому же, подъ названіемъ: *Denkwürdigkeiten des Zehir-ed-Din Muhammed Baber, Kaisers von Hindustan etc., von A. Kaiser, Leipzig, 1828 г.,* съ истор. и географич. введеніемъ и картою; и 2) голландскій: *Witsen, Noord en Oost Tartarye, Amsterd. 1705, t. I, стр. 485 и слѣд.* (географ. описаніе).

⁴⁾ Турецкій оригиналъ «Записокъ» былъ переведенъ на персидскій языкъ, въ правленіе Акбера, мирзою Абдуръ-Рахимомъ (жылъ съ 1556 по 1626). См. *Memoirs of Baber, pref. p. VII* и друг. и *Denkwürdigk. des Baber, Kaiser's, стр. 9, 638 и слѣд.*

⁵⁾ См. тамъ «Перечень географическихъ и этнографическихъ трудовъ, относительно Кабулистана и Кафиристана, вышедшихъ въ свѣтъ со времени изданія V-го тома *Erdkunde* Риттера», стр. 315—337.

Въ заключеніе считаю пріятнымъ долгомъ выразить искреннюю признательность: профес. Вас. Вас. Григорьеву — за тѣ совѣты, которые руководили меня во многомъ при настоящей работѣ, и П. И. Лерху — за радушное участіе его, въ доставленіи мнѣ нужныхъ пособій.

Н. Пантусовъ.

ПЕРЕЧЕНЬ

ВАЖНѢЙШИХЪ ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ СОЧИНЕНІЙ ВОСТОЧНЫХЪ И ЕВРОПЕЙСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ, СОДЕРЖАЩИХЪ, МЕЖДУ ПРОЧИМЪ, ИЗВѢСТІЯ И О ФЕРГАНѢ.

I. Труды мусульманскихъ писателей.

Въ ряду мусульманскихъ сочиненій географическаго содержанія первое мѣсто принадлежитъ произведеніямъ арабской литературы, какъ по обширности заключающихся въ нихъ свѣдѣній, такъ и по тому вліянію, какое имѣла эта литература на развитіе другихъ мусульманскихъ литературъ.

Первый наиболѣе замѣчательный трудъ, изъ географическихъ произведеній арабскихъ писателей, относящійся къ концу IX вѣка, есть сочиненіе, которое Ахмедъ сынъ Абу-Якуба, извѣстный подъ именемъ Эль-Якуби, писалъ около 278 г. гиджры. Оно озаглавлено: «Китаб-оль-Болдьянъ» и дошло до насъ въ одной рукописи, прибрѣтенной на востокѣ бывшимъ профессоромъ С.-Петербургскаго Университета А. Мухлинскимъ и изданной, въ подлинникѣ, въ 1861 г. въ Лейденѣ А. Ейнболлемъ подъ заглавіемъ: *Specimen e litteris orientalibus, exhibens Kitâbo'l-Boldân, sive librum regionum, auctore Ahmed ibn Abi Ja'qûb, noto nomine Al-Ja'qubii, quem nunc primum arabice edidit A. W. Th. Juynboll, Theol. Cand. Lugduni Batavorum, MDCCCLXI.* (6 и 154 страницъ въ 8-ю д. л.). Годомъ раньше было издано тамъ

же другимъ молодымъ ориенталистомъ, М. де-Гуе (M. J. de Goeje), отрывокъ этого древняго географическаго сочиненія, содержащій въ себѣ описаніе Магриба, съ латинскимъ переводомъ и съ примѣчаніями. Въ введеніи къ этому изданію де-Гуе опредѣляетъ время, когда писалъ Якуби. О Ферганѣ упоминаетъ послѣдній на стр. 75 изданія Ейнболля. Больше подробныя свѣдѣнія встрѣчаются въ сочиненіи современника эль-Якуби, именно Ибнъ-Хордадбега († 912 г.), визиря халифа Мотамида. Сочиненіе это, заключающее въ себѣ важныя извѣстія о Ферганѣ въ видѣ дорожника, впервые издано Barbier de Meynard'омъ, въ текстѣ и французскомъ переводѣ, въ *Journal Asiatique*, Sixième Série, tome V, 1865 г. См. статью: *Le Livre des routes et des provinces, par Ibn-Khordadbeh*, стр. 39, 49, 247, 266 и друг.

Кромѣ того, извѣстія какъ Ибнъ - Хордадбега (IX в.), такъ и другихъ географовъ: Кодамы (X в.), Аль-Бируни (XI в.), Мукадеси (XI в.) и прочихъ сгруппированы въ систематическомъ видѣ въ сочиненіи А. Sprenger'a: *Die Post- und Reiserouten des Orients*, въ *Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes*, III Band, № 3, Leipzig 1864 г., см. стр. 180 и друг.

Изъ географическихъ сочиненій X-го столѣтія поименуемъ труды двухъ извѣстныхъ путешественниковъ, предпринимавшихъ далекія и продолжительныя странствованія, — труды Истахри и Ибнъ-Хаукаля. Истахриevo сочиненіе въ первый разъ издано въ Facsimile съ рукописи, хранящейся въ библиотекѣ въ Готѣ, докторомъ Мёллеромъ: *Liber Climatum auctore Scheicho Abu-Ishako el-Faresi vulgo el-Isstachri. Ad similitudinem codicis Gothani accuratissime delineandum et lapidibus exprimendum curavit Dr. I. H. Moeller. Praemissa est Dissertatio de libri climatum indole auctore et aetate. Gothæ MDCCCXIX.* (23 + 126 + 7 страницъ въ 4-ую д. л. съ 19 картами). Нѣмецкій переводъ по Мёллерову тексту, который однако оказался въ послѣдствіе извлеченіемъ настоящаго

сочиненія Истахри, изданъ А. D. Mordtmann'омъ, подъ названіемъ: *Das Buch der Länder, von Scheich Ebu Ishak el-Farsi el-Isztachri. Nebst einem Vorworte von Prof. C. Ritter. Mit 6 Karten. Hamburg. 1845. 4°.* См. стр. 133, 134 и друг.; въ 1870 году вышелъ въ Лейденѣ трудами де-Гуе полный текстъ Истархіевой Географіи, съ богатымъ критическимъ матеріаломъ подъ заглавіемъ: *Bibliotheca Geographicoarabica. Edidit M. I. De Goeje. Pars prima. Viae Regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishák al-Fárisi al-Istakhri. Lugduni Batavorum. 1870. 8°.* О литературной исторіи этого сочиненія и его отношеніи къ трудамъ эль-Бальхи и Ибнъ-Хаукаля см. статью того-же де-Гуе въ *Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft*, t. XXV (1871 г.) стр. 42—58; а изданое въ 1800 г. въ Лондонѣ William'омъ Ouseley'емъ подъ заглавіемъ: *The Oriental georgaphy of Ebn Naukal, an arabian traveller of the tenth century*, сочиненіе оказалось персидскою обработкою Истархіева сочиненія; о Ферганѣ см. тамъ стр. 270—274 и друг. ¹⁾

Важнѣйшее географическое сочиненіе XII вѣка принадлежитъ шерифу Ирдиси первому географу своего вѣка, принадлежавшему къ вѣтви царственнаго рода Идрисидовъ. Сочиненіе его, представляющее множество любопытныхъ частныхъ по географіи, этнографіи, исторіи, торговлѣ и промышленности средневѣковыхъ царствъ Европы и Востока издано въ Парижѣ во французскомъ переводѣ Amedée Joubert'омъ съ 1836—40 гг. подъ заглавіемъ: *Géographie d'Edrisi*, 2 voll. in 4°. Извѣстія о Ферганѣ см. t. I p. 487—490 и t. II p. 187 и слѣд. ²⁾. Изъ арабскихъ же географовъ XIII вѣка, болѣе всѣхъ сдѣлалъ для географіи Якутъ. Изъ множества сочиненій его, самое видное мѣсто занимаетъ обширный «Географическій Словарь»,—одно изъ величайшихъ произве-

¹⁾ Извѣстія псевдо-Ибнъ-Хаукаля о Ферганѣ разобраны у К. Риттера въ его «*Erdkunde von Asien*» Band V, 1837 г., Berlin, стр. 743—746.

²⁾ Эти извѣстія тоже разобраны Риттеромъ, стр. 746—749.

деній арабской литературы, подвинувшее насъ далеко въ землевѣдѣніи Азіи. Послѣ длиннаго введенія, разбирающаго отдѣльныя статьи по математической, физической и политической географіи, и изложенія элементарныхъ географическихъ свѣдѣній, непосредственно въ самомъ корпусѣ сочиненія слѣдуетъ, въ алфавитномъ порядкѣ, описаніе народовъ, странъ, городовъ, деревень, рѣкъ, горъ и т. п. не только мусульманскихъ странъ, но и христіанскихъ и языческихъ. Къ большимъ городамъ присовокупляетъ онъ обыкновенно астрономическое положеніе мѣстности, топографическое и историческое описаніе ихъ; затѣмъ выписываетъ, изъ разныхъ поэтовъ и писателей, стихи, характеризующіе въ какихъ-либо отношеніяхъ мѣстность; даетъ перечень болѣе замѣчательныхъ дѣятелей и ученыхъ, уроженцевъ этой мѣстности, и т. д. Этотъ большой словарь Якута, въ арабскомъ подлинникѣ, издалъ Ferd. Wüstenfeld въ Лейпцигѣ съ 1866 по 69 г. въ 4 томахъ, подъ заглавіемъ: *Jacut's Geographisches Wörterbuch*. Свѣдѣнія о Ферганѣ см. въ III т. подъ артикуломъ «Фергана», стр. 878—880. Извѣстія о рѣкахъ, городахъ Ферганы приводятся въ этомъ словарѣ подъ отдѣльными артикулами ихъ названій; такъ напр. извѣстія объ Ахсикетѣ см. въ I т. стр. 162; о р. Сейхунѣ, въ III т. стр. 210; о Касанѣ въ IV т. стр. 13 и т. д. Другой географическій словарь XIII в., подобный Якутову, принадлежитъ географу-натуралисту Захаріи Казвини, прозванному за свои космографическія и естество-историческія сочиненія мусульманскимъ Плиніемъ. Словарь этотъ, отличающійся отъ Якутова тѣмъ, что географическія имена расположены въ немъ, по алфавитному порядку, не подрядъ, а по отдѣламъ, такъ что каждый климатъ образуетъ отдѣльную въ алфавитномъ расположеніи названій главу, — изданъ Ferd. Wüstenfeld'омъ, въ арабскомъ текстѣ, подъ названіемъ: *Zakarija-el-Cazwini's Kosmographie*, 1848 г., Göttingen. Извѣстія о Ферганѣ см. *Zweiter Theil*, стр. 405 и 406.

Къ началу XIV вѣка относится трудъ, составленный однимъ изъ самыхъ образованныхъ и ученыхъ арабскихъ писателей, историкомъ и географомъ Абуль-Федой, владѣтелемъ Сирійскаго княжества Хамы. Трудъ этотъ, пользовавшійся всегда на Востоѣ наибольшимъ уваженіемъ, изданъ вполнѣ, въ арабскомъ подлинникѣ съ французскимъ переводомъ первой половины его и съ обширнымъ введеніемъ въ исторію географической литературы мусульманскихъ народовъ, въ Парижѣ съ 1840 по 1848 г., благодаря трудамъ Reipaud и Mac Guckin de Slane'a, подъ названіемъ: *Géographie d'Aboulféda*. О Ферганѣ см. стр. 486, 502, 503; о «Шашской рѣкѣ», или Сейхунѣ стр. 61 (французск. перев. 1848 г. стр. 78: *Fleuve de Schasch*). Приводимыя здѣсь извѣстія содержать въ себѣ мало новаго: повторяется то же самое, что встрѣчаемъ у Ибнъ-Хаукаля и другихъ предшественниковъ Абульфеды. Чрезвычайно важны тутъ только астрономическія опредѣленія положенія городовъ, заключающіяся въ «астрономическихъ таблицахъ» ¹⁾.

Другія астрономическія таблицы, пользующіяся на Востоѣ большею извѣстностію и служація и до сихъ поръ для составленія мусульманскаго календаря, принадлежатъ одна Насрѣ-эдину Тусскому, жившему въ XIII в., другая Олугъбеку, Шахрохову сыну, умершему въ 1449 г. Какъ Абульфедовы астрономическія таблицы, такъ и Насреддиновы, извѣстныя подъ названіемъ «Ильханійскихъ», и Олугъбеевы, именуемыя «Султанскими», можно найти въ арабск. текстѣ и латинск. переводѣ, въ изданіи «*Geographiae veteris Scriptores Graeci*». Oxoniae, 1712 г. vol. III. Извѣстія Абульфеды приводятся здѣсь въ статьѣ: «*Chorasmae et Mawaralnahae, hoc est, regionum extra fluvium Oxum, descriptio*» etc., стр. 37, 49, 51, 53, 65, 71; Насреддиновы въ «*Tabula geo-*

¹⁾ Эти извѣстія Абульфеды разобраны у Риттера, стр. 749, 750.

graphica Nassir Ettusaei», *ibid.* Т. III, р. 113; и Олугъ-беевы въ «*Tabula geographica Ulug Beigi*» *ibid.* р. 145.

Другіе болѣе извѣстные арабскіе путешественники и географы XIV и слѣдующихъ вѣковъ или сообщаютъ о Ферганѣ то же самое, что извѣстно уже изъ болѣе раннихъ источниковъ (Димишки, Ибнуль-Варди, Бакуи, Ибнъ-Айясъ), или же не упоминаютъ о ней и полъ-слова (Ибнъ-Батута).

Довольно подробное географическое описаніе Ферганы даетъ турецко-арабскій географъ и библиографъ XVII в. Хаджи-Хальфа въ своемъ географическомъ сочиненіи «Джиганъ-нума» («Зеркало міра»), изданномъ на османскомъ языкѣ въ Константинополѣ въ 1145 г. гиджры. См. стр. 356 — 359. Латинскій же переводъ этого труда, изданный Norberg'омъ подъ заглавіемъ: *Gihannuma, geographia orientalis* Lund, 1818 г., не похвалится точностію.

Отъ начала XIX вѣка (1812 года) имѣемъ мы важныя извѣстія о Ферганской долині ѣ очевидца, мусульманскаго путешественника Миръ-Изетъ-Уллы, проѣзжавшаго, по пути изъ Кашгара въ Самаркандъ, черезъ Ушъ, Маргилянъ, Коканъ и другіе города. Дневникъ его помѣщенъ у Klaproth'a въ его *Magasin Asiatique, ou Revue géographique et historique de l'Asie Centrale et Septentrionale*, Paris, 1826, t. II, р. 42 — 51 ¹⁾.

II. Извѣстія китайскихъ писателей.

Древнѣйшія извѣстія китайскихъ писателей о Ферганѣ восходятъ ко II в. до Р. Хр., когда открылись, при императорѣ Ву-ди, первыя сношенія Китая съ «Западнымъ краемъ». Но эти извѣстія о Ферганѣ (Давани), включенныя изъ Чжанъ-

¹⁾ Извѣстія Миръ-Изетъ-Уллы о Ферганѣ разобраны К. Ритгеромъ; см. *Die Erdkunde von Asien*, Band V, Berlin, 1837 г., стр. 754—756 и 481—486.

цянева доклада (II в.) въ «Историческія Записки» Симацяня ¹⁾, равно и позднѣйшія, встрѣчаемыя въ «Исторіи Старшей Династіи Хань» ²⁾ и многихъ другихъ сочиненіяхъ, весьма темны и отрывочны; собственныя имена мѣстностей не имѣютъ ни малѣйшаго сходства съ географическими названіями мусульманской номенклатуры.

Первыя сколько-нибудь толковыя, хотя и не богатые, свѣдѣнія о Ферганѣ (Фей-хань, Fei-han) находимъ у путешественника половины VII стол. по Р. Хр., знаменитаго Сюань-цзяна, одного изъ множества тѣхъ китайскихъ монаховъ буддійскаго исповѣданія (Фа-сянь, Сунь-юнъ), которые отправлялись изъ Китая черезъ «Западный край» въ Индію, съ религіозною цѣлью. Сюань-цзяновы «Си-юй-ки» (Si-yu-ki, «Записки о западныхъ странахъ») издалъ вполне во французскомъ переводѣ Stanislas Julien, подъ заглавіемъ: *Mémoires sur les contrées occidentales, traduits du sanscrit en chinois, en l'an 648, par Hiouen-Tsang, etc, tome premier, Paris 1857 г. pag. 16 и 17 «Royaume de Fei-han (Fergana)» и p. 26 Royaume de Hou-cha.* Слѣдующія за тѣмъ изданная въ европейск. переводахъ китайскія извѣстія о Коканѣ, или Ферганѣ относятся къ концу XVIII столѣтія, и содержатся въ:

¹⁾ См. Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена. Монаха Іакінеа (Бичурина). Часть III. С.-Петербургъ, 1851 г. О Давани см. стр. 1—32. Въ первый разъ Симацяневъ извѣстія о Давани (Ферганѣ) были переведены и изданы нѣмѣцкимъ петербургскимъ академикомъ М. И. Броссе, въ его бытность еще въ Парижѣ, именно въ 1828 г., см. *Nouveau Journal Asiatique*, т. II, Décembre 1828, стр. 418—450. Встрѣчающіяся у китайскаго компилятора XIII ст., Мадуанлиня, свѣдѣнія о Давани переведены въ *Nouveaux Mélanges Asiatiques ou Recueil de morceaux de critique et mémoires relatifs aux religions, aux sciences etc. des nations orientales*; par M. Abel-Rémusat. T. I (Paris, 1829), стр. 200—205.

²⁾ См. Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи и т. д., монаха Іакінеа, часть III. С.-Петербургъ, 1851 г. Извѣстія о Давани изъ «Цянь-хань-шу» (Исторіи Старшей Династіи Хань) стр. 59—61; и его же «Описаніе Чжунгаріи и Восточнаго Туркистана, часть I. С.-Петербургъ, 1829 г., стр. 85 и друг. мѣста.

1) «Си-юй-вынь-цзянь-лу» («Описание Западнаго края»), сочиненіи, изданномъ въ 1773 году однимъ маньчжурскимъ чиновникомъ, который жилъ въ Восточн. Туркестанѣ по должности. Описание Ферганы подъ именемъ «Аньцзичжанъ» (Андежанъ), извлеченное изъ этого сочиненія, помѣщено въ «Описаніи Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана», монаха Іакинова, часть I, С.-Петербург. 1829 г., стр. 149 ¹⁾).

2) Въ «Тай-тзинь-и-тунь-тжи» (Thai thsing y thoung tschi), обширной географіи Китайской Имперіи, вновь изданной въ 1790 г. Переводъ 420-го отдѣла этого новаго изданія, заключающаго въ себѣ географическія и историческія данныя о Коканѣ, Андежанѣ, Маргиланѣ, Наманганѣ, Ташкентѣ, Бадхшанѣ и другихъ сосѣднихъ странахъ, находится въ *Magasin Asiatique*, изданномъ Клапротомъ въ 1825 г. см. t. I, Paris, статью *Notices géograph. et histor. sur Khókand, Andudjan etc.*, стр. 81—88 ²⁾).

III. Европейскіе труды.

Болѣе важными трудами европейцевъ въ XVIII в. касательно Средней Азіи являются астрономическія опредѣленія различныхъ мѣстностей католическими миссіонерами д'Арокою, Эспиньей и Галлерштейномъ, — опредѣленія, произведенныя ими, для составленія подробной карты Китая, по волѣ китайскаго императора Цянь-луна. Астрономическія опредѣленія ими городовъ Ферганы помѣщены въ «*Mémoires concernant l'histoire, les sciences, les arts, les moeurs, les usages*

¹⁾ Эти же самыя извѣстія о Коканѣ изъ «*Си-юй-вынь-цзянь-лу*» приводятся и у Е. Тимковскаго въ его «Путешествіи въ Китай чрезъ Монголію въ 1820 и 21 годахъ», С.-Петербургъ, 1824 г., т. II, стр. 99 (франц. перев. т. I, chap. X, p. 430—433 и 408—409).

²⁾ Географическія извѣстія о Ферганѣ, приводимыя въ обоихъ этихъ китайскихъ источникахъ, разбираются К. Риттеромъ, см. *Erdkunde*, Band V, 1837 г., стр. 750—756.

*

etc. des Clinois, par les Missionnaires de Pekin». t. I, Paris, 1776-го; см. статью: «Positions des principaux lieux», etc., p. 393.

Первое мѣсто между европейскими трудами XIX в. принадлежит запискамъ русскихъ путешественниковъ.

Въ 1800 году совершили поѣздку въ Ташкендъ П о с п ѣ л о в ѣ и Б у р н а ш е в ѣ. Ихъ записка, впрочемъ не касающаяся Ферганской долины, издана съ примѣчаніями Я. В. Ханьковымъ въ I томѣ Вѣстника И. Р. Географическаго Общества, отд. IV, стр. 1—56.

Въ 1813—14 годахъ переводчикъ Ф. Назаровъ былъ въ самомъ Коканѣ, и далѣе. Его извѣстія вышли отдѣльною книгой подъ заглавіемъ: «Записки о нѣкоторыхъ народахъ и земляхъ средней части Азіи». С.-Петербург. 1821 г. ¹⁾

Въ 1830 годахъ ѣздилъ въ Коканское ханство хорунжіи Потанинъ, сопровождая пріѣзжавшихъ оттуда посланцевъ. Его записки напечатаны въ «Военномъ Журналѣ» за 1831 г. (№ IV, на стр. 102 — 139 и № V, стр. 43 — 70) и впоследствии П. С. Савельевымъ въ 18-й части Вѣстника И. Р. Географическаго Общества (1856 г.) стр. 255—289.

Въ сороковыхъ годахъ былъ въ плѣну у Коканцевъ сибирскій казакъ М а к с и м о в ѣ. Его показаніе, отобранное Гр. Потанинымъ, напечатано въ XXVIII томѣ Вѣстника И. Р. Геогр. Общества (1860 г.), отд. II, стр. 65—75.

Въ началѣ 50-ыхъ годовъ былъ въ Ташкендѣ купеческій приващикъ Ключаревъ; въ «Свѣдѣніяхъ о Коканскомъ Ханствѣ», напечатанныхъ В. В. Вельяминовымъ - Зерновымъ въ Вѣстникѣ И. Р. Геогр. Общества т. 18 (1856 г.), отд. II, стр. 107—152, изданъ въ приложеніи (стр. 133—152) дневникъ Ключарева его осенняго пути отъ Троицка до Ташкенда, а въ Трудахъ Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Археологическаго Общества, т. II (1856 г.), стр. 353—370,

¹⁾ Извѣстія Ф. Назарова разбираются (по франц. переводу ихъ Клапрота въ *Magas. Asiat. Paris.* 1825 г. t. I, 1—80) подробно Риттеромъ, см. стр. 756—772.

въ приложеніи къ статьѣ В. В. Вельянинова-Зернова же: «Историческія извѣстія о Коканскомъ ханствѣ, отъ Мухаммеда-Али до Худояръ-хана», дневникъ пребыванія Ключарева въ Ташкендѣ. Въ 1856 г. напечатано А. И. Макшевѣмъ въ Вѣстн. Геогр. Общества (т. 17, отд. V, стр. 21—31) «Показаніе сибирскихъ казаковъ Малютина и Батарышкина, бывшихъ въ плѣну у Коканцевъ съ 1849 по 1852 годъ». Сѣверная половина Коканскаго ханства, приобрѣтенная нами въ 1864—65 гг., составляетъ важнѣйшую часть новообразованной Туркестанской области. Со времени занятія этого края, произведенныя въ немъ изслѣдованія вошли, большею частію, въ составъ перваго и четвертаго томовъ «Записокъ» по общей географіи Имп. Русскаго Географическаго Общества, изданныхъ въ 1867—72 годахъ ¹⁾.

Не упоминая о другихъ сочиненіяхъ русскихъ путешественниковъ, заключающихъ извѣстія о Ферганской долинѣ (какъ напр. Тимковскаго: путешествіе въ Китай, т. II, стр. 119), перечислю нѣсколько западно-европейскихъ трудовъ, заключающихъ извѣстія, которыя собраны учеными по разсказамъ мусульманскихъ странниковъ:

1) W. H. Wathen'a, Esq. Persian Secretary to the Bombay-Government: Memoir on the U'sbek State of Kokan in Central-Asia, помѣщ. въ Journal of the Asiat. Soc. of Bengal, ed. J. Prinsep, Calcutta, 1834, vol. III, p. 369—378. Статья здѣсь составлена по показаніямъ Коканскихъ пилигримовъ, бывшихъ въ Бомбеѣ, особливо — Ходжи Багадуръ-хана.

2) Собранныя въ Бухарѣ, въ 1820 г., G. de Meyendorff'омъ свѣдѣнія находятся въ его «Voyage d'Orenbourg à Boukhara, fait en 1820, à travers les steppes etc. ed. Amedée Jaubert. Paris, 1826, p. 117—120.

¹⁾ Въ 1862 году въ Запискахъ Имп. Русск. Географическаго Общества была издава въ первой книжкѣ карта Коканскаго ханства, составленная членомъ Общества М. Венюковымъ. Тамъ-же, отд. II, стр. 179, помѣщена и «пояснительная замѣтка» къ этой картѣ.

3) Въ 1821 г. J. В. Fraser, въ бытность свою въ Хорасанѣ, собралъ свѣдѣнія о Коканѣ и помѣстилъ ихъ въ «Narrative of a Journal into Khorasan, London 1825, App. B. P. IV, p. 102—117 ¹⁾).

¹⁾ Извѣстія этихъ трехъ путешественниковъ приводятся и у Риттера въ его географическомъ обзорѣ Ферганы, см. Erdkunde, Band V, стр. 772—784.

ФЕРГАНА,

ПО „ЗАПИСКАМЪ“ СУЛТАНА БАБУРА ¹⁾.

Ферганская страна лежитъ въ пятомъ климатѣ ²⁾, на предѣлахъ обитаемаго міра ³⁾. На востокъ отъ нея находится Кашгаръ, на западъ Самаркандъ, на югъ горы, отдѣляющія ее отъ Бадахшана; что же касается до сѣвера, ⁴⁾, то, хотя прежде съ этой стороны и существовали города, какъ напримѣръ Алмалыкъ, Алматы ⁵⁾ и Янги, ⁶⁾, имя котораго въ книгахъ пишется Тараръ-кентъ, ⁷⁾, однако въ наши времена они разрушены «Монголами и Узбеками», такъ что не осталось тамъ никакой осѣлости.

Страна эта не велика. Хлѣбовъ и плодовъ въ ней обильно. Со всѣхъ сторонъ окружена она горами; нѣтъ ихъ только съ западной стороны, гдѣ находятся Самаркандъ и Ходжендъ; такимъ образомъ, только съ этой стороны, и ни съ какой другой не можетъ проникнуть сюда врагъ въ зимнее время ⁸⁾. Рѣка Сейхунъ («Сейхунъ-дерьяси»), болѣе извѣстная подъ именемъ Ходжендской («Ходжендъ-суи»), ⁹⁾ протекаетъ по срединѣ Ферганы въ направленіи отъ сѣверо-востока къ западу. Затѣмъ, пройдя на сѣверъ отъ Ходженда и на югъ отъ Фенакета ¹⁰⁾, который извѣстенъ нынѣ подъ именемъ Шахрохидъ, уклоняется она опять на сѣверъ, и течетъ къ Туркестану ¹¹⁾. Отъ Туркестана же далѣе рѣка, не имѣя никакихъ притоковъ, совершенно всасывается въ песокъ ¹²⁾.

Изъ семи городовъ ¹³⁾ въ Ферганѣ, пять лежатъ по южную сторону рѣки Сейхуна, а два — по сѣверную.

Вотъ города, находящіеся по южную сторону рѣки:

1) Андеджанъ; лежитъ въ центрѣ страны, и состоитъ столицею Ферганскаго владѣнія. Хлѣба въ немъ обильно и плодовъ множество; изъ послѣднихъ хороши дыни и виноградъ. Не въ обычаѣ здѣсь продавать дыни на бахчахъ, когда онѣ созрѣютъ (*такъ ихъ много*). ¹⁴⁾ Грушъ ¹⁵⁾ лучше андеджанскихъ въ мѣрѣ нѣтъ. Да и городъ Андеджанъ, по величинѣ, самый большой въ Мавераннагрѣ, послѣ Самарканда и Кеша ¹⁶⁾; въ немъ трой воротъ; кремль лежитъ на южной сторонѣ города. Водю снабжается изъ девяти водопроводовъ. Удивительно, что вода въ нихъ проведена изъ разныхъ мѣстъ ¹⁷⁾. Вокругъ крѣпости идетъ ровъ, по внѣшней сторонѣ котораго проведена большая дорога съ насыпью изъ мелкаго камня. Кругомъ всего кремля расположены предмѣстія, которыя и отдѣляются отъ него помянутымъ ровомъ и проходящею вдоль этого рва дорогою.

Дичи здѣсь также много. Фазаны ¹⁸⁾ чрезвычайно жирны. Сказываютъ, что четыре человѣка не въ силахъ съѣсть одной ноги фазана ¹⁹⁾. Всѣ жители — турки. Ни въ городѣ, ни на базарѣ не встрѣтишь человѣка, который бы не зналъ по-турецки. Говоръ жителей Андеджана одинаковъ съ письменнымъ языкомъ ²⁰⁾, на которомъ написаны сочиненія Миръ-Али-Шира-Неваи ²¹⁾, хотя онъ и выросъ въ Гератѣ («Гери») ²²⁾. Между жителями Андеджана есть много красавцевъ. Юсуфъ-ходжа, славный какъ музыкантъ, былъ родомъ андеджанецъ. Въ воздухѣ (климатѣ) есть злокачественность, ²³⁾ вслѣдствіе чего осенью бываетъ много больныхъ лихорадкою ²⁴⁾.

2) Ушъ; ²⁵⁾ отъ Андеджана лежитъ на юго-востокъ, больше къ востоку, въ разстояніи четырехъ егачей пути. ²⁶⁾ Воздухъ здѣсь здоровый; прочной воды (*источниковъ*) въ обилии; весна очень пріятна. Вообще, относительно разныхъ хорошихъ качествъ Уша, ходитъ множество разсказовъ ²⁷⁾.

Къ юго-востоку отъ крѣпости находится гора, изъ которой ледъ добывается ²⁸⁾, называемая Беракугъ. На вершинѣ этой горы Султанъ Махмудъ-ханъ (сынъ Юнисъ-хана) устроилъ лѣтнее помѣщеніе; а я, нѣсколько ниже этой бесѣдки, построилъ на утесѣ горы въ 902 (1496—7) году небольшой дворецъ. Хотя бесѣдка Махмудъ-хана и лежитъ выше, чѣмъ мой дворецъ, однако послѣдній расположенъ въ лучшей мѣстности: весь городъ и предмѣстія разстилаются у подножія его. Андеджанская рѣка ²⁹⁾ протекиши по предмѣстіямъ Уша, направляется отсюда къ Андеджану. По обоемъ берегамъ этой рѣки, возвышаясь надъ нею, лежатъ сады съ благоухающими фіалками. Есть и проточныя воды. Весна здѣсь бываетъ очень пріятна: разцвѣтаетъ много тюльпановъ и розъ. У подножія горы Беракугъ, между городомъ и садами, находится мечеть ³⁰⁾, извѣстная подъ названіемъ «Месджид-и-джуза» (Мечеть Близнецовъ) ³¹⁾. Съ одной стѣроны горы течетъ большой ручей. За помянутою мечетью, ниже уровня ея, лежитъ тѣнистая пріятная площадка ³²⁾ съ тремя водоемами. Каждый путешественникъ и прохожій отдохнетъ здѣсь, проходя мимо. Одна изъ забавъ Ушской черни состоитъ въ обливаніи водою изъ того ручья всякаго, кто заснетъ на этой площадкѣ ³³⁾. Въ послѣдніе годы жизни Омаръ-Шейха-мирзы, въ этой горѣ открыли камень съ бѣлыми и красными волнообразными полосками. Изъ него выдѣлываютъ ручки для ножей, пряжки на пояса и разныя другія вещи. Это очень красивый камень. Во всей Ферганѣ нѣтъ города, подобнаго Ушу по пріятности и по климату ³⁴⁾.

3) Маргинанъ ³⁵⁾; лежитъ къ западу отъ Андеджана, въ разстояніи семи егачей пути. Это прекрасный городъ, полный всякой благодати. Гранатъ и абрикосовъ тамъ много, и онѣ очень хороши. Изъ гранатъ есть одинъ сортъ, называемый «крупнозернистыми», на вкусъ онѣ немного кисло-сладки; ихъ предпочитаютъ даже семнанскимъ гранатамъ ³⁶⁾. Существуетъ здѣсь также родъ абрикосовъ ³⁷⁾, изъ ко-

сточекъ вторыхъ вынимають ядрышки, затѣмъ кладутъ эти ядрышки въ абрикосы и сушатъ; въ такомъ видѣ приготовленные, абрикосы называются «Сихани»; они очень вкусны. Дичь здѣсь хорошая. Бѣлый звѣрь ³⁸⁾ водится по близости. Населеніе состоитъ изъ Сартовъ ³⁹⁾. Они отличные кулачные бойцы и вообще народъ задорный и беспокойный. Въ Мавераннагрѣ они извѣстны своею склонностью къ дракѣ ⁴⁰⁾. Въ Самаркандѣ и Бухарѣ знаменитые кулачные бойцы тоже большею частію изъ Маргинанцевъ. Авторъ «Гидае» ⁴¹⁾ былъ родомъ изъ Маргинанской деревни, «Решданъ» по имени.

4) Асфара; лежитъ у подошвы горъ; имѣетъ проточныя воды (источники) и красивые сады. Отъ Маргинана находится на юго-западъ. Между Маргинаномъ и Асфарой девять егачей пути. Плодовыхъ ⁴³⁾ деревьевъ здѣсь много; однако въ садахъ больше всего мидальныхъ деревьевъ. Жители всѣ изъ Сартовъ и горцевъ. Къ югу отъ Асфары, въ разстояніи одного шерга ⁴⁴⁾, между холмами находится гряда камней ⁴⁵⁾, которые называютъ «Сенг-и-аинэ» («зеркальнымъ камнемъ»). Длина этой гряды около десяти «кары» ⁴⁶⁾, высота же ея въ нѣкоторыхъ мѣстахъ человѣку въ ростъ, а въ другихъ по-поясъ человѣку. Въ ней, какъ въ зеркалѣ, отражается всякій предметъ.

Область Асфары дѣлится на четыре уѣзда ⁴⁷⁾, которые лежатъ у подошвы горъ: 1) Асфара, 2) Варухъ, 3) Сухъ и 4) Гушъяръ. Когда Мухаммедъ Шейбани-ханъ, нанеся пораженіе Султанъ-Махмудъ-хану и Аладжа-хану ⁴⁸⁾, взялъ Ташкендъ и Шахрохиде, я удиллся къ подошвѣ горъ Сухъа и Гушъяръа, провелъ тамъ около года въ лишеніяхъ, и только тогда отправился въ Кабуль.

5) Ходжендъ; лежитъ къ западу отъ Андеджана; въ двадцати-пяти егачахъ пути, и въ такомъ же разстояніи отъ Ходженда находится Самаркандъ. Ходжендъ—одинъ изъ древнихъ городовъ. Шейхъ Муслихад-динъ и Ходжа-Кемаль—уро-

женцы ходжендскіе ⁴⁹⁾. Плодовъ тамъ много, и плоды хорошіе. Особенно славятся доброкачественностію тамошніе гранаты, такъ что вошло въ поговорку: «самаркандскія яблоки» и «ходжендскіе гранаты». Впрочемъ, въ настоящее время Маргинанскіе гранаты далеко превосходятъ ихъ по качеству. Крѣпость Ходжендская расположена на высокомъ мѣстѣ. Рѣка Сейхунъ обтекаетъ ее съ сѣвера, въ разстояніи одного выстрѣла изъ лука (*стрѣлица*). На сѣверъ отъ крѣпости и рѣки находится гора по имени «Матугаль» ⁵⁰⁾. Говорятъ, что въ этой горѣ есть бирюзовыя и другія залежи. Въ этой же горѣ водится много змѣй. Мѣста для звѣриной охоты и птичьей ловли въ Ходжендѣ очень хорошія: тамъ водится много бѣлаго звѣря, горныхъ мараловъ («бугу-мараль») фазановъ и степныхъ зайцевъ ⁵¹⁾. Климатъ крайне нездоровый. Осенью бываетъ много больныхъ ⁵²⁾; сказываютъ, что даже и воробьи заболѣваютъ ⁵³⁾. Причиною злокачественности здѣшняго воздуха полагаютъ горы, находящіяся на сѣверъ отъ Ходженда.

Въ зависимости отъ Ходженда состоитъ Кенди-Бадамъ ⁵⁴⁾. Хотя его и нельзя назвать городомъ, это однако хорошенькій городокъ. Здѣсь рождается прекрасный миндаль, отъ котораго и само селеніе получило названіе ⁵⁵⁾. Весь миндаль отсюда вывозится въ Гормузъ ⁵⁶⁾ и Индустанъ. Отъ Ходженда Кенди-Бадамъ находится къ востоку, въ пяти или шести егачахъ. Между Ходжендомъ и этимъ городкомъ лежитъ степь, которая называется «Эй-дервишъ». Въ этой степи всегда ходятъ вѣтры. Отсюда дуетъ вѣтеръ и къ Маргинану на востокъ, и къ Ходженду — на западъ. Жестокіе бываютъ вѣтры. Сказываютъ, что нѣсколько дервишей, застигнутые въ этой степи сильнымъ вѣтромъ, не будучи въ состояніи найти другъ друга, кричали: «эй, дервишъ! Эй, дервишъ!» и всѣ погибли. Съ тѣхъ поръ эту степь и называютъ «Эй-дервишъ».

IT

По сѣверную сторону рѣки Сейхуна лежатъ слѣдующіе города:

1) Ахси ⁵⁷⁾, имя котораго въ книгахъ пишется Ахсикетъ ⁵⁸⁾; отсюда и Асирѣд-дина поэта называютъ Асирѣдиномъ Ахсикетскимъ. Въ Ферганѣ, послѣ Андеджана, нѣтъ города, болѣе значительнаго, чѣмъ этотъ. Отъ Андеджана лежитъ онъ къ западу въ девяти егачахъ пути. Омаръ-Шейхъ-Мирза сдѣлалъ его своею столицей. Рѣка Сейхунъ течетъ подъ крѣпостью, которая находится на высокому яру. вмѣсто рва служатъ ей глубокіе овраги. Омаръ-Шейхъ-Мирза, сдѣлавшій, какъ сказано, крѣпость эту своею резиденціей, вырылъ съ вѣшной ея стороны, въ рядъ или два, еще другіе овраги. Въ Ферганѣ нѣтъ укрѣпленія столь же сильнаго, какъ это. Предмѣстія расположены въ разстояніи одного шерга отъ крѣпости; такъ что пословицу «гдѣ деревня, а гдѣ деревья!» относили преимущественно къ Ахси. Дыни здѣсь хороши; есть сортъ дынь, которыя называются «Миръ-тимуровыми». Неизвѣстно, есть ли такія дыни въ остальномъ мірѣ. Бухарскія дыни также славятся. Въ то время, какъ бралъ я Самаркандъ, я велѣлъ привести дынь изъ Ахси и изъ Бухары, и въ бесѣдѣ съ пріятелями привазалъ разрѣзать ихъ; оказалось, что никакого сравненія быть не можетъ съ ахсійскими дынями. ⁵⁹⁾ Дичь здѣсь очень хорошая. Ахсійскій берегъ рѣки Сейхуна — степной; здѣсь водится много бѣлаго звѣря. Андеджанскій же берегъ покрытъ лѣсною порослью, въ которой водится много (горныхъ) мараловъ, фазановъ и степныхъ зайцевъ (тушканчиковъ), чрезвычайно жирныхъ.

2) Касанъ; лежитъ на сѣверъ отъ Ахси. Это — маленький городокъ. Подобно тому, какъ Андеджанская рѣка течетъ отъ Уша, такъ и Ахсійская течетъ отъ Касана. Это — мѣсто съ хорошимъ климатомъ; есть прекрасные сады; а такъ какъ эти сады разстилаются по обоимъ берегамъ рѣки, то городъ и назвали «Пустынь-бишъ-берэ» («одѣтымъ въ шубу

изъ пяти мерлушекъ») ⁶⁰⁾. Между жителями Уша и Касана существуетъ соперничество относительно пріятностей и климата ихъ родныхъ городовъ ⁶¹⁾.

Фергана окружена отовсюду горами, и въ горахъ этихъ имѣются хорошія лѣтнія кочевья. ⁶²⁾ Дерево «табулгу» (таволжникъ) ⁶³⁾ растетъ только въ этихъ горахъ, и нигдѣ больше не встрѣчается. Табулгу есть дерево съ красною корою, изъ котораго выдѣлываютъ посохи, кнутовища, клѣтки для птицъ; а очистивъ отъ коры, готовятъ изъ него и аршины ⁶⁴⁾. Это очень хорошее дерево. Для подарковъ вывозятъ его даже въ далекія страны. Въ нѣкоторыхъ книгахъ пишутъ, будто «бирухъ-эс-санамъ» ⁶⁵⁾ находится въ этихъ горахъ; однако до сихъ поръ слышать объ этомъ не удавалось; слышно только о какой-то травѣ, которая растетъ въ горахъ Еди-кентскихъ ⁶⁶⁾; тамошніе жители называютъ ее «айкъ-ути» ⁶⁷⁾; трава эта, имѣющая свойства (растенія) мигръ-кіягъ, и есть вѣроятно самая «мигръ-кіягъ» (травя возбуждающая любовь); только жители-то такъ (айкъ-ути) ее называютъ. Въ этихъ горахъ есть и бирюзовыя, и желѣзныя копи.

Доходами Ферганы, если только собирать ихъ по справедливости (безъ отягощенія для жителей), можно содержать три или четыре тысячи войска.

ПРИМЪЧАНІЯ.

1. Имя этого знаменитаго султана Бабура — ученые передаютъ различно: одни, какъ J. Leyden и W. Erskine ¹⁾, A. Kaiser ²⁾, Н. Ильминскій ³⁾ и прочіе, читаютъ Баберь, не основываясь, какъ кажется, ни на какихъ данныхъ; другіе, какъ наприм. d'Herbelot ⁴⁾, Langlès ⁵⁾, J. Klaroth ⁶⁾, И. Н. Березинъ ⁷⁾, — Бабурь. Изъ нихъ первые трое, по какому-то чутью, попали на правильное чтеніе; И. Н. Березинъ же основывается въ произношеніи этого имени на одномъ стихѣ изъ «Религіознаго наставленія» самого султана Бабура своему сыну ⁸⁾, гдѣ имя Бабурь именуется съ „дур“.

Другимъ основаніемъ послѣдняго рода чтенія служитъ наша «Русская лѣтопись по Никонову списку» (изданная подъ смотрѣніемъ Императорской Академіи Наукъ, С.-Петербургъ, 1790 г. Шестая часть, стр. 250), въ которой имя султана Бабура, упоминаемое въ извѣстіи о присланномъ имъ посольствѣ къ Великому Князю Василію Іоанновичу, является въ русской транскрипціи въ формѣ Бабурь-падша (Бабурь-падишахъ) ⁹⁾.

¹⁾ Memoirs of Zehir-ed-Din Muhammed Baber etc. London, 1826 г.

²⁾ Denkwürdigkeiten des Zehir-ed-Din Muham. Baber u. s. w. Leipzig, 1828 г.

³⁾ Баберь-намэ, Казань, 1857 г.

⁴⁾ Bibliothèque orientale, ou Dictionnaire universel contenant généralement tout ce qui regarde la connoissance des peuples de l'Orient, Paris, 1697 г., стр. 163, article «Babur ou Babor».

⁵⁾ Biographie Universelle Ancienne et Moderne, ed. Michaud, Paris 1854 г., т. 2, стр. 553, статья Ланглэ (Langlès) article «Babour».

⁶⁾ Archiv für asiat. Litteratur, Gesch. und Sprachkunde. B. 1. St.-Petersburg 1810, стр. 101.

⁷⁾ Турецкая Хрестоматія. Казань, 1857 г., т. 1, стр. XII и 82.

⁸⁾ Идано впервые проф. И. Н. Березинимъ въ его «Турецкой хрестоматіи», т. 1, стр. 226. Казань, 1857 г., по единственному доселѣ извѣстному манускрипту, принадлежащему издателю (см. Тур. Хрест. т. 1, стр. XII).

⁹⁾ Вотъ это извѣстіе Никоновской лѣтописи:

«Тогоже мѣсяца Сентября (1584 года) пришли къ великому князю Василію Іоанновичу всеа Русии на Москву извѣдѣскіе земли гость Хотяусевнъ (Ходжа-

Мы также будемъ придерживаться чтенія Бабуръ, какъ болѣе основательнаго.

Мы не станемъ распространяться о личности и подвигахъ Зегиръ-эд-дина Мухаммеда Бабура (1483—1530 г.), этого великаго основателя колоссальнаго зданія огромной монархіи Бабуридовъ и родоначальника династіи, извѣстной европейцамъ подъ именемъ «Великихъ Моголовъ». Дѣянія и значеніе въ исторіи и литературѣ Востока этого человѣка, замѣчательнаго не только какъ завоевателя, но и какъ необыкновеннаго человѣка, какъ мудраго государя и умнаго писателя, изображены съ достаточною полнотою въ ученой статьѣ Энциклопедическаго Лексикона, принадлежащей профес. В. В. Григорьеву ¹⁾. Для желающихъ же познакомиться покороче съ жизнію и подвигами этой типичной личности мусульманскаго государя, имѣвшаго отъ судьбы жребіемъ достигать всего съ наибольшими трудностями и наименьшими средствами, — являются богатѣйшимъ матеріаломъ собственныя его «Записки».

2. Сѣверное полушаріе земли раздѣляется мусульманскими географами на семь полосъ, или зонъ, или климатовъ, по которымъ обыкновенно составляются географическія описанія обитаемаго міра. Это раздѣленіе земли на семь климатовъ, раздѣленіе, основанное на взаимной продолжительности дня и ночи, заимствовано Арабами отъ Грековъ. Птолемей насчитываетъ въ своей географіи двадцать два климата, или страны; нѣкоторые же другіе географы, предшественники Птолемея, раздѣляли земли на семь полосъ, и это вотъ дѣленіе Арабы усвоили и для своей географіи. Впрочемъ, такъ какъ

* Хусейнъ), и привезъ грамоту отъ Бабурънадши и индѣйское земли государя; а писалъ Бабурънадша чтобы великии Государь Василей съ нимъ былъ в дружбе и в братства, и людибъ промежъ ихъ ходили на обе стороны и ихъ здоровье идѣти. И князь великии Хозрусенка (Ходжа-Хусейнъ) отпустилъ Бабурънадши, а писалъ с нимъ в грамоте что того хочеть, чтобы люди промежъ ихъ ѣздили, а братстве къ нему не приказывалъ, невѣдомо какъ онъ на индѣйскомъ государствѣ, государь ли или урядникъ, и великому бы Государю въ томъ извѣсти не было будеть онъ тотъ земли урядникъ и великъ; и Государь того ради о братстве къ нему не писалъ.» «Странно только — какъ замѣчаетъ проф. В. В. Григорьевъ (см. Энциклопедическій Лексиконъ, т. IV, С.-Петербургъ, 1885, стр. 11, ст. «Бабериды») — отчего Ходжа-Хусейнъ такъ замедлил доставленіемъ грамоты, что привезъ ее въ Москву черезъ три года по смерти Бабура. О посольствѣ этомъ у восточныхъ историковъ вовсе не упоминается.»

¹⁾ См. Энциклопедическій Лексиконъ, изд. Плюшаромъ, С.-Петербургъ, 1885, т. IV, стр. 8, ст. «Бабериды».

за предѣлами семи климатовъ были также обитаемыя земли, то нѣкоторые арабскіе географы прибавляли еще восьмой и девятый климаты, вмѣщавшіе означенныя земли. Но Арабы остановились на мистическомъ семиполосномъ дѣленіи, какъ соотвѣтствовавшемъ семи кешварамъ Персовъ, семи двипамъ Индусовъ, и согласовавшемся съ семью землями, семью небесами и проч., упоминаемыми въ Алкоранѣ.

Подъ этими климатами («икълимъ», греческ. κλίμα) Арабы разумѣютъ семь полосъ земли сѣвернаго полушарія, считая ихъ по направленію отъ экватора къ сѣверному полюсу. Въ ширину свою полосы эти простираются на полчаса разности въ продолжительности дня и ночи смежныхъ полосъ, во время лѣтнаго солнцестоянія, а въ длину — отъ Атлантическаго океана до крайнихъ предѣловъ Китая. Но относительно начальныхъ и конечныхъ предѣловъ широты климатовъ не всѣ географы согласны между собою; Абульфѣда, напримѣръ, начинаетъ первый климатъ не отъ экватора, а съ 12° сѣверн. широты и кончаетъ послѣднюю полосу подъ 50°¹⁾.

Такимъ различіемъ въ исходной точкѣ раздѣленія сѣвернаго полушарія на климаты объясняется разнорѣчіе у географовъ въ размѣщеніи странъ по климатамъ; такъ наприм. Фергана у Бабура и другихъ мусульманскихъ писателей помѣщается въ пятомъ климатѣ, а у Идриси (XII в.) въ четвертомъ²⁾.

3. Подъ «Обитаемымъ міромъ» — «ма'амуретъ» разумѣется въ этомъ случаѣ, у мусульманскихъ географовъ, воздѣланная, населенная осѣдлыми жителями мѣстность, или иначе — страны, цивилизованнаго, такъ сказать, мусульманскаго міра, за предѣлами которыхъ разстилаются невоздѣланныя земли, обитаемыя враждебными кочевниками чужаго языка.

4. У Лейдена и Эрскейна³⁾ это мѣсто переводится точно такъ-

¹⁾ Объ этомъ предметѣ, съ большою подробностію, можно найти свѣдѣнія у Reinard въ его: Géographie d'Aboulféda, traduite de l'arabe en français et accompagnée de notes et d'éclaircissements, Tome I: Introduction générale à la géographie des orientaux. Paris, 1848, p. L, CCXXIV и слѣд. и у A. Sprenger'a въ его: «Die Post- und Reiserouten des Orients», въ Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes, Band III, № 3, стр. X и слѣд.

²⁾ см. A. Jaubert Géographie d'Edrisi, Paris, 1840 г., Tome second, IV-e climat, 8-e section, стр. 210 и слѣд.

³⁾ Memoirs of Baber, стр. 1:

же, какъ и у насъ, а именно: on the south, the hill-country on the confines of Badakhshân; on the north, although in former times there were cities such as Almâligh etc. У Клапрота ¹⁾ же говорится, что границей Ферганы служитъ — Südlich Badachschan, und im Norden hat es (Фергана) hohe Gebirge. Т. е., одни и тѣ же горы, о которыхъ говорятъ Бабуръ, Лейденъ помѣщаетъ на границахъ съ Бадахшаномъ, а Клапротъ — на сѣверѣ Ферганы. Хотя оба эти опредѣленія границъ Ферганы, на югѣ и на сѣверѣ, согласуются съ дѣйствительностію, однако, по конструкціи фразъ въ турецкомъ текстѣ, считаемъ свой переводъ, вмѣстѣ съ Лейденовымъ, гораздо вѣрнѣе, чѣмъ Клапротовъ.

5. Имя города «Алмалыкъ» ²⁾ встрѣчается, впрочемъ весьма рѣдко, въ сочиненіяхъ какъ арабскихъ, такъ и китайскихъ писателей-путешественниковъ. Между арабскими писателями о немъ упоминаетъ, наримѣръ, знаменитый странствователь, не уступающій во славу ни европейскому путешественнику Марко Поло (XIII в.) ни китайскому Сюань-Цзану (VII в.), и важнѣйшій географъ XIV вѣка Ибнъ-Батута ³⁾. Въ сочиненіи своемъ „Тухфет-уль-нуззâr фи герâиб-эль имсâr въ 'аджаиб-эль-исфâr“ («Подарокъ наблюдателямъ по части диковинъ городовъ и чудесъ путешествій») ⁴⁾ онъ говоритъ объ Алмалыкѣ, въ разсказѣ о враждебныхъ дѣйствіяхъ Монголовъ въ при-Илійскомъ краѣ, какъ о городѣ, «находящемся недалеко отъ Тараза»: *Almalik—dans le voisinage de Tharâz*, см. *Voyages d'Ibn-Batoutah, texte arabe et traduction française*, t. III, p. 49).

Изъ китайскихъ же путешественниковъ упоминаетъ, между прочимъ, объ Алмалыкѣ, какъ о городѣ, лежавшемъ на пути слѣдованія, даосскій монахъ Чанъ-чунь (XIII в.), вызванный Чингизханомъ около 1220 г. изъ Китая и отправившійся въ его лагерь

¹⁾ Archiv, 1810 г. Erster Band, стр. 103.

²⁾ *Алмалык* — отъ турецкаго *алма* (яблоко), значить «яблочный», «обильный яблоками», а совсѣмъ не «a grove of apple trees», какъ переводитъ Лейденъ въ «Mem. of Baber» etc. стр. 1, прим. 2.

³⁾ См. о немъ у Reinaud, *Géographie d'Aboulféda, Introduction*, I, Paris, 1848 г. стр. CLVI и друг.

⁴⁾ Издано С. Defrémery и В. Sanguinetti подъ названіемъ: «*Voyages d'Ibn-Batoutah*»; *texte arabe, accompagné d'une traduction*. Paris, 1853 — 1858 г., 4 тома, съ приложеніемъ «*Index alphabétique*», 1859 г.

черезъ Монголію, Туркестанъ, къ границамъ Индіи. Извѣстіе это сохранилось въ «Си-ю-цзи», или «Описаніи путешествія на Западъ», педенномъ, въ видѣ путевого журнала, однимъ изъ спутниковъ-учениковъ Чанъ-Чуня. «Си-ю-цзи», поступившее въ общее собраніе лаосскихъ книгъ, издано въ русскомъ переводѣ съ примѣчаніями архимандритомъ Палладіемъ ¹⁾ и во французскомъ, съ приложеніемъ объясненій изъ китайскихъ комментаторовъ, Потье ²⁾.

Вотъ что говоритъ Чанъ-Чунь, по русскому переводу архим. Палладія (Труды членовъ Росс. дух. мисс. въ Пекинѣ, т. IV, стр. 304).

«Потомъ, черезъ одинъ переѣздъ, 9-ой луны 27-го числа, мы прибыли въ городъ А-ли-ма. Владѣтель государства Пу-су-мань ³⁾, вмѣстѣ съ монгольскимъ Да-ла-ху-чжи ⁴⁾, во главѣ свитѣ своихъ вышли намъ на встрѣчу. Мы остановились въ западномъ плодовомъ саду. Туземцы называютъ плодъ, по своему, али-ма ⁵⁾, и такъ какъ здѣсь много плодовъ, то они и назвали городъ именемъ плода ⁶⁾. Изъ приведенныхъ нами извѣстій Ибнъ-Батуты и Чанъ-

¹⁾ Въ IV томѣ «Трудовъ членовъ Росс. дух. миссій въ Пекинѣ», С.-Петербургъ, 1866 г., стр. 261—434, съ приложеніемъ «карты сѣверо-западныхъ и западныхъ владѣній Монголовъ», составленной въ 1831 г. въ Пекинѣ.

²⁾ Въ *Journal asiatique*, VI Série, tome IX, p. 39—86, подъ заглавіемъ: «Relation du voyage de K'hiéou, surnommé Tchang-Tch'un (long printemps), à l'ouest de la Chine, au commencement du XIII-e siècle de notre ère. Par M. Pauthier.

³⁾ Пу-су-мань—говоритъ архим. Палладій (стр. 408)—вѣроятно Бессерменъ Плато Карпини (наше русское—бусурманъ); названіе, какъ кажется, передѣланное Монголами изъ «мусульманъ»; здѣсь оно прилагается къ туркестанскому владѣнію.

⁴⁾ Да-ла-ху-чжи есть китайская транскрипція монголо-турскаго слова даруга или даругачи, которое означало у Монголовъ: начальникъ области, уѣзда или города, въ родѣ губернатора, городничаго и проч.; обязанность его состояла въ производствѣ поголовной переписи и сборѣ податей съ коренныхъ подданныхъ орды. Въ Средней Азійи и теперь «даругами» называютъ областныхъ начальниковъ. См. «Ханскіе ярлики», И. Н. Березина, стр. 45; «Исслѣдов. о Басмювск. царяхъ», В. В. Вельямінова-Зернова, стр. 80; «Труды Росс. дух. мисс. въ Пекинѣ», т. IV, стр. 408, статью отца Палладія.

⁵⁾ Т. е. тюркское «алма», яблоко.

⁶⁾ У Потье это мѣсто передано въ такомъ видѣ (стр. 59): «Le lendemain on suivit le cours d'un grand fleuve qui coule de l'est à l'ouest; ensuite, ayant fait une journée de route on arriva à la ville fortifiée de A-li-ma (Almaligh), où régnait le roi Pou-sou-man. A la pointe du jour, les Mounq-Kou Tà-tzse s'empressèrent de venir au devant de nous. On séjourna dans les «Jardins des fruits de l'Occident». Les gens du pays appellent ces fruits A-li-ma; c'est pour quoi on a donné ce nom à la ville».

Чуны объ Алмалыкѣ мы не можемъ ничего вывести касательно приуроченія послѣдняго, такъ какъ извѣстія эти, ограничиваясь лишь упоминаніемъ голаго имени, не даютъ точнаго опредѣленія положенія его. Въ дѣлѣ приуроченія Алмалыка не помогаютъ, по скудости извѣстій, ни другіе мусульманскіе географы, изъ которыхъ одни не говорятъ о немъ и поль-слова, а другіе, если и упоминаютъ, то только по имени ¹⁾, à la Бабуръ, — ни китайскіе писатели; притомъ же послѣдніе часто разнорѣчатъ о положеніи его; такъ, напримѣръ, Сюй-сунъ приурочиваетъ его близъ нынѣшней Бульджи ²⁾. Во всякомъ случаѣ, согласно съ указаніями Бабура, Ибнъ-Батуты и другихъ писателей, слѣдуетъ приурочивать Алмалыкъ на сѣверъ отъ Ферганы, не въ далекомъ отъ Тараза, на пространствѣ между послѣднимъ городомъ (теперь, впрочемъ, развалинами) и Алматы, но въ какой именно мѣстности — трудно связать вполне опредѣлительно.

Что же касается города Алматы ³⁾, то на положеніе его въ бассейнѣ р. Или косвенно указываетъ китайскій комментаторъ Чань-Чунева «Си-ю-цзи»; именно онъ говоритъ, что «въ его время большая рѣка, протекающая съ востока на западъ (т. е., р. Или) называлась А-ли-мату» ⁴⁾. А такъ какъ въ средней Азіи рѣки получаютъ названіе по лежащимъ въ бассейнѣ ихъ городамъ, то и слѣдуетъ искать г. Алматы въ бассейнѣ р. Али-ма-ту, т. е. Или.

Впрочемъ, теперь достовѣрно уже извѣстно, что нынѣшній городъ Вѣрный, лежащій между рѣками Или и Чу, на притокѣ Или, построенъ на мѣстѣ, называвшемся Алматы (Алмату) ⁵⁾.

6. Въ текстѣ, изданномъ г. Ильминскимъ (Бабуръ - намѣ, стр. 2), стоитъ «янгы», а у Клапрота (Archiv, стр. 103) «Янгы-кандъ».

¹⁾ Насреддинъ Тусскій (XIII в.) и Олугъ-бекъ (XV), даютъ, впрочемъ, астрономическое опредѣленіе этой мѣстности, но оно едва ли имѣетъ большую важность. См. Geographiae veteris scriptores graeci. Oxoniae. 1712, vol. III, стр. 113 и 145.

²⁾ См. ст. архим. Палладія въ т. IV «Трудовъ Росс. дух. мисс. въ Пекинѣ» С.-Петербургъ. 1866 г., стр. 408. Алмалыкъ помѣченъ на картѣ 1831 г., приложенной здѣсь къ «Описанію путешествія на Западъ», подъ именемъ Алмалы.

³⁾ «Алмату» тоже означаетъ «обильный яблоками», отъ тюркскаго алма.

⁴⁾ См. M. Pauthier, Journal Asiatique, VI Série, tome IX, стр. 60, прим. 1.

⁵⁾ См. соч. П. И. Лерха: Археологическая поѣздка въ Туркестанскій край въ 1867 г. С.-Петербургъ, 1870 г., стр. 37, и Карту областей Уральской, Тургайской, Алмаинской, Семипалатинской съ Туркестанскимъ генералъ-губернаторствомъ, изд. Ильина.

Въ изданіи г. Ильминскаго (Баберъ-намэ, стр. 2) — «Тераръ-кентъ», И. Н. Березина (Тур. Хрест. т. I, стр. 82) — «Аг'рар-кентъ», у Клапрота же (Archiv, стр. 103) — «Теразъ-кандъ».

Вмѣсто «Тераръ-кентъ» здѣсь слѣдуетъ читать Теразъ-кентъ, или Таразъ-кандъ, какъ стоитъ, на примѣръ, въ персидскомъ переложеніи подлинника, съ котораго сдѣлалъ переводъ географическаго описанія Ферганы Клапротъ ¹⁾; въ Керовскомъ же спискѣ подлинника, единственно на основаніи котораго г. Ильминскій издалъ «Записки» Бабуръ, пропущена точка на *re* ²⁾. Увлекаясь отсутствіемъ этой точки, нѣкоторые ученые, какъ John Leyden, William Erskine, И. Н. Березинъ и другіе ³⁾, видятъ въ названіи Тераръ имя города Отрара (древняго Фараба). Но едва ли конъектура послѣдняго рода вѣрна: что легче предположить — уничтоженіе ли въ рукописи, вслѣдствіе какихъ-либо причинъ, точки, значка, который играетъ въ манускриптахъ весьма некомпетентную роль, или пропускъ цѣлаго элифа? — Конечно, первое. Притомъ же Бабуръ ясно говоритъ, что городъ Янги или Таразъ-кентъ лежитъ на сѣверѣ Ферганы: слѣдовательно, логичнѣе и пріурочивать его на сѣверѣ, чѣмъ заносить въ сѣверо-западу на берега Сыръ-Дарьи. Да и назывался ли когда-нибудь Отраръ именемъ Янги, мы не знаемъ; извѣстно только, что онъ назывался Фарабъ ⁴⁾.

Городъ Таразъ весьма извѣстенъ какъ мусульманскимъ писателямъ, такъ и китайскимъ ⁵⁾. У арабскихъ писателей имя его впервые упоминается въ докладѣ извѣстнаго загадочнаго странствова-

¹⁾ См. Archiv für asiatische Litteratur, Geschichte und Sprachkunde; verfasst von Julius von Klapproth, erster Band, St. Petersburg, 1810 г., стр. 103.

²⁾ «Баберъ-намэ, или Записки султана Бабера», Казань 1857, предисловіе, стр. II, и тур. текстъ стр. 2.

³⁾ См. Memoirs of Zehir-ed-din-Muhammed Baber etc. by J. Leyden and W. Erskine, London, 1826 г. стр. 1 и прим. 2, и Турецкую Хрестоматию, составл. проф. И. Н. Березинимъ, томъ I. Казань, 1857 тур. текстъ, стр. 82.

⁴⁾ См. Géographie d'Aboulféda, texte arabe publié par M. Reinaud et M. le Baron Mac Guckin de Slane, Paris 1840, стр. 492, и Maçoudi: Prairies d'or, texte et traduction, par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille, tome I, Paris, 1861, chap. XV, p. 288.

⁵⁾ У китайскихъ путешественниковъ имя Тараза въ китайской транскрипціи является въ формѣ «Та-ло-ссе», на примѣръ у Сюань-цзяня (VII в.) въ его «Си-юй-ки» (Si-yu-ki) (Запискахъ о западныхъ странахъ), изданныхъ подъ названіемъ: Mémoires sur les contrées occidentales, traduits du sanscrit en chinois, en l'an 648, par Hiouen-Thsang, et du chinois en français par M. Stanislas Julien. Tome premier, Paris 1857, стр. 14, 15.

теля въ предѣлахъ странъ Джуджа и Маджуджа (Гога и Магога)—Селяма-Тарджумана (IX в.), — докладъ, представленномъ халифу Васыкъ-билляху (правиль съ 842 по 846 г.); но упоминается лишь какъ имя города, лежавшаго на обратномъ пути Селяма изъ земли Джуджа и Маджуджа въ Самарканду ¹⁾. Докладъ этотъ сохранился у позднѣйшихъ мусульманскихъ писателей, напримѣръ Идриси ²⁾, Ибнъ-эль Варди, Мирхонда и многихъ другихъ ³⁾; но у нихъ Таразъ ⁴⁾ обратился въ Таранъ ⁵⁾.

Затѣмъ географическое описаніе Тараза, лежавшаго «на крайнемъ предѣлѣ мусульманскихъ странъ, на границѣ съ турками», съ обозначеніемъ разстояній его отъ другихъ городовъ, встрѣчается у Ибнъ Хордадбега (IX в.), Кодамы (X в.) ⁶⁾, Истахри (X в.) ⁷⁾ въ его персидскомъ переводѣ ⁸⁾. Идриси (XII в.) говоритъ о Таразѣ, во французскомъ переводѣ Жюбера ⁹⁾, слѣдующее: «Taran est un lieu de passage pour les musulmans qui y ont établi des fortifications contre les Turks; car ce pays est borné du côté du nord par celui des Turks Khizildjis avec lesquels les musulmans sont la plupart du temps en état de guerre. Lorsqu' il y a des trêves, alors il s'é-

¹⁾ См. *Les peuples du Caucase et des pays au nord de la mer Noire et de la mer Caspienne, dans le dixième siècle*, par M. C. d'Ohsson, Paris, 1828 г. chap. VIII, стр. 131—144 и note XXXVII на стр. 275.

²⁾ *Géographie d'Edrisi traduite de l'arabe en français* par P. Amédée Jaubert. Tome second, Paris, 1840, стр. 416.

³⁾ См. Доссона: *Les peuples du Caucase etc.*, стр. 139 и прим. 1.

⁴⁾ Вѣрнѣе, у ихъ издателей и переводчиковъ. В. Розенъ.

⁵⁾ Весьма возможно измѣненіе *ze* въ *num*, стоитъ только немного закруглить *ze*, или не отнять камня для произведенія точки, что въ рукописяхъ всегда и дѣлается. Если этотъ Таранъ тождественъ съ Тараз'омъ (сравни у Доссона: *Les peuples du Caucase etc.* стр. 139), то въ такомъ случаѣ Штюве неврѣно его приурочиваетъ къ югу отъ Сейхуна, см. *Die Handelszüge der Araber unter den Abbassiden*, von Fr. Stäwe, Berlin, 1836, см. карту.

⁶⁾ См. у А. Sprenger'a въ его *Die Post- und Reiserouten des Orients. Mit 16 Karten nach einheimischen Quellen*, Leipzig, 1864 г., стр. 22, 23, 27, помѣщ. въ *Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes herausgegeben von der Deutschen Morgenländ. Gesellschaft*, III Band, № 3.

⁷⁾ *Das Buch der Länder von Scheich Ebu Jshak-el-Farsi-el-Jsztachri. Aus dem Arabischen übersetzt von A. D. Mordtmann. Mit 6 Karten*. Hamburg, 1845, стр. 123, 125, 130, 133, 134.

⁸⁾ *The Oriental Geography of Ebn-Haukal, an arabian traveller of the tenth century*, translated by Sir William Ouseley, London, 1800 г., стр. 268, 269, 274. Съ картою. См. выше стр. 156.

⁹⁾ A. Jaubert: *Géographie d'Edrisi*, t. II, p. 208, 209, 212, 221.

tablit entre ces deux peuples des relations de commerce en marchandises, en bestiaux, en fourrures, etc». «La distance totale entre le fleuve Djeihoun et Taran est de 23 journées.

Отъ этихъ писателей извѣстія о Таразѣ вошли въ сочиненія другихъ позднѣйшихъ арабскихъ географовъ, напримѣръ Якута (XIII в.) ¹⁾, Димишки (XIII в.) ²⁾, Казвини (XIII в.) ³⁾, Абульфеды (XIV стол.) ⁴⁾, которые повторяютъ почти цѣлкомъ извѣстія Ибнъ-Хауали, прибавляя отъ себя лишь опредѣленія градусовъ широты и долготы этого города.

Что касается до мѣстонахожденія Тараза, то послѣдняго уже нынѣ не существуетъ; да и неизвѣстно въ точности — въ какой мѣстности приурочить его ⁵⁾. Память о немъ сохранилась только у средневѣковыхъ писателей Востока и въ названіи нынѣшней рѣки Таласа, которой передалъ свое имя этотъ городъ въ настѣдство. Во всякомъ случаѣ, какъ указалъ уже Катрмеръ ⁶⁾, городъ Янги и лежавшій близъ него болѣе древній — Таразъ, или Таласъ, или Талашъ слѣдуетъ искать около рѣки Таласа, по дорогѣ изъ Самарканда черезъ Сайрамъ въ Ханъ-балыкъ (Пекинъ) ⁷⁾.

Нѣкоторые, какъ наприм., штабсъ-капитанъ Валихановъ, ѣздившій

¹⁾ Jacut's Geographisches Wörterbuch, herausgegeben von Ferdinand Wüstenfeld, Dritter Band, Leipzig, 1863 г. стр. 524.

²⁾ Cosmographie de Chems-ed-din Abou Abdallah Mohammed ed-Dimichqui. Texte arabe, par M. A. F. Mehren, St.-Petersbourg, 1866 г. стр. 221.

³⁾ Zakarija ben Muhammed ben Mahmud el-Cazwini's Kosmographie, herausgegeben von Ferdinand Wüstenfeld, Göttingen, 1849 г. стр. 365.

⁴⁾ Géographie d'Aboulféla, texte arabe publié par M. Reinaud et M. le Baron Mac Guckin de Slane. Paris. 1840 г. стр. 496, 497.

⁵⁾ Насреддинъ-Туси и Олугъ-бекъ въ своихъ таблицахъ опредѣляютъ астрономическое положеніе Тараза. См. Geogr. veter. Scriptores graeci, Oxon. 1712, vol. III, стр. 113, 145.

⁶⁾ См. Notices et Extraits des manuscrits de la Bibliothèque du Roi et autres bibliothèques, Tome XIII, 1838 г. стр. 224 и слѣд. примѣч. Сравн. также В. В. Вельяминова-Зернова: Исслѣдованіе о Касимовск. царяхъ и царевичахъ, ч. II, стр. 155 и примѣч. 21 (въ X томѣ Трудовъ Восточнаго отдѣленія Императ. Археологич. Общества, С.-Петербургъ 1864 г.).

⁷⁾ Исслѣдованіе о томъ, тождественъ ли Бабуровъ Янги, или Таразъ съ Ян-кингомъ (Janckunt, Janckint), упоминаемымъ у Плано Карпини, путешественника XIII вѣка (изданнаго d'Avezac'омъ въ Recueil de Voyages. et Mémoires publiés par la Société de Géographie, t. IV. Paris, 1839) помѣщено у П. И. Лерха, въ сочиненіи его: Археологическая поѣздка въ Туркест. край въ 1867 г. С.-Петербургъ, 1870 г., стр. 4 и 5.

въ эти края въ 1858—1859 гг. ¹⁾, приурочиваютъ древній Таразъ къ нынѣшнему городу Аулія-ата. Но новѣйшій путешественникъ-археологъ П. И. Лерхъ, бывшій въ этихъ мѣстахъ въ 1867 году, говоритъ относительно Аулія-ата слѣдующее:

«Въ мою бытность въ Ауліе-ата, я тамъ слышалъ о развалинахъ древняго поселенія, верстахъ въ 10 или 20 на востокъ отъ нея. Короткій срокъ моей командировки въ 1867 году, къ моему сожалѣнію, не позволилъ мнѣ, кромѣ Ахыръ-таша, посѣтить и другія мѣстности въ окрестностяхъ Ауліе-ата. На мѣстѣ послѣдней *нѣтъ теперь признаковъ древняго города*» ²⁾.

Такимъ образомъ выходитъ, что Таразъ не есть нынѣшній городъ Ауліе-ата; задача же приурочить его къ окрестнымъ развалинамъ остается на долю будущихъ археологовъ-ислѣдователей.

У П. И. Лерха же приводится интересное извѣстіе восточныхъ историковъ объ основаніи города Тараза выходцами изъ Бухары (см. «Археол. поѣздка», стр. 38).

8. *«кыш лыи киле алмак»*. Стоящее здѣсь слово «кыш» (зима) и переведенное нами «зимнее время» не встрѣчается въ переводѣ Лейдена (см. *Memoirs of Baber*, стр. 1); у него это мѣсто передается такъ: *and on that side alone can it be entered by foreign enemies*. У Клапрота же (*Archiv*, 1810 г., стр. 103) переведено, какъ слѣдуетъ, *Winter: Im Winter kann man deshalb von Fergànah aus nur nach dieser Seite zu reisen*.

9. Рѣки въ мусульманской Средней Азіи часто называются по имени городовъ, лежащихъ или на берегахъ ихъ, или ихъ притоковъ, или же въ нѣкоторомъ отдаленіи. Иногда одна и та же рѣка носятъ, въ мусульманскихъ географіяхъ, нѣсколько названій, смотря по городамъ, лежащимъ въ ея бассейнѣ. Такъ, Сейхунъ (древн. Яксартъ) называется, напримѣръ, у Масуди (X в.) ³⁾, Якута (XIII в.) ⁴⁾, Абульфеды (XIV в.) ⁵⁾, Ходжендскою рѣкою, рѣкою Шаша (Ташкендскою), Ферганы и т. под.

¹⁾ См. отчетъ о поѣздѣ его, напечатанный въ Запискахъ Императ. Русскаго Геогр. Общ. за 1861 годъ, кн. II, «Ислѣдованія и матеріалы», стр. 55.

²⁾ См. Археол. поѣздка въ Туркест. край въ 1867 г., прим. 19.

³⁾ «Prairies d'or», Maçoudi, texte et traduction, par Barbier de Meynard et Pavet de Courteille, Paris, 1861, t. I, стр. 212.

⁴⁾ Jacut's Geogr. Wörterbuch, ed. F. Wüstenfeld, Leipzig, 1867 г. t. II, стр. 404 и 405. О теченіи рѣки Сейхуна («нагр-эш-Шаш») онъ говоритъ весьма подробно.

⁵⁾ Géographie d'Aboulféda, texte arabe publié par M. Reinaud et M. le Baron Mac Guckin de Slane, Paris 1840, стр. 61.

У китайских писателей рѣка Сейхунъ тоже известна или подъ этимъ именемъ, только въ китайской транскрипціи — Юй-хо, или Юе (Ue-ho, Ue), какъ у Сюань-цзяня ¹⁾, или подъ названіемъ Ходжендской рѣки. Подъ послѣднимъ именемъ она встрѣчается, напримѣръ, въ маршрутѣ Гулагу-хана, изданномъ Потье, по китайскому источнику, во введеніи къ изданію путешествія Марко-Поло ²⁾, въ формѣ — Гу-янь (le fleuve Hou-khien), — и у Чань-Чуни ³⁾ — Хо-гань-мулянъ ⁴⁾.

10. У Н. И. Ильминскаго, у Клапрота.

Окончаніе «кет» или «кетс», встрѣчаемое въ именахъ мѣстностей, есть, вѣроятно, измѣненіе персидскаго «кенд» (канд, кент) — селеніе, городъ. Сравни. Géogr. d'Edrisi, A. Jaubert, t. II, стр. 207, прим. 1.

Имя города Фенакета существуетъ у географовъ еще и въ такихъ формахъ: «Бенакетс» (псевдо-Ибнъ-Хаухаль, W. Ouseley, стр. 280), «Никетс» и «Ніякетс» (Идриси, A. Jaubert, стр. 206 и друг.), «Бенакиту» (Якутъ, F. Wüstenfeld, т. I, ч. 2, 1866, стр. 740). «Винкетс», (Якутъ, *ibidem*; Абульфеда, M. Reinaud, стр. 492), Ди-мишки, F. Mehren, стр. 221) и проч.

Фенакетъ измѣнилъ свое имя (въ Азій это — вещь весьма обыкновенная) на Шахрохіе или Шагрухія, въ честь Шахъ-Руха (въ началѣ XV в.), четвертаго сына Тимура ⁵⁾. Лежитъ при р. Сейхунѣ (Сырѣ-Дарѣ), между Ташкендомъ и Ходжендомъ (см. карты у Лейдена и Кейзера). D'Herbelot же считаетъ Шахрохіе тождественнымъ съ Ходжендомъ ⁶⁾.

¹⁾ См. Mémoires sur les contrées occidentales, traduits du sanscrit en chinois, en l'an 648, par Hiouen-Thsang, et du chinois en français par M. Stanislas Julien. Tome premier. Paris, 1857, стр. 16, примѣч. 1 и стр. 17.

²⁾ См. Le livre de Marco Polo, citoyen de Venise etc., publié pour la première fois par G. Pauthier. Première partie. Paris. 1865, стр. CXXXVI.

³⁾ Труды членовъ Росс. дух. мисс. въ Пекинѣ, т. IV, перев. архим. Палладія, стр. 306 и 309.

⁴⁾ Мулянъ есть китайская транскрипціи монгольскаго мурень, рѣка. Слово это, равносильное персидскимъ «дерья» и «руд», арабск. «нэгр», прибавлялось Монголами ко многимъ рѣкамъ и переходило и въ китайскія географическія сочиненія. Сравни. переводъ о. Палладія, стр. 306, 409, прим. 304, стр. 410, примѣч. 318.

⁵⁾ См. J. Malcolm, The history of Persia, from the most early period to the present time etc. London, 1815 г. Т. I, chap. XIII, стр. 486 и слѣд.

⁶⁾ Bibliothèque orientale, Paris. 1697 г. стр. 771.

11. Городъ Туркестанъ, о которомъ тутъ идетъ рѣчь у Бабура, весьма извѣстенъ по той роли, какую онъ игралъ, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ до XVIII столѣтія, въ качествѣ религіознаго и политическаго центра для народовъ сѣверо-западной части Средней Азіи (Киргизъ-Казаковъ). Въ религіозномъ отношеніи онъ замѣчателенъ по мечети, самой значительной въ Средней Азіи, возведенной въ 1404 г. надъ прахомъ туркестанскаго святоши Ахмеда Яссави ¹⁾ и вмѣщающей въ себѣ также могилы многихъ Тимуридовъ, знатныхъ лицъ конгратскаго рода, туркестанскихъ шейхъ-уль-исламовъ и киргизскихъ султановъ. Для киргизскихъ хановъ этотъ городъ долго служилъ мѣстомъ сидѣнія ²⁾.

Туркестанъ въ XIV, XV и XVI столѣтіяхъ назывался, какъ замѣчаетъ П. И. Лерхъ ³⁾, Яссы, но точная эпоха перемѣны послѣдняго имени на первое неизвѣстна. Подъ именемъ Яссы онъ встрѣчается въ лѣтописяхъ о Тимурѣ и его потомкахъ (у Шерефъ-Эддина, Мирхонда и друг.). Иные (какъ Шармуа) считаютъ древній Яссы и нынѣшній Туркестанъ за двѣ различныя мѣстности. Доказательства въ пользу противнаго мнѣнія, высказаннаго уже Карамзиннымъ, приводятся въ трудахъ В. В. Вельяминова-Зернова ⁴⁾ и П. И. Лерха ⁵⁾.

12. Съ трудомъ вѣрится, чтобы слова эти принадлежали султану Бабуру, чтобы султанъ Бабуръ имѣлъ такія смутныя свѣдѣнія о теченіи родной рѣки! А между тѣмъ это такъ. Дѣло въ томъ, что Бабуръ принадлежалъ къ числу тѣхъ писателей, которые полагали, что Сыръ-Дарья теряется въ пескахъ, не достигая Аральскаго моря. Но такого рода понятія о теченіи этой рѣки тѣмъ болѣе непростительны ему, что о ней имѣли точныя и правильныя свѣдѣнія уже географы X вѣка (какъ Ибнъ-Хауваль) и позднѣйшіе (напр. Якутъ XIII стол., Абульфеда XIV и проч.). По этому

¹⁾ См. П. И. Лерха: Археологич. поѣздка въ Туркест. край въ 1867 году. С.-Петербургъ. 1870 г., стр. IX. У него же можно найти (стр. 16 и 17), какъ критическій разборъ различныхъ мнѣній о времени построенія этой мечети, такъ и перечисленіе важнѣйшихъ трудовъ, служащихъ для ознакомленія съ этимъ родомъ.

²⁾ См. А. Левшина: Описаніе Киргизъ-Казачьихъ или Киргизъ-Кайсацкихъ ордъ и степей. С.-Петербургъ. 1832, ч. II, стр. 57 и друг.

³⁾ См. Археолог. поѣздка, стр. 15, прим. 14.

⁴⁾ См. его Исслѣдов. о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ, ч. II, стр. 287.

⁵⁾ Археологич. поѣздка, стр. 15, прим. 14.

предмету подробнѣйшій трактатъ о Сыръ-Дарьѣ географическаго и историческаго характера можно найти у А. И. Левшина ¹⁾.

13. Словомъ «городъ» мы перевели арабское, «касабат» которое и означаетъ буквально—селеніе, городъ, а совсѣмъ не district (округъ), какъ стоитъ, въ крайней безсмыслицѣ, въ англійскомъ переводѣ (см. Mem. of Baber, стр. 1: In this country there are seven districts...). Клапротъ же вѣрно перевелъ его — Stadt (Archiv, стр. 104: An demselben (т. е., рѣкѣ Сайхунѣ) liegen sieben Städte...).

14. Т. е., Бабуръ хочеть сказать этимъ, что дыни родятся здѣсь въ такомъ множествѣ, что проходящіе могутъ ѣсть ихъ бесплатно сколько душа пожелаетъ.

У Клапрота (Archiv, стр. 104). Это мѣсто переведено иначе: allein es ist sehr streng verboten sie (т. е. Melonen) zu verkaufen, ehe sie reif geworden sind.

К. Ритгеръ же ²⁾, по склонности своей фантазировать, курьезно перепуталъ извѣстія Бабура, именно онъ говоритъ: «Zur Zeit der Melonenreife verkauft man die Trauben nicht mehr an dem Stok; d. h. es ist den Reisenden das freie Traubenessen von der Rede erlaubt»; а затѣмъ комментируетъ: wie dies ehemals am Rhein in der Zeit Weinlese war».

15. «Нашпати» переводится у Лейдена (Mem. of Baber, стр. 2) и у Клапрота (Archiv, стр. 104) словомъ «дыни». Именно Лейденъ передаетъ: There are no better *Nāshpatis* produced than those of Andjān; а затѣмъ замѣчаетъ, что «the *Nāshpāti* is a species of melon.» Между тѣмъ совсѣмъ не «дыни», а «груши», какъ находимъ въ сочиненіи о Бухарскомъ ханствѣ нашего почтеннаго путешественника-ориенталиста Н. Ханькова ³⁾. Онъ говоритъ (стр. 131), что и *груши* бываетъ два рода: 1) нашпути-нагаи красноватаго цвѣта, онѣ поспѣваютъ въ концѣ іюня; 2) нашпути-тирямахи, поспѣва-

¹⁾ Въ его прекрасномъ сочиненіи: «Описаніе Киргизъ-Казачьихъ, или Киргизъ-Байсацкихъ ордъ и степей. С.-Петербургъ. 1832 г. 3 части; см. ч. I, стр. 214, 217 и слѣд. статью: «Географическое и историческое разсужденіе о рѣкѣ Ярсартѣ, или Сыръ-Дарьѣ, и земляхъ, къ ней прилегающихъ».

²⁾ Die Erdkunde von Asien, von Carl Ritter. Band V. Drittes Buch. West-Asien, Berlin. 1837. стр. 732.

³⁾ См. «Описаніе Бухарскаго Ханства», составленное Н. Ханьковымъ. С.-Петербургъ, 1843 г. Ср. Alexander Lehmann's Reise nach Buchara und Samarkand in den Jahren 1841 und 1842. Herausg. von G. v. Helmersen (или Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches. 17-s Bändchen). St. Petersburg, 1852, стр. 229 и 230.

ютъ въ концѣ октября и ихъ можно покупать въ Бухарѣ всю зиму.» Въ Словарѣ Л. З. Будагова ¹⁾ также указывается, что «Нашпѣти» (афганск.) значить «груша».

Довѣрять же приходится въ подобныхъ случаяхъ не лицамъ, занимающимся гдѣ-нибудь въ Лондонѣ, Берлинѣ, въ кабинетахъ и перепутывающимъ значенія словъ, а путешественникамъ, бывавшимъ на мѣстѣ. Вообще, что касается до турецкихъ нарѣчій, то нужно относиться ко всякаго рода трудамъ по этому предмету западныхъ оріенталистовъ съ наибольшимъ скептицизмомъ, такъ какъ изученіе для нихъ турецкихъ языковъ не такъ сподручно и удобно, какъ для нашихъ русскихъ оріенталистовъ, отличающихся отъ западныхъ, между прочимъ, меньшею склонностью къ вранью и большею строгостію и отчотливостію въ трудахъ своихъ.

16. У Н. И. Пльминскаго «Киш» съ буквою іе, у И. Н. Березина, Клапрота и друг. безъ нея; въ послѣдней транскрипціи, и даже съ тешдадомъ на ш (см. Слов. Якута), имя этого города весьма извѣстно въ сочиненіяхъ мусульманскихъ писателей и отчасти китайскихъ путешественниковъ въ «Западныхъ страны». Первые описываютъ его въ своихъ географическихъ трудахъ съ большими подробностями. Соотвѣтствуетъ онъ нынѣшнему городу Шагрисебу ²⁾. Иногда имя города Киша смѣшивается съ Шаш'омъ (или Ташкендомъ); но это двѣ совершенно различныя мѣстности, въ чемъ можно убѣдиться изъ описаній положенія ихъ у мусульманскихъ географовъ, напримѣръ, Идриси (Jaubert, t. II, p. 199 и друг.), Казвини (Wüstenfeld, стр. 372), Абульфеды (Reinaud, стр. 68, 490, 491 и друг.) и прочихъ.

17. Другіе рукописи и переводы въ этомъ мѣстѣ разнятся. Такъ, въ Лейденовомъ (Mem. of Baber, стр. 2) припутаны откуда-то mills: «The water-courses of the mills (этпмъ выраженіемъ передается у него, вѣроятно, слово «тарноу» водопроводъ ³⁾) by which the water enters the city, are nine; and it is remarkable that of all the water that enters the city, none flows out of it» У Клапрота (Ar-

¹⁾ См. «Сравнительный Словарь Турецко-Татарскихъ нарѣчій», Л. Будагова, 1871 г. т. II, стр. 277.

²⁾ См. Mem. of Baber, *introduc.*, p. XXXVI.

³⁾ О значеніи Тарноу, см. въ Dictionnaire turk-oriental, destiné principalement à faciliter la lecture des ouvrages de Baber, d'Aboul-Gâzi et de Mir-Ali-Chir-Nevâi, par M. Pavet de Courteille. Paris, 1870, стр. 197 и Сравнит. Словарь Турецко-Татарскихъ нарѣчій, Л. Будагова, 1868 г. С.-Петербургъ, стр. 331.

chiv, стр. 104) переводъ подходитъ ближе къ нашему: In der Stadt sind neue Teiche und Wasserleitungen, bei denen es besonders merkwürdig ist, dass sie alle verschiedene Quellen haben. Лейденъ говорить (стр. 2, прим. 3), что персидскіе переводы въ этомъ мѣстѣ разноголосятъ; именно въ его стихѣ читается, что вода проведена изъ разныхъ мѣстностей (Nine streams of water enter the fort, and it is singular that they do not all come from the same place), а въ Metcalfe'овомъ — изъ одного мѣста (and it is singular that they all issue from the same place); при этомъ онъ замѣчаетъ, что турецкій подлинникъ здѣсь недостаточенъ. По нашему мнѣнію, турецкій оригиналъ, изданный Н. И. Ильминскимъ, въ этомъ мѣстѣ гораздо достаточнѣе, чѣмъ всѣ его манускрипты, такъ какъ въ немъ гораздо болѣе, чѣмъ въ послѣднихъ, смысла. Вся эта путаница въ текстахъ можетъ быть разрѣшена вопросомъ: что изъ двухъ «удивительно» («эджиб тур») — то ли, что «вода, проведенная въ городъ, не отводится опять за городъ», или же «удивительно» обиліе источниковъ около Андеджана? Первому нечего удивляться, такъ какъ вода, на сколько мнѣ извѣстно, не отводится за городъ на мусульманскомъ Востокѣ; а вся расходится, какое бы ни было ея обиліе, по городу — въ резервуары и дворы. Если же и остается чему удивляться, такъ это только богатству родниковъ въ окрестностяхъ Андеджана.

18. У Клапрота вмѣсто «фазановъ» «кыргаул» стоитъ «орловъ» (unter anderen so fette Adler...). Неужели онъ подѣ «кыргауламъ» разумѣеть орловъ?

19. Это буквальная передача джагатайскаго текста. Чтобы облечь эту гиперболу предѣлами вѣроятности, Лейденъ и Клапротъ нѣсколько поумничали здѣсь. Лейденъ (стр. 2 и прим. 5) изъ «ноги» или «ляшки» («искене») создалъ цѣлую кухню: и какой-то «отваръ» (бульонъ. broth), и «варенецъ» (a sort of stew), и «студень» (jelly broth). А Клапротъ такъ переименовалъ тутъ.... so fette Adler, dass vier Menschen von einem ausgewachsenen satt werden können.

20. Кромѣ приведенныхъ нами вариантовъ изъ переводовъ англійскаго и нѣмецкаго Бабурь-намѣ, мы многіе изъ нихъ менѣе значительные пропускаемъ. Дѣло въ томъ, что почти каждая фраза того или другаго перевода варьируетъ съ нашимъ, такъ что приведеніе всѣхъ парафразъ слишкомъ затянуло бы нашу работу.

21. Извѣстный ¹⁾ джагатайскій писатель и государственный дѣятель (второй половины XV вѣка), современный султану Бабру. Полная біографія этого плодовитѣйшаго писателя, съ перечисленіемъ его сочиненій (изъ которыхъ издана до сихъ поръ самая ничтожная часть Катрмеромъ, профес. И. Н. Березинимъ, Беленомъ, Вамберя) и съ нѣкоторыми извлеченіями, составлена Беленомъ (Belin) ²⁾. На русскомъ языкѣ, по этому предмету, М. Никитскій напечаталъ магистерскую диссертацию подъ названіемъ: «Эмиръ-Низамъ-Эддинъ Али-Ширъ, въ государственномъ и литературномъ его значеніи». С. Петербургъ, 1856.

22. Въ древнѣйшихъ ³⁾ и новѣйшихъ мусульманскихъ сочиненіяхъ имя Герата «Гератъ» является иногда въ формѣ «Гери» (Aria) ⁴⁾, которая постоянно употребляется теперь въ названіи Гератской рѣки — Гери-рудъ.

23. Лейденъ говоритъ (стр. 2, прим. 7), что съ персидскою рукописью это мѣсто разнится, а именно въ ней стоитъ: «Воздухъ здѣсь однако вредный, такъ что воспаленія и опухоли глазъ весьма обыкновенны; болѣзнь эта называется врачами кербъ (gerb)». При семъ онъ замѣчаетъ, что въ Эльзингстоновомъ турецкомъ текстѣ въ этомъ мѣстѣ пропускъ. Въ текстѣ г. Ильминскаго тоже нѣтъ этихъ прибавокъ: вѣроятно, вышеприведенныя дополненія — штука персидскихъ переводчиковъ и переписчиковъ.

24. У г. Ильминскаго (стр. 3) и Лейдена (стр. 2) говорится, что жители болѣютъ «*михорадкою*» («бизгекъ»), у Клапрота же (стр. 105: Die hiesige Luft ist ungesund, und verursacht häufige *Augenkrankheiten*) и другихъ персидскихъ рукописяхъ — *воспаленіемъ глазъ* (см. Mem. of Baber, стр. 2, прим. 7). Но если въ этихъ послѣднихъ текстахъ слово «афунетъ» (гнилость, злокачественность) переводится именно черезъ «unwholesome», «ungesund», то, оче-

¹⁾ Странно слышать отъ К. Риттера, что ему «dieser Autor ist unbekannt» (См. Die Erdkunde von Asien, Band V, Berlin 1837, стр. 732), тогда какъ на Западѣ Миръ Али Ширъ былъ извѣстенъ уже въ XVII в. (см. d'Herbelot, Biblioth. Orient. La Haye, 1777—1778, т. II, стр. 617 и т. III, стр. 16).

²⁾ См. Journal Asiatique, V Série, t. XVII, 1861 г., статью: Notice biographique et littéraire sur Mir Ali-Chir-Névaii, suivie d'extraits tirés des œuvres du même auteur, и Journ. Asiat. Sixième série, t. VII и VIII, 1866 г., статью: Moralistes orientaux. Caractères, maximes et pensées de Mir Ali Chir Névaïi.

³⁾ Наиримъръ, у Ибнъ Хаукаля (Ouseley, стр. 121, 228 и друг.).

⁴⁾ Сравни. Лейдена Mem. of Baber, стр. 2, прим. 6 и d'Herbelot, Biblioth. Orient. 1777 г. т. II, стр. 239, статья Herah.

видно, въ нихъ смыслъ искажонъ, такъ какъ «афунетъ», гнилость воздуха, можетъ скорѣе вызвать лихорадочные паросизмы, чѣмъ воспаленія глазъ.

25. Въ текстѣ, изданномъ профес. И. Н. Березинимъ (стр. 84), вмѣсто «Уш» стоитъ «Уш-ил-и-си» (какой тутъ смыслъ имѣеть «иль» — не понимаемъ); въ переводѣ же Клапрота — Wasch, (стр. 105).

26. Турецкая мѣра «ягачъ» есть собственно фаранга (др. парасанга), или фарсахъ (отъ 6^{1/2} до 7 верстъ; въ Бухарѣ же въ фарсахѣ считается 12,000 шаговъ, т. е. 8 верстъ; срав. Ханькова Описание Бух. ханства)¹⁾. Клапротъ говоритъ (стр. 106, прим.), что *Aghâdsh*, der Tatarische Name für das Persische. . . . Fersseng, das gewöhnliche Wegmass im Orient ist, welches 12,000 Schritte beträgt. *Aghadsh* bedeutet Baum oder Pfahl, denn die Farsangen sind, wie in Russland die Werste, durch *Pfähle bezeichnet*.

Въ «Джагатайско-Турецкомъ Словарѣ» на сочиненія Миръ-Али-Шира, изданномъ акад. В. В. Вельяминовымъ-Зерновымъ, опредѣляется²⁾, что «ягачъ» «есть пространство, на которомъ два человѣка, находящіеся въ крайне дальнемъ разстояніи другъ отъ друга, могутъ слышать крикъ третьяго, стоящаго между ними по срединѣ, втрое взятое».

27. Лейденъ передаетъ это мѣсто такъ: The excellencies of Ush are celebrated even in the sacred traditions (Hadis); перевода здѣсь словами sacred traditions арабское *хадисъ*, но послѣднее, кромѣ значенія «священныхъ преданій» (о пророкѣ Мухаммедѣ) или «Хадисовъ», выражаетъ также просто—«разказы», «толенъ», «новости».³⁾ Да и какими путями извѣстія о ферганскомъ городѣ Ушѣ могли забрести въ хадисы! *)

¹⁾ Mem. of Baber, стр. 2 прим. 9 и стр. 3 прим. 10.

²⁾ См. Dictionnaire Djaghataï-turc, publié par V. de Véliaminof-Zernof. St.-Pétersbourg. 1869 г. стр. 413 и 414, сравн. стр. 320. Сравн. Dictionn. turc-oriental, par Ravet de Courteille, Paris, 1870, стр. 554 и 555, слово «ягачъ».

³⁾ См. Dictionnaire turc-français, par Kieffer et Bianchi. T. I, Paris, 1835 стр. 11, и Л. З. Будагова: Сравнит. Словарь Турецко-Татарск. нарѣчій, т. I. С.-Петербургъ, 1868 г. стр. 513.

*) Переводъ Лейдена, безъ сомнѣнія, вѣренъ. Въ такой связи арабское «хадисъ» можетъ означать только «священные преданія». Извѣстія же о городѣ Ушѣ «забрели» въ хадисы весьма просто: мѣстный патриотизмъ, забота о прославленіи даннаго города, влагалъ въ уста пророку Мухаммеду разныя подходящія изреченія, подобно тому, какъ богословско-догматическая полемика III вѣка гд-

28. Выраженіемъ «гора, изъ которой добывается ледъ» ¹⁾, мы перевели турецкое «музун-таг» (ледяная гора). У Лейдена слову «музун» соответствует, по видимому, (mountain of a) *beautiful figure*, а у Клапрота — «der steile und hohe (Berg)».

29. Андеджанская рѣка, при которой лежитъ городъ Андежанъ, есть одинъ изъ притоговъ Сыръ-Дарьи.

30. Въ Лейденовомъ переводѣ (стр. 3) говорится, что мечеть лежитъ «между горою и городомъ» (between the hill and the town), а въ Клапротовомъ (стр. 105)—просто «между садами» (liegt zwischen den Gärten ein Bethaus). Лейденъ (стр. 3, прим. 2) замѣчаетъ, что въ персидской рукописи въ этомъ мѣстѣ (согласно съ турецкимъ текстомъ г. Ильминскаго) передается, что мечеть лежитъ и между садами и городомъ (between the garden (palace) and the town).

31. Вмѣсто «меджид-и-джауза» у Клапрота (стр. 106) находимъ: Messdshedi Dshüss, d. i. der Nusstempel. К. Риттеръ (Erdkunde, Band V, Berlin 1837, стр. 733), относительно описываемой здѣсь Бабуромъ мѣстности, говоритъ, что «ob hier auch ältere Denkmale der Serenstrasse, der Steinerne Thurm bei Plol. IV c. 13, das Heiligthum der Sonne und des Mondes bei Ctesias Indic. 9, das Heiligthum Nuk bei Abulfeda 31, die 40 Säulen oder Chalsatun Wilfords in Asiat. Res. Lond. 8. T. VIII, p. 323 zu suchen? sind, kann fast nur durch künftige Augenzeugen ermittelt werden».

32. Въ англійскомъ переводѣ нѣсколько иначе: Beneath the outer court of the mosque, there is a *meadow of clover*, sheltered and pleasant, where every traveller and passenger loves to rest.

33. Смыслъ этого мѣста темень. Лейденъ (стр. 3) здѣсь переводитъ такъ: It is a *standing joke* among the *common people at Ush* to carry across the three streams all such as fall asleep there. Клапротъ (стр. 106) хотѣлъ передать это мѣсто иначе, но не осилилъ, и перевелъ только клочекъ: *Auf der anderen Seite des Flusses Schah dshûy ist die Gränze der Nomaden von Wasch*.

34. У Клапрота вѣтъ ничего похожаго на это, у него говорится, что Von der Gränze von Ferghânah bis zur Stadt Wasch

жры влагага въ уста пророку Мухаммеду проклятiя, направленные противъ называемыхъ по имени сектъ и ученiй, которыя появились лишь спустя 200 лѣтъ по смерти Мухаммеда. В. Роземъ.

¹⁾ Т. е., гора (которая можетъ быть и не высокою, не покрытою снѣгомъ) изъ овраговъ которой добывается ледъ.

findet man fast gar keine Städte, weil Boden und Klima unfruchtbar sind. Должно быть, перепуталъ Клапротъ, и перепуталъ артистически!

35. Въ турецкомъ спискѣ Metcalfe'a, которою пользовался Лейденъ, стоитъ Маргиланъ (Marghilân), т. е. нынѣшняя, форма имени этого города (см. Mem. of Baber, стр. 3, прим. 5).

36. Городъ Семванъ (Симвân) лежитъ между Реемъ и Дамганомъ, въ разстояніи двухъ станцій отъ послѣдняго ¹⁾.

37. Абрикосы по турецки „урюкъ“. Сушеные вывозятся они подъ именемъ «урюка» и въ Россію ²⁾.

38. Словами «Бѣлый Звѣрь» мы перевели турецкое «âk kink» (въ англійскомъ переводѣ Лейдена и нѣмецкомъ Клапрота стоитъ: «white deer; «weisse Hirsche»), такъ какъ «акъ» значитъ «бѣлый», а «кинъ» прежде всего «дикій звѣрь» вообще, а затѣмъ уже—олень и проч. ³⁾. Такимъ образомъ цѣлое турецкое выраженіе «акъ кинъ» будетъ соответствовать тому, что у Русскихъ называется «бѣлый звѣрь» ⁴⁾.

39. Сарты («Сарт», у Клапрота «Сарты») или Таджики («Таджикъ», китайск. Тяо-чжи) суть жители городовъ и деревень, занимающіеся земледѣліемъ, торговлею, ремеслами. Они говорятъ по персидски, въ противоположность туркамъ, и представляютъ, по видимому, остатки древняго населенія. Имя Таджиковъ они получили, вѣроятно, отъ Турокъ, такъ какъ были подданными Арабовъ, которые стали имъ, Туркамъ, впервые извѣстными подъ именемъ «Тази» или Таджи (у Китайцевъ—Даши) ⁵⁾.

40. Значеніе слова «джангралыкъ», которое мы передали рус-

¹⁾ См. Ибнъ Хаукаля (ed. Ouseley, стр. 175, 178, 182 и слѣд.), Истахри (Mordtmann, стр. 99, 101 и др.), Якута (F. Wüstenfeld, Jacut's Geograph., Wörterbuch, t. III, стр. 141).

²⁾ См. Н. Ханькова Описаніе Бухарскаго ханства, С.-Петербургъ, 1843, стр. 128.

³⁾ Сравни. Словарь тур.-тат. нарѣчій, Л. Будагова, 1871 г. стр. 183.

⁴⁾ Сравни. Кабулистанъ и Кафиристанъ, В. В. Григорьева, переводъ Ритерова «Землеводія», С.-Петербургъ, 1867 г. стр. 312 прим. CCLXXXII.

⁵⁾ См. Mem. of Baber, стр. 3, прим. 8, Denkwürdigk. des Baber, Кайзера стр. 642; сравни. В. В. Григорьева, Кабулистанъ и Кафиристанъ, стр. 305 прим. CCLXVIII, 621 и слѣд.; Н. Ханькова, Описаніе Бух. ханства, стр. 55 и 56; Пашино, Туркест. край въ 1866 году, стр. 168; о. Іакнифа, Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азій, С.-Петербургъ, 1851 г. ч. III стр. 173 и 270 и слѣд.; G. Timkovskî, Voyage à Péking, à travers la Mongolie, en 1820 et 1821. Paris, 1827. t. II, стр. 383.

скимъ «драва», сомнительно. Лейденъ переводить его черезъ «boxing» (...so that they are famous all over Mâweralnaher for their blustering and fondness for *boxing*), а Клапротъ—Krieg (Ueberhaupt liebt das Volk von Mâwârânnahar, Ssamarckand und Bochârá den Krieg).

41. «Гидае» собственно значить «путеводительство», «путь», то-есть, путь ко спасенію. Авторъ этого «Гидае» — шейхъ Бурганъ-эдинъ Али бенъ Абдуль Джамиль (въ XII столѣтіи ¹⁾), а самое сочиненіе служитъ комментариемъ къ другому его труду «Бедантъль-мубтеда», то-есть, начало ученика, гдѣ изложено полный курсъ законовѣдѣнія по системѣ Ханефитовъ ²⁾.

42. Городъ Асфара, нѣкогда обширный и богатый, въ настоящее время не существуетъ. Уже въ прошломъ столѣтіи сталъ онъ обращаться въ развалины, хотя и служилъ тогда столицей родоначальнику послѣднихъ хановъ Коканскихъ. Въ нашихъ источникахъ городъ этотъ называется Исфара (у хорунжаго Потанина, который, кажется, послѣдній упоминаетъ о немъ, — Испара ³⁾).

43. По тексту, изд. г. Березиннымъ, вмѣсто «плодовыхъ деревьевъ» оказывается «кипарисъ» (*сърв дерахтеси*), такъ что вся фраза выходитъ въ такомъ видѣ: «кипарису тамъ много; однако въ садахъ преобладаютъ миндальныя деревья» (Турецк. хрестом., т. I, стр. 86). У Лейдена — фруктовыя деревья: Many species of fruit-trees abound there; but, in the gardens, the almond trees are most numerous (стр. 4). У Клапрота: также фруктовыя деревья, только да-лѣе у него прибавленіе: Ausser anderen Fruchtbäumen findet man hier auch sehr viele Mandelsträuche, *aber die Gegend ist rauh und bergig* (стр. 107).

44. *Шерг'*омъ собственно называется «ягачъ», съ точностью вымѣренный. По словарю Будагова, шергъ будетъ пространство нѣсколько болѣе 1½ англійской мили (т. I, стр. 666).

45. Бир парчэ таш переводимъ «гряда камней». У Лейдена: Among the small hills to the sout-east of Asfara, is a salb of stone

¹⁾ Умеръ въ 593 г. гаджры (1197 г.). См. Описаніе арабскихъ рукописей Имп. Казанскаго Университета, Казань, 1857, стр. 82; Мохтесероль-вигмаетъ, или сокращенный вигмаетъ, изд. мирзою Александромъ Каземъ-Беккомъ. Казань, 1845, стр. XLVIII и LIII.

²⁾ Zenker, Bibliotheca Orientalis. Leipzig 1846, стр. 176; Описаніе арабскихъ рукописей, стр. 82.

³⁾ Вѣстникъ И. Р. Геогр. Общества 1856 г., ч. 18, стр. 278.

called sang aineh (the stone-mirror). То-есть: между малых холмов на юго-востокъ отъ Асферы находится горбина (плита) называемая сепг аинэ (каменное зеркало). У Клапрота это мѣсто передано такимъ образомъ: Eine Ebne die sich südlich von der Stadt verbreitet ist hügelig und voller Steine, weshalb sie auch der Stein-spiegel genannt wird (стр. 107) ¹⁾.

46. «Кары» значить локоть, аршинъ; въ одномъ ягачѣ считалось 12,000 кары. Мѣра эта въ разныхъ мѣстахъ различна. Въ Хивѣ «кары» равно двумъ аршинамъ, въ Туркестанской области ханскій кары равнялся 3 аршинамъ или двумъ ханскимъ гезамъ, базарный — на полъ-аршина меньше ²⁾.

У Лейдена вмѣсто «кары» стоитъ «гезъ»its length is about ten gez. При этомъ онъ принимаетъ «гезъ» за футъ (стр. 4, примѣчаніе). О гезѣ см. дальше, примѣчаніе 64. Въ нѣмецкомъ переводѣ Клапрота тутъ пропускъ, который, впрочемъ, пополненъ во французскомъ: Leur longueur est environ de dix pieds, et leur hauteur dans quelques endroits celle d'un homme; dans d'autres seulement la moitié. (Mém. relat. à l'Asie; t. II, p. 142).

47. «Булюк» — уѣздъ. У Лейдена: The district of Asfera is separated into four divisions (стр. 4). У Клапрота оказывается тутъ совсѣмъ иное, такъ какъ онъ «четыре уѣзда» принялъ за «четыре горы» и перевелъ такимъ образомъ: Um Assfàrà liegen vier Berge, Namens, Assfàrà, Wàrúch, Ssúch und Húschjâr (стр. 107).

48. Султанъ Махмудъ-ханъ былъ владѣтель въ Туркестанѣ; Аладжа-ханъ (собственно настоящее имя его султанъ Ахмедъ-ханъ) былъ родной братъ его; оба они были сыновья Юнусъ-хана. У В. В. Вельяминова-Зернова Ахмедъ-ханъ называется Алача-ханъ ³⁾, у Лейдена — Ulchi-khan (стр. 4), оттого и у Риттера—Ulchi-khan ⁴⁾. У Клапрота это мѣсто передается опять иначе: Bis an den Fuss der beiden letzteren (то-есть, къ подошвамъ двухъ послѣднихъ горъ, Сухъ и Хушъяръ) kam Scheibáni chán als er mit Ssultan Mahmúd-chán von Aladsháh Krieg führte, Taschkand und Scháhrochiah

¹⁾ То же находимъ и во французскомъ его переводѣ: Au midi de la ville il y a une plaine entre des collines, qui est remplie de rochers; c'est pourquoi on l'appelle le *miroir des rochers* (Mémoires relatifs à l'Asie, t. II, p. 142).

²⁾ См. Сравни. Слов. тур. - тат., т. II, стр. 13.

³⁾ См. Исследования о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ, ч. II, стр. 130

⁴⁾ Erdkunde, Band V, 1837, стр. 735.

eroberte, und ihn in Jahresfrist von da vertrieb ¹⁾. Damals unternahm ich die Reise nach Kábul (стр. 107).

49. Шейхъ Муслихэд-динъ (у Лейдена: Sheikh Maslehet) и Ходжа Кемаль — знаменитые святоши. Послѣдній, кромѣ того, и поэтъ; умеръ онъ въ Тавризѣ въ 792 году гиджры (1389).

50. У Лейдена: гора Myoghil (стр. 4), чему слѣдуетъ и Риттеръ (стр. 735). У Клапрота: In Norden derselben und des Flusses ist der Berg Muteweghghel (мутевеххель) d. i. der verborgene, der diesen Namen wegen der Türkiss- und anderer Gruben führt, die in demselben angelegt sind (стр. 107—108) ²⁾.

51. У Лейдена: Khojend is a good sporting country; the white deer, the montain goat, the stag, the fowl of the desert, and the hare, are found in great plenty (стр. 4—5). То-есть: «въ Ходжентѣ имѣются хорошія мѣста для охоты (слово sport соотвѣтствуетъ здѣсь двумъ джагатайскимъ словамъ: *аулачи* «звѣрная охота» и *кушлами* «птичья ловля»); бѣлый звѣрь (см. раньше, примѣч. 38), горный козель, олени, степныя птицы ³⁾, зайцы водятся тамъ въ большомъ изобиліи». У Клапрота: Wild und Geflügel giebt es bei Chodshand sehr viel, als Gasellen-Arten, weisse Hirsche, Adler, und Hasen in grosser Menge (стр. 108).

52. По тексту, изд. г. Березинымъ: «кузляр бизгек куб булур», то-есть, осенью свирѣпствуетъ лихорадка (Турецк. крест., I, стр. 87). У Лейдена: but the air is extremely noisome, and inflammations of the eyes are common: «только воздухъ крайне нездоровъ и воспаления глазъ тамъ обыкновенны» (см. примѣч. 24). У Клапрота (стр. 108) то же: воспаление глазъ (Augenentzündungen).

53. По тексту, изд. г. Березинымъ: «ривает киддилар ким чубчук бизгек булган дур» — связываютъ, что и воробьи подвергаются

¹⁾ Во французскомъ переводѣ Клапрота: Dans le tems que Cheibâni-khan était en-guerre avec le sulthan Mahmoud, khan d'Alâdjah, et qu' il occupai Tachkand et Chahrokhiah, il parvint jusqu' au pied des montagnes Soukh et Houchyar. Il le chassa un an après, parce que ce dernier s'était rendu odieux par sa fierté. (Mémoires relat. à l'Asie, t. II, p. 143).

²⁾ Оказывается, что названіе этой горы Моголь. А. А. Кушакевичъ, описавшій Ходженскій уѣздъ по личнымъ наблюденіямъ, сообщаетъ о ней слѣдующее: «Къ сѣверу отъ Ходженда, противу города, высятся за Сыръ-дарьею громады гранитныхъ кражей Моголь-тау и ихъ сланцевыхъ предгорій». См. Свѣдѣнія о Ходженскомъ уѣздѣ А. А. Кушакевича въ Запискахъ Имп. Русск. Геогр. Общ. (по общей географіи) т. IV, 1871 г., стр. 209. Н. В.

³⁾ Въ персидскомъ переводѣ «мург дешти» (Mem. of Baber, стр. 4, примѣч. 6).

лихорадка. У Лейдена: Insomuch, that they say that even the very sparrows have inflammations in the eyes (связываютъ, будто даже воробьи страдаютъ воспаленіемъ глазъ. Клапротъ тутъ передаетъ иначе: Die Luft ist auch hier ungesund und bringt Augentzündungen hervor, daher werden die Einwohner auch spottweise *Tschüitschüigi* (вм. *чубчуги!*), d. i. Triefäugige, genannt: воздухъ здѣсь также нездоровъ и причиняетъ воспаление глазъ, вслѣдствіе чего жителей, въ насмѣшку, называютъ гнойноглазые (стр. 108).

54. У Лейдена: Kandbâdâm is one of the district (округъ) belonging to Khojend (стр. 5).

55. Кенди-Бадамъ и значить «городокъ миндалей». Это названіе сохранилось, по видимому, въ имени рѣчки Бадамъ ¹⁾.

56. Гормузъ — островъ въ Персидскомъ заливѣ. У Лейдена: and are exported to Hindustân, Hormuz, and other quarters — вывозятся въ Индустанъ, Гормузъ и другія страны (стр. 5).

57. У Клапрота: Achssyâ, Ахсія (стр. 108). Теперь городъ этотъ обратился въ развалины, въ X же столѣтіи былъ столицею Ферганы. Ибнъ-Хаукаль такъ описываетъ этотъ городъ: главный городъ Ферганы, Ахсикетъ, лежитъ въ долинѣ на берегу Шашской рѣки; раздѣляется на собственно городъ, предмѣстье и цитадель, въ окружности имѣетъ 3 фарсаха. Городъ имѣетъ 5 воротъ, передъ которыми раскинулись богатѣйшіе сады и лѣса ²⁾.

58. Ахсикетъ и значить городъ Ахси. О «кетъ» или «кесъ» см. раньше, прим. 10.

59. Разказъ Бабура о превосходствѣ ахсіекихъ дынь и вообще о плодахъ Ферганской долины вполне подтверждается нашими извѣстіями о Ферганѣ. Такъ, въ статьѣ г. Вельяминова-Зернова, «Свѣдѣнія о Коканскомъ ханствѣ» говорится, что дыни коканскія лучше бухарскихъ ³⁾.

60. Въ англійскомъ переводѣ (стр. 5) это мѣсто почти также передается: «In consequence of its gardens being all sheltered along the banks of the stream, they call it the mantle of five lambskins». Лейденъ замѣчаетъ при этомъ (стр. 6, прим. 1), что вмѣсто «Postin-pish-burra» персидская рукопись имѣетъ: «Postin e mish burra»: on lambskin mantle. У Клапрота (стр. 109) хотя и стоитъ *пустини*

¹⁾ См. Маршрутъ прикащика Ключарева въ Вѣстн. Р. Геогр. Общества 1856 г., кн. 5, стр. 144—145.

²⁾ См. The Oriental geography of Ebn Haukal, ed. W. Ouseley, стр. 250, 270.

³⁾ См. Вѣстникъ Имп. Русск. Геогр. Общ. 1856 г., кн. V, отд. II, стр. 122.

ниш бере (Pústini pisch breh), но онъ переводить почему-то эти слова: gieb den vorderen Pelz, и во французскомъ переводѣ—*donne la peau anterieure* (стр. 146).

61. Это мѣсто Клапротъ (стр. 109) не понялъ и перевелъ такъ: Die Einwohner von Wasch und Kássán leben in beständigem Zwiespalt.

62. У Клапрота находимъ эту фразу въ такомъ видѣ: In den Bergen von Ferghánah wechseln wärmere und kältere Districte mit einander ab. О «лѣтнихъ кочевьяхъ» (яйлакъ) и «зимнихъ ставкахъ» (кышлакъ), см. Mem. of Baber, стр. 6, прим. 2.

63. Слову «табулгу» соотвѣтствуетъ, по видимому, у Клапрота Pappeln (стр. 109): In den Bergen von Ferghánah wechseln wärmere und kältere Districte mit einander ab, und man findet auf denselben viele Pappeln, die sich sonst nicht finden und...). Л. З. Будаговъ говоритъ ¹⁾, что «табулгу» (таволга?) есть «дерево невысокое, толщиною съ палецъ, изъ красной и красной коры (?) котораго дѣлаютъ палки, кнутыща, стрѣлы и клѣтки для птицъ; вѣтви его употребляютъ какъ лѣкарство для вызыванія мочи у лошадей. Бабуръ считаетъ это дерево рѣдкимъ и исключительнымъ произведеніемъ области Ферганъ; но въ восточныхъ губерніяхъ Россіи его много, и называется *таволжанникъ*».

64. Въ англійскомъ переводѣ «гезъ» (Giz, см. стр. 6, прим. 3) совсѣмъ не такъ передается, какъ у насъ; тамъ ему соотвѣтствуетъ: «forked tops of arrows» (They also cut it into the forked tops of arrows) ²⁾. Мы же перевели мѣру «гезъ» или «гизъ» словомъ «аршинъ». Восточный «аршинъ» четвертью больше нашего ³⁾, бухарскій же равняется около 1¹/₂; именно Н. В. Ханыковъ говоритъ: «Гизъ сеть мѣра, имѣющая длиною разстояніе отъ оконечности носа до оконечности указательнаго пальца въ вытянутой рукѣ. Эту неопредѣлительную мѣру употребляютъ вездѣ, и даже при хозяйственныхъ измѣреніяхъ; чтобъ сколько-нибудь опредѣлить ее, мы замѣтимъ, что длина ея равняется близко длинѣ большаго шага, то есть, 1¹/₂ аршинамъ» ⁴⁾.

¹⁾ См. Сравн. Словарь тур.-тат. нарѣчій, т. I, стр. 328.

²⁾ То-есть, «выдѣлываютъ также вилкообразныя головки для стрѣлъ». Кажется, вѣрнѣе переводить здѣсь просто «стрѣлы» (а не «аршины»), такъ какъ слово гизъ имѣетъ также значеніе «стрѣлы», и притомъ стрѣлы безъ пера и оконечника, оба конца которой острые, а середина толстая (см. Словарь Будагова, т. II, стр. 126—127). Н. В.

³⁾ См. Сравн. Слов. тур.-тат. нар. Л. Будагова, т. II, стр. 126.

⁴⁾ Описание Бухарскаго ханства, С.-Петербургъ, 1843, стр. 113.

65. Такъ стоитъ въ джагатайскомъ текстѣ г. Ильминскаго и г. Березина. Это «бирух-у-ссанам» (должно быть «iebрух-у-ссанам») слѣдуетъ принять за измѣненіе персидскаго *эбрудж-ус-санамъ*: волшебная трава, *Atropa mandragora* (Linn.)¹⁾. У Лейдена правильно: the Yabruj-us-sannam (стр. 6); въ примѣчаніи же онъ говоритъ, что это значить the mallow consecrated to idols, а далѣе поясняетъ: the Yabruj-us-sannam is the plant called the mandragora or mandrake. Клапротъ это мѣсто передаетъ такимъ образомъ: In einigen Werken findet man, dass in diesen Gebirgen noch Götzentemp l (капища; во французскомъ переводѣ: temples payens = tours des idoles) vorhanden sein sollen, aber davon hört man jezt nichts mehr (стр. 110). Такая передача у Клапрота произошла оттого, что онъ слово сэвэмъ принялъ въ смыслѣ «идола», а все вмѣстѣ читалъ яруджи-эснамъ.

66. Въ англійскомъ переводѣ (стр. 6), вмѣсто «Едивентскихъ горъ», находимъ «mountains of Bete-kend», въ персидскомъ манускриптѣ Metcalfe'a — Bikesht, въ персидской рукописи Лейдена — Neikenet. Вся эта разница въ спискахъ происходитъ отъ путаницы въ диакретическихъ точкахъ. Затѣмъ въ Elphinstone'овомъ турецкомъ списокѣ стоитъ «mountains of Jetikent», а у Клапрота (стр. 110) «Gebirge der sieben Dörfer».

67. «Анк-ути» по турецки значить или «оживляющая трава», или «медвѣжья трава»; по персидски называется она мигр-гіяг (или мюхеббет-ути, «любовная трава») и употребляется какъ конфортивъ²⁾. Клапротъ переводить «мигр-гіягъ» (Mihri gijah) — Sonnen-Kraut (во французскомъ переводѣ — herbe du soleil), то есть: «солнечная трава»; но здѣсь мигр значить не «солнце», а «любовь», въ чемъ убѣждаетъ замѣняющее мигр слово мюхеббет (любовь). Не вѣрно объясняетъ Клапротъ и слово анк-ути: онъ читаетъ не «анк» (медвѣдь), а «айикъ» (трезвый, воздержный, умѣренный), а потому и переводить: herbe sobre (стр. 146); въ нѣмецкомъ же переводѣ онъ оставляетъ слово анк-ути безъ перевода.

¹⁾ См. Grosse Zusammenstellung über die Kräfte der bekannten einfachen Heil- und Nahrungsmittel von Abu Moham. Abd. ben Ahmed aus Malaga bekannt unter dem Namen Ebn-Baithar (XIII вѣка), aus dem arabischen übersetzt von J. Sontheimer, 1840—1842. Stuttgart, Band II, art. Jabruch, «ябрухъ», стр. 592—595; Kurt Sprengel's Geschichte der Botanik, 1817. Altenburg und Leipzig, часть 1, стр. 63, 215, 242, 245, 252. Л. З. Будаговъ *эбрудж-ус-санамъ* переводить «адамова голова»; см. Сравни. Слов. тур.-тат. нар., т. II, стр. 348.

²⁾ См. Mem. of Baber, стр. 6, прим. 4, и Сравни. Слов. тур.-тат. нарѣчій, Л. Будагова, т. I, стр. 199; срав. Риттера, Erdkunde, Band V, 1837 г., стр. 736 и 737; впрочемъ у него тутъ перепутано.

Лейденъ переводить аик-ути — «оживляющая трава», при чемъ производитъ названіе ея отъ аиикъ «трезвый» въ смыслѣ отрезвляющій, оживляющій: The name aikoti is derived from the Târki word *ausk*, vivacity (оживляющій), and *oti*, grass (трава) ¹⁾.

ПРИПИСКИ ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Въ перечнѣ трудовъ Европейцевъ для ознакомленія съ бы шимъ Коканскимъ ханствомъ авторъ пропустилъ одну важную статью: «Обозрѣніе Коканскаго ханства въ нынѣшнемъ его состояніи». Статья эта составлена была по распросамъ въ штабѣ отдѣльнаго Сибирскаго корпуса, и вмѣстѣ съ картою этого ханства, доставлена княземъ И. Д. Горчаковымъ въ Имп. Русское Географическое Общество, которое и напечатало ее въ третьей книжкѣ своихъ «Записокъ» (1849 года).

2) Послѣ уже составленія труда Н. Н. Пантусова, появился и французскій переводъ «Записокъ» Бабура, сдѣланный въ первый разъ съ джагатайскаго текста. Переводъ этотъ принадлежитъ Павэ де-Куртейлю: *Mémoires de Baber, traduits pour la première fois sur le texte djagatai par A. Pavet de Courteille; Paris, 1871*, въ двухъ томахъ. Переводъ очень близкій къ подлиннику и уступающій Лейдену только относительно поясненій.

Н. В.

¹⁾ См. примѣч. 4-е на стр. 6.

О ЧЕРКИ

ШАГРИСЕБЗСКАГО БЕКСТВА.

ОЧЕРКИ

ШАГРИСЕБЗСКАГО БЕКСТВА.

Пользуясь экспедиціей въ Шагрисебзскія владѣнія, я, съ разрѣшенія г. начальника Заравшанскаго округа генераль-маіора Абрамова, присоединился къ его отряду. Задачею моего участія въ этой экспедиціи было собрать возможно больше книгъ, рукописей и документовъ на туземныхъ языкахъ, а также составить описаніе развалинъ Акъ-Сарая, дворца Тимура, находящагося въ г. Шагрѣ.

Благодаря сочувствію къ моей цѣли со стороны гг. офицеровъ отряда, и главнымъ образомъ, г. начальника отряда генераль-маіора Абрамова, колоннаго начальника полковника Михайловскаго, начальника базачьихъ сотенъ войскового старшины Принца, ротныхъ командировъ Шорохова, Миклашевскаго, Коневскаго и артиллерійскихъ офицеровъ Горячева и Броневскаго, мною собрано до 300 рукописей, изъ которыхъ большинство на таджикскомъ языкѣ, и около 50 документовъ вакуфныхъ, танавныхъ, частныхъ писемъ и амулетовъ.

На третій день по занятіи города Китаба я, въ сопровожденіи мирзы и двухъ ученыхъ Шагрисебцевъ, ѣздилъ въ Шагрѣ, лежащій въ 6 верстахъ отъ Китаба, съ цѣлью списать надписи на стѣнахъ Акъ-Сарая и вообще ознакомиться съ городомъ и находящимися тамъ развалинами.

Торопясь сдѣлать все, что предполагалъ, я осмотрѣлъ и

спялъ надписи съ древнихъ зданій Шагра, но не успѣлъ сдѣлать оттисковъ. Это я не исполнилъ отчасти потому, что только въ 6 часовъ вечера мнѣ удалось окончить то, что предположилъ; а оставаться дольше за наступавшей ночью было неудобно. Снимая оттиски, я опасался возбудить неудовольствіе со отороны толпившихся возлѣ меня жителей Шагра.

Предлагаемый очеркъ Шагрисебзскаго бекства составленъ по свѣдѣніямъ, собраннымъ мною въ теченіе пяти дней, проведенныхъ въ Китабъ и Шагрѣ вмѣстѣ съ отрядомъ. Затѣмъ эти свѣдѣнія мною провѣрены и частію дополнены въ Ташкентѣ показаніями Джура-бека и Баба-бека. Не смотря однако на самую тщательную провѣрку, нѣкоторыя свѣдѣнія по необходимости будутъ лишь приблизительно вѣрны, какъ напримѣръ, цифровыя данныя. Не могу также поручиться за совершенную точность топографическихъ свѣдѣній, ибо въ краѣ я проѣхалъ только по двумъ путямъ: отъ Джама до Китаба и отсюда обратно черезъ Каратюбинскія горы въ Самаркандъ, и проведенныхъ тамъ пяти дней слишкомъ недостаточно для подробнаго знакомства со страной.

Употребленныя мною сокращенія слѣдующія: *y.* = *Узбекъ*, *тд.* = *Таджикъ*, *т.* = *ташиъ*, *ч.* = *чакрымъ* (верста), *с.* = *сейидъ*, *х.* = *ходжа*. Послѣдними буквами означены населенія кышлаковъ безъ подраздѣленія на племена, потому что въ средней Азіи титулами сейидовъ и ходжей пользуются Таджики и Узбеки одинаково. При опредѣленіи сейидъ и ходжа племенное отличіе уничтожается. Сейидами въ Самаркандѣ и Шагрисебзѣ называются потомки имама Зайнуль-Абидина, внука Алія, зятя пророка Мухаммеда; ходжами же называются потомки Абубекра, Омара и муштеидовъ (ученики Мухаммеда).

Къ югу отъ Самарканда, въ разстояніи одного дня пути, за отрогомъ горъ, идущихъ съ востока къ западу — называемыхъ туземцами то Ургутскими, то Каратюбинскими горами — въ сторонѣ отъ большихъ торговыхъ путей, лежитъ маленькое бекство Шагрисебзское.

Бекство это составляетъ нѣсколько сотъ кышлаковъ, сплотившихся одинъ близъ другаго, въ разстояніи $\frac{1}{4}$ — 3 ташей, въ котловинѣ открытой къ ю.-в. степной мѣстности. Котловина шагрисебзская окружена съ трехъ сторонъ горами ¹⁾. За неимѣніемъ между туземцами общихъ названій горъ, границы бекства можно очертить слѣдующимъ образомъ: съ В. оно примыкаетъ къ Хиссарской и Магіанской области съ С. къ области Самаркандской съ З. и Ю. къ землямъ бухарскихъ областей Чирахчи, Карши и Екбага.

Благодаря изобилію воды горныхъ рѣкъ: Кашка-дарьи, Акъ-дарьи, Тенхаса и Джауса, орошающихъ котловину и ущелья, бекство избыткомъ своихъ сельскихъ произведеній снабжаетъ базары Бухары, Самарканда и Хиссара.

Считаясь номинально составною частью Бухарскаго ханства, Шагрисебзское бекство почти всегда жило самостоятельно жизнью подъ властію узбекскихъ правителей изъ Кенигесова рода. Въ послѣднее время бекство управлялось двумя беками, Джура-бекомъ и Баба-бекомъ. Котловина съ выходящими къ ней ущельями почти что поровну была раздѣлена между упомянутыми беками. Первый управлялъ Китабомъ съ принадлежащими къ нему землями, другой — г. Шагромъ (древнимъ Кешомъ) съ его владѣніями.

Владѣнія Китаба занимаютъ сѣверную и части западной и восточной сторонъ шагрисебзской котловины.

На восточной сторонѣ къ Китабу принадлежатъ два ущелья: одно къ СВ., ущелье Варганза, называемое также Ходжа-

¹⁾ Горы эти составляютъ отроги горной страны лежащей къ востоку и называемой туземцами Кугистанъ (= горная страна).

Баширскимъ, и другое Джауское, извѣстное подъ именемъ Ходжа. Къ С. и З. тянутся по предгорію и ущельямъ Каратюбинскаго отрога степи и долинки, изъ которыхъ западныя называются Дашти-Пстаханъ, а сѣверныя—Кайнаръ ¹⁾).

По котловинѣ и первому ущелью вверхъ отъ Китаба тянутся, почти сплошнымъ садомъ, вдоль береговъ Кашкадарьи и побочныхъ рѣчекъ, слѣдующіе кышлаки:

По котловинѣ.

Населеніе.	Число домовъ.	Разстояніе.
у. Кушъ-баши	30	1/2 т.
у. Давіаръ-Шейхи	50	1/4 >
х. и с. Акъ-бай	20	3/4 >
у. Дуаба	30	1 1/4 >

Здѣсь въ Кашка-Дарью впадаетъ р. Джини, выходящая изъ сосѣднаго ущелья.

По ущелью.

у. Варганза	500	1/2 т.
у. Шатри	200	1/4 >
т. Наувишти	20	1/4 >
у. Кафлатунъ	100	1/2 >
у. Кайни	20	1/4 >
у. Кутчи	120	1/4 >
Хазрети Баширъ	300	1/2 >

Этотъ кышлакъ состоитъ изъ двухъ гузаровъ (приходовъ). Верхняго (*бала*) населеннаго узбеками и нижняго (*паянъ*) таджиками.

По котловинѣ и второму ущелью, вверхъ отъ Китаба по берегамъ Джини и ея притокамъ, идутъ двѣ дороги до кыш-

¹⁾ Кайнаромъ называютъ все южное предгорье Каратюбинскихъ горъ Шагрисебзскаго бекства. Здѣсь черезъ перевалъ Тахта-Карача идетъ дорога въ Самаркандъ.

лаха Могуль. Одна дорога идетъ черезъ Дуаба *) и считается длинною, другая прямѣе.

По первой дорогѣ по котловинѣ.

у. Пянджи	100	1/2 т.
у. Кусямъ	30	3/4 ч.
у. Джагатай.	50	1/4 т.
у. Карабулакъ	40	3/4 ч.

По ущелью.

у. Дихшиванъ	50	1/4 т.
т. Пяландара	150	3/4 т.
у. Итикчи	90	1/4 т.
у. Ваткана	120	1 ч.
у. Писталикъ - паянъ (нижній)	30	1 1/2 ч.
у. Писталикъ-бала (верх- ній)	50	1 ч.
у. Буримитанъ	50	1/4 ч.
у. Митанъ-бала (верх- ній)	50	1/4 ч.
у. Митанъ-паянъ (ниж- ній)	20	1/4 ч.
у. Могуль	150	1 1/2 т.
у. Каамати	30	1/2 ч.
у. Ишкафъ	50	1/4 ч.

По другой дорогѣ по котловинѣ.

у. Хайрабатъ	30	1 1/2 т.
------------------------	----	----------

По ущелью.

т. Роваталишъ	20	1/4 ч.
-------------------------	----	--------

*) Словоу Дуаба туземцы называютъ слияніе двухъ рѣкъ; это Дуаба есть соединеніе Джини съ Кашка-Дарьей. Стоящій у этого мѣста вышлакъ называется этимъ же именемъ.

Кышлакъ этотъ стоитъ на ю. берегу р. Джини, близъ кышлака Могуль, расположеннаго на с. сторонѣ. Отъ Роваталиша идутъ двѣ дороги, одна прямо въ Могуль 1 ч. другая на Аби-Канда 300 д. $\frac{1}{4}$ т. разстоянія.

За Могуломъ, вверхъ по ущелью, идетъ одна дорога съ слѣдующими кышлаками:

тд. Ашуканъ	70	$\frac{1}{2}$ т.
тд. Туябаши	60	$\frac{1}{4}$ т.
тд. Тююль	30	$\frac{1}{4}$ т.
тд. Катласъ	150	$\frac{1}{4}$ т.
тд. Сумаъ	120	$\frac{1}{2}$ т.
тд. Джаузъ	250	1 т.
тд. Матманъ - бала (верхній)	50	1 т.
тд. Матманъ - паянъ (нижній)	50	1 т.
тд. Динау (верхній)	100	1 т.
тд. Динау (нижній)	20	$\frac{1}{2}$ ч.
у. Мусабазаръ	50	$\frac{1}{2}$ т.
тд. Аспи-Духтаръ	30	$\frac{1}{4}$ т.
тд. Шуть	10	$\frac{1}{4}$ т.

За кышлакомъ Шуть находится г. Хозретъ Султана, за которымъ Шагрисебзскихъ кышлаковъ нѣтъ.

За Катласомъ по ю. сторону рѣки въ боковыхъ ущельяхъ лежатъ кышлаки:

тд. Саятъ	300	$\frac{1}{4}$ т.
тд. Ата Кенти	300	$\frac{1}{4}$ ч.
тд. Сіябъ	80	1 т.

На с. и з. отъ Китаба, въ котловинѣ по предгорью, находятся слѣдующіе кышлаки.

По Джамской дорогѣ, въ котловинѣ:

у. Аиранчи	1)
у. Алауылукъ	300 домовъ.

Тутъ же въ сторонѣ отъ дороги:

у. Урусъ кышлакъ	100	»
у. Керейтъ	50	»
у. Халаватъ	50	»
у. Макрытъ (на дорогѣ)	300	»

По предгорью у дороги:

у. Купганъ Агачъ	50	»
у. Бузавутъ	40	»
у. Калкама	50	»

Отсюда горами идетъ дорога на Самаркандъ черезъ Лангаръ, кышлакъ, населенный Узбеками и Таджикими и имѣющій до 100 домовъ.

Далѣе по предгорью у дороги слѣдуютъ кышлаки:

у. Гараули	80 домовъ.	
у. Тутли	50	»
у. Тулакуль	60	»
у. Йоргабулакъ	10	»

Въ сторонѣ отъ дороги, по предгорью:

у. Ахча Буги	300 домовъ.	
у. Ираль	50	»
у. Даугашъ	50	»
у. Аякчи	20	»
у. Тарагай	50 (родина отца эмира Тимура).	
у. Курувъ Сай	15 домовъ.	
у. Тимурчи	30	»

¹⁾ Число домовъ этого кышлака показано въ перечнѣ кышлаковъ, лежащихъ въ чимѣ (о чимѣ см. стр. 217).

Въ котловинѣ къ с. сторонѣ отъ Китаба:

у. Дурманъ 30 домовъ.

По предгорью:

у. Катаганъ 50 »

у. Кышлыкъ 20 »

у. Кагны 30 »

у. Савурбулакъ 100 »

у. Кунекъ-Чинаръ 30 »

Къ в. сторонѣ отъ Китаба, по котловинѣ къ дешти
(степи) Пстаханъ:

у. Кайчиликъ 30 домовъ.

у. Ачамайля 50 »

у. Кыянли 20 »

у. Дурманъ-бирунъ 30 »

у. Ягтутъ 20 »

у. Кумуръ-тепэ 15 »

у. Парчакентъ 10 »

у. Акъ-Сай 10 »

тд. с. Хаджа-Имкана 100 »

тд. Сарасія 200 »

тд. Итбагъ 50 »

тд. Савазъ 70 »

у. Ташкенди 10 »

у. Курганча 10 »

с. Ходжа-Испаразъ 30 »

тд. Нурали 15 »

у. тд. Тупчакъ 150 »

т. д. Джаираханэ 100 »

у. Нимчи 15 »

у. Янтьрь 20 »

у. Янгыкышлакъ 50 »

у. Карамирганъ	20	домовъ.
у. Дунгъ	20	»
у. Авасъ-Маликъ	25	»
у. Шамби	30	»
у. Чавала	20	»
у. Карапачэ	30	»
у. Авзіятъ	20	»
у. Арманъ-тепэ	25	»

По предгорью:

у. Карахани	100	»
у. Кыргызъ	40	»
у. Апанъ-Сапанъ	20	»

Къ Шагру принадлежать кышлаки на южной и частью на западной и восточной сторонахъ котловины. По вост. сторону два ущелья: 1) Ташъ-Копрю, иными называемое ущельемъ Улачь, которое въ древности называлось ущельемъ Ярманъ-пошнени кышлака, нынѣ заброшеннаго, и 2) ущелье Тенхасъ.

По первому ущелью вверхъ отъ Шагра, по берегу Акъ-дарьи, называемой Узбеками Акъ-су и берущей начало у Хазретъ-Султана, идутъ кышлаки:

По котловинѣ:

тд. Карасу	100	1 1/4 ч.
у. Миръ-Шикарь	100	1/4 т.
у. Мумимъ-Абадъ	200	1/4 т.
у. Бешъ-Капа	30	1/4 т.
у. Бигми	80	1/4 т.
у. Чарки	30	1 1/4 ч.
у. Шакаръ-Тири	70	1/2
у. Саубун	30	1 1/4 ч.
у. Бузь-Арыкъ	30	1 1/4 ч.
у. Шаукендъ	50	1/4
у. Пауманъ	50	1/4

у. Кагны	40	1 ¹ / ₂ ч.
у. Улачь	100	1 ¹ / ₄ т.

По ущелью:

Мостъ Ташъ - вупрюкъ —		1 ¹ / ₄ ч.
у. Бешъ-Бекъ	30	1 ¹ / ₄
у. Кыркъ-Кипчакъ	60	1 ¹ / ₄
у. Даурчи	30	3 ³ / ₄ ч.
у. Башкапъ ¹⁾	150	1 ¹ / ₄
у. Саятъ	100	1 ¹ / ₄
у. Мусабазаръ	200	1 ¹ / ₄
тд. Кызыль-Имчаеъ	300	1 ¹ / ₂ т.
тд. Хисаракъ	50	1 ¹ / ₂
тд. Гилянъ	400	1 ¹ / ₂ т.
тд. Куль	50	1 ¹ / ₂ т.
Гора Хазретъ-султанъ	—	1 ¹ / ₂ т.

Въ боковомъ ущелии къ с. кышлакъ Чунгуракъ — 50 домовъ, населенъ Таджикиами.

Во второмъ ущельи, вверхъ отъ Шаграна, по р. Танхасъ, вытекающей изъ горъ у кышлака Чанугъ, расположены кышлаки:

По котловинѣ:

у. Дахъ-Эеъ	300	1 ¹ / ₄
у. Кутчи	100	1 ¹ / ₄
у. Чукунь	200	1 ¹ / ₄ ч.
у. Мучунъ	100	3 ³ / ₄
у. Типръ ²⁾	50	1 ¹ / ₂
у. Анной	30	1 ¹ / ₄
у. Устай	30	3 ³ / ₄
у. Хазара	100	1 ¹ / ₂

¹⁾ Въ сторонѣ отъ этого кышлака около дороги стоитъ кышлакъ у. Тамшусъ 30 домовъ.

²⁾ Въ боковыхъ ущельяхъ находятся кышлаки Туда-Мейданъ 20 домовъ.

у. Ичиги.	50	1 1/4
у. Пасъ-Курганъ	30	1 1/4

По ущелью:

у. Девъ-туръ	50	1 1/4
тд. Аммаганъ ¹⁾	300	1/2 т.
у. Хитайъ	50	1/4 т.
у. Чауугъ	20	1/2 т.

По котловинѣ съ ю.-в., ю. и з. сторонъ расположены слѣдующіе вышпаки:

Къ юго-востоку:

тд. Улянгъ	50
тд. Рудявъ	30
тд. Кошъ-Чинаръ	20
тд. Суваръ	50
у. Искана	30
у. Курганча	30
у. Топчакъ	40

Къ югу:

у. Махтабъ	300
у. Ески-Чааръ-Шамбэ	50
у. Чааръ-Шамбэ, называемое также Баба-Арелапъ (Баба-Аргиланъ?) ²⁾	30
у. Зачванэ	50
у. Буруляръ	60
у. Бурджасъ	100
у. Янгы-курганъ	50

¹⁾ Въ сторонѣ отъ дороги близъ этого кышлака, въ боковыхъ ущельяхъ находятся кышлаки: у. Алматы 20, у. Каратугъ 20, у. Камари верхній 100 у. Камари нижній 20.

²⁾ Близъ этого кышлака у подошвы горъ находятся кышлаки: у. Такія 40, у. Мираки 50, у. Язмакъ 20 д.

Къ западу:

у. Чааръ-багъ	100
у. Иргавуль	20
с. и х. Караходжа	100
с. и х. Нушкандъ	150
х. Каямъ-ед-Динъ-шейхъ	80
х. Дадухъ	60
у. Тезъ-абъ-кенти	30
у. Келянъ-шейхи	100

Кромѣ перечисленныхъ кышлаковъ, Китабъ и Шагръ, находясь почти что въ центрѣ котловины въ разстояніи 5—6 верстъ другъ отъ друга, окружены кышлаками, составляющими какъ бы предметія этихъ городовъ.

Къ Шагру примыкаютъ съ сѣверной стороны кышлаки:

у. Керейтъ	200
у. Галяканъ	100
у. Синабагъ	200
у. и т. д. Ходжа-Муратъ-бахшъ	50
у. Тарахли	80
у. Гауджалабъ	30

съ с.-з. стороны:

у. Занги	100
у. Сарасія	30

съ западной стороны:

у. Хасіяръ	50
у. Гаушманъ	70
у. Тухлубай	70
у. Капканъ	30
у. Ходжахурусанъ	100
у. Урта Курганъ	500
у. Шаматанъ	210
у. Дахъ-экъ	300

съ южной стороны:

у. Чашъ-тепэ	30
у. Кунгратъ	20
у. Думбай	20
у. Хилянкь	40
у. Хаджа-кышлакъ	30
у. Янгы-кышлакъ'.	30
у. Янгы-кышлакъ.	30

съ восточной стороны:

у. Тезъ-Гузарь	40
у. Чопань	50
у. Карасу	60
у. Миршикаръ	20
у. Чукуръ	30
у. Уймаутъ	20
у. Наукатъ	60
у. Мугунъ	80

Къ Китабу прилегають кышлаки:

съ сѣв. стороны:

у. Гулгунъ-пушь	25
у. Равтакъ	15
у. Кучкакузь	10
у. Тангатъ, называемое также Дур- манъ	35
у. Кайчилыкъ	40

съ сѣв.-зап. стороны:

у. Айранчи	60
----------------------	----

съ зап. стороны:

у. Кыяны	70
у. Бешъ-Тутъ	30

у. Наукать	45
у. Джарь-Курганъ	140
у. Кумъ-кышлакъ	90
у. Альмазарь	20
у. Данхуръ	40

съ ю.-з. стороны:

у. Харь-Ханэ	10
у. Хишъ-Купрюкъ (т. е. кирпичный мостъ)	20
т. д. Сарай-кышлакъ	40

съ южной стороны:

у. Гарау	50
у. Балмакъ	40
у. Санамъ	30
у. Чальма	50
у. Миръ-Шикарь	45
у. Нама-танъ	40
у. Ходжа-Бугъ	80
у. Кошъ-тепэ	40
у. Мингляръ	60

съ восточной стороны:

у. Бай-кышлакъ	30
х. Мозаръ-ходжа-Каймакъ	10
у. Каушъ-кышлакъ	20
у. Сурунъ	40
у. Яманчи	15
у. и т. д. Кабри-Ахунъ	150
у. Гушъ-Курганъ	15
у. и т. д. Бешъ-казакъ	130

Китабъ и Шагрь, вмѣстѣ съ кышлаками, составляющими предметъ ихъ, окружены одною стѣною, называемою чимъ ¹⁾). Построеніе этой стѣны туземцы относятъ за 100 лѣтъ до настоящаго времени. Окружность ея, по словамъ Джурабека, опирающагося на измѣреніе, сдѣланное Бухарскимъ эмиромъ Насруллою, составляетъ 48 верстъ; по показаніямъ же жителей — 88 в. Последнее кажется мнѣ вѣрнѣе, ибо съемочная партія штабъ-ротмистра Аминова, измѣрявшая протяженіе стѣны, въ два дня прошла только 43 версты и считала, что ею пройдена только половина.

Вышеупомянутыя рѣки имѣютъ такое теченіе: Кашкадарья, принявъ у Дуаба р. Джини, разливается по вотловинѣ нѣсколькими рукавами, изъ коихъ главнымъ огибасть с.-в. сторону Китаба внѣ чима; Аь-дарья, разбиваясь на нѣсколько рукавовъ, двумя главными проходитъ въ чимъ, гдѣ однимъ идетъ черезъ Китабъ, а другимъ течетъ между Шагромъ и Китабомъ подъ именемъ Ходжа Мурадъ Бахшъ. По выходѣ изъ чима оба рукава въ $\frac{1}{4}$ таша отъ стѣны соединяются у кышлака Парчакендъ и здѣсь впадаютъ въ Кашкадарью, которая изъ Шагрисебзскихъ владѣній идетъ мимо крѣпости Чирахчи, къ Карши и за этимъ городомъ теряется въ пескахъ. Рѣка Тапхасъ же по выходѣ изъ ущелья проходитъ по южную сторону Шагра и тутъ же вся разбирается жителями.

Главную массу населенія, какъ видно изъ перечня кышлаковъ и ихъ обитателей, составляютъ Узбеки, и въ ограниченномъ числѣ — Таджики. Узбеки въ Шагрисебзскихъ владѣніяхъ принадлежатъ къ племени Кенигсса, которое состоитъ изъ пяти главныхъ родовъ: Тарахли, Каирасанли, Очамайли,

¹⁾ Каждый изъ этихъ городовъ имѣетъ свою стѣну, и кромѣ того, еще общую (нѣсколько ниже городскихъ), называсмую чимъ (дернъ) (см. статью г. Бекчурина: «Шахрисабзское владѣніе по разсказамъ Джурабека и Бабабека» — въ Ежегодникѣ Туркестанскаго края, вып. II, стр. 86). Длина чима показана въ 80 верстъ.

Авахли и Чують. Эти рода въ свою очередь подраздѣляются на нѣсколько колѣнъ. Въ короткое время моего пребыванія въ Шагрисебъ я не могъ узнать имена всѣхъ колѣнъ.

Представляю перечень только тѣхъ колѣнъ, которыя удалось записать:

Тарахли.	Сурумъ.
Темерчи.	Куша-баши.
Качили.	Яманчи.
Дурманъ.	Очамайли (изъ этого колѣна
Уръ Тарахли.	происходитъ Баба-бекъ).
Большали.	Ширачи.
Найманъ Тарахли.	Кандалп-гали.
Кышлыкъ.	Каракалпакъ. ¹
Джагатай (изъ этого колѣна	Турапъ.
происходитъ Джура-бекъ).	Минджиръ.
Чутдатугалъ.	Чуббулакъ.

Въ какомъ географическомъ распредѣленіи находятся эти колѣна въ бекствахъ, по разпроснымъ свѣдѣніямъ я не могъ дойти до положительныхъ выводовъ. Мнѣ кажется, что почти всѣ колѣна живутъ смѣшанно, Узбеки по преимуществу заняли котловину, предгорья и часть ущельевъ, Таджики же — исключительно горы и ущелья. Жителей горъ безъ различія національностей называютъ Гольча.

Города Китабъ и Шагръ населены Узбеками и Таджикими. Въ первомъ Таджиковъ больше, чѣмъ Узбековъ; во второмъ, напротивъ, болѣе Узбековъ. Кромѣ этого главнаго населенія, въ городахъ живутъ Евреи¹⁾, и временно, Индѣйцы²⁾, занимающіеся исключительно отдачей денегъ въ ростъ. Афганцевъ весьма мало.

¹⁾ Въ Китабъ считается до 30 домовъ еврейскихъ, въ Шагръ 100 д., и они имѣютъ свой кварталъ.

²⁾ Индѣйцы живутъ въ караванъ-сараяхъ; численность ихъ мнѣ не удалось узнать.

Выше было замѣчено, что Китабъ и Шагръ, находясь близъ другъ друга, занимаютъ центръ котловины, и вмѣстѣ съ прилегающими вышлагами, обнесены одною общемою стѣною, называемою чимъ. Близость кышлаковъ въ котловинѣ, покрытыхъ сплошною массою садовъ, дало котловинѣ названіе Шагрисебзъ, «Зеленый городъ» ¹⁾. Нѣкоторые (2) же объясняютъ это слово тѣмъ, что въ бекствѣ произрастаетъ особаго вида морковь; это толкованіе не заслуживаетъ вниманія, ибо, по отзыву самихъ туземцевъ, морковь Шагрисебза ничѣмъ не отличается отъ таковой же въ Бухарскомъ ханствѣ ³⁾.

Народонаселеніе Шагрисебзскаго бекства, за весьма ограниченнымъ числомъ нѣкоторыхъ узбекскихъ родовъ, ведетъ осѣдную жизнь. Главное занятіе его составляетъ земледѣліе ³⁾. На поляхъ своихъ Шагрисебзцы воздѣлываютъ:

1. Бугдай (пшеницу) } два раза въ годъ *бегари* (яровой)
2. Джау (ячмень) } и *тири-маи* (озимой).
3. Шали (рисъ) четырехъ породъ: сурхъ (красный), багдади, ходжа-Ахмеди и маргабъ (бѣловатый); послѣдняго за сѣваютъ больше противъ другихъ, лучшій же ходжа-Ахмеди.
4. Джугара (сорго).
5. Джугара-макаи (кукуруза) очень мало.
6. Гуза (хлопчатникъ).
7. Кунджутъ.
8. Тарыкъ (просо).
9. Кунагъ (просянка).

¹⁾ Такой переводъ слова Шагрисебзъ встрѣчается и въ запискахъ императора Бабура, стр. 61 казанскаго изданія проф. Ильминскаго.

²⁾ Всѣ ухищренія азіатскихъ умниковъ въ дѣлѣ объясненія разныхъ названій не могутъ имѣть никакого научнаго значенія; не принося ни малѣйшей пользы филологіи, они могутъ приводиться только развѣ ради курьеза. На этомъ основаніи здѣсь вышущены объясненія туземцевъ происхожденія словъ *Гольча* и *Китабъ*.
И. В.

³⁾ Представляемыми свѣдѣніями о растительности въ Шагрисебзѣ я обязанъ А. П. Федченку, помогавшему мнѣ при разспросахъ, которые я дѣлалъ въ Ташкентѣ у Джура-бека, о чемъ и считаю долгомъ заявить.

10. Загырь (ленъ).
11. Адасъ (чечевица).
12. Лубія (Dolichos).
13. Джунупка (люцерна).
14. Машъ (особый видъ фасоли).
15. Нахудъ (горохъ)
16. Бурчакъ (горохъ).
17. Тамбаку (табакъ) двухъ видовъ: калячи и суррамакъ.
18. Кунаръ (макъ).
19. Піязъ (лукъ).
20. Лебъ-ляби (свекла).
21. Каду (тыква).
22. Керемъ (капуста).
23. Бадрингъ (хаеренъ, огурцы).
24. Тарракъ (длинные огурцы).
25. Шальгамъ (рѣпа).
26. Калямъ-фуръ (перець стручковый).
27. Сябзи (морковь).
28. Харбузъ (дыни).
29. Тарбуза (арбузы).

Всѣ названныя растенія засѣваются съ начала весны, съ 15-го числа мѣсяца хамаля (апрѣля) по 15-е саура (мая); озимые же бугдай (пшеница) и джау (ячмень) осенью въ продолженіе мѣсяца мизанъ (октября). Изъ этихъ растеній больше всего воздѣлываютъ рисъ. По словамъ Джура-бека и Баба-бека, $\frac{3}{10}$ пашней въ бексгвѣ заняты пшеницей и ячменемъ, $\frac{4}{10}$ подъ рисомъ, и послѣднія $\frac{3}{10}$ подъ прочими растеніями. Въ отношеніи времени посѣва всѣ нерисменованныя статьи земледѣлія подраздѣляются на два рода: *акъ* (бѣлыя), къ коему принадлежатъ растенія, означенныя подъ №№ 1-мъ, 2-мъ, 10-мъ, 11-мъ, 14-мъ и 15-мъ, и *кукъ* (сѣрыя), куда относятся всѣ остальные. Это же подраздѣленіе въ сельско-хозяйственномъ отношеніи показываетъ, что по уборкѣ пашней растеній *акъ* можно въ томъ же году ту же пашню засѣять и растеніемъ *кукъ*.

Сады Шагрисебза, какъ и вообще во всей Средней Азiи, дѣлятся на багъ, чаарбагъ и чакалакъ. Первымъ называются сады, состоящiе изъ одного вида фруктовыхъ деревьевъ, и по преимуществу этимъ словомъ опредѣляются виноградные сады; вторымъ—сады съ деревьями разныхъ фруктовъ; третьимъ же, чакалакъ, называются сады безъ фруктовыхъ деревьевъ, съ однимъ строевымъ лѣсомъ, искусственно разведеннымъ.

Къ разводимымъ въ садахъ Шагрисебза фруктовымъ деревьямъ принадлежатъ: тутъ, алма (яблоки), зардалю (урюкъ), узюмъ (виноградъ), шаптало (персикъ), анаръ (гранаты), напбаты, накъ, мурутъ (разные сорта грушъ), айва, янгакъ (орѣхъ), альвалю, алюча и гилясъ (вишни и черешня), алюча и каралю (сливы), гуралю (сливы крупныя). Строевой лѣсъ, разводимый въ чакалакахъ: тирякъ (тополь), таль (ива), кайрагагъ (вязъ) въ незначительномъ количествѣ.

Въ Шагрисебзскомъ бекствѣ находится два города: Китабъ и Шагрь, и три крѣпости: Урта-курганъ, Шаматанъ, Дахъ-екъ; есть также цитадели при Шагрь и Китабѣ. Всѣ эти крѣпости находятся внутри чима.

Изъ вышеназванныхъ мѣстностей средоточiемъ торговли и дѣятельной жизни можно назвать только два пункта—Китабъ и Шагрь; хотя, кромѣ этихъ городовъ, базары бываютъ въ кып-лакахъ: Джума-базаръ—по пятницамъ, Баба-Ареланъ—по средамъ и Калкама—по воскресеньямъ, но въ этихъ мѣстностяхъ торговля незначительна и удовлетворяетъ только требованiямъ околodka.

Китабъ, по показанiямъ туземцевъ, построенъ около ста двадцати лѣтъ назадъ. Поводомъ къ его основанiю, какъ рассказываютъ, послужили слѣдующiя обстоятельства: Во время Бухарскаго правителя Рахимъ-Кули-хана, въ восьми верстахъ выше настоящаго Китаба къ в., находилась крѣпостца Шамбъ, владѣтелемъ коей былъ Кулдубай. По смерти Рахимъ-Кули-хана, сынъ правителя Шагрисебза Ниязъ Али-бека, Мухаммедъ

Али-бекъ, завладѣвъ этою крѣпостцой, разрушилъ ее, а жителей переселилъ на мѣстность, нынѣ занимаемую Китабомъ. Наслѣдники Бивъ-Назаръ-бека сдѣлали Китабъ второю столицей бекства. Китабъ преимущественно населенъ Таджикими. По величинѣ и торговлѣ своей онъ уступаетъ своему собрату Шагру. Вмѣстѣ съ населеніемъ въ немъ открылся и базаръ, который нынѣ бываетъ два раза въ недѣлю: по субботамъ и вторникамъ.

Городъ раздѣляется на 51 гузаръ (приходъ, кварталъ), а именно:

Аиранча.	Мирзадай.
Тахчи.	Патча-Насыръ.
Мильдикъ сазы.	Халифэ-Махмедъ.
Карабойги.	Юсуфъ.
Чармгяри.	Абсамадъ-Мурахуръ.
Коканди.	Аманъ-Сарай.
Кошъ-арыкъ.	Лякляканъ.
Ходжа-Бухари.	Бахадуръ-бій.
Шаха-брюкъ.	Дустіяхчи.
Мула-Гульахунъ.	Пахаль.
Ходжи-Бахра.	Аргукъ-Алафъ.
Котарма.	Таилакъ.
Мулла-деревшъ-ахунъ.	Джангаликъ.
Да-Мулла-Юмеръ-джанъ.	Читгари.
Втиушлюкъ.	Ходжа-рушнаи.
Саманбазари.	Раватакъ.
Сарибазаръ.	Етинуйлюкъ.
Люли-хана.	Уста-пиръ.
Мингляръ.	Шауки.
Шипабать.	Шейтанъ.
Кимухъ-яри.	Маддаханъ.
Заргярликъ.	Гауханэ.
Саллаханъ.	Тахти-Деричэ.

Алимджанъ.

Ніязъ-Диванъ-бега.

Хамифэ-Имъ-Махмедъ

Михчалари.

Ишани-Алямъ.

Во всѣхъ этихъ приходахъ до 3700 домовъ. Если положить по пяти душъ на домъ, то населеніе Китаба будетъ состоять изъ 18,500 душъ. Каждый изъ приходовъ имѣетъ по одной мечети со школой.

Кромѣ этого, въ городѣ находится нѣсколько биби-халифэ ¹⁾, три медресы, нѣсколько мечетей — намази-джума (соборныхъ мечетей ²⁾, три караванъ-сарая и 1 частная баня.

Городъ Китабъ независимо отъ цидатели обнесенъ стѣной, въ которой семь воротъ: Раватакъ, Карапайча, Гауханъ, Хаджарумнаи, Джангаль, Люлиханэ и Кунчикаръ.

Шагръ, по преданію жителей, заселился въ X столѣтіи. Населенный Таджиками, онъ въ то время назывался Кешомъ. Въ царствованіе эмира Тимура Гурекана, родившагося въ этой небольшой деревушкѣ, Кешъ выступилъ на политическую арену и долгое время послѣ него былъ столицей Узбекскихъ государей изъ дома Чингизъ-хана ³⁾. Я не буду останавливаться въ этой запискѣ на политическомъ значеніи Кеша и на рассказѣ о дальнейшей исторіи его, а ограничусь лишь тѣмъ, что видѣлъ самъ и что слышалъ о странѣ въ бытность мою въ ней по занятіи ея нашими войсками.

Шагръ—важный торговый городъ. Онъ имѣетъ множество базаровъ для оптовой торговли. Подобно Самарканду посреди торговыхъ рядовъ на площади стоитъ башня, называемая Чарсу и построенная Бибъ-Назаръ-бекомъ. Базары бывають здѣсь

¹⁾ Этимъ именемъ называютъ женщинъ, занимающихся у себя на дому обученіемъ дѣвушекъ.

²⁾ Кромѣ этихъ мечетей, въ обширныхъ садахъ Китаба и Шагра устроены мечети для молитвы въ годовые праздники: курбанъ-байрамъ, рамазанъ. Эти мечети народной молитвы называются намазга.

³⁾ По всей вероятности, авторъ увлекся хвастовствомъ мѣстныхъ жителей, потому что, сколько извѣстно, Шагръ никогда не былъ столицею Узбекскихъ хановъ.

Н. В.

два раза въ недѣлю, по понедѣльникамъ и четвергамъ. Городъ раздѣляется на 14 гузаровъ (приходовъ):

Куляли.	Сери Базаръ.
Ходжа.	Муминъ дикризи.
Хаузи Марданъ.	Кази.
Сарасія.	Кошъ ханэ.
Джуи Халтакъ.	Чакаръ.
Кунчиваръ.	Чаримгарь.
Теги Акъ Сарай.	Китабъ.

Во всѣхъ этихъ приходахъ до 4000 домовъ; полагая по пяти душъ на домъ, получимъ 20,000 жителей. Въ приходахъ считаютъ до 64 мечетей обыкновенныхъ и нѣсколько мечетей соборныхъ, 6 медресэ, изъ коихъ самая древняя построена 90 лѣтъ назадъ Биеъ-Назаръ-бекомъ, 2 бани, составлявшія собственность Баба-бека, 7 караванъ сараевъ, нѣсколько мельницъ и толчей. Почти при каждой мечети имѣется по школѣ, и въ каждомъ приходѣ по одной биби-халифэ. Городъ обнесень независимо отъ чима стѣной, имѣющею 5 воротъ: Купчикаръ, Чаримгаръ, Кушъ-ханэ, Калмакъ и Аркъ.

Въ цитадели, построенной, по преданію жителей, Тимуромъ, находятся остатки бывшего дворца Тимура Акъ-Сарая, основаннаго будто бы на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ родился грозный повелитель мусульманскаго міра въ XIV столѣтіи. Нынѣ отъ этого дворца уцѣлѣли только два боковые устоя главнаго фасада къ сѣверу. Замокъ арки разрушенъ. По рассказамъ, этотъ послѣдній ударъ зданію нанесъ Абдулла-ханъ бухарскій во время своего похода на Шагрисебъ. Поводомъ для того было, какъ говорятъ, слѣдующее обстоятельство: По Чиракчинской дорогѣ остатки Акъ-Сарая, вслѣдствіе ровной степной мѣстности, были видимы далеко отъ Шагра, за нѣсколько десятковъ верстъ. На пути къ городу, Абдулла еще издали замѣтилъ Акъ-Сарай, и думая, что это очень близко, оставилъ свои войска медленно подвигаться къ городу, а самъ съ однимъ стремяннымъ ша-

тырѣ» поѣхалъ къ Шагру. Послѣдній едва прошелъ половину дороги за своимъ повелителемъ: онъ умеръ отъ усталости на дорогѣ. Раздосадованный кажущеюся близостью города, Абдулла-ханъ, по занятіи города, велѣлъ разрушить куполь и арку зданія.

На сколько правды въ разсказѣ, не знаю, но надо замѣтить, что еще и нынѣ, спускаясь съ горъ на с.-в. сторонѣ по Джамской дорогѣ въ котловину, вдали на свѣтломъ горизонтѣ можно видѣть два пирамидообразные устоя Акъ-сарая. Эти остатки заключены во вновь возведенныхъ отцомъ Баба-бека постройкахъ дворца. Они находятся на главномъ дворѣ, противъ дверей, ведущихъ въ приемные покои бека. Между этими остатками нынѣ устроены ворота съ навѣсомъ, ведущіе во второй дворъ, на которомъ расположены конюшни бека. Лицевая сторона фасада остатковъ (устоевъ), выходящая на главный дворъ, покрыта израсцовыми украшеніями изъ повторяющихся надписей религіознаго содержанія. Между пестротой израсцовыхъ отдѣлокъ однихъ и тѣхъ же надписей по стѣнамъ уцѣлѣли квадратные овальные и круглые глазурованные медаліоны, по синему фону которыхъ, мѣстами почеркомъ кувическимъ, мѣстами почеркомъ сульсь, тянутся изрѣченія изъ корана, преданій, а иногда персидскіе стихи.

Сохранившіеся устои, какъ сказано выше, составляли лицевой фасадъ и служили основаніемъ для главной арки. По щекамъ этой ниши, подъ замкомъ, широкою каймой шла надпись бѣлыми буквами по синему фону почеркомъ сульсь, а надъ нею другой рядъ, меньше, желтою глазурью кувическая надпись. Уцѣлѣли только начало и конецъ персидскихъ стиховъ. По переднему фасаду сверху внизъ на обоихъ устояхъ мѣстами сохранились части двухъ параллельныхъ надписей на арабскомъ языкѣ. Надписи эти также неполны; одна изъ нихъ начиналась съ восточнаго фасада и оканчивалась на западномъ, а другая шла обратно. Средина ихъ шла по парапету, но его нынѣ не существуетъ. На фасадѣ

восточнаго устоя на одной изъ указанныхъ надписей въ послѣднемъ стихѣ сохранился годъ постройки Акъ-сарая, 797 г. гиджиры (1385 г.). Зданіе это, какъ говоритъ надпись, построено Тимуромъ на мѣстѣ рожденія его. Какой величины былъ дворець, и дѣйствительно ли былъ дворець, а не мечеть какая-нибудь, по настоящимъ остаткамъ судить нѣтъ никакой возможности. Я обходилъ остатки со всѣхъ сторонъ, переходилъ по всѣмъ примыкающимъ крышамъ и дворамъ въ надеждѣ найти хотя какіе-нибудь признаки площади зданія, но ничего не отыскалъ: потомство постаралось уничтожить всѣ слѣды, занявъ мѣсто глиняными постройками современной архитектуры. Народная молва говоритъ, что Акъ-сарай былъ дворцомъ Тимура, и въ меньшемъ видѣ, модель его находится въ Самаркандѣ. Въ этомъ городѣ Акъ-сарай, осмотрѣнный и описанный мною для предполагаемаго изданія «Описаніе Самаркандскихъ древностей», представляетъ не дворець, а мавзолей надъ могилою одной изъ дочерей Тимура. Въ настоящее время зданіе Акъ-сарая въ Самаркандѣ представляетъ такой же жалкій видъ, какъ и въ Шагрѣ: населеніе примкнуло своими постройками къ остаткамъ, которые, надо сказать, сохранились больше чѣмъ въ Шагрѣ (въ зданіи уцѣлѣлъ весь куполь, главный корпусъ; нѣтъ только изразцовой отдѣлки и боковыхъ строеній). Жители незамѣтно ремонтируютъ свои уродливые дома кирпичемъ изъ разваливъ. По разсказамъ туземцевъ, Акъ-сарай строился не при Тимурѣ: онъ заложилъ при себѣ только фундаментъ, а затѣмъ, передавъ наблюдение за постройкой сыну своему, Шахъ-Роху, пошелъ войной въ Персію.

Кромѣ остатковъ Акъ-сарая, въ Шагрѣ есть еще четыре зданія временъ Тимура, хотя и сохранившія форму постройки, но потерявшія почти всю внѣшнюю изразцовую облицовку; только мѣстами кое-гдѣ проглядываютъ голубые, синіе, зеленые изразцы, составлявшіе когда-то начало надписи, сложенной шашками. Потомство и здѣсь наложило свои руны:

ремонтируя зданіе, оно перемазало почти всѣ слѣды изразцовой отдѣлки алебастромъ, а къ нѣкоторымъ зданіямъ придѣлало и свои постройки. Я говорю о четырехъ полусохранившихся мавзолеяхъ: Кокъ-гумбезъ, Гумбез-и-сеиданъ, Маркади (гробница) шейхъ Шамсъ-ед-Дивъ и Хазрети-имамъ. Всѣ эти зданія находятся близко другъ отъ друга. Первые три стоятъ на одномъ дворѣ, а послѣднее черезъ улицу. Кокъ-гумбезъ выходитъ на улицу къ западу и имѣетъ четырехугольную форму, съ восточной стороны 25 шаговъ, съ южной 33. Въ зданіи одна комната съ уцѣлѣвшимъ куполомъ и четыре глухія стрѣльчатыя ниши образуютъ внутри, подъ куполомъ, квадратную площадь въ 12 шаговъ съ каждой стороны. По переднему фасаду (со двора), и внѣшнимъ стѣнкамъ купола сохранились арабскія надписи, изрѣченія изъ корана и преданія; мѣстами слова: Богъ, Мухаммедъ, милосердный, и т. д. Изрѣченія изъ корана и преданій написаны почеркомъ сульсъ бѣлою глазурью по синему фону, а отдѣльныя слова сложены изъ глазурированныхъ кирпичей въ формѣ геометрическихъ фигуръ куфическимъ почеркомъ. Внутренность зданія стоитъ пустая. Въ западной стѣнѣ находится михрабъ, ниша, въ которой становится имамъ во время молитвы. Входныя двери со двора въ восточной стѣнѣ зданія. По главному фасаду надъ нишей, черезъ которую идетъ дверь въ мечеть, уцѣлѣла мѣстами изразцовая надпись почеркомъ сульсъ. Изъ нея видно, что это зданіе построено по повелѣнію султана Шахъ-Роха Гурекана въ 839 г. гиджиры (1435 г.) Въ аркахъ съ с. и ю. стороны подъ замкомъ небольшіе слѣды оконъ. По преданію, это зданіе, построенное Шахъ-Рохомъ, было при немъ соборною мечетью. Второе зданіе на восточной сторонѣ двора, называемое Гумбези-сеиданъ (сеидовъ), одинаковой формы съ первымъ зданіемъ, но меньше его величиной; на немъ сохранилось очень мало надписей. Онѣ состоятъ изъ отдѣльныхъ, нѣсколько разъ повторяющихся арабскихъ словъ, какъ-то: «Премудрость Божія», «Всевышній», и

т. п., сложенныхъ пашками изъ глазурованныхъ кирпичей синяго и голубаго цвѣта. Внутри находятся четыре могилы съ надгробными камнями. На трехъ изъ нихъ уцѣлѣли надписи. Одна принадлежитъ эмиру Абуль-Муанию, умершему въ 859 году гиджиры (1454 г.), другая Мухаммедъ-сеиду, третья Магфуръ-хану, сыну Абуль-Муанія, умершему въ 950 г. гиджиры (1543 г.). На четвертой могилѣ нѣтъ надписи. Эта могила, говорятъ, принадлежитъ отцу эмира Тимура. Надгробные камни сдѣланы изъ темносѣраго мрамора, добываемаго какъ говорятъ, въ Шагрисебаскихъ владѣніяхъ. Надписи писаны почеркомъ сульсъ.

Третье зданіе—небольшой мавзолей. Онъ стоитъ рядомъ со вторымъ и построенъ надъ могилой шейха Шемсъ-ед-Дина, годъ смерти котораго неизвѣстенъ.

Гумбесъ (мавзолей) надъ могилой Хазрета-имама, сохранившій только одну форму съ небольшими слѣдами изразцовой внѣшней отдѣлки, построенъ, по показаніямъ однихъ, Кызыль-Арсланъ ханомъ; другіе же говорятъ, что Тимуромъ. Надписей, по которымъ можно было бы опредѣлить годъ постройки, не сохранилось. Внутри гумбеца стоитъ большое возвышеніе, сложенное изъ кирпичей и оштукатуренное. По словамъ туземцевъ здѣсь погребенъ Хазретъ-имамъ.

Существующія надписи находятся на дверяхъ и по стѣнкамъ сваружи. На послѣднихъ онѣ сохранились мѣстами. Они написаны куфическими буквами, сложенными изъ глазурованныхъ изразцовъ. Баба-бекъ пристроилъ къ этому мавзолею медресу съ мечетью, въ которую ежедневно стекается очень много народа на молитву.

Управленіемъ бекства завѣдуютъ аксакалы, серкеры, казіи, рейсы, мирабы и миршабы подъ личнымъ наблюденіемъ самаго бека. Каждый кышлакъ имѣетъ своего аксакала, который представляетъ собою, какъ полицейскую власть, такъ и сборщика податей. Надъ нѣсколькими кышлаками полагается одинъ серкеръ, главный сборщикъ податей. Въ Китабѣ было при Джу-

ра-беѣ 6 серкеровъ: 1 въ Ахчабуга, 1 въ Пстаханѣ, 1 въ Джаускомъ ущельи, 1 въ Баширскомъ, 1 въ кышлакѣ Гарау, 1 въ Карангы-мейданѣ. Послѣдніе два собирали также подати въ сѣверной части бекства.

Въ Шагрѣ было 9 серкеровъ: 1 въ ущельи Ташъ-вопрюкъ, 1 въ Тенхасѣ, 2 въ западной части бекства, 1 въ Дахъ-жѣ, 1 въ Урта-Курганѣ, 1 въ Занги, 1 въ Шаматанѣ, 1 въ Янги-Курганѣ; при каждомъ серверѣ состояло 10 мирабовъ (смотрителей за арыками).

Судебная власть находится въ рукахъ казіевъ. Въ Китабѣ и Шагрѣ по 5 казіевъ, они же муфтіи. Казіи эти по преимуществу живутъ въ тѣхъ же кышлакахъ, гдѣ и серкеры. Въ Шагрѣ и Китабѣ по одному казы-келян, рейсу и миршабу¹⁾.

Всѣ перечисленныя должностныя лица, кромѣ серкера, содержатся на счетъ общества. Мирабъ получаетъ $\frac{1}{2}$ тенги (10 к.) съ дома въ продолженіе года службы; мирабъ и рейсъ получаютъ вознагражденіе съ виновныхъ послѣ наказанія ихъ, 5—6 тенегъ. Казы получаютъ съ тарекана за раздѣленіе между наслѣдниками имущества послѣ умершаго: съ 40 тенегъ 1 тенгу. За совершеніе свадебныхъ обрядовъ они получаютъ съ дѣвушекъ 10 тенегъ, съ вдовы — 5 тенегъ, и за приложеніе печати къ торговымъ и вакуфнымъ документамъ, отъ 2 — 5 тенегъ.

Шагрисебзское бекство, главнымъ образомъ, ведетъ свою торговлю съ Бухарой и Самаркандомъ, на базарахъ которыхъ оно сбываетъ: бринчъ (рисъ) въ большомъ количествѣ, алачу, табакъ, фрукты, хлѣбъ въ зернѣ, ячмень, шолкъ сырецъ, шаль-матерію изъ овечьей шерсти, приготовляемую вочевниками для чекменей. Въ замѣнъ же привозятъ (по преимуществу изъ Бухары) мануфактурныя, москательныя, жѣлѣзныя и вообще всѣ

¹⁾ Миршабъ буквально — правитель почты, ночной полиціймистеръ, наблюдаетъ за общественнымъ порядкомъ ночью.

произведенія, называемыя въ Бухарѣ и Самаркандѣ *кала* ¹⁾. Вывозъ изъ Самарканда весьма ограниченный.

Всѣ земли въ бекствахъ въ отношеніи повинностей подраздѣляются на *аби* (орошаемыя водой) и *кунакау*, то же, что *лялми* (орошаемая небесною водой). По праву владѣнія земли раздѣляются на мильки, хуръ и халисъ; милькъ халисъ — земли обѣленныхъ, милькъ хуръ — земли, находящіяся въ пользованіи, и земли вакуфныя, то-есть, завѣщанныя.

Подати взимаются: хераджъ, танапъ и зякетъ. Первый съ земель аби взимается натурой (съ растений акъ $\frac{1}{4}$ часть сбора, съ кукъ $\frac{1}{3}$ ч.), съ земель лялми (кунакау) натурой $\frac{1}{4}$ часть сбора, съ танапа 6 тенегъ ²⁾, безотносительно къ сбору, съ виноградниковъ $\frac{1}{2}$ тилли. Зякетъ брался только со скота, и то съ овецъ: со 100 головъ 14 бухарскихъ тенегъ. Съ товаровъ, привозимыхъ въ бекство изъ-за границы, зякегу не бралось. Во время похода Джура-бека къ Самарканду былъ экстренный налогъ съ кушцовъ, называвшійся байшули. Взыскано было отъ 1 до 3 тиллей съ торговой суммы.

До Джура-бека при бекахъ изъ рода Ачаймайли существовала подушная плата *салмы*, отъ 2 до 6 тенегъ.

Натурой бралась подать съ произведеній, разводимыхъ на открытыхъ поляхъ; денежная, танапная, бралась съ тѣхъ произведеній, которыя разводились на поляхъ, обнесенныхъ стѣной. Вообще хараджными землями считаются открытыя пашни, танапныя же поля суть окруженныя стѣной. Подати взя-мались въ изложенномъ размѣрѣ только съ правовѣрныхъ мусульманъ, владѣющихъ участками земель, съ невѣрныхъ же, какъ-то: Евреевъ, Индѣйцевъ и др., въ бекствѣ взималась подать джезіэ (поголовная); каждые 3 мѣсяца съ богатыхъ взималось 50 тенегъ, съ бѣдныхъ 12. Джезіэ не бралось только

¹⁾ Мали кала называютъ всѣ товары, привозимые изъ Россіи.

²⁾ Шагрисбскій танапъ одной мѣры съ таковымъ же въ Бухарѣ и Самаркандѣ. Каждая сторона танапной площади имѣетъ 60 газовъ.

съ женщинъ и дѣтей моложе 9 лѣтъ, съ этого же возраста всѣ должны платить.

Кромѣ перечисленныхъ податей въ каждомъ бекствѣ есть натуральная повинность, называемая *курганъ-мардикаръ*. Въ каждомъ бекствѣ нѣсколько кышлаковъ, по заведенному съ древнихъ временъ порядку, два раза въ годъ, весной и осенью, обязаны, смотря по величинѣ населенія, высылать отъ 5 до 20 рабочихъ въ цитадель и ко двору для имѣющихся работъ. За время нахождения на работахъ эти черно-работчіе не получаютъ никакой платы и обязаны кормиться на свой счетъ. Каждая партія рабочихъ смѣняется ежедневно. Въ случаѣ неприхода изъ кышлака опредѣленнаго обычая числа рабочихъ, бекомъ взыскивалось съ не явившихся на работы по двѣ тенги. Эти деньги назывались *дакы-пуми*. Дорожная повинность лежала на кышлакахъ, находящихся по дорогѣ и близъ нея.

Во время правленія Джура-бека онъ получалъ ежедневно съ Китабскихъ земель натуральной подати 10,000 батмаповъ гандумъ (зерна), а танапной и зякетной подати — 60,000 бухарскихъ тенегъ.

То же самое приходилось и на долю Баба-бека съ владѣній Шагра.

На счетъ этихъ доходовъ они содержали свой дворъ войска, серкеровъ и поддерживали въ исправности арыки.

Войска у Джура-бека состояли изъ одной кавалеріи и артиллеріи, а у Баба-бека, кромѣ кавалеріи и артиллеріи, имѣлось до 600 человекъ пѣхоты.

Всѣ они набирались по добровольному желанію. Оружіе изготовлялось мѣстными мастерами. Пушки отливались въ Китабѣ и Шагрѣ подъ руководствомъ Афганца Рахматуллы, переселившагося сюда послѣ похода Достъ-Мухаммеда на Балхъ. Послѣднее время за смертію Рахматуллы литейщиками были его ученики изъ жителей Китаба. Въ годъ отливалось одна, двѣ, три пушки.

Мѣрой вѣсовъ въ бекствѣ служить, для сыпучихъ и жидкихъ вещей, шагрисебзскій *манъ* (сокращенное отъ слова батманъ).

Большой батманъ	16 дунимъ сирь.
Дунимъ сирь	4 чайрика.
Чайрикъ	8 нимча.
Нимча	2 эсракъ.
Эсракъ	2 гарывака.

Для измѣреній матеріи и т. п. служить *кары*.

Кары	2 куляча (2 обхвата).
$\frac{1}{2}$ кары	1 куляча (обхватъ).
$\frac{1}{2}$ куляча	1 гязъ.
$\frac{1}{2}$ гяза	ловоть.

Для разстояній общая мѣра съ Бухарой *семъз*, то же, что персидское фарсангъ. Золото и благородные металлы имѣютъ мѣру для вѣса, общую съ существующею въ Самаркандѣ и Бухарѣ. Металлическою монетою со времени Рахимъ-Кули-хаана въ Шагрисебзѣ считалась каратенга, цѣнностью въ 16 пуль (чокъ). Она чеканилась изъ красной мѣди. Чоки появились въ бекствѣ изъ Бухары. Шагрисебзская мѣдная монета на одной сторонѣ имѣла общій мусульманскій девизъ: «нѣтъ Бога кромѣ Бога и его пророка Мухаммеда», на другой—имя государя, при которомъ чеканилась монета. При нѣкоторыхъ беквахъ вмѣсто имени чеканили годъ и мѣсто чекана. Монета выбивалась изъ кованной мѣди штампомъ.

Шагрисебзская мѣдная монета перестала чеканиться лѣтъ ужъ 30. Джура-бекъ и Баба-бекъ чеканили изъ желтой мѣди чоки, и то только въ прошломъ году. Чеканка монеты у нихъ была отдана на аренду. На обѣихъ сторонахъ выбивалось при нихъ «чеканено въ Бухарѣ».

Бекство Шагрисебзское не имѣетъ никакихъ рудъ, всѣ металлы привозятся изъ Бухары, отсюда же идетъ серебрянная и золотая монета.

Историческія свѣдѣнія туземцевъ Шагрисебза начинаются отъ Рахимъ-кули-хапа, до этого же времени свѣдѣнія у нихъ весьма сбивчивы.

Оставляя до болѣе свободнаго времени очеркъ исторіи Шагрисебзскаго бекства по мусульманскимъ рукописямъ, представляю бѣглый очеркъ исторіи страны, составленный мною со словъ туземцевъ.

Шагрисебзскія владѣнія, находясь отъ времени до времени въ вассальномъ отношеніи къ Бухарѣ, ведутъ свою исторію въ связи съ исторіей Бухарскаго ханства. По рассказамъ туземцевъ, узбекскія общества Мангытъ, Кенигесъ, Мингъ и Кыркъ-Юзъ, вмѣстѣ съ другими, перейдя Сыр-Дарью въ XIII столѣтіи, заняли: Мангытъ—Чирахчи, Карши и вообще все вышшее Бухарское ханство, Кенигесъ—Шагрисебзское бекство, Мингъ—Ургутское, и Кыркъ-Юзъ—Уратюбинское ¹⁾. Мангытское общество, считая себя старшимъ въ родѣ, вело войны съ остальными родами, имѣвшими своихъ бековъ и не признававшими этого старшинства. Войны эти велись и ведутся съ перваго движенія тюркскихъ родовъ въ эти мѣстности ²⁾.

Къ этой распрѣ съ Кенигесами еще присоединилась и зависть за то, что имъ принадлежитъ въ долину лучшая полоса по плодородію.

Съ какого времени ведутся эти войны, какія сопровождали ихъ обстоятельства, туземцы не знаютъ. Устная исторія Шагрисебза начинается съ царствованія въ Бухарѣ Абуль-Фейзъ-хапа (1705—1747 гг.). Современникомъ этому хану въ бекствѣ былъ Махмедъ-Юсуфъ-хакъ изъ рода Ачамили.

Со смерти Абуль-Фейзъ-Хапа, умершаго насильственной смертію, Бухарское ханство номинально перешло къ его на-

¹⁾ По достовѣрной же исторіи ничего подобнаго въ XIII столѣтіи не было. Узбекскій союзъ образовался только въ XV столѣтіи, а занятіе упомянутыхъ странъ совершилось только въ XVI. И. В.

²⁾ Трудно понять, что тутъ хочетъ сказать авторъ. И. В.

долѣтвому сыну Абдуль-Муминъ-Хану (1747—1754 гг.), подѣ регентствомъ Махмедь-Рахимъ-Кули бека, получившаго титулъ аталыка (дядьки).

Послѣ управления страной около года Рахимъ-Кули-бекъ, умертвилъ Абдуль-Мумина и самъ принялъ титулъ хана ¹⁾. Зависть къ богатой природѣ Шагрисебза давно возбуждала въ Рахимъ-Кули ханѣ желаніе присоединить его къ своимъ владѣніямъ; но открытою войной этого нельзя было достигнуть, такъ какъ Шагрисебзъ упорно отстаивалъ свою независимость: поэтому Рахимъ-Кули-ханъ, подѣ предлогомъ устройства пира въ Бухарѣ, пригласилъ къ себѣ Махмедь-Юсуфъ-хана повеселиться и заключить прочную дружбу. Во время праздника Шагрисабзскій бекъ вмѣстѣ со свитой былъ арестованъ, а на мѣсто его поставленъ правитель изъ Бухары. Пять лѣтъ бекство находилось подѣ властію Бухары.

Хотя по смерти Рахимъ-Кули-хана на бухарскій престолъ и вступилъ Абуль-Газы, потомокъ Чингизова рода, но онъ всю власть передалъ своему первому министру Даніяль-аталыку. Пользуясь полударствіемъ и неурядицей, Шагрисабзскій бекъ Назаръ-бекъ, изъ рода Кайрасанли, привезенный въ Бухару вмѣстѣ съ Махмедь-Юсуфъ-ханомъ, убѣждалъ въ Шагрисебзъ, и при помощи своихъ сородичей, отдѣлился отъ Бухары.

По смерти Даніяль-аталыка, въ управление ханствомъ вступилъ Ша-Мурадъ-ханъ. Два года онъ признавалъ надѣ собою власть Абуль-Газы, а потомъ потребовалъ отъ него формальнаго отреченія отъ управления. Въ это время Ниязъ-Али, выбранный за смертію своего отца Бекъ-Назаръ-бека, шагрисабзскимъ правителемъ, свое вступленіе въ управление ознаменовалъ тѣмъ, что выгналъ всѣхъ Бухарцевъ изъ Шамбѣ, единственной занятой Бухарцами крѣпости, находившейся въ

¹⁾ Послѣ Абдуль-Мумина, сына Абуль-Фейзова, Рахимъ-аталыкъ возвелъ на престолъ еще хана, Убейдъ-Уллу, и уже послѣ смерти послѣдняго объявилъ себя ханомъ.

котловинѣ, и разрушилъ эту крѣпость до основанія, а жителей переселилъ въ другія мѣстности.

Ша - Мурадъ, опасаясь, чтобы Шагрисебзцы за этимъ успѣхомъ не вторглись въ Бухарскія владѣнія, пошелъ съ войсками на Ніязь-Алія и принудилъ его заплатить за дерзость громаднымъ тартукомъ ¹⁾.

Со смертію Ша-Мурада, при сыпѣ его эмирѣ Хайдарѣ, за оказанныя Данияръ-валааимѣ, сыномъ Ніязь Алія, услуги Бухарѣ въ войнѣ съ Коканомъ, эмиръ Хайдаръ отдалъ ему въ милковое владѣніе Шагрисебзское бекство. Данияръ-валаами, утвердившись въ Шагрѣ, посадилъ бекомъ въ Китабъ брата своего, Махмедъ-Садька, который черезъ два года умеръ, и Китабъ вновь перешелъ къ Данияру. При этомъ правителѣ Шагрисебзъ находился постоянно въ дружественныхъ отношеніяхъ къ Бухарѣ, хотя со смертію эмира Хайдара, въ теченіе двухъ лѣтъ, въ Бухарѣ перемѣнились ханы миръ Хуссейнъ (царствовалъ 75 дней) и Омаръ ханъ (царствовалъ около года) и ихъ мѣсто занялъ эмиръ Насрулла ²⁾. Со смертію же Данияръ-валаамія Шагрисебзское бекство перешло къ его сыновьямъ — Баба-датхѣ, который былъ бекомъ въ Китабѣ, и Ходжа Кули, беку въ Шагрѣ, и объявило себя независимымъ. Вслѣдствіе того не прошло года, какъ неприязненные отношенія со стороны Бухары опять возобновились.

Поводомъ къ первому столкновенію, кромѣ прежде накопившихся причинъ было еще то, что Ходжа Кули отказалъ требованію эмира Насруллы выдать за него свою родственницу, бывшую замужемъ за Мухаммедъ Яромъ.

¹⁾ Тартукъ—подарки, откупъ, посылаемый однимъ правителемъ другому. Тартукъ составляетъ изъ денежной послылки, а также лошадей, платья и т. п. вещей.

²⁾ Миръ Хайдеръ умеръ 6-го октября 1826 года; миръ Хуссейнъ царствовалъ съ 6-го октября по 19-е декабря того же года, а Омаръ-ханъ съ 19-го декабря 1826 г. по 24-е апрѣля 1827 года, когда воцарился Насръ-Улла. Слѣдовательно, отъ смерти, миръ Хандера, до вступленія на престолъ Насръ-Уллы прошло не два года, а всего 7 мѣсяцевъ и 18 дней.

Послѣ довольно продолжительной войны (28 лѣтъ) эмиру удалось наконецъ взять Китабъ и арестовать царствовавшаго бека Искандера-валаамія, наследовавшаго во время войны вмѣстѣ съ дядей Баба-датхой ¹⁾ бекство отъ Амурь-кули бека, сына Хаджа-кули.

Назначивъ въ шагрисебзскіе города бековъ изъ Мангытовъ, въ Шагрь Абдухалика, а въ Китабъ Алаярь-бека, эмиръ Насрулла женился на сестрѣ Искандера-валаамія, которому отдалъ въ пожизненное владѣніе Каракульскій тюмень.

Со смертію Абдухалика Алаярь былъ переведенъ въ Шагрь, а на его мѣсто назначенъ Хамидь-бекъ. Послѣднему недолго пришлось прожить въ Шагрь. Черезъ восемь мѣсяцевъ онъ былъ вызванъ въ Бухару, а на его мѣсто назначенъ Фейзи бекъ. При этихъ правителяхъ умеръ эмиръ Насрулла. Наслѣдникъ его, эмиръ Музаферъ, вступивъ въ управленіе ханствомъ, перемѣнилъ шагрисебзскихъ бековъ. Алаярь бекъ былъ назначенъ правителемъ Самарканда, а Фейзи вызванъ въ Бухару. Мѣста ихъ заступили: въ Китабъ Закирь-бекъ, а въ Шахрѣ Амурь-бекъ.

Вновь назначенные беки начали злоупотреблять предоставленною имъ властью. Разоренный народъ сталъ роптать. Вмѣсто того, чтобъ отвратить бѣдствія, беки представляли эмиру жалобы народа въ видѣ бунта. Эмиръ Музаферъ приказалъ выслать подъ благовиднымъ предлогомъ коноводовъ въ Самаркандъ.

Вслѣдствіе того въ Китабѣ были арестованы Джура-бекъ и нѣсколько другихъ знатныхъ людей. Когда эта вѣсть пришла въ Шагрь, народъ, опасаясь подобныхъ же арестовъ, возсталъ.

Подъ предводительствомъ Хакимъ-бека изъ рода Ачамайли, (отецъ Баба-бека) они ворвались въ цитадель Шагра, перебили всю бухарскую стражу и арестовали бека. Окончивъ въ Шагрь,

¹⁾ Баба-датха умеръ во время осады Китаба, процарствовавъ всего два года.

они пошли въ Китабъ, освободили Джура-бека и арестованныхъ съ нимъ лицъ. Здѣсь такъ же, какъ въ Шагрѣ, перебили всѣхъ бухарцевъ и арестовали бека.

Уничтоживъ такимъ образомъ слѣды бухарской власти, народъ избралъ беками въ Шагрѣ Хакимъ-бека, а въ Китабѣ Джура-бека; послѣдній, по требованію одной партіи Узбековъ, черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ выбора долженъ былъ уступить власть родственнику своему Кабуль-беку, которому однако пришлось недолго царствовать. Онъ оказался неспособнымъ правителемъ, и народъ вмѣстѣ съ войскомъ принудили его возвратить власть Джура-беку. Эмиръ Музаферъ по полученіи извѣстія о происшедшихъ переменѣхъ въ Шагрисебзѣ, немедленно пошелъ съ войсками усмирять возставшихъ бековъ. Около двухъ мѣсяцевъ осаждалъ онъ попеременно то Шагръ, то Китабъ, но ни одного не могъ взять ¹⁾. Истощивъ свои силы, обѣ стороны заключили миръ на условіяхъ выдачи плѣнныхъ.

Этимъ договоромъ однако непріязненныя отношенія Бухары къ Шагрисебзу не прекратились. Бухарскій эмиръ неоднократно подымался войной противъ Шагрисебза, но постоянно неудачно. Исторія этихъ походовъ довольно подробно извѣстна; поэтому я и не привожу о ней никакихъ извѣстій.

1870 годъ.

¹⁾ Вся оборона Шагрисебзцевъ отъ бухарскаго войска заключалась, главнымъ образомъ, въ томъ, что они выпускали воду на поля и заливали свою котловину. Хотя такой способъ обороны и приносилъ осажденнымъ большой вредъ, но страна, все таки, дѣлалась неприступною, и непріятель долженъ былъ удалиться ни съ чѣмъ. Этимъ, какъ нельзя лучше, и объясняется непрерывный рядъ походовъ Насръ-Уллы въ Шагрисебзъ; и взялъ Насръ-Улла это бекство исключительно своею пастойчивостью, такъ какъ жители, производя у себя искусственное наводненіе, доведены были до крайности въ матеріальномъ отношеніи. (См. Записки мирзы Шемза Бухари, изд. В. В. Григорьевымъ. Казань, 1861).

Н. В.

ПОВѢРЬЯ И ПРИМѢТЫ
КАЗАНСКИХЪ ТАТАРЪ.

Digitized by Google

ПОВѢРЬЯ И ОБРЯДЫ КАЗАНСКИХЪ ТАТАРЪ,

ОБРАЗОВАВШИЕСЯ МИМО ВЛІЯНІЯ НА ЖИЗНЬ ИХЪ СУННИТСКАГО МАГОМЕТАНСТВА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Статья г. Насырова о повѣрьяхъ и обрядахъ Казанскихъ Татаръ есть, сколько извѣстно мнѣ, первый опытъ изложенія прежнихъ религіозныхъ вѣрованій Татаръ, на сколько сохранились они доселѣ въ тѣхъ отдѣлахъ этого племени, которые приняли исламъ. О язычествѣ Мордвы, Чувашей и другихъ финно-тюркскихъ аборигеновъ Европейской Россіи собрано и отчасти издано уже до сихъ поръ довольно много; но никто еще до г. Насырова не подумалъ приподнять покрывало ислама собственно съ того племени, которое само себя, во всей восточной Россіи, зоветъ Ногайцами, а между нами, Русскими, извѣстно подъ именемъ Татаръ, и подсмотрѣть что у нихъ, подъ корою магометанства, сохраняется еще изъ слѣдовъ древняго шаманизма. Изслѣдованія такого рода необходимы между тѣмъ и обѣщаютъ значительную ученую добычу. Такого наблюдателя изъ Татаръ-магометанъ, какимъ является въ трудѣ своемъ г. Насыровъ, не бывало еще у насъ, да быть можетъ, и во всемъ мусульманскомъ мірѣ. Это первый изъ нашихъ мусульманъ, котораго европейское образованіе, получен-

ное имя въ Казанскомъ университетѣ, подняло, въ умствен-
номъ отношеніи, на такую высоту, что онъ могъ отнестись къ
исламу объективно. Довольно близко зная Татаръ, я не пред-
полагалъ даже возможности подобнаго явленія.

У Казанскихъ Татаръ мусульманскаго исповѣданія, надъ
которыми собственно производилъ наблюденія свои г. Насы-
ровъ, сохраняются еще, какъ видно изъ его статьи, доволь-
но-значительные остатки ихъ религіознаго до-мусульманскаго
быта. Гораздо бѣльшій запасъ древняго язычества долженъ,
полагаю я, сохраняться у такихъ же Казанскихъ Татаръ, но
принявшихъ христіанскую вѣру, и извѣстныхъ подъ именемъ
«старокрещенныхъ» и «новокрещенныхъ». Подъ христіанскою
оболочкою, какъ видимъ изъ примѣра Мордвы, Чувашей и
т. д., первобытныя религіозныя вѣрованія Татаръ, и даже
обычай и обряды, въ которыхъ вѣрованія эти выражаются,
должны уцѣлѣть живѣе чѣмъ подъ гнетомъ ислама. Поэтому
весьма желательно было бы, чтобы въ кругъ этнографическихъ
наблюденій г. Насырова вошли и эти Татары. При томъ
взглядѣ на вещи, которымъ отличается онъ, нѣтъ никакого
повода опасаться чтобы наукообразныя изслѣдованія его мо-
гли принять пропагандистскій характеръ въ мусульманскомъ
смыслѣ.

В. Григорьевъ.

8-го января 1866 года.

Прежде чѣмъ успѣеть русское общество просвѣтить своихъ инородцевъ (въ томъ числѣ и Татаръ) свѣтомъ общечеловѣческаго образованія, оно будетъ вынуждено узнать хорошенько инородцевъ. Для ознакомленія русскаго общества съ бытомъ инородцевъ Казанскаго края (Чувашь, Черемись, Вотяковъ, Мордвы) людьми, знающими инородцевъ, писались и пишутся отдѣльныя книги и статьи въ повременныхъ изданіяхъ. Татары также ими не забыты и даже болѣе, чѣмъ другіе инородцы края, сдѣлались, въ послѣднее время, предметомъ изученія и просвѣщенія.

Желая, съ своей стороны, сообразно моимъ силамъ и средствамъ, содѣйствовать Русскимъ людямъ, къ выясненію татарскаго быта, считаю святымъ долгомъ своимъ подѣлиться съ ними печатно выводами моихъ долготѣнихъ наблюденій и изслѣдованій этого быта. При моихъ наблюденіяхъ и изслѣдованіяхъ я имѣлъ въ виду ту сторону предмета котораго, по моему взгляду, менѣе другихъ выяснена писавшими: я буду говорить о Татаринѣ, какъ Татаринѣ; а о Татаринѣ-магометанинѣ изяснюсь впоследствии и преимущественно на столько, на сколько онъ въ магометанствѣ Татаринъ.

При такой цѣли необходимо полезнымъ считаю познакомить русскаго читателя прежде всего съ татарскимъ баснословіемъ и обрядами, порожденными этимъ баснословіемъ, и съ нѣкоторыми суевѣрными примѣтами, въ которыхъ я вижу живые слѣды прежняго татарскаго вѣрованія, сохранившіеся еще доселѣ и не мало сами по себѣ уясняющіе татарство. Изслѣдованія свои и показанія о баснословіи Татаръ я основываю, какъ на разказахъ слышанныхъ мною съ дѣтства, такъ и на разпросахъ у Татаръ, которые я дѣлалъ, когда сталъ относиться къ предмету научно.

I.

Повѣрья.

Вообще татарскія баснословныя существа, кажется, удобно можно подвести подъ слѣдующіе два отдѣла: 1) существа, обитающія въ водѣ, и 2) существа, живущія на сушѣ.

Къ первымъ я отношу слѣдующія баснословныя существа: су-бабасы, су-іяси, су-анасы, юха; а ко вторымъ: убырь, албасты, урякъ, бичура, уй-іяси, абзарь-іяси, чячякъ-анасы, чячякъ-іяси, шюряли, джинъ и діу-пэри.

Разсмотримъ прежде баснословныя существа, стихія которыхъ вода.

1) Подъ именемъ су-бабасы Татары разумѣютъ живущаго въ водѣ (по собраннымъ мною сказкамъ именно — въ озерѣ) повелителя воды, водянаго дѣда. Но не въ одной сказкѣ не видно, что-бы дѣдъ этотъ выходилъ когда-либо изъ воды и относился къ людямъ непосредственно; на это у него, какъ видно, есть родственное ему существо, въ родѣ слуги, докладчика и исполнителя его повелѣній, это —

2) Су-іяси (то-есть, «водяной хозяинъ»). Въ одной изъ записанныхъ мною татарскихъ сказокъ, су-іяси является Татарину въ образѣ бойкаго мальчишки, посредника между Татарининомъ и своимъ повелителемъ, водянымъ дѣдомъ, — въ образѣ посредника глуповатаго, трусливаго, неопытнаго, не знающаго хорошенько Татарина, но болѣе сильнаго, чѣмъ Татаринъ и менѣе, чѣмъ медвѣди.

3) Су-анасы, какъ показываютъ самыя слова, есть существо женскаго пола, ибо по-русски означаетъ «водяную мать». Такъ какъ у Татаръ нѣтъ болѣе именъ водянымъ существамъ, исключая юхи, неродственной по своему происхожденію описаннымъ сейчасъ, и такъ какъ, по словамъ

Татарь, сказанныя существа родственны между собою, то я заключаю, что су-анасы есть мать су-іяси и жена су-ба-басы. Еще надобно замѣтить, что су-анасы бываетъ иногда видима нечаянно подошедшему въ водѣ Татарину въ образѣ женщины, чешущей себѣ гребнемъ волосы— видима и днемъ и ночью. Больше ничего не могу о ней сказать; замѣчу только, что въ разказахъ слово су-анасы Татары часто и по произволу замѣняютъ словомъ су-іяси. Разумѣется, не могло быть этого въ старину; иначе къ чему два слова для одного понятія?

Впрочемъ, что касается до того, что по понятіямъ Татарь, баснословныя существа исполняютъ брачныя обязанности — это несомнѣнно и докажется и моими изслѣдованіями, кои сообщу ниже, и чувашскимъ баснословіемъ, допускающимъ между богами мужей, женъ, дѣтей и проч. Чувашь потому мы должны имѣть здѣсь въ виду, что они также, какъ Татары, тюркскаго происхожденія.

4) У всѣхъ извѣстныхъ народовъ змѣи служили и служатъ предметомъ баснословныхъ сказаній; такъ и у Татарь. У нихъ баснословіе о змѣяхъ является со слѣдующими чертами: всѣ змѣи бываютъ чернаго цвѣта, исключая князька ихъ (джиланъ-падшасы), который бѣлаго цвѣта. Черныя змѣи злобны въ отношеніи къ Татарину, а бѣлый благоволяетъ ему, и сверхъ того, имѣетъ даръ предвѣдѣнія и предсказыванія и пользуется имъ во благо Татарина. Кромѣ того, кожа змѣя вообще прогоняетъ будто бы лихорадку. Если змѣй (джиланъ) проживетъ сто лѣтъ, то состарѣвшись превращается въ дракона (аждага). Сверхъ того, драконъ живетъ на свѣтѣ ни больше, ни меньше какъ тысячу лѣтъ и совершенно не водится въ татарцинѣ. Куда же дѣвается столѣтній, только что превратившійся въ дракона? — Его подхватываетъ облако, несетъ на морской островъ и здѣсь бросаетъ. Татары увѣряютъ, будто бы въ то время, когда драконъ несется по воздуху въ облакахъ бываетъ даже видно, какъ онъ бьетъ сво-

имъ хвостомъ и волнуется. На островѣ, по прошествіи тысячи лѣтъ, драконъ превращается въ юху-дѣвицу. Превратившись въ юху, драконъ можетъ принимать на себя различные чувственные образы и въ нихъ являться Татарину, чтобы всячески вредить ему; между прочимъ онъ принимаетъ иногда образъ дѣвицы необыкновенной красоты, которая расчесываетъ себѣ волосы, сидя на берегу озера. Превратившись въ дѣвушку, юха можетъ сдѣлаться женою, можетъ выйти за-мужъ. При этомъ мужъ перемѣнно пламенно полюбитъ свою супругу; но вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ все болѣе и болѣе худѣть. Вотъ что такое юха-кызъ, юха-дѣвица! Но вотъ вопросъ: можетъ ли Татаринъ какъ-нибудь узнать, что вмѣсто женщины-человѣка онъ женатъ на юхѣ-дѣвицѣ? — Можетъ, и вотъ какимъ образомъ: 1) у юхи всегда выходитъ самый дурной запахъ изо рта; 2) юха никакъ не можетъ обойтись безъ воды; 3) у юхи не бываетъ пуна, и наконецъ 4) *impossibilis est virilis pudendi erectio coiti causa coeque*. Но имѣетъ ли Татаринъ, женившійся на юхѣ, средство избавиться отъ юхи, притомъ не подвергаясь опасности быть съѣдену этимъ чудовищемъ? (Конечная цѣль брака юхи съ Татаринимъ и состоитъ въ томъ, со стороны юхи, чтобы съѣсть Татарина, если послѣдній поддастся на обманъ). Не знаю, имѣетъ ли. Впрочемъ, въ одной изъ записанныхъ мною сказокъ усматривается что-то подобное такому средству. Дѣло такого рода: одинъ царевичъ женился на юхѣ-дѣвицѣ (разумѣется, по любви и невѣдѣнію), и когда по всѣмъ сейчасъ сказаннымъ признакамъ убѣдился, что живетъ съ чудовищемъ, то построилъ украшенный извнѣ и внутри, безъ оконъ и дверей, теремъ изъ одного желѣза; пригласилъ туда, послѣ нѣсколькихъ усилій, свою таинственную супругу, потомъ мгновенно защелкнулъ за ней входъ въ теремъ, и обложивъ его со всѣхъ сторонъ дровами, развелъ вокругъ него сильный огонь и такимъ образомъ предалъ юху сожженію. Царевичъ при этомъ даже слышалъ какъ юха-дѣвица превратившись опять въ змѣю громаднымъ хвостомъ своимъ била

во всѣ стороны терема, и отъ того все здаіе ужасно тряслось. Изъ другой сказки видно, что юха изъ дѣвицы обращается въ змѣю еще тогда, когда тихонько отъ мужа, во время его сна, идетъ ночью на озеро пить воду, такъ какъ мужъ не поставилъ въ избѣ на ночь воды, а озеро находилось близъ дома. Въ сказкѣ о царевичѣ и юхѣ-дѣвицѣ приводится замѣчаніе, что когда юха истлѣла въ теремѣ, пепель ея начали брать люди и дѣлать изъ него лѣкарство, подъ названіемъ терьякъ 1).

Перейдемъ теперъ въ баснословнымъ существамъ, обитающимъ на сушѣ.

1) Убырь, у Малороссовъ упырь, у Чувашъ вобуръ (въ дѣйствительности вампиръ, животное кровожадное, водящееся въ Южной Америкѣ), по понятіямъ Татаръ, есть такого рода баснословное существо, которое, хотя иногда и дѣйствуетъ отдѣльно и самостоятельно, но всегдашнее виталище имѣетъ въ одномъ какомъ-либо человѣкѣ, который потому и называется убырлѣкшій («вампиръ-человѣкъ»). Убырами въ сказкахъ я встрѣчалъ старухъ (убырь-варчыкъ). Узнать убывра-человѣка Татаринъ можетъ легко потому, что у него подъ мышкою вовнутрь организма бываетъ дырка, чрезъ которую входитъ въ человѣка убырь. Убырь, какъ у Русскихъ «домовой», можетъ давить Татарина и даже являться ему на яву. Когда убырь давитъ Татарина, то этотъ послѣдній не можетъ шевельнуться; но если только ему удастся какъ-нибудь укусить убывра, тогда то лице, въ которомъ давящій убырь имѣетъ свое пребыва-

1) Въ самомъ дѣлѣ, терьякъ не происходитъ ли отъ греческаго θήριον; тѣмъ болѣе, что уменьшительное новогреческое будеть θηράκι; и созвучно, и означаетъ звѣра? *Авторъ.*

Слово терьякъ собственно означаетъ «противоядіе», которое употреблялось, какъ средство крѣпительное, возбуждающее. Въ составъ его главнымъ образомъ входили: морской лукъ, мирра, корица, шафранъ, опиумъ, медъ, вино, терпентинъ и мясо ехидны; иногда прибавляли туда еще жемчугъ и ризине драгоцѣнные камни. Такъ какъ главную часть этой смѣси составлялъ опиумъ, то названіе терьякъ было потомъ перенесено на него. *Н. В.*

ніе, будетъ непременно укушено въ тотъ же членъ, въ который давимый Татаринъ грызнулъ убьра.

Убырь-старухи всегда, по сказкамъ, живутъ въ глуши и въ дали отъ татарскихъ жилищъ, куда можетъ попасть Татаринъ, только сбившійся съ дороги — когда идетъ или ѣдетъ. Живутъ онѣ въ избушкахъ, только не на курьихъ ножкахъ, какъ въ русскихъ сказкахъ. Впрочемъ, бывають случаи, когда Татары, имѣя нужду узнать о потерѣ чего-нибудь важнаго, сами стараются отыскать убьрь-старуху; но это бывають счастливыя, люди достойныя, силачи, хитрецы. Какъ же они узнають о мѣстопробываніи убьрь-старухи? А вотъ какъ: они пускаются въ путь, куда глаза глядятъ, и послѣ долгаго странствованія находятъ, наконецъ, на берегу озера женщину-красавицу, расчесывающую себѣ волосы гребнемъ: она-то и связываетъ, гдѣ живетъ убьрь. Но не подумайте, что это юха-кызъ; юха Татарину только вредить; а это жена діу-пэри, Татарка, похищенная въ дѣтствѣ этимъ страшнымъ и таинственнымъ существомъ. Но объ этомъ — послѣ. Бывають однако случаи, когда дорогу къ убьрь-старухѣ показываетъ Татарину не жена діу-пэри, обыкновенно сочувствующая человѣку, а тотъ, кто уже былъ у старухи: въ этомъ случаѣ посѣщаютъ убьрь-старуху люди недостойныя, сребролюбивыя и сластолюбивыя. Какъ тѣ, такъ и другіе, отыскивають жилище старухи всегда во время ночи, по огоньку, видимому издалека изъ избушки. При входѣ застають старуху за ѣдою: она ѣсть огонь. Вошедшій непременно долженъ привѣтствовать старуху обычными словами: «эс-салиму галейкюмъ!» (миръ вамъ!), иначе бѣда: съѣсть его старуха. Однако же силачи, въ родѣ тѣхъ, которые носятъ въ дорогѣ 40-ка-пудовую дубину, обуты въ 10-ти-пудовыя башмаки и перебрасываютъ черезъ мечеть тройку съ возницей и алпаутомъ («баринномъ», а собственно — становымъ или капитаномъ-исправникомъ, то-есть, людьми вообще тяжелыми), никогда не даютъ салымъ убьрь-старухѣ, и

когда та, разъярившись, объявляетъ имъ, что она скомбаетъ ихъ, силачи (джигить, «молодецъ») однимъ взмахомъ сабли порѣшаютъ жизнь убирь-старухи. Эти люди всегда и сами собою, безъ совѣтовъ убирь-старухи, къ которой и заходятъ видно болѣе только изъ любопытства, совершаютъ свои трудныя предиріятія.

Если посѣтитель убирь-старухи — особа женскаго пола, то убирь-старуха всегда проситъ ее истопить для себя баню и и въ банѣ попарить ее. Но, по хитрости своей, убирь-старуха не выражаетъ своего желанія прямо, то-есть, вмѣсто того, чтобы сказать: «я хочу, чтобы ты меня до бани донесла на рукахъ», она говоритъ: «дочка, я стара, сама идти не могу (вретъ хитрая: не даромъ Татары проворнаго всегда называютъ убиромъ!), веди меня подъ руку, и если я не скоро буду шагать, поталкивай шибче меня въ задъ». Вмѣсто того, чтобы сказать: «попарь меня хорошенко», убирь-старуха говоритъ: «ты поколоти меня хоть комелькомъ вѣника». При этомъ честныя и безкорыстныя, или завозимыя въ лѣсъ на погибель, Татарочки умѣютъ угодить старухѣ; несутъ ее до бани и обратно на рукахъ, парятъ листьями, а не комлемъ. Но корыстныя волю ея исправляютъ дословно: пихаютъ въ задъ и дуютъ на полѣ вѣникомъ, что есть мочи. На пути изъ бани убирь-старуха дѣлаетъ испытаніе своей гостыи въ честности. Это совершается такъ: «дочка», говоритъ старуха гостьѣ, — «пошевырай гребнемъ въ головѣ -- что-то чешется». И когда гостыя открываетъ старухѣ голову — о чудо! видитъ, что вся голова ея унизана жемчугомъ, камнями драгоцѣнными, золотомъ, серебромъ. Разумѣется, честная не увлечется, по мнѣнію татарскихъ сказокъ, такимъ головнымъ уборомъ; но корыстная всегда набьетъ себѣ драгоцѣнностями пазуху и карманы. Но то и другое не скрывается отъ убирь-старухи. «Дочка», говоритъ убирь гостьѣ, — «потѣшь меня: попляши!» Понятно, что у воровки, во время прыганья, все вылетаетъ. Старуха со злобой обличаетъ гостыю въ воровствѣ и отнимаетъ свою

собственность. Но этимъ дѣло не кончается; убырь-старуха дѣлаетъ своей гостьѣ новый испусъ. «Посмотри-ка, дочь моя, въ банѣ у меня въ печи сушился солодъ; не высохъ ли онъ?» Гостья отправляется, и вмѣсто солода, находитъ въ печи, въ большомъ корытѣ, кучи драгоцѣнностей. Честная, разумѣется, опять устоитъ противъ искушенія; а жадная, позабывъ о первомъ обличеніи, опять воруетъ. Въ избушѣ опять пляска — и опять обличеніе воровки. Я забылъ еще связать, что гостей своихъ, людей, убырь-старуха угощаетъ притомъ и человѣческою пищею. Далѣе слѣдуетъ награда за добродѣтель и наказаніе за порокъ. Это происходитъ такъ: за добродѣтель убырь-старуха даетъ гостьѣ зеленый сундукъ; а за порокъ жадной до богатства даетъ сундукъ черный. И той, и другой запрещаетъ она смотрѣть въ сундукъ прежде прибытія въ свой домъ въ деревнѣ. Та и другая исполняютъ волю старухи. Той и другой, въ родномъ селѣ, выбѣгаютъ съ лаемъ собаки на встрѣчу, но не одно и то же выкликаютъ. Первой выкликаютъ: «уляргà киткянъ тютыки, баньъ кайтá, лянъ! лянъ!» (умирать ушедшая сестра, обогатившись возвращается, вау! вау!). Второй кричатъ: «баиргà киткянъ тютыки, улыбъ кайтá—лянъ! лянъ!» (обогатиться пошедшая сестра, умирая возвращается — вау! вау!). И въ самомъ дѣлѣ: первая находитъ въ зеленомъ сундукѣ драгоцѣнности, а вторая — змѣю, которая мгновенно выскакиваетъ изъ сундука, бросается на нее, и обвившись вокругъ шеи, удушаетъ.

Если посѣтившій старуху-убырь сбился съ дороги и обратится къ ней съ просьбою помочь горю, та даетъ ему волшебный клубокъ и велитъ покатить по землѣ, и потомъ за нимъ идти. Клубокъ всегда доведетъ заблудившагося куда слѣдуетъ.

Чуваши своему вобуру, по Сбоеву, приписываютъ скрадываніе и поѣданіе мѣсяца; но не видно, чтобы татарскіи убырь, доходилъ до такой способности и смѣлости.

2) Албасты (отъ эль — «рука» и басмавъ — «давить»): существо, давящее кого-либо рукою; или отъ алтъ — «перёдъ» и басмавъ — давить: существо давящее перёдъ, то-есть, грудь). Это баснословное существо, подобно русскому домовому и татарскому убыру, наваливается на Татарина и давить его во время сна, и кромѣ того, по повѣрью Татарь, пьетъ при этомъ изъ сердца кровь ¹⁾. Странно однако, почему воображеніе Татарина не отнесло кровожадность исключительно къ убыру, получившему очевидно свое имя отъ звѣря, который въ самомъ дѣлѣ нападаетъ на людей и большихъ звѣрей, прокусываетъ имъ кожу и высасываетъ кровь. Правда, мы сказали выше, что убырь угрожаетъ стѣсть гостя, но не по кровожадности, а по досадѣ, что гость не далъ салымъ. Слѣдовательно, не кровь составляетъ пищу убыра. Кстати замѣчу: въ переносномъ смыслѣ, Татары называютъ убыромъ человѣка работающаго и проворнаго, а именемъ албасты обзываютъ неповоротливаго и лѣнтяя. Почему это?

3) Урякъ (отъ урмякъ, «дуть»). Такъ называется баснословное существо, являющееся Татарину гдѣ-нибудь въ лѣсу или на дорогѣ надъ умершимъ насильственной смертью. Его видитъ прохожій Татаринъ, но повѣрью, въ образѣ человѣка или конны, переваливающейся и идущей впередъ. Также разказываютъ Татары, что урякъ можетъ преобразиться въ облако. Если бы прохожій Татаринъ и не увидалъ сразу на пути мертвое тѣло, то раздирающій кликъ урыка непременно обратилъ бы его вниманіе на это тѣло. Если при этомъ человѣкъ захотѣлъ бы на видимаго изъ дали и кричащаго урыка посмотрѣть вблизи, то урякъ сдѣлался бы невидимымъ. Изъ страха увидать непонятное и таинственное существо и слышать его раздирающій душу голосъ Татаринъ всячески остере-

¹⁾ По вѣрованію Киргизовъ, Албасты не только давить человѣка, наваливаясь на него, но можетъ проникнуть и внутрь его. См. «Этнографическіе очерки Киргизскаго народа», Н. Н. Ибрагимова, въ сборникѣ «Русскій Туркестанъ», М. 1872; вып. 2, стр. 121 — 122. Н. В.

регается натянуться ночью на пути на мертвое тѣло и не пойдетъ вечеромъ на то мѣсто, гдѣ знаетъ, что лежитъ мертвое тѣло. Когда Татаринъ слишкомъ чего испугается, онъ говоритъ: «урягымъ купты!» (мой урякъ поднялся). Видно, что урявъ имѣется у всякаго Татарина. Такъ какъ въ настоящее время, для выраженія слова душа, Татары употребляютъ чужое, персидское слово: джанъ, а какъ однако слово урявъ, татарское, можетъ происходить отъ татарскаго же глагола урмакъ—дуть, то съ достовѣрностію можно заключить, что въ баснословіи объ урягѣ сохранились еще доселѣ нѣкоторыя до-мусульманскія понятія Татарина о чело-вѣческой душѣ.

4) Бичура у Татаръ то же, что у русскихъ простолюдиновъ—кивикора. Она не причиняетъ никакого существеннаго вреда Татарину, но сильно и на разные лады беспокоитъ его ночью: кричитъ, играетъ, смѣется, шутитъ, спящаго перетаскиваетъ съ мѣста на мѣсто; вещи, положенныя въ одно мѣсто, прячетъ въ другое. У Татаръ о ней имѣется поговорка: «кай витти ѱль нарся, бичура урлады — мивьян?» (куда дѣлась эта вещь; не бичура ли украла?). Если закроютъ трубу, ночью она откроетъ, и вообще шалить. Какъ попадаетъ въ домъ бичура? Татары объ этомъ говорятъ вотъ что: она попадаетъ въ домъ тогда, когда Татаринъ долго не кладетъ въ немъ печи, а потомъ переходитъ въ него на житье. Есть ли средства выгнать изъ дома бичуру? Одни говорятъ, что для этого нужно разобрать весь домъ и построить его на другомъ мѣстѣ, а другіе утверждаютъ, что довольно привести въ домъ медвѣдя, и бичура убѣжитъ.

5) Уй-іясі (домохозяйинъ). Отличается онъ отъ бичуры тѣмъ, что въ домѣ не шалить, а занимается полезнымъ трудомъ: въ одномъ домѣ чеканитъ пенязи, въ другомъ прядетъ, въ третьемъ ишетъ со скринюмъ пера по бумагѣ и перелистываетъ книги. Однако Татаринъ не пользуется трудомъ уй-іясія непосредственно: но трудъ его имѣетъ для Татарина предска-

тельное значеніе: гдѣ уй-іясн чеканить пенязи, тамъ слышавшій звуки: «чизь! чизь!» обогащается посредствомъ торговли, если только займется ею и скууетъ себѣ капиталъ; гдѣ уй-іясн придетъ, тамъ слышавшіе нѣчто звучащее въ родѣ посылки, обогатятся въ такомъ случаѣ или будутъ благоденствовать, когда займутся этимъ руководѣлемъ; гдѣ, наконецъ, въ домѣ кто услышитъ скрипъ пера и перелистыванье книгъ, то тотъ сдѣлается ученымъ. Но въ послѣднемъ случаѣ въ сказкахъ нѣтъ слова о богатствѣ; видно труженикамъ науки вездѣ оно мало извѣстно! Татары говорятъ только, что присутствіе духа-покровителя и предвѣщателя только тогда чувствуется, когда въ домѣ тишина и когда кто-нибудь сидитъ въ одиночку—и естественно!

6) Абзарь-іясн (хозяинъ хлѣвовъ). Такъ называется воображаемый властелинъ домашняго скота, лошадей и коровъ—по преимуществу, имѣющій свою столицю конюшни и хлѣвы. Та скотина, которую онъ полюбилъ, всегда бываетъ жирна, гладка и красива, а которую возненавидитъ, та бываетъ потна и быстро худѣетъ. Имѣются такіе чудаки изъ Татаръ, которые замѣтивъ худобу или частую опотѣлость на лошади, продаютъ ее и при этомъ выражаются такъ: бу ать манга тюзъ тугылъ («эта лошадь мнѣ не по цвѣту»), то есть, не нравится абзарь-іясню.

7) Чячякъ-анасы и чячякъ-іясн («оспенная мать» и «оспенный хозяинъ»). По повѣрью Татаръ, когда ребенокъ болитъ оспою, то въ большихъ оспинахъ именно и присутствуютъ сейчасъ сказанныя существа. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что одни изъ Татаръ допускаютъ существованіе чячякъ-анасы; а другіе утверждаютъ совокупное бытіе того и другого баснословныхъ существъ.

8) Шюряли, баснословное существо въ родѣ лѣшаго у Русскихъ. Шюряли водятся въ лѣсахъ и не по одному; видны бываютъ Татарину въ человѣческомъ образѣ. Всѣ они имѣютъ очень большія груди, изъ которыхъ одну закидываютъ на правое плечо, а другую—на лѣвое. Если повстрѣ-

чается имъ въ лѣсу Татаринъ, то они приглашаютъ его играть въ щекотанье, и если тотъ согласится, защековываютъ его до смерти. Но Татаринъ можетъ перехитрить шюряли; а какъ? Онъ предложитъ шюряли играть въ щель, и тотъ, по глупости своей согласившись, погибаетъ. Что же это за игра? Татаринъ ударомъ топора вдоль толстаго дерева дѣлаетъ въ деревѣ щель, и чтобъ она была шире, забиваетъ въ нее клинъ, а когда шюряли засунетъ въ щель свой палецъ, Татаринъ мигомъ выхватываетъ оттуда свой клинъ и такимъ образомъ ущемляетъ шюрялія. Шюряли завопятъ отъ боли дикимъ голосомъ, чтобы сбѣжались подобныя ему существа, и освободивъ его отъ бѣды, отомстили бы Татарину, защековавъ его на смерть. Но если раньше Татаринъ на вопросъ шюряли: «какъ ему имя?» догадался отвѣтить: «имя мое былтыръ» (прошлый годъ), то ущемивъ шюряли и бросившись бѣжать, спасается, потому что шюряли закричатъ тогда въ попыхахъ: «былтыръ кысты! былтыръ кысты!» (прошлый годъ ущемилъ!), а сбѣжавшіеся товарищи, не только не побѣгутъ искать хитреца, а просто расхохочутся надъ бѣднягою: «чего искать прошлый годъ; не найдешь!» скажутъ ему тогда въ отвѣтъ. Видно шюряли очень глупы!

Теперь остается разказать еще о двухъ баснословныхъ существахъ — джинѣ и діу-пэри.

Замѣчу прежде всего, что сейчасъ исчисленныя существа неполнѣ порождены безповойнымъ воображеніемъ Татарина: они принадлежатъ Персамъ и чрезъ мусульманство, принявшее ихъ въ свое міросозерцаніе отъ Арабовъ, дошли и до вѣдѣнія Татаръ. Я, разумѣется, не сталъ бы говорить о нихъ, если бы въ сказаніяхъ о нихъ не видѣнъ былъ отгѣнокъ чисто татарскій; мусульманское здѣсь такъ незначительно, что догадливый читатель самъ усмотритъ, въ чемъ оно выражается. Итакъ, буду продолжать.

9) Джинъ самъ по себѣ не есть существо безполое; но

может сожительствовать Татарину или Татаркѣ въ образѣ мужа или жены. Кромѣ того, джинь бываетъ видимъ Татарину въ образѣ собаки, кошки, змѣи, и тотъ Татаринъ, который увидитъ джина, начинаетъ хворать нервическою какою-нибудь болѣзнию, ночью будетъ бредить или получить водянку. Однако Татарину увидеть джина случается очень рѣдко, и то печально, ибо сами джины бѣгутъ его. Но много джиновъ шляется на дорогахъ въ видѣ слѣпыхъ, хромыхъ, и притомъ еще невидимо: вотъ если Татаринъ задѣнетъ какъ-нибудь печально такое существо, то такой бѣдняга джинь непременно долженъ будетъ войти въ Татарина. Татаринъ будетъ страдать, да и джину не легче, и онъ непременно самъ захвораетъ. Другіе представляютъ джина какимъ-то не отвязчивымъ существомъ, которое не только не бѣгаетъ Татарина, но даже неотвязчивость свою простираетъ до того, что поваживается по ночамъ навѣщать Татаровъ, и когда онѣ спятъ, ложится подлѣ нихъ и обращается съ ними такъ, какъ можно одному только супругу. Но, по повѣрью Татаръ, Татарка, имѣющая невольное и безсознательное отношеніе въ джину, не можетъ рожать дѣтей. А равно не видно изъ легендъ татарскихъ и того, чтобы джинь, превратившись въ жену человѣка, могъ породить ему дитя. Но отъ союза между собою джины рожаютъ дѣтей, и это видно изъ тѣхъ же легендъ, ибо въ нихъ есть указаніе на то, что джины подмѣниваютъ своими дѣтьми дѣтей татарскихъ въ колыбели и даже во чревѣ матери. Джины боятся желѣза, (и потому опасующіеся ихъ Татары, ложась спать, кладутъ подъ постелю топоръ или какое-либо другое желѣзное орудіе); боятся еще джины можжевельника, — а почему? Я думаю потому, что Татары приписываютъ джинамъ, между прочимъ, водянку; а можжевельникъ и Татарами, и Русскими Казанскаго края употребляется какъ лечебное средство противъ этой болѣзни.

10) Діу-пэри. Дивы являютя Татарину обыкновенно въ

лѣсахъ и въ поляхъ, и притомъ въ различныхъ образахъ: иногда копною сѣна, иногда въ образѣ дѣвицы, при чемъ могутъ выйти за Татарина за-мужъ. Живутъ въ особенныхъ своихъ городахъ, имѣютъ царства подъ землей и моремъ, и невидимо — на землѣ. На нашей планетѣ, между прочимъ, они живутъ и владѣютъ тѣми мѣстами и тамъ, гдѣ положены влады; да и самыя кладовыя вещи, обыкновенно неблагоприобрѣтенныя, отъ продолжительнаго пребыванія въ землѣ порождаютъ дивовъ, подобныхъ во всемъ своимъ предкамъ. О дивахъ нужно замѣтить, что они непримиримо враждебны Татарину: 1) они психищуютъ дѣвочекъ; до возраста держатъ ихъ у себя и тогда на нихъ женятся; 2) дивы ругаются надъ Татаринкомъ: на примѣръ, въ образѣ какого-либо знакомца или добряка дивъ уводитъ Татарина въ свой городъ, въ домѣ у себя угощаетъ его; но если Татаринъ скажетъ: «бисмиллю» (во имя Бога!) предъ вкушеніемъ пиши, поставленной дивомъ, то явно будетъ Татарину, что это не пища, а лошадиный пометь; 3) дивъ непременно постарается зазваннаго къ себѣ въ гости Татарина свести съ лица земли и обыкновенно такъ: приважетъ женѣ истопить баню, поведетъ въ нее гостя, и когда тотъ раздѣнется, дивъ предложитъ ему съ видимымъ радушіемъ услуги свои—помыть, попарить, а когда Татаринъ подставитъ спину, то дивъ забьетъ его коплемъ вѣника до смерти и мертвого зароетъ подъ полкомъ своей бани. Однако дивъ боится «бисмилли»; хотя рѣдко, но могутъ его побѣждать такіе джигиты, о которыхъ замѣчено выше въ разказѣ объ убырѣ. Такіе молодцы не поддаются обману въ банѣ: они сорокапудовою дубиною, поддравшись сзади, двинутъ дива въ потылицу и дадутъ ему карачунъ, то-есть, убьютъ его. Впрочемъ, когда дивъ по любопытству испробуетъ еще въ избѣ своей вѣсь дубины, то отъ натуги, при подъемѣ ея сдѣлаетъ не деликатность; или же, когда увидитъ, что сплачъ (въ сказкѣ, по которой говорю, — десятилѣтній) вертитъ дубиною какъ палочкою, то и безъ подкрадыванья сзади

къ нему джигита дивъ весь въ рукахъ его. Дивъ чистосердечно расскажетъ, сколько положилъ подъ полокъ Татаръ, по требованію джигита отвопаетъ ихъ, и напоивъ ихъ душевнымъ лѣкарствомъ (джанъ-дарумъ) всѣхъ воскреситъ. Слѣдовательно, дивамъ Татаре приписываютъ силу воскрешать мертвыхъ.

Но здѣсь можно сдѣлать отступленіе и задать себѣ вопросъ: какъ и зачѣмъ силачи попадаютъ къ диву, и откуда у нихъ смѣлость и сила необычная противъ существъ сильнѣйшихъ въ мірѣ и враждебнѣйшихъ?

На это сказки даютъ такой отвѣтъ: силачи отправляются къ диву похитить изъ рукъ его дѣвушку, сестру свою, схваченную дивомъ въ дѣтствѣ. Они странствуютъ куда глаза глядятъ, много и долго; заходятъ къ убирь-старухѣ не столько съ цѣлью посовѣтоваться съ нею о томъ, какъ найти дорогу до дома чудовища и взять волшебный клубокъ, сколько съ цѣлью любопытства, и непремѣнно отрубаютъ ей голову (можетъ быть для того, чтобы попытать напередъ удалъ въ убійствѣ). Потомъ странствуютъ далѣе и наконецъ находятъ при озерѣ сидящую женщину (сестру свою), и по указанію ея, достигаютъ жилища дива, убиваютъ его и освобождаютъ плѣнницу. Сила природная увеличивается у джигита тѣмъ, что онъ напивается воды изъ того озера, гдѣ встрѣтилъ свою сестру, потому что это вючь биря турганъ су, то-есть, «вода, дающая силу». Еще нужно замѣтить, что дива иногда побѣждаетъ хитрость лѣниваго и робкаго Татарина.

Въ чемъ состоитъ татарская хитрость, это я считаю столь занимательнымъ для читателя, что рѣшаюсь разказать ему о ней подробнѣе, и чтобы дѣло было вѣрнѣе, то-есть, вмѣсто всякихъ отвлеченныхъ выводовъ, разкажу на этотъ предметъ татарскую сказку цѣликомъ, въ которой — мимоходомъ замѣчу — Татаринъ-селянинъ очерченъ не менѣе точно, чѣмъ во всякихъ нарочитыхъ сочиненіяхъ о Татарахъ.

Татарская сказка о Гюль-назикъ.

Въ прежнее время жилъ одинъ бѣдный человѣкъ, именемъ Гюль-назикъ *). Онъ такъ былъ бѣденъ, что былъ бѣдпѣе шайтана. У него было много дѣтей. Этотъ Гюль-назикъ былъ очень лѣнивъ. Не стерпѣвъ бѣдности, вышелъ онъ однажды изъ дому и сталъ дѣлать лукъ изъ тальника, а изъ лучинки — стрѣлу. Потомъ пошелъ въ лѣсъ. Тамъ встрѣтился съ однимъ дивомъ. Гюль-назикъ, увидѣвъ его, перепугался, затрясся. Когда думалъ отвязаться отъ дива, дивъ подошелъ къ нему и спросилъ: «Что у тебя», говорить, — «въ рукѣ?» «Лукъ и стрѣла», отвѣчалъ Гюль-назикъ, — «изъ этого лука этою стрѣлой я хочу стрѣлять дивовъ». Дивъ, услышавъ это, также испугался и отъ страха растопырился какъ копыта сѣна, началъ огрызаться и потомъ сказалъ Гюль-назику: «Пойдемъ, другъ, во мнѣ — угощу тебя». Когда Гюль-назикъ это услышалъ, еще болѣе перепугался: боится идти — и не идти тоже. Все-таки пошелъ съ нимъ. Когда дошли до дома дива, настала вечеръ. Дивъ навормилъ, напоилъ, угостилъ Гюль-назика и далъ ему постель лечь. Гюль-назикъ легъ, но не спалъ. А все-таки лежитъ спящимъ, думая, что будетъ? Дивъ сказалъ женѣ своей: «На нашу голову бѣда пришла; какъ выпутаться изъ нея?» И много они объ этомъ думали. Жена сказала: «Когда онъ уснетъ, мы принесемъ большой камень и положимъ на него. Камень задавить и убьетъ его; а завтра его выбросимъ». Гюль-назикъ, услышавъ это, продолжалъ лежать. Потомъ они (дивъ съ женою) вышли изъ дому за камнемъ. Въ это время Гюль-назикъ всталъ съ мѣста, положилъ полѣно, покрылъ его шубой и сдѣлалъ такъ, какъ будто бы тутъ лежалъ человѣкъ, а самъ спрятался за печь. Они принесли камень и положили, а полѣно съ трескомъ переломи-

*) Съ персидскаго: «нѣжная роза». —

Авт.

лось. Спусти нѣсколько времени вынесли камень. Когда вышли изъ дома, Гюль-назиѣ опять легъ на свое мѣсто. Когда опять вошли въ домъ, Гюль-назиѣ будто бы проснулся, и потянувшись, сказала: «Ахъ, Діу-дусъ («другъ Дивъ») твой домъ очень безпокоенъ! Съ потолка на меня что упало: вошь ли, тараканъ ли?! Хорошо, что мы друзья; а то я вашъ домъ, не знаю, куда дѣлъ бы». Дивъ, услышавъ это, опять испугался и не зналъ, какъ отвязаться отъ Гюль-назиѣ и хочеть его провожать: «Эй, Гюль-назиѣ, я тебя до дома провожу». «Яраръ» (ладно)! Вышли, а потомъ дошли. Но Гюль-назиѣ сказала: «Діу-дусъ, погоди ты здѣсь, около двери: я скажу женѣ, чтобъ она убрала домъ для тебя, гостя». Дивъ остался за дверью, а Гюль-назиѣ пошелъ къ женѣ и сказала: «Жена, я привелъ гостя тебѣ; скажу: давай ѣсть, ты молчи до трехъ разъ. Когда скажу три раза, ты мнѣ говори: чего принести? у насъ ничего нѣтъ: свои дѣти голодны! Тогда я скажу тебѣ: голову принеси вчерашняго дива и грудь третьегоднешняго». Потомъ ввелъ дива, и посадивъ его сказалъ женѣ: «Дай гостю ѣсть!» Татарка три раза молчала; а потомъ въ третій разъ злобно вскрикнула: «Чего принести?! не тою гостю, у самихъ нѣтъ ничего!» А Гюль-назиѣ говоритъ: «Какъ не быть: есть голова вчерашняго дива и грудь третьегоднешняго». Когда услышалъ это дивъ, поднялъ уголь дома, выбѣжалъ и пошелъ по дорогѣ. Попадается ему лиса; а дивъ бѣжитъ запыхавшись. Лиса говоривъ диву: «Куда ты ходилъ?» Дивъ говоритъ: «Стой, не говори! я чуть не погибъ!» «Что же съ тобою?» Дивъ говоритъ: то и то. Лисица: «Эй, другъ, ты напрасно боишься его; онъ очень смиренъ! Онъ ничего не можетъ сдѣлать! Я вчера у него съѣла десять куръ. Пойдемъ опять, воротимся». И воротились. Идутъ. Тотъ (то-есть, Гюль-назиѣ) услышалъ и кричитъ: «Иди, иди, лисица! Ну, обманщица: вчера у меня съѣла десять куръ; обѣщала привести двухъ дивовъ, а теперь одного ведешь! Но на сегодня будетъ; дру-

гого завтра приведешь». Услыхавъ это, дивъ сказалъ лисѣ: «Вотъ ты была надежнымъ моимъ другомъ, а вела меня продать!» Взялъ ее за хвостъ и ударилъ о землю. Лиса издохла, дивъ убѣжалъ, а Гюль-назиѣ снялъ шкуру съ лисы, продалъ ее, купилъ пицци и поѣлъ.

II.

Суевѣрныя примѣты.

Татаринъ, вслѣдствіе желанія, присущаго всякому человеку, знать будущее, останавливается въ раздумьи на внѣшней природѣ и отъ нея ждетъ и требуетъ выясненія своей судьбы. Изъ круга предметовъ, принадлежащихъ къ внѣшней природѣ, для предугадыванія будущаго служатъ ему слѣдующіе: 1) домашнія животныя (у Татаръ: — кошка, собака; мышь, лошадь); 2) домашнія или же живущія при людскомъ жильѣ птицы (курица, ворона, сорока, галка); 3) члены собственнаго тѣла (носъ, губа, рука, ухо) и потомъ, если не самъ желающій знать будущее, то его ребенокъ, и 4) то или другое положеніе одежды.

Посредствомъ примѣтъ Татаринъ стремится узнать преимущественно слѣдующее: 1) какова будетъ погода: дождь будетъ или вьюга, и каковъ будетъ урожай жита и овощей; 2) когда прійдетъ къ нему гость, когда кто его угоститъ, когда онъ получитъ отъ кого гостинецъ, не будетъ ли какой у него радости; 3) когда онъ встрѣтитъ зараръ (вредъ, бѣду, несчастье); 4) не будетъ ли войны; 5) не умретъ ли кто изъ его ближнихъ, или же и онъ самъ.

Немногое хочетъ узнать Татаринъ - селянинъ чрезъ примѣты: но это потому, что и кругозоръ его не обширенъ, желанія его обыденны и ограниченны.

1. Когда у Татарина чешется правое ухо, онъ заключаетъ изъ этого, что будетъ тепло; а когда лѣвое — холодно. — Если солнце восходить съ «ушами», то-есть, тремя лучами, изъ коихъ одинъ направляется вверхъ, другой — отъ одного бока горизонтально, а третій отъ другаго горизонтально — это также, утверждаетъ Татаринъ, — предвѣщаетъ холодъ. — Когда заженная лучина трещитъ звуками брррр, Татаринъ ждётъ вьюги; когда чешется кошка, онъ также полагаетъ, что будетъ вьюга; когда валяется собака лѣтомъ, будетъ-де дождь, а зимою — вьюга. — Когда каркаетъ воронъ особеннымъ пронзительнымъ крикомъ, Татаринъ заключаетъ, что погода испортится. — Когда падаетъ снѣгъ въ весеннее время, а свотъ остается дома и кричитъ отъ скуки, Татаре изъ этого выводятъ, что снѣгъ скоро растаетъ, и скоро своту придётся идти въ поле. — Если бы въ строящемся домѣ первое основаніе заложила дѣвица, то Татаре были бы увѣрены, что въ этомъ домѣ будетъ зимою тепло. — Когда черемуха цвѣтетъ съ вершины, а Татаринъ въ раннюю пору сѣялъ пшеницу, то онъ надѣется на урожай ея; если же черемуха цвѣтетъ снизу, то Татаринъ надѣется на урожай только въ такомъ случаѣ, если онъ пшеницу сѣялъ въ позднюю пору. — Если въ зимнее время Волга бываетъ покрыта грудями льда, то — полагають Татаре — лѣтомъ будетъ урожай.

2. Если сорова застречеть, Татаринъ заключаетъ, что къ нему прійдетъ гость. — Когда кошка «умывается» — то же. — Когда самоваръ «поетъ» — то же. — Если кто стукнется съ кѣмъ головою — то же. — Если съ верху упадетъ бѣлый тараканъ — то же. — Когда стречеть сорока, Татаре замѣчаютъ, на какую сторону она смотритъ: оттуда и ожидаютъ себѣ гостя. — Когда у Татарина чешется губа, онъ увѣренъ, что къ нему прійдетъ гостинецъ — кучмѣнѣчъ ¹⁾. — Когда, при надѣваніи одежды, подолъ ея засучится или

¹⁾ Кучмѣнѣчъ — «переходить», ашъ — «пища».

прищемится въ двери, Татаринъ заключаетъ, что его угодятъ. — Если, по ошибкѣ, Татаринъ надѣнетъ одежду на изнанку, онъ увидитъ въ этомъ знакъ того, что у него будетъ какая-нибудь радость. — Чешется ладонь — деньги получатъ. — Если на ногтяхъ появится бѣлое пятно, обнова будетъ. — Чохъ одного человѣка, даже лошади, подтверждаетъ сказанное другимъ, то-есть, сказанное другимъ исполнится.

3. Когда Татаринъ броситъ какой-нибудь заостренный и валавшійся въ землѣ колъ въ затопленную печь, ему говорятъ его соплеменники: «Обруби острие, а то чирей у тебя вскочитъ». — Дѣтямъ говорятъ: «Не плюй въ огонь ¹⁾, у тебя во рту будутъ нарывы» (кутырларъ). — Татары говорятъ, что если кто возьметъ употребленную другимъ въ отхожемъ мѣстѣ трапицу или что-нибудь другое подобное — бумажку и проч., и употребитъ это для себя тамъ же, для известной нужды, то на пальцахъ у того появится заусеница. — По увѣренію Татаръ, нельзя рубить дерево, подъ которымъ дѣлается кляу, напримѣръ, чувашская кереметь ²⁾: зараръ булыръ, «бѣда будетъ». — Если въ дому присосѣдится галка, то это, по мнѣнію Татаръ, предвѣщаетъ зараръ. — Когда поетъ вурница по пѣтушину, тоже зараръ булыръ.

4. Когда Татары видятъ комету или кровавый цвѣтъ на небѣ, то говорятъ: «Между царями будетъ безповойство и война». — Изъ паденія звѣздъ они заключаютъ то же самое.

¹⁾ Здѣсь, кажется, слѣдъ древняго боготворенія Татарами огня, и во всякомъ случаѣ, видно въ немъ уваженіе Татаръ современныхъ.

Авт.

²⁾ Кереметью у Чувашъ называлось злое божество, а затѣмъ и самое мѣсто (обыкновенно священныя рощи), на которомъ этому божеству приносились жертвы; пространство отъ 1200 до 3000 квадратныхъ сажень обносило изгородью; тамъ устраивался жертвенникъ и другія принадлежности для жертвоприношенія. Все, что находилось въ керемети, считалось священнымъ, такъ что тамъ нельзя было ни лѣсу рубить, ни травы косить, ни звѣрей бить. См. Сбоева, Чуваша въ бытовомъ, историческомъ и религіозномъ отношеніяхъ. М. 1866, стр. 88—91, 110—111.

И. В.

5. Если на кровлѣ дома каркаетъ ворона, то въ этомъ домѣ, по повѣрью Татаръ, кто-нибудь умретъ. — Если мальчикъ подгорюнится, Татаре ему говорятъ: «Такъ не дѣлай, а то твои родители умрутъ». — Когда воетъ собака, хозяинъ ея заключаетъ изъ этого, что съ нимъ будетъ какое-нибудь горе: отецъ или мать помретъ, или падетъ скотина. — Самоваръ «воетъ» въ смерти родителей: они умрутъ, по вѣрью Татаръ, въ тотъ годъ, когда выль самоваръ. — Въ мѣсяцѣ шаабанѣ въ 15-ю ночь, если она бываетъ не облачна, Татаре смотрять на свою тѣнь: если не видятъ головы, то заключаютъ, что въ томъ году не увидавшему своей головы придется помереть.

III.

Языческіе обряды и заговоры.

Казанскіе Татаре, кромѣ предписываемыхъ мохаммеданствомъ обрядовъ и заговоровъ, имѣютъ еще и другіе обряды и заговоры — языческіе, и я замѣтилъ, что посредствомъ совершенія нѣкоторыхъ языческихъ обрядовъ — именно тѣхъ, о коихъ сообщу ниже — они надѣются избавиться отъ слѣдующихъ болѣзней: холеры, скотскаго падежа, оспы, сглаза, боли въ животѣ, водянки, лихорадки, бѣшенства, случающагося отъ укушенія бѣшеною собакой, и отъ такъ-называемой «сучьей титьки». Кромѣ того, посредствомъ этихъ обрядовъ, они умилостивляютъ или прогоняютъ безъ разговоровъ и побѣждаютъ враждебныхъ имъ баснословныхъ существъ, мертвецовъ и вообще стараются избавиться отъ несчастія. Къ этимъ же обрядамъ прибѣгаютъ по домогательству чего-нибудь выгоднаго и полезнаго въ ихъ хозяйственной жизни. Я успѣлъ записать лишь немного подобныхъ обрядовъ и заговоровъ, отчасти и потому, что обряды таковыя со дня

на день все болѣе и болѣе выводятся, вслѣдствіе вліянія мохаммеданства на жизнь нашихъ Татаръ, и замѣняются изобрѣтаемыми мохаммеданствомъ; но и то, что я записалъ, кажется мнѣ весьма не лишнимъ въ научномъ отношеніи.

1. Когда явится холера, или скотскій падежъ, кругомъ деревни обходятъ съ плугомъ. Мужчины и женщины здѣсь не участвуютъ, но только незамужнія, дѣвушки, у коихъ въ это время голова бываетъ раскрыта; онѣ одѣваются въ самую лучшую, праздничную одежду, распускаютъ себѣ волосы, подпоясываются новыми платками и запрягаются вмѣсто лошадей въ плугъ. Не знаю однако, сколько для этого нужно дѣвиць. У всѣхъ въ рукахъ бываютъ кнуты. Участвуютъ здѣсь еще старухи. Одна старуха ѣдетъ впереди верхомъ на помелѣ; волосы у нея также растрепаны. Другая старуха держитъ ручки плуга, гайкаетъ, бьетъ дѣвиць и правитъ ими, какъ лошадьми посредствомъ возжей. Третья старуха ѣдетъ сзади также на помелѣ. Въ это время никого не пускаютъ въ деревню и осмѣлившагося вѣхъать забьютъ до смерти; равнымъ образомъ и изъ деревни не выпускаютъ никого. Надѣются, что холера убѣжитъ, и падежъ скота прекратится отъ такого противнаго и страшнаго зрѣлища.

Въ началѣ лѣта, когда въ первый разъ нужно выгнать въ поле скотъ, то для предохраненія его отъ падежа, въ день выгона дѣлаютъ Татары въ землѣ ворота и прогоняютъ черезъ нихъ весь скотъ; туда же и люди проходятъ. Это называется джирьутѣ вичрю («прохождение сквозь землю»). Говорятъ: къ прошедшему чрезъ землю скоту не прикоснется зараза. Въ этотъ день не оставляютъ стараго огня и старой воды. Для точнаго исполненія обряда посылаютъ нарочнаго съ приказаніемъ, чтобы по всѣмъ домамъ былъ затушенъ старый огонь и вылита была старая вода. Потомъ весь міръ собирается на одно мѣсто, и потерши дубъ о дубъ, добываютъ такимъ образомъ огонь. Всякій беретъ отъ этого огня. Это называется джаннгаутъ чигару (изведеніе «но-

ваго огня»). Потомъ, воду берутъ изъ водныхъ вмѣстности отдѣльно, смотря по нуждѣ.

Когда случается свотскій падежь, то запирають новымъ замкомъ губы первой павшей скотины и зарываютъ ее въ полевыхъ воротахъ, вѣря, что моръ непременно прекратится.

2. Чтобъ оспа на ребенкѣ была легче, дѣлають слѣдующее: даютъ бѣлую утку или бѣлаго гуся въ подаваніе бѣдняку, а потомъ, когда дитя начинаетъ выздоравливать отъ оспы, варятъ кашу, которая и называется чячякъ-бутвасы («оспенная каша»); иначе, думаютъ, оспа будетъ тяжела. Этотъ обрядъ, по видимому, дѣлается для умиловленія чячякъ-анасы («оспенной матери») и чячякъ-іяси («оспеннаго ховяина»), кои засѣдаютъ будто бы въ большихъ оспинахъ.

3. Дѣтямъ, для предохраненія ихъ отъ сглаза, Татары дѣлають на лицахъ черною или голубою краскою марушки, — въ томъ разсужденіи, что, дескать, глазъ взглянетъ прежде не на лицо, а на марушку, и не подѣйствуетъ на здоровье ребенка. Кромѣ того, ребенку привязываютъ каразіево сѣмя (сѣмя черновки) въ мѣшечкѣ, и опять для того, чтобы кто не сглазилъ его. — Споласкивають дверную ручку или свободу водою, и обмочивъ въ воду утиральникъ, трутъ имъ ребенку лице. — Наконецъ, чтобы кто не сглазилъ ребенка, привязываютъ ему частицу можжевельнаго дерева. — А если Татаринъ чего-нибудь сильно испугается и захвораетъ, то куркудыкъ куяларъ (бывально: «кладутъ испугъ»), то-есть, выливають растопленный свинець въ воду, и кургашинъ (свинець) ¹⁾ въ водѣ принимаетъ разныя формы, ипогда, по увѣренію Татаръ, даже образъ человѣка. Потомъ вылившуюся фигуру подвязываютъ испуганному и вѣрятъ, что

¹⁾ Куримакъ — бояться, куркушманъ — вѣсть бояться, курку — боязнь, кулмкъ — испугъ.

болѣзнь пройдетъ. Изъ послѣднихъ двухъ фактовъ нельзя не видѣть, что хворь производитъ не «сглазь», а джинъ (злой духъ), который боится можжевельника, и какъ увидимъ ниже, топора, и по видимому, еще свинца: стало быть, и всѣ дѣйствія обрядныя употребляются здѣсь Татарами къ тому, чтобъ обезсилить зловредное вліяніе на ихъ жизнь баснословныхъ джиновъ относительно сглаза.

4. Когда Татаринъ пьетъ воду изъ ручья, озера или рѣки и почувствуетъ внутри боль (что очень возможно въ лѣтніе жары, когда рабочій людъ радъ холодной водѣ, можетъ быть — даже по своему содержанію и безъ того очень вредной), то говоритъ: «вода видно меня держала», и потомъ въ воду, гдѣ пилъ, пуститъ яблоко или желтокъ яйца, будучи увѣренъ, что боль пройдетъ; или же онъ беретъ въ горсть траву, бросаетъ ее въ воду и говоритъ: «Да не удержишь меня вода». Я здѣсь вижу остатокъ, съ одной стороны, древняго боготворенія Татарами водной стихіи, а съ другой — умилостивленіе ими водныхъ баснословныхъ существъ.

5. Если Татаринъ пухнетъ, его поятъ можжевельными ягодами — это въ самомъ дѣлѣ полезное лѣкарство противъ водянки — и джинъ, виновникъ опухоли, убѣжитъ: видно, по мнѣнію Татаръ, ему противенъ можжевельникъ!

6. Черезъ страдающаго лихорадкою Татары проводятъ медвѣдя, вѣря, что лихорадка, испугавшись звѣря, убѣжитъ. Надѣваютъ еще на лихорадочнаго медвѣжью или волчью шкуру, владутъ въ пазуху, во время трясенія, кожу съ змѣи, и все это для прогнанія лихорадки.

7. Если Татарина укусила бѣшеная собака, то изъ 40 домовъ онъ собираетъ, изъ каждаго дома по одному ивмяльбурунѣ («носъ хлѣба», то-есть, по-русски припеку хлѣбную) и принимаетъ это подаваніе непременно въ боковое окно; ѣсть, и по словамъ Татаръ, якобы выздоравливаетъ отъ такого лѣкарства.

8. Если у Татарина подъ мышкою появится собачья титька. то ее «заговариваютъ», употребивъ хлѣбную припеку, которою во время заговариванія прикасаются къ болѣзненному наросту, и потомъ припеку отдаютъ четырехглазой собаѣ, чтобъ она ее съѣла. Четырехглазую собакою Татары называютъ такую собаку, у которой надъ каждымъ глазомъ на шерсти по пятну особаго цвѣта: два глаза и два пятна — по татарски выходитъ: четыре глаза.

Для заговоровъ, какъ противъ собачьей титьки, такъ и противъ кыярака (это особая боль въ пахахъ) и баки (жабы), служитъ одна и та же формула: разница въ дѣйствиіи при заговорѣ состоитъ только въ томъ, что заговаривая сучью титьку берутъ въ руку хлѣбную припеку; заговаривая кыяракъ (огурецъ, по-татарски — кыяръ), берутъ огуречное сѣмечко, а заговаривая баку (лягушку, жабу), берутъ въ руку черепашую косточку (черепаха по-татарски губурлю-бакá), и касаясь большого мѣста этимъ орудіемъ, произносятъ:

1) Бирь, ики, учь, дурть, бишь, алты, джиди, сугызъ тугызъ:

тугызданъ кайтсинъ,
тузанга туфракка китсинъ!

2) Бирь, ики, учь, дурть, бишь, алты, джиди:
джидиданъ кайтсинъ,
джильга кузга китсинъ!

3) Бирь, ики, учь, дурть, бишь:
биштанъ кайтсинъ,
бишь юль чатлыгына китсинъ!

4) Бирь, ики, учь:
учтанъ кайтсинъ,
учь юль чатлыгына китсинъ!

5) Бирь:
бирьданъ кайтсинъ,
имй тумй шуль имишь

шуняи вутубь, турганъ иишиь
минемъ вулинь тугиль
айша-батманъ вули!

То-есть:

Разъ, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять:
отъ девяти да возвратится ¹⁾,
въ пыль и прахъ да отойдетъ!

Разъ, два, три, четыре, пять, шесть, семь:
отъ семи да возвратится,
въ вѣтръ и вихрь да отойдетъ!

Разъ, два, три, четыре, пять:
отъ пяти да возвратится,
на распутиѣ пяти путей да отойдетъ!

Разъ, два, три:
отъ трехъ да возвратится,
на распутиѣ трехъ путей да отойдетъ!

Разъ:

Отъ раза да возвратится,
Заговоръ наговоръ таковъ былъ,
Чю этого только ждала (то-есть, болѣзнь);
Но не моею рукою,
Но рукою Айша-Батманъ!

Сказавъ числительное, припевою, сѣменемъ или восточкою касаются разъ больнаго мѣста, а проговоривъ колѣно заговору, плюютъ разъ на сторону. Айша-Батманъ есть собственное имя и прозваніе женщины, какъ я полагаю, славившейся искусствомъ производить заговоры.

9. Предъ христіанскою Пасхою, въ деревняхъ, въ великій четвергъ, Татары пекутъ оладьи, празднуя этотъ день въ честь умершихъ, которые, по ихъ мнѣнію, будто бы въ этотъ день встаютъ и ходятъ вездѣ невидимо. Въ этотъ день они не только не запрягаютъ лошадь, но даже и не надѣваютъ

¹⁾ То-есть, откуда пришла она болѣзнь.

на нее хомута, боясь какъ бы мертвецы не огадили его. — Еще у Татаръ есть не менѣ замѣчательное вѣрованіе, именно то, что деньги, полагаемыя предъ русскою иконою, на путяхъ въ столбахъ, не годится брать; иначе икона силою сойдетъ на руки вора, или прилипнетъ къ его устамъ. Самую икону они называютъ словомъ тѣри, происходящимъ отъ монгольскаго слова Тенгри, богъ, — зная, что христіане, на иконахъ своихъ изображаютъ чувственно являемый людямъ достойнымъ образъ сверхчувственнаго Божія естества.

10. Беременные Татарки, по татарскому повѣрью, видятъ въ воздухѣ убыра, когда онъ летитъ, — въ образѣ огня летящаго; чтобъ убырь не причинилъ вреда, считаютъ нужнымъ поразить его рябиновыми вилами, и, якобы, онъ отъ этого распылится въ прахъ. — Когда душить Татарина албасты, то чтобъ избавиться отъ неприятности давленія, онъ считаетъ достаточнымъ пошевелить мизинцемъ — и душитель удержитъ. — Чобъ выжить джина, засѣвшаго въ Татарина или Татарку, Татаре жгутъ горючую сѣру и дымомъ дмухаютъ страдающему въ носъ, а кромѣ того, обсыпавъ больнаго порохомъ, зажигаютъ порохъ; еще владутъ подъ постель его топоръ или что-либо желѣзное: испугавшись всего этого, бѣжитъ джинъ отъ Татарина или Татарки безъ оглядки.

11. Въ деревняхъ на масляницѣ, дѣвицы-Татарки, сѣвши на прядильныя орудія, катаются, желая, чтобъ ленъ выросъ тоновъ, дологъ, бѣлъ и волокнистъ. — Черепа лошадины на загороду огорода или пашни Татаре вѣшаютъ для того, чтобъ уродились овощи и хлѣба. — Здѣсь скажемъ о владахъ. Деньги, закопанныя въ землю, отъ продолжительнаго ихъ неупотребленія людьми, завладѣваются діу-пәріемъ, и самъ онъ, въ свою очередь, по повѣрью здѣшнихъ Татаръ, есть превращеніе изъ денегъ. Гдѣ лежитъ владъ, тамъ это баснословное существо многообразно является и кричитъ на разные лады: «Возьми меня, возьми меня!» Но взять владъ, безъ обряда нельзя; обрядъ же здѣсь употребляется

слѣдующій: ночью, гдѣ Татарину было видѣнье, насыпаетъ онъ зола; а утромъ идетъ смотрѣть, какой на золѣ видѣнь слѣдъ: кошки, собаки или человѣка — такое животное и нужно на мѣстѣ влады, по повѣрью, зарѣзать и потомъ уже будто бы можно получить самый влады. Нѣтъ ли здѣсь намека на то, что древніе Татары приносили древнимъ своимъ богамъ огню, водѣ, мертвецамъ, водянымъ, пенатамъ, чертямъ — въ жертву кошекъ, собакъ, людей? ¹⁾). Клады иногда, по повѣрью Татаръ, бѣгаетъ въ образѣ кошки, и тогда, чтобъ его получить, Татарину будто бы довольно только произнести бисмиллю, толкнуть кошку ногой, и — получай денежки! — Въ лѣтнее время, когда бываетъ засуха, Татары, отчаявшись въ надеждѣ на дождь, отправляются къ рѣкѣ или озеру, варятъ здѣсь кашу (джангырь-буткасы — «дождевую кашу»): у кого берутъ крупу, у кого масло, у кого соль, у кого молоко. Сваривъ здѣсь кашу и съѣвъ ее, въ рубахахъ, но не въ верхней одеждѣ, бросаются въ воду: и вѣрятъ бѣднѣ, что послѣ этого пойдетъ дождь.

12. Если Татаренокъ упадетъ на землю, то на мѣсто паденія его приходитъ кто-нибудь, или онъ самъ возвращается, вволачиваетъ гвоздь тутъ въ землю и выливаетъ чашку воды, чтобы не сдѣлалось съ ребенкомъ какого-нибудь вреда. Другіе, впрочемъ, удовлетворяются совѣтомъ ребенку плюнуть на это мѣсто.

Кайюмъ-Насыровъ.

¹⁾ И кажется, можно по догадкѣ и выводу изъ сказаннаго выше во 2-мъ, 4-мъ и 11-мъ пунктахъ, прибавить еще: утокъ, бѣлыхъ гусей (домашнихъ птицъ), яблоки, яйца, кашу (свою пищу обыденную) и лошадей (домашній скотъ).

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ
КНИГИ БОЛЬШАГО ЧЕРТЕЖА
О КИРГИЗСКИХЪ СТЕПЯХЪ
И ТУРКЕСТАНСКОМЪ КРАѢ.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ

КНИГИ БОЛЬШАГО ЧЕРТЕЖА

О КИРГИЗСКИХЪ СТЕПЯХЪ И ТУРКЕСТАНСКОМЪ КРАѢ.

Сношенія нашего отечества съ Туркестанскимъ краемъ очень древни, предшествуютъ даже образованію Русскаго государства. Многочисленные влады съ азіатскими монетами, относящимися ко времени съ VII до начала XI вѣка (не позднѣе 1012 года), найденные въ сѣверной Россіи на пространствѣ отъ Казанской губерніи, гдѣ жили Волжскіе Булгары, до Балтійскаго моря и по прибалтійскимъ побережьямъ, свидѣтельствуютъ, что въ это время производилась дѣятельная торговля между среднею Азіей и сѣверною Европою чрезъ нынѣшнюю Россію ¹⁾. Прекращеніе этой торговли въ началѣ XI столѣтія произошло, какъ полагаютъ, вслѣдствіе паденія Хазарскаго царства, владѣвшаго низовьями Волги, паденія, послѣдовавшаго за пораженіемъ его (969 г.) Русскимъ княземъ Святославомъ. Впрочемъ торговля эта не совершенно прекратилась, а приостановилась, ослабла; по крайней мѣрѣ въ XII и XIII столѣтіяхъ хивинскіе и бухарскіе караваны еще приходили въ Россію ²⁾. Съ половины XIII вѣка къ торговымъ нашимъ сношеніямъ съ среднею Азіей

¹⁾ Россія и Азія, В. В. Григорьева. С.-Пб. 1876: О кувическихъ монетахъ, находимыхъ въ Россіи и прибалтійскихъ странахъ (1841).

²⁾ Bulletin du Congrès international des Orientalistes. Session de 1876 à St. Pétersbourg. St.-Pétersbourg, 1876, стр. 54—55.

присоединились еще политическія, выразившіяся сначала въ двухвѣковомъ владычествѣ Монголо-Татарь надъ Россіей, а по сверженіи ига, въ быстромъ распространеніи предѣловъ послѣдней и вліянія ея на востокъ. Въ XVI столѣтіи Московское правительство покоряетъ уже Казань (1552 г.) и Астрахань, а вольные казаки, разселяясь съ низовьевъ Дона на Волгу, Яикъ (около 1580 г.), въ Сибирь и на Терекъ, раздвигаютъ еще далѣе предѣлы Россіи.

Постоянныя, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, сношенія съ среднею Азіей, торговыя и политическія, давали намъ возможность расширять мало по малу кругъ географическихъ познаній о ней, посредствомъ разспросовъ пріѣзжавшихъ къ намъ иноземцевъ изъ сосѣднихъ и дальнихъ странъ Азіи и особенно посредствомъ путешествій въ эти страны Русскихъ людей. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ всѣхъ этихъ путешествій³⁾, и тѣмъ болѣе географическихъ результатовъ каждаго изъ нихъ, и не имѣемъ поэтому возможности прослѣдить за ходомъ постепеннаго накопленія географическихъ свѣдѣній о средней Азіи въ Россіи, но за то мы владѣемъ довольно полнымъ сводомъ этихъ свѣдѣній въ XVI столѣтіи. Такой сводъ представляетъ первый совершенный въ Россіи собственно географическій трудъ, именно карта всего Московскаго государства съ прилегающими къ нему странами, или Большой Чертежъ, и изъясненіе этой карты или Книга Большаго Чертежа. Самой карты до насъ не дошло, но Книга сохранилась во многихъ спискахъ и была напечатана нѣсколько разъ.

Въ предисловіи къ послѣднему изданію Книги Большаго Чертежа⁴⁾, Г. И. Спасскій приводитъ данныя о времени со-

³⁾ Къ числу ихъ конечно нельзя причислить путешествіе въ Хивинское и Бухарское ханства Англичанина Дженкинсона въ 1558—1559 году, хотя оно и было совершено изъ Москвы,—на томъ основаніи, что оно болѣе принадлежитъ Европѣ, чѣмъ Россіи, и если имѣло вліяніе на кругъ нашихъ свѣдѣній о средней Азіи, то весьма ограниченное.

⁴⁾ Книга, глаголемая Большой Чертежъ, изданная, по порученію Императорскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ, Г. И. Спасскимъ. Москва, 1846.

ставленія карты и Книги и объ изданіяхъ послѣдней. Начало Чертежа относится къ царствованію Іоанна IV, который «въ 1552 году велѣлъ землю измѣрить и чертежъ государства сдѣлать»⁵⁾. При Борисѣ Годуновѣ, въ послѣдніе годы XVI вѣка, Чертежъ былъ дополненъ; а при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, около 1627 года, старый Чертежъ «избился весь и развалился», такъ что «впредь по немъ урочищъ смотрѣть не можно», и потому необходимость заставила «примѣряться къ старому чертежу въ туежъ мѣру сдѣлать новый чертежъ всему Московскому государству по всѣмъ окрестнымъ государствамъ». Тогда же составлена и Книга Большаго Чертежа, объясняющая «чертежные подписи урочищамъ» и какъ на чертежѣ, такъ и въ Книгѣ «знаменемъ мѣра верстамъ положена». Въ 1680 году Чертежъ былъ сдѣланъ вновь, съ дополненіями по тогдашнему состоянію Россіи, при чемъ составлено и описаніе, которое было издано въ 1773 г. Н. И. Новиковымъ, подъ заглавіемъ: «Древняя Россійская Идрографія». Въ 1792 году явилось въ свѣтъ и описаніе Чертежа 1627 года, подъ названіемъ: «Книга Большому Чертежу», а въ 1832 году Д. И. Языковъ издалъ вновь объ эти книги. Кромѣ ихъ, Спасскій пользовался для своего изданія 1846 года восемью рукописями, писанными до и послѣ 1680 года, во второй половинѣ XVII столѣтія. Всѣ существенныя разногласія между печатными изданіями и рукописями, касающіяся собственныхъ именъ, числа верстъ, пропусковъ, добавокъ и проч., онъ обозначилъ въ примѣчаніяхъ подъ текстомъ, а объясненія, касающіяся нѣкоторыхъ предметовъ, упоминаемыхъ въ текстѣ, помѣстилъ въ концѣ книги.

Относительно мѣры протяженія Спасскій полагаетъ, что версты Большаго Чертежа не всегда согласны съ нынѣшними 500-саженными и могли быть въ 1000 и 700 сажень и затѣмъ могли отчасти исправляться переписчиками по новѣйшимъ измѣреніямъ. Высказывая это мнѣніе, Спасскій очевидно не

⁵⁾ Исторія Россійская Татищева, I, стр. 506.

зналъ изслѣдованія Буткова о старинныхъ русскихъ мѣрахъ линейныхъ и путевыхъ ⁶⁾, въ которомъ доказано, что верста наша издревле состояла изъ 500 сажень трехаршинныхъ или семифутовыхъ.

Въ Книгѣ Большаго Чертежа свѣдѣнія о Киргизскихъ степяхъ и Туркестанскомъ краѣ занимаютъ почти цѣлую главу (стр. 69—76): *а Казахія орды кочевья, и земля Юргенская, и земля Бухарская, писано въ росписи съ рѣкою Яикомъ* (стр. 158): но такія свѣдѣнія встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ Книги (стр. 151 и 217—218). Спасскій снабдилъ ихъ примѣчаніями (59—71, 172 и 218—218), и многіе другіе писатели о средней Азіи не разъ комментировали нѣкоторыя позванія Книги. Но никто не разбиралъ ихъ въ полномъ объемѣ, и потому многія изъ нихъ не обратили на себя того вниманія, котораго заслуживали, а другія остались или вовсе не разъясненными, или растолкованными неправильно по недостатку въ то время положительныхъ свѣдѣній о краѣ. Поэтому разберу вновь, въ цѣлости, сравнительно съ современными данными, все то, что есть въ Книгѣ Б. Чертежа о Киргизскихъ степяхъ и Туркестанскомъ краѣ.

Послѣ описанія Яика, нынѣшняго Урала, и правыхъ притоковъ его читаемъ (стр. 69):

А противъ тѣхъ рѣкъ, съ тѣхъ страны Яика, пала въ Яикъ Изль рѣка.

Въ другихъ мѣстахъ она называется Илезъ, то-есть, Илекъ рѣка.

А выше Изль рѣки, по конецъ Аралтовы горы, пала въ Яикъ рѣка Воръ изъ горы Урюка; изъ той же горы вытекла рѣка Иррызъ и пала въ озеро Акбаилы.

Въ другомъ мѣстѣ Книги Чертежа (стр. 72) говорится:

А отъ Сияю моря 300 верстъ Урукъ гора: вдоль Урука горы 90 верстъ. Изъ горы потекли три рѣки: рѣка Воръ,

⁶⁾ Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, 1844 года, книжка 11-я.

течетъ въ рѣку въ Яикъ, въ ночь; рѣка Иртызь, течетъ въ озеро Акбаиль, на востокъ; рѣка Гемъ, течетъ въ полдень къ Хвалимскому морю, и пала, не дошедъ до моря, въ озеро.

Гора Айрюкъ, выбранная очень удачно для ориентировки, составляетъ высшую точку въ Мугоджарскомъ хребтѣ, находящуюся въ равномъ разстояніи, верстахъ въ 250, отъ устья Ори и отъ сѣверозападной оконечности Синяго или Аральскаго моря; но въ Книгѣ Чертежа названіе горы Айрюкъ распространяется на весь этотъ хребетъ, тянущійся въ меридіональномъ направленіи верстъ на 150. Изъ Мугоджарскихъ горъ, около Айрюка, вытекаютъ: на сѣверъ рѣка Оръ, на востокъ Иргизъ, но только однимъ истокомъ, известнымъ подъ названіемъ Читъ-Иргиза, и на югъ Эмба.

Рѣка Оръ впадаетъ въ Уралъ *по конецъ Аралтовы горы*, но что эта за гора? Спасскій полагаетъ (прим. 58), что это горный хребетъ, простирающійся къ Аральскому морю, то-есть, Мугоджары или Айрюкъ; но по соображенію трехъ мѣстъ, гдѣ упоминается Аралтова гора, скорѣе можно думать, что это та часть Уральскаго хребта, которая тянется вдоль праваго берега рѣки Урала и оканчивается Губерлинскими горами.

Рѣка Иргизъ впадаетъ въ озеро, которое на прежнихъ картахъ и въ старыхъ описаніяхъ Киргизской степи Рычкова ⁷⁾ и Левшина ⁸⁾ называлось Аксакаль-барби, именемъ, близко подходящимъ къ названію, употребленному въ Книгѣ Большаго Чертежа, а на новѣйшихъ картахъ и въ описаніи Бларамберга ⁹⁾ неизвѣстно почему переименовано въ Челваръ-денгисъ, названіе общее въ Киргизскихъ степяхъ многимъ озерамъ. Бларамбергъ насчитываетъ въ Оренбургской Киргизской степи четыре Чел-

⁷⁾ Рычковъ. Оренбургская Топографія. Сиб. 1762, часть I, стр. 214.

⁸⁾ Левшинъ. Описаніе Киргизъ-казачьихъ ордъ и степей. Сиб. 1832. Часть I, стр. 82.

⁹⁾ Бларамбергъ. Военно-статистическое обозрѣніе земли Киргизъ-казаковъ Малаго ордъ (Зауральскихъ Киргизовъ Оренбургскаго вѣдомства). Сиб. 1848, стр. 66.

кара, а Сильвергельмъ въ Сибирской степи три ¹⁰⁾. Слово денгисъ, по русски «море», прибавлено на картахъ для обозначенія какъ значительной величины озера, такъ и горько-соленого вкуса воды въ немъ. Въ послѣднемъ описаніи Оренбургской Киргизской степи Мейера озеро названо въ одномъ мѣстѣ Челкаромъ, а въ другомъ Агъ-сакаль-таупъ, какъ называютъ его Киргизы, и Агъ-сакаль-барби, какъ называли прежде Русскіе, но за то, вѣроятно по ошибкѣ, причислено въ прѣснымъ озерамъ ¹¹⁾.

Объ устьѣ рѣки Гемъ, то-есть, Эмбы, Книга Чертежа говоритъ потомъ во второй разъ, и потому обратимся въ дальнѣйшему показанію Книги о рѣкѣ Иргизѣ и объ озерѣ Авбашлы (стр. 69):

А противу тое рѣки въ то же езеро пала рѣка Саукъ, а въ рѣку Саукъ пала Бозынъ-Гинчалъ-Иленъ рѣка; съ лѣвоя стороны, а съ правоя стороны въ то же езеро пала Юрюкъ-Иргызъ.

Отсутствіе на современныхъ картахъ Саука и Бозына не даетъ права заключать о невѣрности самаго показанія. Обращеніе Агъ-сакаль-барби или Агъ-сакаль-таупъ въ Челкаръ уже доказываетъ какъ произвольно измѣняются иногда названія. Въ словѣ Агъ-сакаль-таупъ звучитъ еще Саукъ Книги Чертежа, точно также какъ названія горы Бузунъ-ханъ и песковъ Бузунъ, обозначенныя на картѣ Киргизской степи г. Левшина сѣвернѣе Агъ-сакаль-барби около Улькояка и Тургая и опущенныя на современныхъ картахъ, доказываютъ, что имя рѣки Бозынъ въ Книгѣ Чертежа не выдуманно. Подтвержденіе существованія рѣки Саукъ мы находимъ въ слѣдующемъ свидѣтельствѣ Абуль-гази-бегадуръ-хана: Батый, по возвращеніи своемъ изъ Россіи (около 1243 г.), назначая

¹⁰⁾ Сильвергельмъ. Военно-стат. обзорніе Киргизской степи Западной Сибири. С.-Пб. 1852, стр. 29—41.

¹¹⁾ Матеріалы для Географіи и Статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба. Киргизская степь Оренбургскаго вѣдомства, Мейера. С.-Пб. 1865, стр. 47 и 41.

удѣлъ младшему своему брату Шейбани-хану, говорить: «Ты будешь имѣть всю страну, которая распространяется между владѣніями моего старшаго брата Ичена и моими; ты можешь проводить лѣто на Иргизь-Саукѣ, Ори, Илекѣ и на востокѣ отъ Яива почти до Уральскихъ горъ, и зиму въ Кара-еумѣ, Аравумѣ, на берегахъ Сыра и около устьевъ Чу и Сары-су»¹²⁾. Между тѣмъ на новѣйшихъ картахъ эти старинныя названія исчезли или отъ произвола топографовъ, снимавшихъ мѣстность, или ихъ вожаковъ, или навонецъ, отъ какихъ-либо ничтожныхъ случайностей. Не придавая, такимъ образомъ, большого значенія отсутствію на современныхъ картахъ названій, упоминаемыхъ въ Книгѣ Чертежа, остается обратиться къ самой сущности ея показаній. Въ озеро Акъ-сакаль-барби, со стороны, противоположной Иргизу, впадаетъ нѣсколько ручьевъ, но ручьи эти и ихъ притоки, если они есть, слишкомъ ничтожны, чтобы могли быть названы рѣками. Очевидно рѣчь идетъ не о нихъ. Но кромѣ этихъ ручьевъ и рѣки Иргиза, въ бассейнѣ Акъ-сакаль-барби остается еще одна рѣка — это Тургай, и она-то, по всей вѣроятности, и есть Саукъ. Догадка эта подтверждается слѣдующими соображеніями: Рѣки Тургай и Иргизъ сливаются вмѣстѣ недалеко отъ своего впаденія въ Акъ-сакаль-барби, и которая изъ нихъ имѣетъ первенствующее значеніе — еще вопросъ; по крайней мѣрѣ г. Левшинъ придаетъ такое значеніе Тургаю. «Озера Акъ-сакаль-барби», говоритъ онъ, — «весьма извѣстны потому, что въ нихъ впадаетъ одна изъ значительнѣйшихъ киргизскихъ рѣкъ, а именно Тургай, принимающій въ себя множество другихъ рѣкъ и рѣчекъ, въ томъ числѣ и Иргизъ». При такомъ относительномъ значеніи рѣки Тургай, она не могла быть пропущена въ Книгѣ Чертежа, гдѣ говорится обстоятельно о гораздо менѣе важныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе отдаленныхъ рѣкахъ, какъ напримѣръ, о Джиланчикѣ (стр. 208), а

¹²⁾ Histoire des Mogols et des Tatares, par Aboul-Ghazi Behadour Khan, traduite par le baron Desmaisons. St.-Petersbourg, 1874, стр. 191.

между тѣмъ о рѣкѣ Тургаѣ не упоминается въ Книгѣ ни разу, — слѣдовательно, она была извѣстна подъ другимъ именемъ. Кромѣ того, по свидѣтельству г. Левшина, озеро Авъ-сакаль-барѣи, сравнительно даже съ тѣмъ, какъ оно было въ половинѣ прошлаго столѣтія, значительно обсохло, а потому въ прежнее время могло принимать въ себя обѣ рѣки, независимо одна отъ другой, Иргизъ правѣе, а Тургаѣ лѣвѣе. Доводы эти, кажется, достаточны, чтобы признать за Тургаемъ прежнюю рѣку Саукъ. Въ такомъ случаѣ рѣка Бозынъ-Гинчалъ-Илгенъ найдется сама собою въ Улькойѣ, правомъ, довольно значительномъ, притокѣ Тургаѣ.

Въ концѣ разбираемаго мѣста, въ текстѣ замѣчательно повтореніе названія Иргизъ, съ прибавленіемъ къ нему слова Юрюкъ. Разъ сказано, что въ озеро впадаетъ рѣка Иргизъ, а въ другой разъ Юрюкъ-Иргизъ, то-есть, тотъ Иргизъ, который вытекаетъ изъ горы Айрюкъ, или нынѣшній Чить-Иргизъ и нижняя часть большаго или Улу-Иргиза. При этомъ имѣлся, конечно, въ виду другой Иргизъ, или верхняя часть Улу-Иргиза, хотя о немъ и не упомянуто.

Далѣе въ Книгѣ Чертежа читаемъ (стр. 69):

А противу тѣхъ рѣкъ, и Хвалимскаго моря съ горою Юрюкомъ. пески Аракумъ, да пески Кара-кумъ, да пески Барсукъ-кумъ.

А въ другомъ мѣстѣ Книги (стр. 73) говорится:

А къ Синему морю, отъ Иртызъ рѣки 280 верстъ, пески Барсукъ-кумъ, поперегъ того песку 25 верстъ; да пески Кара-кумъ отъ Синяго моря 200 верстъ. Пески Кара-кумъ вдоль 250 верстъ, а поперегъ 130 верстъ. А тѣ три пески прилегли къ Синему морю къ берегу.

Какіе изъ многочисленныхъ песковъ въ южной части Киргизской степи названы Аракумомъ? Хотя въ нѣкоторыхъ рукописяхъ Аракумомъ называютъ завѣдомо Каракумъ (см. въ вариантахъ Спасскаго ссылки 1), а извѣстныхъ въ степи Каракумовъ два: одинъ — южнѣе устья Эмбы по берегу Каспій-

скаго моря, а другой—въ углу между нижнею частью Сырдарьи и сѣверо-восточнымъ краемъ Аральскаго моря,—но въ данномъ случаѣ допустить описку и читать, вмѣсто Аракума, Каракумъ едва-ли возможно, особенно если примемъ во вниманіе приведенное выше свидѣтельство Абуль-гази о существованіи Ара-кума независимо отъ Каракума. Кромѣ того, къ Аральскому морю прилегаютъ, по тексту Книги Чертежа, *три пески*, тогда какъ при этомъ говорится только о двухъ — Барсукъ-кумъ и Кара-кумъ; и въ дѣйствительности песковъ три, а именно Большіе и Малые Барсуки и Каракумъ: на этомъ основаніи за пески Ара-Кумъ придется признать Большіе или Малые Барсуки, и скорѣе послѣдніе, такъ какъ по своимъ размѣрамъ они менѣе первыхъ подходятъ къ Барсукамъ, описываемымъ въ Книгѣ. Большіе Барсуки примыкаютъ къ сѣверо-западному берегу Аральскаго моря, въ разстояніи 250—300 верстъ отъ Читъ-Иргиза, и имѣютъ ширину около 25 верстъ. Малые Барсуки, или Аракумъ, примыкаютъ къ заливу Перовскому въ разстояніи около 200 верстъ отъ Читъ-Иргиза и имѣютъ ширину около 10 верстъ. Наконецъ, пески Кара-кумъ примыкаютъ къ заливу Сары-чеганавъ, и потому выраженіе о разстояніи между ними и моремъ непонятно, и вѣроятно, искажено при перепискахъ. Кара-кумы простираются отъ сѣвера къ югу, или отъ озера Аксакаль барби до урочища Майлибашъ на Сырѣ, по прямой линіи на 225 верстъ и отъ Аральскаго моря на востокъ болѣе, чѣмъ на 100 верстъ; ширина же Каракумовъ въ сѣверной части достигаетъ до 200 верстъ.

Возвращаясь затѣмъ опять къ горѣ Айрюкъ и вытекающимъ изъ нея рѣкамъ, читаемъ (стр. 69):

Изъ тоя же горы Юрюка потекла рѣка Гемъ. А въ Гемъ рѣку, съ правыя стороны, пала рѣка Темирсу; а Гемъ рѣка, не дошедъ до Хвалымскаго моря 20 верстъ, пала въ озеро.

Рѣка Гемъ, то-есть, Эмба, вытекаетъ однимъ изъ двухъ своихъ истоковъ изъ Мугоджарскихъ горъ, принимаетъ въ себя справа рѣку Темиръ, не доходя 72 верстъ до Каспійскаго

моря начинается раздѣляться на рукава, за 21 версту до моря соединяется въ одно русло и снова раздѣляется на рукава, изъ которыхъ главные два. Рукава эти разливаются озерами и затѣмъ впадаютъ въ Каспійское море ¹³).

Далѣе въ Книгѣ говорится (стр. 70):

А съ правыя страны Гемъ рѣки Кайняръ-Сакмызъ рѣка, отъ Геми 50 верстъ, устьемъ вровень отъ моря пала себѣ въ иное озеро: протоку Кайняръ-Сакмызъ рѣки 200 верстъ.

Рѣка Сагизъ въ нижнихъ своихъ частяхъ течетъ параллельно Эмбѣ, верстахъ въ 70 отъ нея, и не доходя Каспійскаго моря, теряется въ солончакахъ Тентявъ-соръ, соединяющихся съ устьями Эмбы. Длина теченія Сагиза 375 верстъ ¹⁴).

Затѣмъ на стр. 70 же:

А съ лѣвыя страны, ниже Вора рѣка 420 верстъ, пала въ Яикъ три рѣчки безъ прозванія, а межъ ими по Яику берегомъ 90 верстъ. А ниже тѣхъ рѣчекъ 50 верстъ, пала въ Яикъ съ лѣвыя страны Яика Илезъ рѣка, ниже горы Тустеби, по нашему та гора Соленая: ломаютъ въ ней соль.

Разстояніе по рѣкѣ Уралу между устьями Ори и Илека верстъ 360. На этомъ протяженіи въ Уралъ впадаетъ слѣва, не три, а болѣе рѣчекъ. Вообще цифровыя показанія въ этомъ мѣстѣ текста не опредѣлительны и не понятны. Рѣка Илезъ впадаетъ въ Уралъ 150 верстами ниже Тусъ-тюбе или Соленой горы, гдѣ ломаютъ соль, и гдѣ нынѣ Илецкая защита.

Далѣе также на стр. 70:

А на устьѣ тое рѣки островъ Кошъ-Яикъ. А промежъ тѣхъ протоковъ и рѣки Яика, на острову Казачій городъ.

Дѣйствительно, при впаденіи Илека въ Уралъ находится казачій Илецкій городокъ, но онъ былъ основанъ только

¹³) Топографическое описаніе рѣки Эмбы, составленное корп. топогр. подпоруч. Алексѣевымъ въ 1853 году. Вѣстн. Геогр. Общ. 1855 г., часть 15.

¹⁴) Бларамбергъ, стр. 54.

около 1730 года ¹⁵⁾, слѣдовательно, не могъ быть извѣстенъ не только въ XVI, но даже въ XVII столѣтіи, когда составлялась, исправлялась и переписывалась Книга Большаго Чертежа. Заподозрить въ этомъ показаніи позднѣйшую приписку невозможно, потому что рукописи, которыми пользовался Спасскій, относятся къ концу XVII столѣтія. Остается поэтому допустить, что еще до основанія нынѣшняго Илецкаго городка было при сляніи Илека съ Яикомъ какое-либо казачье жилище. Но вѣкъ оно было занято? Всего естественнѣе думать, что Яицкими, нынѣшними Уральскими, казаками. Поселясь на Яикѣ и занимаясь на этой рѣкѣ главнымъ образомъ рыболовствомъ, они могли обратить вниманіе на устье Илека, какъ мѣсто, выгодное для этого промысла. Намекъ на какое-то особенное значеніе для Яицкихъ казаковъ рѣки Илека находимъ въ преданіи ихъ, записанномъ Рычковымъ, что атаманъ Шамай, предпринявъ походъ изъ Яицкаго городка, нынѣшняго Уральска, въ Хиву, пошелъ вверхъ по Яику до Илека рѣки, тогда какъ прямой и естественный путь оставлялъ эту рѣку далеко въ сторонѣ. По другому преданію, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ пожаловалъ казакамъ грамоту «на рѣку Яицъ съ сущими при ней рѣки и притоки и со всякими угодыя отъ вершинъ той рѣки до устья» ¹⁶⁾. Наконецъ, при устройствѣ Оренбургской линіи, владѣніе Яицкаго казачьяго войска было распространено и на Илецкій городокъ. Съ другой стороны нельзя не замѣтить, что въ Яицкомъ войскѣ не сохранилось никакого преданія о построеніи ими въ XVII столѣтіи городка при устьѣ Илека. Кромѣ того, Книга Чертежа нигдѣ не упоминаетъ ни о Яицкихъ казакахъ, ни о Яицкомъ городкѣ; слѣдовательно, во время ея составленія ихъ еще не было, или она не знала о ихъ существованіи. Поэтому, можетъ быть, городокъ при

¹⁵⁾ Матеріалы для Геогр. и Стат. Россіи, собранные офицерами генеральн. штаба. Уральское казачье войско, Рябинина. Спб. 1866. Часть I, стр. 36.

¹⁶⁾ Рычковъ, Топогр. Оренб. Ч. II, стр. 76 и 79.

устѣ Илеа былъ занятъ первоначально не Яицкими казаками, а другими какими-нибудь бѣглецами изъ Московскаго государства.

На стр. же 70:

А Илезъ рѣка вытекла за горою Урукъ, а верховьемъ взялася та рѣка съ рѣкою Темиремъ: вытекла тремя протоки.

Илекъ вытекаетъ изъ горъ сѣверо-западнѣе Мугоджарскаго хребта нѣсколькими истоками, изъ которыхъ одинъ очень близокъ къ истоку Темира.

Стр. 70—71:

А въ Илезъ рѣку, за 60 верстъ отъ устья, съ лѣвья страны пала Сунгурлукъ рѣка; а противъ горы Тустебе, выше Сунгурлука вытекла рѣка Оиль, и пала Оиль рѣка, не дошедъ до рѣки Яика, въ землю: и на устьѣ той рѣки около 8 озеръ Караголъ, по нашему Черныя озера.

Рѣка Сунгурлукъ безспорно нынѣшняя Хобда, впадающая слѣва въ Илекъ верстахъ въ 100 выше его устья и ниже Тусь-тюбе, гдѣ теперь Илецкая защита.

Рѣка Оиль, то-есть, Уиль, беретъ начало нѣсколькими истоками, близкими къ истокамъ Темира, Илеа и Хобды, и нѣсколько восточнѣе меридіана Илецкой защиты, и не доходя Урала, раздѣляется на рукава и теряется въ солончакахъ. Сѣверный, главный рукавъ оканчивается урочищемъ Кара-куль.

Стр. 71:

А промежъ рѣки Сунгурлука и Оиль рѣки пали двѣ рѣки въ землю: рѣка Аспага и рѣка Кууей. А тѣ обѣ рѣки вытекли изъ горы, а горь прозваніе не описано, а по той горь льсз.

Между Хобдою и Ураломъ есть нѣсколько рѣчекъ, которыя не доносятъ своихъ водъ до Урала и оканчиваются небольшими озерами, но названія ихъ не сходствуютъ съ упомянутыми въ Книгѣ, и истоки ихъ находятся не вмѣстѣ, а въ разныхъ мѣстахъ. Вѣроятно, Книга Чертежа говоритъ о наиболѣе значительныхъ изъ этихъ рѣчекъ: Булдуурты, ко-

торая беретъ начало при урочищѣ Кара-агачъ, что значитъ черный лѣсъ, и Калдыгайты, вмѣющей истокъ около лѣса Кара-талъ.

Также на стр. 71:

А противъ Оуля рѣки, 30 верстъ отъ Яика, гора Индеръ, и подъ тою горою озеро, а въ немъ соль какъ ледъ.

Индерское соленое озеро находится въ 10 верстахъ отъ крѣпости Горской на Уралѣ.

Пропустивъ затѣмъ мѣсто въ Книгѣ Чертежа, гдѣ говорится о нижней части теченія рѣки Яика, продолжаемъ читать (стр. 72):

А отъ усть Яика рѣки, берегомъ морскимъ на востокъ къ Юргенской землѣ, противу устья рѣки Кимаръ-Сактызъ, до конца Хвалымскаго моря 200 верстъ.

Мѣсто это не понятно. Что разумѣется здѣсь подъ концемъ Каспійскаго моря? Если наиболѣе восточная точка моря, или вѣрнѣе, залива Мертваго Култука, то она находится верстахъ въ 300 отъ устья Урала. Далѣе, затѣмъ говорится объ устьѣ Сагиза? Если Книга Чертежа беретъ разстояніе отъ устья Урала на востокъ, по направленію къ Хивѣ, берегомъ Каспійскаго моря, то естественнѣе было бы упомянуть объ устьѣ Эмбы, чѣмъ объ устьѣ Сагиза, удаленномъ отъ моря верстъ на 100, тѣмъ болѣе, что оба устья находятся почти на одномъ меридіанѣ, верстами 100 восточнѣе Урала. Можетъ быть однако, Книга Чертежа полагала устье Сагиза нѣсколько восточнѣе, на одномъ меридіанѣ не съ Эмбой, а съ восточнымъ краемъ Мертваго Култука. Можетъ быть также, она брала разстояніе отъ устья Урала на востокъ не берегомъ морскимъ, а по Старо-Ногайской дорогѣ въ Хиву, которая пересѣкаетъ прежде Сагизъ, а потомъ уже Эмбу.

Стр. 72:

И всего отъ Астрахани Хвалымскимъ моремъ вдалѣ до Юргенской земли, 1200 верстъ, а поперегъ Хвалымскимъ мо-

ремь, отъ усть-рѣки Яика, до Кизылбашской земли 800 верстъ. А отъ усть-рѣки Киняръ-Сакмызъ не описано (въ другихъ рукописяхъ *описано*, но первое вѣрнѣе, иначе бы шло далѣе описаніе).

Такимъ образомъ и у насъ въ XVI—XVII столѣтіяхъ полагали, что Каспійское море имѣеть главное протяженіе отъ запада въ востокъ и поперечное отъ сѣвера къ югу, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно растягивается по меридіану градусовъ на 10 (устье Урала подь 47° с. ш. и Ашуръ-аде около персидскаго берега подь 37°), а по долготѣ не болѣе какъ на 5° (край Карабугазскаго залива 5° восточнѣе Астрахани). Здѣсь опять представляется вопросъ: какъ бралось разстояніе отъ Астрахани до Ургенской или Хивинской земли — берегомъ ли Каспійскаго моря, какъ говоритъ Книга Чертежа, или по Старо-Ногайской дорогѣ, какъ намеваютъ слова, что отъ устья рѣки Сагиза не описано? Въ обоихъ случаяхъ разстояніе въ 1200 верстъ подходитъ къ дѣйствительности. По берегу моря отъ Астрахани до устья Урала верстъ 300, далѣе до восточнаго края Мертваго вультува тоже 300, до Мангышлака 400, наконецъ до начала Карабугазскаго залива 350, всего около 1150 верстъ; а по Старо-Ногайской дорогѣ отъ Астрахани до Урала у Сарайчикова верстъ 300 и затѣмъ, по маршруту 1841 года Никифорова, до Сагиза 134, до Эмбы 82, до Усть-урга 130, до Айбугира 384 и до Буна-Ургенча 94, итого 624, а всего 1224 версты.

Стр. 72:

А отъ Хвалымскаго моря до Синяго моря, на лѣтній на солмечный восходъ прямо, 250 верстъ.

Разстояніе отъ Каспійскаго моря до Аральскаго моря, подь 45° с. ш., опредѣлено экспедиціей Берга въ 1825—1826 годахъ въ 242 версты¹⁷⁾; а арало-каспійскою нивелировкою

¹⁷⁾ Левшинъ, часть II, стр. 76 и далѣе.

г. Тилло 1874 года, отъ Мертваго Култука до урочища Каратамакъ, но не по прямой линіи, въ 346—342,5 верстѣ ¹⁸⁾.

Стр. 72:

А Синимъ моремъ до усть рѣки Сыра 280 (въ Древней Россійской Идрографіи: 250) верстъ, а поперегъ Синимъ моремъ 60 верстъ.

Указавъ вѣрно разстояніе между Каспійскимъ и Аральскимъ морями, Книга Чертежа растягиваетъ послѣднее, точно также какъ и первое, отъ запада къ востоку и значительно сокращаетъ отъ сѣвера къ югу, уменьшая вмѣстѣ съ тѣмъ его объемъ. Въ настоящее время Аральское море, за исключеніемъ сѣверовосточной части, которая вдается глубоко въ материкъ и образуетъ, такимъ образомъ, средиземный заливъ, имѣетъ какъ въ длину, такъ и въ ширину около 250 верстѣ. Самое большое разстояніе на Аральскомъ морѣ, отъ сѣверовосточной части залива Сары-Чеганакъ до югозападной оконечности моря или до мыса Ургу-Мурунъ, простирается до 400 верстѣ, а отъ устья Сыра до западнаго берега моря 180 верстѣ ¹⁹⁾.

Стр. 72:

А въ Синемъ морѣ вода солоня. Изъ Синяго моря вытекла рѣка Арзасъ и потекла во Хвалымское море. А Арзаса протоку 1060 верстъ.

Показаніе объ Арзасѣ само по себѣ несостоятельно. Если Арзасъ вытекаетъ изъ Аральскаго моря, въ которомъ вода солоня, и впадаетъ въ Каспійское, то это морской протокъ, проливъ, а не рѣка. Если же Арзасъ рѣка, то она не можетъ вытекать изъ моря. Искать Арзасъ въ пересошемъ нынѣ озерѣ Айбугиръ было бы ошибочно, потому что оно не вытекало изъ Аральскаго моря, а скорѣе — впадало въ него, такъ какъ принимало въ себя нѣсколько рукавовъ Аму-

¹⁸⁾ Описаніе Арало-Каспійской нивелировки, произведенной въ 1874 году, Тилло. С.-Пб. 1877, стр. 20.

¹⁹⁾ Описаніе Аральскаго моря Макшеева въ Зап. Геогр. Общ., кн. V. С.-Пб. 1851, стр. 39.

дарьи, имѣло воду прѣсную и составляло, такимъ образомъ, одинъ изъ разливовъ дельты этой рѣки. Кромѣ того, показаніе Книги Чертежа о протяженіи Арзаса несообразно съ другими показаніями той же Книги, именно, что между морями 250 верстъ, и что отъ Ургенча до Каспійскаго моря, какъ увидимъ далѣе, 400 верстъ, а также не согласно и съ самою дѣйствительностію. Отъ юго-западнаго вѣя Аральскаго моря, или мыса Ургу-Муруна, южнѣе Усть-Урта, до Каспійскаго моря, даже по старому, нѣсколько извилистому, руслу Аму-дарьи всего около 750 верстъ. Нѣтъ сомнѣнія, что извѣстіе объ Арзасѣ взято не со словъ очевидца и пришло къ намъ не путемъ распросовъ и не съ востока, знавшаго хорошо Аральское море и впаденіе въ него главнаго рукава Аму-дарьи, также какъ и направленіе другаго къ Каспійскому морю, а нижнимъ путемъ съ запада, который вовсе не зналъ Аральскаго моря и считалъ, со временъ Птолемея, что Аму и Сыръ-дарьи текутъ въ Каспійское море. Извѣстіе это совершенно не вяжется съ прочими показаніями Книги Чертежа, и если мы оставимъ его безъ вниманія, то въ дальнѣйшихъ свѣдѣніяхъ о рѣкахъ Аму-дарьи и Угусѣ, древнемъ Окусѣ, найдемъ реальную основу.

Слѣдующее извѣстіе встрѣчается только въ нѣкоторыхъ спискахъ Книги Б. Чертежа, и потому Спасскимъ приведено только въ вариантахъ на стр. 72:

А въ рѣку Арзасъ съ востоку пала рѣка Аму-дарья: протоку Аму-дарьи рѣки 300 верстъ.

Въ концѣ же главы (стр. 75) говорится о рѣкѣ *Угусъ*, которая течетъ къ *Хвалимскому морю* чрезъ *градъ Юргенчъ*, отъ *рѣки Арзаза 50 верстъ*, а отъ *Хвалимскаго моря 400 верстъ*.

Книга Б. Чертежа разумѣетъ подъ именемъ Аму-дарьи не всю нынѣшнюю рѣку этого имени, а только нижнюю ея часть, именно тотъ рукавъ, который отъ бывшей крѣпости

Бендъ направляется на сѣверъ и имѣеть длины около 200 верстѣ. Книга Б. Ч. пускаетъ воды этаго рукава въ Каспійское море чрезъ Арзасъ; но если мы отринемъ существованіе Арзаса, теченіе нижней части Аму-дарьи приметъ дѣйствительное свое направленіе къ Аральскому морю. Собственно же Аму-Дарью съ рукавомъ ея, направляющимся отъ Бенда на западъ, къ Каспійскому морю, Книга Б. Чертежа называетъ рѣкою *Угусъ*. Отъ Ургенча, расположеннаго на этой рѣкѣ, до пересохшаго нынѣ озера Айбугиръ около 60 верстѣ, а до Каспійскаго моря, по старому руслу Оксуса, болѣе 600 верстѣ. Согласовать на этомъ протяженіи теченіе двухъ близкихъ и параллельныхъ между собою протоковъ, изъ которыхъ сѣверный — Арзасъ — длиною въ 1060, а южный — Угусъ — въ 400 верстѣ, невозможно, потому что послѣдній изъ нихъ примываетъ, какъ извѣстно, къ самому подножію Усть-Урта и не оставляетъ, такимъ образомъ, мѣста для перваго; но если мы отвергнемъ Арзасъ, показаніе Книги Б. Чертежа найдетъ себѣ подтвержденіе, если не въ современной дѣйствительности, то въ быломъ и въ существованіи по настоящее время сухаго русла Оксуса.

Сопоставленіе рѣкъ Аму-дарьи, впадающей въ Аральское море, Оксуса, впадавшаго прежде въ Каспійское море и оставившаго послѣ себя сухое русло, и воображаемаго Арзаса, соединяющаго Аральское море съ Каспійскимъ, свидѣтельствуешь только о стремленіи Книги Б. Чертежа согласовать свѣдѣнія объ одномъ географическомъ предметѣ, полученныя изъ двухъ совершенно различныхъ источниковъ: съ востока, непосредственно знавшаго этотъ предметъ, и съ запада, имѣвшаго о немъ понятіе по отдаленному преданію. На востокѣ и у насъ знали объ отдѣльномъ существованіи Аральскаго моря и о впаденіи въ него рѣкъ Сыра и Аму, также какъ и о направленіи другаго русла Аму-дарьи къ Каспійскому морю. Но на картахъ и въ книгахъ запада, къ которымъ наши малоученые предки, безъ сомнѣнія, имѣли глубокое

уваженіе, Аральскаго моря не было, и рѣки Сыръ и Аму текли въ Каспійское море. И вотъ въ первой нашей географіи являются: Арзасъ, проливъ, соединяющій Араль съ Каспіемъ въ одно море, и независимо отъ Аму-дарьи еще рѣка Угусъ или Оксусъ. Весьма вѣроятно, что такое согласованіе дѣлалось безъ особенно тщательныхъ приемовъ критическаго изысканія. Во всякомъ случаѣ нельзя согласиться съ догадкою г. Ленца, основанною на созвучіи Арзаса съ Ардокомъ Дженкинсона, что это одна и та же рѣка, можетъ быть тождественная съ Кызыль-дарьею Абуль-Гази, при впаденіи которой въ Аму расположенъ былъ еще въ 1603 году городъ Кятъ ²⁰⁾. Арзасъ — протокъ, соединяющій Аральское море съ Каспійскимъ, а Ардокъ Дженкинсона — правый рукавъ Аму-дарьи, направляющійся на сѣверъ, т. е. Аму-дарья Книги Б. Чертежа. Что касается Кызыль-дарьи, то по новѣйшему и безъ сомнѣнія лучшему изданію Абуль-гази Демезона, въ сочиненіи этомъ ни слова не говорится объ этой рѣкѣ ²¹⁾; а по новѣйшей картѣ низовьевъ Аму-дарьи ²²⁾, сухое русло Акча-Дарья впадаетъ съ правой стороны въ Аму-дарью гораздо ниже города Кята, который, кромѣ того, отстоитъ отъ лѣваго берега Аму-Дарьи верстъ на 20. Правда, городъ Кятъ въ XI столѣтіи, при Эль-Бируни, стоялъ на берегу Джигуна, т. е. Аму-дарьи, когда она имѣла теченіе въ Ургенчу, западнѣе насющаго, гдѣ находится нынѣ сухое русло Куна-дарья или Дарьялыкъ, но уже въ XIV столѣтіи, при Тимурѣ, онъ занималъ настоящее свое положеніе ²³⁾. Итакъ, догадка г. Ленца о

²⁰⁾ Наши свѣдѣнія о прежнемъ теченіи Аму-Дарьи, Ленца, въ Запискахъ Географическаго Общества по Общей Географіи, томъ 4, Спб. 1871, стр. 112, 121 и 137.

²¹⁾ Въ переводѣ Абуль-Гази, сдѣланномъ Тредиаковскимъ съ французскаго, часто упоминается рѣка *Кисмалъ* или Кызыль (т. II, стр. 351, 360, 391, 407 и проч.); но въ переводѣ Демезона нѣтъ даже имени Кызыль-дарьи.

²²⁾ Карта Хивинскаго ханства и низовьевъ Аму-дарьи, составленная по съемкамъ 1873 года.

²³⁾ Khiva. Seine historischen und geographischen Verhältnisse von P. Lerch. St.-Pbg. 1873: стр. 20—22.

тождественности Арзаса съ Ардокомъ и съ Казыль-дарьею не имѣть достаточнаго фактичнаго основанія, кромѣ сомнительнаго созвучія первыхъ двухъ названій. Имя Арзасъ произошло не отъ Ардока Дженкинсона, а отъ Аракса древнихъ, названія общаго и нынѣшнему Араксу, и Волгѣ, и Сыру, и Аму, и многимъ другимъ рѣкамъ ²⁴⁾.

Послѣ словъ: *а отъ Хвалымскаго моря 400 верстъ*, въ Книгѣ Б. Чертежа (стр. 76) прибавлено: *А водъ подъ нимъ, ни рѣкъ, ни озеръ, въ Чертежъ не написано*. Хотя слова *подъ нимъ* не извѣстно къ чему относятся, но смыслъ фразы понятенъ. Изъ нея видно, что къ западу отъ Ургенча на Чертежѣ или картѣ ничего не написано, осталась бѣлая бумага, пустота; значитъ, не имѣлось свѣдѣній объ этомъ пространствѣ.

Возвращаясь отъ конца главы назадъ (стр. 73) читаемъ:

Въ Синее море къ востоку пала рѣка Сыръ, а въ Сыръ рѣку пала рѣка Кендерликъ, а рѣка Кендерликъ вытекла изъ Улутовой горы двумя притоки.

А отъ горы протоку Кендерлика рѣки 330 верстъ; а другая рѣка Кендерликъ, изъ той же рѣки, пала въ рѣку Сарсу.

Въ настоящее время нѣтъ даже слѣдовъ рѣки Кендерлика. Исчезла ли она, подобно протоку Адамъ-ата, также не оставившему послѣ себя никакихъ слѣдовъ, тогда какъ въ первой половинѣ прошлаго столѣтія онъ еще имѣлъ теченіе, или же попала въ Книгу Б. Чертежа на основаніи какихъ-либо сбивчивыхъ извѣстій? Вопросъ этотъ, при современныхъ данныхъ, рѣшить трудно, но пользуясь обстоятельными показаніями Книги относительно истоковъ, протяженія и устья Кендерлика и имѣющимися свѣдѣніями объ окрестной мѣстности, постараемся, по крайней мѣрѣ, поставить вѣхи на пути дальнѣйшаго изслѣдованія вопроса.

Истоки рѣки Кендерлика показаны въ горахъ Улу-тау,

²⁴⁾ Девшинъ, часть 1-я: Географическое и историческое разсужденіе о рѣкѣ Яксартѣ или Сыръ-дарьѣ и земляхъ къ ней прилегающихъ, стр. 220—223.

которые находятся на границѣ Тургайской области съ Аемолинскою. Въ другомъ мѣстѣ Книги Б. Чертежа (стр. 207—208) положеніе горъ Улу-тау опредѣлено по вершинѣ рѣки Ишима, и затѣмъ указаны рѣки, которыя текутъ изъ этихъ горъ въ Ишимъ, Тоболь, Сыръ-дарью и Сары-су. Горы Улу-тау являются, такимъ образомъ, въ восточной части Киргизской степи такимъ же пунктомъ ориентировки, какъ Айрювъ или Мугоджары въ западной части. Разберемъ это мѣсто Книги Б. Чертежа, какъ для полноты изслѣдованія вообще, такъ и для разъясненія вопроса объ истокахъ Кендерлика.

Опредѣливъ впаденіе рѣкъ Тобола и Ишима въ рѣку Иртышъ, Книга Б. Чертежа (стр. 208) продолжаетъ: *а вышла Ишимъ рѣка изъ горы. На той рѣкѣ островъ 150 верстъ. А на томъ острову дикія пѣія лошади: добре ихъ много.*

Рѣка Ишимъ беретъ начало изъ горъ Джавсы и Джаманъ-Ніазъ. Однимъ русломъ рѣка идетъ только до Бабатаевскихъ сопокъ, находящихся въ 35 верстахъ къ востоку отъ Аемоловъ. Отсюда разбивается на протоки....²⁵⁾ Слѣдовательно, показаніе объ островѣ на рѣкѣ Ишимѣ имѣетъ фактическую основу. Весьма возможно, что не лишено такой же основы и показаніе о дикихъ лошадяхъ, такъ какъ онѣ до сихъ поръ водятся въ Киргизской степи, хотя и не заходятъ уже въ сѣверную ея часть²⁶⁾. Поэтому мнѣніе Спасскаго (примѣч. 217), что «все здѣсь сказанное объ островѣ на Ишимѣ и о водящихся на немъ дикихъ лошадяхъ — совершенная небылица», кажется, слишкомъ рѣзкимъ и во всякомъ случаѣ бездоказательнымъ.

Далѣе на стр. 208 читаемъ:

Изъ той же горы вытекла рѣка Тоболь.

Тоболь беретъ начало недалеко отъ Орской крѣпости, въ разстояніи, по крайней мѣрѣ 800 верстъ, по прямой линіи,

²⁵⁾ Матеріалы для Географіи и Статистики Россіи, собранные офицерами Генеральнаго Штаба. Область Сибирскихъ Киргизовъ, Красовскаго. Спб. 1863, часть 1-я, стр. 168 и 169.

²⁶⁾ Мейеръ, стр. 78; Красовскій, часть I-я, стр. 303.

отъ верховья Ишима. Обѣ рѣки сближаются на среднѣ своего теченія, на разстояніи отъ 150 до 200 верстѣ, и затѣмъ идутъ параллельно другъ другу до самаго Иртыша. Неправильное опредѣленіе истока рѣки Тобола, составляющее самую грубую ошибку изъ всего разсмотрѣннаго нами въ Книгѣ Б. Чертежа, ослабляется нѣсколько сближеніемъ ея верховья съ истокомъ Урала въ другомъ мѣстѣ Книги (стр. 67). Но страннѣе всего, что почтенный коментаторъ Книги (прим. 217) также находитъ, «что верховье Ишима сближается съ р. Тоболомъ», хотя въ другомъ мѣстѣ (стр. 67) признаетъ, что верховья Тобола сближаются съ Яикомъ!

Еще на стр. 208:

А отъ той горы 170 верстѣ гора Улутова, по нашему Великая гора, а въ ней олово.

Отъ горъ Джаксы и Джаманъ-Ніазъ до горы Улу-тау, по прямой линіи, около 450 верстѣ. Есть ли въ Улу-тау олово неизвѣстно, но въ окрестностяхъ горъ найдены богатая свинцовыя руды, которыми кочевники пользовались издавна. Въ 1815 году экспедиція, отправленная изъ Усть-Уйска въ верховья Кара-Тургай, привезла на линію болѣе 6,000 пуд. свинцовой руды, которою окупилась всѣ расходы, потраченные на ея снаряженіе. Въ 1852 году корпуса топографовъ подпоручикъ Яковлевъ, производившій сплошную съемку въ бассейнѣ Тургаевъ, привезъ, по порученію корпуснаго командира, въ Оренбургъ для пробы нѣсколько пудовъ свинцовой руды, изъ которой въ аптечной лабораторіи Цейзиха выплавлено было около 70% металла.

На той же стр. 208 читаемъ еще:

Изъ Улутовой горы потекли три рѣки, однимъ прозваніемъ всѣ три Сорилы: верхняя Сорила пала въ Ишинъ рѣку, средняя же и нижняя, обѣ Сорилы рѣки, пали въ Тоболъ рѣку.

Изъ той же горы потекли три рѣки Кандерлика, да

рѣка Зиланчикъ, а въ ней въ берегу краски желтыя, да червчатыя.

А мимо той горы, за 40 верстъ отъ горы, течетъ рѣка Сурсу, а въ нее пала рѣка Кендерликъ.

Изъ всѣхъ этихъ рѣкъ только Ишимъ, Тоболь, Джилянчикъ и Сары-су сохранили свои имена, остальные же, т. е. три Сорилы и три Кендерлика, надо искать подъ другими названіями. Верхняя Сорила есть безспорно, нынѣшній Терсакканъ, такъ какъ это единственная рѣка, берущая начало въ горахъ Улу-тау и впадающая въ Ишимъ. Что же касается до Средней и Нижней Сорилъ, то показаніе о впадении ихъ въ Тоболь очевидно ошибочно и произошло отъ неудовлетворительнаго званія верхняго теченія этой рѣки. Тоболь отдѣляется отъ горъ Улу-тау бассейномъ рѣки Тургай, которая выходитъ изъ этихъ горъ многими истоками, извѣстными подъ названіемъ Тургаевъ съ прибавленіемъ прилагательныхъ именъ, напримѣръ, Сары-Тургай, Кара-Тургай и проч., и образующими при своемъ сліяніи въ одну рѣку, въ одно русло, разливы Сарыкопа²⁷⁾. Среди этихъ Тургаевъ, до сліянія ихъ въ одну рѣку, Сауъ Книги Б. Чертежа, и слѣдуетъ искать Среднюю и Нижнюю Сорилы. Зиланчикъ, нынѣшній Джилянчикъ, вытекаетъ изъ горъ Улу-тау и впадаетъ въ озеро Акъ-буль; но есть ли въ берегахъ его желтыя и красныя краски — неизвѣстно. О трехъ Кендерликахъ говорится въ Книгѣ Б. Чертежа два раза: въ первый разъ (стр. 73), что въ рѣку Сыръ впаала рѣка Кендерликъ, вышедшая изъ Улу-тау двумя истоками, и что другая рѣка Кендерликъ, *изъ той же рѣки*, пала въ рѣку Сары-су; а въ другой разъ (стр. 208), что изъ Улу-тау потекли три Кендерлика, и что въ Сары-су пала рѣка Кендерликъ. Хотя между этими двумя мѣстами текста есть небольшое разногласіе, но оно легко отстраняется, если поправимъ очевидную ошибку и вмѣсто *изъ той же рѣки* будемъ читать *изъ той же горы*.

²⁷⁾ Мейеръ, стр. 42.

Тогда будетъ ясно, что всѣ три Кендерлика вытекли изъ горъ Улу-тау, и что два изъ нихъ, соединясь въ одну рѣку, потекли въ Сыръ-Дарью, а третій въ Сары-су. Рѣка Кендерликъ, впадавшая въ Сыръ-дарью, не оставила слѣдовъ своего существованія, а другая рѣка того же имени есть, безъ сомнѣнія, нынѣшній Кингиръ, который вытекаетъ изъ Улу-тау нѣсколькими истоками и впадаетъ въ Сары-су. Если же примемъ въ соображеніе небрежность правописанія собственныхъ именъ въ Книгѣ Б. Чертежа и отчасти неправильность записыванія названій сѣмщиками, не всегда знающими мѣстный языкъ, то можетъ быть даже, что названія Кингиръ и Кендерликъ имѣютъ общее начало: Кендерликъ могъ образоваться изъ Кингирлика, или на оборотъ Кингиръ изъ Кендыра. Рѣка Сары-су протекаетъ мимо Улу-тау не за 40 верстъ, а верстъ за 150.

Указавъ на истоки рѣки Кендерлика, Книга Б. Чертежа опредѣляетъ далѣе пунктъ впаденія ея въ Сыръ-дарью разстояніемъ отъ него устья Сары-су и города Сунака. Оба эти разстоянія показаны въ 150 верстъ; слѣдовательно, впаденіе Кендерлика въ Сыръ-дарью должно искать гдѣ-либо около города Перовска, можетъ быть, въ связи съ Бабыстынскими и Караузьякскими болотами, среди которыхъ есть между прочимъ озеро Кингырь.

Разстояніе отъ Улу-тау до Сыръ-дарьи, около Перовска, около 400 верстъ. На этомъ протяженіи встрѣчаются длинныя сухіе овраги, какъ Акъ-сай, Эспе-сай и проч., которые въ прежнее время, быть можетъ, служили русломъ Кендерлика, и затѣмъ соленныя озера, какъ Арысь, Култузь и проч.

Къ числу данныхъ для соображеній о Кендерликѣ слѣдуетъ еще прибавить, что восточнѣе рѣки Сары-су и южнѣе песковъ Джиты-конуръ, есть урочище, колодцы и солончаки, которые и въ настоящее время носятъ названіе Кендерлика и свидѣтельствуютъ, что это слово не выдуманно, а дѣйствительно связано съ данною мѣстностію. Впрочемъ выводить

изъ этого заключеніе, что здѣсь именно была искомая рѣка нельзя, потому что такое предположеніе не допускаетъ начала ея въ горахъ Улу-тау и вообще не согласуется съ текстомъ Книги Б. Чертежа.

Вѣрность изображенія въ этой Книгѣ рѣкъ Джиланчика и Сары-су, сосѣднихъ съ Кендерливомъ, и вообще всѣхъ рѣкъ Киргизской степи, за исключеніемъ Тобола, даетъ нѣкоторое право заключить о такой же вѣрности весьма обстоятельныхъ показаній ея и о рѣкѣ Кендерлиѣ. Рѣка эта могла существовать въ XVI столѣтіи и потомъ исчезнуть и не оставить послѣ себя даже замѣтныхъ слѣдовъ. Подобное явленіе не рѣдкость въ средне-азіатскихъ степяхъ, чему нагляднымъ примѣромъ можетъ служить рѣка Адамъ-ата. Существованіе ея въ половинѣ прошлаго столѣтія и отсутствіе ея слѣдовъ въ настоящее время констатированы въ первый разъ мною, и потому позволю себѣ рассказать обстоятельства, послужившія въ открытію этого любопытнаго факта.

Въ началѣ 1849 года, разбирая топографическій архивъ генеральнаго штаба отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса, для составленія, по порученію корпуснаго командира, генерала отъ инфантеріи Обручева, проекта военной экспедиціи въ Хиву, я нашелъ единственный, извѣстный до настоящаго времени, экземпляръ маршрутной карты геодезиста Муравина, составленной во время путешествія его съ поручикомъ Гладышевымъ въ 1740—1741 году изъ Оренбурга (нынѣшней Орской крѣпости) въ Хиву ²⁸⁾ и снялъ съ этого экземпляра копію, которая и хранится у меня. Масштабъ карты не обо-

²⁸⁾ Карта эта озаглавлена такъ: «Новая ландкарта тракту отъ Оренбурга чрезъ Киргизское, Каракалпакское и Аральское владѣнія до города Хивы и часть Аральскаго моря и впадающихъ въ него рѣкъ, часть же Сыръ-Дарьи, Кувань-Дарьи и Улу-Дарьи. Описывалъ и подлинную сочинялъ геодезистъ Иванъ Муравинъ. 1741 года. Съ подлинной копировалъ геодезистъ Андрей Веселковъ. Подлинная имѣется у географическихъ дѣлъ, а принятъ геодезистъ Андрей Веселковъ».

значенъ цифрою, хотя для нея и оставлено мѣсто, но судя по линейной шкалѣ, можно заключить, что онъ былъ въ 40 верстъ въ верхкѣ, что составляетъ $22\frac{6}{7}$ версты въ дюймѣ. Слѣдовательно, карта не могла отличаться большими подробностями, но въ общихъ очертаніяхъ, она оказалась совершенно сходною съ новѣйшими съемками. Впрочемъ въ 1849 году сравненіе можно было дѣлать только до Сыръ-дарьи, такъ какъ далѣе этой рѣки съемки наши тогда не распространялись. Лѣтомъ 1851 года была предпринята топографическая рекогносцировка пространства между рѣками Сыромъ и Куваномъ, отъ Аральскаго моря до урочища Майлибашъ. Я находился тогда на Сыръ-дарьѣ и просилъ прикомандированнаго къ корпусу топографовъ прапорщика Рыбина, отправлявшагося на эту рекогносцировку, дѣлать письменныя замѣтки о всемъ, что онъ встрѣтитъ любопытнаго, въ особенности о старинныхъ постройкахъ, т. е. курганахъ, или остаткахъ небольшихъ крѣпостей, и могилахъ или надгробныхъ памятникахъ. Осенью Рыбинъ вернулся со съемкою въ Оренбургъ и передалъ мнѣ свои замѣтки. Сравнивая карту Муравина съ новою съемкою, я убѣдился, что въ общихъ очертаніяхъ онѣ совершенно сходны между собою; но *протокъ Адамъ-ата*, выходъ котораго изъ Сыръ-дарьи у Муравина не означенъ, а впаденіе его въ Куванъ-дарью показано верстами десятью выше впаденія Муравинскаго протока Карасара, или нынѣшняго Бишь-арама, на новой съемкѣ совершенно исчезъ, и на мѣстѣ его означены сплошныя и нѣсколько всхолмленные пески, среди которыхъ не показано никакихъ слѣдовъ прежде бывшаго русла. Между тѣмъ существованіе протока не подлежитъ никакому сомнѣнію. Относительно протоковъ вообще Муравинъ не могъ сдѣлать большихъ ошибокъ, потому что переправлялся чрезъ нихъ самъ, и значитъ, наносилъ ихъ на карту не по разпросамъ, а какъ очевидецъ, и притомъ какъ геодезистъ, а относительно протока Адамъ-ата тѣмъ болѣе, потому что жилъ на

берегу его цѣлую недѣлю въ ставкѣ хана Абуль-хаира ²⁹⁾. Кромѣ того, при болѣе подробномъ обзорѣ новой съемки, среди песковъ оказалась могила *Адамъ-ата*, а въ замѣткахъ Рыбина она описывается уже остатками стариннаго кургана *Адамъ-ата*, имѣвшаго въ длину и ширину по 50 сажень и наполненнаго и окруженнаго многими полуразрушенными могилами, въ числѣ которыхъ одна поросла довольно крупнымъ и густымъ осокоревымъ лѣсомъ. Такъ какъ курганъ не могъ существовать среди песковъ безъ воды, то находка его вполне подтвердила существованіе протока Адамъ-ата. Основываясь на топографическомъ журналѣ Муравина, нельзя не признать, что въ этомъ именно курганѣ и была расположена ставка Абуль-хаира.

Въ 1853 году, во время Акъ-мечетской экспедиціи и послѣ нея, мнѣ удалось осмотрѣть весь правый берегъ Сыръ-дарьи вверхъ до Джулека и часть лѣваго берега около бывшаго коканскаго Кумышъ-бургана или нашего форта № 3 на Куванъ-дарьѣ. Пользуясь личными наблюденіями и произведенными съемками, я составилъ тогда топографическое описаніе низовьевъ Сыръ-дарьи ³⁰⁾, съ тою цѣлью, чтобы дать положительный матеріалъ для будущихъ изслѣдователей вопроса объ измѣняемости мѣстнаго орошенія въ этомъ краѣ. Черезъ четырнадцать лѣтъ, мнѣ самому пришлось прибѣгнуть къ этому матеріалу, чтобы убѣдиться, что память о нѣкоторыхъ протокахъ мнѣ не измѣнила, а измѣнились самые протоки. Такъ на мѣстѣ рукава рѣки Сыра Казалы, который въ 1853 году имѣлъ до 20 сажень ширины, до 2 саж. глубины и значительную быстроту, и сопровождался съ лѣвой стороны обширными непроходимыми разливами, заросшими камышемъ, въ 1867 году я нашелъ едва замѣтную струю воды, а далѣе,

²⁹⁾ Поѣздка изъ Орска въ Хиву и обратно, совершенная въ 1740—1741 годахъ Гладышевымъ и Муравинимъ, въ Географическихъ Извѣстіяхъ за 1850 годъ.

³⁰⁾ Описаніе низовьевъ Сыръ-дарьи, А. Макшеева, въ Морскомъ Сборникѣ 1856 г. № 9.

среди сухихъ камышей проложена уже колесная дорога. Начало рукава Беръ-казань, питавшаго Бабыстынскія и Каразузявскія болота, протокъ Сагазы въ 1853 году имѣлъ при выходѣ своемъ изъ Сыра до 20 сажень ширины и до 1½ глубины и представлялъ большія затрудненія для переправы, а теперь совершенно высохъ.

Этихъ данныхъ, кажется, достаточно, чтобъ убѣдиться, что рѣка Кендерликъ могла существовать въ XVI столѣтіи; но существовала ли она въ дѣйствительности — вопросъ этотъ не рѣшается еще одною возможностью, подрѣпленною свидѣтельствомъ Книги Б. Чертежа, и требуетъ дальнѣйшихъ изысканій.

Возвращаемся къ прерванному разбору текста Книги Б. Чертежа на стр. 73:

А рѣка Сарса пала въ озеро, не дошедъ до Сыра рѣки, отъ усть рѣки Кендерлика 150 верстъ, а отъ Карачатовой горы 70 верстъ.

Рѣка Сары-су, дѣйствительно, впадаетъ въ озеро Телебуль, не доходя рѣки Сыра, верстахъ въ 150 отъ города Перовска, и слишкомъ въ 50 отъ начала Каратаускаго хребта.

А вдоль Карачатовой горы 250 верстъ; а отъ Сыра рѣки та гора 80 верстъ.

Хребетъ Каратау тянется почти паралельно рѣкѣ Сыру на 350 верстъ, въ разстояніи отъ нея верстахъ въ 80.

Затѣмъ на стр. 74:

А отъ усть рѣки Кендерлика 150 верстъ, съ лѣвой стороны рѣки Сыра, градъ Сунакъ, противъ Карачатовой горы.

Спасскій, въ примѣчаніи (65) къ этому мѣсту Книги говоритъ: «Сунака болѣе нѣтъ въ числѣ городовъ. Въ Атласѣ, изданномъ при Императорской С.-Пб. Академіи Наукъ 1737 г., онъ названъ Зунакомъ и поставленъ не на лѣвой, а на правой сторонѣ Сыръ-дарьи». Въ составленной мною въ 1853 году разспросной картѣ пространства между Аеъ-мечетью и Ташкентомъ показано, что противъ того мѣста на правой сто-

ронѣ Сыра, гдѣ находятся развалины города Саурана, верстахъ въ 50 отъ Туркестана, на лѣвомъ берегу рѣки ко-чуютъ Киргизы Джапасскаго рода Сунакова отдѣленія. На-звание Сунакова отдѣленія могло произойти отъ имени го-рода, но гдѣ именно этотъ городъ—оставалось для меня за-гадкою до послѣдней моей поѣздки въ Туркестанскій край въ 1867 году, когда наконецъ удалось опредѣлить его мѣ-стоположеніе. Развалины города Саганака, или сокращено Су-нака, находятся верстахъ въ 40 по прямой линіи на юго-востокъ отъ Джулека и въ 15 отъ станціи Тюмень-арыкъ на Сыръ-дарьѣ. Разстояніе отъ Джулека до Перовска, по маршрутной съемкѣ 1853 года — 104 версты, а по нынѣш-нему почтовому дорожнику — 134; слѣдовательно, отъ Сунака до Перовска, какъ уже было сказано, около 150 верствъ. Сунакъ, вопреки Книгѣ Б. Чертежа, оказался на правой сто-ронѣ Сыра, но здѣсь, очевидно, ошибка, недосмотръ въ Книгѣ; иначе всѣ послѣдующіе города нужно было бы перенести съ правой стороны на лѣвую, вопреки дѣйствительности и безъ сомнѣнія показанію самой Книги.

Стр. 74:

На рѣкѣ же на Сыръ, отъ Сунака града 90 верствъ, градь Ясырванъ.

Это городъ Сауранъ, Савранъ ³¹⁾, развалины котораго на-ходятся дѣйствительно въ 90 верстахъ, по прямой линіи, отъ Саганака, и въ столькихъ же верстахъ отъ станціи Тюмень-арыкъ, по почтовой дорогѣ, но отъ Сыръ-дарьи верстахъ въ 15.

Стр. 74:

А отъ Ясырвана града 100 верствъ градь Тюркустанъ: отъ Сыра рѣки отъ берега 20 верствъ.

Отъ Саурана до Туркестана по почтовой дорогѣ только 48 верствъ, а отъ Туркестана до переправы Учъ-каикъ на Сыръ верствъ около 40.

³¹⁾ О развалинахъ Саурана см. книгу П. И. Держа: Археологическая по-ѣздка въ Туркестанскій край въ 1867 году. С.-Пб. 1870.

Стр. 74:

А отъ Тюркустана 140 верстъ, на рѣкѣ на Сырь, градъ Арканъ.

Спасскій думаетъ (прим. 67), что это Яркентъ, но такую грубую ошибку едва ли можно допустить въ Книгѣ Б. Чертежа, особенно вслѣдъ за отчетливыми показаніями о городахъ Саганахъ, Сауранъ и Туркестанъ. Скорѣе можно предположить, что это Отраръ, развалины котораго находятся къ югу отъ Туркестана по прямой линіи свыше 50 верстъ, на правомъ берегу рѣки Арыса, верстахъ въ 10 отъ впаденія ея въ Сырь-дарью. Значительная разница въ разстояніи не имѣетъ здѣсь значенія, такъ какъ всѣ дальнѣйшія цифры въ Книгѣ Б. Чертежа видимо гадательны.

Стр. 74:

А отъ Аркана 60 верстъ, на полуденной странѣ, градъ Янгурганъ, отъ Сыра рѣки 10 верстъ.

А отъ Янгурмана 70 верстъ Акнурганъ градъ.

А отъ Акнурмана 110 верстъ градъ Саурямъ, отъ рѣки 20 верстъ.

Изъ всѣхъ этихъ городовъ намъ извѣстенъ только Сайрамъ, находящійся верстахъ въ 20 къ востоку отъ Чимента и отъ рѣки Сыра не въ 20, а слишкомъ въ 120 верстахъ. Города Янгурганъ, стоявшій по Книгѣ Б. Чертежа въ 10 верстахъ отъ Сыра, и Акнурганъ, вѣроятно еще далѣе, передѣланы въ Атласѣ 1737 г. въ Мапгурганъ и Аннурганъ и поставлены на правомъ берегу Сырь-дарьи, на юго-востокъ отъ Туркестана. Безъ сомнѣнія, они назывались въ дѣйствительности Яны-вурганъ и Аель-вурганъ, но гдѣ находились — неизвѣстно, да это и не важно; самое слово курганъ показываетъ, что это были не города, а небольшія крѣпостцы, подобныя Кошъ-кургану, Чимъ-вургану, Кумышъ-кургану и проч., которыя выставляли Кованцы противъ насъ до занятія Туркестанскаго края.

Стр. 74:

А отъ Сайрама 160 верстъ, съ южныя страны рѣки Сыра, градъ Такиуръ, отъ рѣки Сыра 30 верстъ.

Это Ташкентъ, отстоящій отъ Сайрама верстахъ въ 120 и отъ рѣки Сыра у Чиназа по почтовой дорогѣ въ 65 верстахъ.

Стр. 75:

А съ полуденныя страны, противу Такиура града, прилегла къ Сыру рѣкъ гора, вдоль по горѣ 130 верстъ.

Это та вѣтъ горъ, которая примыкаетъ къ правому, сѣверному, берегу рѣки Сыра, противъ Ходжента.

Стр. 75:

А отъ тое горы 200 верстъ Карабасъ гора: вдоль Карабасомъ горою 400 верстъ; а на горѣ Карабасъ градъ, а подпись тому граду въ старомъ чертежѣ испортилась: не знать. А отъ Сыра рѣки тотъ градъ на полденъ 500 верстъ. А отъ того града на горѣ 200 верстъ ко граду Бухарь.

Подъ именемъ Карабаса разумѣется, вѣроятно, та часть Небесныхъ горъ (Тянь-шань), которая направляется, южнѣ Ходжента, на западъ и обставляетъ съ обѣихъ сторонъ верхній Зарешанъ. Между Ходжентомъ и верховьемъ Зарешана съ небольшимъ 100 верстъ. Городъ на горѣ должно быть Самаркандъ, отстоящій отъ Сыра у Ходжента въ 280 верстахъ и отъ Бухары въ 240.

Стр. 75:

А къ Бухару граду, и во всю землю Бухарскую, изъ Сыра рѣки разведены воды по пашнямъ для того, что тамъ безводно.

Явная ошибка: Бухара орошается водою изъ Зарешана, а не изъ Сыръ-дарьи.

Стр. 75:

А противу града Бухара 170 верстъ потекла рѣка изъ озера Укусъ, по нашему Быкъ, въ Хвалимское море; протоку 1000 верстъ.

Подъ именемъ Угусъ разумѣется Оксусъ древнихъ, нынѣшняя Аму-дарья, которая протекаетъ слишкомъ въ 100 верстахъ западнѣе Бухары. Отъ Чарджуя на Амударьѣ, противъ Бухары, до Ургенча по рѣкѣ версть 600, а отъ Ургенча до Каспійскаго моря, по старому руслу Оксуса, болѣе 600 версть (по Книгѣ Б. Чертежа 400), всего около 1,200 версть.

А на рѣкѣ на Угусъ градъ Каганъ, живеть въ немъ Юреченскаго царя братъ.

Города Кагана на Аму-дарьѣ нѣтъ; но нѣтъ сомнѣнiя, что это Кятъ ³²⁾, о которомъ было говорено выше, и въ которомъ въ XVI столѣтiи, во время путешествiя Дженкинсона, жилъ братъ Ургенчскаго хана ³³⁾.

Стр. 75—76:

А отъ Кагана града 220 версть, къ Хвалимскому морю, градъ Юречъ, отъ рѣки Арзаса 50 версть; а отъ Хвалимскаго моря 400 версть. А водъ подъ нимъ, ни рѣкъ ни озеръ, въ чертежъ не написано.

Отъ Кята до Ургенча нѣсколько болѣе 100 версть.

Текстъ Книги, слѣдующiй далѣе, уже разобранъ выше.

Въ заключенiе приведемъ тѣ мѣста Книги Чертежа, гдѣ говорится о населенiи нынѣшнихъ Киргизскихъ степей:

Стр. 151:

А отъ верху рѣки Бузулука на поляхъ, и до Синяго моря кочевье все Большихъ Налаевъ. А отъ верху Бузулука, то все Большихъ Налаевъ кочевья до Синяго моря 1350 версть.

Отъ верховья рѣки Бузулува, впадающей въ рѣку Самару, по прямой линiи, до Аральскаго моря версть 800. Все это пространство, т. е. западная часть нынѣшней Киргизской степи, было занято въ XVI столѣтiи Ногайцами. Въ подтвержденiе этого Левшинъ приводитъ грамоту Ногай-

³²⁾ Въ «Родословной исторiи о Татарахъ» городъ Кятъ называется *Катомъ*. Очень вѣроятно, что этимъ же именемъ обозначался Кятъ и въ Книгѣ Б. Чертежа, а потомъ, при перепискахъ книги, Катъ обратился въ Каганъ.

³³⁾ Очеркъ историко-географическихъ свѣдѣнiй о Хивинскомъ ханствѣ, Веселовскаго. Спб. 1877. стр. 120.

сваго вняв Ясуфа къ царю Иоанну Грозному, писанную въ концѣ XVI столѣтія, въ которой говорится: «А хотѣлъ есми воевати Казацкую орду, и язъ нынѣ кочую на рѣкѣ на Елекѣ за Якомъ»³⁴⁾.

Стр. 74:

А промежъ озера Акбашлы, и рѣки Саукъ, и озера Аккомъ и по обѣ страны рѣки Зеленчика, и рѣки Кендерлика, и рѣки Сарсы, и песковъ Кара-кумъ, на тѣхъ мѣстахъ на 600 верстъ, кочевье Казацкія орды.

Пространство, заключающееся между песками Кара-кумъ, озеромъ Акъ-сакаль-барби, рѣкою Тургаемъ, озеромъ Акъ-вуль и рѣками Джиланчиюмъ, Кингиромъ, Сары-су и Сыръ-дарьею, имѣетъ отъ сѣвера къ югу верстъ 500 и отъ запада къ востоку верстъ 300. Впрочемъ владѣнія Киргизъ-Казаковъ къ югу, въ сторонѣ Туркестана, въ Книгѣ Большаго Чертежа не означены. По изслѣдованію г. Вельяминова-Зернова³⁵⁾, союзъ Киргизъ-Казаковъ образовался въ половинѣ XV столѣтія въ западной окраинѣ Моголистана изъ Узбековъ, недовольныхъ Абуль-Хаиръ-ханомъ, владычествовавшимъ въ Дешти-кипчакѣ, слѣдовательно, до завоеванія Мавераннагра Узбеками, подъ властію внука Абуль-Хаира Шейбанихана, въ началѣ XVI столѣтія. Русскіе знали уже въ это время Киргизъ-казаковъ. Герберштейнъ, бывший въ началѣ XVI в. въ Москвѣ, говоритъ о нихъ; а посланецъ царя Иоанна Грознаго Данила Губинъ, находившійся у Ногайцевъ въ 1534 г., доноситъ: «А казаки, Государь, сказываютъ, добре сильны, а сказываютъ, Государь, Ташпенъ воевали, и ташпенскіе царевичи, сказываютъ, съ ними дважды бились, а Казаки ихъ побивали»³⁶⁾. Въ концѣ XVI столѣтія Киргизъ-казаки жили въ тѣхъ мѣстахъ, которыя означены въ Книгѣ Б. Чертежа,

³⁴⁾ Левшинъ, часть II, стр. 55.

³⁵⁾ Изслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ, Вельяминова-Зернова, часть II. С.-Пб. 1864.

³⁶⁾ Левшинъ, часть II, стр. 47.

и часто воевали съ Узбеками, а въ XVII столѣтіи владѣли даже городами Туркестаномъ и Ташкентомъ.

Стр. 208:

А промежь рѣки Кендерлика и рѣки Сурсы, Казанская кочевая орда, да Калмыки.

Сношенія наши съ Калмыками начались съ XVII столѣтія, незадолго до переселенія значительной части ихъ къ Волгѣ ³⁷⁾; но уже до этого времени они занимали восточную часть нынѣшней Киргизской степи и прикасались своими кочевками къ кочевкамъ Киргизъ-казаковъ.

Разобравъ все, что есть въ Книгѣ Большаго Чертежа о Киргизскихъ степяхъ и Туркестанскомъ краѣ, подведемъ итоги географическихъ свѣдѣній въ Россіи объ этихъ краяхъ во время составленія Чертежа, то-есть, въ XVI столѣтіи.

Книга Большаго Чертежа даетъ географическое описаніе пространства за рѣкою Ураломъ на востокъ только до рѣкъ Ишима и Сары-су и до горъ Улу-тау и Кара-тау и на югъ до городовъ Ташкента, Самарканда, Бухары и Купя-Ургенча, слѣдовательно, обнимаетъ не всѣ Киргизскія степи и не весь Туркестанскій край, а только части этихъ странъ въ нынѣшнихъ областяхъ Уральской, Тургайской, Акмолинской и Сыръ-дарьинской и въ ханствахъ Бухарскомъ и Хивинскомъ. На этомъ пространствѣ въ Книгѣ Б. Чертежа поименовано 58 географическихъ названій, которыя выписаны въ алфавитномъ порядкѣ и помѣщены ниже въ видѣ особаго указателя. Большинство названій, писанныхъ вообще очень неправильно и не одинаково, не только въ разныхъ рукописяхъ, но даже въ одной и той же, сохранилось до настоящаго времени; другія же исчезли, но обозначенные ими географическіе предметы отыскиваются безъ большихъ затрудненій и натяжекъ подъ другими названіями. Это дало возможность составить карту Киргизскихъ степей и Туркестанскаго края, съ обо-

³⁷⁾ Историческое обозрѣніе Ойратовъ или Калмыковъ съ XV столѣтія до настоящаго времени, о. Тоакифа. Сиб. 1831.

значеніемъ на ней всего поименованнаго въ Книгѣ Б. Чертежа, кромѣ рѣки Арзаса, конечно никогда не существовавшей, и для которой нѣтъ мѣста между Усть-Уртомъ и старымъ русломъ Аму-дарьи, и Яны и Акъ-Кургановъ, мѣстонахожденіе которыхъ между Туркестаномъ и Ташкентомъ, намъ неизвѣстно.

Разстоянія, означенныхъ въ Книгѣ Большаго Чертежа верстами, опредѣлялись, по всей вѣроятности, не инструментарными измѣреніями, а по времени пройденныхъ странствъ и по разпросамъ туземцевъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ указаніе разстояній непонятно, какъ напримѣръ: отъ Ори до Илека по Уралу, отъ устья Урала, на востокъ и проч. Въ другихъ мѣстахъ, преимущественно по окраинамъ описываемаго пространства, самыя показанія неправильны, напримѣръ, разстояніе отъ истока Ишима до Улуту сокращено почти втрое, между городами за Туркестаномъ увеличено, а между ними и рѣкою Сыромъ уменьшено и проч. Но въ большинствѣ случаевъ разстоянія приблизительно вѣрны и иногда поражаютъ своею безусловною точностію.

Описаніе, представляемое Книгою Б. Чертежа, преимущественно оро-гидрографическое, но оно касается мѣстами естественныхъ произведеній земли и жителей.

Горы Айрюкъ или Мугоджарскія и Улуту, какъ дающія начало всѣмъ важнѣйшимъ рѣкамъ описываемой въ Книгѣ Б. Чертежа части Киргизскихъ степей, служатъ въ ней главными пунктами для ориентировки. Затѣмъ весьма вѣрно опредѣлено положеніе горъ Кара-тау. Но Небесныя или Тяньшаньскія горы въ югу отъ Ташкента только обозначены, и то подъ именемъ Карабасъ, по русски Черная голова, т. е. Черныхъ горъ, а не снѣговыхъ; видно, что горы эти были мало знакомы нашимъ предкамъ.

Моря Хвалимское и Синее, т. е. Каспійское и Аральское, описаны въ Книгѣ Большаго Чертежа, какъ отдѣльныя одно отъ другаго, а разстояніе между ними опредѣлено со-

вершенно точно; но оба они сокращены въ меридіональномъ направленіи и растянуты по паралели. Замѣчательно, что Русскіе знали о существованіи Аральскаго моря въ XVI столѣтіи, тогда какъ западная Европа не имѣла о немъ ни малѣйшаго понятія до начала XVIII вѣка. Тѣмъ не менѣе книжное вліяніе запада выразилось въ Книгѣ Б. Чертежа включеніемъ въ нее невѣроятнаго протока Арваса.

Изъ озеръ въ Книгѣ названы по имени только Акбашлы, нынѣшнее Аксакаль-барби, Акъ-куль, въ которое впадаетъ рѣка Джиланчикъ, озера Кара-куль, которыми обанчивается рѣка Уиль, и Индерское соленое озеро; другія озера, въ которыя впадаютъ рѣки Сары-су, Сагизъ и проч., не названы.

Изъ рѣкъ описаны всѣ главнѣйшія, за исключеніемъ только рѣки Зарешана, о которой вовсе не упомянуто, а говорится, что Бухарскія земли орошаются водою изъ Сыра. Всѣ рѣки описаны совершенно правильно, кромѣ только Тобола, верховье котораго обозначено вмѣстѣ съ верховьемъ Ишима, тогда какъ между ними разстояніе въ 800 верстъ, и кромѣ того верховье Ишима поставлено втрое ближе къ горѣ Улу-тау, чѣмъ оно отстоитъ на самомъ дѣлѣ. Недоразумѣніе относительно устья Саука, нынѣшняго Тургай, легко объяснимо, а относительно существованія рѣки Кендерлика подлежитъ еще дальнѣйшимъ разслѣдованіямъ на мѣстѣ. Изъ всѣхъ описанныхъ рѣкъ только Оръ, Илекъ, Уиль, Сагизъ Эмба, Темиръ, Иргизъ, Джиланчикъ, Тоболь, Ишимъ, Сары-су и Сыръ обозначены нынѣшними своими именами, нѣсколько искаженными переписчиками; а остальные, именно нынѣшнія Хобдо, Булдуты, Калдыгайты, Тургай съ ея истоками, Улькойекъ, Терсъ-акбанъ и Кингиръ являются подъ другими названіями. Нынѣшняя Аму-дарья названа Угусомъ, т. е. Окусомъ, а названіе Аму-дарьи придано одному правому рукаву ея направляющемуся на сѣверъ къ Аральскому морю.

Пески Большіе Барсуки и Кара-кумъ показаны совершенно вѣрно относительно не только своего положенія, но

даже размѣровъ въ верстахъ. Пески Ара-вумъ, вѣроятно — нынѣшніе Малые Барсуки.

О естественныхъ произведеціяхъ въ Книгѣ Б. Чертежа говорится весьма мало. Въ ней указаны только: находеніе соли на берегу рѣки Илека, гдѣ нынѣ Илецкая защита, и въ Индерскомъ озерѣ, олова въ горахъ Улу-тау, и желтой и красной краски въ берегахъ рѣки Джиланчика. Илецкая и Индерская соль составляетъ теперь значительный источникъ богатства казны и Уральского казачьяго войска, а относительно олова въ Улу-тау и краски въ берегахъ Джиланчика досихъ поръ еще не сдѣлано никакихъ изысканій.

О жителяхъ Книга Большаго Чертежа говоритъ только о кочевыхъ въ нынѣшнихъ Киргизскихъ степяхъ, именно о Ногаяхъ въ западной ихъ части, Казакахъ въ средней и Калмыкахъ въ восточной. О жителяхъ же Туркестанскаго края не упоминаетъ, а обозначаетъ только важнѣйшіе ихъ города, именно: Саганавъ, Сауранъ, Туркестанъ, Отраръ, подъ именемъ Арвана, Яны-Курганъ и Авъ-Курганъ, мѣсто-находеніе которыхъ неизвѣстно, Сайрамъ, Ташкентъ, градъ на горѣ—вѣроятно нынѣшній Самаркандъ, Бухара, Кятъ, подъ именемъ Кагана, и Ургенчъ. Замѣчательно, что въ началѣ перечисляются почти всѣ извѣстные намъ города, и что разстоянія между ними опредѣляются иногда поразительно вѣрно, какъ между Саганавомъ и Саураномъ; а затѣмъ упоминаются только самыя важныя, и разстоянія между ними обозначаются довольно гадательно. Кромѣ туркестанскихъ городовъ, Книга Б. Чертежа упоминаетъ еще о Казачьемъ городѣ при устьѣ Илека, который остается для насъ загадкою.

Изъ всего сказаннаго можно вывести заключеніе, что Книга Большаго Чертежа представляетъ весьма обстоятельное и точное географическое описаніе Зауральскихъ степей, которое могло быть сдѣлано только на основаніи непосредственнаго и самаго короткаго знакомства съ ними, и что одни дальнія окраины этихъ степей, именно сѣверовосточная,

гдѣ находятся верховья Тобола и Ишима, и южная за Туркестаномъ въ Бухарскомъ и Хивинскихъ владѣніяхъ, могли быть описаны по даннымъ менѣе обстоятельнымъ и точнымъ, даже по разпросамъ иноземцевъ.

А. Максимовъ.

1-го марта 1878 года.

Алфавитный указатель географическихъ названій въ Киргизскихъ степяхъ и Туркестанскомъ краѣ, заключающихся въ Книгѣ Вольшаго Чертежа.

Акбашлы, Акбашль, Акбашльшъ. — Озеро — Аксакаль-барби или Аксакаль-таупъ, въ которое впадаетъ рѣка Иргизъ.

Акколь. — Озера Акъ-куль, въ которыя впадаетъ рѣка Джиланчикъ.

Акиурганъ. — Городъ Акъ-курганъ, между Туркестаномъ и Ташкентомъ, нынѣ не существующій и мѣстоположеніе котораго неизвѣстно.

Аму-дарья, Амедарія. — Правый рукавъ рѣки Аму, впадающій въ Аральское море.

Ара-кумъ. — Пески, примыкающіе къ Аральскому морю, вѣроятно Малые Барсуки.

Аралтова гора. — Араль-тау, вѣроятно, южная часть Уральскаго хребта, направляющаяся вдоль праваго берега рѣки Урала къ Орску.

Арзасъ, Аргасъ, Азаръ, Арзанъ, Арзаръ, Арза. — Несуществующій протокъ между Аральскимъ и Каспійскимъ морями.

Аркантъ, Яркантъ. — Городъ за Туркестаномъ, вѣроятно, Отраръ.

Асага, Аслуга. — Одна изъ рѣкъ, недоходящихъ до рѣки Урала, вѣроятно Булдурты.

Барсукъ кумъ. — Пески Большіе Барсуки, примыкающіе къ Аральскому морю.

Большіе Наган. — Народъ, жившій въ западной части Киргизскихъ степей.

Бозынъ-Гинчалъ-Илгенъ, Бозынъ-гинчанъ-илгинъ, Бозынъ-гинчалъ-ильгенъ. — Рѣка, вѣроятно, Ульколъ, правый притокъ Тургаля.

Бухара. — Городъ.

Бузулукъ. — Рѣка Бузулукъ, впадающая въ Самару.

Воръ. — Рѣка Оръ, впадающая въ Уралъ у Орска.

Гемъ. — Рѣка Эмба, впадающая въ Каспійское море.

Зеленчикъ, Зиланчикъ. — Рѣка Джиланчикъ, впадающая въ озеро Акъ-куль.

Илезъ, Излѣ. — Рѣка Илекъ, впадающая въ Уралъ у Илецкаго городка.

Индеръ, Айдеръ. — Гора и соленое озеро Индерское около рѣки Урала, принадлежащее Уральскому казачьему войску.

Иргызы. — Рѣка, впадающая, по соединенію съ Тургаемъ, въ озеро Аксакаль-барби.

Ишимъ. — Рѣка Ишимъ, впадающая въ Иртышъ.

Кагашъ. — Городъ, вѣроятно, Кягъ въ Хивинскомъ ханствѣ.

Кайняръ-Сакгызъ — Рѣка Сагызъ, неходящая до Каспійскаго моря, сѣвернѣе Эмбы.

Казачій городокъ на островѣ, при впаденіи рѣки Илека въ Уралъ, представляетъ неразрѣшенную еще загадку.

Казачья орда. — Народъ, который самъ себя зоветъ Казаками, а мы называемъ Киргизами.

Калмыки. — Народъ, жившій въ XVI столѣтіи въ Джунгаріи и восточной части Киргизской степи.

Карабагъ гора, а на горѣ градъ. — Горы Тянь-шаньскія, а городъ, вѣроятно, Самаркандъ.

Каракумъ; Паракумъ, Аракумъ, Арашка. — Пески, примыкающіе къ Аральскому морю и къ рѣкѣ Сыру.

Караголь, Карагуль, или Черныя озера. — Озера Кара-куль, которыми оканчивается рѣка Уиль.

Карачатова гора. — Горы Каратау, вѣтъ Тянь-шаньскихъ горъ, тянувшаяся параллельно среднему теченію рѣки Сыра и оканчивающаяся около Джулека.

Кендерликъ, Кандерликъ. Рѣки, вытекающія изъ горъ Улу-тау и впадающія одна въ рѣку Сыръ, а другая въ рѣку Сары-су. Первая имѣетъ не существуетъ а вторая носитъ название Клыгара.

Кызылбашская земля. — Персія.

Кошъ-Яикъ. — Островъ, при впаденіи рѣки Илека въ Уралъ, на которомъ былъ Казачій городокъ.

Кууей, Куй. — Одна изъ рѣкъ, неходящихъ до Урала, вѣроятно, Калды гайты.

Опль. — Рѣка Уиль, оканчивающаяся озерами Кара-куль.

Сайрамъ. — Городъ Сайрамъ, верстъ на 20 восточнѣе Чимкента.

Сарса, Суреу. — Рѣка Сары-су, впадающая, не доходя Сыръ-Дарья, въ озеро Телекуль.

Саукъ. — Вѣроятно нижняя часть рѣки Тургай, отъ озеръ Сары-копа до слиянія ея съ рѣкою Ирғизомъ.

Синее море — Аральское море.

Сорпды. — Три рѣки, вытекающія изъ Улу-Тау, изъ которыхъ верхняя, вѣроятно, Теръ-акканъ, впадающая въ Ишимъ, а средняя и нижняя — Сары и Кара Тургай.

Сунакъ, — Городъ Саганакъ, Сунакъ, находящійся за Джулекомъ.

Сунгурлукъ. — Рѣка, впадающая слѣва въ Илекъ, вѣроятно Хобда.

Сыръ. — Рѣка Сыръ-Дарья.

Такшуръ, Ташкунъ, Ташкуръ. — Городъ Ташкентъ.

Темирсу, Темиръ, Темерису, Термису, Темиръ. — Рѣка Темиръ, впадающая справа въ рѣку Эмбу.

Тоболь, Таболъ, Табала. — Рѣка Тоболь, впадающая въ Иртышъ.

Тустебе, Туртебе или Соленая гора. — Тусъ-тубе или Солевая гора въ Илецкой заштатѣ.

Тюркустанъ. — Городъ Туркестанъ.

Урусъ, Угусъ, Агусъ. Рѣка Окусъ древнихъ, Аму-дарья.

Ултова или **Великая гора**. — Горы Улу-тау на границѣ Тургайской и Акмолинской областей.

Хвалымское море. — Каспійское море.

Юргенъ, **Юргечъ**. — Городъ Ургенъ въ Хивинскомъ ханствѣ.

Юргенская, **Юнгерская**, **Юнгерпская**, **Юргенская**, **Юргевская** земля. — Хивинская земля.

Юрюкъ, **Юрокъ**, **Юркъ**, **Урюкъ**, **Урукъ**, **Уракъ**. — Гора Айрюкъ и вообще Мугоджарскія горы.

Юрюкъ-Иргызь. — Рѣка Чить-Иргизъ вмѣстѣ съ нижнею частію Улу-Иргиза.

Янкъ. — Рѣка Уралъ.

Ясырванъ. — Городъ Сауранъ, не доѣзжая Туркестана.

Янгурганъ. — Городъ Яны-курганъ, между Туркестаномъ и Ташкентомъ, мѣстъ не существующій и мѣстоположеніе котораго неизвѣстно.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ

О ПУТЕШЕСТВІИ ДЖЕНКИНСОНА ВЪ ХИВУ

ВЪ 1559 ГОДУ.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ

О ПУТЕШЕСТВІИ ДЖЕНКИНСОНА ВЪ ХИВУ

ВЪ 1559 ГОДУ.

Въ числѣ историческихъ документовъ, на которые опираются сторонники мнѣнія, что Аму-Дарья текла въ историческія времена въ Каспійское море, одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ описанію путешествія въ Хиву англійскаго купца Дженкинсона и даннымъ, сообщаемымъ Абуль-Гази-ханомъ, знатомомъ тѣхъ мѣстностей, — гдѣ онъ жилъ и дѣйствовалъ.

На путешествіе Дженкинсона обращали вниманіе, между прочимъ, и всѣ болѣе крупные представители науки, занимавшіеся вопросомъ объ Аму-Дарьѣ, какъ-то гг. Эйхвальдъ ¹⁾, Гумбольдтъ ²⁾, Циммерманъ ³⁾ и Ленцъ ⁴⁾. Въ послѣднее время о немъ снова нѣсколько разъ было упомянуто специалистами по Аму-Дарьинскому и близко соприкасающимся съ нимъ вопросамъ. Изъ нихъ слѣдуетъ, — исключая ученыхъ, просто цитирующихъ Дженкинсона, — въ особенности упомянуть гг. Н. Веселовскаго и І. Стебницкаго. Г. Веселовскій даетъ полный

¹⁾ Eichwald. Alte Geographie des Caspischen Meeres, des Kaukasus und des südlichen Russlands, S. 108 u. ff.

²⁾ Humboldt. Asie centrale. T. II, p. 226. et ss.

³⁾ Zimmermann. Denkschrift über den unteren Lauf des Oxus. Berlin 1845.

⁴⁾ Lenz. Ueber den früheren Lauf des Amu-Daria. Mem. de l'Acad. des sc. de St-Petersbourg. T. XVI, № 3, p. 17—25.

переводъ того отрывка изъ путешествія Дженкинсона, помѣщеннаго въ первый разъ въ Hakluyt's Principal navigations, который имѣетъ непосредственное отношеніе къ вопросу о бывшемъ теченіи Аму въ сторону Каспійскаго моря ¹⁾; г. же Стебницкій дѣлаетъ общее замѣчаніе, чѣмъ долженъ быть тотъ заливъ Каспійскаго моря, на который вышелъ Дженкинсонъ, и его мнѣніе тождественно съ нашимъ ²⁾.

Дженкинсонъ пишетъ о мѣстности какъ очевидецъ, и его данныя имѣютъ вообще значеніе данныхъ дневника путешественника; Абуль-Гази же говоритъ, что во время походовъ на Туркменъ Софіанъ-хана (Веселовскій, стр. 6.), ханствовавшего въ Хивинскомъ ханствѣ въ началѣ XVI вѣка, между ханами Хасанъ-Кули и Буджуга-Ханомъ (Веселовскій, стр. 102—104), Аму поворачивала у Ургенча на западъ, потомъ на югъ, потомъ снова на западъ и при Угурджэ впадала въ Каспійское море ³⁾.

Дженкинсонъ и Абуль-Гази — въ самомъ дѣлѣ неоспоримые авторитеты въ этомъ вопросѣ, и имъ нельзя не вѣрить,

¹⁾ Н. Веселовскій. Очеркъ историко-географическихъ свѣдѣній о Хивинскомъ ханствѣ, стр. 111—123.

²⁾ Стебницкій. Замѣтки о Туркменіи. Зап. Кавк. отд. Геогр. Общ. Т.VIII.

³⁾ Г. Веселовскій относительно Угурджэ полагаетъ (стр. 104, прим. 1) слѣдующее: «Названіе мѣстности Угурджэ встрѣчаемъ, кажется мнѣ, у Муравьева, подъ именемъ Демурджемъ. Колодець этотъ расположенъ недалеко отъ Каспійскаго моря». Эта догадка совершенно излишня въ виду слѣдующаго, не замѣченнаго г. Веселовскимъ, факта: Не могу утверждать, существуетъ ли на восточномъ берегу Каспійскаго моря пунктъ (урочище?) съ этимъ именемъ, но противъ устья Алжамба, южнаго рукава Узбоа, въ морѣ находится островъ Огурчинскій. «Огурчинскій» и «Огурджинскій» — очевидно, два видоизмѣненія одного и того же слова, а принявъ въ расчетъ, какъ легко переходятъ другъ въ друга въ тюркскихъ словахъ у и о при произношеніи ихъ Русскими, въ особенности мало знакомыми съ языкомъ и запоминающими слова по наслышкѣ, или при чтеніи ихъ (см. у г. Веселовскаго, стр. 93: имена Узбекскихъ родовъ по кн. Нассядъ Намати Узбекіи — по чтенію г. Ханькова: Куралась, Уйратъ, Унгугъ, а по Джами-Эт-Теварихъ — по чтенію И. Н. Верезина: Хорлась, Обратъ, Онгугъ), нужно по всей видимости слова «Угурджинскій», «Огурджинскій» и «Огурчинскій» считать за модификацію одного слова и вслать Угурджэ не на колодець Демурджемъ, а какъ разъ на берегу противъ Огурчинскаго острова.

или точнѣе, имъ слѣдуетъ вѣрить на столько, что въ виду ихъ показаній можно совершенно оставить въ сторонѣ греческихъ и арабскихъ писателей по этому вопросу, въ увѣренности, что ихъ указанія прольютъ на дѣло развѣ немного болѣе свѣта, сравнительно съ Дженкинсономъ и Абуль-Гази.

Но Дженкинсонъ, рядомъ съ фактами, въ которыхъ нельзя сомнѣваться, даетъ такія указанія, которыя или вполнѣ невѣроятны, или такія, въ которыхъ легко признать собственныя соображенія и неправильныя представленія Дженкинсона о вещахъ, лишь слышанныхъ имъ; таковъ, напримѣръ, рассказъ о рѣкѣ Ардокъ, текущей на сѣверъ, уходящей подъ землю, текущей подъ землю 500 миль и впадающей въ озеро Китай, изъ котораго дальше вытекаетъ Обь.

Эта смѣсь вещей, истинность которыхъ очевидна, и вещей совершенно на первый взглядъ непонятныхъ, но рассказанныхъ тономъ очевидца, въ соединеніи съ очевидными рассказами по слуху, производитъ такое впечатлѣніе, что отрицалась даже подлинность самаго путешествія Дженкинсона. Но г. Робертъ Ленцъ, основательно разобравшій маршрутъ его въ послѣднее время, отнесся къ нему съ полнымъ довѣріемъ и весьма обстоятельно доказалъ подлинность этого путешествія, а равнымъ образомъ выяснилъ и то, въ чемъ Дженкинсонъ наиболѣе заслуживаетъ довѣрія.

Но и г. Ленцу пришлось остановиться надъ нѣкоторыми пунктами и прибѣгнуть къ догадкамъ, недостаточно сильно обставленнымъ.

Пунктъ, на которомъ Дженкинсонъ даетъ всего больше хлопотъ тому, кто долженъ разобратъ въ его маршрутѣ, на сколько изъ него выясняется вопросъ о старомъ руслѣ Аму, есть вопросъ, на какой заливъ Каспійскаго моря онъ вышелъ во время своего путешествія, и гдѣ находился укрѣпленный городъ (castle, Schloss, — замокъ, въ переводѣ г. Ленца, укрѣпленный городъ, по переводу г. Веселовскаго) Селлизуръ. Данныя для опредѣленія этого заключаются въ слѣдующемъ:

Дженкинсонъ уже на Мангышлакъ занятъ сборами изъ «этой приморской страны» въ область Селлизюръ, отстоящую отъ берега на 20 дней пути. 14-го сентября онъ вступаетъ въ путь на Селлизюръ и 3-го октября ¹⁾ (или 5-го) ²⁾ приходитъ въ заливъ Каспійскаго моря, т. е., черезъ 20 или 22 дня. Весь путь совершенно имъ по степи, гдѣ не было ни осѣдлыхъ, ни кочевыхъ жителей, и попадавшаяся вода была солоноватая или совсѣмъ соленая, въ старыхъ, глубокихъ колодцахъ. Въ заливѣ Каспійскаго моря Дженкинсонъ нашелъ очень свѣжую и прѣсную воду. Въ этотъ заливъ—говоритъ онъ—и впадала прежде рѣка Оксусъ.

Отъ залива Дженкинсонъ поднялся 4-го октября ³⁾ и черезъ семь дней пришелъ въ Селлизюръ (9-го октября, стало быть, не черезъ 7, а черезъ 5 дней?). 14-го онъ выходитъ изъ Селлизюра и 16-го вступаетъ въ Ургенчъ. Городъ Селлизюръ расположенъ на высокомъ холмѣ. Мѣстность на югъ отъ него весьма плодородна. Вода для орошенія проведена изъ Оксуса; оттого рѣка и не впадаетъ въ Каспійское море, какъ это было прежде.

Стало быть, отъ берега Каспія на Мангышлакъ Дженкинсонъ вышелъ къ заливу черезъ 20—22 дня пути, черезъ 5—7 дней онъ пришелъ въ Селлизюру, а черезъ 2 дня въ Ургенчъ. Стало быть, далѣе, Селлизюръ отстоитъ отъ залива на 5—7 дней, а Ургенчъ на 7—9 дней. Принимая день перехода въ 30 верстъ, мы получимъ, что первый путь Дженкинсона отъ Мангышлава до залива=600 верстамъ, второй отъ залива до Селлизюра=150—210 верстамъ, и третій отъ Селлизюра до Ургенча=60 верстамъ; стало быть, Ургенчъ отстоитъ отъ залива на 210—350 верстъ.

Несообразность выходитъ полная. Ученые, разбиравшіе

¹⁾ По Ленцу, S. 118—119, и Веселовскому, стр. 114.

²⁾ По подлиннику, у Галяйта.

³⁾ Почему гг. Ленцъ и Веселовскій и думаютъ, что онъ пришелъ на это мѣсто 3-го, а не 5-го октября.

маршрутъ Дженкинсона прежде г. Ленца, соглашаются съ указаніемъ Дженкинсона, что это заливъ Каспійскаго моря, и именно Кара-Бугазъ ¹⁾. Г. Ленцу первому ясно бросилось въ глаза эта несообразность ²⁾, такъ какъ Кара-Бугазъ соленое, даже садящее соль озеро, т. е., озеро съ насыщеннымъ разсоломъ ³⁾. А заливъ Дженкинсона — прѣсноводный. Поэтому, г. Ленцъ, не принимая, страннымъ образомъ, въ расчетъ, что и въ Аральскомъ морѣ вода тоже не прѣсная, и основываясь на невозможномъ разстояніи залива Дженкинсона отъ Ургенча, если бы это былъ Кара-Бугазъ, предположилъ, что Дженкинсонъ вышелъ къ Аральскому морю. Но г. Веселовскій ⁴⁾ находитъ это тоже мало вѣроятнымъ и полагаетъ, что Дженкинсонъ вышелъ не къ самому Аральскому морю, а къ его заливу Айбугиру, «который раньше—едва ли въ томъ можно сомнѣваться—омывалъ южный склонъ Усть-Урта» ⁵⁾. Но какъ то, такъ и другое мнѣніе невѣрно: Айбугиръ, разъ онъ стоялъ въ связи съ Араломъ, не могъ быть прѣсноводнымъ, да еще съ «очень свѣжею» водою. Кромѣ того, для каждаго путешественника, въ особенности въ степи, гдѣ ориентированіе необыкновенно легко и прочно,—ясно, что, идя съ сѣвера на югъ и оставивъ на западѣ

¹⁾ Humboldt. *Asie centrale*. Т. II, p. 230; Zimmermann. *Ueber den unteren Lauf des Oxus*, S. 179—184. По Циммерману Кара-Бугазъ въ то время продолжался далеко на западъ.

²⁾ Lenz. *Ueber den früheren Lauf des Amu-Daria*, S. 23.

³⁾ Если бы даже принять взглядъ Циммермана, при которомъ его вдвигавшійся далеко въ материкъ Кара-Бугазъ представляетъ, конечно, нѣкоторыя особенности, чѣмъ нынѣшній Кара-Бугазъ, то все-таки вода его должна быть солоноватой водою Каспія.

⁴⁾ Веселовскій, стр. 115.

⁵⁾ Въ этомъ не только можно, но и должно сомнѣваться. Если Айбугиръ омывалъ южный склонъ Усть-Урта, то онъ покрывалъ и старое русло рѣки, и тогда не могло быть никакой рѣчи о теченіи Оксуса въ Каспій. Если же объ этомъ была рѣчь, то старое русло было уже на виду, а слѣдовательно, Айбугиръ не доходилъ до тѣхъ мѣстъ, у подножья южнаго Чинка, куда вышелъ Дженкинсонъ, т. е., на 210—350 в. отъ Ургенча. Да наконецъ, тогда Дженкинсонъ, вѣроятно, долго шелъ бы по его берегу, нѣтъ его на сѣверѣ, такъ какъ безъ обхода его онъ не могъ бы попасть въ Ургенчъ. Южный склонъ Усть-Урта, по всей вѣроятности, омывался Арало-Каспійемъ, а не Айбугиромъ.

Каспійское море «справа», нельзя было никакимъ путемъ прийти въ мысли, что заливъ, открывающійся на востокъ «слѣва», есть заливъ того самаго моря, которое остается все время въ правой сторонѣ. Между тѣмъ Дженкинсонъ прямо говоритъ, что его заливъ есть заливъ Каспійскаго моря, т. е. того моря, которое находится у него на западѣ, съ правой стороны, и которое онъ оставляетъ, направляясь на Селли-зуръ и Ургенчъ. И такъ, снова возникаетъ тотъ же вопросъ, центральный для всего этого вопроса: «Куда же вышелъ, идя съ Мангышлака, Дженкинсонъ? На какой прѣсноводный заливъ?» То, что въ заливѣ была прѣсная вода, подлежитъ сомнѣнію всего меньше, и въ этомъ Дженкинсонъ всего труднѣе могъ ошибиться, въ особенности послѣ солоноватой или даже соленой воды на пути отъ Мангышлака. Очевидно, что ни на заливъ Каспійскаго моря, ни на заливъ Аральскаго. Въ томъ и другомъ морѣ вода не прѣсная и для питья не годная.

Но для болѣе яснаго отвѣта на этотъ вопросъ, посмотримъ сначала, гдѣ шелъ Дженкинсонъ. Расстояніе въ 600 верстъ отъ берега моря на Мангышлакѣ приходится, приблизительно, дѣйствительно, на нѣкоторый пунктъ въ области стараго русла Аму-Дарьи, въ разстояніи около 60 верстъ отъ Ургенча, или же на берегъ Аральскаго моря, гдѣ-нибудь въ урочищахъ Аджибай и Кынь-Камышъ. Но это можетъ имѣть мѣсто только въ томъ случаѣ, если Дженкинсонъ шелъ черезъ Усть-Уртъ (г. Веселовскій же говоритъ: «между тѣмъ Дженкинсонъ не говоритъ, что онъ подымался на Усть-Уртъ, да и по его описанію видно, что онъ тамъ не былъ»¹⁾). Это такъ и есть; по крайней мѣрѣ въ его описаніи встрѣчаются указанія на факты, которые могутъ имѣть мѣсто какъ разъ на Усть-Уртѣ; а именно: онъ шелъ въ области солоноватой воды или даже соленой, находившейся въ старыхъ глубокихъ волodцахъ,

¹⁾ Веселовскій, стр. 114—115.

да дня по 2—3 и такой воды не попадалось. Изъ моего личнаго знакомства съ степью, какъ далеко оно простирается, источники прѣсной воды—колодцы, копани въ пескахъ, бываютъ небольшой глубины ¹⁾, и по свойствамъ почвы они едва ли могутъ быть старыми. Впервыхъ, вырытые въ пескѣ колодцы легко осыпаются, а вовторыхъ, ихъ легко вырыть снова; старые же и глубокіе колодцы, скорѣе всего, указываютъ, что они рыты въ плотной почвѣ, и такія разстоянія между ними, какъ два и три дня, указываютъ, что эти колодцы не легко роются, или что присутствіе воды подъ землею не такъ очевидно, чтобы можно было рыть ихъ чаще. Здѣсь именно колодцы должны быть значительной глубины и могутъ быть старые. Дженкинсонъ шель, поэтому, въ области твердыхъ почвъ, въ области глинистой степи; а такъ какъ шель онъ осенью, то всякая растительность на такой степи была за лѣто начисто выжжена, — и какъ это можно ожидать на глинистой степи а ргіогі, онъ не могъ встрѣтить здѣсь кочевьевъ, которыхъ онъ, дѣйствительно, и не встрѣтилъ. Область же глинистой степи между Каспійскимъ и Аральскимъ морями есть область Усть-Урта. Усть-Уртъ, въ самомъ дѣлѣ, изрытъ колодцами по направленію караванныхъ путей, а тѣ родники, которые я лично наблюдалъ на его обрывѣ, находятся на горизонтахъ, значительно болѣе низкихъ, чѣмъ горизонтъ степи. Притомъ, дѣйствительно, и разстоянія между колодцами здѣсь значительны. Дженкинсонъ шель, стало быть, черезъ Усть-Уртъ, и пройдя 660 верстъ, долженъ былъ выйти, какъ сказано, гдѣ-то на старомъ руслѣ Аму къ своему заливу, или къ Аральскому морю. Онъ вышелъ на прѣсную воду, стало быть, не къ Аральскому морю ²⁾. Но что же это за прѣсноводный бассейнъ въ пространствѣ между Араломъ и Каспіемъ? Въ настоящее время,

¹⁾ Аленицннъ. Объ источникахъ прѣсной воды на берегахъ Аральскаго моря. Труды Арало-Каспійской экспедиціи. Вып. V.

²⁾ А еще менѣе, разумѣется, въ Кара-Бугазу.

благодаря прорыву Аму въ сторону Каспія, мы имѣемъ отвѣтъ на это. Это — Сары-бамыши ¹⁾, очень большое озеро, которое по объему Дженкинсонъ могъ принять за заливъ моря, и такъ какъ, уходя въ Ургенчъ, онъ оставлялъ его на западѣ, то конечно, — за заливъ Каспійскаго моря. Въ этомъ случаѣ исчезаетъ у Дженкинсона и вся несообразность въ показаніяхъ разстояній, т. е., если разстоянія и не будутъ точными, то невѣрности его показаній будутъ колебаться въ предѣлахъ возможныхъ, при опредѣленіи разстояній глазомъ и переходами, ошибокъ, и показаніе о 210—350 верстахъ отъ Ургенча до Сары-Камышей отвѣчаетъ дѣйствительности. Дженкинсонъ пошелъ дальше, имѣя на югѣ орошенную мѣстность, что вполне естественно, такъ какъ туземцы не замедлили воспользоваться Сарыраукомъ, а что они вдвигались сюда съ своими гидротехническими сооруженіями, это свидѣтельствуетъ плотина Урунъ, находящаяся между володцами Девча и Сыры-Камышъ, при началѣ области Сары-Камышскихъ озеръ. Тогда справедливо также и замѣчаніе Дженкинсона, что жители могли разобрать всю воду той рѣки, которая впадала въ его заливъ, на орошеніе до того, что она прекратила свое теченіе въ заливъ, въ который впадала когда-то ²⁾. Все

¹⁾ Г. Стебницкій и высказалъ, безъ всякихъ, впрочемъ, поясненій и доказательствъ, что Дженкинсонъ вышелъ къ Сары-Камышскимъ озерамъ. Зап. Кавк. ога. Г. Общ., т. VIII, стр. 171.

²⁾ Циммерманъ предлагаетъ къ своему Denkschrift копію съ карты къ путешествію Дженкинсона: «Fragment der Karte aus Ortelius Theatrum Orbis Terrarum 1570, Russiae, Moscoviae et Tartariae Descriptio Autore Antonio Jenkenson Anglo, edita Londini Anno 1562» и затѣмъ переноситъ узкій и длинный заливъ, изображенный на этой картѣ и доходящій, вдвигаясь далеко въ материкъ почти до Селлизюра, на свою карту нижняго теченія Оксуса и пр. Въ результатъ получается, что слѣпой конецъ залива попадаетъ какъ разъ около того мѣста, гдѣ находится Сары-Камышская котловина. Принявъ Сары-Камыши за конецъ залива Каспійскаго моря и опредѣливъ положеніе видѣннаго имъ берега въ степи, Дженкинсонъ и не могъ дать много представленія о мѣстности, какъ то, которое показываетъ его карта. У него имѣются двѣ данныя: видѣнный имъ фактически берегъ бассейна, положеніе котораго ему извѣстно, и кромѣ того, предположеніе, — такъ какъ соединенія своего залива съ Каспіемъ онъ не могъ прослѣдить въ то короткое время, какое онъ находится вблизи воды своего «за-

это, повторяю, приобретаетъ значеніе очевидности. Сары-Камыши, какъ показывается случай недавняго прорыва Аму, были обязаны своею водою именно этой рѣкѣ, — потому она и была прѣсною, — а такъ какъ эта вѣтвь Аму не была велика, то понятно, что ее можно было развести по арыкамъ, но это не относилось къ главной рѣкѣ (Ардоку??); Селлизюръ же, такимъ образомъ, судя по его положенію на высомомъ холмѣ и по разстоянію отъ Ургенча, былъ, дѣйствительно, расположенъ гдѣ-то, какъ справедливо полагають гг. Ленцъ ¹⁾ и Лерхъ ²⁾, на склонѣ Южнаго Чинка.

Но при этомъ толкованіи наносится рѣшительный ударъ значенію данныхъ Дженкинсона, какъ указаній на то, что Аму въ XVI столѣтіи текла въ Каспійское море. Очевидно, ея вѣтвь достигала до прѣсноводнаго бассейна, а не до моря, и какъ мы показали, этотъ прѣсноводный бассейнъ, вѣроятнѣе всего, есть Сары-Камыши.

Но здѣсь нельзя упускать изъ виду одного серьезнаго обстоятельства: вода нынѣшнихъ Сары-Камышскихъ озеръ вовсе не прѣсная, а «Brackwasser» ³⁾. Стало быть, у насъ высказывается изъ подъ ногъ вся почва для аргументаціи. Но дѣло въ томъ, что Дженкинсонъ засталъ Сары-Камышскія озера, несомнѣнно, очень многоводными. Если онъ считаетъ видѣнный имъ бассейнъ за заливъ Каспійскаго моря, то безъ всякаго сомнѣнія, онъ видѣлъ передъ собою безбрежную массу воды. По прекращеніи же водъ доступа изъ ру-

лива», — что это заливъ Каспійскаго моря. Дальнѣйшій приѣмъ въ образованіи, его представленія состоитъ, конечно, въ томъ, чтобы представить себѣ направленіе, форму и пр. береговъ этого залива отъ пункта наблюденія до Каспія. Узкость залива на картѣ въ путешествіи Дженкинсона можетъ также служить доказательствомъ этого: онъ не дѣлалъ съемки, а только хотѣлъ указать, что вода, на берегу которой онъ былъ, продолжается до самаго Каспія, что вполне достигалось и узкимъ заливомъ.

¹⁾ Lenz. S. 21.

²⁾ Lerch. Khiwa und Kharezm. Карта (Vezir).

³⁾ См. сообщеніе Петрусевица въ засѣданіи Геогр. Общ. 23-го марта 1879 года.

кава, вливавшагося временно въ Сары-Камышскую котловину, — положимъ, вслѣдствіе того, что вода его была разобрана на орошеніе, какъ говоритъ Дженкинсонъ, — бассейнъ Сары-Камышской котловины долженъ былъ высохнуть до извѣстнаго предѣла. Неизбѣжнымъ сопутствующимъ явленіемъ такого высыханія должна быть концентрація солей, присутствіе болѣе или менѣе значительнаго количества которыхъ нужно предполагать въ водѣ важдаго замѣнутаго бассейна этой мѣстности, такъ какъ окружающія почвы содержатъ соль, и она необходимо вносится въ бассейны потоками атмосферной воды. Словомъ, если Дженкинсонъ подходилъ къ Сары-Камышской котловинѣ вскорѣ послѣ наводненія ея Аму-Дарьинскою водою, то онъ могъ имѣть дѣло еще съ сильно разбавленною прѣсною водою «Brackwasser» Сары-Камышей.

Относительно Кара-Бугаза и Арала никакое подобное объясненіе не можетъ имѣть мѣста. Если же, такимъ образомъ, озера Сары-Камышъ даютъ намъ разгадку и разъясненіе всей путаницы, которую мы находимъ у Дженкинсона, и которая рѣшительно не объяснима инымъ путемъ, то мы получаемъ въ то же время намекъ на то, какъ надо понимать и сообщенія на этотъ счетъ Абуль-Гази, относящіяся къ очень близкому времени, къ началу XVI же столѣтія, во времени Софіанъ-хана, т. е., времени, предшествующему посѣщенію Хивы Дженкинсономъ ¹⁾).

По всей видимости, мы имѣемъ здѣсь случай, совершенно аналогичный тому, что случилось на Аму въ 1878 году. Рѣка, текшая нѣкогда въ Каспій и измѣнившая свое теченіе вслѣдствіе космическихъ причинъ, сохранила сначала слабый рукавъ въ сторону Каспійскаго моря и наклонность при временныхъ сильныхъ многоводіяхъ прорываться частью своихъ водъ въ старое русло. Можетъ быть, что при такомъ именно прорывѣ въ началѣ XVI столѣтія рукавъ рѣки и про-

¹⁾ См. сочиненіе Веселовскаго, стр. 103—104 и 110—111.

ходилъ далеко въ сторону Каспія,—можетъ быть, даже до стигаль Каспія ¹⁾, и можетъ быть, что время сильнаго многоводья рѣки, т. е., значительнаго притока воды изъ области верховьевъ ²⁾, захватывало нѣсколько лѣтъ сряду. Но затѣмъ, по возвращеніи условій къ нормѣ, количество воды въ старомъ руслѣ должно было постепенно убывать, рукавъ укоротился до Сары-Камышской котловины, а затѣмъ пересталъ вливаться и въ эту котловину. Эту стадію и засталъ Дженвинсонъ. Незначительность промежутка времени между положеніемъ дѣль, описываемымъ Абуль-Гази, и положеніемъ, которое изображаетъ Дженвинсонъ, вполне подтверждаетъ справедливость нашего взгляда. «Буджуга-ханъ былъ современникъ Бухарскому хану Убейдъ - Хану ³⁾... Убейдъ-ханъ ханствовалъ... съ 939 по 946 годъ (1523—1523 гг.—1539—1540 гг.) ⁴⁾. А Буджуга-ханъ былъ преемникъ Софіана. Время между Софіанъ-ханомъ и Дженвинсономъ выходитъ около 40 лѣтъ. Если же въ 40 лѣтъ перестала вода, какъ это было при Дженвинсонѣ, доходить и до Сары-Камышской котловины, то очевидно, что какъ случай проливовенія ея до Каспія, такъ и прекращеніе теченія ея въ эту сторону, не были такими крупными явленіями, какимъ можетъ быть прочное измѣненіе теченія всей массы амударьинскихъ водъ. По всей вѣроятности, какъ сказано выше, случай Абуль-Гази-хана былъ случаемъ образованія временнаго рукава при преходящемъ многоводіи рѣки, и Дженвинсонъ засталъ послѣднія стадіи его исчезновенія.

Въ заключеніе повторимъ выводы изъ нашего разсужденія въ видѣ слѣдующихъ положеній:

¹⁾ Тогда присутствіе рѣсной воли въ Сары-Камышской котловинѣ разумѣется само собою.

²⁾ Объ этомъ подробнѣе мы говоримъ въ имѣющей вскорѣ выйдти въ свѣтъ запискѣ: «Современное положеніе Аму-Дарьинскаго вопроса».

³⁾ Веселовскій, стр. 104.

⁴⁾ Веселовскій, *ibid*, прим. 6.

1) Дженкинсонъ шель съ Мангышлака черезъ Усть-Уртъ и вышелъ къ нѣкоторому прѣсноводному бассейну.

2) Бассейнъ этотъ былъ Сары-Камышскою котловиною, наполненною водою, при посредствѣ образовавшагося при случайномъ многоводьи временнаго рукава отъ главной рѣки, который направлялся по старому руслу.

3) Укрѣпленный городъ Селлизюръ (или Везиръ другихъ авторовъ), по всей вѣроятности, находился тамъ, гдѣ указываютъ гг. Ленцъ и, болѣе точно, Лерхъ.

4) Аму-Дарья Абуль-Гази, впадающая въ Каспій, есть, по всей вѣроятности, временный рукавъ рѣки, о которомъ упомянуто нами въ положеніи второмъ.

СТРАНА КУКЭ-НОРЪ ИЛИ ЦИНЪ-ХАЙ,

СЪ ПРИБАВЛЕНИЕМЪ

БРАТКОЙ ИСТОРИИ ОЙРАТОВЪ И МОНГОЛОВЪ, ПО ИЗГНАНИИ ПОСЛѢДНИХЪ ИЗЪ КИТАЯ, ВЪ СВЯЗИ СЪ ИСТОРИЕЮ КУКЭНОРА.

(Преимущественно по китайскимъ источникамъ).

СТРАНА КУКЭ-НОРЪ или ЦИНЪ-ХАЙ,

СЪ ПРИВАВЛЕНІЕМЪ

КРАТКОЙ ИСТОРИИ ОЙРАТОВЪ И МОНГОЛОВЪ, ПО ИЗГНАНИИ ПОСЛѢДНИХЪ ИЗЪ КИТАЯ, ВЪ СВЯЗИ СЪ ИСТОРИЕЮ КУКЭ-НОРА.

(Преимущественно по китайскимъ источникамъ).

Большая часть свѣдѣній и замѣтокъ для предлагаемаго обзорѣнія Кукэ-нора и его исторіи припасена была нами въ бытность г. Пржевальскаго въ Пекинѣ въ 1871 году, по предложенію бывшаго посланника нашего А. Е. Влангали, который предназначалъ ихъ въ пособіе знаменитому путешественнику, отправлявшемуся тогда къ предѣламъ Тибета. Но г. Пржевальскій тогда же рѣшительно отказался отъ всякихъ китайскихъ книжныхъ свѣдѣній.

Собранію этихъ свѣдѣній въ одно цѣлое и дополненію ихъ другими, отысканными впослѣдствіи, предшествовала слѣдующая руководительная мысль: лучше имѣть что-нибудь, можетъ быть и не безошибочное, но основанное на документахъ письменныхъ, чѣмъ только описанія, основанныя на единоличныхъ наблюденіяхъ путешественника въ незнамой странѣ и съ незнакомымъ для него языкомъ.

На нашихъ глазахъ перебывало въ Китаѣ много русскихъ путешественниковъ; одни пріѣзжали съ торговою цѣлію, другіе — съ ученою, третьи наконецъ — съ учено-торговою, и важ-

дый изъ нихъ счелъ нужнымъ обнародовать свои замѣтки о Китаѣ. Въ замѣткахъ этихъ мы нашли не мало такого, что не могло не поразить насъ. Г. Ровинскій, бывшій съ экспедиціей г. Бутина и напечатавшій свои замѣтки въ Вѣстникѣ Европы, населилъ весь сѣверный Китай Татарами. Г. Пржевальскій населилъ Сенинскую область Китайцами, Тангутами и Далдами и нанесъ все это на карту, упустивъ изъ виду болѣе крупныя элементы, каковы Монгольскій и Саларскій; онъ же, проѣхавъ только по южной оконечности степи Цайдамъ, всю степь превратилъ въ солончаковую пустыню и проч. Г. Сосновскій, путешествовавшій съ учено-торговою цѣлю, въ своемъ учено-торговомъ отчетѣ опредѣлилъ срокъ товарнаго движенія на пароходахъ отъ Хань-коу до Тянь-цзиня въ 15-ть сутокъ.

О показаніи г. Ровинскаго слѣдуетъ сказать только то, что въ сѣверномъ Китаѣ нѣтъ Татаръ въ смыслѣ этнографическомъ, и что онъ смѣшалъ магометанъ съ Татарами, потому что Китайцы, какъ магометанъ, такъ и Туркестанскихъ Татаръ, безразлично называютъ Хой-цзы или Хой-хой. О невѣрностяхъ, допущенныхъ г. Пржевальскимъ, мы замѣтимъ нѣсколько словъ въ предлагаемомъ обзорѣни. Что же касается ошибки г. Сосновскаго, чрезвычайно важной въ своей сущности, то достаточно просмотрѣть хотя за одинъ годъ товарныя накладныя [bill of lading] изъ Хань-коу въ Тянь-цзинь чтобы убѣдиться въ томъ, что товары, съ перегрузкою въ Шань-хаѣ, изъ Хань-коу до Тянь-цзиня постоянно доставляются въ восемь сутокъ, и только въ случаѣ непогоды или штормовъ, въ девять и десять сутокъ, что бываетъ однако чрезвычайно рѣдко. Значить, г. Сосновскій, чаянно или нечаянно, ошибся, въ пользу открытаго имъ кратчайшаго пути, на семь или на шесть сутокъ, не болѣе.

Предлагая настоящій трудъ, мы считаемъ необходимымъ указать на главные источники, воими мы пользовались при составленіи онаго.

1) Мэнъ-гу-ю-му-цзи, или описаніе монгольскихъ вое-вьевъ, обнимающее всю Монголію, Чжунгарію и Кузэ-норъ. Это не описаніе, а скорѣе энциклопедія свѣдѣній объ этихъ странахъ, въ которой собраны всѣ извѣстія съ древнѣйшихъ временъ до времени царствованія Цянь-луна. Книга эта [одинъ томъ] издана въ 9-мъ году правленія Сянь-фына [1859 г.] и въ настоящее время становится рѣдкостью.

2) Си-юй-шуй-дао-цзи, или гидрографія западнаго края, то-есть, Восточнаго Туркестана и Чжунгаріи. Кисть автора этого труда, археолога Сюй-сюна, отличается критическимъ направленіемъ, освѣщающимъ во многихъ мѣстахъ китайскую путаницу, но въ другихъ случаяхъ переходящимъ уже чрезъ мѣру вопреки очевидной истинѣ. Книга издана въ 3-й годъ правленія Дао-гуана; авторъ оной Сюй-сюмъ умеръ въ 1847 году. Намъ пришлось воспользоваться этимъ сочиненіемъ только относительно мѣстъ, лежащихъ къ сѣверу отъ южныхъ горъ (Нань-шань).

3) Си-юй-као-гу-лу, или изслѣдованіе древностей и исто-ріи западнаго края, въ которое вошли и Кузэ-норъ, и Тибетъ. Сочиненіе это, при небольшомъ объемѣ въ одинъ томъ, за-ключаетъ въ себѣ важныя свѣдѣнія для изслѣдователей, и при совершенной въ настоящее время невозможности достать, даже за большую цѣну, болѣе объемистый и капитальный трудъ по этому предмету, извѣстный подъ заглавіемъ Си-юй-ту-чжи, — Си-юй-као-гу-лу остается лучшимъ источникомъ. Оно сполна было переведено на русскій языкъ покойнымъ драго-маномъ нашимъ А. А. Ленци, но за смертію его рукопись этого перевода неизвѣстно гдѣ находится.

4) И-тунъ-чжи, общая географія Китая (отдѣлъ о Вай-фань, то-есть, о вассальныхъ владѣніяхъ).

5) Су-чжоу-синь-чжи, или новая географія округа Су-

чжоу; трудъ, отличающійся полнотою и добросовѣстностію свѣдѣній; онъ послужилъ намъ преимущественно для указа- нія дорогъ и проходовъ чрезъ Нань-шань въ Кувэ-норъ.

6) Си-нинъ-фу-чжи, или географія области Си-нинъ, съ приложеніемъ описанія Кувэ-нора и исторіи онаго.

7) Вэнь-сянь-тунъ-као, общая энциклопедія (отдѣлъ Сы-и, то-есть, о «четырехъ инородцахъ»).

8) Минъ-ши, исторія Минской династіи (отдѣлы о Ва-ла и Да-дань).

9) Фань-бу-яо-лѣ, или необходимыя замѣтки по исторіи вассальныхъ владѣній при настоящей династіи до царствованія Цянь-луна включительно, изложенныя по отдѣламъ въ хронологическомъ порядкѣ (одинъ томъ въ шести тетрадахъ). Сокращеніе это, или замѣтки, какъ видно, сдѣланы изъ болѣе пространныхъ сочиненій — Шо-мо-фанъ-лѣ и Шэнь-у-цзи.

10) Юань-чао-ми-ши, или старинное монгольское сказа- ніе о Чингисханѣ, на монгольскомъ и витайскомъ языкахъ, переведенное архимандритомъ Палладіемъ (см. Труды членовъ Россійской духовной миссіи въ Пекинѣ, т. IV. С.-Пб. 1866).

11) Алтанъ-тобчи, въ переводѣ Гомбоева (см. Труды вост. отд. Археол. Общ., ч. VI, 1858 г.).

12) О Турецкихъ и Монгольскихъ племенахъ — Рашидъ-Эддина. Перев. Березина (тамъ же, ч. V и XIII).

13) Родословная Тюрескаго племени — Абуль-гази. Переводъ Саблукова. Казань. 1854.

14) Исторія Тибета и Хухэнора — отца Лавинеа. С.-Пб. 1833. Это одинъ изъ первыхъ трудовъ знаменитаго на- шего синолога, не лишенный неточностей и невѣрностей въ пере- водѣ, сдѣланномъ, какъ можно догадываться, не съ подлинныхъ исторій, а съ каваго-то, неизвѣстнаго впрочемъ намъ, сборни- ка, въ который могли вкратъсь ошибки по невѣжеству рѣзщи- вовъ; поэтому пользоваться этимъ переводомъ нужно съ осто- рожностію и съ провѣркою. Намъ удалось услѣдить и про- вѣрить съ источниками только нѣсколько мѣстъ перевода,

особенно показавшихся намъ темными и сомнительными (см. ниже о Цайдамѣ и далѣе о Ту-фань).

15) Историческое обзорѣніе Ойратскаго народа, того же автора. Книга, составленная, въ отдѣлѣ объ Ойратахъ китайскихъ, по Си-юй-тунъ-вэнь-чжи. О. Іакинѣъ не имѣлъ, какъ видно, подѣ руками даже Минъ-ши или Минской исторіи, гдѣ отдѣлъ этотъ изложенъ подробнѣе и яснѣе.

16) Пинъ-фанъ-цзоу-и или доклады и постановленія объ усмирении Фаней. Книга эта еще не извѣстна въ Европѣ по исключительной спеціальности предмета.

Кукэ-норъ или Цинъ-хай, въ смыслѣ названія страны, лежитъ за предѣлами области Си-нинъ-фу и граничитъ съ сѣвера и востока провинціею Ганъ-су, съ запада Тибетомъ, съ юга провинціей Сы-ычуань. Кромѣ этихъ общихъ границъ, Кукэ-норъ, какъ увидимъ ниже, имѣетъ самыя рѣзкія очертанія, положенныя самою природою, въ окружающихъ его горныхъ хребтахъ и рѣкою Хуанъ-хэ; въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ придется впрочемъ много разъ выходить изъ этихъ границъ для объясненій историческихъ.

Названіе свое эта страна въ разные періоды исторіи погучала отъ названія озера, лежащаго почти на самой срединѣ ея, съ котораго мы и начинаемъ изложеніе географическаго обзора этой страны.

Названіе озера Кукэ-норомъ, нынѣ общепринятое въ Европѣ, есть несомнѣнно самое позднее и представляетъ дословный монгольскій переводъ китайскаго имени Цинъ-хай, «голубое озеро», даннаго ему въ первый разъ при сѣверной Вэйской династіи. Въ древности оно называлось большею частію Си-хай, «западное озеро», или Сянъ-хай, какъ значитсѧ

въ Ханьской исторіи. Подробныя описанія этого озера, сохранившіеся въ Вэйской и Танской исторіяхъ, сообщаютъ совершенно согласныя свѣдѣнія. Озеро имѣетъ въ окружности 750 слишкомъ ли (по Вэйскому описанію 1000 ли, а по Танскому—800); на немъ есть два небольшіе островка, лежащіе одинъ противъ другаго на восточной и западной сторонахъ. Первый называется Куйсунъ-тологой и имѣетъ вершину совершенно бѣлаго цвѣта; на ней построена небольшая кумирня, въ которой живетъ монахъ изъ мѣстныхъ инородцевъ (Фань). Зимой, когда вода озера замерзаетъ, онъ выходитъ оттуда, чтобы запастись провизіей на цѣлый годъ, и снова возвращается туда. Второй островъ называется Чаганъ-хада, «бѣлая скала», и лежитъ недалеко отъ западнаго берега; сравнительно съ первымъ онъ менѣе высокъ; грунтъ на немъ мягкій, съ весьма ничтожнымъ количествомъ камней. Вода озера имѣетъ темно-зеленый цвѣтъ, ни зимой ни лѣтомъ не прибываетъ и не понижается. Китайцы замѣчаютъ, что на срединѣ озера поверхность воды выше, чѣмъ у береговъ. По Миньской географіи, въ Цинъ-хаѣ водится особой породы рыба — безъ чешуи, покрытая черными пятнами. Съ горъ Жи-юэ шань, или Нара-сара дабанъ, воды озера похожи на вѣчно-медленно движущіяся облака. Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ Китайцы не упускаютъ случая прибавить, что въ древности озеро это славилось превосходными пестрыми лошадьми драконовой породы, разведениемъ которой специально занимались Тогонцы, по свѣдѣніямъ исторіи Вэй; однако порода эта, къ горести Китайцевъ, прекратилась еще при Суйской династіи: тогда сдѣлана была попытка пустить кобылицъ на острова озера, но приплода, въ сожалѣнію не получилось. Во второмъ году правленія Юнь-чжень, при настоящей династіи, озеро это признано чудотворнымъ ¹⁾ и священнымъ, по-

¹⁾ При настоящей династіи во 2-й годъ правленія Юнь-чжень китайское войско, преслѣдуя Лобцзанъ-даньцзана, дошло до сѣвернаго берега озера Куэ-но-

чему Ли-фань-юань (министерство колоній) постановилъ правила для ежегоднаго приношенія жертвъ духу озера, по которымъ всѣ мѣстные монгольскіе князья обязаны являться въ жертвоприношенію; если же кто изъ нихъ не явится безъ уважительной причины, того штрафовать лишеніемъ жалованья на три года.

Озеро Куэ-норъ или Цинъ-хая со всѣхъ сторонъ окружено горными хребтами, изъ воихъ ближайшихъ къ нему насчитывается 13-ть. Всѣ эти хребты у прежнихъ жителей, Фаней или Тангутовъ, освящены были пребываніемъ на нихъ душъ предковъ, почему всѣ хребты носятъ общее названіе амуні, то-есть, «предки», и каждому изъ нихъ положено было ежегодно одинъ разъ приносить жертвы, исключая Амунимачань-мусунь, или Да-сюэ-шань, коему, какъ главному хребту, приносили жертвы четыре раза, по временамъ года. Это вѣрованіе въ расселеніе предковъ по горамъ и чествованіе этихъ горъ жертвами составляютъ несомнѣнно основу древняго религіознаго культа Тангутовъ и находятся въ непосредственной связи съ таковыми же вѣрованіями Монголовъ, что онгоны (предки) ихъ возсѣдаютъ на горахъ и обо. Первый изъ 13-ти хребтовъ называется Амуні-сарцинъ и лежитъ къ ю.-в. отъ Цинъ-хая; второй, Амуні-молунь — къ в. отъ Цинъ-хая; третій, Амуні-наринъ-тунбу — къ ю.-з. отъ Цинъ-хая и имѣетъ вершину на подобіе острія; четвертый хребетъ, Амуні-бачань-цзуньцуй — отъ Цинъ-хая къ с.-з.; пятый, Амуні-дуншу; шестой, Амуні-тянь-цинъ-чагань — отъ озера къ с.-з. имѣетъ чрезвычайно высокой пикъ, безснѣжный, но бѣлый, какъ снѣгъ; седьмой,

ра. Когда войско и лошади, томимыя жаждою, не могли найти воды, то вдругъ передъ лагеремъ показался родникъ, который билъ изъ земли большою струею; воины и лошади, оскѣжившись водою, воодушевились, и съ новою силою, преслѣдовали бунтовщиковъ. Императоръ, въ ознаменованіе этого чуда, повелѣтъ соизволять: въ награду духу озера поставить каменный столбъ и приносить жертвы.

Амуни-ушань-тунбу — въ с.-з. отъ озера; восьмой, Амуни-н'оку, лежитъ отъ озера въ 200 ли въ с.-з.; этотъ хребетъ считается однимъ изъ большихъ; по другимъ указаніямъ онъ находится отъ Цинь-хая въ с.-з. въ 300 ли; изъ южной подшвы его вытекаетъ р. Кала-сина (Кара-шинэ), въ нижнемъ теченіи извѣстная подъ именемъ Бука, или Бугэй (см. ниже); девятый называется Амуни-барбуань — отъ Цинь-хая къ з.; вершины его совершенно черного цвѣта, чрезвычайно высоки и опасны; по изысканіямъ автора Си-юй-шуй-дао-цзи, хребетъ этотъ, въ измѣненной нѣсколько транскрипціи, подъ именемъ Барбуха, связывается съ горами Баянь-хара и Авѣтадинь, каковая цѣпь носитъ общее названіе Куркунь; десятый хребетъ, Амуни-ганкаръ, идетъ въ с.-з. отъ Цинь-хая; онъ тянется не вдалекѣ отъ границъ Гань-чжоу и Лянъ-чжоу и называется иначе Лунъ-шоу-шань; одиннадцатый, Амуни-баянь-хара, лежитъ за Лянъ-чжоускою границей и называется иначе Да-хуанъ-шань; двѣнадцатый, Амуни-вувэнъ-гурбань, лежитъ на восточномъ берегу Хуанъ-хэ; имѣетъ два пика, покрытые вѣчными снѣгами, и тринадцатый, Амуни-мачань-мусунь, или Да-сюэ-шань («великія снѣжныя горы»), въ древности извѣстный подъ именемъ Да-цзи-ши; по И-тунъ-чжи, это есть отрогъ Баянь-хара, тянущійся къ в. на 300 лишвомъ ли. Кромѣ перечисленныхъ тринадцати амуни, китайскіе географы указываютъ еще на тринадцать урту, то есть, «роговъ», опоясывающихъ берега Цинь-хая; изъ этихъ горъ самыя извѣстныя лежатъ къ ю.-з. отъ озера и называются Чагань-тологой-урту. Къ западу и югу отъ Цинь-хая въ видѣ раздробляющихся лучей тянется много горъ и небольшихъ хребтовъ подъ разными наименованіями. Къ западу тянутся горы Совѣту; къ ю.-з. не далеко отъ Цинь-хая идетъ Индэрбилюту, отъ коихъ въ 200 ли — Улань-булабъ; далѣе отъ озера въ 300 ли — Гурбань-имату; они опоясываютъ съ з. озеро До-ло-чи, имѣющее въ окружности около 150 ли. Прямо къ югу во 100 ли лежитъ хребетъ

Варь-тологой, далѣе къ в. — Ваха-хату и Икэ-хату; отъ Ваха-хату къ ю.-в. отдѣляется Ча-ча, а отъ него къ в. Набучурь.

Рѣшить вопросъ, находятся ли всѣ вышеуказанныя горы въ какой-нибудь связи между собою, и составляютъ ли онѣ одну неразрывную цѣпь, — по китайскимъ указаніямъ трудно; но связь эта сдѣлается болѣе или менѣе ясною, когда опредѣлится бассейнъ озера Куэ-нора, и будетъ указано направленіе теченія водъ, берущихъ свое начало въ описываемой нами странѣ. По Минской географіи, озеро Куэ-норъ, или Си-хай, составляется 72 рѣчками, впадающими въ оное съ разныхъ сторонъ. Преувеличено, или нѣтъ, это сообщеніе, мы не будемъ говорить; опишемъ только тѣ рѣки, на которыя есть ясныя указанія. Первая изъ нихъ есть Хорь-хэ, или Хорь-бира, неправильно названная въ дорожникѣ, доставленномъ г. Шшмаревымъ и напечатанномъ въ Извѣстіяхъ Геогр. Общества, т. IX, 1873 г., Хара-голь ¹⁾; она беретъ начало изъ горъ Нара-Сара; течетъ къ с.-в. 100 слишкомъ ли и впадаетъ въ Куэ-норъ. Вторая называется Карцзи-хэ, вытекаетъ съ с. изъ горъ Карцзи, принадлежащихъ къ системѣ Нань-шань, и чрезъ 80 ли къ ю.-в. впадаетъ въ Цинь-хай. 3) Икэ-улань-хошо-хэ вытекаетъ съ с. изъ горъ Баянь и чрезъ 80 ли къ ю. впадаетъ въ Цинь-хай; отъ нея къ з. въ 70 ли есть р. Баха-улань-хошо, вытекающая на с.-в. изъ горъ Кудэ-ли-шань и чрезъ 60 ли къ ю. впадающая въ Цинь-хай. 4) Рѣка Буа-хэ, въ дорожникѣ Монголовъ (см. выше) названная Богой-голь, находится къ з. отъ Цинь-хая и беретъ начало въ 300 ли на с.-в. изъ южной подошвы горъ Амунь-ноку подъ именемъ р. Кара-шинэ; протекши къ ю. 100 л., она принимаетъ рѣчку изъ озера Ин'о-чи, которое имѣетъ въ окружности около 150 ли; далѣе къ ю.-в. чрезъ 60 ли сливается у пика Тяньцинъ-чаганъ съ рѣчкою, текущею изъ

¹⁾ Хара-хэ, или голъ, по И-тунь-чжи, вытекаетъ изъ горъ Чагань-оботу, течетъ къ ю.-в. и въ предѣлахъ Си-нина впадаетъ въ Хуань-шуй.

озера Шарь-норъ (Шань-чи); еще въ в. чрезъ 70 ли принимаетъ съ с. рѣки Ло-цзы и Сирха; послѣдняя вытекаетъ изъ горъ Хуай-мань-алинь и направляется отсюда въ ю.-в. Рѣка Кара-шинэ далѣе къ в. чрезъ 50 ли принимаетъ съ с. р. Цзиламартай и получаетъ названіе Бука-хэ, а чрезъ 70 ли къ в. впадаетъ въ Цинь-хай. Бука-хэ принимаетъ въ себя всего шесть большихъ рѣкъ, довольно широка и имѣетъ очень быстрое теченіе, такъ что въ лѣтніе мѣсяцы переправа чрезъ нее бываетъ довольно затруднительна. 5) Р. Чжахасутай впадаетъ въ Цинь-хай на ю.-з. Наконецъ должно упомянуть о шести безымянныхъ рѣчкахъ, впадающихъ на югъ, между рѣками Хорь-бира и Чжахасутай. Такимъ образомъ всѣ рѣчки, впадающія въ Цинь-хай, имѣютъ слишкомъ короткое теченіе, не болѣе 100 ли, исключая р. Бука, которая течетъ на протяженіи 300 ли, и съ притоками, образуетъ довольно широкую долину, извѣстную подъ именемъ Да-фэй-чуань. Такое положеніе даетъ намъ право заключить, что Цинь-хай плотно окруженъ горами, пододвинувшимися къ нему весьма близко. Какъ увидимъ ниже изъ подробнаго разсмотрѣнія, всѣ рѣки, берущія начало на сѣверномъ склонѣ этого нагорья, текутъ къ с., съ восточнаго уходятъ на в. въ Китай, а съ южнаго впадаютъ въ Хуань-хэ, западныя же разбѣгаются по долинѣ Цайдамъ.

Приступая къ болѣе точному обобщенію горныхъ системъ въ Куэ-норѣ и указанію между ними связи, мы по неизбежной необходимости сталкиваемся съ вопросомъ о мѣсто-нахожденіи знаменитаго въ китайской исторіи и географіи Кунь-луня, вопросомъ, остающимся и до сего времени, открытымъ, не смотря на усилія Китайцевъ и европейскихъ ученыхъ приурочить оный хоть куда-нибудь.

Кунь-лунь можно, по справедливости, почесть китайскимъ Олимпомъ, съ которымъ связаны многія народныя преданія и легенды, напримѣръ, легенда о томъ, что народъ Китайскій пришелъ именно съ Кунь-луня. Темныя свѣдѣнія объ

этихъ горахъ существовали у Китайцевъ еще въ глубокой древности. Свѣдѣнія эти болѣе или менѣе прояснились и усложнились съ открытіемъ западнаго края. Когда же Китайцы ознакомились и заразились индо-буддѣйскою космологіей, въ которой довольно важную роль играетъ Кунь-лунь, какъ центръ міра, они узнали въ то же время, что въ мірѣ есть только четыре великія рѣки — Гангъ, Индъ, Бакшу или Аму-дарья и Сита, которая беретъ начало изъ Кунь-луни. Но у ученыхъ Китайцевъ съ Кунь-лунемъ случилось то же, что у Грековъ съ Кавказомъ; они переносили его съ мѣста на мѣсто, сообразно съ разширеніемъ свѣдѣній о прилегающихъ странахъ, а иногда просто произвольно. Самое древнее извѣстіе о Кунь-лунѣ находится въ Шу-цзинѣ, гдѣ онъ поставленъ въ ряду горъ Чжи-пи, Си-чжи и Цю-соу, расположенныхъ въ земляхъ западныхъ Жуновъ или Цяновъ, что несомнѣнно относится, какъ увидимъ ниже, къ нынѣшнему Кукэ-нору и древней странѣ Сань-вэй. Въ Ханьской исторіи говорится, что Кунь-лунь лежитъ къ з. отъ уѣздовъ Цзинь-ченъ и Линь-цянъ и образуетъ горы, лежащія къ югу отъ Цю-цюаня, гдѣ произошло свиданіе чжоускаго Му-вана съ Си-ванъ-му; это сказаніе приурочиваетъ оный къ Нань-шань (южнымъ горамъ). Не довѣряя исполнѣ древности, Китайцы стали искать другого Кунь-луни у истоковъ Хуанъ-хэ, а такъ какъ истоковъ Хуанъ-хэ оказалось два — Алтанъ-голь и Кашгаръ-дарья, то нужно было найдти и два Кунь-луни. Для того, чтобы къ помянутой выше р. Сита приурочить свою Хуанъ-хэ, Китайцамъ нужно было сказать, что настоящее, самое верхнее ея русло есть теченіе рѣки Кашгаръ-дарья, которая беретъ свое начало на отдаленномъ западѣ и, притекая къ Лобъ-нору, принимаетъ съ юга рѣки Яркэндъ, Хотанъ и другія, а потомъ изъ Лобъ-нора пробирается подъ песками и появляется на западныхъ предѣлахъ Кукэ-нора. Такимъ образомъ въ китайскихъ сказаніяхъ образовалось четыре Кунь-луни. Первый, изъ кото-

раго вытекает Хуанъ-хэ, названный въ Си-юй-цзи Сюань-цзана Аноуда (Анаваташте) пикъ, возвышающійся и господствующій надъ горами Гандесъ. Второй Кунь-лунъ находится къ югу отъ западнаго моря (Си-хай), на окраинѣ сыпучихъ песковъ, недалеко отъ владѣній Тяо-чжи и Да-цинь. Третій находится въ мѣстности Цзюцзюань, гдѣ протекаетъ р. Жо-шуй («слабая») ¹⁾ и устроена кумирня того же имени. Четвертый тянется въ странѣ Туфань; Танскій изслѣдователь вершинъ желтой рѣки Лю-юань-динъ называетъ оныя горами Мэнь-мо-ли-шань; отъ нихъ до Чанъ-ань считалось 5000 ли. Къ этому послѣднему Кунь-луню относятся всѣ сказанія о немъ, вкратцѣ приведенныя въ Дай-цинь-и-тунъ-чжи, при чемъ этотъ Кунь-лунъ приурочивается къ названію Куркунъ, отрогу Баянь-хара или Цзы-шань. Подъ именемъ Кунь-луна у китайскихъ писателей извѣстно было также древнее владѣніе, приурочиваемое къ нынѣшнему Тибету.

Европейскіе синологи и ученые, во главѣ коихъ стоятъ знаменитые Гумбольдтъ и Клапротъ, стараясь распутать и обобщить китайскія сказанія пришли къ слѣдующимъ результатамъ: Кунь-лунъ и Гималай суть двѣ отрасли Гиндуку. Развѣтвленіе начинается къ з. отъ Болора между меридіанами Фэйзабада и Балха. Западная часть Кунь-луна: Цунъ-линъ, или Тартагъ-дабанъ относится къ поперечной жилѣ Болора; восточная часть Кунь-луна есть великій узелъ Кувэ-норскихъ горъ. Въ частности Кунь-лунская цѣпь или Кулкунъ (или Бухуцзилукэнь), называемая также Тартагъ-дабанъ, находится между Хотаномъ и Ладакомъ. Она отдѣляетъ узелъ горъ Кувэ-норскихъ отъ Восточнаго Тибета и области Качи. Отъ Цунъ-лина Кунь-лунъ, или Кулкунъ направляется съ з. на в. къ верховьямъ Хуанъ-хэ и съ

¹⁾ Вода, въ которой все тонетъ; ни что не можетъ также пролетѣть надъ ней; по преданію, она далеко на западѣ, а за нею рай западной царицы (Сиванъ-му).

снѣговыми своими вершинами проникаеть въ китайскую область Шань-си. Почти подъ меридіаномъ этихъ верховьевъ поднимается великій горный узелъ озера Кукэ-нора, который на с. прилегаетъ къ снѣговой цѣпи Нань-шань, или Ки-лень-шань, идущей также отъ з. къ в. Широту средней части Кунь-луня полагаютъ подъ $35^{\circ} 30'$. Последнее слово относительно Кунь-луня, высказанное, хотя кратко и съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, нашимъ знаменитымъ синологомъ архимандритомъ Палладіемъ, заключается въ томъ, что онъ признаеть два Кунь-луня — западный и восточный; но есть ли связь между ними, изъ китайскихъ свѣдѣній, по его словамъ узвать трудно; скорѣе можно думать, что этой связи не существуетъ (см. Изв. Геогр. Общ., т. IX, № 9, 1873 г.). Если бы связь Гумбольдтова Кулкуна или Тартагъ-дабана и восточнаго Кунь-луня архим. Палладія, относимаго имъ приблизительно къ тому же Кулкуну, съ западнымъ Кунь-лунемъ можно было доказать безъ посредства таковымаго Гумбольдтомъ узла горъ Кукэ-норскихъ, тогда вопросъ о Кунь-лунѣ можно было бы считать окончательно рѣшеннымъ въ пользу одной неразрывной цѣпи горъ, и не было бы нужды допускать сомнительной двойственности. Но экспедиція, отправленная въ 56-мъ г. правленія Канси на крайній юго-западъ къ Гандесу, не открыла этой связи и не указала на существованіе восточнаго Кунь-луня.

Для указанія связи западнаго Кунь-луня съ восточнымъ его продолженіемъ необходимо принять отдѣляемую Гумбольдтомъ цѣпь горъ, тянущихся по сѣверной сторонѣ Кукэ-нора и извѣстныхъ подъ общимъ именемъ Нань-шань. Китайцы начинаютъ свой Кунь-лунь отъ Гандеса, откуда берутъ начало, по ихъ понятіямъ, всѣ горы, отдѣлившись четырьмя вѣтвями. Отдѣлившаяся къ с.-з. вѣтвь считается продолженіемъ Кунь-луня и тянется сначала подъ названіемъ Сэнгэ-кабабъ, Ганъ-ли и Мусунь, окружая провинцію Нгари; къ сѣверу она подходитъ къ западному краю (си-юй) уже подъ име-

немъ Цунъ-лина. Отъ Цунъ-лина отдѣляются двѣ вѣтви, извѣстныя въ исторіи Хапей подъ названіемъ Бэй-шань и Нань-шань (то-есть, сѣверная и южная). Нань-шань, въ з. отъ нынѣшняго Яркенда извѣстная подъ именемъ Ханъ-ала-дабанъ, тянется далѣе въ в. непрерывною цѣпью по южнымъ предѣламъ Яркенда и есть настоящій Кунь-лунь древнихъ китайскихъ книгъ, съ которыми связаны всѣ преданія. Отъ города Хотана или Ильци, Кунь-лунь протягивается на югъ въ 580 ли, подъ именемъ Чамакъ-бюйди или Нань-шань. Отъ Хотана къ в., хотя и неизвѣстно точно въ какомъ разстояніи, и вопреки сказаніямъ Китайцевъ о непрерывности этой пѣпи горъ, необходимо допустить, если не перерывъ, то весьма замѣтное пониженіе по крайней мѣрѣ, или перевалъ, чрезъ который проходитъ дорога изъ Восточнаго Туркестана въ Тибетъ. Перевалъ, по Си-юй-шуй-дао-цзи, находится, какъ видно, около города Кэльдїа, по горамъ того же имени. По буквальному переводу текста «горы эти занимаютъ пространство въ 1000 ли и состоятъ то изъ песковъ, то изъ снѣговъ». Въ доказательство своего предположенія мы приведемъ здѣсь сообщеніе, извѣстнаго путешественника Гэурда, указывающее, повидимому, на таковой фактъ, и указаніе изъ китайской исторіи временъ возстанія Джунгаровъ. Гэурдъ говоритъ, что «съ высоты перевала Чанъ-линъ, лежащаго чрезъ главный Каракорумскій хребетъ, ему открывался обширный видъ. На с. видѣнъ былъ Кунь-лунь, съ высокими снѣжными пиками; на в. разстлалась обширная степь Аксай-чинъ; за нею снова видѣлись снѣговыя вершины Кунь-луна, или одного изъ его побочныхъ отроговъ. Общее впечатлѣніе было однако такое, какъ будто Кунь-лунь кончался довольно обрывисто на в., и около 82° в. д. отъ Гринвича лучеобразно расходился низкими отрогами по плоской возвышенности Аксай-чинъ. Миляхъ въ 80-ти (120 в.) къ ю. в. видѣлись высокія снѣговыя вершины хребта, составляющаго либо продолженіе Каракорумскаго хребта, либо

его отрогъ; онъ тянулся отъ Чанъ-ченмо въ в.-с.-в., направляясь въ восточнымъ отрогамъ Кунь-луня (см. Изв. Геогр. Общ., т. VI, № 2, 1870 г.). Изъ китайской исторіи узнаемъ, что джунгарскій Цеванъ-равтанъ, пользуясь неурядицами въ Тибетѣ, предполагалъ овладѣть этою страной, и между тѣмъ какъ Китайцы заградили ему ближайшую дорогу туда чрезъ Кукэ-норъ, полководецъ его Цэрэнъ старшій съ 6.000 войска пробрался по дорогѣ мимо Лобъ-нора въ Хотану, и переваливъ, какъ видно, чрезъ Кунь-лунь, явился въ Тибетѣ, прошедъ мимо Тенгри-норъ и чрезъ Тъсо-цяо (см. Си-юй-као-гу-лу). Этимъ же путемъ въ 1-мъ г. правленія Юнь-чжена хотѣлъ проникнуть въ Тибетъ и Кукэ-норскій Лоб-цзанъ-данцзинъ; но ему воспрепятствовали китайскія и тибетскія войска, вышедшія изъ Тибета и Лянь-бачжанъ; но, дойдя до Карцзанъ-гуча, остановились по причинѣ глубокихъ снѣговъ. По этой дорогѣ отъ Хлассы идутъ къ с. и чрезъ 24 дня достигаютъ до Накчанъ; еще чрезъ 15 дней до Шулу-шаръ; отсюда чрезъ 18 дней доходятъ до города Кэльдія (см. Си-цзинъ-чжи). На эту дорогу, несомнѣнно, указываетъ и англійскій путешественникъ Форсайтъ, какъ на самый ближайшій и удобный «путь между Ярвэндомъ, Хотаномъ и Индустаномъ, который, захватывая небольшой уголокъ китайскаго Туркестана, выходитъ на тибетскую дорогу» (см. Изв. Геогр. Общ., т. V, № 1, 1869 г.). Но для открытія этого пути, въ горести Англичанъ, нужно войти въ переговоры съ несовсѣмъ податливымъ пекинскимъ правительствомъ. Отъ этого перерыва или низкаго перевала Кунь-лунь тянется къ в. подъ общимъ именемъ Нань-шанъ и проходитъ къ югу отъ Дунъ-хуанъ-сянь и Ань-си-фу, отъ коего лежитъ прямо къ югу въ 200 или 300 ли. Общая характеристика этого хребта въ новой географіи Су-чжоу представляется такъ: «хребтъ тянется на нѣсколько тысячъ ли и на з. соприкасается съ Кунь-лунемъ и Цунъ-линомъ, а къ в. доходитъ до Уцзинъ-шанъ или Ки-лень-шанъ». Мы остановимся на этомъ

последнемъ названіи, потому что китайскіе ученые приписываютъ оное языку западныхъ Хунновъ, на которомъ слово Ки-лень обозначало небо; но въ И-тунъ-чжи говорится, что Хунны называли небо чэнъ-ли, что, несомнѣнно, есть монгольское тенгри. Китайцы, перевода слово вилень, и самыя горы называютъ «небесными» (Тянь-шань). Впрочемъ, подъ именемъ небесныхъ горъ, или Ки-лень-шань они извѣстны только на протяженіи отъ Лянъ-чжоу до Су-чжоу, отъ коего лежатъ прямо на ю. во 150 ли. Отъ Лянъ-чжоу тянутся далѣе въ в. подъ разными наименованіями и уходятъ въ провинцію Шэнъ-си и Шань-си ¹⁾). Гумбольдтъ отводитъ ихъ въ Ала-шань, что совершенно несправедливо, хотя, быть можетъ, тутъ и есть какая-нибудь связь. Нань-шань или «южныя горы» съ глубокой древности славилась своею высотой и вѣчными снѣгами; во многихъ мѣстахъ онѣ прорѣзываются превосходными долинами, какъ напримѣръ, Тяо-лай-чуань, обилующими травою и водою и представляющими отличныя мѣста для пастбищъ. Онѣ славятся также на всемъ протяженіи своемъ обиліемъ золотыхъ росыпей. Въ новой Танской исторіи (Синь-танъ-шу) говорится, что изъ нынѣшняго Су-чжоу въ дань во дворъ представлялось золото. Гао-цюй-минь, посланный въ Хотанъ, въ запискахъ своихъ отмѣтилъ, что на южномъ берегу рѣки Данъ-хэ лежатъ снѣжныя горы, обилующія золотыми самородками. Жажда къ добычѣ этого металла привлекала туда громадныя толпы выходцевъ изъ Китая, которые, чтобы не быть замѣченными, укрывались въ мѣстахъ самыхъ дивныхъ и опасныхъ, и въ отвесахъ горъ просвѣрливали пещеры и промывали золото. Промыселъ этотъ развился было въ недавнія времена на всемъ протяженіи горъ вплоть до самаго Хотана, главная же и болѣе прибыльная промывка производилась въ долинѣ Ъ-ма-чуань въ мѣстности Ъ-ню-гоу и Па-бао-шань. Но благодаря заботливости мѣст-

¹⁾ Тамъ онѣ принимаютъ названіе Чжунъ-нань и тянутся недалеко отъ Сянъ-фу; онѣ знамениты монастырями и отшельниками.

ныхъ властей, по крайней мѣрѣ на бумагѣ, промыселъ этотъ прекращенъ вслѣдствіе того, что промыватели золота были въ то же время и разбойники, наводившіе на край, какъ увидимъ ниже, необыкновенный ужасъ своими грабежами. Отъ Су-чжоу въ ю.-з. въ 70 ли, въ отрогѣ южныхъ горъ, называемомъ Луань-лай-цюань-шань, лежатъ богатые каменноугольные копи, снабжающія всѣ окрестныя мѣста топливомъ. Отбасы горъ почти на всемъ протяженіи ихъ покрыты строевымъ лѣсомъ, на что еще въ Ханьской исторіи сдѣлано весьма определенное указаніе въ томъ смыслѣ, что жители брали съ этихъ горъ лѣсъ, изъ досокъ котораго строили свои жилища, приготовляли стрѣлы и копья. Особеннымъ обиліемъ лѣса отличается мѣстность, лежащая на сѣверномъ склонѣ горъ по рѣчкѣ Булунгирь и называемая Монголами Цзагунь-модо. Благодаря обилію лѣса, въ горахъ водится много породъ звѣрей, изъ коихъ самая замѣчательная порода краснаго оленя, описанная въ Си-юй-као-гу-лу: олень этотъ имѣетъ короткія ноги, туловище величиною больше чѣмъ коровье; мясо его вѣситъ до 1000 гивовъ.

Изъ развѣтвленій или отроговъ главнаго гребня Наньшань самый длинный и высокій отдѣляется приблизительно подъ меридіаномъ Ань-си или немного западнѣе въ ю.-в. и опоясываетъ съ юга Куэ-норь. Этотъ отрогъ составляется хребтомъ Амунь-Барбуа, или Барбуха, связаннымъ съ Амунь-н'обу (см. выше) горами Актадинь, тянущимися по юго-восточной крайнѣ степи Цайдамъ и соединяющимися съ Баянь-хара, и носитъ общее названіе Куркунь. Оставляя на долю путешественниковъ лично прослѣдить и провѣрить китайскія сказанія, мы однако беремъ смѣлость утверждать, что это пока единственная связующая нить Кунь-луня западнаго съ его нарицательнымъ соименникомъ Кунь-лунемъ восточнымъ. Считаемъ нелишнимъ представить здѣсь нѣкоторое разъясненіе о томъ, какъ китайскіе критики думаютъ о свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ въ раз-

ныя эпохи о Кунь-лунѣ. Разумѣется, они начинаютъ съ извѣстій Шу-цзина, въ главѣ Юй-гунь, и говорятъ, что упоминаемый тамъ Кунь-лунъ есть названіе мѣстности, а не горъ; въ этому рѣшенію склоняется большинство изъ нихъ; другіе объясняютъ названіемъ владѣнія или даже отдѣльнаго рода древнихъ Цяновъ или Жуновъ. Извѣстію, доставленному при Ханьскомъ Ву-ди, объ истокахъ Желтой рѣки, по которому Кунь-лунъ лежалъ между Цунь-линомъ и Юй-тянемъ или Хотаномъ, Китайцы даютъ полное вѣроятіе. Свѣдѣніямъ, доставленнымъ Танскимъ изслѣдователемъ вершинъ Хуань-хэ, Люнаньдиномъ, по которымъ стали приурочивать Кунь-лунъ къ горамъ Цзы-шань, Мэнъ-моли-шань или Баянь-хара-шань, критики не довѣряютъ и считаютъ ошибочными. Наконецъ, извѣстія Юаньской династіи объ истокахъ Хуань-хэ, по которымъ Кунь-лунъ приурочили къ Цзи-ши-шань или «малымъ снѣжнымъ горамъ», считаютъ не заслуживающими никакого довѣрія. Самый Гандесъ считаютъ только началомъ или узломъ всѣхъ горныхъ кражей, и то благодаря вліянію буддійскихъ легендъ и сказаній, принесенныхъ отчасти самими буддизмомъ, а болѣе буддійскими путешественниками-Китайцами. Такимъ образомъ, Ханьское извѣстіе, хотя и не со всѣмъ яснѣе, болѣе правильно указываетъ на настоящее положеніе Кунь-луна и подтверждается новѣйшими изысканіями ученыхъ путешественниковъ. И, вазалось бы, нѣтъ нужды искать его въ Куркунѣ, какъ совершенно побочной вѣтви горъ, хотя она и протягивается далеко въ Китай, связываясь съ хребтомъ Амунь-мачань-мусунь, или Да-сюэ-шань, или же древнимъ Да-цзи-ши.

Да-цзи-ши, какъ мы видѣли выше, есть отрогъ отъ Баянь-хара; онъ тянется къ в. по направленію Хуань-хэ 300 слишкомъ ли, дѣлая, почти вездѣ, изгибы и уклонны, соотвѣтствующіе извилинамъ рѣки. Китайцы характеризуютъ этотъ хребетъ неприступными откосами и обрывами, съ чрезвычайно высокимъ гребнемъ и пиками, покрытыми вѣчными снѣгами.

Самыхъ высокихъ пиковъ, по И-тунъ-чжи, насчитывается девять; хребеть этотъ отъ Си-нинъ-фу лежитъ къ ю.-в. въ 500 слишкомъ ли. Да-цзи-ши связывается съ хребтомъ горъ Сяо-цзи-ши, иначе называемыхъ Танъ-шу-шань, которыя лежать къ с.-в. въ 70 ли отъ округа Хэ-чжоу (въ Лань-чжоу-фу) и къ в. отъ Баянь-жунъ-гэтинъ. Въ этихъ горахъ по Шу-цзину брала свое начало Хуанъ-хэ. Мимоходомъ сказать, что хотя мѣнѣе Шу-цзина теперь уже окончательно отвергнуто, но въ сказаніяхъ народныхъ того вѣра сохранилось преданіе, записанное въ Си-нинъ-фу-чжи (географія Синина), что когда-то въ горахъ совершился страшный шумъ и трескъ, и рѣка Хуанъ-хэ измѣнила свое теченіе. Это преданіе, какъ и другія, стоящія на ряду съ нимъ, не заслуживаютъ никакого вниманія и принадлежать къ апокрифамъ; но какъ ничтожныя причины ведутъ часто къ великимъ слѣдствіямъ, такъ и апокрифъ, приведенный нами, можетъ привести геолога-путешественника къ какому-нибудь открытію, могущему послужить къ разъясненію древняго сказанія ¹⁾. Рѣка Хуанъ-хэ, пересѣкая Сяо-цзи-ши, уходитъ къ с.-в. въ Китай и оставляетъ горы на восточномъ своемъ берегу, которыя тянутся до прохода, или заставы Цзи-ши-гуань, лежащей отъ Хэ-чжоу къ с.-в. во 120 ли. Это самый сѣверный изъ 24 Хэ-чжоускихъ проходовъ, отдѣляющихъ Китай отъ инородческихъ поселеній Тангутовъ (Фань) и Мань. Въ Цзи-ши-гуань при Минской династіи былъ богатый рыночный пунктъ для мѣнновой торговли съ инородцами, куда стягивались товары изъ Сы-чуани и окрестныхъ мѣстъ; для завѣдыванія торговлею поставлены были два чиновника Ча-сы и Ма-сы. Не расширяя своей задачи, мы скажемъ кратко, что горы эти уходятъ въ округъ Минь-чжоу и далѣе къ в. составляютъ

¹⁾ Заслуживаетъ также вниманія указаніе той же географіи Си-нина, что въ правленіе Минскаго Вань-ли въ 80 г. (1608) въ 3-й лунъ въ округъ Гуй-дэ и до округа Хэ-чжоу Хуанъ-хэ пересохла на 27 дней. (см. Си-нинъ-фу-чжи 15-й цзюань).

хребты У-гунъ, Тай-бо и Тай-и, извѣстные подъ общимъ именемъ Чжунъ-нань-шань, гдѣ соединяются съ главнымъ хребтомъ горъ Нань-шань и доходятъ до моря Ляо, то-есть, до Восточнаго океана (см. Фанъ-юй-као-чжень).

Кромѣ этого, еще не выходя изъ предѣловъ Куэ-нора, хребетъ Нань-шань, или сѣверныя сѣжныя горы, связывается съ Цзи-ши, или южными сѣжными горами, хребтомъ Чи-линъ, или краснымъ хребтомъ, извѣстнымъ подъ болѣе древнѣйшимъ названіемъ Гань-сунъ-линъ. Онъ лежалъ отъ древняго Ши-бао-ченъ ¹⁾ къ з. въ 20 ли, а отъ нынѣшняго Сининъ-фу къ з. въ 320 ли. Названіе «краснаго» хребетъ получилъ отъ цвѣта грунта и камней, его покрывающихъ. Онъ служитъ естественною стѣною, отдѣляющею Китай отъ Куэ-нора. Въ исторіи послѣдующей Вэйской династіи замѣчено, что посланцы въ западный край изъ Ло-яна шли 4000 ли до хребта Чи-линъ, который служилъ границею царства Вэй. Въ 19-й годъ (731 г.) правленія Кай-юаня изъ Танской династіи Туфани просили открыть рынокъ въ Чи-линъ; но китайскіе министры отвѣтили, что Чи-линъ составляетъ оплотъ для Китая и рѣшили только считать этотъ хребетъ границею, гдѣ и поставленъ былъ пограничный камень. Нынѣ хребетъ этотъ также служитъ естественною и официальною границею Китая съ Куэ-норомъ, только уже подъ различными названіями. Начиная отъ Сяо-цзи-ши, въ этому хребту несомнѣнно приурочиваются горы Чаганъ-тологой, отъ коихъ къ ю.-з. или прямо къ западу раскидываются обширныя и богатыя долины, называемыя нынѣ Чжу-лэ-гай и Гун-о-р-тай, въ которыхъ прежде помѣщались 6 монгольскихъ знаменъ и въ которыхъ, кажется, ошибочно приурочиваютъ древнюю долину Да-фэй-чуань ²⁾. Далѣе отъ Чаганъ-тологой къ с. идутъ горы

¹⁾ Городище Танскихъ временъ, находившееся къ ю.-з. отъ Синина.

²⁾ Въ доказательство ошибочности этого мнѣнія можно привести фактъ изъ борьбы Китая съ Туфаями: Въ 14 г. правленія Танскаго Кай-юаня (727 г.) Туфанскій полководецъ Си-но-ло напалъ на Гань-чжоу; но, по причинѣ большого

Жи-юэ-шань, отъ коихъ одинъ за другимъ протягиваются до сѣвернаго берега Кукэ-нора два небольшихъ хребта: Ци-бу-цинъ-ерь-линъ и Кара-(Ла-ла)линъ. Еще далѣе къ сѣверу, какъ продолженіе Чи-линъ, можно считать Чагань-обо, или Бай-талинъ, связанный съ Нань-шань. Чагань-обо, или Байта составляетъ весьма важный торговый пунктъ. Здѣсь, по Си-юй-као-гу-лу, издавна ведется обширная мѣновая торговля; въ мѣну на чай или хлѣбъ поступаютъ дорогіе мѣха: лисьи, мерлушки, олени шкуры (?), алмазы, самоцвѣтные камни, яшма, лѣкарства, разнаго рода войлока, шкуры сянъ-ню, виноградъ; изъ скота: лошади, ослы, верблюды и, всего болѣе, рогатый скотъ, коровы и овцы. Въ огромномъ количествѣ также сбывается Монголамъ деревянная посуда и котелки.

За отвѣтвленіемъ хребта Амунь-барбуа далѣе къ в. слѣдуетъ новый отрогъ, тянущійся къ ю.-в. подъ разными названіями, Амунь и Урту, и отдѣляющій отъ бассейна Кукэ-нора обширную долину рѣкъ Улань-мурень или Да-тунъ-хэ и Хуанъ-шуй, извѣстную подъ общимъ названіемъ Цюнь-кэ-тань. Долина эта начинается съ сѣверо-западной стороны горъ Чагань-тологой, тянется по западной подошвѣ горъ Нара-сара, или Жи-юэ-шань къ с. до хребта Чагань-обо; къ з. она разстигается до «великихъ горъ» (Да-шань), то-есть, Нань-шань. Она занимаетъ пространство, по китайскому опредѣленію, въ 200 ли и можетъ съ избыткомъ размѣстить всѣ кочевья Монголовъ, куда они и безъ того собираются въ огромномъ количествѣ, ради тучности луговъ и обилію воды.

сѣга, онъ перешелъ за Ци-ши, и западною дорогою, поторопился возвратиться домой. Но китайскіе полководцы Лунъ-ю и Ванъ-цзюнь-би выслали напередъ дозорщиковъ, которые выжгли всю траву по степямъ. Си-но-ло, дойдя до Да-фэй-чуань, уже не нашелъ тамъ мѣста для кочевки; между тѣмъ Чжанъ-цзинъ-шунь, преслѣдуя его по пятамъ, переправился по льду черезъ озеро Кукэ-норъ и вышелъ на западную сторону онаго; но Туфани успѣли уже перейти Да-фэй-чуань, покинувъ тамъ слабыхъ и больныхъ. Слѣдовательно, долина эта лежитъ къ з. отъ Кукэ-нора и совершенно правильно показана нами выше въ долигѣ р. Бука.

Къ ю.-з. отъ уѣзда Дунь-хуань отъ Нань-шань отдѣляется въ с. хребетъ Ку-лунь, который тянется дагѣ съ пониженіями, представляющими видъ песчаныхъ холмовъ, и чрезъ вѣтвь горъ, называемую Минь-ша-шань, соединяется съ горами Сань-вэй-шань, лежащими отъ Дунь-хуань-сяня въ ю.-в. въ 20—30 ли; въ восточную сторону этихъ горъ упирается холмъ Бай-лунь-дуй («бѣлаго дракона»), который къ с.-в. тянется до Пу-чань-хай, или Лобь-нора; по окраинамъ этого холма пролегала дорога на крайній западъ.

Къ юго-западу отъ уѣзда Пинь-фань-сянь, лежащаго у Великой стѣны, поднимается хребетъ Бай-линъ-шань, тянущійся къ югу и соединяющійся съ Нань-шань. На вершинѣ хребта постоянно лежитъ масса скопившагося, не тающаго снѣга, постоянно поддерживающаго довольно низкую температуру: зимою горы становятся совершенно непроходимы; даже птицы, по замѣчанію Китайцевъ, перелѣтая, не садятся тамъ. Мѣстные жители называютъ эти горы также «снѣжными горами» (Сюэ-шань).

Полагая закончить этимъ обзоръ горныхъ системъ, окружающихъ и изрѣзывающихъ Куэ-норъ, мы позволяемъ себѣ возвратиться еще разъ къ знаменитому Кунь-луню. Есть китайскіе писатели, какъ напримѣръ, составители географіи Су-чжоу (Су-чжоу-синь-чжи) и авторъ Си-юй-вао-гу-лу, которые безъ всякихъ оговорокъ приурочиваютъ Кунь-лунь къ горамъ Нань-шань и помѣщаютъ къ юго-западу отъ Су-чжоу, первые—въ 250 ли, а другой—въ 80 ли. Въ основаніе принимаютъ, разумѣется, указанный въ Шу-цзинѣ Си-жунъ-чжи Кунь-лунь и апокрифическое сказаніе о свиданіи чжоускаго Му-ва-на съ Си-ванъ-му, относимое къ этому мѣсту. Какъ вещественное доказательство, въ обоихъ сочиненіяхъ указываются въ горахъ каменные пещеры или комнаты, и нефритовыя залы съ разными украшеніями, а равно и изсѣченная въ горахъ кухня, принадлежавшія Си-ванъ-му. Не утверждая и не отрицая этого указанія, какъ имѣющаго одинаково шаткія

доказательства съ приуроченіемъ Кунь-луня къ Куркуню или вообще узлу горъ Баянь-хара, мы однако склоняемся пока на сторону тѣхъ, которые думаютъ искать Кунь-луня въ горахъ Нань-шань, какъ прямою продолженіемъ хребта, въ которомъ онъ дѣйствительно находится.

Приступая къ обзорѣнью рѣчныхъ системъ въ Куэ-ворѣ, мы начнемъ съ знаменитой рѣки Хуань-хэ. Объ этой рѣкѣ имѣются въ китайскихъ лѣтописяхъ и описаніяхъ длинныя и подробныя сказанія, путавшія и затемнявшія одно другое; это, по мнѣнію автора «Си-юй-шуй-дао-цзи», происходило съ одной стороны «отъ самонадѣянности писателей», а съ другой — «отъ того, что страна эта лежала далеко отъ Китая, и трудно было ее изслѣдовать»; а самая важная причина, по его же мнѣнію, заключалась въ стремленіи изслѣдователей и писателей связать истоки Хуань-хэ съ Кунь-лунемъ. Изслѣдованіе вершинъ и истоковъ Желтой рѣки совершенно было въ первый разъ при Ханьской династіи, повторено при династіяхъ Танской и Юаньской. Изложеніе результатовъ этихъ изслѣдованій интересующіеся могутъ найти въ концѣ книги «Исторія Тибета и Хухэнора» о. Іакинава. Мы представимъ здѣсь только результаты новѣйшихъ изслѣдованій, сдѣланныхъ уже при настоящей династіи. Съ 47-мъ г. правленія Цань-луна для изслѣдованія истоковъ Желтой рѣки отправленъ былъ шивэй (флигель-адъютантъ) Амида, который въ донесеніи своемъ писалъ: «Въ нѣсколькихъ мѣстахъ Одунь-талы находятся родники, изъ коихъ текущіе съ сѣверной и средней сторонъ имѣютъ воду зеленаго цвѣта, въ притекающихъ же съ западной стороны—вода цвѣта желтаго. Я прошелъ, говоритъ Амида,— 40 ли по берегу истока до того мѣста, гдѣ вода терялась и текла подъ землю. По нѣкоторымъ признакамъ и догадкамъ я пошелъ далѣе и чрезъ 20 ли снова увидѣлъ, что она вышла изъ земли; откуда чрезъ 30 ли дошла до мѣстности Хадасы-чоло, гдѣ пролегаетъ большая дорога въ Тибетъ. На западной сторонѣ есть гора, у подошвы коей вытекаетъ ис-

точниѣ желтаго цвѣта, который Монголы и Тангуты (Фань) называютъ Алтанъ-голь. По всей вѣроятности, это и есть источникъ Хуанъ-хэ». Вслѣдъ за симъ, въ 56-мъ году правленія Цань-луна произведенъ былъ другой осмотръ этой мѣстности. Противъ возмущившагося на югѣ Тибета рода Горха посланы были войска подъ начальствомъ Цзянь-цзюня Фу-кан-аня, съ коимъ пошли товарищъ военнаго министра Чанъ-линъ и другіе. Изъ Си-нина чрезъ Цинъ-хай они дошли до Тибета; въ самые лютые морозы, минуя свѣжныя горы (да-цзи-ши), они перебрались чрезъ Синъ-су-хай. Въ 57-мъ г. Фу-кан-ань донесъ, что «въ прошломъ году, въ 12-й лунѣ 13-го и 14-го, онъ прошелъ чрезъ мѣстности Олинъ-джалинь, Синъ-су-хай, Бо-ля-цзирь (Балчирь) и Лама-тологой и достигъ мѣста, гдѣ беретъ начало Хуанъ-хэ. На пространствѣ нѣсколькихъ сотъ ли въ различныхъ направленіяхъ, пересѣкая другъ друга, течетъ множество источниковъ, которые зимою замерзли, и ни въ близи, ни вдали, ни выше, ни ниже не возможно было пройти». Къ этому донесенію уже впослѣдствіи было сдѣлано добавленіе Чанъ-линомъ, который говоритъ: «Верхомъ мы добрались до Одунъ-тала; вода была покрыта льдомъ, чистымъ какъ зеркало, представляя неизчислимое количество линій, пересѣкающихся въ разныхъ направленіяхъ. Одунъ-тала представляетъ площадь во 100 ли, удлиненную съ юга на сѣверъ и узкую съ запада на востокъ; въ ней находится множество источниковъ, разсыпанныхъ, какъ звѣзды, почему она и называется Синъ-су-хай». Изъ двухъ предыдущихъ указаній Амиды и Фу-кан-аня ясно видно, что главная дорога въ Тибетъ пересѣкаетъ Алтанъ-голь; но ни въ одномъ изъ дорожныхъ извѣстныхъ уже, ни въ путешествіи г. Пржевальскаго объ этомъ не упоминается, хотя въ дорожникахъ и указывается гора Лама-тологой, какъ центральный пунктъ, въ которомъ сходятся дороги и чрезъ который, быть можетъ, перевалилъ и г. Пржевальскій. Такому явленію можно дать развѣ только одно, и то не слишкомъ вѣское, объясненіе, что Алтанъ-голь

протекаетъ въ томъ мѣстѣ ничтожнымъ ручьемъ, который проходятъ незамѣченнымъ и который не представляетъ никакихъ удобствъ для остановки или стоянки путешественниковъ ¹⁾. Узелъ горъ, среди которыхъ беретъ начало Алтанъ-голь составляется Куркунемъ, Баянь-хара, Лама-тологой, лежащимъ на южномъ берегу Алтанъ-голь и тянущимся небольшими возвышеніями отъ Одунъ-тала до Баянь-хара, и великими снѣжными горами (Да-сюэ-шань), или Да-цзи-ши-шань, подходящими западнымъ концомъ своимъ также къ Баянь-хара. Изъ этого полукруга Алтанъ-голь отъ Хада-сы-чоло течетъ къ с.-в. 300 ли и входитъ въ Одунъ-тала, лежащее отъ Сицина къ ю.-з. въ 1,100 ли; здѣсь, при слияніи съ зеленою водою, желтый цвѣтъ становится не такъ замѣтнымъ. По выходѣ изъ Одунъ-тала течетъ 130 (100) ли къ в. (с.-в.) и впадаетъ въ озеро Чжалинъ-норъ, имѣющее въ окружности 300 ли и называющееся иначе «Бѣлое длинное озеро», потому что звукъ чжа какъ толкуютъ Китайцы, значить на мѣстномъ языкѣ бѣлый, а линъ значить длинный, потому что оно съ з. къ в. длинно, а съ с. къ ю. узко. Въ Си-юй-шуй-дао-цзи Чжалинъ-норъ иначе называется А-лакэ-норъ, что, кажется, ошибочно ²⁾. Изъ озера рѣка течетъ къ ю.-в. съ поворотомъ на с. 50 ли и впадаетъ въ озеро Н'голинъ, или «Черное длинное озеро», имѣющее также въ окружности 300 ли и похожее по очертанію на кувшинообразную тывву. Изъ озера рѣка вытекаетъ на с.-в. берегу, течетъ 50 ли къ в. (ю.-в.), и дойдя до подошвы хребта Баянь-хунъ-линъ, поворачиваетъ прямо къ югу, потомъ къ ю.-в. по южной подошвѣ хребта Амунь-мачань-мусунъ или Да-цзи-ши на протяженіи всего 700 ли, дѣлаетъ поворотъ къ с.

¹⁾ Беремъ смѣлость высказать такія предположенія: или Китайцы и до сего времени путаются и вымышляютъ описанія вершинъ Желтой рѣки, или же г. Пржевальскій не дошелъ до этихъ мѣстъ, а далъ намъ описаніе ихъ только по разпроснымъ свидѣніямъ, такъ какъ путь его отъ сѣверо-западныхъ береговъ Куке-нора до Муруй-усу описать крайне темно и неотчетливо.

²⁾ Алакэ-норъ, по картамъ, имѣетъ отдѣльный бассейнъ.

(с.-в.) ¹⁾. Съ 'этого мѣста въ нее впадаютъ одна за другою три рѣки, называющіеся Кунь-ду-лунь. Для отличія первая именуется Дэ-тэ-кунь-ду-лунь, другая Дур-да-ду-кунь-ду-лунь. Первая беретъ начало изъ горъ Ла-чу, а вторая изъ Накэ-дому-цзинь; и та, и другая протягиваются на 300 ли. Отъ мѣста впаденія послѣдней, Хуань-хэ поворачиваетъ къ с.в. Третья называется До-ла-кунь-ду-лунь. Принявъ эти три рѣки, Хуань-хэ становится большою и дѣлаетъ поворотъ къ с.-в. Далѣе отъ подошвы горъ Улань-маннай течетъ къ с.-в. и чрезъ 200 ли принимаетъ рѣки Малую Халюту, или иначе, Баха-хату, Цакэту и Большую (икэ) Халюту, и затѣмъ уходитъ въ предѣлы Китая до слиянія съ р. Хуань-шуй. Изъ впадающихъ въ Хуань-хэ съ с. рѣкъ можно указать на Кукэ-усу и Имату-хэ, впадающія на западъ, и на Улань-булакъ, которая беретъ начало во 100 ли на ю.-в. отъ Цинь-хая. У истока есть множество ключей, которые издали представляются какъ звѣздное море; она протекаетъ къ ю.-в. болѣе 100 ли и впадаетъ въ Хуань-хэ. Мѣсто впаденія называется Лунь-янъ-цзя и лежитъ прямо противъ областного города Гуй-дэ-тинь, находящагося на южномъ берегу Желтой рѣки.

Рѣка Да-тунь-хэ, получившая свое названіе отъ области Да-тунь, въ западной части провинціи Ганьсу, вытекаетъ къ с.-з. отъ Цинь-хая, прямо на югъ отъ восточной границы округа Ань-си, изъ небольшого, безымяннаго озера, находящагося на южной окраинѣ горъ Амуни-н'гову, и на всемъ протяженіи своемъ по Кукэ-нору называется Улань-мурень-бира. Ложе ея, какъ мы уже сказали выше, пролегаетъ по богатой пастбищами долинѣ Цюнь-кэтань, прорѣзанной множествомъ небольшихъ приточковъ, впадающихъ въ Улань-мурень, которая держится преимущественно юго-восточнаго направленія. Чрезъ 150 ли теченія она принимаетъ съ с. рѣку Кар-

¹⁾ Въ скобкахъ поставлены варианты изъ И-тунь-чжи, и Мэнь-гу-ю-му-цзи.

хунь-хэ и дѣлаетъ небольшое уклоненіе къ с.-в. и въ этомъ направленіи сливается съ р. Мань-чука, притекающею съ с.-з. Далѣе течетъ къ в. за южными предѣлами Гань-чжоу, мимо горъ Фань-цюань-шань, круто поворачиваетъ къ ю.-в., и на протяженіи 800 ли, принимаетъ съ с. шесть небольшихъ рѣчекъ, а съ юга пять, и получаетъ уже названіе Да-тунь-хэ. Потомъ, пройдя къ ю. отъ Да-тунь-бао, сливается съ р. Хуань-шуй, берущею свое начало на с.-з. отъ Синина изъ горъ Ка-р-цзань-линъ, которыя при Юаньской династіи назывались Ки-лень-шань. Хуань-шуй въ верхнемъ теченіи именуется Болочунькэ, а въ нижнемъ Сининь-хэ. Въ древности она называлась еще Ло-ду-шуй. Какъ въ Ханьской исторіи, такъ и въ Шуй-цзинь-чжу, къ истокамъ Хуань-шуй и верхнему теченію ея приурочиваются дворцы и кухня Си-вань-му. По Си-юй-као-гу-лу, Хуань-шуй притекаетъ изъ горъ Нью-синь-шань, упирающихся восточной стороною въ проходъ Бянь-ду-коу, прилегающій на в. къ Чагань-обо. Земли по берегамъ ея на право и на лѣво тучныя и плодородныя, извѣстныя въ древности подъ именемъ Хуань-чжунъ, служили при Ханьскомъ У-ди и впослѣдствіи, центральнымъ пунктомъ для наблюдений за движеніями Цяновъ и Сюнь-ну. Да-тунь-хэ, принявъ Хуань-шуй, при томъ же юго-восточномъ направленіи впадаетъ въ Хуань-хэ. Въ Мэнъ-гу-ю-му-цзи добавлено еще, что Да-тунь-хэ есть древняя р. Хао-вэй-шуй. Изъ горъ, тянувшихся по берегамъ Да-тунь-хэ извѣстенъ отрогъ Нань-шаня, называемый Путоу-шань (виноградныя горы), лежащій во 130 ли къ с.-з. отъ уѣзднаго города Пинь-фань-сянь. По южному берегу ея къ с. и с.-в. отъ Цинь-хая тянутся горы Карцзи-шань и Шарьту-шань, иначе называемыя Янь-ньюй-шань. Изъ нихъ вытекаетъ рѣчка Буку-нэ-бира, образующая долину Янь-ньюй-чуань.

Рѣка Тао-лай-хэ, по монгольски значить заячья рѣка, въ вариантахъ называется также Тао-лай, — вытекаетъ изъ долины Тао-лай-чуань, отстоящей отъ г. Су-чжоу къ ю.-ю.-з.

на 400 ли и находящейся среди южныхъ горъ (Нань-шань). Длина этой долины отъ в. къ з. въ 200 слишкомъ ли, а ширина съ юга на сѣверъ въ 50 и 60 ли, неодинаково. Посреди долины протекаетъ Тао-лай, состоящаяся тремя рукавами. Первый называется Хату-барху, вытекаетъ на западной сторонѣ долинѣ, и чрезъ 100 ли, соединяется съ Тао-лай. Два другіе рукава, называемые Баха-Эцзинэй, то-есть, малые, сливаются съ нею, приходя съ ю.-в. По обоимъ берегамъ рѣки раскидываются превосходные луга, которыми пользуется китайское правительство. По лугамъ расположено девять пастбищъ, отстоящихъ одно отъ другаго на 3, 4, 5, 6 и 10 ли. Къ югу отъ долины Тао-лай-чуань, за пограничнымъ столбомъ находится обширная мѣстность Су-лэ, куда Цинхайскіе Монголы собираются на вочевку. Къ в. Тао-лай простирается до Басытунъ и долины Ё-ма-чуань, находящейся въ Гань-чжоу; къ западу ограничивается горами Цинъ-тоу-шань. Горы, окружающія долину, въ древности извѣстны были подъ частными именами Хунъ-лу-шань и Би-юй-шань, а р. Тао-лай при Ханяхъ называлась Ху-цань-шуй, или просто Цань-шуй. Изъ горъ она принимаетъ сначала западное направленіе, а потомъ неуклонно течетъ къ с.-в.; за 30 ли къ ю.-з. отъ города Су-чжоу, проходитъ по западной сторонѣ горъ Вэнь-чжу-шань, далѣе обходить съ з. г. Су-чжоу, а чрезъ 30 ли течетъ къ ю. отъ Ся-гу-ченъ, гдѣ сливается съ р. Хунъ-шуй-хэ, вытекающею также изъ южныхъ горъ, къ в. отъ Тао-лай. Ся-гу-чель лежитъ отъ Су-чжоу къ с.в. въ 45 ли; отсюда Тао-лай выходитъ за великую стѣну и, чрезъ 50 ли, проходитъ къ з. отъ укрѣпленія Цзинь-та-сы-бао, расположеннаго въ ровной долинѣ, на которой прежде находилась кумирня того же имени. За этой долиной къ с.-в. Тао-лай сливается съ р. Хэй-хэ (черною), или Чжанъ-ѣ-хэ; а еще далѣе впадаетъ въ озеро Эцзинэй, или древнее Цзюй-янь-чи, отстоящее отъ Гань-чжоу къ с. на 1500 ли, а отъ великой стѣны на 500 слишкомъ ли. Къ с. отъ озера построенъ былъ при Минской династіи

городъ Ши-ченъ, какъ оплотъ отъ нападений бродившихъ тогда Монголовъ. Послѣ смерти Арувтая, монгольскаго героя, въ правленіе Минскаго Чженъ-туна, поколѣнія его Атай и Дорчжи-бо, овладѣли этою мѣстностію и производили набѣги на Гань-чжоу и Лянъ-чжоу.

По долинѣ рѣки Тао-лай тянется самая извѣстная у Китайцевъ большая дорога въ Кукэ-норь. Отъ долины Тао-лайчуань къ с. дорога извилистая, и чрезвычайно гористая, такъ что люди и лошади съ трудомъ могутъ проходить по ней; но, по выходѣ изъ горъ чрезъ 210 ли, у вумирни Цзинь-фо-сы (золотаго Будды) начинается путь ровный, идущій на проходъ Вэнь-чжу-шань-коу, лежащій на сѣверной сторонѣ горъ Вэнь-чжу-шань. Этимъ проходомъ при Минской династіи двигались Хай-коу (морскіе разбойники), или просто — родъ или шайка Монголовъ, поселившаяся сначала въ южныхъ горахъ, а потомъ бродившая по Кукэ-нору и производившая набѣги на Китай. Отъ казенныхъ пастбищъ въ долинѣ Тао-лай дорога направляется къ югу до выхода изъ горъ, гдѣ сходится съ дорогою отъ военнаго пикета Хунъ-яй-бао, лежащаго отъ Гаотай-сянь къ ю.-з. въ 120 ли, а отъ Су-чжоу къ ю.-в. Отъ пикета къ ю. дорога идетъ 30 ли до прохода Ши-хуй-фань-коу (известковый), отъ коего направляется по южной подошвѣ горъ Ки-лень-шань и далѣе, повернувъ къ югу, доходитъ до прохода Касы (см. ниже).

Рѣка Су-ле-хэ, иначе называемая Суръ-хэ, составляется двумя источниками, отдѣляющимися горами Чанъ-ма-шань. Въ И-тунъ-чжи она названа р. Булунгирь. Восточный истокъ составляется пятью небольшими ручьями, вытекающими изъ Нань-шань и представляющими удачную форму птичьей ноги; онъ направляется къ с.-в. мимо малаго Шатакоу къ з. и горъ Хэй-линъ къ в.; протекаетъ мимо Гу-юй-ченъ, основаннаго при Минской династіи и называемаго инородцами Дариту ¹⁾

¹⁾ Названіе Дариту чрезвычайно близкое къ Далту (Далды г. Прже-

верхнимъ, въ отличіе отъ Дариту нижняго или восточнаго, на мѣстѣ коего основанъ Юй-мынь-сянь эти два Дариту отстоятъ одинъ отъ другаго на 250 ли. Мѣстность верхняго Дариту отличается плодородіемъ и представляетъ полосу, на которой съ успѣхомъ занимались хлѣбопашествомъ даже Монголы, жившіе среди китайскихъ военныхъ поселенцевъ. Въ этой долинѣ рѣка Су-лэ-хэ сливается съ западнымъ своимъ истокомъ, называемымъ Чанъ-ма-хэ, вытекающимъ изъ горъ того же имени, и дѣлаетъ поворотъ къ западу, оставляя на югѣ городище Цяо-ванъ-ченъ, основанное въ 10-мъ г. правленія Юнь-чжена. Она принимаетъ съ юга множество притоковъ, или канавъ, носящихъ общее названіе Ши-дао-гоу и служащихъ для орошенія полей трехъ военныхъ поселеній, расположенныхъ въ этой плодородной равнинѣ. Далѣе къ з. она оставляетъ на югѣ городокъ Булунгиръ и сливается съ рѣкою того же имени, вытекающею отъ г. Булунгиръ въ 30 ли на ю.-з. изъ равнины Ци-синъ-цюань (семь ключей), которая обилуетъ ивовымъ лѣсомъ и потому носитъ еще названіе «Ивоваго озера» (Лю-ху). По направленію къ з. до Ань-си, Су-лэ-хэ течетъ среди горъ, тянущихся по сѣверному берегу на 30 ли, а по южному на 100 ли до самаго Ань-си; у подошвы этихъ горъ проходитъ большая конная дорога; отъ Ань-си протекаетъ къ с. въ 3-хъ ли; отсюда къ з. черезъ 150 ли находится караулъ Эрцзи, гдѣ р. Су-лэ останавливалась; но въ 5-мъ году правленія Юнь-чжена она искусственно проведена до мѣстности Куку-шавша и соединена съ р. Данъ-хэ. Трудъ этотъ предпринятъ былъ въ виду судоходности этой рѣки и въ виду скорѣйшей перевозки провіанта для расположенныхъ въ томъ краѣ и на с. войскъ, въ лодкахъ, болѣе сокращеннымъ и удобнымъ рѣчнымъ путемъ. Длина теченія считается всего 700 ли; Су-лэ-хэ въ Ханьской исторіи называется Нань-цзѣ-дуанъ-шуй.

вальскаго) намекаетъ на прежнее мѣстонахожденіе вѣтшнихъ Ганьсускихъ Далдовъ.

Рѣка Данъ-хэ, по Си-юй-шуй-дао-цзи имѣетъ два источника: восточный, вытекающій изъ горъ Ку-лунъ, отрога снѣжныхъ горъ, текущій къ с.-з. по окраинамъ песчаныхъ холмовъ; и западный, вытекающій изъ горъ Кэ-буту. По И-тунъ-чжи и Су-чжоу-синь-чжи она вытекаетъ изъ горъ Нань-шань, и называется тамъ Икэ-шара-варцзинь, по имени озера, изъ котораго беретъ начало; течетъ къ с. и потомъ къ з. 300 слишкомъ ли; мимо горъ Сань-вэй, къ з. отъ нихъ въ 10 ли. Потомъ опять поворачиваетъ къ с. и обходитъ съ восточной стороны древній городъ Ша-чжоу, а новый — съ западной; а чрезъ 100 ли сливается съ Су-лэ-хэ, и поворотивъ къ з., впадаетъ въ озеро Кара-норъ. Въ Ханьской исторіи эта рѣка называется Ци-чжи-шуй, что подтверждается и въ И-тунъ-чжи. Сообщение это важно въ томъ отношеніи, что даетъ возможность болѣе или менѣе точно приурочить упоминаемую въ Шу-цзинѣ страну Ци-чжи. Почти несомнѣнно, что эта страна первоначально находилась на этомъ мѣстѣ и получила свое названіе, какъ думаютъ нѣкоторые китайскіе писатели, — и можетъ быть справедливо, — отъ особаго рода или поколѣнія варваровъ Си-жунъ, происходившихъ отъ Сань-мао и населявшихъ эту мѣстность (см. Су-чжоу-синь-чжи). Но впоследствии, съ оттѣсненіемъ этихъ Жуновъ далѣе къ югу, переносилось вслѣдъ за ними и названіе страны, оказавшейся впоследствии въ Ильмовыхъ долинахъ Ханьской исторіи, лежащихъ къ з. отъ нынѣшняго Гуй-дэ-тинъ и составляющихъ кочевья Хошотовъ, Тургутовъ и Чагань-номынъ-хана; эти долины занимаютъ пространство около 1.000 ли съ весьма рѣдкимъ населеніемъ. При Танской династіи онѣ назывались Цзю-цзюй. Въ правленіе Шень-луна черезъ Хуанъ-хэ въ этомъ мѣстѣ построенъ былъ мостъ для переѣзда царицы, разрушенный впоследствии возмущившимися Туфангами. Нынѣ въ просторѣчи Ильмовыхъ долинъ известны подъ именемъ Сяо-хэ-тао, то-есть, малый поворотъ или изгибъ Хуанъ-хэ.

По долинь р. Дань-хэ ¹⁾ также пролегает дорога въ Цинь-хай чрезъ проходъ и военный укрѣпленный караулъ Тяо-ши-бао, или просто Ши-бао-ченъ, отъ коего чрезъ Ку-ку-литу прямо къ югу 30 ли до Цзинь-цзи-дабань; далѣе 50 ли до Баха-шара-варцзинь; отсюда прямо къ западу 50 ли до Бадуту, и къ ю. 80 ли до Икэшара-варцзинь; 80 ли до Эрдэни-булавъ, откуда къ в. 100 ли до Шабарь-тологой; а къ ю.-з. 50 ли до Ула-дабань; всего проходятъ чрезъ 13-ть мѣстъ, гдѣ на разстояніи 400—500 ли по большей части мѣстность гористая; по дорогѣ есть ключи и достаточно травы, но населенія нѣтъ. Отъ Ула-дабань дорога направляется къ ю.з. до большой и малой долинь Цай-дамъ, Яньчи («соленого озера»), Гоби и до Касы. Какъ, видно дорога эта представляетъ важный пунктъ для сообщенія съ Куэз-норомъ, потому что въ 13-мъ году правленія Юнь-чжена, начальникъ края настоятельно требовалъ прибавки войска на военный постъ Шибао-ченъ для необходимой и болѣе крѣпкой защиты.

Отъ Кара-нора до Лобъ-нора считается всего 800 ли; туда ведутъ двѣ дороги—южная и сѣверная. По южной дорогѣ отъ Баянь-булавъ, полагаемаго во 150 ли къ ю.-з. отъ Ша-чжоу, идутъ къ западу 200 ли до Добугоу; потомъ къ ю.-з. 150 ли до Хулусутай, снова къ з. 730 ли до Чагань-чолоту, 300 ли до Улань-тологой, далѣе до Касы-норъ ²⁾, которое обходятъ по восточному берегу; идутъ къ с. до мѣстности Ку-бу, и далѣе по южной подошвѣ хребта Нуциту; поворачиваютъ къ з. до Нуциту-сэдинъ и потомъ до прохода въ горахъ Нуциту, всего 300 слишкомъ ли. Далѣе къ западу по южному берегу Лобъ-нора доходятъ до Икэ-вашунъ, Бахань-вашунъ и Тарина у Габань-акчжанъ. По сѣверной до-

¹⁾ Въ Си-юй-ту-цзи говорится, что въ древности отъ Дунь-хуанъ къ Си-хай пролегали три дороги: одна изъ И-у (Хами), другая изъ Гао-чапъ (Турфанъ) и третья изъ Шань-шанъ.

²⁾ Какъ увидимъ, это совсѣмъ другое озеро Касы—сѣверное.

рогѣ отъ Какуша-ша, мѣста сліянія рѣкъ Дань-хэ съ Су-лэ-хэ идутъ по сѣверному берегу рѣки до Бахань-олосутай и до сѣвернаго берега Кара-нора; мѣстность эта называется Су-луту («тростниковыя палатки»), — всего проходятъ 100 слишкомъ ли. Отъ Кара-нора идутъ къ з. до Окулэ, до Ивэ-дур-белдчинь, до Маниту, до Обулунь, Хутукъ-усу и до Хони-хутукъ; далѣе къ з. проходятъ по сѣверной сторонѣ хребта Нуциту до Нэрэ-угэ-хутукъ, до Танай-хутукъ; потомъ до Тэмынь-кашунь протягивающейся по южному берегу Лобь-нора и наконецъ до Баха-кошунь ¹⁾. Очевидно, что показавъ общее разстояніе между Кара-норомъ и Лобь-норомъ въ 800 ли, авторъ Си-юй-шуй-дао-цзи, изъ коего мы взяли эти дорожки, принялъ прямое разстояніе между озерами, не принимая во вниманіе всѣхъ извилинъ и уклоненій пути; иначе у него выходитъ большой недочетъ въ общемъ итогѣ, сравнительно съ дорожниками. Да и самъ онъ въ другомъ мѣстѣ приводитъ выписку изъ Су-чжоу-синь-чжи, объясняющую наше предположеніе: «отъ озера Кара-норъ, лежащаго въ округѣ Ша-чжоу, прямо на з. идетъ малая дорога къ Лобь-нору, по которой, въ Ханьскомъ описаніи западнаго края и въ Шуй-цзинь-чжу, считается 1300 слишкомъ ли». Въ пути приходится быть менѣе чѣмъ мѣсяць. Это та самая, издавна извѣстная, дорога, по коей Турфанскій султанъ, собравъ подати съ живущихъ на Лобь-норѣ магометанъ, отправлялъ оную съ отрядомъ солдатъ, который двигался къ востоку отъ Лобь-нора и доходилъ до уѣзда Дунь-хуань.

Возвращаемся снова въ собственные предѣлы Кукэ-нора, чтобъ ознакомиться съ положеніемъ озеръ, тамъ находящихся, и съ интересною мѣстностію Цайдамъ, на сколько позволяютъ имѣющіеся у насъ источники.

Изъ озеръ самымъ важнымъ можно почестъ Соленое озеро, называемое Янь-чи, а по монгольски Дабусунь-норъ; оно ле-

¹⁾ Названіе озера, лежащаго на южномъ берегу Лобь-нора. См. Си-юй-шуй-дао-цзи.

жить отъ Кукэ-нора на ю.-з. и имѣть въ окружности 100 лишкомъ ли. Озеро это, по китайскому описанію, составляется двумя рѣчками, притекающими съ запада; одна называется Мохорь-хэ и вытекаетъ изъ горъ Шира-кутэръ, другая — Чагань-усу. Изъ озера онѣ выходятъ на ю.-в. и чрезъ 100 ли сливаются съ р. Барху-хэ, а далѣе съ рѣчкою Чайцзи-хэ, которая течетъ съ ю. в. и называется иначе Янь-хэ, то-есть, «Соленая рѣка»; чрезъ 60 ли далѣе въ ю.-в. вливаются въ озеро Гунъ-го-чи, имѣющее въ окружности около 50 ли. Бассейнъ Соленого озера усѣянъ еще нѣсколькими небольшими озерами, расположенными кругомъ также и отдѣляющими соль. Помянутыя озера Гунъ-го-чи, Кэртэхэй-норъ и Идэрту-норъ находятся одно противъ другаго и составляютъ какъ бы треножникъ; но они не сообщаются между собою. Отъ Гунъ-гоноръ въ с. есть озерко Си-на-чи, имѣющее въ окружности около 40 ли; а въ ю.-в. лежитъ озеро Цирдокъ. Вся эта мѣстность представляетъ сплошную песчано-солончаковую площадь, тянущуюся, по видимому, къ ю.-з. и едва ли не составляющую помянутую Гоби, которая протягивается въ южномъ Цайдамѣ. Всѣ Цинхайскіе Монголы и Тангуты, войско и населеніе области Сининъ потребляютъ соль, добываемую въ этомъ мѣстѣ. Соль исключительно добывается Монголами, которымъ, по уложенію Ли-фань-юаня, мѣстные князья-чжасави выдаютъ свидѣтельства на этотъ промыселъ. Добытая соль и рыба везется на рынки въ Дань-гэръ-мяо, Сининъ и Да-тунъ, гдѣ промѣнивается на холстъ, кожи, пшено и другія необходимыя въ кочевомъ хозяйствѣ вещи.

Озеро Баянь-норъ лежитъ отъ Кукэ-нора къ ю.-в. и имѣетъ въ окружности не болѣе 40 ли. Судя по китайскимъ картамъ, съ сѣверо-западной стороны этого озера вытекаетъ небольшая извилистая рѣчка, которая чрезъ 30 ли впадаетъ въ р. Хорь-бира. Озеро Сини-норъ лежитъ отъ Кукэ-нора прямо на югъ; южный берегъ онаго находится прямо противъ того мѣста, гдѣ рѣка Улань-хэ впадаетъ въ Желтую

рѣку, которая отсюда поворачиваетъ къ с. и входитъ въ предѣлы области Сининъ. Озера Касы-чи находятся въ мѣстности верхняго теченія Хуань-хэ, на с.-в. отъ озера Н'го-линъ-хай, чрезъ которое проходитъ Желтая рѣка, и на ю.-в. отъ горъ Гурбанъ-мэнъ-цинъ-то-хай, въ 60 ли. (Горы, по Итунъ-чжи, лежатъ на южномъ берегу р. Алтанъ-голь и имѣютъ три пика). Озеръ Касы насчитываютъ три: первое называется Оботу-касы, въ окружности имѣетъ 25 ли; второе Домудакасы, въ окружности 15 ли, и третье Чаганъ-касы, въ окружности 10 ли; мѣстные жители называютъ ихъ Гурбанъ-касы. Въ этой мѣстности лежитъ проходъ Касы-коу, упомянутый выше нѣсколько разъ и съ подробностію изслѣдованный, во время возстанія Цеванъ-Равтана въ Чжунгаріи, китайскими чиновниками, посланными съ войсками для прегражденія ему дороги въ Тибетъ. Въ 53-мъ и 54-мъ годахъ правленія Канси главнокомандующій войсками, отправленными на южную границу Кукэ-нора, Тунъ-да-ченъ доносилъ, что въ 6-й лунѣ 22-го числа онъ вышелъ изъ Су-чжоу на проходъ Цзя-юй-гуань; на пути проходилъ мимо рѣки Чанъ-ма-хэ, которая, какъ рѣчка горная, имѣетъ очень быстрое теченіе. Фактъ, что онъ прошелъ мимо р. Чанъ-ма, доказываетъ движеніе его по дорогѣ на Шибао-ченъ идущей по долинѣ истоковъ р. Данъ-хэ, описанной нами выше. Лошади по большей части, говоритъ онъ, — попадали въ дорогѣ; въ 8-й лунѣ 22-го числа онъ добрался до Касы-коу, сдѣлавъ переходъ въ 3000 ли; въ этомъ счисленіи цифра немного преувеличена, такъ какъ въ географіи Су-чжоу она показана въ 2261 ли; болѣе же кратчайшій путь отъ Цзя-юй-гуань до Касы по приведенному сочиненію, направляется чрезъ Ша-чжоу, и высчитывается въ 1268 ли; это есть путь Сэртэнскій, о которомъ будетъ сказано ниже. Осмотрѣвъ мѣстность Касы, Тунъ-да-ченъ не нашелъ тамъ никакихъ человѣческихъ слѣдовъ; положеніе мѣстности было таково: съ трехъ сторонъ облегалъ ее снѣжныя горы, а по срединѣ тянулась узкая полоса, обиль-

ная травую и водою, но покрытая густыми тростниками, и по этой полосѣ пролежала узкая дорога, совершенно неудобная для прохода большой арміи. Поэтому Тунъ-да-ченъ выжегъ тамъ траву и возвратился, оставивъ сторожить проходъ монгольскому бэй-лэ Даяню, кочевавшему тогда въ Цайдамѣ.

Переходимъ къ озеру Тосунъ-норъ, дающему начало рѣкѣ Баянь-хэ или Цайдамъ, отъ которой вся перерѣзываемая ею мѣстность получаетъ свое названіе. О самомъ озерѣ можно сказать только то, что оно лежитъ недалеко къ с. отъ истоковъ Хуанъ-хэ. Рѣка Цайдамъ или Баянь-голъ выходитъ изъ него къ с.-в. и течетъ до мѣстности Шира-чжуръ-тала, гдѣ сливается съ рѣчкою, притекающею съ в. изъ озера Алакъ, лежащаго среди горъ того же имени. По соединеніи она течетъ къ в.-с.-в. и уходитъ въ пески. Здѣсь намъ приходится нѣсколько уяснить путаницу, нанесенную на всѣ видѣнныя нами европейскія карты, гдѣ показано, что р. Цайдамъ, вмѣстѣ съ рѣками Уланъ-усу и Булунгиръ, впадаетъ на с.-в. въ соленое озеро. Между тѣмъ въ Мэнъ-гу-ю-му-цзи сказано, что только рѣки Гэдэргу-хэ, Уланъ-усу и Булунгиръ сливаются въ востокъ отъ Цайдама, и протекши къ с.-в. 500 слишкомъ ли, впадаютъ въ Дабусунъ-норъ. Рѣка Цайдамъ раздѣляетъ Цайдамскую степь на двѣ половины, сѣверную и южную. Отъ мѣстности Долонъ-сы или Долонъ-видъ («семь монастырей»), показанной въ дорожникѣ Монголовъ въ Тибетъ, до селенія Сэргай (Сэргэй) считается 60 слишкомъ ли; отъ Сэргэй до южнаго Цайдама 400 слишкомъ ли; здѣсь принимается граница монгольскихъ кочевьевъ, отъ которой до границы кочевьевъ Тангутовъ изъ рода Юй-шу ¹⁾ 800 ли. Отъ Тосунъ-норъ до южнаго Цайдама считается 300 ли. Отъ опредѣленія границъ и разстояній сѣвернаго Цайдама Китайцы отвязываются. Южную полосу Цайдама Китайцы называютъ Гоби: она по-

¹⁾ Родъ Тангутовъ Юй-шу издавна кочуетъ на южныхъ границахъ Кука-нора съ Тибетомъ и, въ замѣнъ податей, отбываетъ почтовую гоньбу.

крыта солончаками; къ западу отъ Цайдама лежитъ мѣстность Дэбтэръ (Бутэръ); а еще далѣе къ западу Чагань-усу. Въ этихъ двухъ пунктахъ въ 7-й годъ правленія Юнь-чжена поставлено было 1000 чел. войска; оба пункта обилуютъ травой и водой и представляютъ всѣ удобства для кочевки. Къ сѣверу степь Цайдамъ ограничивается мѣстностію Исунь-чагань-чолоту. Мѣстность Дэбтэръ, какъ главный и срединный пунктъ, гдѣ сходятся дороги въ Кукэ-норъ, въ Тибетъ и въ Ша-чжоу и далѣе къ с. во время возмущенія Чжуньгаровъ при Канси и Юнь-чженѣ постоянно служилъ операціоннымъ базисомъ, куда стягивались войска. Въ 55 году правленія Канси нѣкто Ациту доносилъ, что отъ прохода Касы нужно перейти степь Дабусунь-гоби до мѣстности Кашунь, отъ которой пролегаетъ дорога въ Сайртэнъ. Несомнѣнно, что эта Дабусунь-гоби, или соленая степь, есть Цайдамъ г. Пржевальскаго; а Кашунь можно принимать за Дэбтэръ или ближайшую къ оному мѣстность, такъ какъ Ациту просилъ поставить туда усиленный комплектъ войска.

Первое и самое древнее сказаніе о Цайдамской степи представлено въ Танской исторіи, въ главѣ о Ту-гу-хунь, когда китайскія войска преслѣдовали бѣжавшаго Фу-юня, Тогонскаго владѣтеля. Мы представляемъ здѣсь выписку изъ Танъ-шу, изд. Дао-гуана, въ которой имена мѣстностей носятъ нынѣшнія названія. «Фуюнъ ушелъ», говорится тамъ, — «въ песчаную степь Ту-лунь-цзи и хотѣлъ отдаться Хотанскому владѣтелю. Полководецъ Сѣ-вань-цзянь погнался за нимъ съ отборною конницею, зашелъ нѣсколько сотъ ли въ песокъ и еще одержалъ побѣду. Но такъ какъ тамъ вовсе не было воды, то солдаты пили кровь убитыхъ лошадей. Хоу-цзюнь-цзи и Ли-дао-цзунъ прошли около 2.000 ли и попали въ пустыню, гдѣ въ самое жаркое время года падалъ иней, и не было ни травы, ни воды; солдаты ѣли ледъ, а лошади питались снѣгомъ. Цѣлый мѣсяцъ они провели подъ открытымъ небомъ и пришли наконецъ къ Синь-су-чуань (у о. Іакинѳа,

въ Исторіи Тибета и Хухэнора, т. I, стр. 92: Сан-лу-чуань) и Во-хай («Кипарисное озеро»); вдалекѣ видѣли горы Цзи-ши-шань (у о. Іакинеа — Цзи-шань); обозрѣвали истоки Желтой рѣки и разбили обозъ тогонскій. Китайскіе отряды войскъ сошлись при Да-фэй-шань (у о. Іакинеа: Да-фэй-чуань) въ долину По-ло-чжень-гу» ¹⁾).

Мы не осмѣливаемся оспаривать мнѣнія нашего знаменитаго синолога архимандрита Палладія, высказанныя имъ о Цайдамской степи въ томъ смыслѣ, что это есть древняя Мохайская степь, тянущаяся отъ Лобъ-нора до истоковъ Желтой рѣки, и что чрезъ нее лежала дорога къ Тариму изъ Куэ-нора (Изв. Геогр. Общ., т. IX, 1873 г.) Вопросъ о томъ, составляетъ ли Цайдамъ продолженіе Лобъ-норскихъ степей, нужно предоставить рѣшить очевидцамъ-путешественникамъ; что же касается дороги, пролегавшей по этой степи, открытой прежде, а въ предпоследнее время закрытой (вслѣдствіе хищническихъ привычекъ Куэ-норскихъ Монголовъ, и въ особенности, вслѣдствіе развитія тайной золотопромышленности въ сѣверныхъ пограничныхъ съ Куэ-норомъ горахъ), то время закрытія предполагаемой дороги можно отнести только къ правленію Дао-гуана, когда послѣдніе безпорядки въ Куэ-норѣ и тайная золотопромышленность достигли своего апогея и вызвали строгія мѣры правительства. Во времена же Канси и Юнъ-чжена, когда нужно было охранять, какъ мы видѣли выше, этотъ край по всѣмъ путямъ и ходамъ, объ упомянутой дорогѣ не было и рѣчи. Всѣ донесенія и распоряженія того времени относятся исключительно къ одному Сэртэнскому пути, лежащему въ полосѣ Цайдама.

Сэртэнская дорога получила свое названіе отъ озера

¹⁾ При темнотѣ и явной преувеличенности разказа, упоминаемая у о. Іакинеа долина Сань-лу-чуань совершенно затемняетъ положеніе мѣстности, тѣмъ болѣе, что она названа рядомъ съ неизвѣстнымъ озеромъ Вохай, которое несомнѣнно нужно принимать за Синь-су-хай или Звѣздное море, по вариантамъ изданія Дао-гуана.

Сэртэнъ, лежащаго прямо къ югу отъ Кара-норъ, и въ 300 ли отъ древняго Ша-чжоу къ ю.-в.; оно имѣеть въ окружности около 300 ли и окружено со всѣхъ сторонъ горами, почему бассейнъ онаго слишкомъ ограниченъ, и рѣчки, впадающія туда, имѣють самое короткое теченіе. Главная рѣка, впадающая въ озеро, носитъ также названіе Сэртэнъ и беретъ начало въ южныхъ снѣжныхъ горахъ, откуда, по мнѣнію Китайцевъ, стекають всѣ воды, наполняющія это озеро. Сэртэнская дорога начинается отъ Баянь-булакъ, лежащаго, какъ выше сказано, во 150 ли къ ю.-в. отъ Ша-чжоу и представляющаго исходный пунктъ южной дороги къ Лобъ-нору. Отъ Баянь-булакъ идетъ дорога къ югу до сѣвернаго прохода Оботу или Абату; потомъ 160 ли до южнаго прохода Нань-коу, откуда 70 ли до озера Сэртэнъ; отъ него далѣе къ югу 60 ли до хребта Оло-дабанъ, послѣ чего, пройдя мѣстность Исунь-чагань-чолоту, вступаютъ въ степь Цайдамъ и идутъ такимъ образомъ до мѣстности Дэбтэръ; отсюда къ ю.-в. дорога идетъ въ Кукэ-норъ Сининъ-фу и Датунъ, а къ ю.-з. ведетъ въ Тибетъ, чрезъ степь Дабусунъ-гоби и проходъ Касы. Въ мѣстности Сэртэнъ, какъ видно изъ біографіи Тулишени, кочевалъ прежде сынъ Тургутскаго хана Аюйцы Алабучуруръ, который часто ходилъ изъ Чжунгаріи въ Тибетъ на поклоненіе Далай-ламѣ; когда произошелъ раздоръ между отцомъ его и Цеванъ-Равтаномъ, онъ уже не могъ возвратиться на родину, поддался Китаю и поселенъ былъ въ Сэртэнъ. По дорогѣ изъ Касы въ Сэртэнъ прошли войска Кукэ-норскихъ Монголовъ-Хошотовъ для охраненія этого пути въ то время, когда по смерти Галдана, сынъ его Даньцзпла убѣжалъ въ Хань-хай.

Далѣе считаемъ необходимымъ представить выписки изъ дорожниковъ по Кукэ-нору, напечатанныхъ въ Извѣстіяхъ Географическаго Общества. Первый изъ нихъ представляетъ маршрутъ Монголовъ изъ Урги въ Хлассу, а второй,

переведенный нами изъ Сининь-фу-чжи, описываетъ назенную дорогу отъ Синина также до Хлассы.

По маршруту изъ Урги въ Хлассу городъ Сининь-фу считается 44-ю станціей. «Около города переправа черезъ р. Хуань-шуй по мосту, называемому Тенгри-гурь, «небесный мостъ». Ст. 45-я — Дуба, небольшой татарскій городокъ.

46-я — Донгорь, или Даньгорь; въ 50 ли отъ Дуба; отсюда въ 10 ли граница Кукэнорскаго вѣдомства.

47-я — Цонгу, рѣчка.

48-я — Оз. Кукэ-норь. Къ нему приѣзжаютъ чрезъ небольшой хребетъ Кэрэ-вутуль. Остановка посольства дѣлается или на р. Хара-голь, или въ мѣстечкѣ Усунь-шибэ, окруженномъ болотами, посреди которыхъ находится прекрасный лугъ». Мы уже замѣтили выше, что въ названіи Хара-голь Монголы ошибаются; слѣдуетъ читать Хорь-голь, рѣчка, текущая изъ горъ Нара-сара до Кукэ-нора 100 ли. Слѣдовательно, все разстояніе отъ Синина до озера можно считать въ 250 или 300 ли.

«На Кукэнорѣ посольство останавливается довольно долго, чтобы провести жаркое время, подвормить верблюдовъ и другою скотъ; здѣсь же оставляютъ телѣги и тяжести, нужныя на обратный путь въ Ургу. Для склада служитъ крѣпостца — Кырмы, принадлежащая князю Хоули-Бэйсэ и обнесенная стѣною въ длину и ширину по 70 сажень.

«Отправясь съ мѣста стоянки и переѣхавъ р. Ихэ-Улань, экспедиція дѣлаетъ остановки въ слѣдующихъ мѣстахъ»:

«Ст. 49-я — 70 ли къ западу до «Бага-Улань» (обѣ рѣки см. выше).

«50-я — Чжиримтай, протокъ отъ р. Чжиримтая; ночлегъ неподалеку отъ берега р. Богой-голь» (Бука-хэ). Цзи-ламартай впадаетъ съ с. въ Бука-хэ въ 70 ли къ с.-з. отъ Кукэ-нора; слѣдовательно, и дорога проходитъ въ 70 ли къ с.-з.

«51-я — Дынчжинь.

«52-я — Нувуту-даба; на южной сторонѣ хребта этого имени.

«53-я — Долонъ-видъ т. е. «семь монастырей»; по китайской транскрипціи Дулань-сы, отъ коихъ 60 ли до —

«54-я — Сэргэй; «ключи и грязь»; по китайскимъ указаніямъ, селеніе Сэргай.

Оба эти мѣста лежатъ по выходѣ изъ горъ къ ю.-з. отъ Кукэ-нора на сѣверо-восточной окраинѣ степи Цайдамъ.

«55-я — Балантагай, рѣчка.

«56-я — Даланъ-туру; рѣчка, мѣсто грязное.

«57-я — Цайдамъ-баинъ-голь, кит. Баянь-хэ.

«58-я — Граница двухъ изъ 33-хъ кукэ-норскихъ чжасаковъ, именно западнаго Буинту-чжасака и восточнаго Ундзанъ-чжасака». Слѣдовательно, по указаннымъ выше разстояніямъ, отъ селенія Сэргай до южныхъ границъ Хошотовъ дорога протянулась на 400 ли.

«59-я — Сѣверная поватость хребта Шугэй» (у Пржевальскаго Шуга). Отъ границы двухъ чжасаковъ есть двѣ дороги, сходящіяся у хребта, именно первая — восточная, чрезъ гору Бурханъ Бокдо, а вторая — западная, въ объѣздъ этой горы, идетъ берегомъ р. Баланантай.

«60-я — Гунай-гардца, урочище по южную сторону хребта Шугэй и рѣчки того же имени. Съ переходомъ чрезъ этотъ хребетъ страна дѣлается совершенно пустынною, т. е. не имѣетъ никакихъ жителей, ни осѣдлыхъ ни вочевыхъ; самая почва не считается принадлежащею кому-нибудь и лишь послѣ хребта Ушигэ, т. е. чрезъ 19-ть переходовъ, снова появляется населеніе, уже тибетскаго вѣдомства. Въ этихъ мѣстахъ водятся дикіе яки, дикіе ослы, ататые, аргали и проч.

«61-я — Переходъ на одинъ день пути южнѣ Гунай-гардца.

«62-я — Гора Бухуй-цаганъ; ночлегъ у подошвы ея, на берегу небольшого озера.

«63-я — Ключь Солонго-хонгоръ.

«64-я — Куйтунъ-шара, ночлеги у ключа.

«65-я — Южная подошва хребта Баянь-хара, который на этомъ переходѣ переваливаютъ.

«66-я — Цаганъ-оботу. Въ этотъ день переѣзжаютъ довольно большую и быструю рѣку Галдцзурь-Уланмурень, безъ сомнѣнія притокъ Янь-цзы-цзяна.

«67-я — Цаганъ-тологой, недалеко отъ р. Муръ-усу, или Муруй-усу.

«68-я — Бурханъ-бусу.

«69-я — Около горы Лама-тологой», лежащей на южномъ берегу Алтанъ-голь, истока Хуанъ-хэ; тянется небольшими возвышеніями отъ Одунъ-тала до Баянь-хара.

По казенной дорогѣ: отъ Синина 150 ли до —

1) лагеря Хара-куто.

Между этимъ лагеремъ и Сининомъ есть —

2) большой ламскій монастырь Дэн-гэръ, который въ 4-мъ г. правленія Юнь-чжена (1727 г.) сдѣланъ торговымъ пунктомъ для всѣхъ Монголовъ, живущихъ въ западу отъ Хуанъ-хэ. На разстояніи 150 ли эта кумирня служитъ полустанціей; за нею слѣдуетъ перевалъ черезъ горы Жи-юэ-шанъ (Нара-сари), за которыми начинаются мѣста, принадлежащія къ Кукэ-нору.

3) Отъ лагеря 20 ли до рѣки Хашиха, называемой, въ докладахъ бывшаго генераль-губернатора въ Гань-су На-янь-чена, Ашиханъ-шуй. Она течетъ отъ Хара-куто къ ю.-з. въ 40 ли, слѣдовательно, вдвое болѣе показаннаго выше. На этой рѣкѣ, по положенію, стоитъ гарнизонъ въ 800 человекъ съ 24 военными чиновниками. Трава есть, но дровъ нѣтъ: топчатъ аргаломъ; вочуютъ Кукэ-норскіе Монголы. Отсюда дорога раздѣляется на южную и сѣверную: сѣверная идетъ на протяженіи шести дней пути, а южная пяти, послѣ чего они сходятся. Отъ Хашиха по сѣверной дорогѣ:

4) 60 ли до Кань-бу-тань — трава есть, дровъ нѣтъ; вочуютъ Кукэ-норскіе Монголы. Намъ кажется, что въ этомъ

названіи есть небольшая ошибка; слѣдуетъ читать Цюнь-кэ-тань, мѣстность, лежащая къ с.-з. отъ горъ Чагань-тологой, смежныхъ съ горами Нара-сара. Цюнь-кэ-тань, по китайскимъ указаніямъ, имѣетъ площадь въ 2,000 ли; сюда всѣ Монголы стекаются на вочевку, потому что мѣсто обилуетъ травой и всѣми удобствами. Далѣе сѣверная отрасль дороги слѣдуетъ по сѣверной сторонѣ озера Куэ-нора.

5) 70 ли до Алауту, трава есть, дровъ нѣтъ; вочуютъ Куэ-норскіе Монголы.

6) 70 ли до Ха-то-ю.

7) 70 ли до Мохоръ.

8) 50 ли до ущелья западнаго Хатою.

9) 60 ли до Нюгэту.

Во всѣхъ мѣстахъ есть трава, но дровъ нѣтъ; вочуютъ Куэ-норскіе Монголы.

Отъ рѣки Хашиха по южной дорогѣ:

4) 50 ли до Баянь-норъ (см. выше).

5) 50 ли до Хабуха.

6) 50 ли до озера Сини-норъ (см. выше).

7) 60 ли до Гун-ха-норъ, лежащаго отъ Куэ-нора къ югу. По китайскимъ вартамъ, разстояніе между Куэ-норомъ и этимъ озеромъ показано въ 200 съ небольшимъ ли. Дорога идетъ къ западу. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ есть трава, нѣтъ дровъ; вочуютъ Куэ-норскіе Монголы.

8) Отъ Гун-ха-норъ 60 ли до Нюгэту, гдѣ дороги сходятся. Далѣе:

9) 60 ли до Ширэту; есть трава, нѣтъ дровъ; вочуютъ Монголы.

10) 60 ли до Имату, иначе Имату или Гурбанъ-Имату, горы, изъ которыхъ рѣчка того же имени впадаетъ въ Хуань-хэ. Мѣстность эта лежитъ отъ Куэ-нора къ ю.-з. приблизительно въ 500 слишкомъ ли. Дорога, какъ видно, круто повернула къ ю.-з. въ долину Хуань-хэ. Трава есть, дровъ нѣтъ; вочуютъ Куэ-норскіе Монголы.

11) 50 ли до Дэннуртэй, горъ, лежащихъ на восточномъ берегу р. Цякэту-хэ, при впадении ея въ Хуань-хэ; дорога прошла, значить, прямо на западъ. Здѣсь вочуютъ Тангуты (Фань) изъ рода Алиэ. Этотъ родъ Тангутовъ, какъ значитса въ уложеніяхъ Ли-фань-юаня при императорѣ Цзяцинѣ (1796 — 1821 г.), по особому указу, переведенъ на сѣверный берегъ Желтой рѣки и причисленъ къ монгольскимъ знаменнымъ войскамъ. Кромѣ этого при Дао-гуанѣ (1821 — 1850 г.) переселились на сѣверный берегъ Хуань-хэ изъ степныхъ Тангутовъ (Ъ-фань) роды Ван-ши-дай-кэ и другіе, которые у Китайцевъ извѣстны подъ именемъ Ё-фань-хэй-чжанъ т. е. степные — черноюртныя Фани. Нѣтъ сомнѣнія, что это и суть Хара-Тангутъ (Черные Тангуты) г. Пржевальскаго, которые производили грабежи въ Кукэ-норѣ.

12) 60 ли до Хулунъ-усу; вочуютъ Тангуты изъ рода Алиэ; есть вредныя испаренія (чжанъ-ци). Въ этихъ мѣстахъ есть трава, но нѣтъ дровъ.

13) 70 ли до озера Дѣлѣ-норъ; тутъ есть трава и дрова для топлива; есть вредныя испаренія; вочуютъ Тангуты Алиэ. Мы подозрѣваемъ, что озеро Дѣлѣ-норъ есть упомянутое выше Доло-чи, опоясываемое горами Имату.

14) 70 ли до Дѣли-булуъ есть трава и дрова; вочуютъ Тангуты изъ рода Гэ-лунъ; есть вредныя испаренія.

15) 60 ли до Билюту-гоу; есть трава, но дровъ опять нѣтъ; вочуетъ Гэлунскій сотникъ (бай-ху).

16) 60 ли до долины Алуна-тала, гдѣ растеть лѣкарственная трава; есть узенькій ручей; травы вообще мало; есть вредныя испаренія; къ югу вочуютъ Тангуты изъ рода Гэлэй; а къ сѣверу лежитъ кочевье Шань-шань-кяньбы, Далай-ламскаго намѣстника.

17) 70 ли до Солима и истока Хуань-хэ. Въ означенномъ мѣстѣ есть трава, нѣтъ дровъ; есть вредныя испаренія; къ с. и къ ю. вочуетъ Шань-шань-кяньба.

18) 60 ли до Кашунъ-оботу; есть трава, дровъ нѣтъ;

вочуеть начальникъ Тангутскаго рода Юнъ-ша-бао. Кочевье этихъ Тангутовъ отдѣляетъ описываемую здѣсь дорогу отъ той, по которой слѣдуютъ Монголы въ Тибетъ и обратно за своими хутуктами.

19) 60 ли до Цѣ-кэ-норъ; есть трава, дровъ нѣтъ; вочуютъ Тангуты изъ рода Эрцзинь; есть вредныя испаренія.

20) 50 ли до Хамахалятай; вочуютъ Тангуты Эрцзинь.

21) 50 ли до Хара-усу; на югъ вочуеть родъ Тангутовъ Нянъ-му-цо; а къ сѣверу лежитъ звѣздное море (Одунъ-тала); въ пройденныхъ мѣстахъ есть трава, вредныя испаренія, но дровъ нѣтъ.

22) 50 ли до Уланъ-холи; травы мало, дровъ нѣтъ; къ югу вочуютъ Тангуты изъ рода Бѣ-ли; а къ с. танется звѣздное море.

23) 60 ли до мѣстности Алтайки, травы мало; дровъ нѣтъ; къ югу вочуютъ Тангуты изъ рода Бѣ-ли; а къ с. звѣздное море. Дорога, значить, опять направилась къ ю.-з.; есть вредныя испаренія.

24) 60 ли до Лама-тологой къ югу вочуютъ тѣ же Тангуты, а къ с. звѣздное море. Въ этомъ пунктѣ дорога, принятая Монголами, сходится съ описанною нами.

Фактъ уже доказанный, что упоминаемая Китайцами вредныя испаренія суть ни что иное, какъ дѣйствіе разрѣженнаго воздуха, свидѣтельствующее о значительномъ поднятіи страны, почему съ людьми случается сильное головокруженіе, рвота, истеченіе крови гортанью вслѣдствіе усиленнаго дѣйствія легвихъ; но Китайцамъ, какъ не имѣющимъ понятія о дѣйствіи разрѣженнаго воздуха, объясненіе это и до сего времени не приходитъ въ голову.

На этомъ мы закончимъ географическій очеркъ страны и перейдемъ къ обзору историческому.

Исторія Кукэ-нора, края, какъ выражаются Китайцы; благодатнаго, чуть не текущаго медомъ и молокомъ, начинается виѣ предѣловъ этой страны, и первоначальное населеніе оной считается пришлымъ и относящимся къ категоріи четырехъ родовъ инородцевъ (сы-и), которые, по толкованіямъ на Шу-цзинъ, произошли отъ сосланныхъ, въ древнія времена Яо и Шуня, преступниковъ. Мѣстъ ссылки толкователи указываютъ четыре: на сѣверѣ— Ю-чжоу, гдѣ размножились сѣверные инородцы (Бэй-и); на востокѣ— Юй-шань, вмѣщавшее восточныхъ инородцевъ (Дунъ-и); на югѣ— Чунъ-шань, гдѣ расселились южные инородцы (Нань-и); наконецъ на западѣ— Сань-вэй, куда сосланъ былъ Сань-мяо, съ своимъ родомъ, отъ коего происходятъ западные инородцы (Си-и). Всѣ эти мѣста лежали будто бы за предѣлами девяти чжоу; но причислялись къ онымъ; такъ: Юй-шань приписывается къ Сюй-чжоу, а Сань-вэй къ Юнь-чжоу, каковымъ именемъ величается въ древности и Кукэ-норъ.

Гдѣ же нужно искать мѣстность Сань-вэй, какъ колыбель послѣдующаго населенія Цанъ-хая? О. Іакинотъ, указывая оную въ округѣ Ань-си-чжоу, въ 30 ли отъ уѣзднаго города Дунъ-хуанъ къ юго-востоку, по неопредѣленности значенія словъ Сань-вэй, точно опредѣлить мѣстонахожденіе оной считаетъ невозможнымъ (см. Ист. Тибета и Хухэнора, ч. II, стр. 219). У Китайцевъ есть признаки, по которымъ они опредѣляютъ положеніе Сань-вэй; это древняя рѣка Хэй-шуй (черная), и Сань-цинъ-няо (три черныя птицы). По первому признаку императоръ Канси представляетъ такое толкованіе, что мѣстность Сань-вэй нужно приурочивать къ тремъ провинціямъ Тибета, Канъ, Вэй и Цзанъ, ибо тамъ есть рѣка Хэй-шуй или Хара-усу, вытекающая изъ озера Карачи, лежащаго въ Си-цзанѣ и впадающая въ Лу-цзанъ, который во владѣніи Мянъ-дянь (Непаль) вливается въ южное море (см. Си-юй-као-гу-лу). Такое же толкованіе предложено и въ Шанъ-хай-цзинѣ, а именно — что Сань-вэй находится отъ Дунъ-хуанъ

къ югу въ смежности съ горами Минь-шань, лежащими въ Си-чуани. Къ югу отъ горъ протекаетъ Хэй-шуй, впадающая въ южное море. Но оба эти толкованія, какъ увидимъ ниже, не имѣютъ никакого историческаго основанія и достовѣрности. На основаніи втораго признава авторъ Си-юй-шуй-дао-цзи и другіе относятъ Сань-вэй въ сосѣдство съ горами Няо-шу-шань, лежащими въ 20 ли къ западу отъ уѣзднаго города Вэй-юань-сянь (въ южной части Ганьсу). Горы эти называются иначе Цинь-цзѣ-шань («черныхъ воробьевъ»), или Няо-шутунь-сюэ-шань («горы птичьихъ и мышиныхъ пещеръ») и описываются въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Птицы, обитающія тамъ, похожи на домашнихъ воробьевъ, черноватаго цвѣта; мыши также похожи на домашнихъ, но покрыты шерстью желтоватаго цвѣта. Массы скопившагося помета тѣхъ и другихъ издаютъ нестерпимый смрадъ, возбуждающій въ людяхъ дурноту и рвоту. Коровы и лошади заболѣваютъ отъ этого смрада, теряютъ силы и ложатся, обливаясь сильнымъ потомъ (см. Си-юй-као-гу-лу). Къ югу, или къ ю.-в. отъ этихъ горъ и думаютъ приурочить Сань-вэй. Но кромѣ того, что эта догадка, или мнѣніе, имѣетъ еще менѣе исторической основы, чѣмъ толкованіе Канси, она отражаетъ характеристическую черту Китайцевъ—вопреки очевидной истинѣ давать иностранцамъ бранныя названія и приурочивать ихъ къ мѣстамъ самымъ непривлекательнымъ, это для писателей вмѣняется уже какъ бы въ обязанность. О птицахъ, обитающихъ въ Сань-вэй. другія сочиненія даютъ самые поэтическіе отзывы. Въ Шуй-цзинь-чжу, напримѣръ, сказано, что при полетѣ перья ихъ имѣютъ необыкновенно красивый цвѣтъ; когда онѣ доставлены были ко двору, то очень понравились матери императора и ихъ снова велѣно было возвратить въ горы Сань-вэй-шань. Обязанность этихъ птицъ состоитъ въ томъ, что онѣ состоятъ новарами при миенческой Си-вань-му.

Другой отдѣлъ китайскихъ ученыхъ, на основаніи тѣхъ же

признаковъ, переноситъ Сань-вэй на сѣверъ отъ горъ Нань-шань. Въ Су-чжоу-синь-чжи говорится: «Сань-вэй-шань лежитъ отъ Дунь-хуань-сянь къ ю.-в. въ 30 ли. Рѣка Хэй-шуй вытекаетъ изъ горъ Цзи-шань, въ уѣздѣ Чжань-ѣ-сянь, протекаетъ къ югу отъ Сань-вэй и впадаетъ въ Ицзи-нэй-норъ, называемое иначе Цзюй-янь-хай или Сань-хай-цзы. У горъ Хэ-ли-шань ¹⁾ въ Чжань-ѣ-хэ впадаетъ рѣка Жо-шуй, вытекающая изъ горъ Цюнь-ши-шань. По Си-юй-вао-гу-лу, Сань-вэй-шань находится отъ Дунь-хуань къ ю.-в. въ 20 ли; онѣ имѣютъ три пика и по просту называются Шэнь-юй-шань или Би-юй-шань; къ этимъ горамъ сосланы были Сань-мяо; тамъ же обитаютъ и Сань-цинъ-няо, т. е. иссомя черныя птицы. Эти два топонима имѣютъ несомнѣнное историческое названіе въ самомъ Шу-цзинѣ, который гласитъ, что роды Жуновъ: Юнь-синъ и Инъ-жунъ, происходящіе отъ Сань-мяо, или сосланные съ ними вмѣстѣ, жили въ земляхъ Гуа-чжоу, лежащихъ къ западу отъ Юнь-чжоу; и слѣдовательно, занимавшихъ нынѣшнія Су-чжоу, Ань-си-чжоу, Ша-чжоу и Дунь-хуань. Остатки древняго города Гуа-чжоу сохранились до сего времени и называются географами въ 80 ли къ западу отъ Ань-си-вэй. Въ періодъ Чунь-цю и Чжань-го (междуусобій) земли эти принадлежали Си-жунамъ, или западнымъ Цянамъ; по Кунъ-ань-го-чжуань западнымъ инородцамъ (си-и).

Характеристика этихъ инородцевъ представляется такъ: «народы Си-жунъ вмѣсто одежды употребляютъ шкуры звѣрей; не имѣютъ постоянныхъ жилищъ и ведутъ кочевой образъ жизни, свививая себѣ пропитаніе скотоводствомъ. Определенныхъ названій родамъ и поколѣніямъ не имѣютъ; имя отца, или прозваніе матери служитъ названіемъ и роду ихъ. Они раздѣляются на множество родовъ, не имѣющихъ государя и

¹⁾ Горы Хэ-ли лежатъ отъ Гао-тай-сянь къ с. въ 10 ли; на нихъ, по Су-чжоу-чжи, родится чай; но извѣстіе о чаѣ кажется сомнительнымъ.

не признающихъ единовластія, а живущихъ общинами. Народъ чрезвычайно храбрый; умереть на сраженіи почитается у нихъ счастіемъ; умереть отъ болѣзни—несчастіемъ. Подобно животнымъ, они крайне терпѣливо переносятъ стужу; даже женщины при родахъ не уклоняются отъ суровости климата. Этотъ народъ, по толкованіямъ на Шу-цзинъ, составилъ отдѣльное владѣніе, которое извѣстно было подъ именемъ Сань-мяо.

Еще государь Шунъ за 2221 годъ до Р. Х. приказалъ князю Юй идти войною на владѣніе Сань-мяо за его непокорность. Юй уже собралъ войска удѣльныхъ князей и сдѣлалъ воззваніе къ нимъ; но, по совѣту князя И, предварительно употребилъ кроткія убѣжденія, и по прошествіи ста дней Сань-мяо добровольно покорилось. За симъ инородцы эти то подчинялись вліянію Китая, то отлагались до времени государя У-динъ, изъ династіи Инъ, который покорилъ отдаленныя страны западныхъ Цяновъ; почему въ Ши-цзинъ («книга пѣсней») сказано: «Съ сего времени Дя и Цянь не смѣли не пріѣзжать ко двору для поклоненія». О. Іавинъ въ примѣчаніи къ этому мѣсту категорически говоритъ, что въ это время Цяны занимали весь нынѣшній Кукэ-норъ; но это можетъ быть подвергнуто большому сомнѣнію, потому что въ исторіи не имѣется никакихъ доказательствъ этого факта. Толкователи классической древности, историки, и послѣдующіе писатели выражаются о моментахъ расселенія и миграцій этихъ инородцевъ на сколько же темно, на столько и осторожно.

Въ Ши-цзи («историческія записки») замѣчено весьма коротко и осторожно, что въ области Гуа-чжоу «въ періодъ между Циньской и Ханьской династіи обиталъ народъ У-сунъ, потомъ Юэ-чжи, и наконецъ, прогнавшіе ихъ Гунны; но когда Хо-цюй-бинъ разбилъ и покорилъ Гунновъ, тамъ учреждена была область Цзю-цюань, отъ которой потомъ отдѣлено управленіе Цзю-цюань-цзюнь. Этотъ краткій обзоръ исторіи

края даетъ понять, что первые кочевники, вытѣснившіе аборигеновъ изъ Сань-вэй были У-суни; и если владычество ихъ надъ этою страной начинается съ Циньской династіи, то миграціи Цяновъ или Жуновъ въ Куэ-норъ можно отнести не ранѣе, какъ въ концу періода Чжань-го, и первый центръ историческаго существованія ихъ тамъ приурочить къ мѣстности Хуань-чжунъ. Въ исторіи слѣдующей династіи Хань разсказывается, что одинъ Цянъ, по имени Юань-цзянь, былъ плѣнень Ли-гуномъ княземъ удѣла Цинь, почему получилъ кличку Угэ, то-есть, рабъ. Плѣннику однакоже удалось бѣжать и чудеснымъ образомъ спастись отъ преслѣдованія Циньцевъ; послѣ того онъ вступилъ въ долины трехъ рѣкъ, то-есть Желтой, Ци-чжи, или Сы-чжи и Хуань-шуй. Всѣ Цяны, увлекшись его чудеснымъ спасеніемъ, возблаговѣли предъ нимъ и поставили его своимъ начальникомъ. Такъ какъ между рр. Желтою и Хуань-шуй мало родилось хлѣба, но много водилось звѣрей, то занятіе ихъ состояло въ звѣриной охотѣ. Юань-цзянь, побывъ въ Китаѣ и ознакомившись тамъ съ хлѣбопашествомъ, не преминулъ и подданныхъ своихъ научить земледѣлю и скотоводству. Власть надъ Цянами перешла въ его потомство; въ 4-мъ колѣнѣ отъ Юань-цзяня извѣстенъ былъ правнукъ его Жень и сынъ послѣдняго Янь, который отличался чрезмѣрною силой и храбростію, почему потомки его у Цяновъ составили отдѣльный родъ Янь. Соединившись подъ властію одного рода и сплотившись болѣе или менѣе въ одно гражданское тѣло, Цяны размножились и усилились; но какъ видно изъ историческихъ указаній и намековъ, они далеко не всѣ удалились съ сѣвера на югъ; многіе ушли на востокъ и кочевали къ сѣверу отъ нынѣшней провинціи Ганьсу и далѣе; такъ что послѣ построенія великой стѣны, замѣчаетъ исторія, — Цяны не могли болѣе простираться на югъ. Построеніе великой стѣны относится къ 214 г. до нашей эры; а въ 202 г. Гунны осѣдаютъ въ земляхъ Гуа-чжоу, прогнавъ Ю-чжи, и слабѣйшая часть ихъ

переселяется въ Хуань-чжунь, въ ближайшее сосѣдство съ Цянами.

Послѣдующая исторія династіи Хань рассказываетъ далѣе, что въ средѣ Цяновъ произошли внутреннія несогласія; но во времени 6-го г. правленія Ханьскаго Уди-юань-шоу родъ Сянь-линъ вступилъ въ соглашеніе съ родами Фынъ-янъ и Лао цзѣ и въ 6-мъ г. правленія У-ди (145 г. до Р. Х.), открывъ тайныя сношенія съ Гуннами, напалъ съ войскомъ на пограничный пунктъ Линъ-цзюй-чжай. У-ди послалъ противъ него полководца Ли-сы, который разбилъ и усмирилъ возмущившійся родъ. Въ это время для надзора за Цянами поставленъ былъ китайскій чиновникъ, а сами Цяны въ первый разъ удалились изъ Хуань-чжуна и осѣли по правую и лѣвую стороны Си-хая (Кукэ-норъ) и соленого озера (Янь-чи). Это первое ясное указаніе исторіи на заселеніе Кукэ-нора Цянами; при этомъ было установлено и первое естественное разграниченіе Китая съ этою страной по направленію горъ, разграниченіе которое принято и въ настоящее время. Чтобъ отрѣзать Цяновъ отъ Гунновъ и прервать между ними всякія сношенія У-ди учреждаетъ во вновь открытой провинціи Хэси четыре области — Цзю-цюань, У-вэй, Чжанъ-ѣ и Дунъ-хуанъ.

Въ тридцатомъ колѣнѣ отъ Яня вступилъ въ управленіе родами Цяновъ Шао-данъ, который, ваяъ и предокъ его Янь, отличался мужествомъ и храбростію, почему потомки его составили родъ Шао-данъ. Но не долго пришлось имъ спокійно пожить на новомъ мѣстѣ; вслѣдствіе постоянной вражды родовыхъ старшинъ, которые грабили и нападали другъ на друга, Цяны не успѣли окрѣпнуть на столько, чтобы противостать неуклонному и постоянному стремленію китайцевъ поработить ихъ своей власти и овладѣть страной. По извѣстіямъ исторіи Хоу-хань, потомки Юань-цзяна раздѣлились на 150 родовъ, изъ коихъ 9-ть жили къ западу отъ вершинъ рѣки Сы-чжи и къ с. отъ предѣловъ Шу и Хань; 52 рода

были совершенно безсильны и не имѣли никакой самостоятельности; объ остальныхъ 89 родахъ, исключая рода Чжунъ, свѣдѣній было мало, и жили они разсѣянно. При такихъ-то условіяхъ въ 4-мъ г. правленія (4-й г. по Р. Х.) Пинъ-ди-Юань-ши, Ванъ-манъ, или Синь-манъ, забравъ правленіе въ свои руки, отправилъ сановниковъ Чжунъ-ланъ-цзяна и Пинъ-сяня съ золотомъ, матеріями и другими дорогими вещами для подарковъ, что бы склонить Цянскихъ старшинъ Лянъ-юаня и другихъ уступить ему Сянь-шуй-хай, Юпъ-гу и Янь-чи, т. е. всѣ Куэ-норскія земли. Золото и богатые подарки возымѣли свою силу, и просимое было уступлено охотно. Ванъ-манъ учредилъ тамъ область Си-хай-цзюнь; а въ ней пять уѣздовъ, каковыя предназначилъ для ссылки преступниковъ изъ Китая; кругомъ озера разставилъ сторожевыя огни и, для скорѣйшей колонизаціи страны, открылъ военно-земледѣльческія колоніи. Цяны, обманутыя такъ легко Китайцами, должны были искать новыхъ убѣжищъ; часть ихъ удалилась въ предѣлы Китая и разсѣлилась между Китайцами въ области Лянъ-чжоу; часть перешла въ югу отъ Хуанъ-хэ; только родъ Шао-дановъ, воспользовавшись беспорядками, происшедшими въ Китаѣ по случаю похищенія престола Ванъ-маномъ (9 г. по Р. Х.) возвратился въ Куэ-норъ, покинутый Китайцами.

Родъ Шао-данъ самъ по себѣ былъ малочисленъ и бѣденъ; поэтому нерѣдко терпѣлъ обиды отъ своихъ родичей Сянь-линъ и Би-нанъ, кочевавшихъ въ Ильмовыхъ долинахъ. Наконецъ добротой и благодѣяніями онъ успѣлъ соединить разсѣянные роды и съ ними двинулся на Ильмовыя долины (Юй-гу), разбилъ Сяньлина и Бинаня и остался жить на этихъ земляхъ. Съ этого времени центръ исторіи и гражданской жизни Цяновъ переносится и сосредоточивается въ Ильмовыхъ долинахъ; Куэ-норъ же или тогдашній Си-хай становится только яблокомъ раздора и кровавыхъ битвъ между Китаемъ и Цянами, въ которыхъ послѣдніе большею частію

выходили побѣдителями; это продолжалось до 14-го года правленія Ханьскаго Хо-ди (89—105 по Р. Х.). Въ этотъ періодъ (съ 25 г. по Р. Х.) нарушителями спокойствія являлись потомки Шаоданова рода; причины тому, какъ объясняетъ исторія, заключались въ томъ, что они жили въ большой и малой Ильмовыхъ долинахъ. Тамъ превосходныя и тучныя земли, лежащія недалеко отъ китайской границы. На югѣ они имѣли другіе роды въ усиленію своихъ войскъ; съ сѣвера ограждались Желтою рѣкою, служившею имъ укрѣпленіемъ. Сверхъ того, они пользовались выгодами соляныхъ и рыбныхъ промысловъ, а по долинамъ горъ и берегамъ рѣкъ распространили земледѣліе и скотоводство. Но во времени правленія Хо-ди родъ Шаоданъ ослабѣлъ, и сообщники отложились отъ него. Китайцы, пользуясь этимъ случаемъ, послали въ Ильмовыя долины войско, укрѣпили сѣверный берегъ Хуанъ-хэ, а для переправы войска навели черезъ рѣку мостъ на большихъ судахъ. Митанъ, тогдашній глава Цяновъ, вынужденъ былъ удачами Китайцевъ удалиться за Цычжи къ вершинамъ Желтой рѣки (101 г. по Р. Х.).

Только теперь становится понятнымъ описаніе границъ западныхъ Цяновъ, представленное въ исторіи Хоу-хань, гдѣ сказано: «Владѣнія западныхъ Цяновъ находятся не далеко отъ Нанъ-юэ и около Санъ-вэй, куда Шунь сослалъ четырехъ преступниковъ. Отъ Хэ-гуанъ на юго-западъ Цяны живутъ по берегамъ р. Сы-чжи до вершинъ Хуанъ-хэ и занимаютъ пространство въ 1000 ли. Страна Сы-чжи на югѣ граничитъ съ областями Шу и Хань, за предѣлами которыхъ живутъ ивородцы Мань на с.-з. граничитъ съ владѣніемъ Шаньшань и Чешу; эта мѣстность впоследствии занята была народомъ Данъ-сянъ». Мы приходимъ къ тому же заключенію, которое высказали уже прежде, а именно, что разширеніе, на примѣръ, границъ мѣстности Цычжи совершалось съ разсѣленіемъ народа въ ту или въ другую сторону, не разрывно, и потому названіе Цычжи скорѣе нужно считать терминомъ

этнографическимъ ¹⁾, чѣмъ географическимъ, самыя же границы считать только условными чертами, до коихъ народъ дошелъ въ теченіе извѣстнаго періода его исторіи.

При Хо-ди, хотя и не долго, возстановлена была область Си-хай-цзюнь; но въ 107 г. снова досталась Цянамъ; Китайскія войска терпѣли пораженія, и дѣло дошло до того, что въ 108 г. старшина Тяньлянъ и другіе объявили себя императорами въ Бэй-ди ²⁾. Въ это время Цяны, говоритъ исторія, — поднялись какъ рой пчелъ, шесть служилъ имъ вмѣсто оружія, а доски за плечами вмѣсто щитовъ и доспѣховъ; коней кормили въ вырытыхъ ямахъ вмѣсто ясель; но это послѣднее усиліе нисколько не помогло ихъ дѣлу. Изнемогши въ борьбѣ съ Китайцами, Цяны стали цѣлыми родами поддаваться Китаю. Еще въ 14-й годъ правленія Цзянь-ву (37 г.) старшина Бомаскихъ родовъ поддался Китаю съ 5000 семействъ и награжденъ былъ званіемъ Вана. При императорѣ Хо-ди въ 6-й г. (94 г.) старшина Дациянова рода Цзату, жившій въ области Шу-цзюнь покорился Китаю съ 500 т. человекъ. Онъ также признанъ былъ Ваномъ и получилъ печать со шнуромъ. Въ 1-й г. правленія Ань-ди (114 г.) поддались шесть родовъ, а въ слѣдующемъ году восемь родовъ, въ числѣ болѣе 50 т. душъ; наконецъ, и родъ Шеньлановъ снова пришелъ въ подданство. Съ 170—312 г. по Р. Х. они считались вполне подданными Китая, и Китайцы, не смотря на неоднократныя возстанія, располагали ими какъ хотѣли. При Цзиньской династіи (263—420) жителей Сихая или Куэ-нора расселили по разнымъ областямъ, а затѣмъ скоро перевели въ мѣстность Ло-ду, то-есть, туда, гдѣ мы нашли ихъ въ моментъ зарожденія ихъ исторіи при Угэюань-цзянѣ, и гдѣ они смѣшались съ народомъ Юэ-чжи, съ

¹⁾ За этнографическіе термины пужно считать также и древнія названія: Кунь-лувъ, Чжя-ни, Цюй-соу и проч.

²⁾ Бэй-ди, при Ханяхъ, окружный городъ въ пиньшней области Ланьчжоу-фу.

которымъ и прежде имѣли связи и поддерживали брачное родство.

Въ самомъ началѣ IV вѣка, когда въ Китаѣ возникли кровопролитныя междуусобія, одинъ Сяньбійскій аймакъ изъ Ляо-дуна перекочевалъ чрезъ нынѣшнюю губернію Ганьсу на западъ и основалъ въ Куэ-норѣ отдѣльное владѣніе, сдѣлавшееся потомъ извѣстнымъ подъ именемъ Тогонъ.

По Цзиньской исторіи основатель этого владѣнія былъ Тогонъ, сынъ Шэгуя, изъ Сяньбійскаго рода Тухэ, и сводный старшій братъ Муюнъ-гуй, или Жоло-гуй. По смерти отца, Тогонъ, разсорившись съ братомъ изъ за безпорядковъ въ табунахъ, ушелъ къ западу и осѣлъ сначала въ горахъ Инъ-шань, то-есть, приблизительно въ нынѣшнемъ Ордосѣ или Ала-шанѣ. Въ 310 г., въ правленіе Цзиньскаго Юнъ-цзя, когда произошли междуусобія князей царствовавшаго дома Сыма-и и когда Лю-юань, владѣтель Хунновъ, завладѣлъ частію сѣвернаго Китая, именно областями Тай-юань и Хэ-си, Тогонъ перешелъ чрезъ Лунъ-си (нынѣшняя Ганьсу) и поселился въ уѣздѣ Фу-хань, лежавшемъ въ нынѣшнемъ округѣ Хэ-чжоу. При самомъ началѣ по переселеніи подданные Тогона носили чистый характеръ номадовъ; вели кочевую жизнь и переходили съ мѣста на мѣсто, смотря по количеству подожнаго корма для скота; питались мясомъ и молокомъ, и управлялись старшинами. За убійство и кражу лошадей виновные подвергались смертной казни; прочіе преступники могли откупаться отъ наказанія взносомъ пени; въ случаѣ же несостоятельности наказывались палками; осужденнымъ на смерть обертывали голову кускомъ холста и побивали камнями. Положительныхъ и опредѣленныхъ налоговъ у нихъ не было; въ случаѣ же крайности собирали съ достаточныхъ семействъ столько, сколько требовалось на покрытіе расходовъ. Одежда мужчинъ въ общемъ походила на китайскую и

туфаньскую ¹⁾); только шапки носили войлочные. Женщины заплетали волосы въ косы, спускавшіяся на спину, и украшали ихъ жемчугомъ и другими побрякушками. Одежда владѣтелей и ихъ женъ отличалась только нѣкоторою изысканностію и большею роскошью украшеній. При заключеніи браковъ богатые платили калымъ, а бѣдные женихи уводили невѣсть тайно. По смерти отца, женились на мачихахъ и брали невѣстокъ по кончинѣ братьевъ; трауръ кончался вмѣстѣ съ погребеніемъ покойника. Всего болѣе они дорожили оружіемъ, которое состояло въ лукѣ, сабляхъ и матахъ; какъ всѣ кочевники, они отличались страстью къ наживѣ и къ звѣриной охотѣ. Впослѣдствіи, вступивъ въ болѣе близкія сношенія съ Китаемъ, они, какъ увидимъ ниже, усвоили болѣе осѣдлый образъ жизни и познакомились съ роскошью.

Профессоръ Васильевъ (см. Исторія и древности восточной части Средней Азіи, стр. 6) придаетъ, какъ видно, этой миграціи Сяньбійцевъ, на ряду съ другими переселеніями, едва ли не болѣе значенія, чѣмъ движенію Гунновъ. Въ сложности всѣхъ движеній, можетъ быть, это и имѣло какое-либо значеніе; но фактически доказать оное весьма трудно. Жизнь Тогоновъ на западѣ Китая, въ Кукэ-норѣ, началась при благопріятныхъ условіяхъ кровавой борьбы и междуусобій въ Китаѣ, а потомъ поддерживалась благодаря хитрости и незатѣливости степной политики Тогоновъ, которые постоянно состояли въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Китаю, прибѣгая подъ крыло защиты къ сильнѣйшему или грозившему имъ дому, или покоряясь тому и другому въ одно и то же время, если того требовали обстоятельства. Оставленные же Китайцами, они легко стали добычею только что народившихся Туфаней и пропали безслѣдно, смѣшавшись съ Китайцами и другими родами, смотря по мѣстамъ, гдѣ были расселены, и оставили въ исторіи только свое имя.

¹⁾ Это извѣстіе взято изъ Минскаго Вэнь-сянь-тунъ-као, почему и указано на Туфаней, о коихъ въ то время и поминна еще не было.

Сыновья и внуки Тогона распространили свое владычество къ югу отъ горъ Гань-сунь, къ юго-западу отъ рѣки Тао-шуй, вплоть до владѣнія Бай, или Болань, и къ с.-з. до округа И-чжоу. Мѣстность эта почти весь годъ лежитъ подъ свѣгомъ (?), и только въ 6-й—7-й лунѣ бываютъ обильные дожди; если же нѣтъ, то вѣтры заносятъ все песками; родится пшеница, но другихъ сортовъ хлѣба нѣтъ. При такой бѣдности страны, Тогонь занялись скотоводствомъ и исключительно разведеніемъ рысистой породы лошадей на островахъ озера Куэ-нора. Внукъ Тогона, Ци-янь (Фянъ), изъ уваженія къ доблестямъ и памяти дѣда своего, именемъ его назвалъ и свой народъ. Сынъ его Биси первый отправилъ въ Китай къ дому Цзинь посольство съ данью изъ 1000 лошадей и 500 ланъ золота. Онъ отличался добродушіемъ и отсутствіемъ рѣшимости, вслѣдствіе чего сначала своевольствовали въ народѣ братья его, а потомъ приближенные старѣйшины. Внукъ его Ацай вначалѣ показалъ нѣкоторое стремленіе къ самостоятельности и объявилъ себя Чѣ-ци-цзянь-цзюнемъ и правителемъ Хэ-чжоу (Хэ-чжоу-цы-ши); присоединилъ къ себѣ земли народа Ди и Цяновъ и, такимъ образомъ, усилилъ свое владѣніе; но не рассчитывая на собственныя силы, онъ, какъ притокъ рѣки, текущей неуклонно къ своему главному руслу ¹⁾, поспѣшилъ отдать свое «малое владѣніе» подъ покровительство Китая и отправилъ посланца на югъ ко двору Сунъ (420—479 гг.) съ мѣстными произведеніями. Сунскій Шаоди за такую преданность наградилъ его титуломъ гуна въ Сяо-хэ (Сяо-хэ-гунъ). Въ срединѣ правленія Юань-цзя (426 г.) Ацай снова отправилъ посольство съ данью; но скоро рѣ затѣмъ занемогъ и умеръ, оставивъ наслѣдникомъ двоюроднаго брата своего Мугуя. Мугуй, по вступленіи во владѣніе отправилъ войско противъ Ци-фу и Жунъ-мань, прогналъ ихъ на востокъ въ Лунъ-ю и забралъ ихъ земли; кромѣ то-

¹⁾ Выраженіе самаго Ацай см. Вэнь-сянь-гунъ-као.

го, онъ принялъ въ свое подданство до 600 семействъ Кайцевъ и Цяновъ. Въ это время самозванецъ Хэ-лянъ-динъ взялъ Чанъ-анъ и объявилъ себя владѣтелемъ дома Хоу-вэй; но, потерпѣвъ поражение, бѣжалъ на западъ со 100 т. своихъ послѣдователей. Мугуй преслѣдовалъ его и схватилъ при переправѣ чрезъ Желтую рѣку; а потомъ отправилъ его во дворъ Тоба-Вэй, признавъ и себя вассаломъ этого владѣнія. За эту услугу онъ потребовалъ себѣ награды, кромѣ титула, сокровищами; но ему было отказано на томъ основаніи что онъ удержалъ у себя всѣхъ полоненныхъ имъ приверженцевъ Хэ-лянъ-дина. Отказъ этотъ оскорбилъ его; а потому онъ обратился къ дому Сунъ, который не замедлилъ признать его въ званіи князя (ванъ). Мугуй умеръ въ 436-мъ году.

Наслѣдникъ его Мулянъ былъ утвержденъ въ званіи князя домою Сунъ. Домъ Вэй, недовольный потерю вассала, не замедлилъ наказать Тогоновъ. Въ правленіе Тай-уди китайское войско на голову разбило Тогоновъ; Мулянъ со всѣмъ народомъ своимъ бѣжалъ къ западу во владѣніе Бо-ланъ, откуда двинулся далѣе къ западу, овладѣлъ Хотаномъ (въ 445 г.), а затѣмъ и владѣніемъ Ло-бинъ (Бадакшанъ), гдѣ и поселился; всего онъ пространствовалъ внѣ своихъ владѣній семь лѣтъ и возвратился на прежнія земли, пославъ предварительно богатые подарки полководцу южнаго Китая съ просьбою у него помощи. Въ 452 г. ему наслѣдовалъ сынъ Ацаева брата Шулоганя, Шэинъ, который въ первый разъ перекочевалъ въ долину Фу-ло-чуанъ. Наученный горькимъ опытомъ своего предшественника, онъ отправилъ пословъ во дворамъ Вэй и Сунъ, и отъ обоихъ утвержденъ въ званіи князя; послѣ того онъ сталъ дѣйствовать какъ независимый владѣтель, пересталъ платить дань дому Вэй и началъ оказывать неуваженіе. Домъ Вэй, желая поживиться его богатствами, отправилъ противъ него войско, которое впрочемъ на этотъ разъ возвратилось безъ успѣха, не имѣя возможности преслѣдовать его въ южныхъ горахъ. Но слѣдующіе за симъ

походы Китайцевъ (въ 472 г.), сопровождавшіеся грабежомъ и опустошеніемъ полей, заставили Шэиня повернуться и сдѣлаться вновь данникомъ Вэй. Неожиданный переворотъ въ Китаѣ далъ возможность Тогонцамъ пожить и поцарствовать самостоятельно. Въ 524 г. въ царствѣ Вэй произошли междуусобія, слѣдствіемъ которыхъ было прекращеніе всякихъ сношеній сѣвернаго Китая съ западомъ ¹⁾.

Внукъ Шэиня, Куалюй, объявилъ себя независимымъ и, въ первый разъ, принялъ титулъ хана (Кэ-хань); онъ быстро повелъ переустройство гражданскаго быта и военныхъ учреждений; началъ строить города и крѣпости, въ которыя селилъ своихъ номадовъ. Въ составѣ управленія явились, вмѣсто простыхъ старшинъ, министры, цзянь-цзюни и другіе чины и титулы. Одною изъ столицъ его былъ городокъ Фу-сы-ченъ, лежавшій въ 15 ли къ западу отъ озера Кукэ-нора ²⁾; другая столица находилась въ городѣ Мань-тоу-ченъ, лежавшемъ къ с.-в. отъ Цинь-хая въ горахъ того же имени; отъ города Мань-тоу не далеко построенъ былъ городокъ Чи-линь. Тронъ новаго хана, какъ говоритъ исторія, стоялъ на четырехъ львахъ, вылитыхъ изъ золота; Куалюй сдѣлалъ себѣ даже царскій вѣнецъ. Владѣнія его занимали нѣсколько тысячъ ли; границы простирались къ с.-в. до смѣшанныхъ родовъ, называвшихся А-цзы-лу; на югѣ границею былъ городъ Лунь-гэ-ченъ, отстоявшій отъ Ченъ-ду на 1000 ли. По границамъ

¹⁾ Въ это время Тогонами управлялъ Фулян-чоу, который, по замѣчанію Сининь-фу-чжи (описаніе Синина), при Хоу Вэй въ 4-мъ г. правленія Та й-хо возведенъ въ званіе гуна и назначенъ правителемъ области Си-хай-цзюнь; но въ 3-мъ г. правленія Чжень-гуана въ правители этой области пожалованъ былъ владѣтель государства Гао-чѣ (Гао-чанъ? тогдашній Турфанъ); но, какъ видно, онъ носилъ это званіе только номинально. Впрочемъ, можетъ быть, будетъ вѣрнѣе, если Гао-чѣ читать Гао-гюй; тогда это 'будетъ владѣтель одного изъ Трюкскихъ родовъ, жившихъ къ с. отъ Цинь-хая.

²⁾ Г. Пржевальскій, имѣвшій при себѣ «Исторію Тибета и Кукэ-нора» Іакинѣа (откуда мы и беремъ это извѣстіе) и проѣхавшій весьма недалеко отъ этого мѣста, не осматривалъ однако развалины или слѣды этого города, сохранившіеся, по словамъ Китайцевъ, до сего дня.

поставлены были, подъ командою сыновей и братьевъ, четыре большія арміи: первая расположена была въ долинь Цинъ-шуй-чуань, другая—въ Чи-шуй, третья—въ Сяо-хэ, и четвертая—въ долинь Ту-ку-чжень-чуань; самъ же ханъ стоялъ въ долинь Му-хэ-чуань. Но такія пышныя рекламы, приписывающія могущество этому хану, приводятъ все-таки къ грустному концу. Не смотря на то, что Куалюй непреминулъ отправить посольство къ восточному Вэй, Вэйцы въ 1-й годъ правленія Тай-пина (556 г.) вмѣстѣ съ Дулгасцами напали на Тогонъ, заставили хана спастись бѣгствомъ въ горы и забрали два города: Шу-дунъ и Хэ-чжень. Куалюй чувствовалъ себя однако на столько сильнымъ, что произвелъ нападеніе на Китай; но Китайцы не сочли даже нужнымъ защищаться, и Тогоны дѣйствительно возвратились безъ всякаго успѣха. Черезъ нѣсколько времени они снова напали на Лянъ-чжоу; но это уже не обошлось имъ даромъ: Чжоускій Минъ-ди-у-ченъ отправилъ войско подъ предводительствомъ Хэ-лянъ-сяна, который отнялъ у нихъ еще два города, Тао-янъ и Куанъ-хо, изъ которыхъ образовалъ округъ Тао-чжоу. Въ правленіе У-ди Тянь-хо одинъ изъ Тогонскихъ вановъ по имени Мо-чанъ, управлявшій мѣстностію Лунъ-хо, поддался Китаю, и на мѣстѣ его владѣнія учреждена область Фу-чжоу (Минская Тунъ-чанъ-цзюнь). Черезъ два года послѣ этого наслѣдникъ Чжоускій принцъ съ войскомъ дошелъ до столицы Тогоновъ Фу-сы-ченъ; Куалюй, по обычаю, бѣжалъ, оставивъ часть народа, которая была уведена въ плѣнъ. Но самое тяжелое время наступило при Суйской династіи, когда Куалюй напалъ и ограбилъ Кунъ-чжоу. Противъ него въ срединѣ правленія Кай-хуана (581—600 гг.) отправлено было сильное войско; для отпора Куалюй стянулъ всѣ свои силы; по проигравъ два сраженія при Манъ-тоу и Шу-дунъ, онъ, преслѣдуемый по пятамъ витайскою конницею и разбитый на голову, бѣжалъ только со своими приверженцами и лично принадлежавшимъ ему войскомъ. Послѣ этого погрома три-

надцать знатнѣйшихъ князей (ванъ) изъ его поколѣнія подчинились Китаю съ своими родами. Изъ этого мы видимъ какъ слабо привились къ Тогонамъ начала единодержавія и какъ сильно коренились кочевые родовые обычаи; ясно также, что кочевникамъ, привышимъ къ юртамъ и палаткамъ мало помогали города и крѣпости. Бѣжавшіе Тогоны, по возвращеніи, присоединились къ оставшимся и приняли названіе Мужунъ, составивъ, такимъ образомъ, отдѣльный отъ другихъ Тогоновъ родъ. Впрочемъ, яснѣе будетъ, если мы скажемъ, что родъ этотъ всегда существовалъ, но въ это время онъ только выдвинулся изъ ряда другихъ, какъ привилегированный, какъ родъ владѣтельный, связанный непосредственно съ праотцемъ народа. Куалюю наследовалъ сынъ его Фуюнь, который для умилостивленія Китая и для выраженія своей покорности, послалъ во дворъ въ заложники сына своего Шуня. Китайцы оставили у себя заложника, а противъ Фуюня выслали войско. Дважды разбитый Фуюнь, въ страхѣ, съ горстью людей скрылся въ долинахъ южныхъ горъ (Да-цзиши); а народъ его покорился Китаю. Все пространство отъ области Сипинъ и Лянъ-цянъ къ з. до Цѣ-мо, къ в. до Цилянъ (Ки-лень) и къ ю. до горъ Цзи-ши, на протяженіи 4000 ли съ в. на з. и 2000 ли съ ю. на с. досталось Китайцамъ, которые сдѣлались тамъ полными хозяевами (609 г.). Тамъ учреждены были области Си-хай и Хэ-юанъ съ уѣздами; построены укрѣпленія; разставлены гарнизоны, и заведены приплодные табуны лошадей. Фуюнь, не видя возможности возвратиться на прежнія пажити, ушелъ гостить къ Данъ-сянамъ; Китайцы, съ своей стороны, для предупрежденія возмущеній и восстановленія власти Тогоновъ удержали въ Китаѣ заложникомъ Шуня.

Воспользовавшись временемъ паденія Суйской династіи при Янь-ди (605—618 гг.), когда Китай снова раздробился на множество мелкихъ владѣній, поднявшихъ междуусобія, Фуюнь съ сыномъ Шунъ заняли свои прежнія земли, гдѣ утвердился

имъ было тѣмъ легче, что новая Танская династія нуждалась даже въ ихъ помощи противъ мятежниковъ и самозванцевъ. Когда Шунь, приверженный воспитаніемъ къ Китаю, съ своими войсками, помогъ поразить самозванца Ли-гуя, то безпрепятственно принялъ титуль Да-нинъ-вана. При Тай-цзунѣ Ли-ши-минь (627 г.) Тогоны отправили къ Танскому двору посольство, которое Китайцы задержали, не давъ никакого отвѣта, за что Фуюнь напалъ и ограбилъ округи Шань-чжоу, Минь-чжоу и Лянъ-чжоу; но новые успѣхи Китайцевъ заставили состарѣвшася и выжившаго изъ ума Фуюня снова спастись бѣгствомъ и затѣмъ кончить жизнь самоубійствомъ. Съ этимъ вмѣстѣ Тогоны теряютъ навсегда тѣнь своей самостоятельности. Мужунъ-шунь, прожившій долго въ Китаѣ, получившій тамъ воспитаніе и сроднившійся съ китайскою жизнью, принявъ власть, тотчасъ поддался Китаю, который произвелъ его въ правители области Си-нинъ и оставилъ за нимъ званіе хана. За привязанность и подданство Китаю Мужунъ-шунь долженъ былъ поплатиться жизнью: онъ убитъ былъ своими подданными. Только съ помощію китайскихъ войскъ власть надъ Тогонами остается въ родѣ Мужунъ, который Китайцы исключительно принимаютъ подъ свой протекторатъ. Они возстановляютъ власть въ лицѣ сына Шунева, Нохэбо, который держится весьма недолго на ханскомъ престолѣ. Народная ли ненависть къ роду Мужунъ, или внутреннее безсиліе заставило Тогоновъ склониться на сторону Туфаней, которые, не смотря на усилія Китайцевъ, пораженныхъ въ долинѣ Да-фэй-чуань, уничтожаютъ владычество Тогоновъ въ Кукэ-норѣ (670 г.). Нохэбо, спасшійся съ нѣсколькими тысячами палатокъ изъ своего рода, то-есть, Мужунъ, въ 3-й годъ правленія Сянь-хэна (672 г.) переселился на южный берегъ рѣки Хаомунъ, въ Шань-чжоу, и уже не смѣлъ оказать ни малѣйшаго сопротивленія усиливавшемуся Туфанямъ; но такъ какъ въ Шань-чжоу ему было тѣсно, то онъ перекочевалъ въ Линъ-чжоу, которое переименовано было въ Ань-ло-чжоу, и назначенъ тамъ правителемъ

съ званіемъ цы-ши. Остальные роды Тогоновъ перешли въ округи Лянъ-чжоу, Гань-чжоу, Су-чжоу, Гуа-чжоу и Ша-чжоу и поддались Китайцамъ. Между тѣмъ во 2-й годъ правленія Юнь-луна (681 г.) Туфанскій военачальникъ Цзанъ-по открылъ военныя поселенія въ Кукэ-норѣ, но былъ выгнанъ Хэ-юаньскимъ Дао Хэй-чжаномъ. При Юань-цзунѣ еще нанесено было нѣсколько поражений Туфанямъ въ Цинъ-хай китайскими правителями (цзѣ-ду-ши) Ванъ-чжунъ-и и Ванъ-чжуанъ-сы. Во время этой борьбы съ Туфанами Китайцы не переставали заботиться объ участи и удобствахъ переселившихся новыхъ подданныхъ; министры и главнокомандующіе разсудили переселить Тогоновъ въ округи Цинъ, Лунъ, Фынъ и Лянъ-чжоу съ тѣмъ, чтобы они не смѣли переходить назначенныя для нихъ предѣлы. Лянъ-чжоускій ду-ду протестовалъ противъ этого въ тѣхъ видахъ, что при новомъ переселеніи имъ пришлось бы жить смѣшанно съ Китайцами, среди казенныхъ пастбищъ, и что людямъ, бѣжавшимъ отъ Туфаней къ Китаю, нужно оказать нѣкоторые уступки сообразно съ ихъ желаніями, почему они и оставлены на прежнихъ мѣстахъ. При Мужунъ Чжао Туфани завладѣли Ло-чжоу, и обезсилѣвшій родъ Мужунъ (въ 798 г.) долженъ былъ перекочевать въ Шо-фанъ, то-есть, на сѣверъ за границу, гдѣ жители Хэ-дунъ, то-есть, провинціи Шанъ-си, дали имъ ошибочную кличку, отыскающуюся между тѣмъ и злымъ сарказмомъ: Туй-хунъ (то-есть, отступившіе или бѣжавшіе). И здѣсь владѣтели изъ рода Мужунъ продолжали именоваться правителями (ду-ду) округа Ло-чжоу и владѣтелями Кукэ-нора (Цинъ-хай-го-ванъ) съ титуломъ хана. Мужунъ-фу былъ послѣдній, и съ нимъ наслѣдіе власти прекратилось; вмѣстѣ съ тѣмъ кончилась и исторія Тогоновъ, по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что она въ теченіе почти 300 послѣдующихъ лѣтъ не представила ничего такого, чтобы могло быть занесено на страницы лѣтописей.

Въ послѣдующей исторіи Китая и возвысившейся импе-

ріи Туфаней, выступаютъ въ этихъ краяхъ на сцену разныя поколѣнія и даже играютъ нѣкоторую роль Юэ-чжи, также потерявшіе свою исторію; но о Тогонахъ ни слова. Въ дальнѣйшихъ историческихъ памятникахъ первое и послѣднее упоминаніе о существованіи Тогоновъ относится къ половинѣ X-го вѣка, то-есть, ко времени расширенія владычества Киданей на западѣ. Тогоны, какъ видно, жили тогда на занятыхъ, при послѣднемъ переселеніи, мѣстахъ и считались мирными данниками Киданей на ряду съ своими сосѣдями Тувюэсами и Таньсянами. Впрочемъ, узы данничества или подчиненія Киданямъ были вѣроятно не слишкомъ крѣпки, по отдаленности центральной власти; потому что въ 941 году Тогоны (Ту-гу-хунь), жившіе на сѣверъ отъ Я-мынь-гуань, вмѣстѣ съ Тувюэ, Хунь-ци-ми и Шато, соединившись съ Таньсянами предлагали Цзиньскому императору выставить 100,000 войска для того, чтобы общими съ нимъ силами напасть на Киданей; но послѣдній не согласился (Исторія и древности вост. части Средней Азіи, Васильева, стр. 18 и 25).

Послѣ этого Тогоны окончательно погружаются безслѣдно въ безконечное море исторіи, протянувъ свое существованіе почти на 700 лѣтъ и бывъ постоянно въ зависимости и гнетѣ отъ сосѣдей.

О. Іакинѣвъ въ примѣчаніи къ стр. 137 «Исторіи Тибета и Хухэнора» утверждаетъ, что «только небольшая часть Тогонскаго народа, находившаяся при ханѣ въ послѣднемъ его несчастномъ положеніи, выселилась въ витайскія области. Поколѣнія прочихъ князей, кочевавшія по пространству Кухэнора, всѣ остались на прежнихъ земляхъ и поступили въ подданство Туфаньской имперіи, подобно южнымъ ихъ сосѣдямъ — поколѣніямъ Дансянскимъ. Въ послѣдующее время Тибетцы производили войну съ Китаемъ по большей части съ одними только Дансянскими и Тогонскими войсками, присоединяя къ нимъ и потомковъ отъ витайскихъ плѣнниковъ». Это утвержденіе знаменитаго синолога не имѣетъ ров-

но никакихъ основаній въ исторіи, и кромѣ того, прямо противорѣчитъ приведенному нами выше указанію о выселеніи остальныхъ Тогонскихъ родовъ на сѣверъ за южныя горы въ округи Лянь-чжоу, Гань-чжоу, Су-чжоу и проч. На основаніи общаго историческаго закона можно допустить только предположеніе, что Тогонцевъ осталось въ Кукэ-норѣ самое ничтожное количество не желавшихъ переселенія, или же не имѣвшихъ средствъ и возможности слѣдовать за своими собратьями, или наконецъ въ видѣ рабовъ, оставленныхъ нахлынувшюю массою Туфаней ¹⁾.

Поволѣніе Туфаней, овладѣвшихъ Кукэ-норомъ и основавшихъ независимое владѣніе подъ именемъ Туботъ, по предположенію историковъ происходитъ отъ нѣкоего Туфы-лигулу, почему и все поволѣніе называлось Туфань (Исторія Тибета и Хухэнора, II, стр. 121). Политическое существованіе ихъ превосходно характеризуется нѣсколькими фразами, сказанными китайскими писателями въ похвалу и панегирикъ имъ. «Потомки Туфаней были вѣрными защитниками и хранителями западныхъ границъ (Китая); владѣтели ихъ ни разу не рѣшились ни на грабежь, ни на возмущеніе (противъ Китая); напротивъ, постоянно присоединяли свои силы къ императорскимъ войскамъ и неоднократно грабили и разбивали Ся. Въ продолженіе трехъ царствованій Си-нинъ, Юань-фу и Чунъ-нинъ, они три раза воевали противъ государства Ся. Дѣти и внуки фамиліи Цзё, или Го (Госыло) по истинѣ виновны въ своей гибели; виновны враги ихъ Цзиньцы». (См. Вэнь-сянь-тунъ-као). Около 1001 г. Туфанскіе или Тибетскіе роды для противодѣйствія Дансянамъ соединяются подъ власть одного старшины по имени Паньлочжи, который тот-

¹⁾ Въ словѣ Ту-фань, чтеніе звука фань, на основаніи лексическихъ указаній, можно перемѣнить въ бу, или бо, и въ такомъ случаѣ легко откроется названіе Ту-бу, или Ту-бо (Туботъ), какъ и называлось основанное этимъ народомъ владѣніе; но мы оставляемъ чтеніе Туфань, какъ болѣе извѣстное и общепринятое.

часъ же становится злѣйшимъ и самымъ опаснымъ врагомъ своихъ единокровцевъ, основавшихъ государство Ся. Онъ вступаетъ въ союзъ съ Китайцами и, защищая свою независимость, борется и разбиваетъ на голову Сяскаго владѣтеля Тобуцзи-цзяня, за это получаетъ отъ витайскаго двора почетный титулъ. Послѣ Паньлочжи, убитаго возмущившимися старшинами двухъ подвластныхъ ему родовъ, власть принимаетъ братъ его Сыдоду, послѣ котораго вскорѣ усиливается родъ Госыло (Цзѣ-сы-ло), который, по Сининь-тунь-чжи, владѣть Кукэ-норомъ въ теченіе времени Сунской и Юаньской династій, подъ общимъ названіемъ Си-фанъ, то-есть западныхъ Фаней, съ которыми уже при Минской династіи сталкиваются тамъ шайки бродячихъ Монголовъ. Главою рода является Госыло, или Го-срай (см. Васильева, Ист. и древн. Средн. Азіи, стр. 93), въ сообществѣ съ Ли-цзунемъ, изъ рода Цзунь-гэ и Вэнь-пу-гэ. Быстрое усиленіе этого рода, и отважное сопротивленіе онаго Сяскому Чжаодэмину заставляютъ витайскихъ пограничныхъ воеводъ, относившихся подозрительно въ кочевой политикѣ, раздѣлиться въ своихъ представленіяхъ ко двору. Одни совѣтовали парализовать успѣхи Го-срая; другіе напротивъ хлопотали о томъ, чтобъ ему были оказаны всякое содѣйствіе и вниманіе. Но это были только пустя слова, потому что Китайцы были совершенно безсильны для того, чтобы такъ, или иначе вліять положительно на усиливавшійся родъ, дѣятельность коего безусловно опредѣлялась самымъ положеніемъ дѣлъ. Естественнымъ и уже извѣстнымъ врагомъ Го-срая было владѣніе Ся, почему онъ долженъ былъ склониться къ Китаю, чтобы общими силами прекратить движенія онаго на югъ, въ предѣлы Тубота.

Столицею Го-срая былъ городъ Цзунь-гэ, отъ коего предѣлы владѣній его простирались къ ю.-в. до Юнь-нинъ на 915 ли; къ с.-в. до Си-лянъ-фу на 500 ли; къ с.-з. до Гань-чжоу на 500 ли; къ в. до Лань-чжоу на 300 ли; къ ю. до Хэ-чжоу на 415 ли; еще къ в. до Канъ-гу на 550 ли; къ ю.-з.

до Цинъ-хая на 400 ли; и еще къ в. до новаго Вэй-чжоу на 1890 ли. Около 1016 г. Госрай, вслѣдствіе неудачъ Ли-цзуня, отдѣлился отъ него и поселился въ Мао-чуанѣ; это раздѣленіе повлекло за собою пѣсколько неудачъ. Новый помощникъ его, или министръ Вэньпугэ заключилъ Госрая въ подземелье, откуда послѣдній успѣлъ однако освободиться и, убивъ коварнаго Вэньпугэ, переселился въ Цинъ-Тань. Вслѣдъ за симъ противъ него возстаетъ Тоба Юань-хао (1035 г.) и заставляеть его бѣжать въ Шань-чжоу; откуда Госраю удается оттѣснить и разбить врага, и присоединить къ себѣ всѣ его пріобрѣтенія, а равно и обогатиться привлеченіемъ торговыхъ людей къ своей резиденціи въ городище Лянъ-гу-ченъ, чрезъ который шло торговое сообщеніе съ Куэ-норомъ и владѣніемъ Гаочанъ (Кашгаръ), а оттуда и со всѣмъ восточнымъ Туркестаномъ. Оправившись такимъ образомъ, онъ въ 1058 г. покоряеть Тибетскіе роды Лунъ-пу, Гунъ-ли и Ма-ду, и вступаетъ въ дружескія сношенія съ Киданями, отъ коихъ получаетъ царевну въ замужество сыну своему Дунъ-чжаню.

Но эти успѣхи въ разширеніи власти, добрыя отношенія и родство съ сильными тогда Киданями отвлекли вниманіе Госрая отъ скрыто глѣвшаго въ его собственномъ семействѣ раздора. Какъ пришлецъ, Госрай (см. Исторію Тибета и Хухэнора, II, стр. 141), всѣ роды и все владѣніе свое получилъ можно сказать, въ приданое за женами, которыхъ имѣлъ три. Мать наслѣдника его Дунъ-чжана была по фамиліи Цяо, а другія двѣ были дочери Ли-цзуня, по смерти коего онѣ были пострижены въ монахини; вслѣдствіе этого сыновья ихъ, Сяо-чжанъ и Мо-чжанъ-го, съ сообщниками освободили матерей и бѣжали въ Цзунъ-гэ, гдѣ (въ 1038 г.) основали отдѣльное владѣніе, утвержденное китайскимъ дворомъ. Но это отдѣленіе было только видимое, потому что необходимость самосохраненія скоро заставила ихъ прибѣгнуть подъ защиту Госыло. При сынѣ его, Дунъ-чжанѣ, произошелъ новый раздѣлъ около 1060 г. Братъ матери его Ся-у-ни и другіе роды обра-

зовали отдѣльныя владѣнія, такъ что у Дунь-чжана остались только земли на с. отъ Хуань-хэ; это однакожь не помѣшало его могуществу и стараніямъ обезсилить Сяцевъ. Въ 1070 г. онъ вторгается въ предѣлы Ся, присоединяетъ къ себѣ нѣсколько родовъ Цяновъ, подчинившихся Сяцамъ, и, такимъ образомъ, по китайскому выраженію, отсѣкаетъ у послѣднихъ правое плечо. Въ 1081 г. онъ присоединяется съ 150,000 воиновъ къ Китайцамъ противъ Ся, что заставило ихъ вступить съ нимъ въ дружественныя отношенія и дать обѣщаніе отрѣзать часть земель, отъ чего онъ однакожь отказался. Дунь-чжаню наследовалъ пріемный сынъ его Алигу, хотанскій уроженецъ, который не могъ понравиться своимъ подчиненнымъ какъ чужестранецъ и какъ человѣкъ жестокій; поэтому старшины родовъ постепенно отдѣлялись отъ него и уходили на южный берегъ Хуань-хэ. Это продолжалось и при пріемникѣ его Ся-чженѣ, который также отличался жестокостію и, наконецъ, вынужденъ былъ поддаться Китаю. Но Китай уже не въ силахъ былъ оградить независимость Тубота отъ усилившихся Цзиньцевъ, полководецъ воихъ У-чжу въ 1130 г. покоряетъ ихъ власти всѣхъ Амдоскихъ Цяновъ, или Туфаней.

Обычай этого народа Китайцы представляютъ въ слѣдующемъ видѣ: они любили благодѣянія и цѣнили богатство; не имѣли опредѣленнаго счисленія времени; торговлю вели мѣнвою, употребляя вмѣсто денегъ хлѣбъ и скоть. Платья носили съ оторочками изъ тигровыхъ и барсовыхъ шкуръ; исповѣдывали буддійскую вѣру; не имѣли понятія о лѣкарствахъ; для лѣченія же болѣзней приглашали знахарей, при чемъ зажигали дрова и били въ барабаны, что называлось изгнаніемъ духовъ; вѣрили наговорамъ и заклинаніямъ. Если при рѣшеніи дѣлъ рождалось сомнѣніе, то прибѣгали къ ворожбѣ. Изложенія дѣлъ для представленія владѣтелю писали на полотнѣ; важныя же дѣла излагали на дорогихъ тканяхъ. Виновныхъ наказывали плетью, розгами и тюремнымъ за-

ключеніемъ; любили ѣсть все въ сыромъ видѣ, безъ всякихъ приправъ, уксуса и сои; только прибавляли для вкуса соль, и запивали водкою и чаемъ; жили въ деревянныхъ строеніяхъ; болѣе же достаточные люди покрывали ихъ еще войлоками (см. Вэнь-сянь-тунъ-као; варианты см. у Гакинеа въ Исторіи Тибета и Хухэнора, II, стр. 148 и 149).

Обходя конецъ Цзипъской династіи и пропуская весь періодъ исторіи Юаньской или Монгольской династіи, за немѣнимъ свѣдѣній объ историческомъ положеніи Куэ-нора, мы вступаемъ въ эпоху династіи Минъ, когда начинается быстрое передвиженіе туда Монголовъ и затѣмъ Элютовъ, или Ойратовъ. Происхожденіе и исторія Монголовъ намъ уже болѣе или менѣе извѣстны изъ сочиненій нашихъ и иностранныхъ ученыхъ; свѣдѣнія же объ Ойратахъ весьма бѣдны и едва ли не заключаются въ одной только книгѣ о Гакинеа: «Историческое обозрѣніе Ойратовъ», если не брать во вниманіе замѣтокъ Палласа и разбросанныхъ указаній мусульманскихъ писателей; поэтому мы позволимъ себѣ заняться объясненіемъ, на сколько будетъ возможно, происхожденія и исторіи этого народа еще до выселенія части онаго въ Куэ-норъ.

Всѣ свѣдѣнія китайскихъ писателей объ этомъ народѣ относятся не ранѣе, какъ къ періоду Минской исторіи, и легко могутъ быть сведены въ слѣдующимъ результатамъ: «О-лу-тэ (Ойраты) въ прежнія времена раздѣлялись на четыре рода, или отдѣла, подъ названіями: Хошоты изъ фамиліи Борчжигитовъ, Чжуньгары и Турботы, или Дурботы изъ фамиліи Чжо-лосы (Чжоросъ), и Тургуты — неизвѣстной фамиліи. Роды эти поставляли своихъ старшинъ и назывались четыре (сы) Ойрата, что въ переводѣ на китайскій языкъ значитъ четыре большіе отдѣла или рода, имѣвшіе отдѣльныхъ хановъ. Вообще же они носили названіе просто О-лу-тэ, извѣстныхъ въ Минской исторіи подъ именемъ Ва-ла, или О-ла, ошибочно производимыхъ отъ монгольскаго героя Мин-

скихъ временъ А-лу-тая. Не извѣстно также на какомъ основаніи предкомъ Ойратовъ считается То-хуань (Тогонъ) тайши. Монголы (Юань) въ самомъ началѣ, основавъ свои столицы (ду), или вѣдомства на р. Ту-ла (Тола) и другихъ мѣстахъ, учредили четыре пастбища, простиравшіяся съ в. на з. на нѣсколько десятковъ тысячъ ли; самое западное пастбище занимало земли нынѣшнихъ О-лу-тэ (Ойратовъ). Сами же Ойраты были пастухами — рабами прежнихъ Монголовъ, и представляли самый низшій классъ народа; когда же домъ Юань палъ и ослабѣлъ, Ойраты усилились и отложились отъ Монгольскихъ владѣтелей. Изъ записокъ Фанъ-гуанъ-чена и Сунъ-мо-цао, Минскихъ временъ, видно, что Чжунгары были, принадлежавшіе Монголамъ, Ойраты. Когда Юани учредили четыре отдѣла пастбищъ — для верблюдовъ, лошадей, коровъ и овецъ, то на долю Чжунгаровъ досталось пасти лошадей на сѣверо-западной границѣ; нынѣ Чжунгаровъ насчитывается 49-ть фамилій; большая часть изъ нихъ суть потомки Юаней, хотя они всѣми мѣрами стараются скрыть это; языкъ ихъ и образъ начертанія письменъ сходны съ Монгольскими».

«Есть еще родъ Хуй-тэ (Хойта) изъ фамиліи Икэ Минганъ — весьма небольшой, принадлежавшій сначала Турботамъ: но послѣ, когда Тургуты выселились въ русскіе предѣлы, Хойты вошли въ счетъ четырехъ Ойратовъ. Въ Шэнь-у-цзи указывается на слѣдующее размѣщеніе Ойратовъ: сначала Чжоросъ владѣли Или; Хошоты управляли Урумци; Турботы жили въ Эрцзисы (по Иртышу); а Тургуты — въ Ярѣ. Когда Тургуты ушли къ сѣверу, Хойта заняли ихъ мѣсто; по переселеніи Хошотовъ къ востоку, въ Цинъхай, или Кукэ-норъ, на мѣстахъ ихъ, въ Урумци, поселились Чжунгарскіе Тай-цзи. Въ срединѣ правленія Цянълуна, когда Сань-церенъ, Намоку и Амурсана поддались Китаю и просили отвода земель для поселенія, императорскимъ указомъ повелѣно было выждать полного умиро-

творенія Чжуньгаровъ и потомъ снова возстановить четыре Ойрата, дабы сохранить ихъ роды неприкосновенными.

«Такимъ образомъ Хошоты, Чжуньгары, Турботы и Тургуты суть древніе Минскіе четыре ойрата; Хошоты, Чжуньгары, Турботы и Хойта суть четыре ойрата, существовавшіе до открытія и учрежденія новой линіи (синь-цзянь); Турботы, Хошоты, Хойта и Чжорось суть четыре ойрата, возстановленные по высочайшему желанію Гао-цзунна, то-есть Цянь-луна. По успокоеніи подошвы Тянь-шаня и по возвращеніи Убаши (?), Ойратовъ, по перечисленіи, оказывалось шесть: собственно Элюты или Ойраты, Хошоты, Хойта, Чжорось, Турботы и Тургуты; но въ сущности ихъ было только три: Хошоты, Турботы и Тургуты; самый же важный (общій) ихъ родъ, съ Минскихъ временъ и до настоящихъ, былъ только одинъ, который можно назвать: Ойратскіе Монголы» (см. Мэнъ-гу-ю-му-цзи).

Въ добавленіе считаемъ нелишнимъ привести здѣсь извѣстіе изъ Минской исторіи, съ котораго она начинается по вѣствованію объ Ойратахъ: «Вала, или У-ла есть поколѣніе Монгольское. Оно находилось къ западу отъ Да-дань (которые помѣщались, какъ видно, въ мѣстности Хо-линь)¹⁾. Послѣ гибели монгольской династіи одинъ изъ сильныхъ вельможъ, по имени Мэнкэ-Темуръ, завладѣлъ Ойратами, которые по смерти его раздѣлились на три вѣтви, поставившія трехъ отдѣльныхъ начальниковъ: Махаму (Махмудъ)²⁾, Тайпинъ и Батуборо», и т. д.

Изъ всѣхъ этихъ указаній, которыя, какъ сказано выше, составляютъ сущность китайскихъ извѣстій, безъ всякихъ оговорокъ должно вывести только одно заключеніе, что Китай-

¹⁾ Подъ именемъ Да-дань здѣсь разумѣются, какъ увидимъ ниже, кровные Монголы, по изгнаніи ихъ изъ Китая.

²⁾ Это имя и другое, встрѣчающееся въ Алтанъ-тобчи, стр. 179, въ названіи ойратскаго Исманла-тайджи, свидѣтельствуютъ о существованіи въ то время магометанства среди Ойратовъ.

цы не имѣли никакого точнаго и опредѣленнаго понятія объ Ойратахъ и собрали только позднѣйшія сказанія, на которыхъ весьма замѣтно отразились административныя выдумки и распоряженія, появившіяся не ранѣе какъ при настоящей династіи, столь живо заинтересовавшейся сѣверо-западнымъ краемъ и имѣвшей крайнюю необходимость хоть чѣмъ-нибудь пополнить пробѣлы въ исторіи этого края. Съ какою успешностію пополнялись эти пробѣлы — видно изъ того, что о коренномъ происхожденіи Ойратовъ не сказано ни слова, и Ойраты временъ до-монгольскихъ и даже монгольскихъ совершенно исчезли изъ памяти Китайцевъ. Размѣщая Ойратовъ исключительно въ нынѣшней Чжунгаріи — въ Или, Урумци, Эрцзисы (Иртышъ) и Ярѣ, администраторы, а за ними и составители свѣдѣній забыли о томъ, что часть народа Ва-ла, или У-ла-тэ еще при началѣ Минской династіи осѣла въ сѣверу отъ великой стѣны и въ западу отъ Гуй-хуа-чена; а это извѣстіе помѣщено однакоже въ оффиціальному источнику — И-тунъ-чжи (государственная географія), составленномъ при Канси. Чтобы не возвращаться къ нему впослѣдствіи, мы приведемъ здѣсь это извѣстіе: «Родъ Ва-ла (У-ла), или У-ла-тэ ¹⁾ раздѣленъ на три знамени: переднее, среднее и заднее: всѣ они расположены въ долинѣ Тѣ-чжу (железной колонны), по монгольски называемой Хадамаръ, которая лежитъ отъ Гуй-хуа-чена въ з. въ 360 ли. Къ востоку родъ этотъ граничитъ съ Мао-минъ-ань, въ з. съ Ордосомъ, къ ю. съ Хуанъ-хэ, текущей по границѣ Ордоса; къ с. съ Халкою. Отъ прохода Ша-ху-коу до У-ла-тэ считается 900 слишвомъ ли, гдѣ проходитъ одна дорога со станціями. У-ла-тэ завладѣли этою мѣстностью при началѣ Минской династіи; при настоящей династіи въ 7-й годъ правленія Тянь-

¹⁾ По указанію Мэнь-гу-ю-му-цзи эти У-ла-тэ, или Ойраты, суть отдѣлъ потомковъ брата Чинизъ-ханова Чжучи-Хасара, составившихъ родъ Хошотовъ. Потомокъ Хасара въ 16-мъ колѣнѣ, по имени Бурхай, первый переселился въ эти мѣста (см. Мэнь-гу-ю-му-цзи въ главѣ объ У-ла-тэ).

цуна (1632 г.) ихъ тайцзи Омубу-тумынь-дарханъ явился ко двору и пожалованъ былъ въ наследственные чжень-го-гуны, а подданные его раздѣлены на указанныя три знамени. Съ данью они приходятъ чрезъ проходъ Ша-ху-воу. «Къ востоку отъ У-ла-тэ въ 35 ли находятся горы Цзюй-янь-шань, по монгольски называемыя Кунь-ду-лунь; къ с.-з. въ 240 ли лежатъ горы Инь-шань, по монгольски называемыя Качжарь (Гацзарь), которыя тянутся до Гуй-хуа-чена (къ с.-в. отъ него) подъ разными мѣстными названіями. Къ с. отъ этихъ знаменъ въ 200 ли протекаетъ рѣка Хэй-хэ, по Монгольски Хара-мурень ¹⁾, вытекающая изъ предѣловъ Мао-минъ-ань и на ю.-з. впадающая въ Хуанъ-хэ» (см. Дай-цинъ-и-тунъ-чжи, Вай-фань).

Всего же болѣе поражаетъ насъ въ китайскихъ свѣдѣніяхъ объ Ойратахъ этнографическое дѣленіе ихъ на роды или отдѣлы и усиліе заставить Ойратовъ быть въ количествѣ четырехъ (Сы О-лу-тэ), отзывающіяся несомнѣннымъ и полнѣйшимъ отсутствіемъ критики и видимымъ давленіемъ административныхъ и богдоханскихъ распоряженій. Первымъ дѣломъ Китайцы совершенно ошибочно вносятъ въ число отличительныхъ этнографическихъ понятій, характеризующихъ роды Ойратовъ, общее понятіе Чжунгарь и приурочиваютъ къ оному произвольно придуманный родъ Ойратовъ подъ именемъ Чжунгаровъ. Давно ужъ извѣстно, что именемъ Чжунгарь, правильнѣе Цзунъ-гарь (лѣвая рука, или сторона), во времена Чингисъ-хана называлось лѣвое крыло его войска, или вѣрнѣе, подчиненныхъ ему и состоявшихъ на его службѣ родовъ, въ число коихъ, можно считать почти несомнѣннымъ, не включались еще тогда Ойраты. Мы уже не будемъ распространяться здѣсь о томъ, что какъ тогда, такъ и въ на-

¹⁾ Такимъ образомъ упоминаемую у Рашидъ-эд-Дина, въ отдѣлѣ о Турецкихъ и Монгольскихъ племенахъ, стр. 114, рѣку Хара-мурень нѣтъ необходимости считать за Хуанъ-хэ, какъ это дѣлаетъ г. Березинъ въ своемъ примѣчаніи.

стоящее время, каждый родъ или аймакъ имѣлъ и имѣеть свое цзунъ-гарь или лѣвое крыло; въ такомъ случаѣ пришлось бы найти много Чжунъгаровъ, по крайней мѣрѣ въ административной номенклатурѣ. Такой же произволь и поверхностный взглядъ руководить усилиями китайскихъ писателей отыскать непременно четыре Ойрата, хотя сами находятъ ихъ то шесть, то три, то наконецъ одного. Для этой цѣли они жертвуютъ всѣми правилами здраваго смысла: составляютъ произвольное дѣленіе родовъ и смѣшиваютъ родовыя понятія съ видовыми. Когда Тургуты выселяются въ Россію, ихъ мѣсто въ числѣ четырехъ занимаютъ Хойта, хотя достоверно извѣстно, что Тургуты далеко не всѣ вышли въ Россію, и часть ихъ, какъ увидимъ ниже, выселилась послѣ въ Кукэ-норъ. Хошоты удаляются въ Цинъ-хай: на ихъ мѣсто зачисляются Чжорось, — фамилія, давшая начало двумъ родамъ: Тургутъ и Чжунъгаръ, — хотя извѣстно также, что часть Хошотовъ участвовала въ 1643 г. въ походѣ Батура-хонь-тай-цзи противъ Киргизъ-кайсаковъ (см. Іакинѣа, Истор. обзор. Ойрат. народа, стр. 55). Упомянутое о четырехъ Ойратахъ (Дурбэнь-ойратъ) находимъ и у Сананъ-Сэцэна тотчасъ по изгнаніи Монголовъ изъ Китая; но мы несколько не задумываемся усомниться въ этомъ сказаніи, какъ мнѣніи писателя позднѣйшаго, при которомъ коренныя сказанія и преданія Ойратовъ могли смѣшаться и забыться, и который могъ пользоваться позднѣйшими источниками въ духѣ китайскомъ. Сомнѣніе свое мы основываемъ пока на полнѣйшемъ молчаніи объ этомъ дѣленіи Ойратовъ Минской исторіи и монгольской лѣтописи «Алтанъ-тобчи».

О. Іакинѣа, пользовавшійся исключительно китайскими источниками въ своемъ «Историческомъ обзорѣніи Ойратовъ», естественно впалъ въ тѣ же ошибки и неопредѣленности; кромѣ того, что у него первоначально являются только три поколѣнія Ойратовъ—Чорось, Хошотъ и Торготъ, къ которымъ уже впоследствии присоединяется домъ Дурботъ, и

тогда уже является полное число четырех Ойратовъ (стр. 14 и далѣе). Затѣмъ, въ примѣчаніяхъ его (стр. 14 и 17) явно проглядываетъ мысль объ обособленіи Элютовъ—поколѣнія, будто бы принадлежавшаго Элютею, славному своею силой и храбростію въ борьбѣ съ Ойратами и Китайцами. Когда ойратскій Тогонъ убилъ Элютея и присоединилъ его народъ, то «поволѣніе Элютовъ еще было столь многочисленно, что по присоединеніи онаго къ Ойратамъ начали всѣхъ Калмыковъ ¹⁾ (то-есть, Ойратовъ же) называть Чжунгар-

¹⁾ Имя народа Калмукъ, или вѣрнѣе, Калмакъ встрѣчается у мусульманскихъ писателей XV и XVI вѣковъ; но это нисколько не должно соблазнять насъ относительно времени появленія нашихъ Калмыковъ. Свѣдѣнія о Калмукахъ и Калмакахъ представляются въ слѣдующемъ видѣ: Арабъ-шахъ, умершій въ 1451 г., въ биографіи Тамерлана упоминаетъ о Калмукахъ, описывая безпорядки, произшедшіе по смерти Тамерлана (1405). Дегинъ переводитъ это мѣсто такъ: «Les Calmouks et tous les autres peuples voisins prirent les armes et s'emparèrent des pays qui étaient à leur bienséance» (см. Deguignes, Histoire des Huns V. 77). Полковникъ Yule въ своемъ «Cathay and the way thither», p. 525, приводитъ извѣстія мусульманскихъ писателей XV и XVI в., пишетъ, что Ависъ-ханъ, жившій въ началѣ XV в. (ум. въ 1428 г.) и владѣвшій Джетами, занявшими въ то время западную часть Восточнаго Туркестана и Или, во все время своего царствованія велъ неудачную борьбу съ своими восточными сосѣдями Калмаками (Kalmaks). Юль приводитъ также извѣстіе, что въ 1421 г. посланцы Гератскаго султана Шахъ-Рока видѣли въ Пекинѣ Калмаковъ (Qalmaks). Полное описаніе этого посольства въ переводѣ помѣщено въ The Indian Antiquary, vol. II. March. 1873. Bombay; vid. An Embassy to Khata or China. A. D. 1419. Въ 1421 г. въ день новаго года, когда представлялись ко двору Китайскаго императора посланцы разныхъ странъ, говорится, что «in that camp nearly 100.000 men from the countries of Chin, Maha-Chin, Qalmaq, Tibbet and other had congregated. (Въ Notices et extraits des Manuscrits page 413. Нѣтъ упоминанія о народахъ, присутствовавшихъ на торжествѣ; сказано только, что было около 100 т. человекъ). Смутное и предположительное свѣдѣніе о Калмукахъ записано также D'Herbelot, Bibliothèque Orientale, page 436, подъ словомъ: Jagiougé et Magiougé: Gog et Magog, dont la postérité, qui descend de Japhet, habite les pays les plus septentrionaux de l'Asie. Ebn Alovardi dans son livre intitulé «Khiradat al-agiab», parlant de ces pays, dit: «L'on trouve les peuples de Gog et Magog dans les plus haut du septentrion, après avoir traversé le pays des Kalmakiens et celui des Seclables». Les premiers de ces peuples sont les Tartares, que nous appllons aujourd'hui Calmouques. Les seconds sont les Chalybes des anciens, que nous appllons Slaves ou Esclavons. etc... Всѣ эти свѣдѣнія привели однакожъ полковника Юля къ тому заключенію, что вопросъ о народности и времени появленія Калмыковъ остается темнымъ, съ чемъ мы совершенно согласны до тѣхъ поръ, пока не

скими Элютами». Очевидно, что это есть личная, ни на чем не основанная, догадка нашего знаменитаго синолога, естественно явившаяся у него вслѣдствіе внезапнаго исчезновенія въ китайской литературѣ древняго имени Валя или Ула и замѣны его словомъ Элють (О-лу-тэ), по звуку чрезвычайно сходнымъ съ именемъ А-лу-тай (Элютэй). Но, во первыхъ, имя этого вельможи испорчено въ китайской транскрипціи и читается собственно Аруктай (см. Алтанъ-тобчи, стр. 159); во вторыхъ, о поволеніи Элють, какъ происходящемъ отъ Элютея, нигдѣ не упоминается, хотя видно, что Аруктай управлялъ большимъ аймакомъ, и третьихъ наконецъ, Ойраты въ то время на столько были сильны, что невозможно допустить такой этнографической перемѣны. Мы вполне согласны съ мнѣніемъ Китайцевъ, что Элють есть искаженіе имени Ойратъ.

Съ гораздо большею неосмотрительностію поступилъ о. Такинеъ, взявшись опредѣлить происхожденіе Ойратовъ. Не найдя объ этомъ предметѣ ничего у китайскихъ писателей, онъ взялъ за основаніе аналогію мѣстонахожденія нѣкоторыхъ древнихъ народовъ съ мѣстомъ жительства Ойратовъ и поставилъ самымъ простымъ образомъ послѣднихъ въ родовую связь и зависимость отъ народовъ древнихъ. Такимъ образомъ у него вышло, что «поволенія Усунь, Тулэ и Жужань должно почитать коренными предками нынѣшнихъ Калмыковъ (Ойратовъ тоже), не смотря на то, что Тарбагатай и до Р. Х. былъ обитаемъ Монгольскими поволеніями изъ дома Гунновъ». Если и можно допускать аналогію мѣстонахожде-

оправдается высказанное нами предположеніе, что поминутые у мусульманскихъ писателей Калмаки не тотъ народъ, и что настоящіе Калмыки суть тѣ, о происхожденіи коихъ имѣются ясныя указанія въ китайской исторіи. Впрочемъ вопросъ этотъ рѣшенъ, по видимому, положительно замѣчаніемъ профессора Григорьева, что «Ойраты у мусульманскихъ писателей извѣстны были подъ именемъ Калмыковъ» (см. Григорьева, Дополн. къ Вост. Туркест. Риттера, т. IX, стр. 351); но для полной ясности замѣчанія остается рѣшить вопросъ, когда впервые принято было это названіе для Ойратовъ.

нія, какъ основаніе для опредѣленія родовыхъ отношеній между народами, то только тамъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда исторія представитъ на это несомнѣнные связующіе факты. Въ данномъ же случаѣ мы имѣемъ дѣло съ народами кочевыми, за которыми исторія не могла услѣдить. Для примѣра мы возьмемъ Усуней, которыхъ о. Іакинѣвъ останавливаетъ въ Чжунгаріи или въ Тарбагатаѣ, и которыхъ мы выше видѣли жившими въ періодъ между Циньской и Ханьской династіями въ древнемъ округѣ Гуа-чжоу или нынѣшнихъ областяхъ Су-чжоу и Ань-си; будетъ ли какое-нибудь основаніе для родовой связи нынѣшнихъ обитателей показанныхъ областей съ Усунями. или же какая-нибудь возможность вывести Ойратовъ изъ Гуа-чжоу или Су-чжоу? При томъ быстромъ передвиженіи древнихъ народовъ и еще болѣе быстромъ исчезновеніи ихъ, на которыя указываетъ исторія, нѣтъ основанія безошибочно опредѣлить временнымъ появленіемъ того или другаго народа на извѣстномъ пространствѣ связь съ послѣдующимъ населеніемъ, не произведя этнографическаго смѣшенія.

Казалось бы страннымъ, что Китайцы, во всѣ времена тщательно собиравшіе свѣдѣнія объ окружавшихъ ихъ народахъ, въ особенности народахъ запада, и заносившіе такія на страницы своихъ лѣтописей, не записали и не сохранили ничего о народахъ сѣверо-запада; и однакожь это фактъ несомнѣнный, въ которомъ впрочемъ нельзя винить ни Китайцевъ Минскихъ, ни тѣмъ болѣе настоящихъ. Свѣдѣнія объ иностранцахъ сѣверо-запада кончаются съ Танскою исторіей; Сунская исторія уже не представляетъ никакихъ свѣдѣній, не смотря на приписываемую, по праву, Сунской династіи славу развитія просвѣщенія и учености; и это понятно, потому что Сунцы были отрѣзаны отъ остальнаго міра сначала Киданями, потомъ Цзиньцами и Монголами на сѣверѣ; на сѣверо-западѣ же преградою стояло царство Ся, которое строго сохраняло внутреннюю свою независимость, не смотря на уси-

лія Сунцевъ и Цзяньцевъ, и только мечъ Чингисхана могъ положить ему конецъ. Въ исторіи этого царства, извѣстной въ переводѣ о. Іакинѳа, какъ самага ближайшаго къ западнымъ и сѣверо-западнымъ странамъ, нѣтъ однако никакихъ извѣстій ни о населеніи ни объ исторіи этихъ странъ. Въ лѣтописи, или лучше сказать, въ исторической хроникѣ владѣнія Си-ся-го, Си-ся-шу-ши, еще неизвѣстной въ переводѣ, мы нашли немного весьма темныхъ указаній, изъ коихъ съ большимъ трудомъ можно вывести только одно заключеніе, что тогдашній западъ и сѣверо-западъ заселенъ былъ народами Тюркского (Тувюэ) происхожденія. Въ Цзяньской исторіи не сохранилось также никакихъ извѣстій, исключая указанія на то, что на сѣверо-западной границѣ были рынки, и что иногородцы посѣщали эти границы для торговли и чтобы запастись предметами, необходимыми въ жизни номадовъ, никогда не имѣвшихъ своего внутренняго производства. Профессоръ Васильевъ, можетъ быть, совершенно справедливо утверждаетъ, что Монголы, на долю коихъ досталось составлять исторію Цзяньцевъ и Тангутовъ, нарочно уничтожили всѣ свѣдѣнія, относящіяся къ тѣмъ странамъ, чтобы скрыть свое происхожденіе (см. Исторію и древности вост. части Сред. Азіи, стр. 87). Вотъ причины, которыя лишили Китайцевъ свѣдѣній, и которыя лишаютъ насъ возможности сказать что-нибудь о происхожденіи и первоначальной исторіи Ойратовъ по китайскимъ источникамъ.

Мусульманскому востоку выпала вообще болѣе счастливая доля, чѣмъ Китайцамъ и даже Монголамъ. У Монголовъ осталось два историческіе памятника: исторія Монголовъ Сананъ-Сэцэна и Алтанъ-тобчи; но кромѣ того, что они носятъ характеръ степныхъ сказокъ, которыми весьма трудно пользоваться, главный недостатокъ ихъ заключается въ томъ, что они не занимаютъ дѣйствительною древностью, а пробѣлъ этотъ наполняютъ легендами изъ буддійской космогоніи и темными преданіями. На долю мусульманъ доста-

лось пополнить недостатокъ и утрату свѣдѣній о сѣверо-западной Монголіи: Рашидъ-эд-Динъ представилъ довольно подробную картину племенъ, населявшихъ этотъ край около времени появленія Чингисъ-хана, хотя и ему не удалось избѣжать нѣкоторой сбивчивости по новости предмета. Его свѣдѣніями «о Турецкихъ и Монгольскихъ племенахъ» мы и постараемся воспользоваться для нашей задачи.

Рашидъ-эд-Динъ относитъ Ойратовъ къ вѣтви рода Угузъ-ханова, равно какъ Джалаировъ, Татаръ и прочихъ, и причисляетъ собственно Ойратовъ къ «племенамъ, въ его время называвшимся монгольскими, но которыхъ имя не было въ сущности Монголь» (стр. 3 — 8). Точно такое же мнѣніе, которымъ однакоже не пользуются Китайцы, мы находимъ у автора Си-юй-као-гу-лу (тетр. 17), который Четырехъ Ойратовъ производитъ отъ Ва-ла, или У-ла, «состоявшихъ на службѣ у Монголовъ, но по происхожденію не принадлежавшихъ къ Монголамъ». Такимъ образомъ перечисленіе Ойратовъ въ Монголовъ могло случиться весьма легко съ принятіемъ ими монгольскаго подданства — на основаніи историческаго закона, общаго во всѣ времена и для всѣхъ народовъ восточной Азіи: принимающіе подданство народы или поколѣнія, какаго бы происхожденія они ни были, непременно должны были принимать названіе господствующей династіи; такое явленіе приняло уже видъ аксіомы въ исторіи востока и не требуетъ никакихъ доказательствъ. Вопросъ же о коренномъ происхожденіи Ойратовъ, за неимѣніемъ ясныхъ свидѣтельствъ, долженъ рѣшиться несомнѣнно въ пользу отвѣтвленія ихъ отъ народовъ Тюркскихъ, на основаніи яснаго производства ихъ отъ Угузъ-хана, родоначальника Тюрковъ, и на основаніи общихъ указаній исторіи о заселеніи сѣверо-запада Монголіи около времени Чингисъ-хана и ранѣе народами Тюркскаго происхожденія. Племя *Ойратъ* (по толкованію о. Іакинаеа, обозначающее въ своемъ названіи союзникъ, ближній, а по производству Гомбоева въ «Алтанъ-тобчи» отъ Ой-аратъ —

лѣсной народъ ¹⁾) «издревле», разказываетъ Рашидь-эд-Динъ,— «было многочисленно и раздѣлялось на нѣсколько вѣтвей; юрты и жилище ихъ было восьмиръчые; въ древности на тѣхъ рѣкахъ обитало племя Тумэтъ», причисляемое Абуль-гази-ханомъ также къ Ойратамъ (Родосл. Тюреск. плем., стр. 44). Всѣ показанныя восемь рѣкъ сливаются въ одну, называемую Кемъ и впадающую потомъ въ Ангару-мурень. Кемъ, по-китайски называемая Цзянь, или Кянь, или же Кянь-кянь, несомнѣнно есть рѣка Енисей, достаточно ясно показывающая географическое мѣстоположеніе Ойратовъ, а именно, что они жили въ то время на тѣхъ же мѣстахъ, въ которыхъ встрѣчаемъ ихъ и впоследствии, то-есть, въ нынѣшней Чжунгаріи. По указанію Юань-ши, страну эту нужно приурочивать къ древнему Кянь-кянь-чжоу; о ней-то и говоритъ путешественникъ Чанъ-чунь. По его указанію, «отъ Абуханъ-шань на с.-з. за 1,000 лишкомъ ли находится страна Кянь-кянь-чжоу, гдѣ добывается доброе желѣзо и водится много бѣловъ; тамъ также сѣять пшеницу; китайскіе ремесленники живутъ во множествѣ, занимаясь тканьемъ шелковыхъ матерій, флера, парчи и цвѣтныхъ матерій (см. Труды членовъ Пекинской духовной миссіи, т. IV, стр. 339). Имена рѣкъ, впадающихъ въ Кемъ, по Рашидь-эд-Дину, слѣдующія: Кокэ-мурень, соотвѣтствующая на картѣ о. Іавинаа р. Кукэмъ-усу, Онъ-мурень, Харасунъ, Убэй-усунъ или Ибэй-усу, Ухуть-мурень или Ухуть-усу, Укь-мурень, Хорха-мурень и Чаганъ-мурень. Предѣлы владѣній Ойратовъ простирались до западныхъ береговъ р. Селенги и находились на границѣ съ Монголами въ мѣстности Баргуджинъ-тукумъ (стр. 85), куда, вѣжеться не совсѣмъ

¹⁾ Догадка Гомбоева подтверждается въ Юань-чао-ми-ши. Въ годъ зайца, то-есть, 1207, Чингисъ, говоритъ тамъ,—приказалъ Чжочи, съ ратью правой руки, идти войной на народъ, что въ лѣсахъ. Худухабъки, рода Оира, поддался прежде Вань-оира и повелъ Чжочи противъ Вань-оира. Затѣмъ всѣ покоренные народы, живущіе въ лѣсахъ, Чингисъ подарилъ Чжочи. Какая разница или отношеніе между Оира и Вань-оира—сказать трудно (см. Труды член. Росс. дух. миссіи въ Пекинѣ, т. VI, стр. 131, 132 и 234).

справедливо, Абуль-гази поселяетъ поколѣніе Торгауть (Родосл. Тюрк. плем., стр. 44); къ западу земли ихъ простирались до владѣній Киргизовъ. Ойраты жили вмѣстѣ съ племенами Баргутъ, Хори, Туласъ, Тумэть, Булагачинъ и друг.; говорили языкомъ монгольскимъ, который имѣлъ однако небольшое различіе отъ монгольскаго настоящаго времени, и имѣли всегда государя и главу. Въ вѣкъ Чингисъ-хана государемъ и главою поколѣнія ихъ былъ Хотуга-биви (Рашидъ-эд-Динъ, стр. 78, 79 и дал.). Сказаніе Рашидъ-эд-Дина о тожествѣ языка Ойратовъ съ монгольскимъ ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ самымъ труднѣйшимъ вопросомъ, если принять во вниманіе тожество языка, какъ основаніе для опредѣленія тожества родоваго, съ вопросомъ, отъ рѣшенія коего мы отказываемся въ пользу специалистовъ, одинаково основательно изучившихъ языки монгольскій и тюркскій. Позволимъ себѣ однакоже указать, съ одной стороны, на общее грамматическое и лексическое сходство языковъ средне-азіятскихъ, которое однако не дало еще повода допускать единства въ смыслѣ этнографическомъ, а съ другой стороны — замѣтить, что если принять настоящій языкъ Калмыковъ за коренной ойратскій языкъ, хотя это будетъ требовать еще большихъ доказательствъ, то можно легко увидѣть огромную лексическую разницу между языками Монголовъ и Калмыковъ: послѣдній сохранилъ какъ въ говорѣ, такъ и въ бѣдной литературѣ своей множество словъ, не объяснимыхъ корнями монгольскими. Самый говоръ народный до того отличенъ, что говорящіе не могутъ понимать другъ друга, что зависитъ не отъ одного только произношенія.

На ряду и почти одновременно съ поколѣніемъ Ойратъ является родъ Дурбэнь, извѣстный нынѣ у Монголовъ и Китайцевъ подъ именемъ Дурбэтъ. Происхожденіе этого рода всѣми писателями объясняется очень просто и естественно, безъ всякихъ легендарныхъ и чудесныхъ прикрастъ, что свидѣтельствуетъ о томъ, что преданіе о появленіи этого рода еще не

уси́ло изгладиться изъ памяти народной. Рашидъ-эд-Динъ разказываетъ, что у Тимаджа, внука Дубунт-баяна и Гао-маралъ, было пять сыновей, изъ коихъ старшій Кичумерганъ занялъ мѣсто отца. Вариантъ, представленный у Абуль-гази о томъ, что младшему завѣщана была власть, имѣеть болѣе вѣроятія, потому что по древнему монгольскому обычаю младшій дѣлался наслѣдникомъ отца, остальнымъ же только выдѣлялись части. Старшіе четыре брата не желали подчиниться младшему и ушли въ чужой народъ; тамъ жили и прозваны были Дурбэнъ, отчего и родъ, произшедшій отъ нихъ, получилъ то же имя. Въ Юань-чао-ми-ши это событіе разказывается нѣсколько иначе: «У старшаго брата Добэньмѣрганева, Дувасохора, было четыре сына. Всѣ они жили вмѣстѣ, но когда Дувасохоръ померъ, четыре сына его перестали обращаться съ Добэньмѣрганемъ, какъ съ дядей своимъ, повинули его, и отдѣлившись, ушли и составили фамилію Дурбянь (см. Тр. член. Росс. дух. миссіи въ Пекинѣ, т. IV, стр. 25). Хотя въ этомъ разказѣ вводятся новыя лица, но сущность событія этимъ не нарушается. Родъ Дурбэнъ по коренному происхожденію имѣлъ важную привилегію быть причисленнымъ къ Нирунамъ-чистымъ, произшедшимъ отъ безсѣменнаго зачатія, къ каковымъ причисляютъ Чингисъ-хана; эта родовая привилегія отдѣляла ихъ, по степнымъ понятіямъ, отъ другихъ родовъ — не чистыхъ — не Нируновъ, по крайней мѣрѣ въ ихъ собственныхъ глазахъ. Одною изъ четырехъ братьевъ Дурбэнъ звали Баринъ (Абуль-гази, стр. 54), и отъ него произошелъ родъ Баринъ, отдѣлившійся отъ Дурбэновъ; отъ нихъ же отвѣтвился и родъ Хойтъ, причисляемый, какъ Сананъ-Сэцэномъ, такъ и Китайцами, какъ видно выше, къ Ойратамъ. О первоначальномъ мѣстожителствѣ Дурбэновъ можно составлять только однѣ догадки, основывающіяся впрочемъ на историческихъ фактахъ. Изъ разказа о побѣдѣ Булугачи, посланнаго съ вѣстію о смерти Амбагай-хана, и изъ исторіи набѣга Хутула-хана, сына Хабулъ-хапова, на

Цзиньскія владѣнія, когда на возвратномъ пути на него сдѣлали нападеніе Дурбэны, можно заключать, что послѣдніе жили между Цзиньцами и Монголами, вѣроятно—къ ю.-з. отъ отчизны послѣднихъ (см. Рашидъ-эд-Динъ, стр. 43, примѣчаніе г. Березина на стр. 189).

Изъ письма Чингисъ-хана къ Ванъ-хану Кэраитскому, въ которомъ онъ исчисляетъ услуги, оказанныя послѣднему, видно между прочимъ, что Чингисъ-ханъ поворилъ для Ванъ-хана поколѣнія Дурбэнь и Татаръ (Рашидъ-эд-Динъ, стр. 138); но долго ли длилось подчиненіе ихъ Кэраитамъ—сказать трудно, особенно при многочисленныхъ и ясныхъ указавіяхъ на исключительно-независимую дѣятельность Дурбэнскаго рода. Какъ китайскіе писатели, такъ и мусульманскій историкъ (стр. 194), заставляютъ Дурбэновъ сначала въ сообществѣ съ Тайчжутами, предполагающимися жителя Тай-чжоу изъ Киданей (см. Васильева Исторію и древности вост. части ср. Азіи, стр. 107 и 117), дѣйствовать противъ Чингисъ-хана; къ этому союзу примыкають родъ Баринъ и дядя Чингисъ-хана Даритай-Утджигинъ. Борьба эта ведется во второй періодъ владѣчества Чингисъ-ханова, по дѣленію Рашидъ-эд-Дина. Затѣмъ Дурбэны переносятъ свою дѣятельность на берега рѣки Кемъ, гдѣ они составляютъ новый сеймъ противъ Чингиса съ родами Ивилось, Хатагинъ, Хорлось, Татаръ и др., и несомнѣнно соединяются уже съ Ойратами въ самый тѣсный союзъ. Не смотря на то, что это возстаніе скоро рушится подъ ударомъ Чингисъ-хана, Ойраты и Дурбэны остаются все-таки самостоятельными, потому что ни тѣхъ, ни другихъ мы не видимъ въ спискѣ, перечисляющемъ курени войска Чингисова (см. Рашидъ-эд-Динъ, стр. 94). Тѣсное единеніе Дурбэновъ и Ойратовъ ясно открывается изъ того знаменательнаго факта, что во время войны Чингисъ-хана съ Діянъ-ханомъ Найманскимъ, владѣтель Ойратскій Хотуга-бикі, изъ поколѣнія Дурбэнь, стоялъ въ рядахъ войскъ Діянъ-хана, вмѣстѣ съ Мэркитами, Чжаджиратами и друг. (см. Рашидъ-эд-Динъ,

стр. 110). Значить, Ойраты не только были въ тѣсномъ союзѣ съ Дурбэнами, но и имѣли уже одного государя и представляли одно цѣлое, что уже давало право называть ихъ общимъ именемъ Ойратъ, хотя первенство оставалось за Дурбэнами, изъ среды коихъ выходилъ владѣтель. Тотъ же самый Хотуга-биеи съ своими Ойратами попадается Чингисъ-хану (правильнѣе Чжочи) на пути во время погони за Кучлукомъ, сыномъ Діянъ-хана, бѣжавшимъ на Иртышъ; Ойраты покоряются Чингису и дѣлаются ему проводниками. Историки указываютъ здѣсь на однихъ только Ойратовъ, подъ владычествомъ Дурбэнскаго князя, и какъ бы забываютъ Дэрбэнъ; но память народная, и еще болѣе родовыя преданія Нариновъ, сохранили это имя до сего времени въ родѣ Дурбэтъ.

По нашему крайнему разумѣнію, ни въ четырехъ сыновьяхъ Тимаджа или Дуvasохора, ни въ разказѣ Сананъ-Сэцэна о четырехъ Ойратахъ (Дурбэнъ-Ойратъ), ни въ запутанныхъ свѣдѣніяхъ Китайцевъ, нельзя искать основанія для счисленія именно Четырехъ-Ойратовъ, каковыхъ никогда на лицо не находилось; слѣдуетъ только принять во вниманіе моментъ единенія Ойратовъ съ Дурбэнами, когда образуется одна община подъ именемъ Дурбэнъ-Ойратъ, и оставить слово Дурбэнъ не переводимымъ, какъ терминъ этнографическій, а не количественный. Эта мысль, хотя и не въ томъ видѣ, невольно скрывается и въ исторіи Ойратовъ о Іакинѣа, завершающую количественную полноту Ойратовъ присоединеніемъ къ нимъ Дурботскаго дома, который мы видимъ уже давно присоединившимся и составившимъ съ Ойратами одно цѣлое.

Народная независимость Дурбэно-Ойратовъ, не смотря на покорность ихъ Чингисъ-хану, все-таки не могла исчезнуть совершенно. Изъ тѣхъ отношеній, въ которыя стала съ этою общиною Чингисъ-ханъ, выдалъ за сына Хутуга-биеи дочь свою Чичаканъ и женивъ Мѣнкэ-хана на дочери Хутуга-биеи, Угуль-Коймишъ, а равно изъ общихъ правъ сей-

моваго устройства и управленія, можно заключать, что Дурбэно-Ойраты находились только въ вассальной зависимости отъ Монголовъ, хотя исторія первыхъ окончательно сливается съ монгольской до изгнанія послѣднихъ изъ Китая.

Гораздо позднѣе двухъ помянутыхъ родовъ появляется, причисляемый къ Ойратамъ, родъ Тургутъ (Торгутъ или Торгаутъ мусульманскихъ историковъ). О происхожденіи Тургутовъ Рашидъ-эд-Динъ и Абуль-гази умалчиваютъ, а Китайцы, какъ мы видѣли выше, прямо говорятъ, что родовая фамилія ихъ неизвѣстна. Рашидъ-эд-Динъ сближаетъ ихъ съ родами Хонкиратъ, Элджигэнъ и Курлукъ, имѣвшими одну тамгу (знакъ на печати) и бывшими въ постоянномъ родствѣ (стр. 76), а Абуль-гази связываетъ Торгаутовъ съ родами Кури и Туласъ и помѣщаетъ ихъ на жительство по другую сторону (?) Селенги, отъ чего производитъ и названіе ихъ (стр. 44); но и то, и другое, какъ замѣчено выше, кажется не совсѣмъ справедливо. Несомнѣнное существованіе этого рода во времена Чингисъ-хана доказывается упоминаніемъ монголо-китайской лѣтописи, то-есть, Юань-чао-ми-ши, въ которой онъ называется Торгаутъ ¹⁾. Въ народныхъ преданіяхъ Тургутовъ сохранился разказъ, по которому они считаютъ себя потомками знаменитаго Кэрайтскаго Ванъ-хана, и слѣдовательно, по происхожденію суть Кэраиты или Ванъ-ханиты, присоединенныя Чингисъ-ханомъ къ его владѣніямъ по завоеваніи аймака Кэрайтскаго и составившія часть его гвардіи; на это ясно указываетъ самое названіе ихъ Тургутъ, означающее «охраняющій, охраняющій», то-есть, войска, самыя ближайшія къ ставкѣ хана или ханскій конвой. Въ Юань-чао-ми-ши разказывается, что Чингисъ по покореніи Кэраитовъ роздалъ ихъ своимъ сподвижникамъ. Бадаю и Кишлиху онъ

¹⁾ Отъ слова торгоху препятствовать, окружать, охранять. Г. Березинъ ошибочно принимаетъ за Тургутъ родъ Тархутъ, упоминаемый въ Юань-чао-ми-ши, стр. 120 (см. о Турецкихъ и Монгольскихъ племенахъ, Рашидъ-эд-Динъ, перев. Березина, стр. 249).

отдалъ фамилію Ванъ-хо-чжинъ рода Кэраитъ, то-есть, родъ Ванъ-хана, состоявшій изъ ближайшихъ его родичей, чтобы быть тѣлохранителями (торгаутъ) при особѣ Чингисъ-хана, приказалъ имъ носить лукъ и стрѣлы и во время питья вина выпивать имъ по чаркѣ; сдѣлалъ такъ, чтобы дѣти и внуки ихъ благоденствовали, давъ имъ право добытую въ бояхъ добычу и въ облавахъ пойманныхъ звѣрей не отдавать въ раздѣлъ, а все брать себѣ (см. Труды членовъ Росс. дух. миссіи въ Пекинѣ, т. IV, стр. 98, 212 и 213). На это ясно указываетъ и Рапидъ-эд-Динъ въ своей исторіи, замѣчая, что Тургуты никогда не враждовали съ Чингисъ-ханомъ и не оказывали сопротивленія, почему и помѣщены были въ гвардейскій караулъ (стр. 76). Названіе Тургутъ, слѣдовательно, не есть родовое или этнографическое, а нарицательное, обозначавшее родъ ихъ службы при монгольскомъ дворѣ; въ какому собственно поколѣнію Ванъ-ханитовъ они принадлежали, сказать трудно, если не принимать во вниманіе вышеприведеннаго сказанія, по которому они суть прямые родичи Ванъ-хана. Родословная ихъ въ Мэнъ-гу-ю-му-цзи (въ гл. о Тургутахъ) представлена въ слѣдующемъ видѣ: «Отъ перваго предка ихъ Вэнъ-хань (Ванъ-ханъ) чрезъ 6-ть колѣнъ нѣкто Махацци-Мэнкэ родилъ двухъ сыновей; старшій Бэй-го-о-р-лэкэ имѣлъ 4-хъ сыновей; изъ нихъ 3-й Бао-ланъ-акалэху и 4-й Манхай-бодисукъ первые перекочевали въ Цинъ-хай и жили смѣшанно съ Хошотскими родами».

Самый позднѣйшій родъ, присоединившійся и зачислившійся въ Ойраты едва ли уже не при Минской династіи, когда среди Монголовъ появились раздоры и усобицы, есть родъ Хошотъ ¹⁾, причисляемый къ Борджигитамъ, то-есть, пря-

¹⁾ Это родовое имя несомнѣнно должно быть производимо отъ монгольскаго хошо или хошунъ, означающаго отдѣльный родъ или отдѣльное вѣдомство и управленіе. Безъ особенно грубой ошибки или натяжки можно было бы за корень хошотъ принимать также сохранившееся въ маньчжурскомъ языкѣ слово хошо, означающее уголь, а въ нынѣшней китайской герольдіи прилагаемое исключительно почти къ принцамъ или князьямъ царственной крови, такъ какъ Хошоты ведутъ себя отъ Чжучи-Хасара.

мымъ потомкамъ рода Чингисханова. Родоначальникомъ ихъ считается братъ Чингисхана Чжучи-Хасаръ, въ Алтанъ-тобчи, являющійся съ прибавкою Хабуту-Хасаръ; отъ него чрезъ семь колѣнъ является Аксахалтай, родившій двухъ сыновей: Арукъ-Тѣмура и Урукъ-Тѣмура. Потомками перваго считаютъ восемь внутреннихъ поколѣній или аймаковъ — Корцинъ, Чжаратъ, Турботъ (?), Горлосъ, Арукорцинъ, Сы-цзы (було родъ), Мао-минъ-анъ и Улатэ ¹⁾. Отъ втораго чрезъ девять колѣнъ является Бобэй-мирза, принявшій титулъ Ойратскаго хана; отъ сына его Хони-ноянъ-хунгора, наслѣдовавшаго титулъ хана, родилось шесть сыновей, изъ коихъ второй Кундулунъ-Убаши уходитъ въ Россію, а четвертый Турубайху овладѣваетъ Кузэноромъ, подъ названіемъ Гуши-хана (см. Мэнь-гу-ю-му-цзи); Байбагасъ же наслѣдовалъ ханское достоинство (см. Гавинъ, Истор. обзор. Ойратовъ, стр. 26).

Такимъ образомъ для желающихъ мы имѣемъ на лицо четыре рода Ойратовъ, но должны замѣтить, что послѣдніе два рода суть Ойраты позднѣйшіе, которые, применивъ въ послѣдствіи къ Дурбэно-Ойратамъ, получили и имя ихъ. Достойно замѣчанія и то обстоятельство, что по завоеваніи Монголами Китая, означенные роды, за весьма немногими исключеніями, оставались на своихъ мѣстахъ съ удержаніемъ кочевыхъ порядковъ и степной свободы и не заходили въ Китай.

Далѣе мы считаемъ не безынтереснымъ на скоро прослѣдить общую исторію Монголовъ по изгнаніи ихъ изъ Китая, въ связи съ исторіей Ойратовъ, чтобъ ознакомиться съ тогдашнимъ положеніемъ и картиною Монголіи, представляющими рядъ интересныхъ событій и быстрыхъ передвиженій.

Не смотря на горькій плачь и стоны о прекрасной столицѣ Пекинѣ и о прелестяхъ прохладной резиденціи Шан-

¹⁾ То-есть, часть Хошотовъ, переселившихся съ Бурхана.

ду, бывшій монгольскій императоръ Шунь-ди или Ухагатуханъ (Тогонь-Тѣмурь), по волѣ неумолимаго рока, въ 1367 г. удаляется въ Инъ-чанъ или Ингъ-чинбу (см. Алт. Тобчи, стр. 154), гдѣ и кончаетъ свои печальные дни. Престолъ его занимаетъ А-ю (Аюръ-шири-дарѣ), который переселился въ Хо-линь (Кара-корумъ) и переимѣнилъ годы правленія, назвавъ оное Сюань-гуанъ; онъ передаетъ престолъ сыну своему Тогусъ-Тѣмуру, по годамъ правленія Тянь-юанъ. Китайскій императоръ Хунъ-у, уже успѣвшій обратить свое вниманіе на сѣверъ въ 21-й годъ своего правленія, посылаетъ туда сильное войско, которое поражаетъ Тогусъ-Тѣмура при Бойрнорѣ и заставляетъ его спасаться бѣгствомъ въ сопровожденіи только 10 всадниковъ. Тогусъ-Тѣмурь въ послѣдствіи былъ убитъ однимъ изъ своихъ подчиненныхъ Ёсутѣромъ; та же участь постигла и пятерыхъ его преемниковъ включительно до Кунь-Тѣмура. Къ этому періоду времени, полному безпорядковъ, относится и первое столкновеніе Ойратовъ съ Монголами при Элбэкъ-ханѣ, котораго можно считать четвертымъ отъ Тогусъ-Тѣмура. Поводомъ къ столкновенію, какъ разказываетъ Алтанъ-тобчи (стр. 156—158), было подозрѣніе Элбэкъ-ханомъ своей жены въ связяхъ съ Ойратскимъ Тафу (Тай-фу) Хутхаемъ; за это ханъ и убиваетъ его. Сыновья Тафу, Батулу-Чинсангъ и Угучи-хашигу, съ 40 тысячами Ойратовъ, убили Элбэкъ-хана и сдѣлались непримиримыми врагами Монголовъ. Такая наивность степнаго разказа не исчерпываетъ однако, по нашему мнѣнію, всѣхъ причинъ постоянной вражды и ожесточенія между Монголами и Ойратами въ послѣдствіи это, надо полагать, была борьба старой Монголіи съ новою, простоты старыхъ степныхъ порядковъ съ вычурностію новыхъ, словомъ — борьба старыхъ и дивихъ степняковъ съ цивилизованными Монголами, возвратившимися изъ Китая съ новыми обычаями, съ новыми понятіями о государственной жизни и управленіи, съ стремленіями къ преобразованіямъ кочевой жизни,

которыя послѣдники Ухагату-хана старались проводить въ жизнь ревнивыхъ къ старинѣ степняковъ. Эта причина должна быть признана еще болѣе вѣроятною, если мы обратимъ вниманіе на ту страстную привязанность Монголовъ къ кочевой жизни, съ какою они явились въ Китай. Въ Гань-му подь 1230 годомъ разсказывается, что полководцы Огэдаевы, по совершенномъ завоеваніи сѣвернаго Китая, предложили хану избить всѣхъ до единаго Китайца, а плодородныя поля ихъ превратить въ пастбища. Борьба кончилась однако въ пользу старой партіи, и трономъ Чингиса завладѣлъ, безъ права на него, сторонній человекъ изъ Ойратовъ Гуй-личи, Гольци (у о. Такинеа) или Буйланча (по Алтань-тобчи, которая не признаетъ его за хана).

Недовольными и отдѣлившимися отъ Чингисханидовъ оказываются въ этотъ періодъ не одни Ойраты, но и такъ-называемые Аньдинскіе и Ханьдунскіе Монголы, удалившіеся къ юго-западу при самомъ началѣ Минской династіи и занявшіе полосу земли къ западу отъ Цзя-юй-гуань. Здѣсь, подь покровительствомъ и съ разрѣшенія Китайцевъ, они для собственной защиты устраиваютъ укрѣпленія, одно подь именемъ Аньдинь-вэй къ югу отъ Ша-чжоу, а другое подь названіемъ Хань-дунь-вэй въ мѣстности уѣзда Дунь-хуань-сянь; владѣтелемъ перваго былъ ванъ Сюань-Тѣмурь; вторымъ управлялъ Сонань-цзи-ла-сы, которому подчинялись также Чи-цзинь (Чигинь)-мэнь-ну и Хами, которое вскорѣ впрочемъ отнято было Турфанцами. Аньдинскіе и Ханьдунскіе Монголы были постоянными данниками Китая.

Ойраты также отдѣльно вели свою исторію: сперва они болѣе клонились къ Китаю и становились ярыми помощниками послѣднему противъ Монголовъ, разчитывая, съ своей стороны, на поддержку отъ Китая и на богатые отъ него подарки. Мы уже видѣли, что Ойраты въ это время имѣли трехъ владѣтелей — Махаму, Тай-пинь и Бату-боро, которые неуклонно посылали китайскому двору дань, за что по-

лучали подарки матеріями, и наконецъ, пожалованы были титулами; Махаму произведенъ былъ въ Шунь-нипъ-ваны, Тай-пинъ въ Сянь-и-ваны, а Бату-боро въ Ань-ло-ваны. Махаму, чтобы ближе быть къ Китаю и дѣйствовать противъ Монголовъ съ юга, отдѣляется съ сыномъ своимъ Тогономъ и внукомъ Ёсянемъ и уходитъ съ родомъ своимъ въ Хэ-тао или Ордосъ, не прерывая сношеній съ Чжунгаріей (см. Юань-цзянь-лэй-хань, тетр. 241-я). Такимъ образомъ, Монголы имѣли враговъ почти со всѣхъ сторонъ, не исключая и востока, гдѣ жили враждебные имъ Урянхайцы.

Гольци или Куйланча около 1388 года принимаетъ титулъ хана и называетъ свое правленіе Да-дань. Это извѣстіе, заимствованное нами изъ Дай-цинъ-и-тунъ-чжи, замѣчательно въ томъ отношеніи, что просто и естественно рѣшаетъ вопросъ о Минскихъ Да-дань или Татарахъ, которые появляются въ Минской исторіи и въ другихъ документахъ. Слова Мэнъ-гу или Юань совершенно изгнаны были изъ минской письменности, и Монголы всюду названы Да-дань, что и до нынѣ сохранилось въ языкѣ народномъ, потому что народъ называетъ Монголовъ не иначе какъ Да-цзы, употребляя для этого первый знакъ отъ Да-дань.

Мы были бы несправедливы, еслибъ остановились на извѣстіяхъ только китайскихъ, не принявъ во вниманіе разказа Алтанъ-тобчи, которая не признаетъ, какъ сказано выше, Куйланча за хана, а только за ойратскаго героя, давая ему титулъ Багадура, ханомъ же считаетъ Адаа. Такое противорѣчіе китайской исторіи съ монгольской легко объясняется двоеханіемъ того времени и оказывается явленіемъ весьма естественнымъ при существованіи двухъ враждебныхъ партій: старой ойрато-монгольской, и новой монгольской съ китайскими порядками. Адай-ханъ, по разказу Алтанъ-тобчи, является освободителемъ Монголовъ отъ ига ойратскаго; онъ двигаетъ противъ Ойратовъ войска, и война начинается съ поединка, въ которомъ съ ойратской стороны

является Куйланча-багадуръ, а съ монгольской — Шигустэй-багадуръ-ноянъ; Куйланча былъ убитъ; тутъ же въ сраженіи палъ и Батула-Чинсангъ, а сынъ его, Тогонъ, отданъ былъ Аруктай-тайши пасти овецъ ¹⁾. Такимъ образомъ власть перешла къ Монголамъ (Алтанъ-тобчи, стр. 156 и 159). По китайскимъ свѣдѣніямъ Куйланчи царствовалъ недолго; такъ какъ онъ не былъ потомокъ Шунъ-ди, то подданные возстали противъ него съ воеводою Аруктаемъ (Элютэй о. Гавинеа) во главѣ, который убилъ Куйланчи и посадилъ на престолъ потомка Юаней Пуніяшри (Бэнь-я-шили), наименовавъ его ханомъ. Китай уже на столько приобрѣлъ вліянія и силы въ Монголіи, что сталъ посылать туда указы и распоряженія, за неисполненіе коихъ въ 6-мъ году правленія Юнъ-ло (1410 г.) противъ Пуніяшри отправлено было сильное войско, которое потерпѣло однако полное пораженіе; поэтому въ 8-мъ году императоръ лично двинулся въ Монголію и на р. Ононъ разбилъ Пуніяшри, повинутаго Аруктаемъ, котораго постигла таже участь. Въ 10 году (1414 г.) Юнъ-ло Ойратскій Махаму убилъ Пуніяшри, за чѣмъ потребовалъ отъ Китая награду своимъ сподвижникамъ, оружія и припасовъ военныхъ; императоръ не согласился, и вслѣдствіе того Махаму сдѣлалъ набѣгъ на Китай, Юнъ-ло лично двинулся противъ него, разбилъ въ мѣстности Хуланъ-хутѣ и преслѣдовалъ до р. Толы, заставивъ Махаму снова платить дань Китаю. Въ 1416 г. Махаму потерпѣлъ пораженіе отъ Аруктая, двигавшаго въ это время всѣми дѣлами Монголовъ, и въ скоромъ времени умеръ.

Управленіе Ойратами, съ согласія Китайскаго императора перешло къ Сянь-и-вану и Ань-ло-вану, почему и можно

¹⁾ Если Батула-Чинсанга отождествить съ Махаму, отцомъ Тогона, то выйдетъ несообразность, потому что Махаму жилъ еще долго послѣ этого; пѣнь же и рабство Тогона у Аруктая весьма вѣроятны, и это событіе, быть можетъ, послужило основой китайскому сказанію о томъ, что Ойраты были пастухами у Монголовъ.

думать, что Тогонь былъ дѣйствительно въ плѣну. По возвращеніи Тогона, разказываетъ Алтанъ-тобчи, отпущеннаго будто еще Адай-ханомъ, около него тотчасъ собрались Ойраты, Угулеты, Багатуты, Хойта и Дурбэнь-тумэнь. Передъ ними Тогонь такъ характеризуетъ Аруктая и Монголовъ: «Аруктай-тайши отъ старости медленъ во всѣхъ дѣлахъ; желаніе есть, а силы нѣтъ; чиновниковъ, знающихъ правленіе, сажаетъ виѣ; ѣздитъ на войну на молодой лошади и проч. (стр. 160);... а Монголы, какъ верблюдицы безъ верблюда, какъ табуны безъ жеребца, и какъ овцы безъ барана» (стр. 161). По этимъ причинамъ Тогонь нападаетъ на Монголовъ и снова беретъ надъ ними перевѣсъ. Въ 16-мъ г. правленія Юнь-ло (1418 г.) ойратское посольство просило разрѣшенія сыну Махаму, Тогону, наследовать титулъ Шуньнинъ-вана, на чтò было дано разрѣшеніе. Между тѣмъ Аруктай, тѣснимый Ойратами и угнетаемый внутренними безпорядками, въ крайности рѣшился поддаться Китаю, съ которымъ однакожь не ужился и произвелъ набѣгъ на границы. Разбитый на голову въ 20-й годъ правленія Юнь-ло и понесъ нѣсколько поражений отъ Ойратовъ въ правленіе Жень-цзунъ, Аруктай, не имѣя возможности держаться долѣе, отбывалъ съ родомъ своимъ къ востоку, къ Урянхайцамъ, и поселился въ предѣлахъ Ляо. Ойраты же устремляютъ свои силы къ югу отъ родины, и въ 1424 г. (20-й годъ Юнь-ло), нападаютъ на Хами и производятъ тамъ грабежъ, хотя въ исторіи Хами объ этомъ походѣ не упоминается. Въ 1-й годъ правленія Сюань-дэ (1426 г.) Тай-пинъ умеръ, оставивъ наследникомъ сына своего Нѣлѣху; къ этому времени относится и побѣда Аруктая надъ Тогономъ, который укрылся въ мѣстности Мунашанъ и Чаганъ-нара. Оттуда въ 9-мъ году правленія Сюань-дэ (1434 г.) напалъ на Аруктая и убилъ его, о чемъ тотчасъ донесъ китайскому двору съ представленіемъ ханской яшмовой печати. На это донесеніе послѣдовала весьма злостивый отвѣтъ, которымъ добытому ханскую печать предостав-

лялось ею пользоваться, иначе сказать, Китайцы не были противъ того, чтобъ онъ сдѣлался ханомъ: это и было мотивомъ послѣдующихъ стремленій Тогона къ ханскому трону. Давая такую широкую свободу Ойратамъ, Китайцы однако зорко и безпокойно слѣдили за ихъ успѣхами. Когда Ойраты въ 1-мъ году правленія Чжень-туна (1436 г.), преслѣдуя приверженцевъ Аруктая Дорчжибо и Атая, овладѣвшихъ мѣстностію Ицзинэй и нападавшихъ на Гань-чжоу и Лянчжоу ¹⁾, разбили и покорили ихъ своей властью, Китайцы начали заботиться объ укрѣпленіи и обезопасеніи своихъ границъ.

Тогонъ между тѣмъ приступаетъ къ осуществленію своихъ плановъ: онъ убилъ Сянь-и и Анъ-ло обоихъ вановъ, соединилъ всѣхъ Ойратовъ подъ свою власть и хотѣлъ уже объявить себя ханомъ, но подданные не согласились на это и возвели на престолъ потомка Юаней То-то-бу-хуа (Токтобука); Тогонъ же сдѣлался первымъ министромъ или визиремъ; во власти ихъ были поколѣнія Карачень (Корцинъ), Аруктаево и другія; резиденція находилась въ сѣверу отъ Шамо. Какъ и слѣдовало ожидать, верховная власть и управленіе народомъ сосредоточились въ рукахъ Тогона, который, по замѣчанію Алтанъ-тобчи, не оставлялъ намѣренія возсѣсть на ханскомъ престолѣ; съ этою цѣлію онъ отправился въ Найманъ-цаганъ-гэръ на поклоненіе праху Чингисхана; но гордыя и кичливыя слова его противъ праотца династїи не прошли даромъ; невидимая стрѣла поразила Тогона на смерть (см. Алтанъ-тобчи, стр. 170). Смерть Тогона случилась въ 4-мъ году правленія Чжень-туна или въ 1439 году.

Тогону наслѣдовалъ сынъ его Ъ-сянь, или Эсень съ званіемъ тайши, коему подчинились всѣ сѣверные роды, такъ что власть его еще болѣе упрочилась, и ханъ Токтобука существовалъ только номинально, безъ всякаго вліянія на дѣла.

¹⁾ См. Си-юй-као-гу-лу.

При отправленіи посольствъ въ Китай, посылались послы отъ того и другаго; и тому, и другому посылались отдѣльные отвѣты и подарки, а также награждались послы и свита, которая изъ условленныхъ 50-ти человекъ скоро возросла до 2.000; съ тѣмъ вмѣстѣ увеличились расходы на содержаніе и подарки, тяготившіе будто бы чрезъ мѣру Китайцевъ, всегда бывшихъ щедрыми на этотъ предметъ. Война съ Эсенемъ въ глазахъ Китайцевъ становилась неизбѣжною лишь для того, чтобы сокрушить усиливающагося и опаснаго сосѣда. Между тѣмъ Эсень покорилъ Хами, взялъ тамошняго вана и его мать въ плѣнъ ¹⁾, породнился съ Монголами, жившими въ Ша-чжоу, къ югу отъ Хами, на востокѣ разбилъ Урянхайцевъ и ограбилъ границы Кореи. Такимъ образомъ вся восточная половина Средней Азіи была въ рукахъ Эсеня, и по всему видно было, что онъ готовился сдѣлать рѣшительное нападеніе на Китай, жадно проводившій свою власть на сѣверъ. Во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ, по примѣру предшественниковъ, Эсень старается казаться вассаломъ Китая и какъ бы дѣйствующимъ въ пользу послѣдняго; поэтому за каждое новое приобрѣтеніе онъ требуетъ отъ Китайцевъ награды и провіанта. Когда же Китай въ 1446 г. отказываетъ его настоятельнымъ требованіямъ, то въ 1449 г. онъ собираетъ огромное войско изъ всѣхъ поколѣній и двигается разными путями противъ Китая. Токто-буха пошелъ на Урянхай и Ляо-дунъ, Алачжюань — на Сюань-хуа-фу и обложилъ городъ Чи-ченъ; самъ Эсень пошелъ на Да-тунъ-фу, съ котораго взялъ контрибуціи 3 вана серебра (30.000 ланъ),

¹⁾ Въ Минъ-ши, въ гл. о Хами разсказывается, что около 1440 г. хамійскій старшина Пи-ла-на, вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ и ссоры старшинъ, вступилъ въ тайныя сношенія съ ойратскимъ старшиною Мэнкэ-бука и замышлялъ убить Вана. Ойраты, жившіе къ сѣв. отъ Хами, непреминули воспользоваться этими безпорядками, и вождь ихъ Эсень осадилъ Хами, убилъ старшинъ, угналъ безцѣтное количество скота, а мать Вана и жену увелъ къ сѣверу и потомъ по настоянію Китайцевъ отпустилъ ихъ. Въ 1445 г. онъ снова плѣнилъ мать Вана, жену и брата, и ограбилъ самарканское посольство.

и кромѣ того, послалъ конный отрядъ осадить Гань-чжоу; слѣдовательно, онъ занялъ всю великую стѣну. Неосторожный императоръ Инъ-цзунъ, не смотря на совѣты вельможъ, самъ выступилъ противъ Эсеня къ Калганской долинѣ, но былъ окруженъ въ мѣстности Ту-лу, взятъ въ плѣнъ и уведенъ на сѣверъ, гдѣ, по сомнительному разказу Алтанъ-тобчи, отданъ былъ въ услуженіе Монголу Эсень-сами и названъ Мохоръ-суса; его даже женили на Монгольѣ Моло-Джахату, отъ которой онъ имѣлъ сына (см. стр. 173). Эсень, по заключеніи очень неблестательнаго для него мира, возвратилъ плѣннаго императора съ большими почестями, и въ знакъ покорности, назвалъ даже сыномъ его. Послѣ этихъ событій Эсень сталъ въ непріязненные родственныя отношенія къ Токто-буха, и заподозривъ его въ сношеніяхъ съ Китаемъ, возсталъ, и послѣ одержанной надъ нимъ побѣды, убилъ, захватилъ его племянника, все достояніе и принудилъ всѣ роды покориться ему. Въ 1455 г. (5-й годъ правленія Цзинъ-тая) провозгласилъ себя ханомъ, а сына своего произвелъ въ тайши. Владѣнія Эсеня простирались съ востока отъ Нью-чжи или Цзянь-чжоу и Урянхая къ западу до Чицзинь-мэнгу и Хами. Это полновластіе и невниманіе къ своимъ сподвижникамъ и родовичамъ возстановили противъ него Ойратовъ. Изъ Западной и Восточной Чжунгаріи отъ Алачъ-Тѣмуръ Джансанго (Алачжи-юань?) и Хатунъ-Тѣмура заявлены были претензіи противъ его единовластія и требованіе уступить на ихъ долю званіе тайши (визиря); но Эсень не согласился (см. Алтанъ-тобчи, стр. 172). Тогда въ 6-й годъ правленія Цзинъ-тая (въ 1456 г.) Алачжи-юань убилъ Эсеня; Бо-лай, изъ поколѣнія Да-данъ, убилъ въ свою очередь, Алачжи-юаня и завладѣлъ ханскою яшмовою печатью.

Такимъ образомъ кончился героическій періодъ Ойратовъ. Они по справедливости могутъ быть названы обладателями всей Монголіи въ періодъ Минской династіи до 1456 года и главными виновниками того, что Монголія подговилась къ усып-

ленію и подданству Китаю, между тѣмъ какъ себѣ Ойраты пріобрѣли новыя силы въ дальнѣйшей независимой жизни и дѣятельности.

Бо-лай, заручившись ханскою яшмовою печатью, возстановилъ власть потомковъ Чингисъ-хана въ лицѣ сына Токтобухи, Ма-р-кэ-ра, который взомель на престоль съ титуломъ Сяо-ванъ-цзы. Вмѣстѣ съ тѣмъ вся жизнь и исторія Монголіи переносится на югъ, ближе въ Китаю, потому что Сяо-ванъ-цзы поселяются въ нынѣшней мѣстности Чахарь; потомъ они двигаются къ западу въ Ордосъ, какъ будто сама судьба влечетъ ихъ въ сѣти Китая. У перваго Сяо-ванъ-цзы было три сына: старшій Арлунь, второй Ачжу и третій Мань-гуань-чень. И-бу-ла, занимавшій должность Тайши, убивъ Арлуна, убѣжалъ въ Кужэ-норъ (см. ниже); на престоль Сяо-ванъ-цзы вступилъ Ачжу, отъ котораго родились Цзи-нанъ и Ань-да, знаменитые впоследствии своимъ сопротивленіемъ Китайцамъ. По смерти Ачжу народъ избираетъ владѣтелемъ Би-чи, съ титуломъ Икэ-хань, который снова переходитъ въ Чахарь. Въ это время Монголія представляется въ слѣдующемъ видѣ: Оволо Икэ-хана собирается 70,000 человекъ, которые раздѣляются на пять куреней, называвшихся: Хао-чень-чахарь, Чжао-арь, Баланарь, Кэ-ши-данъ (Кэшиктэнъ?) и Бур-бао-кэ; въ срединѣ кочевалъ Икэ-ханъ. Къ востоку кочевали три рода Ганъ-лю, Ханъ-ха и Ердянь; въ трехъ родахъ населенія считалось 60,000 человекъ; кочевья ихъ тянулись по восточной окраинѣ Ша-мо въ сосѣдствѣ съ поколѣніемъ До-янь; всего у нихъ было семь куреней подъ начальствомъ трехъ старшинъ: Манхой-вана, Мэн-кэ-булана и Кэдулю. Старшинами южнаго рода были Бадаханнай и Ширатайцзи; въ родѣ ихъ считалось населенія 50,000 человекъ, кочевавшихъ на границахъ Сюань-хуа-фу и Да-тунъ-фу. На западѣ кочевали роды старшинъ Инчжаобу, А-луту-сы и Мань-гуань-чень.

Родъ Инчаобу раздѣлялся на десять куреней: А-су, Кала-чень, Шэ-ну-лань, Бо-лай, Дан-лар-хань и др., которые прежде принадлежали И-бу-ла Тайни; но послѣ бѣгства его въ Кувэ-норъ, они разсѣлись, и остался только одинъ курень Кала-чень. Родъ А-лу-ту-си прежде также принадлежалъ Ибулѣ и раздѣлялся на семь куреней; но потомъ составилъ съ родомъ Цзинана четыре куреня; всего населенія въ этомъ родѣ считалось 70,000 человекъ. Часть рода Алутусы, какъ увидимъ ниже, бѣжала вмѣстѣ съ Ибула въ Кувэ-норъ. Родъ Маньгуань-ченя принадлежалъ прежде къ Хошай (?), потомъ присоединился къ роду Ань-ды въ число шести лагерей называвшихся: Доло-тумэнь, Вэй-уръ, У-шэнъ, Ба-яо, У-лу и Ту-цзи-ла; населенія въ этомъ родѣ считалось 40,000 человекъ. Далѣе къ западу воевалъ родъ Ва-ла (Ула, Ойраты) съ 50,000 населенія, находившагося въ потомственной и вѣчной враждѣ съ Турфаномъ. Всѣ эти роды, смотря по обилію травы и воды, перекочевывали съ мѣста на мѣсто, но жили раздѣльно и не смѣшивались (см. Юань-цзянь-лэй-хань).

Изъ предложеннаго описанія родовъ мы видимъ, что большинство западныхъ Монголовъ присоединилось къ дядькамъ, Икэ-хана Сяо-ванъ-цзы, Аньдѣ и Цзинану. Икэ-хань, Бу-чи, опасаясь могущества ихъ, откочевалъ въ Ляо-дунъ; потомокъ его въ 6-мъ колѣнѣ по имени Линь-дань, при Тай-цзунѣ настоящей династіи изъ Чахаръ убѣжалъ въ Тибетъ, но на дорогѣ умеръ въ мѣстности Да-цао-тань, а сынъ его Кунгоръ-очжо поддался Китаю. Потомки Сяо-ванъ-цзы при императорѣ Канси раздѣлены на знамена, извѣстныя нынѣ подъ именемъ Чахарскихъ.

Потомки Эсеня въ лицѣ сына его Хорхудаа и др. переселились на рѣку Гань-Гань, а братъ его Бодуванъ и племянникъ Ухуна поселились въ Хами, и въ 3-й годъ по воцареніи снова Инъ-цзуна награждены были титулами.

Помянутая рѣка Гань-гань есть несомнѣнно Кянъ-кянъ, или Кэмъ-кэмъ, то-есть, Енисей въ его верховьяхъ. Это важное указаніе Минской исторіи, пропущенное о. Іакинѣомъ, даетъ намъ право заключать, что Ойраты Минскихъ временъ не просто ушли въ Чжунгарію, а возвратились на свою родину къ своимъ родовичамъ, отъ коихъ отдѣлились съ Махаму, и что Минскіе Ойраты не есть народъ новый, какъ хотѣли думать нѣкоторые, а тотъ же самый, съ которымъ мы ознакомились еще до временъ Чингиса, почему исторія и старалась поставить ихъ въ связь и постоянныя сношенія. Изъ дальнѣйшихъ потомковъ Эсена извѣстны Ашитъмуръ и Че-ли-кэ, который постоянно велъ войну съ родомъ Болай. Изъ отрывочныхъ указаній Минской исторіи видно, что Ойраты и въ то время еще не потеряли своей воинственности. Въ 1472 году они, вмѣстѣ съ Хамійцами и Турфаномъ, отправляютъ посольство съ данью, но Китайцы не принимаютъ оную, требуя, чтобы старшина ихъ явился съ поклономъ самъ. Въ 23-мъ году правленія Чень-хуа (1487 г.), янъ-ханъ-ванъ Ойратскій, задумалъ напасть на Китай, но замыселъ его былъ открытъ Хамійцами, за что онъ злобу свою излилъ на Хами, ограбивъ часть этого округа. Хотя въ 1493 г. (6-й годъ правленія Хунъ-чжи) Ойраты уже являются на помощь Хамійскому вану Шэнъ-ба противъ Турфанскаго султана А-хэй-ма; но А-хэй-ма прогоняетъ ихъ. Въ 1518 году (13-й годъ правленія Чжень-дэ), когда Турфанцы напали на Су-чжоу, Ойратскій Болю-Ванъ, разорилъ три турфанскіе города и произвелъ грабежъ и опустошенія; Турфанцы въ страхъ заключили съ нимъ дружественный договоръ, въ силу котораго въ 7-мъ году правленія Цзя-цзина вмѣстѣ съ Манъеуромъ Турфанскимъ нападаютъ на Су-чжоу ¹⁾, но отраженные уходятъ въ Чи-гинь, откуда нападаютъ на Хэ-си. Въ 1530 г.

¹⁾ По Су-чжоу-синъ-чжи большая дорога, по которой двигались Ойраты и Магометане пролегла чрезъ мѣстность Са-бо-янъ-линъ къ сѣверозападу отъ Су-чжоу въ 190 ли.

Болю-ванъ снова поссорился съ Турфаномъ изъ за брачнаго договора, но Турфанъ въ этому времени усилился и нанесъ Ойратамъ нѣсколько поражений; кромѣ того, среди самыхъ родовъ началась усобица, и многіе изъ нихъ поддались Китаю. Хамійцы, пользуясь этимъ случаемъ, разбили Болю-вана, который, не имѣя средствъ, просилъ китайскаго подданства; но дворъ не согласился на то и выслалъ его за границу. На этомъ кончаются свѣдѣнія Минской исторіи объ Ойратахъ.

Итакъ, Ибула-тайши съ частію подвластныхъ ему родовъ и съ поколѣніемъ Алу-тусы (Артусы) бѣжалъ на западъ, и узнавъ о плодородіи и богатствѣ Кукэ-нора, рѣшился завладѣть имъ. Еще въ началѣ Минской династіи все пространство Кукэ-нора занято было Фанями, которыхъ мы оставили тамъ подъ именемъ Си-фаней; старшины ихъ въ 16-мъ году правленія Хунъ-у поворились Китаю и награждены были грамотами, матеріями и деньгами. Фанское населеніе, жившее кругомъ озера, исключительно занималось скотоводствомъ и со дня на день размножалось (см. И-тунъ-чжи). Ибула напалъ на нихъ неожиданно, самымъ хищническимъ образомъ, давъ случай бѣжать только тѣмъ, которые имѣли возможность; оставшихся же изъ нихъ, по кочевымъ обычаямъ, онъ обратилъ въ рабовъ. Съ этого момента начинается медленная, но упорная и продолжительная, еще и теперь не окончившаяся, борьба между Фанями и Монголами, не безъ участія Китайцевъ, принимавшихъ то ту, то другую сторону, за обладаніе Кукэ-норомъ, на который неоспоримое право, безъ сомнѣнія, имѣютъ Тангутскія поколѣнія, какъ старожилы. Нѣтъ сомнѣнія, что поколѣнія Монголовъ, пришедшихъ съ Ибула, представляли собою беспорядочную, временно сплоченную шайбу или банду разбойниковъ, промышлявшихъ грабежомъ гдѣ только можно и не заботившихся о завтрашнемъ днѣ и о послѣдствіяхъ своихъ дѣяній; этимъ объясняются постоянные набѣги ихъ то въ ту, то въ

другую сторону и быстрыя отступленія и бѣгство. Въ 7-мъ году правленія Чженъ-дэ они появляются на сѣверѣ отъ Наньшань, грабятъ и разоряютъ Аньдинскихъ и Ханьдунскихъ Монголовъ (см. Су-чжоу-синь-чжи), а вслѣдъ за симъ производятъ сряду нѣсколько нападеній на китайскую пограничную область Си-нинъ-фу; Китайцы совершенно правильно даютъ имъ названіе Хай-коу, то-есть, морскіе разбойники. Противъ этой шайки въ 9-мъ году того же правленія (1514 г.) Китайцы стянули со всѣхъ сторонъ войска, и главнокомандующій Пынъ-цзѣ двинулся съ полнымъ намѣреніемъ уничтожить разбойниковъ; но Ибула, свѣдавъ объ этомъ, быстро со всѣми родами переправился чрезъ Хуанъ-хэ и изъ Хэ-чжоу, прошолъ въ Сы-чуань, откуда чрезъ Сунъ-пань и Маочжоу пробрался прямо въ Тибетъ (У-сы-цзань). Лишь только китайскія войска вернулись, Ибула, вѣрный испытанной степной тактикѣ, также вернулся и занялъ снова Кувэ-норъ; но ему однакожь пришлось лишиться части своихъ помощниковъ, потому что повождіе Артусы не пожелало вернуться и осѣло, какъ нужно полагать, на восточныхъ предѣлахъ Тибета. Впрочемъ, Ибула скоро пріобрѣтаетъ себѣ союзника и помощника въ лицѣ вліятельнаго фаньскаго старшины рода Бурхай, который вступаетъ съ нимъ въ союзъ и присоединяется къ нему со всѣмъ своимъ народомъ¹⁾. Китайское правительство, недовольное такимъ исходомъ, въ мнѣніи своемъ о средствахъ къ умиротворенію страны и собственныхъ границъ раздѣлилось; одна сторона предлагала самыя мирныя средства: наградить разбойниковъ титулами, чинами и подарками, чтобы привлечь ихъ къ покорности; другая сторона стояла за болѣе дѣйствительныя и серьезныя мѣры. Военный министръ Япъ-и-цинъ докладывалъ, что «у Хай-

¹⁾ Этого Бурхая нужно принимать за старшину части Хомотовъ, перешедшихъ въ сосѣдство къ Кувэ-нору; какал. слѣдовательно, этнографическая нутаца представляется въ китайскихъ сказаніяхъ!

коу исправныхъ и собственныхъ войскъ не болѣе двухъ-трехъ тысячъ, остальные же ратники суть порабощенные ими Фани, которые проникнуты злобою и постоянно думаютъ объ отмщеніи; поэтому онъ предлагалъ дѣйствовать на Фаней и послать сильное войско. Въ то время, какъ въ столицѣ шли эти пересуды, китайскія войска, выставленныя противъ разбойниковъ, за малочисленностію и недостаткомъ провіанта, оставались въ бездѣйствіи и тѣмъ давали полный просторъ хищническимъ притѣсненіямъ и набѣгамъ на скрывавшихся Фаней. Уже при самомъ вступленіи Ибула въ Кукэ-норъ Фани двинулись на южный берегъ Хуань-хэ, и цѣлыми толпами, бѣжали въ Китай, ища защиты и наполняя собою пограничныя области; теперь же, стѣсненные до крайности, они въ свою очередь силою стали пробиваться въ Китай и грабежомъ на границахъ снискивать себѣ пропитаніе. Въ 8-мъ г. правленія Цзя-цзина (1520 г.) фанское населеніе въ Тяочжоу и Минь-чжоу, имѣя во главѣ роды Жо-лунъ, Баньеръ и Лацзи произвели открытое возмущеніе, грозившее сильными безпорядками всей западной границѣ Китая; но, благодаря умной распорядительности Вань-цюна, возстаніе было усмирено большею частію кроткими мѣрами; 70 фанскихъ родовъ подчинились Китаю. Самъ Бурхай, не довѣряя своему союзнику и тяготясь его непосредственною властію и вліаніемъ, рѣшился поддаться Китаю и просилъ разрѣшенія вмѣстѣ съ своими родичами послать дань и отправить заложниковъ. Пользуясь такимъ исходомъ дѣла, Китайцы принялись за возстановленіе укрѣпленій, лежавшихъ на южномъ берегу Хуань-хэ, чтобы обезпечить защиту края и новыхъ подданныхъ отъ ожидаемыхъ нападений разбойниковъ. Опасенія на сей разъ были напрасны, потому что монгольскій старшина Цзи-нанъ въ этому времени двинулся изъ Ордоса къ Кукэ-нору, разбилъ на голову Ибула и увелъ плѣнниками большую часть его рода. Это событіе до того ослабило силы Хай-коу, что они начали заискивать въ Фаняхъ, воспользо-

вавшихся ихъ слабостію и возвратившихся на свои прежнія земли.

Около этого времени въ южной Монголіи быстро начинаетъ усиливаться Аньда, одинъ изъ сыновей Сяо-ванъ-цзы Ачжу, на счетъ племянника своего Бу-чи, откочевавшаго, какъ мы видѣли въ Ляо-дунѣ. Въ 29-мъ году правленія Цзя-цзина Аньда поселился въ мѣстности Вэй-нинъ-хай-цзы для собственной защиты построилъ городъ въ долинѣ Фынъ-чжоу-танъ съ деревянными строениями и домами и назвалъ оный Банъ-шэнъ (монг. Байшингъ-городъ), который впоследствии названъ былъ Гуй-хуа-ченомъ ¹⁾. Отсюда онъ часто дѣлалъ набѣги на Сюанъ-хуа-фу и Да-тунъ-фу и скоро овладѣлъ Ордосомъ. Оттуда въ 38-мъ году того же правленія (1559 г.) съ родомъ своимъ и двумя сыновьями Бинъ-ту и Бинъ-ту онъ двинулся въ Кукэ-норъ и безъ труда овладѣлъ имъ, прогнавъ родъ Бурхай и ограбивъ остальныхъ Фаней, которые снова должны были искать убѣжища въ предѣлахъ Китая и на южномъ берегу Хуанъ-хэ. Эта новая миграція Монголовъ, сопровождавшаяся беспощадными насиліями, имѣла однако болѣе основательную цѣль — завоеваніе страны, что видно изъ послѣдующихъ усилій утвердиться тамъ и привязать къ себѣ населеніе. Самъ Аньда недолго однако остается въ Кукэ-норѣ: въ 40-мъ году правленія Цзя-цзина (1561 г.) онъ заболѣлъ водяною и опухолью ногъ и возвратился на прежнія кочевья, гдѣ скоро онъ получилъ титулъ Шунъ-ивана и главенство во всей южной Монголіи, вмѣстѣ съ открытіемъ для его подданныхъ 11-ти рынковъ ²⁾. Въ Кукэ-

¹⁾ «Алтанъ-тобчи» приписываетъ построение Гуй-хуа-чена китайскому императору Хонгуа-хану, уступившему престолъ свой сыну, рожденному отъ жены Уха-гату-хана и поселившемуся за бѣлою стѣной, гдѣ онъ построилъ городъ Кукэ-хото (стр. 155).

²⁾ Въ Да-тунъ-фу три рынка: Дэ-шэнъ-коу, Синь-пинъ-коу и Шоу-коу; въ Сюанъ-хуа-фу открытъ Чжанъ-цзя-коу; въ Шанъ-си: Шуй-цзя-нинъ; въ Нинъ-ся: Цинъ-шуй-инъ, Чжунъ-вэй и Пинъ-лу-вэй; въ Гань-су: Хунъ-шуй, Бянь-ду-коу, Гао-манъ-чжай, и проч. (см. Юань-ханъ-лэй-цзинь).

порѣ онъ Аньда оставилъ правителемъ сына своего, Бинь-ту; а второго сына, Бинь-ту, посадилъ въ Сунь-пань, на южномъ берегу Хуань-хэ, и всѣми мѣрами старался удерживать ихъ на первыхъ порахъ отъ столыновеній съ Китаемъ, давая тѣмъ возможность укрѣпиться имъ на новыхъ мѣстахъ. Въ сообществѣ Бинь-ту остались съ своими родами Чечень-тайцзи, племянникъ Цзи-нана, и братъ Чечень-хана, Холочи, поселившійся съ родомъ своимъ въ Ильмовыхъ долинахъ (см. Си-юй-као-гу-лу).

Въ это время тибетскіе ламы разнесли слухъ о появленіи живаго Будды въ лицѣ Далай-ламы, и все населеніе Кукэ-нора, какъ монгольское, такъ и тангутское, послѣдовало ученію новаго Будды ¹⁾. Бинь-ту не упустилъ случая воспользоваться религіознымъ энтузіазмомъ народа, и чтобы привязать его къ себѣ и возбудить довѣріе — съ одной стороны, а съ другой — чтобы показать себя хозяиномъ страны, онъ испросилъ у китайскаго правительства разрѣшеніе на построеніе въ честь переродившагося Будды двухъ кумиренъ — въ Кукэ-норѣ и за Цзя-юй-гуаномъ. Отъ Китайцевъ не могла скрыться главная его цѣль; но, не смотря на затруд-

¹⁾ Въ Тибетѣ до самыхъ Минскихъ временъ преобладающимъ былъ «красный» Буддизмъ (Хунь-цзяо), названный по цвѣту одежды духовенства. При императорѣ Юн-ло главою красной вѣры былъ пѣкто Калима, награжденный печатью и грамотою. При немъ состояло семь высшихъ духовныхъ сановниковъ, которые также пожалованы были титулами князей вѣры; всѣ они были наследственны въ своихъ званіяхъ и имѣли отдѣльные участки земли, какъ и всѣ Ту-си, то-есть, родовые старшины. Еще въ VII в. Цзонъ-хава возсталъ противъ красной вѣры, обвиняя представителей ея въ занятіи тайными ученіями (тария), и въ уклоненіи отъ первоначальныхъ правилъ Буддизма, и основалъ новое общество, принявшее для отличія желтую одежду; и новое ученіе получило названіе желтой-вѣры (хуань-цзяо), которая сохранялась посредствомъ перерожденій Далай-ламъ и Банчень-эрдени. (См. Си-юй-као-гу-лу). Упомянутый фактъ о распространеніи ученія о живомъ Буддѣ въ Кукэ-норѣ относится къ періоду начала преобладанія «желтаго» Буддизма въ Тибетѣ и приурочивается ко времени Далай-ламы стараго перерожденія *).

^{*)} Цзонъ-хава жилъ не въ VII, а въ XIV в.; см. о немъ статью В. П. Васильева «Ламаизмъ», въ Русскомъ энциклопедическомъ словарѣ изд. И. Н. Березиныхъ.

ненія, онъ все-таки добился разрѣшенія; а чтобъ еще болѣе угодить народу и распространить свою извѣстность и доброту, въ особенности среди недовѣрчивыхъ Фаней, онъ составилъ изъ нихъ же цѣлое посольство и отправилъ оное по дорогѣ черезъ Сунъ-пань на встрѣчу живаго Будды, направлявшагося въ китайскую столицу. Посольство это по обычаю шло не совсѣмъ спокойно, производило грабежи, почему Сы-чуаньскій губернаторъ, испугавшись приближенія этой толпы къ границамъ, просилъ дворъ приказать Аньдѣ обуздать сына и запретить грабить сосѣднія пограничныя мѣста. Аньда нашелся на этотъ разъ и отвѣтилъ, что Бинъ-ту дѣлаетъ это только по крайней необходимости, не имѣя никакихъ средствъ къ жизни, такъ какъ вблизи въ Гань-су для него нѣтъ открытаго рынка для торговли; а ходить въ Нинъ-ся и далеко и неудобно; поэтому, еслибъ онъ и приказалъ ему смириться, то тотъ, въ виду крайности не послушался бы. Китайцы должны были согласиться, и во 2-й годъ правленія Вань-ли (1574 г.), разрѣшено было открыть рынокъ въ Гань-су для Бинъ-ту; а въ Чжуанъ-ланѣ для Бинъ-ту съ тѣмъ, чтобы торговля производилась только по одному разу въ годъ. Такимъ образомъ въ одинъ разъ владѣтели Кукэ-нора и южнаго берега Хуанъ-хэ получили двойную выгоду въ упроченію своего вліянія.

Не смотря однако на всѣ старанія Аньды удерживать посаженныхъ имъ въ Кукэ-норѣ и сопредѣльныхъ мѣстахъ родичей отъ беспорядковъ, Чечень-тайцзи и Холочи время отъ времени продолжали грабить Фаней. Родъ Холочи угрожалъ даже всей области Си-нинъ; но ему не доставало внушеннаго строя и согласія старшинъ; Китайцы же, съ своей стороны, подбужданы и чинами сплотили противъ Холочи 13 фаньскихъ родовъ Ба-ша, Ба-ва, Шэнь-цзанъ и другіе, но вся тяжесть этого возстанія легла на Фаней, подвергшихся безпощаднымъ грабегамъ. Изнуренные Фани прибѣгли наконецъ съ просьбой о помощи и защитѣ къ Аньдѣ; но

взоры послѣдняго устремлены были на болѣе и болѣе учащавшіеся набѣги Ойратовъ (У-ла) на Су-чжоу и Гань-чжоу, и грозившіе Кукэ-нору. Аньда рѣшился напасть на Ойратовъ, чтобы отгнать ихъ отъ Кукэ-нора, для этого, подъ видомъ путешествія на встрѣчу живому Буддѣ, онъ съ родомъ своимъ двинулся на западъ и напалъ на Ойратовъ, которые однакожь отразили его и заставили уйдти на югъ черезъ Гань-су. У озера Кукэ-нора Аньда соединился съ другими поколѣніями и предполагалъ дѣйствительно идти въ Тибетъ. Этотъ новый наплывъ Монголовъ, стѣснившій Фаней, осѣвшихъ въ Кукэ-норѣ, заставилъ ихъ большею частію выселиться въ Китай. Къ счастью для остальныхъ, Далай-лама, разсорившійся съ Китаемъ изъ-за недостаточности подарковъ Бокдохана и прогнавшій посланника его Лю-юня, имѣлъ достаточное основаніе опасаться такого почитателя, какъ Аньда; поэтому представитель Будды поторопился отправить къ нему письмо, въ которомъ уговаривалъ вернуться на востокъ и предостерегалъ отъ кровопролитія и убійствъ, какъ самыхъ важныхъ грѣховъ. Увѣщанія воплощеннаго божества были безотлагательно уважены, и Аньда снова возвратился въ Ордосъ, гдѣ въ непродолжительномъ времени скончался, передавъ власть внуку своему Ла-ли-кэ, который уже не могъ имѣть такого сильнаго вліянія, какъ дѣдъ, и не въ силахъ былъ даже справляться съ своеволіемъ старшинъ въ своемъ аймакѣ. Въ Кукэ-норѣ къ этому же времени умираетъ Бинь-ту, оставивъ наслѣдникомъ Чженъ-сяна, который, лишившись помощи съ сѣверо-востока и покровительства со стороны Китайцевъ, собралъ свой народъ и поселился въ долину Мань-ла-чуань.

Между тѣмъ Ойраты, хотя и невольнымъ образомъ, начинаютъ прокладывать себѣ дорогу къ Кукэ-нору. Гнѣшимые Турфанцами, они въ 1588 году, вмѣстѣ съ поколѣніемъ Табунанъ, убѣжали въ Си-нинъ. Тамошній воинскій начальникъ Ли-куй пьяный выѣхалъ къ нимъ на встрѣчу, и не выслу-

шавъ ихъ жалобы и просьбъ, принялся за оружіе; раздраженные бѣглецы застрѣлили его и перебили большую часть вышедшаго съ Ли-куемъ войска; сами же своевольно поселились къ сѣверу отъ Южныхъ горъ (Нань-шань). Ровно черезъ два года въ 18-мъ году правленій Вань-ли (1590 г.) произошла послѣдняя вспышка кукэ-норскихъ Монголовъ, къ которымъ пришелъ на помощь съ своимъ родомъ Ла-ли-кэ. Не смотря на сопротивленіе китайскихъ войскъ, они врѣзались въ глубь Китая и опустошили округи Хэ-чжоу, Лянъ-чжоу, Тяо-чжоу, Вэй-чжоу и Юань-чжоу произвели страшную паннику въ сѣверо-западномъ Китаѣ. Китайцы употребили всѣ усилія, и не пожалѣли денегъ на подкупъ жены Анды, и вліятельныхъ князей сѣвера, чтобы отозвать Ла-ли-кэ. По возвращеніи Ла-ли-кэ, Холочи и Чжень-сянь, сознавая невозможность не только продолжать нападеніе, но и защищаться, откочевали за горы къ сѣверу, оставивъ небольшой родъ Кэбуту кочевать въ Мань-ла-чуань. Въ 1591 г. Фани, въ количествѣ 80,000 душъ, возвратились на свои прежнія кочевья и приступили къ обычнымъ занятіямъ; край постепенно успокоивался. Зимомъ въ 16-мъ году правленія Чунь-чжени (1643 г.) Ли-цзы-ченъ, взбунтовавшійся противъ Миновъ, отправилъ войска на западъ, которыя, по покореніи Гань-чжоу, проникли въ Кукэ-норъ и овладѣли этою страномъ.

Въ «Си-нинъ-фу-чжи» сохранилось интересное указаніе на заселеніе въ то время части областей Су-чжоу, Гань-чжоу, Лянъ-чжоу и Синина монгольскими родами, которые и по нынѣ живутъ тамъ подъ именемъ Хуанъ-фань (желтыхъ Фаней). Это были роды Холочи, Чжень-сяна-тайцзи, Нара-тайцзи, Шира-тайцзи, Хатань-батура-тайцзи, Нань-батура-тайцзи и другіе. Объ этихъ-то Желтыхъ Фаняхъ упомянулъ архимандритъ Палладій въ замѣчаніяхъ своихъ на письмо г. Пржевальскаго (см. Извѣст. Геогр. Общ., т. IX, № 9-й 1873 г.); но онъ, въ сожалѣнію, сдѣлалъ

ошибку и отнесъ ихъ къ родамъ Тангутскимъ. Въ «Су-чжоу-синь-чжи» прямо сказано, что Хуанъ-Фань суть потомки Ши-ла-го ¹⁾ (владѣнія Ши-ла), то-есть, Шира-тайцзи (см. Юань-цзянь-лэй-хань), а въ «Си-нинъ-фу-чжи» объяснено, что они суть потомки Монголовъ. Мы нарочно остановились на этомъ, чтобъ отмѣтить ошибку гг. Пржевальскаго и Петермана: на картахъ, изданныхъ, какъ г. Пржевальскимъ, такъ и Петерманомъ, область Си-нинъ заселена исключительно Китайцами, Далдами ²⁾ и Тангутами (Chinesen, Dalden und Tanguten: это, по нашему мнѣнiю, большая этнографическая ошибка, произшедшая отъ того, что не было сдѣлано справки по мѣстнымъ описанiямъ. На картѣ значатся, напримѣръ, Далды; но въ географiи Си-нина о нихъ вовсе и не упоминается, потому что это, вѣроятно, самый малочисленный родъ; Монголы же или Желтые Фани, составляющiе, даже сравнительно съ Тангутами, большинство населенiя Си-нина вовсе опущены: или потому, что Фань непременно долженъ быть Тангутъ, или же скорѣе потому, что такъ угодно картосоставителю.

Послѣ смерти Эсена и удаленiя Ойратовъ съ поля дѣйствiй, о. Іавиневъ продолжаетъ ихъ исторiю, какъ можно думать, на основанiи указанiй, записанныхъ въ Си-юй-тунъ-вэнь-чжи, и наполняетъ ее почти исключительно выпискою сухихъ и совершенно бесполезныхъ родословiй ойратскихъ поколѣнiй. Подобныя же родословiя, собранныя у Калмыковъ, представляетъ и Палласъ; но въ именахъ родоначальниковъ тѣхъ и другихъ не видится ни малѣйшаго сходства. За выпиской этихъ родословiй слѣдуетъ изложенiе усилiй Батура-

¹⁾ Въ отличiе отъ Черныхъ Фаней, Хэй-фань, или Тангутовъ, живущихъ въ черныхъ палаткахъ и называемыхъ поэтому Хэй-чжанъ-фань, то-есть, Черноюртныя Фани. Желтыхъ Фаней, или Монголовъ, называютъ Бай-чжанъ-фань, то-есть, Бѣлоюртныя Фани (см. Су-чжоу-синь-чжи). О занятiяхъ ихъ въ настоящее время и мѣстѣ нахожденiя части ихъ см. отчетъ г. Сосновскаго въ газетѣ Голось, 1876 г. № 108.

²⁾ О Далдахъ (Далту) см. Извѣстiя Геогр. Общ., т. IX, № 9, 1873 г., стр. 305.

хунь-тайцзи и отца его къ соединенію Ойратскихъ родовъ подъ одну верховную власть. Темное указаніе Минской исторіи на происшедшія среди Ойратовъ распри и междоусобія послѣ 1530 года (см. выше) можно принять за начало поманутыхъ усилій къ захвату власти въ руки одного дома, породившихъ почти одновременное отдѣленіе новыхъ Ойратовъ, то-есть, Тургутовъ и Хошотовъ отъ союза съ старыми, стремившимися къ нарушенію правъ сеймоваго равенства; бѣльшая часть Тургутовъ уходитъ въ Россію, осталъная же присоединяется къ Хошотамъ, и съ ними вмѣстѣ, удаляется въ Кукэ-норъ. Событіе это можно отнести къ 1638 году.

Давнишее знаомство съ кочевыми прелестями Букэнора, добытое во время прежнихъ набѣговъ, къ этому времени разширилось и уяснилось свѣдѣніями паломниковъ, двигавшихся безпрестанно въ Тибетъ чрезъ Кукэ-норъ на поклоненіе живому Буддѣ въ четвертомъ и пятомъ его перерожденіяхъ, и расположило Гуши-хана съ слѣдовавшими за нимъ родами идти прямо въ Кукэ-норъ. Почти несомнѣнно можно предположить и участіе Далай-ламы въ этомъ переселеніи; ставъ въ непріязненныя и весьма опасныя для него отношенія къ Цзанъ-ба-хану тибетскому, отступнику отъ Желтой Вѣры и гонителю желтаго духовенства, Далай-ламѣ естественно нужно было искать себѣ защитника, а толпы восторженныхъ поклонниковъ, приходившихъ изъ страны Ойратовъ съ богатыми приношеніями, могли указать ему на Гуши-хана-Турубайху. Это подтверждается послѣдовавшимъ тотчасъ же по переселеніи союзомъ Далай-ламы съ Гуши-ханомъ, если таковой не былъ заключенъ между ними тайно еще въ Чжунгаріи. Кромѣ этого предполагаемаго обстоятельства, и остальное все благоприятствовало тихому и скорому переселенію Ойратовъ, потому что Китай въ это время поражаемъ былъ на сѣверѣ оглушительными ударами Маньчжуровъ, а на западѣ загоралось возстаніе Ли-цзы-чена. Однако, для болѣе вѣрнаго обезпеченія своего переселенія и для приобрѣтенія

благосклонности новой династии, уже показавшей свою силу, Турубайху едва ли не съ дороги еще отправляетъ посольство (въ 1638 г.) съ данью ко двору императора Чунъ-дэ.

Овладевъ Кукэ-норомъ и вытѣснивъ большую часть Фапей на югъ за Желтую рѣку, онъ раздѣляетъ управленіе Хошотами между десятью своими сыновьями, оставляя впрочемъ Тургутамъ, расселившимся среди Хошотовъ, право управляться своими родовыми старшинами подъ его главенствомъ ¹⁾. Пространство, занятое имъ, и раскинувшееся по этому пространству населеніе Турубайху раздѣлилъ по степнымъ правиламъ на два крыла: правое и лѣвое. Описаніе границъ того и другого подробно представлено въ Мэнь-гу-ю-мудзи, по которому земли лѣваго крыла простирались съ востока отъ кумирни Дунгэръ, лежащей недалеко отъ Си-нина на западъ до рѣки Тяолай на 800 слишкомъ ли; съ юга, отъ сѣвернаго берега рѣки Болончункэкэ, или Хуанъ-шуй, на сѣверъ до Шара-тала, находящейся за предѣлами округа Лянъ-чжоу на 400 ли; съ юго-востока на сѣверо-западъ отъ горъ Кара-шань, лежащихъ на сѣверномъ берегу Кукэ-нора до рѣки Эцзинэй, текущей за предѣлами Ганъ-чжоу на 400 ли слишкомъ; въ сѣверной части земли этого крыла протягивались отъ города Юнь-чана въ юго-западу до рѣки Булунгиръ, что за проходомъ Цзя-юй-гуань; вся площадь занимала пространство въ 2,000 слишкомъ ли. Границы праваго крыла съ востока на юго-западъ тянулись на 2,500 ли отъ кумирни Дунгэръ до озеръ Ка-сы-чи; съ юга на сѣверъ на 1,500 ли отъ горъ Чжанъ-ла-линъ, тянувшихся въ области Сунъ-пань, по границѣ неповорныхъ Фапей, на югъ отъ Хуанъ-хэ до юж-

¹⁾ У Риттера, на основаніи указаній Клапрота, весь Кукэноръ этого времени и послѣдующаго заняты кочевьями «Саэпо». Саэпо, какъ можно думать, есть тибетское названіе родовъ, переселившихся съ Турубайху, и послѣ него, въ Кукэноръ, или, по толкованію Риттера, означаетъ кочевой народъ (см. Ritter's Erdkunde, III, p. 108.) *).

*) По объясненію В. П. Васильева, Сокбо у Тибетцевъ есть общее названіе для Монголовъ.

И. В.

наго берега рѣки Хуанъ-шуй; съ юго-востока на сѣверо-западъ отъ хребта Да-р-цзи, составляющаго продолженіе горъ Си-цинъ-шань, и протягивающагося за предѣлами округа Тяо-чжоу въ южной части Гань-су до озера Сэртэнь и мѣстности Ширкарагинь на протяженіи 2,000 слишкомъ ли; съ с.-востока на юго-западъ простирались на 1,500 ли отъ мѣстности Кэтэнь-кутэръ, лежащей къ западу отъ Си-нина до рѣки Муруй-усу. Въ этихъ предѣлахъ удержалось однако нѣсколько фаньскихъ родовъ, каковы: Бай-га, Гуй-дэ, Го-ми, Ла-кэ, Юй-шу и На-кэ-му; всѣ они размѣстились вблизи границъ округовъ Гань-чжоу и Лянъ-чжоу, гдѣ и до нынѣ остается часть ихъ подъ именемъ Хэй-фань, то-есть, «черныхъ» Фаней, или Хэй-чжанъ-фань, то-есть, «черноюртныхъ» Фаней.

Устроившись такимъ образомъ, Турубайху въ 7-мъ году правленія Чунъ-дэ (1643 г.) вмѣстѣ съ Далай-ламою, Баньчень-эрдэни у Цзанъ-ба, ханомъ Тибетскимъ, отправляетъ посольство ко двору, и оно обольными путями добирается до Мукдэня съ данью и предвѣщаніемъ отъ Далай-ламы о завоеваніи всего Китая народившеюся Маньчжурскою династією. Замысль Далай-ламы съ Турубайху противъ Цзанъ-ба-хана въ этому времени окончательно созрѣвъ, почему въ слѣдующемъ 8-мъ году правленія Чунъ-дэ (1644 г.) Турубайху съ войсками двинулся въ Тибетъ, по особенной просьбѣ Далай-ламы и его ди-ба, то-есть, свѣтскаго министра, и убилъ Цзанъ-ба-хана, какъ отступника отъ вѣры и притѣснителя народа. Вслѣдъ за симъ онъ раздѣлилъ земли Тибета между Далай-ламой и Баньчень-эрдэни, поставивъ во главѣ правленія старшаго сына своего, Дааяня, съ титуломъ Очиръ-хана, а 6-го сына Дорчжи назначилъ помощникомъ ему съ званіемъ Далай-батуръ-тайцзи (см. Хуанъ-чао-фань-бу-яо-лѣ). Въ 3-мъ году правленія Шунъ-чжи (1647 г.), въ отвѣтъ на новое посольство, Турубайху посланы были шлемъ, латы, лукъ и стрѣлы съ повелѣніемъ быть ему правителемъ надъ всѣми пришедшими съ нимъ Ойратами

(Элютэ), а въ 10-мъ году того же правленія (1657 г.) онъ пожалованъ былъ титуломъ Гуши-хана и золотою печатью. Китайцы, или лучше сказать, Маньчжурскій дворъ, могъ догадываться какого полезнаго сосѣда онъ приобрѣлъ себѣ въ Гуши-ханѣ. Въ 6-мъ году правленія Шунь-чжи на ряду съ возстаніемъ Ли-цзы-чена, въ конецъ разорившимъ провинцію Сы-чуань, вспыхнуло въ Гань-су возстаніе магометанъ Саларь, носящихъ бѣлые чалмы (бай мао), подъ предводительствомъ Мила-иня и Динъ-го-дуна, которые овладѣли Си-ниномъ и почти всею западною частію Гань-су ¹⁾. На помощь китайскому войску явились, съ своими кочевниками, сыновья Гуши-хана, Омубу и Хурумши (Ху-лу-му-ши), и въ 7-мъ году того же правленія (1654 г.) возстаніе магометанъ было подавлено, а Си-нинъ возвращенъ Китаю. За эту услугу Омубу и Хурумши получили почетные титулы (см. Фань-бу-яо-лѣ). Въ 13-мъ г. Шунь-чжи (1660 г.) внукъ Гуши-хана Гунь-бу сдѣлалъ покушеніе напасть на Гань-чжоу, желая вымѣстить на яркандскомъ посольствѣ обиду, причиненныя Яркандцами подвластнымъ ему кочевникамъ. Гунь-бу кочевалъ за проходомъ Цзя-юй-гуань въ сосѣдствѣ съ Хами, такъ что чжунгарскіе и магометанскіе послы изъ Турвестана неминуемо должны были проходить черезъ его кочевье. Когда яркандское посольство пришло въ Су-чжоу, Гунь-бу рѣшился сдѣлать нападеніе; но губернаторъ Гань-су перевелъ посла для безопасности въ Гань-чжоу; Гунь-бу, собравъ 1.000 всадниковъ, двинулся на Гань-чжоу, гдѣ уже все было подготовлено, чтобы дать ему отпоръ, почему онъ и долженъ былъ возвратиться. Въ этомъ же году скончался

¹⁾ Нѣкоторыя подробности объ этомъ возмушеніи магометанъ см. въ статьѣ архимандрита Палладія: «О магометанствѣ въ Китаѣ», Труды рос. дух. миссіи въ Пекинѣ, IV стр. 442—444. Въ 46-мъ году правленія Цянъ-луна (1781 г.) магометане-салары произвели новое возмушеніе, такъ что нынѣшнее, почти усмирненное возстаніе магометанъ въ Китаѣ имѣетъ свою основу и исторію въ прошедшемъ.

Гуши-ханъ, передавъ власть младшему сыну своему, Даши-батуру.

Изъ предложеннаго выше описанія границъ пространства, занятаго Гуши-ханомъ при переселеніи, видно, что во многихъ мѣстахъ переселенцы вѣзались въ предѣлы Китая и заняли поэтому своимъ вочевымъ хозяйствомъ пахатныя земли. Кромѣ этого нѣкоторые изъ хошотскихъ старшинъ въ сообществѣ съ Фанями часто производили грабежи и беспорядки внутри Китая. Во избѣжаніе этихъ неудобствъ, тотчасъ по смерти Гуши-хана дворъ предписалъ сыновьямъ его, Чечень дайцину [Омубу] и Далай-батуру, вмѣстѣ съ китайскими комиссарами произвести разграниченіе, очистить всѣ пахатныя земли, передать управленіе Фанями и право сбора съ нихъ податей въ руки Китайцевъ и опредѣлить по границамъ мѣста для взаимной торговли. Разрѣшено было производить торговлю въ Сини-нѣ, Чжень-хай-бао и Хунъ-шуй. Тургуты же, кромѣ того, отдѣльно испросили себѣ право ходить для торговли въ Гуй-хуа-ченъ. Но эти условія и постановленія, при полномъ отсутствіи пограничной стражи и дозора, оставались безъ приложенія. Хошоты неуклонно домогались завладѣть снова долиною Шара-тала и Да-цао-тань, соблазненнымъ ихъ богатствомъ пастбищъ, и когда Китайцы поставили укрѣпленія и стали угрожать военною силою, Хошоты, въ свою очередь, рѣшились напасть на Хэ-чжоу, Си-нинъ, Лянь-чжоу и проч. Китайцы распорядились было занять и укрѣпить всѣ проходы въ Южныхъ горахъ; но Далай-лама въ этому времени [1667 г.] послалъ наказъ Хошотамъ не нападать на границы Китая и перекочевать изъ Хуанъ-ченъ-рэ и Да-цао-тань, что и было ими исполнено съ покорностію. Но въ 13-мъ году правленія Канси [1674 г.], пользуясь возмущеніемъ У-санъ-гуя, Ванъ-фу-ченя и набѣгомъ чжунгарскихъ тайцзи Ханьду и Байда, опустошившихъ Дацао-тань, Хошоты, съ Мэргэнь-тайцзи во главѣ, заняли снова эту мѣстность; другая же часть ихъ ограбила Хэ-си. Но всѣ эти непріятности, при-

чиненныя переселенцами Китаю искупаются съ избыткомъ послѣдующими ихъ заслугами.

Къ этому времени на сѣверо-западѣ, въ Чжунгаріи, почти созрѣла мысль объ объединеніи всей Монголіи подъ властію Чжунгаровъ и о сверженіи ига китайскаго. Мысль эта, породившая почти столѣтнюю и отчаянную борьбу Чжунгаровъ съ Китаемъ, воспитана и взлелѣяна въ Тибетѣ по программѣ Далай-ламы, и въ особенности, подъ вліяніемъ его честолюбивыхъ ди-ба, то-есть, свѣтскихъ министровъ, помнившихъ величіе Тибета при Сронъ-цзанъ-гамбо и его пріемникахъ, нападавшихъ на Индію, завоевавшихъ Болорское царство и овладѣвшихъ Восточнымъ Туркестаномъ и южными племенами Хойхоровъ. Еще болѣе ненавистно было диба, и еще болѣе разжигало ихъ замыслы ига китайское, наложенное на Тибетъ Гуши-ханомъ и потомъ его сыновьями. Изъ этой школы, съ полнымъ запасомъ честолюбія и ненависти въ Китаю и его данникамъ, выходитъ Галданъ ¹⁾, который прежде всего обращаетъ свою злобу на своихъ родичей въ Чжунгаріи, гдѣ властвовали братья его Чечень и Чжотэба-батуръ. Галданъ убиваетъ Чеченя и вынуждаетъ спастись бѣгствомъ въ Кукэ-норъ Чжотэба-батура и брата его Чжоригту-хошоци, которые съ своими родами присоединились въ Хошотамъ подъ общою фамиліей Чоросъ ²⁾ и вступили подъ главенство Даши-батура. Этотъ первый толчекъ быстро отзывается въ Кукэ-норѣ, и Даши-батуръ,

¹⁾ Всѣ китайскія сказанія увѣряютъ, что Галданъ, воспитываясь съ малолѣтства въ Тибетѣ, занимался изученіемъ Шаманской вѣры [Шаминь-цзяо]; фактъ этотъ болѣе чѣмъ сомнителенъ, потому что воспитаніе его шло на глазахъ Далай-ламы. Нужно для объясненія допустить или ошибку, или скорѣе всего, счастливо выдавшееся употребленіе древняго слова Шаминь, или Саманъ, которымъ именовалось буддійское духовенство, а Шаминь-цзяо будетъ означать: буддійская вѣра.

²⁾ Почти одновременно отдѣляется отъ Галдана еще часть Чоросовъ и откочевываетъ въ аймакъ Санинь-нояна, съ которымъ составляетъ одинъ сеймъ. За эту частію осталось прозваніе О-лу-го [см. Мэнь-гу-д-му-цзи, о Чоросахъ].

предвидя предстоящую бурю, спѣшить поддаться Китаю и вступить съ нимъ въ тѣсный союзъ, вслѣдствіе коего Китайцы занимаютъ своими войсками Куэ-норъ, и вмѣстѣ съ Куэ-норцами, наблюдавшими за движеніями въ Тибетѣ, стоятъ на стражѣ почти все время войны на сѣверо-западѣ и востокѣ. Галданъ, послѣ нападенія на Ордосъ въ 16-мъ году правленія Канси [1677 г.], рѣшился покорить и Куэ-норъ; для оправданія своего рѣшенія онъ представилъ благовидный и основательный предлогъ, именно — что онъ желаетъ взять только по праву принадлежащія ему земли, такъ какъ предокъ его Докэсинъ-ноянъ участвовалъ въ завоеваніи Гуши-ханомъ Куэ-нора. Такое представленіе, какъ видно, не было отвергнуто Пекинскимъ дворомъ, который съ одной стороны успокоивалъ Куэ-норцевъ, собиравшихся обжечь, а съ другой — предписывалъ своему главнокомандующему, что если Галданъ двинется на Куэ-норъ чрезъ степь Дабу-суту-хань-хай, то пропустить его; если жъ онъ пойдетъ чрезъ Да-цао-гань, то взять съ него строгое обязательство не безпокоить предѣловъ Китая. Такая двуличность Китая и содержаніе войскъ въ Куэ-норѣ заставили Галдана отказаться отъ намѣренія напасть на Куэ-норъ и заходить такъ далеко и обратили его взоры на Монголію, оставивъ однако въ страхѣ Куэ-норцевъ.

Походъ Галдана на Монголію далъ Куэ-нору новыхъ переселенцевъ — части Халхасцевъ и отдѣленія рода Хойта. Первые, избѣгая гибельныхъ набѣговъ Галдана, подъ предводительствомъ Дорчжи-алабутань-илэдена, сына Тангутъ-мэргэна тайцзи, вочевавшаго въ сосѣдствѣ съ Чжасагту-ханомъ, перекочевываютъ въ Куэ-норъ и поселяются по берегамъ рѣки Хоръ-бира, то-есть, прямо на востокъ отъ озера Куэ-нора. Хойта, по опредѣленію Китайцевъ, изъ фамиліи Икэ-мингань, подъ начальствомъ дйба, по прозванію Цинъ-нояна, переходятъ въ самый край юго-западнаго угла Куэ-нора и поселяются въ горахъ Алакъ-шань, то-есть, въ южной части степи Цайдамъ; оттуда уже въ правленія Юнь-

чжена переводятся на южный берег озера Ваянь-норъ, отъ Куэз-нора къ юго-востоку. Этимъ переселеніемъ закончились всѣ миграціи въ Куэз-норъ съ сѣвера, и населеніе онаго сформировалось такимъ образомъ изъ Хошотовъ, Тургутовъ, Чоросовъ, Хойтовъ и Халхасцевъ, которые подраздѣлялись на 18 извѣстныхъ фамилій.

Между тѣмъ движеніе въ Тибетѣ шло безпрепятственно своимъ порядкомъ. Хошотскіе князья, Даянь-ханъ, Пинъ-су-кэ-далай-ханъ и Лацзанъ-ханъ, наследуя одинъ другому, жили въ заднемъ Тибетѣ [Хоу-цзанъ] въ городѣ Чжаши-луньбу [«гора счастливаго предзнаменованія»], слѣдовательно, вдали отъ Хлассы, гдѣ Далай-лама и диба управлялись независимо. Въ 22-й годъ правленія Канси [1684 г.] Далай-лама пятаго перерожденія, Лобцзанъ-цзямцо, умеръ; пользуясь отсутствіемъ всякаго контроля, диба скрылъ отъ китайскаго двора смерть его и сталъ своеправно дѣйствовать его именемъ. Не разчитывая на осуществленіе своихъ плановъ въ лицѣ Галдана, диба приманилъ къ себѣ племянника его Цѣванъ-Равтана ¹⁾ и вступилъ въ тѣсную дружбу съ Лацзанъ-ханомъ, который однако же вполне понималъ его замыслы и не только не сочувствовалъ местнымъ предложеніямъ, но даже доносилъ о дѣйствіяхъ дикой китайскому двору. За это диба въ 44 г. правленія Канси [1706 г.] сдѣлалъ неудачную попытку убить Лацзанъ-хана. Къ этому времени китайскій дворъ, узнавъ всѣ его продѣлки и замыслы, послалъ строжайшій наказъ; диба Санъ-цзѣ, какъ бы въ оправданіе, тотчасъ донесъ въ Пекинъ, что Далай-лама ожилъ и уже возсѣлъ на свою кафедру; но въ Пекинѣ это признано было за его съ Цѣванъ-Равтаномъ вымыслъ. Тогда диба повелъ дѣло другимъ путемъ,

¹⁾ Цѣванъ-Равтанъ женатъ былъ на родственницѣ жены Галдана, которую послѣдній отнялъ у него; поэтому Цѣванъ-Равтанъ отдѣлился отъ Галдана и перекочевалъ въ долину Боро-гала, лежащую къ западу отъ Иртыша и къ сѣверо-востоку отъ Кульджи въ 200 сличкомъ ли; отсюда и началъ онъ дѣйствовать самостоятельно [см. Мэнъ-ву-му-ци въ гл. о Дурботахъ].

болѣ рѣшительнымъ: съ одной стороны, онъ рѣшился избрать новаго, враждебнаго Лацзанъ-хану, Далай-ламу, а съ другой— пригласилъ Цѣванъ-Равтана силою раздѣлаться съ Хошотскимъ ханомъ. Противъ перваго Лацзанъ-ханъ отвѣтилъ тѣмъ же оружіемъ: онъ избралъ отъ себя Далай-ламу; но народъ, видѣвшій въ этихъ избраніяхъ орудія враждебныхъ партій, не призналъ ни того ни другаго, а поставилъ въ Далай-ламу извѣстнаго чудесами Литанскаго 10-ти-лѣтняго мальчика Карцзанъ-цзямцо. Всѣ кукэ-норскіе роды встрѣтили съ восторгомъ вновь избраннаго и просили дворъ объ утвержденіи его въ званіи Далай-ламы; но Китайцы и этотъ выборъ почли сомнительнымъ, и императоръ приказалъ обождать ему въ Си-нинѣ и жить въ кумирнѣ Тарсы. Этою медленностію и подозрительностію Китайцы продолжили интриги и борьбу партій въ Тибетѣ. Къ разрѣшенію этой борьбы подошли Чжунгары, которые овладѣли Тибетомъ; они пришли туда чрезъ Хотанъ, потому что ближайшая дорога черезъ Кукэ-норъ и Муруй-усу была охраняема Кукэ-норцами. Видимымъ поводомъ къ походу Чжунгаровъ было отправленіе въ Тибетъ сына Лацзанъ-ханова, женатаго на дочери Цѣванъ-Равтана. Полководецъ Цѣванъ-Равтана, Цэрэнъ старшій, съ 6,000 войска перешелъ чрезъ Тэнгри-норъ и Тѣсо-цяо, нечаянно напалъ на Тибетъ и убилъ Лацзанъ-хана, отправилъ въ Или награбленныя по кумирнямъ драгоцѣнности и поставилъ Тибетскимъ ханомъ одного изъ своихъ сообщниковъ, по имени Да-цзѣ-дѣ-ба. На защиту Тибета посланы были войска подъ начальствомъ Олунъ-тэ, въ которому должны были присоединиться и Кукэ-норцы; но походъ этотъ былъ неудаченъ вслѣдствіе недостатка провіанта и значительнаго превосходства непріятеля числомъ. Въ 57-мъ году правленія Канси [1719 г.] приказано было двинуть войска съ сѣвера изъ Баркюля и отъ Алтая подъ начальствомъ Фурданя; съ запада отъ Да-цзянь-лу чрезъ Литанъ пошли Карби и Юэ-чжунъ-ци; изъ Кукэ-нора двинулся съ Хошотами и другими Янь-синь,

къ которому присоединилось огромное посольство, почти со всѣми кукэ-норскими князьями, сопровождавшими вновь утвержденнаго Далай-ламу. Хотя этотъ походъ также тянулся долго по причинѣ разрозненности силъ; однако Цэрэнъ, разбитый нѣсколько разъ, вынужденъ былъ бѣжать старою дорогою чрезъ Хотанъ въ Чжунгарію только съ 1,000 человекъ. По водвореніи спокойствія и порядка, водворился и новый Далай-лама; старый же отозванъ былъ въ Певинъ, при чемъ всѣ ламы тибетскіе и кукэ-норскіе, помогавшіе врагамъ, были казнены. Главная власть оставлена была по прежнему въ рукахъ Хошотовъ; министръ Лацзанъ-хана, бэйцзы Канъ-цзы-нанъ, поставленъ управлять переднимъ Тибетомъ, а тайцзы Полонай—заднимъ; но съ этимъ броженіе противъ Китая еще не кончилось.

Послѣ побѣды надъ Галданомъ, императоръ Канси въ 36-й годъ своего правленія (1697 г.) отправилъ посланца въ Кукэ-норъ съ указомъ всѣмъ родовымъ старшинамъ собраться на съѣздъ въ мѣстности Лунъ-цзюй-дао для обсуждения общественныхъ дѣлъ, а въ слѣдующемъ 1698 г. всѣ старшины, исключая малолѣтнихъ, представились ко двору, гдѣ сынъ Гуши-хана, Даши-батуръ, произведенъ былъ въ Хошопинь-ваны, а остальнымъ даны были титулы бэйлэ, бэйцзы, гунъ и проч. Вслѣдъ за симъ начинается рядъ постановлений и преобразованій, служившихъ къ упроченію власти Китая надъ Кукэ-норомъ. Въ 41-мъ году того же правленія повѣлено было ламѣ Шанъ-нанъ-дорчжи привести всѣхъ князей къ присягѣ на вѣрность; положено было имъ жалованье, и опредѣленъ порядокъ пріѣзда ко двору; лама же Шанъ-нанъ-дорчжи, имѣвшій громкую извѣстность и вліяніе на князей, назначенъ витайскимъ комиссаромъ и главноуправляющимъ дѣлами; для совмѣстнаго съ нимъ управленія избрано было нѣсколько князей, завѣдывавшихъ общимъ сеймомъ. Дальнѣйшее время по 58-й годъ (1719 г.) проведено было въ усмиреніи Тибета и въ изысканіи мѣръ для охра-

ненія безопасности Кукэ-нора отъ будущихъ вторженій Чжунгаровъ, при чемъ ловко и незамѣтно для Кукэ-норцевъ поселено тамъ 2,000 китайскихъ солдатъ, для которыхъ потребовался участокъ пригодной для обработки земли; въ 58-мъ году императоромъ Канси въ мѣстностяхъ Си-цзи-му и Дариту назначенъ былъ съѣздъ для постановленія и опредѣленія границъ (см. Шо-мо-фанъ-лѣ). Командированный туда чиновникъ министерства колоній (Ли-фанъ-юань) Ба-фу-шоу доносилъ: «Я приказалъ Элютскимъ бѣйцзы Алабутаню, тайцзи Арсалану и бэйлэ Эрдэни-эркэ», то-есть, князьямъ, занимавшимъ нужныя для Китайцевъ земли, «собраться въ Си-цзи-му, и объявилъ имъ о постановленіи границъ. Они отвѣчали: Мы, Цинхайскіе люди, пользующіеся великими милостями императора, не должны жалѣть полоски земли. Во всѣхъ мѣстахъ, годныхъ для земледѣлія, мы позволяемъ солдатамъ и народу заниматься хлѣбопашествомъ. За собою оставляемъ только мѣста, годныя для кочевки, съ насъ и довольно!» По точномъ обзорѣни Ба-фу-шоу нашель, что мѣстность Си-цзи-му, издавна занятая кочевьями Монголовъ, привлекла уже много земледѣльцевъ, такъ что Монголы кочевали только въ промежуткахъ; въ мѣстности же Дариту подданные Эрдэни-эркэ, увлекшись примѣромъ Китайцевъ, вмѣстѣ съ солдатами приступили къ земледѣлію по обоимъ берегамъ рѣки Су-лэ, почему онъ счелъ нужнымъ отрѣзать всѣ пахатныя земли отъ Кукэ-нора и поставить пограничныя столбы. Такимъ образомъ Кукэ-норцы лишились участка земли на протяженіи отъ Южныхъ горъ до Цзя-юй-гуаня и далѣе къ западу. Этотъ выдѣлъ земли сопровождался, кромѣ того, назначеніемъ комиссаровъ китайскихъ чиновниковъ, забравшихъ власть и управленіе Кукэ-норомъ въ свои руки, что однако не осталось безъ протеста.

Въ это время главою Кукэ-нора былъ правнукъ Гуши-хана, Лобцзанъ-даньцзинь, наслѣдовавшій отъ отца своего Даши-батурса титулъ цинь-вана и главы сейма. Согласно

первоначальному дѣленію всѣхъ земель и народа на два крыла, правое и лѣвое, Лобцзанъ-даньцзинь съ родичемъ своимъ Чаганъ-даньцзинемъ завѣдывали правымъ крыломъ. Чаганъ кочевалъ къ востоку отъ Хуанъ-хэ недалеко отъ области Сунъ-пань, а Лобцзанъ жилъ къ западу отъ Хуанъ-хэ до мѣстности Булунгирь, такъ что Желтая рѣка служила имъ границею. Главными старшинами лѣваго крыла утверждены были сеймомъ Эрдэни-эркэ-токтонай и Арбутанъ-омубу. Лобцзанъ-даньцзинь, съ одной стороны—стѣсняемый болѣе и болѣе притязаніями Китайцевъ, порождавшими недовольство и въ другихъ старшинахъ, а съ другой — видѣвшій и ясно понимавшій шаткое положеніе дѣлъ въ Тибетѣ, рѣшился однимъ разомъ устранить вліяніе Китайцевъ на дѣла Куэ-нора и овладѣть Тибетомъ, чтобы потомъ по примѣру Очирту-хана жить въ Тибетѣ и оттуда управлять Куэ-норомъ. Для этой цѣли онъ заключилъ тайный союзъ съ Цѣванъ-Равтаномъ, и въ надеждѣ на сочувствіе подвластныхъ ему старшинъ, собралъ въ мѣстности Чаганъ-то-логой сеймъ, на которомъ объявилъ, чтобы старшины бросили пожалованные Китайцами титулы и приняли прежнія родовыя названія; самъ же наименовалъ себя Далай-хунъ-тайцзи. Какъ и слѣдовало ожидать, сеймъ раздѣлился на двѣ стороны; сильнѣйшая, во главѣ коей стали Чаганъ-даньцзинь и Эрдэни-эркэ-токтонай, воспротивилась замысламъ Лобцзана и рѣшилась противопоставить ему вооруженную силу. На сторону Лобцзана стали бѣгле Пынсукъ-ванчжарь, фугогунъ Чивчичжабу бэйлэ Лобцзанъ-чаганъ-цэрэнъ, Дуньдобу, Лачабу и Тургутскій тайцзи Ноянъ-гэлунъ-норбу; главнымъ же сторонникомъ Лобцзана оказался Чаганъ-но-мыпъ-ханъ, владѣтельный старшина и вліятельный глава духовенства въ Куэ-норѣ. Къ этому же времени пришли отъ Цѣванъ-Равтана вспомогательныя войска подъ начальствомъ Сэбтэнъ-Чжара.

Лобцзанъ раздѣлилъ свои силы на три отряда, изъ коихъ одинъ долженъ былъ грабить сосѣднія враждебныя ко-

чевья и безновонть границы Китая; другому приказано напасть на Сининъ; съ третьимъ онъ напалъ на кочевье Чагань-даньцзиня, который съ сотнею своихъ близкихъ подданныхъ принужденъ былъ бѣжать къ Хэ-чжоу-ской заставѣ Лао-я-гуань. Китайскій комиссаръ по дѣламъ въ Куэ-норѣ Чанъ-шоу въ виду крайности поселилъ его въ предѣлахъ Хэ-чжоу, чѣмъ далъ прямой поводъ Лобцзану напасть и ограбить этотъ округъ; остальные подданные Чагань-даньцзиня не замедлили вслѣдъ за нимъ поддаться Китаю. Прогнавъ одного противника, Лобцзанъ обратился на другого; съ 4,000 войска онъ напалъ на кочевье Эрдэни-эркэ-токтоная. Токтонай вздумалъ было защищаться, но былъ разбитъ на голову, и кочевники его разбѣжались; самъ же онъ съ женою обольными путями бѣжалъ въ Гань-чжоу, оставивъ участь кочевья подъ защиту своихъ сыновей, Арабуцзи и Соному-даши, которые, собравъ разбѣжавшихся родовичей, сражались семь дней и заставили враговъ отступить, послѣдовавъ однако-же за отцомъ въ Гань-чжоу подъ защиту Китая. Китайское правительство думало сначала кроткими мѣрами и увѣщаніями отклонить Лобцзана отъ возмущенія и послало съ этою цѣлю шилана Чанъ-шоу; но Лобцзанъ отвѣтилъ, что противъ Китая онъ ничего не имѣетъ, а вооружается противъ Даньцзиня и Токтоная, которые имѣютъ намѣреніе овладѣть Тибетомъ. Давая такое объясненіе, онъ между тѣмъ заявилъ открытое возмущеніе, лишившись въ то же время пособника въ Чжунгарскомъ отрядѣ, который передался Китаю.

Въ 9-й лунѣ 1-го года правленія Юнь-чжена повелѣно было Сычуаньскому и Шэнсійскому генераль-губернатору Нянъ-гэнъ-яо выступить противъ бунтовщика, который, въ свою очередь, силою собралъ всѣхъ Куэ-норцевъ и Тангутовъ [Фань], жившихъ какъ внѣ, такъ и въ предѣлахъ Китая, и напалъ на границы, сжегъ и разрушилъ всѣ селенія и военныя пикеты. Въ это время къ нему готовы были применуть всѣ южныя Фани и ламы большихъ монастырей, неутомимо

подстрѣваемые Чагань-номынь-ханомъ; но Нянъ-гэнь-яо съ войсками двухъ провинцій въ 10-й лунѣ двинулся за границу и засталъ броженіе умовъ въ самомъ началѣ. До весны онъ одержалъ нѣсколько побѣдъ; 100,000 человекъ изъ возмущившихся родовъ приведены были къ порядку; причѣмъ поворились 26 старшинъ въ званіяхъ бэйлэ, бэйцзы, гуновъ и тайцзи, изъ коихъ наказаны были только самые виновные; остальные прощены за чистосердечное раскаяніе, а Тургутскій старшина Ноянь-галунъ — за то, что исповѣдывалъ шаманскую вѣру. Вслѣдъ за симъ на помощь Нянъ-гэнь-яо двинулись Юэ-чжунъ-ци и Да-динъ отъ Хуанъ-хэ и Синина разными дорогами, преслѣдуя возмущившихся. Въ сраженіи при Хамаръ-дабанѣ. Лобцзанъ-даньцинъ потерялъ весь свой обозъ, скотъ и оружіе; вмѣстѣ со сдавшимся войскомъ попались въ плѣнъ мать его и сынъ, Даньцинъ-хунъ-тайцзи. Самъ Лобцзанъ бѣжалъ въ Чжунгарію, гдѣ схваченъ былъ Китайцами во время похода противъ Даваца и представленъ былъ на судъ императора Цянь-луна [1736—1796 гг.]. Такъ кончилось это первое возстаніе Куэ-норцевъ, упрочившее навсегда власть Китайцевъ въ этой странѣ! По окончаніи похода Нянъ-гэнь-яо представилъ проектъ о необходимости раздѣленія Куэ-норцевъ, по образцу Халхаскихъ Монголовъ, на знамена, которыми командовали бы цзо-лины [ротные], и опредѣлить границы оныхъ. Въ проектѣ предложено было, для раздѣленія силъ, отдѣлить Тургутовъ, Чоросовъ, Хойтовъ и Халхасцевъ отъ Хошотовъ и дать каждому роду отдѣльное управленіе, изъ Фаней же составить особое вѣдомство и отдѣльно расселить ихъ. Проектъ этотъ получилъ полное одобреніе отъ богдохана.

Во 2-мъ году правленія Юнь-чжена [1724 г.] въ Тибетѣ также произведены были преобразованія. Поводомъ къ этому послужило движеніе трехъ кабулуней [гражданскихъ чиновниковъ], которые убили ванцзиная и хотѣли пробраться въ Чжунгарамъ; но Болонай пресѣкъ имъ дорогу и поймалъ

ихъ вождя. Пользуясь этимъ, китайское правительство назначило Болонай правителемъ Тибета, поставивъ ему въ помощники двухъ китайскихъ чиновниковъ, а для охраны оставленъ былъ гарнизонъ въ 2,000 человекъ. Къ дальнѣйшимъ улучшениямъ былъ новый поводъ въ просьбѣ сына Цѣванъ-Равтана, Галданъ-Цэрэна, о разрѣшеніи ему отправиться въ Тибетъ на поклоненіе и взять оттуда двухъ сыновей Лацзанъ-хана; тогда послѣдовало повелѣніе строго наблюдать за порядкомъ, и спокойствіе Батана и Литана отнесено было въ вѣдѣніе Сы-чуани, а спокойствіе западнаго Тибета—въ вѣдѣніе Юньнани. Но это распоряженіе было совершенно излишне, потому что въ этому времени бэйцзы Болонай обучилъ и сформировалъ 20,000 войска и разставилъ оное по границѣ для защиты отъ Чжунгаровъ, за что пожалованъ былъ титуломъ цзюньвана.

Для приведенія въ дѣйствіе проекта Нянь-гэнь-яо въ 3-мъ году правленія Юнь-чжена [1725 г.] командированы были въ Куэ-норъ чиновникъ министерства колоній Н'олай-гунъ и фу-ду-гунъ Да-динъ. По производству переписи оказалось въ населеніи Куэ-нора 29 родовъ или фамилій; сообразно съ этимъ количествомъ учреждено было 29 знаменъ: 21 знамя изъ Хошотовъ, 2 изъ Чоросовъ, 1 изъ Хойта, 4 изъ Тургутовъ, и 1 изъ Халхасцевъ. Со всѣхъ сторонъ озера Куэ-нора и въ разныхъ отъ него разстояніяхъ знамена расположены были въ слѣдующемъ порядкѣ: 3 знамени—гуна Ба-цэрэна, тайцзи Дакэ и чжасава ламы Чуйдака расположены были прямо къ востоку отъ озера; 7 знаменъ—цинъ-вана Ванчукэ, гуновъ Гунъ-гэ и Даши-намчжаръ, тайцзи Цзиецзи-чжабу, Ванчукъ-арбутаня, Дарчжи и Сэбтэр-буму воевали на юго-востокъ отъ Куэ-нора; 7 знаменъ—цзюнь-вана Цэрэнь-арбутаня, Эрдэни-эркэ-токтоная, бэйлэ Даши-цэрэна, тайцзи младшаго Цэрэна, Даши-дундобу, Шара, и Эрдэни-цзинунъ-данчжуна находились прямо къ югу отъ озера: 1 знамя

гуна Дань-цзиня лежало въ югозападу отъ озера; 6 знаменъ — бэйцзы Соному-даши, гуна Цэрэнъ-намчжара, тайцзи Карвасы, Цэрэнъ-дорчжи, Бардана и Гунъ-бу расположены были прямо къ западу отъ озера; 2 знамени — цзюнь-вана Айчукъ-даши, и тайцзи Дамаму Сэбтэна лежали къ сѣверозападу отъ Куэ-нора, и 3 знамени — бэйцзы Даньба, гуновъ Лобцзанъ-чагана и Айчукъ-чжабу находились прямо къ сѣверу отъ озера. Для ясности нужно прибавить, что изъ 29-ти знаменъ два Хошотскихъ и одно Тургутское лежали на южномъ берегу Хуанъ-хэ въ древнихъ Ильмовыхъ долинахъ, въ сосѣдствѣ съ кочевьемъ Чаганъ-номынъ-хана. Въ каждомъ знамени поставлены были помощникъ вана, или тайцзи, то-есть, управляющаго, Чжан-гинъ и его помощникъ, и Цанъ-линъ; все это сдѣлано было смотря по количеству семействъ; такъ на примѣръ, на 150 семействъ полагался одинъ цзо-линъ [ротный]; всего цзо-линовъ поставлено было 114-тъ. Всѣ куэ-норскія знамена составляли съ Чаганъ-номынъ-ханомъ одинъ сеймъ, лишенный однако туземнаго старшины, и находившійся подъ управленіемъ сининскаго комиссара въ званіи банъ-ши-да-ченя, въ которомъ въ томъ же году утвержденъ былъ фудутупъ Да-динъ, коему строго вѣщено было ежегодно одинъ разъ отправляться въ Куэ-норъ для собранія сейма чжасаковъ и наблюдать, чтобъ они не составляли сеймовъ своевольно. Всѣ ваны, бэйлэ, бэйцзы, гуны и тайцзи, въ званіи чжасаковъ, сдѣланы были наследственными и награждены печатами и грамотами; затѣмъ, по особому докладу Да-дина, чжасакамъ назначено было жалованье и количество подарковъ матеріями; они раздѣлены были на четыре очереди, по которымъ являлись ко двору въ новый годъ для поздравленія.

Вслѣдъ за симъ утверждены были положенія о торговыхъ пунктахъ и срокахъ торговли. Прежде еще, по предложенію Нянь-гэпъ-яо, жителямъ Куэ-нора разрѣшено было во 2-й и 8-й лунгахъ ежегодно производить съ Китайцами торговлю въ

мѣстности Нара-сара, находящейся въ ю.-з. отъ Синина въ 80 ли отъ заставы Си-чуань-коу; потомъ послѣдовало дозволеніе торговать четыре раза въ годъ, то-есть, въ каждое время года. Но открытіе только одного пункта при значительности пространства, занятаго Кукэ-норцами по границѣ Китая, было совершенно недостаточно, такъ что всѣ князья, жившіе къ востоку отъ Хуанъ-хэ въ сосѣдствѣ съ Хэ-чжоу и Сунъ-пань, не могли по отдаленности доставать изъ первыхъ рукъ необходимые товары и вещи. Поэтому признано необходимымъ открыть для нихъ въ Хэ-чжоу одинъ рынокъ въ мѣстности Шуанъ-ченъ-ба, лежащей недалеко отъ прохода Тумынь-гуань, и одинъ для Сунъ-паня въ Си-хэ-коу, находящемся въ проходѣ Хуанъ-шэнь-гуань, такъ какъ оба эти мѣста обнесены были земляными валами и имѣли уже готовые жилища, занимали большое пространство, обильное травой и водой. Для Кукэ-норцевъ, жившихъ къ западу отъ Хуанъ-хэ, вблизи Синина назначена была торговымъ мѣстомъ кумирня Даньгарь, лежащая недалеко отъ Синина къ югозападу. Въ 4-мъ году правленія Юнь-чжена [1726 г.] Дадинъ приступилъ къ водворенію Фаней, жившихъ въ Сининѣ, Хэ-чжоу и Тяо-чжоу. Для Фаней послѣднихъ двухъ округовъ учреждены были особыя управленія въ Гуй-дэ-тинъ, въ вѣдѣніи коего состояло 48 родовъ, а для остальныхъ — въ Сюнь-хуа-тинъ; въ каждомъ родѣ поставлено было по одному бай-ху (сотнику), которые состояли въ полной зависимости отъ мѣстныхъ гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ. Въ то же время было изчислено и опредѣлено количество земли для каждаго семейства съ наложеніемъ поземельной подати. Въ слѣдующемъ, 5-мъ году того же правленія [1727 г.], въ наказаніе за участіе въ возстаніи Лобцзанъ-Даньцзиня, приступлено было къ преобразованію пограничныхъ ламскихъ монастырей. Къ этому времени въ Кукэ-норѣ и среди Фаней настроено было множество монастырей, съ числомъ ламъ, доходившимъ до 1,000 человекъ; однихъ хутуекъ насчитывалось 35-тъ; всѣ они

и многіе изъ знатныхъ ламъ еще при Минской династіи награждены были громкими титулами и печатами. Разсерженный Юнь-чжень приказалъ снять съ нихъ эти титулы, отобрать печати и опредѣлить новый штатъ, по коему въ одномъ монастырѣ не должно быть болѣе 200 келій и 300 монаховъ; положено было выдавать монахамъ опредѣленное количество одежды и провіанта, а бывшихъ подъ управленіемъ монастырей Фаней подчинить уѣзднымъ и окружнымъ начальникамъ; доходы, собираемые монастырями съ угодій и отъ пожертвованій, приказано было обращать въ государственный доходъ. Этимъ закончились реформы, предпринятыя по случаю возстанія Лобцзанъ-даньцзиня; но безпокойства и возмущенія время отъ времени повторялись.

Въ 6-мъ году [1729 г.] Чжунгары сдѣлали нападеніе на карауль Касы; Да-динъ на канунѣ новаго года съ китайскими войсками разбилъ ихъ и взялъ въ плѣнъ предводителя Пынсуэ, котораго немедленно казнилъ; этотъ набѣгъ подалъ Китайцамъ поводъ построить прямо къ западу отъ Синина въ 1,200 ли укрѣпленное городище У-му-хань, для постоянного жительства войска, и разставить повсюду военные пикеты. Но эти предосторожности, при извѣстной небрежности китайскихъ чиновниковъ, не помѣшали новому нападенію Чжунгаровъ въ 9-мъ году [1732 г.] и новымъ безпорядкамъ среди Кувэ-ворцевъ. Чжасакъ Чжень-го-гунъ Лачабу и тайцзи Чаганъ-арбутанъ съ родами своими тайно бѣжали по направленію къ Тибету; Да-динъ погнался за ними и заставилъ сдаться на берегахъ Муруй-усу, вмѣстѣ съ приставшими къ нимъ Фанями. Въ то же время тургутскій тайцзи Норбу, спасаясь отъ нападенія Чжунгаровъ, укрѣпился въ мѣстности Тэнгри-барунъ, и пользуясь безпорядками на югѣ, возмущился; разогналъ маньчжурскихъ солдатъ, угналъ лошадей съ казенныхъ пастбищъ, побилъ и прогналъ рабочихъ, строившихъ предположенный городъ. Возстаніе это грозило принять большіе размѣры, потому что къ

Норбу пристагъ уже одинъ хошотскій родъ, да и между другими старшинами замѣтно было волненіе, вслѣдствіе чего разставленные по пиветамъ китайскія войска разбѣжались. Но шиланъ Чжунъ-фо-бао, бывшій наготовѣ, быстро прибылъ въ Чжахасутай, успокоилъ волненіе, возстановилъ порядокъ въ пиветахъ и очистилъ почтовые тракты. Норбу, оставленный самому себѣ, разстался съ мыслью о возмущеніи и тайно прибылъ, ища убѣжища, въ Кукэ-норъ; тамъ былъ онъ пойманъ и отправленъ въ Пекинъ для допроса, откуда препровожденъ въ Сининъ и казненъ. Это была послѣдняя попытка въ протесту противъ китайской власти въ Кукэ-норѣ; затѣмъ начинается періодъ постепеннаго усыпленія Кукэ-норцевъ, и исторія упоминаетъ только о представленіяхъ ко двору и о посылахъ дани.

Въ 9-й годъ правленія Цянь-луна [1744 г.], по ходатайству губернатора провинці Бань-су, для Кукэ-норцевъ открыты были новые торговые пункты въ У-ши-гоу и Чагань-обо, лежащіе въ уѣздѣ Да-тунъ-сянь, а въ 12-мъ году того же правленія кончилось владычество Хошотовъ въ Тибетѣ. Сынъ Болоная, Чжурмотэ, не желая дѣлиться властью съ поставленными Китайцами, тайно снесся съ Чжунгарами и поднялъ бунтъ, но былъ во время пойманъ тангутскимъ старшиной по имени Баньдита. Съ этого времени власть надъ Тибетомъ перешла въ руки Кабулуней, которые правятъ страной отъ имени Далай-ламы подъ главнымъ надзоромъ Баньшидачена, Китайца, въ распоряженіе коего прибавлено еще 1,500 человекъ китайскаго войска. Въ 47-мъ году правленія Цянь-луна всѣ кукэ-норскіе старшины утверждены были въ титулахъ наследственно и навсегда.

Усыпленіе Кукэ-норцевъ и потеря мысли о самозащитѣ скоро и весьма жестоко отозвались на ихъ жизни, до сего времени тяготѣютъ надъ ними и влекутъ ихъ къ совершенной гибели. Дальнѣйшая печальная исторія и еще болѣе печальная судьба ихъ выяснились только въ правленіе императора

Дао-гуана [1821—1851 гг.], когда разстройство и бѣдствіи края перешли границы, и правительство вынуждено было командировать для умиротворенія края опытнаго чиновника, въ лицѣ генераль-губернатора Шэнъ-си и Гань-су, Нань-чена ¹⁾. Поводомъ къ этой командировкѣ послужили, съ одной стороны, неудовлетворительность дѣйствій бывшаго генераль-губернатора Чанъ-лина, а съ другой—анонимное донесеніе, въ которомъ яркими красками описывались бѣдствія и беспорядки въ краѣ, причиняемые Фанами, которые угоняли скотъ у Монголовъ тысячами головъ, грабили провозимый провіантъ и даже осмѣлились напасть на казенное приплодное пастбище въ Су-чжоу, откуда угнали болѣе 500 лошадей. Доклады На-янъ-чена объ умиротвореніи края и указы, слѣдовавшіе по онимъ, составили цѣлый печатный томъ подъ названіемъ: «Пинъ-фанъ-цзоу-и», которымъ мы и пользуемся въ дальнѣйшемъ изложеніи. Вотъ какъ На-янъ-ченъ описываетъ тогдашнее положеніе Кукэ-норцевъ: «Монголы большею частію разбѣжались и кочуютъ вблизи китайскихъ лагерей и пикетовъ; другіе бѣгутъ и селятся вблизи городовъ, ища защиты. Особенно много ихъ бродитъ безъ занятій и безъ средствъ къ жизни по области Си-нинъ, въ мѣстности Даньгаръ и уѣздѣ Да-тунъ, и по округамъ Гань-чжоу, Лянъ-чжоу и Су-чжоу, прося милостыню. Бѣдность между ними невообразимая и возбуждающая крайнее состраданіе; собрать ихъ и водворить какой-нибудь порядокъ между ними нѣтъ никакой возможности. Земли къ сѣверу отъ Хуанъ-хэ на нѣсколько тысячъ ли совершенно опустѣли, и по нимъ всюду и свободно разгуливаютъ степные [ѣ] Фани, переселившіеся съ южнаго берега Желтой рѣки, которые собираются толпами и производятъ грабежи». Подобное положеніе не есть однако что-нибудь не нормальное, не есть явленіе только даннаго времени; оно подготовлялось годами. Послѣ того какъ въ правленіе

¹⁾ Въ правленіе Дао-гуана, во 2-й годъ [1822 г.].

Юнь-чжена Куэ-норъ былъ покоренъ и раздѣленъ на знамена, рѣка Хуанъ-хэ составила границу, и большинство земель, лежащихъ въ югу отъ нея, занято было Фанями; но такъ какъ земли къ сѣверу отъ рѣки, въ Куэ-норѣ, были тучныя, съ богатыми пастбищами, а на югѣ трава и вода не вездѣ были обильны и хороши, то фаньское населеніе постоянно завидовало Куэ-норцамъ и жадно смотрѣло на сѣверъ, какъ на давнее свое наслѣдіе. Кромѣ того, когда Фани въ первый разъ раздѣлены были на роды, то въ каждомъ родѣ насчитывалось не болѣе 100 семействъ, а въ нѣкоторыхъ только по нѣскольکو десятковъ; при таковой малочисленности народа и при обширности, отведеннаго имъ пространства, жить было удобно. Но впослѣдствіи, когда населеніе начало увеличиваться, почувствовался недостатокъ въ землѣ, Фани начали осуществлять всегдашнее свое желаніе овладѣть Куэ-норомъ, пользуясь слабостію и безпечностію обитателей онаго.

Первая попытка въ этомъ родѣ произведена была въ 3-мъ году правленія Цянь-луна [1739 г.], когда родъ Фаней Го-ло-вэ пробрался въ сѣверную часть Цайдама, и ограбивъ кочевье 5-го Хошотскаго знамени, убѣжалъ безнаказанно. Тогда, за невниманіе къ защитѣ, чжэсакъ этого знамени Лобцзянь-Сэбтэнъ лишенъ былъ своего званія. Впослѣдствіи же китайское правительство оставило Куэ-норцевъ на произволь судьбы и само первое было причиною послѣдующихъ безпорядковъ, разрѣшивъ въ 1-мъ году правленія Цзя-цина [1796 г.] Чаганъ-намыць-хану и Фанямъ изъ рода Аликэ переселиться на сѣверный берегъ Хуанъ-хэ: первому — въ мѣстность Шарату, послѣднимъ — на берега рѣки Куэ-усу; а въ слѣдующемъ, 2-мъ году того же правленія [1797 г.] дозволено было степнымъ [ѣ] Фанямъ перекочевать на южный берегъ Желтой рѣки, въ оставленныя предыдущими переселенцами мѣста. Это распоряженіе повлекло за собою быстрое переселеніе Фаней въ Куэ-норъ.

По ревизскимъ описаніямъ время правленія Цзя-цина,

Фани, жившіе въ области Гуї-дэ, раздѣлялись на три разряда: покорныхъ, непокорныхъ и степныхъ [ѣ-фань]; покорныхъ было 54 рода [выше — 48], которые постоянно занимались земледѣіемъ и имѣли средства къ жизни; 19 родовъ непокорныхъ жили къ ю.-в. отъ Гуї-дэ, вдали отъ Хуанъ-хэ, и занимались скотоводствомъ. Только одни степные Фани, въ количествѣ 8 родовъ, отличались безпорядочностію жизни и непосѣдствомъ; изъ нихъ родъ Ван-ши-дай-кэ, какъ самый ближайшій, вскорѣ за Чагань-номынь-ханомъ весь перебрался на сѣверный берегъ Хуанъ-хэ; остальные 7 родовъ, получая добрыя вѣсти и пособіе отъ сѣверныхъ собратій, тайно переправлялись черезъ рѣку и дѣлались разбойниками. Фани, жившіе въ Сюнь-хуа-тинѣ, подраздѣлялись только на два разряда: покорныхъ и непокорныхъ; покорныхъ было 18 родовъ, а непокорныхъ 52 рода; большая часть изъ нихъ занималась земледѣіемъ; остальные же, находясь въ сосѣдствѣ съ Сычуаньскою областью Сунъ-пань, скупали сычуаньскій чай и вели имъ торговлю, развозя въ разныя стороны. Услыхавъ о завидной долѣ своихъ родовичей, и они покинули прежнія занятія и съ родомъ Ыши-цзюнь во главѣ совершенно произвольно переселились на сѣверный берегъ Хуанъ-хэ; на оставленныя же ими мѣста, съ ихъ согласія, перешли на жительство въ большіе монастыри Лабу-лань, Цзунъ-ця и Лунъ-у около 20 или 30 тысячъ ламъ, среди коихъ весьма легко могли укрываться разнаго рода негодяи. Такимъ образомъ, ко времени правленія Дао-гуана на сѣверномъ берегу Хуанъ-хэ оказались слѣдующіе роды Фаней: верхній и нижній Ганъ-цза, Ыши-цзюнь, Ван-ши-дай-кэ, Цзѣ-анъ, Юнь-и, Шуанъ-у, Ха-цза, Ши-до-ба, Цзя-цза, Я-хэ-ръ и А-цо-хэ, въ количествѣ 12 родовъ, которые поселились въ мѣстностяхъ Гуноргай и Янь-чи [соленое озеро]. По замѣчанію На-янь-чена, Фани сами по себѣ были народъ мирный и переселились болѣе потому, что на сѣверѣ кочевья были лучше; если же они дѣлались разбойниками и

наводили ужасъ на страну, то были другія, подстрекающія ихъ, причины.

Первая изъ нихъ заключалась въ разрѣшеніи, данномъ въ 26-мъ году правленія Цянь-луна [1761 г.], китайскимъ торговцамъ [янъ-бэ—«покупщики барановъ»] выходить съ товарами за границу и разѣзжать по Букэ-норскимъ знаменамъ и поселеніямъ Фаней. Торговцы эти сначала вывозили преимущественно поджаренную муку, чай и ремень; главнымъ мѣстомъ ихъ было кочевье Номынъ-хана и поселенія Фаней изъ рода Ганъ-цза, гдѣ жили самые богатые покупатели; впоследствии же они стали вывозить порохъ и оружіе подъ предлогомъ собственной защиты отъ нападеній. Долговременныя странствованія ознакомили ихъ въ совершенствѣ съ языкомъ и обычаями Фаней, а главное — съ прибыльнымъ промысломъ грабежа, для воего они приглашали Фаней, враждебныхъ Монголамъ. Для приѣма и сбыта награбленнаго сообщники ихъ магометане и Китайцы, пользуясь отсутствіемъ надзора, секретно отырыли множество гостинницъ по проселочнымъ дорогамъ, въ глубинѣ горъ, и въ самыхъ пустынныхъ и отдаленныхъ мѣстахъ, куда по ночамъ собирались степные Фани и китайскіе мошенники, дѣлили добычу и промѣнивали оную содержателямъ на хлѣбъ, чай, оружіе и порохъ. Въ случаѣ какой-нибудь опасности или движенія противъ разбойниковъ войска, китайскіе торговцы и содержатели гостинницъ давали предостереженія, и тѣ скрывались въ глубинѣ горъ, чему способствовала и самая мѣстность, изрѣзанная на огромномъ пространствѣ узкими долинами и глубокими тѣснинами горъ. Въ случаѣ же особенной крайности, разбойники уходили въ мѣста отдаленныя въ западу, гдѣ главнымъ притономъ ихъ были пустынные берега озеръ, составляемыхъ рѣкою Бука. Вторая причина крылась въ крайней бѣдности Букэ-норцевъ, которые приставали къ Фанямъ, чтобы какъ-нибудь спискивать себѣ пропитаніе. Какъ мѣстные жители, знающіе состояніе своихъ сосѣдей, водили они

разбойниковъ туда, гдѣ была большая добыча; нѣкоторые же составляли свои отдѣльныя шайки и грабили своихъ же со-братій и владѣтелей. Большинство участниковъ въ грабежахъ, исключая магометанъ - Китайцевъ, принадлежало къ поколѣ-нію Чаганъ-номынъ-хана и къ Фаньскимъ родамъ Ганъ-цза, Ъ-ши-цзюнь и вѣдомству Кянъ-бы, а изъ Кукэ-норцевъ — къ знаменамъ Шакдурту-вана, Цзан-гэнъ-тайцзи и Цзян-бали-бэйлэ. Пользуясь тѣмъ ужасомъ, который поражалъ Кукэ-норцевъ при одномъ имени Фаней, и желая скрыть свое участіе въ грабежахъ, Китайцы и Монголы, владѣвшіе язы-комъ Фаней, одѣвались по-фаньски и въ этомъ видѣ дѣлали набѣги.

Такимъ образомъ составилось множество шакэ или бандъ, изъ коихъ нѣкоторыя численностію доходили до 1,000 и бо-лѣе человекъ. Главная и самая организованная шайка была подъ предводительствомъ магометанина Мамугоу и размѣ-щалась въ мѣстностяхъ Ъ-ма-чуань, Па-бао-шань, Ъ-ню-гоу и другихъ. Сюда собрались разные негодяи изъ Хэ-чжоу, Шандань, Су-чжоу, Да-тунъ и другихъ мѣстъ Китая и давно уже поселились въ помянутыхъ мѣстностяхъ, въ округѣ Гань-чжоу; тамъ они занимались тайно промыскою золота, свото-водствомъ, часто грабежомъ и пріемкою награбленнаго. Этому, какъ нельзя болѣе, благопріятствовала избранная ими мѣст-ность, представлявшая огромные пустыри, обруженные горами и изрѣзанные холмами. Шайка эта представляла отдѣльное небольшое владѣніе, основанное на полныхъ началахъ раз-дѣленія труда: одни рыли и промывали золото; другіе зани-мались грабежомъ; третьи сбывали награбленное и подвозили контрабандою провизію для продовольствія. Для увеличенія своихъ силъ они призывали сначала въ компанію Монголовъ и Фаней изъ рода А-ли-кэ, а потомъ нанимали ихъ въ ра-боту; для поддержанія и увеличенія своего рода они набирали кукэ-норскихъ и фаньскихъ женщинъ и дѣвицъ. Отправляясь на грабежъ, они одѣвались, какъ Фани, и всѣ дѣянія ихъ

приписывались народомъ и правительствомъ Фаямъ. Эта шайка, по официальнымъ свѣдѣніямъ, начала разбои съ 18-го года правленія Цзя-цина (1813 г.); но несомнѣнно, что разбои производились и ранѣе. Вторая шайка, также многочисленная, имѣла во главѣ Монголовъ и помѣщалась при Соленомъ озерѣ (Янь-чи); въ этой шайкѣ сплотились, кромѣ Монголовъ, и степные Фани родовъ Ганъ-цза, Ванъ-ши-дай-кэ и другіе, перешедшіе съ юга и поселившіеся около Соленого озера. Пользуясь тѣмъ, что Кукэ-ворцы страшно боялись степныхъ Фаней, они всѣ также одѣвались по фаньски и производили грабежи, а это еще болѣе убѣждало мѣстныхъ властей, что разбойничаютъ одни только Фани, какъ и доносили Чаганъ-номынъ-ханъ генераль-губернатору Чанъ-лину.

Чанъ-линъ, незнакомый съ положеніемъ дѣла, выслалъ противъ Фаней войско; но изъ этого похода вышло то, что и слѣдовало ожидать: Фани, провѣдавъ о движеніи войска, во время переправы на югъ; а когда войско возвратилось, они снова потянулись на сѣверъ и принялись за разбои съ большимъ ожесточеніемъ. Изъ 25-ти знаменъ, расположенныхъ къ сѣверу отъ Хуанъ-хэ, только два знамени (тайцзи Соному-минъчжура и Соному-ванцзила, находившихся въ Цайдамѣ), остались нетронутыми; остальные же всѣ были разорены въ конецъ, и болѣе половины населенія разбѣжалось. Правительство догадалось удалить Чанъ-лина и назначить На-янь-чена, съ строгимъ наказомъ разслѣдовать дѣло и умиротворить край. На-янь-ченъ прибылъ въ Сиинь въ 9-й лунѣ 2-го года правленія Даго-гуана (1822 г.), когда выпалъ уже глубокой снѣгъ, заградившій всѣ проходы, такъ что двигать войско было невозможно и бесполезно; онъ приказалъ только всѣмъ пограничнымъ воинскимъ начальникамъ разставить по всѣмъ проходамъ и карауламъ войско, выдавъ оному провіантъ, дрова и кормъ для лошадей, и положилъ всякій беспорядокъ на ихъ отвѣтственность. Всякаго инородца, пришедшаго къ границамъ съ намѣреніемъ проникнуть внутрь

страны, приказано хватать, отбирать скотъ и не давать хлѣба; по всему протяженію границы отъ Синина до Гуй-дэ и Сюнь-хуа въ югу, до Гань-чжоу и Лянъ-чжоу въ сѣверу, строго запрещено выходить Китайцамъ за заставы и производить какую бы то ни было торговлю. Ознакомившись въ теченіе зимы съ ходомъ дѣла, На-янъ-ченъ рѣшился уничтожить всѣ причины безпорядковъ, не употребляя военной силы, которая была бесполезна и вела лишь въ лишнимъ издержкамъ. Чтобы вытѣспить Фаней на южный берегъ Желтой рѣвки, онъ счелъ необходимымъ прекратить продажу имъ хлѣба и чаю и прервать всякія сношенія ихъ съ Китаемъ, поставивъ усиленные караулы въ проходахъ и не оставивъ для нихъ ни единой тропинки, въ томъ предположеніи, что голодъ заставитъ ихъ перекочевать на югъ. Чтобы удержать ихъ на югѣ, предположенъ былъ за ними строгій надзоръ, раздѣленіе силъ ихъ раздробленіемъ на мелкія управленія, точная перепись ихъ и подчиненіе вліянію отвѣтственныхъ старшинъ. Для приведенія этого плана въ исполненіе запрещено было выдавать, какъ Чаганъ-номынъ-хану, такъ и Фанямъ, билеты на покупку хлѣба и другихъ жизненныхъ продуктовъ. Монголамъ же, которымъ на закупку провіанта по установленному порядку выдавались годовые билеты, положено было выдавать билеты, имѣвшіе силу только на одинъ разъ, такъ какъ Монголы привыкли уже перепродавать годовые билеты Фанямъ. Кромѣ того, въ разовыхъ билетахъ должно было точно обозначаться только потребное количество провизіи по числу душъ просителя и по счету его скота; при этомъ, смотря по близости или отдаленности дороги, назначался бы срокъ силы билета, послѣ коего онъ долженъ быть возвращаемъ туда, откуда выданъ ¹⁾. Отнявъ у Фаней средства добывать пропитаніе на сѣверномъ берегу Хуанъ-хэ,

¹⁾ По билету можно было купить одинъ мѣшокъ хлѣба и два свертка чаю; не имѣющимъ средствъ покупать то и другое вѣстѣ, дозволено было выдавать билеты только на покупку чаю, но не болѣе трехъ свертковъ.

можно было предполагать, что Китайцы и покорные Фани будут доставлять имъ провизію и оружіе съ южнаго берега, почему съ одной стороны изъ Гуй-дэ и Сюнь-хуа командировано было по карауламъ и проходамъ до 1,000 человекъ солдатъ а съ другой — такъ какъ чрезъ Хэ-чжоу часто тайно проходили караваны изъ Сы-чуани съ чаемъ и провіантомъ для контрабандной торговли съ Фанями, — приказано на 24-хъ хэ-чжоускихъ заставахъ поставить усиленные караулы для строгаго дозора ¹⁾. Для прекращенія тайной золотопромышленности и скопленія негодяевъ въ тѣснинахъ Южныхъ горъ (Нань-шань) рѣшено было «раскопать гнѣздо ихъ», запретить разработку золота въ этихъ мѣстахъ и остановить выходъ за границу Китайцамъ, чтобы можно было узнать, кто разбойничаетъ — Монголы или Фани. Всѣ своевольно и тайно открытые постоянные дворы и гостинницы немедленно приказано было закрыть, отобравъ предварительно весь запасъ хлѣба, чаю, въ особенности оружія и пороха и другихъ запрещенныхъ вещей, чтобы отнять у Фаней возможность получать средства къ жизни. Всѣмъ хозяевамъ гостинницъ, открытыхъ съ разрѣшенія властей, выданы были книжки, въ которыхъ ежедневно записывались всѣ посѣтители съ полнымъ обозначеніемъ изъ какого знамени Куэ-норецъ, или какого рода Фань, что онъ еушилъ и что промѣнялъ. Книжки эти ежедневно должны были визироваться чиновниками, которые также должны были наблюдать за тѣмъ, чтобы въ гостинницахъ дер-

¹⁾ Такъ какъ на южномъ берегу Хуань-хэ жили роды Фаней, спокойно занимавшихся своимъ дѣломъ, которыхъ нельзя было оставить безъ хлѣба и безъ чаю, то рѣшено было послать въ Гуй-дэ и Сюнь-хуа чиновниковъ, чтобы они объяснили по всѣмъ монастырямъ ламамъ и по всѣмъ родамъ Фаней вновь утвержденныя правила, приказавъ настоятелямъ и начальникамъ родовъ представить точную перепись народа, сообразно съ количествомъ коего имъ будетъ продаваться хлѣбъ и чай, на что они должны будутъ, какъ и Куэ-норцы, чрезъ своихъ начальниковъ просить о выдачѣ на это билетовъ. Степнымъ же Фанямъ, не имѣвшимъ никогда старшинъ, дозволялось просить билеты за поручительствомъ ламъ ближайшихъ монастырей или же назначить имъ начальниковъ, которые приняли бы на себя это дѣло.

жалось немного хлѣба, холста, кожи, чаю, и отнюдь не было бы пороху и оружія, подъ угрозою тяжкаго наказанія.

Вышеуказанныя мѣры привели къ самымъ лучшимъ результатамъ. Первымъ съ покорною головою явился Чаганъ-номынъ-ханъ, остановившись съ родомъ своимъ въ мѣстности Хуйтинъ, недалеко отъ границы. Номынъ-ханъ лично явился въ лагерь Муланътая и далъ объясненіе, изъ коего было видно, что ему только 27 лѣтъ, что онъ долго пробылъ въ Тибетѣ въ наукѣ, и только въ 1-мъ году правленія Даогуана возвратился и принялъ управленіе. Подданные не слушали его, и не доносили ни о чемъ, почему онъ и просилъ милости императора и охотно согласился переправиться на южный берегъ, оставить прежнія привычки и выдать главныхъ виновниковъ. Ему предписано было раздѣлить его подданныхъ и 20 подвѣдомственныхъ фаньскихъ родовъ, по образцу кукэнорскому, на два крыла и поставить Туса-лакчи, Чжангиновъ и Бошко для надзора и управленія. Съ нимъ вмѣстѣ отправлены были китайскіе чиновники и опытные ламы для производства переписи въ его аймакѣ, а также для призванія къ порядку остальныхъ Фаней. Вслѣдъ за Номынъ-ханомъ въ началѣ 11-й луны явились въ Сининъ и старшины фаньскихъ родовъ, которымъ было объявлено, чтобъ они постарались уговорить перешедшихъ на сѣверный берегъ Фаней возвратиться на прежнія мѣста; бѣглецовъ хватать и представлять властямъ и произвести народную перепись; если въ кочевьяхъ окажутся Китайцы, то вязать ихъ и представлять начальству, за что будутъ выдаваться награды. Въ видѣ поощренія, и какъ средство держать въ рукахъ старшинъ, положено было наградить ихъ шаривами (отъ 5-й до 7-й степени) и выдать печати, но не иначе какъ чрезъ три года, когда они покажутъ свою ревность и послушаніе; въ видѣ же особой милости имъ обѣщано было денежное вознагражденіе, въ особенности чай и хлѣбъ, что всего важнѣе для кочевниковъ. Мѣра благодарній и обѣщаній пере-

ведена была даже черезъ границы: Фанямъ приказано было не платить долговъ Китайцамъ по текущимъ на этотъ разъ счетамъ, съ Китайцевъ же требовать недоимки непременно въ срокъ; въ случаѣ неустойки, по жалобѣ, велѣно продавать имѣнія ихъ на уплату долга. Если какой-нибудь Китаецъ потребуетъ съ Фаня долгъ, то разрѣшалось вязать его и представлять къ суду, за что будутъ выдаваться награды. Фаньскіе старшины выслушали это съ восторгомъ и приняли всѣ предложенія Китайцевъ съ удовольствіемъ.

Въ той же 11-ой лунѣ, пользуясь окрѣпшимъ на Хуанъ-хэ льдомъ, всѣ Фани, вслѣдъ за Номынъ-ханомъ, переправились на югъ. Всѣхъ перешедшихъ на первыхъ порахъ насчитывалось до 20,000 человекъ, со 100,000 головъ скота. Отъ всѣхъ ихъ взята клятва передъ ламами — не переходить на сѣверъ и не затѣвать безпорядковъ. Послѣ сего введены были между Фанями торговныя правила для покупки чаю и провизіи, по конямъ, по счету душъ, дозволялось покупать разные продукты два раза въ годъ, но не иначе, какъ по билетамъ, выдаваемымъ изъ окружныхъ и военныхъ управленій. Въ билетахъ должно быть точно прописываемо, какъ честное поведеніе Фаня, такъ и количество нужнаго для него хлѣба, чаю, холста, нитокъ, сапоговъ, шапокъ и другихъ необходимыхъ вещей. Лицамъ неблагонадежнымъ таковыхъ билетовъ положено не выдавать; строго запрещено купцамъ повышать цѣны. Послѣ же того, какъ вещи, показанныя въ билетѣ, будутъ вуплены, чиновники, по строгой провѣркѣ, должны отбирать билеты и предавать ихъ уничтоженію.

Для того, чтобы разъединить силы Фаней, потребовалось поставить возможно большее количество одинъ отъ другаго не зависящихъ старшинъ съ званіемъ тысяцкихъ (цянъ-ху), коимъ подчинялись бы по нѣскольку сотниковъ (бай-ху), пятидесятниковъ и десятниковъ. Въмѣсто прежняго порядка, по коему нѣсколькими родами, какъ бы они ни были велики,

управлялъ одинъ старшина, по новому положенію на каждыя триста семействъ поставленъ былъ одинъ тысяцкій.

Переселивъ такимъ образомъ Фаней на южный берегъ Хуань-хэ, На-янь-чену предстояло заняться самымъ Кукэ-норомъ. Очищенное Фанями и повинутое Кукэнорцами пространство на 1,000 ли по сѣверному берегу рѣки, богатое пастбищами, предполагалось сначала занять военными поселеніями, или же поставить сюда постоянное войско; но впоследствии На-янь-ченъ удовольствовался распоряженіемъ посылать на сѣверный берегъ Хуань-хэ въ зимнее время усиленные патрули и дозоры, обязавъ начальниковъ какъ можно чаще дѣлать объѣзды и осмотры. Кроме того, въ мѣстности Чагань-обо, находящейся за проходомъ Бянь-ду-воу, въ Гань-чжоу, граничащей къ западу съ Ы-ма-чуань и Ы-ню-гоу, на востокъ прилегающей къ Эр-дао-гоу и Янь-сюнь-цзы, на югъ чрезъ И-сы-мынь-динь соприкасающейся съ кочевьями Кукэнорцевъ и представляющей самый важный путь для бѣглыхъ и выселяющихся Китайцевъ, поставлено было 300 солдатъ для дозора. Въ лагерѣ Чжень-хай-инѣ, какъ недалеко лежащемъ отъ кумирни Дангарь, мѣста торговаго и сборнаго, поставлено 900 солдатъ, въ Кара-кутэрѣ, какъ находящемся на большой дорогѣ, — 240 человекъ, и наконецъ, въ Чагань-тологой, лежащемъ въ 70-ти ли къ ю.-в. отъ Кара-кутэра, поставлено 1,000 человекъ. Такимъ образомъ, долина Цюнь-кэ-тань, въ которой предполагалось расселить бѣжавшихъ отъ беспорядковъ Кукэнорцевъ, защищенная съ запада большими горами, охранена была и на востокъ. Оставалось только собрать и устроить Кукэнорцевъ. Для этой послѣдней цѣли На-янь-ченъ приказалъ произвести перепись всѣмъ Монголамъ, поселившимся внутри страны, тѣмъ болѣе, что это было зимнее время, когда открыты были для бѣдныхъ казенныя кухни, куда сходились всѣ нуждающіеся за даровою кашей. По производствѣ переписи всѣхъ переселенцевъ должно было препроводить въ Кукэ-норъ для

водворенія, выдавъ самымъ бѣднѣйшимъ изъ нихъ провизію и деньги, такъ чтобы ни одного Кукэнольца не оставалось внутри страны. Къ этому времени въ Сининъ явились цзюнь-ванъ Цэрэнъ-дуньдобу, съ чжасаками 24-хъ знаменъ; жалуюсь на страшную нищету, они просили правительство ссудить имъ нѣсколько ваней серебра на обзаведеніе; однако На-янь-ченъ нашель болѣе удобнымъ снабдить ихъ находившимся въ запасѣ ячменемъ въ количествѣ 30,000 мѣшковъ, но съ тѣмъ однакожь, чтобы ячмень выдавался имъ не иначе, какъ по билетамъ. Къ веснѣ 3-го года правленія Дао-гуана отъ ся-нинскаго, гань-чжоускаго, лянъ-чжоускаго и другихъ начальниковъ были получены донесенія, по которымъ переселенцевъ насчитывалось до 20,000 человекъ; а по свѣдѣніямъ изъ варауловъ видно было, что каждый день выходило за границу по нѣскольку сотъ и до тысячи человекъ, такъ что къ концу 2-й луны переселеніе Кукэнольцевъ должно было кончиться.

Такъ въ теченіе менѣе чѣмъ полугода произведено было умиротвореніе края со введеніемъ реформъ и устраненіемъ злоупотребленій; но на сколько скоро все это совершилось, на столько же, вѣроятно, быстро и рушилось, потому что г. Пржевальскій нашель Кукэ-норъ въ томъ же бѣдственномъ положеніи, въ какомъ мы его видѣли.

В. Успенскій.

Пекинъ. Па-ли-чжуанъ.
18-го августа, 1876 года.

СПИСОКЪ

СЛОВЪ БЫТОВАГО ЗНАЧЕНІЯ

НѢКОТОРЫХЪ КОЧЕВЫХЪ НАРОДОВЪ

ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.

СПИСОКЪ

словъ бытоваго значенія нѣкоторыхъ кочевыхъ народовъ Восточной Сибири.

По 68-й статьѣ устава 1822 г. объ управленіи сибирскими инородцами мѣстное начальство было обязано собрать всѣ свѣдѣнія объ обычномъ правѣ инородцевъ, и согласовавъ всѣ противорѣчія въ немъ и смягчивъ жестокости, составить сводъ обычнаго права, обязательный для всѣхъ племенъ. Въ 1823 и 1824 годахъ были собраны письменныя уложенія кочевыхъ инородцевъ и устныя ихъ преданія, въ формѣ показаній инородческихъ обществъ. Составленіе свода изъ этихъ матеріаловъ встрѣтило затрудненіе, и сибирское начальство представило всѣ свои предположенія и матеріалы въ Сибирскій комитетъ, гдѣ возникла обширная законодательная работа по составленію степныхъ законовъ для всѣхъ кочевыхъ народовъ Восточной Сибири. Работа эта была прекращена въ 1848 году и не привела ни къ какому положительному результату.

Въ 1876 году профессоръ Варшавскаго университета Д. Я. Самоввасовъ издалъ въ Варшавѣ «Сборникъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ», въ которомъ помѣстилъ показанія восточно-сибирскихъ племенъ, собранныя въ 1823—1824 годахъ, по списку, хранящемуся въ Варшавскомъ университетѣ. Богатство этого сборника матеріалами по юридическимъ понятіямъ и бытовымъ особенностямъ инородческихъ племенъ побудило меня прослѣдить всю упомянутую выше законодательную работу. Я нашелъ въ библиотекѣ Академіи Наукъ проектъ свода степныхъ законовъ и приложенный къ нему

докладъ II-го отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи государственному совѣту *), напечатанные въ 1841 г. въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ и потому составляющіе нынѣ библиографическую рѣдкость. Впослѣдствіи я получилъ возможность прочесть и всю официальную переписку по составленію свода степныхъ законовъ.

Къ докладу II-го отдѣленія оказался приложеннымъ небольшой списокъ монгольскихъ, бурятскихъ, якутскихъ и тунгусскихъ словъ, встрѣчающихся въ сводѣ. Въ виду интереса, который представляетъ этотъ словарикъ, я рѣшился издать его прежде, чѣмъ окончу предположенный мною обзоръ историческаго рода указанной выше законодательной работы и заключающихся въ ней разъясненій юридическихъ понятій разныхъ племенъ.

Найденный мною словарикъ даетъ лишь весьма краткія разъясненія инородческихъ словъ. Кроме того, въ него включены далеко не всѣ слова, встрѣчающіяся въ показаніяхъ инородцевъ и въ самомъ дѣлѣ о составленіи свода. Это обстоятельство побудило меня расширить нѣсколько задачу моей работы и внести въ словарикъ всѣ слова и ихъ разъясненія, встрѣченные мною въ пояснительныхъ примѣчаніяхъ къ своду степныхъ законовъ, въ рукописномъ матеріалѣ и въ сборникѣ г. Самоквасова. Изъ послѣдняго я извлекъ слова изъ языковъ только перечисленныхъ выше племенъ.

Объясненіямъ словъ я старался придать возможную полноту и даже включалъ въ него нѣкоторыя понятія, выраженіе которыхъ инородческими словами мною вовсе не встрѣчено, если этимъ путемъ я могъ лучше объяснить взаимное соотношеніе словъ, входящихъ въ кругъ излагаемаго понятія (напримѣръ, слова: родство, присяга и др.). Кроме того, я перенесъ изъ словаря пояснительныхъ примѣчаній въ свой всѣ слова мѣстнаго рус-

*) Пояснительныя примѣчанія къ своду степныхъ законовъ кочевыхъ инородцевъ Восточной Сибири. С.-Пб. 1841 г., 5 статей. Сводъ напечатанъ отдѣльнымъ томомъ въ томъ же году.

скаго нарѣчія, хотя происхожденіе ихъ и не выводится изъ инородческихъ языковъ. Я внесъ въ словарь и объясненіе обычаевъ, интересныхъ въ бытовомъ отношеніи, хотя въ эти объясненія вовсе не входятъ инородческія слова (напримѣръ, возрастъ и др.). Такими дополненіями я старался придать своему словарю интересъ не только лингвистическій, но и этнографическій.

Дѣлая заимствованія изъ свода степныхъ законовъ и пояснительныхъ къ нему примѣчаній, я дѣлаю точныя ссылки на экземпляръ свода, полученный мною изъ бібліотеки Академіи Наукъ; такія же ссылки сдѣланы и на сборникъ г. Самоковасова. Если же объясненія взяты мною изъ рукописныхъ матеріаловъ, то я ограничиваюсь общими указаніями. Тамъ, гдѣ я считаю нужнымъ прибавить отъ себя замѣчаніе, я ставлю въ скобкахъ свою фамилію.

Правописаніе инородческихъ словъ воспроизведено мною въ точности такъ, какъ я находилъ слова въ матеріалахъ, съ означеніемъ всѣхъ встрѣченныхъ мною вариантовъ.

Незнакомый вовсе съ языками, слова которыхъ объясняются въ словарѣ, я указываю противъ cadaго слова ту народность, которой приписано излагаемое понятіе въ имѣющихся у меня матеріалахъ. Поэтому я беру на себя отвѣтственность только за правильность выписки изъ источниковъ и не могу ручаться за вѣрность указанія племени, которому принадлежитъ данное слово ¹⁾.

О. Буссе.

¹⁾ Составленный г. Буссе списокъ словъ бытоваго значенія, употребляемыхъ нѣкоторыми изъ кочевыхъ народовъ Восточной Сибири, интересенъ въ особенности тѣмъ, что онъ представляетъ объясненія словъ, данныя самими туземцами. Конечно, въ транскрипціи русскими буквами восточныя слова должны были нѣсколько исказиться, а потому признано было полезнымъ присовокупить къ печатаемому словарю болѣе правильную транскрипцію тѣхъ словъ, которыя переданы въ немъ вѣрно; съ этою цѣлью слова монголо-бурятскія были просмотрѣны чл.-с. А. М. Позднѣвымъ, а слова якутскія сличены съ показаніями якутско-русскаго словаря, доставленнаго въ Географическое Общество чл.-с. П. Ф. Порядинымъ; кромѣ того, приняты въ соображеніе свѣдѣнія, сообщенныя въ книгѣ К. Ф. Голстунскаго: Монголо-ойратскіе законы 1640 года. С.-Пб. 1880. При печатаніи принято однако было правиломъ печатать текстъ словарика безъ измѣненій, а примѣчанія г. Позднѣва и извлеченія изъ словаря г. Порядина помѣщать подъ строкой, вмѣстѣ съ примѣчаніями редактора.

Н. В.

А.

абасанца (монг., бурятск.)—женщина или дѣвица ламайскаго вѣроисповѣданія, давшая обѣтъ соблюденія нѣкоторыхъ духовныхъ правилъ (Словарь).—Міряне обоего пола, даже въ брачномъ состояніи, принимаютъ на себя, мужчина—звание обаша, а женщина или дѣвица—звание абасанца, если по болѣзни или набожности дадутъ обѣтъ, по которому они обязываются соблюдать пять правилъ, принадлежащихъ обѣту банди. Они въ составъ духовенства не входятъ. Абасанца и обаша ¹⁾, кромѣ этихъ правилъ, обязаны соблюдать постъ, состоящій въ неупотребленіи мяса въ 8-й, 15-й и 30-й день каждаго мѣсяца, и читать молитву мани (см. Пояснит. примѣч., стат. III, примѣч. къ § 88, стр. 13).

ага-уса (якутск.).—По якутски ага значитъ отецъ, усъ родъ, вмѣстѣ означаетъ родъ или племя, происходящее отъ одного прародителя (Словарь). Каждый ага-уса избираетъ своего старшину и управляетъ своими общественными дѣлами, какъ-то — сборомъ ясака, раскладкою повинностей и др., самостоятельно. Нѣсколько ага-уса составляютъ наслѣгъ подъ управленіемъ старосты (князецъ). Послѣдній вмѣстѣ съ старшинами каждаго ага-уса, составляетъ родовое управленіе. (Пояснит. примѣч., стат. III, примѣч. къ § 660 и 661, стр. 81 и 82, см. также наслѣгъ).

антангара (якут.) — Творецъ Богъ (Словарь) ²⁾.

¹⁾ Убасанца, убаша (см. К. О. Голстунскаго, Монголо-обратскіе законы 1640 года, стр. 103).

²⁾ Ан-Тангара (ан — творецъ) (Словарь Порядина).

аймакъ (бурятск.) — родъ (Пояснит. примѣч., стат. IV, прил. Б, стр. 5).

алгысытъ (якутск.) — происходитъ отъ слова алгысь благословіе или славословіе, отсюда алгысытъ благословящій. Если вѣтъ шамана, то у Якутовъ славословятъ верховное божество и міряне, преимущественно старики, отличающіеся краснорѣчіемъ и знаніемъ молитвъ. Этихъ мірянъ и называютъ алгысытъ, не причисляя ихъ къ духовному сословію (Пояснит. примѣч., стат. IV, стр. 20, примѣч. 1-е).

ангаръ (якутск.) — половина (объясн. Попова, Пояснит. примѣч., стат. V, стр. 6, см. также Якуты).

андлаху или **андалаху** (бурятск.) — дружитья (Словарь). Одно изъ проявленій андлаху заключается въ обмѣнѣ дочерей, предвзначенныхъ въ жены сыновьямъ (Поясн. примѣч., стат. III, примѣч. къ § 8, стр. 3).

анзу (бурятск.) — калымъ (см. калымъ).

анъ дойдуну айбытъ ай тангара (якутск.) — начало якутской молитвы. Слова эти значатъ: всюду отверстую вселенную сотворившій Богъ (Пояснит. примѣч., стат. IV, стр. 20).

арца (бурятск. и тунгусск.) — родъ творага, остающійся послѣ выкурки молочнаго вина (Пояснит. примѣч., ст. III, примѣч. къ § 453, стр. 66, ссылка на объясн. Игумнова).

Нерчинскіе Тунгусы, въ своемъ показаніи (§ 37) говорятъ: «если кто привяжетъ лошадь къ пятрамъ арцы...», придавая послѣднему слову значеніе саху (Сборн. Самоквасова, стр. 33), но здѣсь очевидная ошибка, что ясно изъ показаній ихъ начальника, князя Гантимурова (§ 61), который аналогическій случай означаетъ такъ: «если кто привяжетъ коня къ перекладнѣ для выпѣживанія арцы».

аръ тоенъ (якутск.) — верховное существо. Собственно аръ тоенъ значить величественный бѣловидный или бѣловласый господинъ (см. Якуты).

ат-кесъ (якутск.) — конный кѣсъ, единица разстоянія для всадника (см. кѣсъ).

В.

бакши (бурятск., тунгусск.)—учитель. Но у Бурятъ и Нерчинскихъ Тунгусовъ такъ называется всякій грамотный, не принадлежащій къ духовному сословію. Бакши приглашаются иногда для чтенія духовныхъ книгъ при богослуженіи; нѣкоторые же изъ нихъ, имѣя небольшія свѣдѣнія во врачеваніи, пользуются больныхъ. Бакши большею частью принимаютъ обѣтъ обаша, но женятся. Для отличія же отъ простолюдиновъ, они носятъ красные поясы (сакиль), а на шеѣ четки (Пояснит. примѣч., стат. III, примѣч. къ § 233, стр. 40, также показ. кн. Гантимурова § 18; Сборн. Самоквасова, стр. 48).

бакшикаръ (тунгусск. нерчинск.)—врачеватель, не принадлежащій къ сословію ламъ (Показ. кн. Гантимурова § 34; Сборн. Самоквасова., стр. 51).

банди (бурятск.); см. лама.

бандидо хамбо лама—глава ламайскаго духовенства въ Восточной Сибири (см. лама).

башлыкъ (татарск.)—старшина, управляющій племенами Енисейскихъ кочевыхъ инородцевъ (см. Енисейскіе инородцы).

баянай (якутск.)—изображеніе человѣческаго лица на деревѣ. Это особый обрядъ, сопровождающій начало лова звѣрей и неводьбы рыбы. Сдѣланное изображеніе сохраняется навсегда, но съ нимъ не сопряжено ни поклоненія, ни богопочитанія. Несоблюденіе обряда нарисованія баяная не ставится въ вину, но насмѣхающійся и издѣвающійся надъ нимъ считается Якутами безчестнымъ (Показ. Якутовъ, гл. I; Сборн. Самоквасова, стр. 199) ¹⁾.

баранта (киргизск.)—угонъ чужаго скота (Словарь).

бигечи (бурятск.)—письмоводитель лама (см. лама) ²⁾.

бидаръ-гарба (бурятск.)—книги о врачеваніи посредствомъ

¹⁾ Баянай — богъ промышленности и лѣсной богъ (Словарь Порядкина).

²⁾ У К. Ѳ. Голстунскаго, Монголо-ойратскіе законы, стр. 136: Бичигэчи.

астрономіи (Показ. Хоринскихъ Бурятъ, гл. I, § 4; Сборн. Самоквасова, стр. 107).

бликту (бурятск.)—учитель правиламъ шератскаго закона (см. лама).

боктоннъ-малъ (бурятск.) — выдача тестю условленнаго количества скота на снаряженіе приданаго его дочери-невесты (см. калымъ).

ботогошко ¹⁾ (тунгусск. нерчинск.)—новорожденный верблюдъ (Показ. кн. Гантимурова § 57; Сборн. Самоквасова, стр. 57).

бурупъ (бурятск.)—годовая скотина, какая именно — изъ показаній Селенгинскихъ Бурятъ (§ 53) не видно, но можно догадываться, что бурупъ—крупная рогатая скотина (Сборн. Самоквасова, стр. 163) ²⁾.

бурханъ или **борханъ** (бурятск., тунгусск. нерчинск.)—домашняя святыня (Словарь); идолъ, всякое изображеніе божества, а въ народѣ бурханомъ называютъ самое божество (Буссе) ³⁾.

бурэ (бурятск.) труба изъ морской раковины, употребляемая при богослуженіи въ ламайскихъ кумирняхъ (Словарь и Поясн. примѣч., стат. III, прим. къ § 210, стр. 85) ⁴⁾.

Буряты—по мѣстному названію Братскіе, извѣстны въ исторіи Монголовъ до XII вѣка, они кочевали и тогда въ окрестностяхъ Байкала ⁵⁾. Между Селенгинскими Бурятами

¹⁾ Собственно Тунгусы Нерчинскіе зовутъ верблюженка «ботого» или «ботого», а Русскіе, усвоивъ себѣ это слово, прибавили къ нему свое уменьшительное окончаніе; такимъ образомъ изъ «ботого» и образовалось «ботогошка».

А. П.

²⁾ Собственно двухлѣтній быкъ.

А. П.

³⁾ Первоначально значить «божество», за снмъ идолъ, а потомъ и всякая домашняя святыня.

А. П.

⁴⁾ Собственно такая раковина называется «дунъ-бурэ», что значить раковинная труба; а бурэ имѣетъ значеніе всякой трубы, почему бурэ могутъ быть металлическія и деревянныя.

А. П.

⁵⁾ Трудно сказать, на чемъ основано это извѣстіе. Названіе Братскіе есть, безъ сомнѣнія, передѣлка слова Бурятъ; подъ названіемъ Братскихъ Буряты были у насъ извѣстны довольно долго; см. статью о нихъ Н. С. Щукина въ Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1849 г., ч. XXVI.

Н. В.

(18 родовъ) надо отличать 6 родовъ собственно Монголовъ, которые, согласно договору 1689 г., заключенному въ Нерчинскѣ, отрѣзаны отъ Китайской Монголіи при проложеніи границы въ 1727 году.

Бухманъ или **бѣхманъ** (бурятск.) ¹⁾—ламайская часовня, выстроенная въ полѣ, вдали отъ приходской кумирни. Въ этихъ бухманахъ справляются годовые праздники. Тогда здѣсь собираются овольные жители, и по совершеніи молебствія, устраиваютъ игры, конскія скачки, борьбу и стрѣльбу въ цѣль (Хоринск. улож., гл. I, § 1; Сборн. Самовасова, стр. 106, и Пояснит. примѣч., ст. III, примѣч. въ § 221, стр. 38, ссылка на объясн. Игумнова).

Обьяхъ ²⁾ или **бесьяхъ** (якутск.)—подарокъ. По якутскому обычному праву, въ нѣкоторыхъ случаяхъ подарки могутъ служить предметомъ судебного иска (см. тѣркутъ), въ другихъ же остаются безъ отдара (см. теннюбятъ бесьяхъ) (Показ. Якутовъ, гл. XXIX; Сборн. Самовасова, стр. 241).

Обычай требовать отдара и даже возвращенія подарка встрѣчается у Бурятъ и Тунгусовъ; но я не нашелъ нигдѣ инородческихъ словъ, означающихъ этотъ обычай.

В.

Вѣшникъ—весеннее стойбище вочевыхъ инородцевъ. (см. стойбище).

возрасть.—Инородцы Восточной Сибири считаютъ года не со дня рожденія ребенка, а по новогодью. Новый годъ у сибирскихъ инородцевъ считается со дня послѣдняго новолунія передъ весеннимъ равноденствіемъ, иногда же и раньше одною луною; это измѣненіе зависитъ отъ близости но-

¹⁾ Бунханъ или бунханъ.

А. П.

²⁾ Слово это записано въ томъ падежѣ, какъ оно значится въ заглавіи указанной главы якутскихъ показаній.

Ө. В.

волюія къ равноденствію. Когда младенецъ родится до новаго года, хотя бы за одни сутки, то въ новый годъ ему считается отъ роду 1 годъ, а по наступленіи перваго дня новаго года, говорятъ, что ему 2 года, хотя бы не прошло и недѣли отъ рожденія (Игумновъ и Поясн. примѣч., ст. III, примѣч. къ § 9, стр. 8).

Г.

гурумба (бурятск.) ¹⁾ — лама, управляющій службою въ кумирнѣ (см. лама).

гэбкуй, **гэскуй** или **гэюкь** — благочинный лама (см. лама) ²⁾.

гэгуй или **гигуй** (тангутское) — то же, что бурятское гэбкуй, благочинный лама (Пояснит. примѣч., ст. III, прим. къ § 210, вѣдомость ламъ, составленная хамбо ламою, см. приложение къ словарю).

гэлунъ (бурятск.) — лама высшей степени посвященія (см. лама).

гэцулъ (бурятск.) — лама второй степени посвященія (см. лама).

Д.

даганъ или **деланъ** (бурятск.) двухлѣтная лошадь (Показ. Селенгинск. Буряты, вступленіе; Сборн. Самоквасова, стр. 151).

да-лама (бурятск.) — надзирающій за ламами (см. лама).

далай-лама (монгольск.) — глава шигэмоніанскаго духовенства у витайскихъ Монголовъ (см. Словарь).

дамалъ (бурятск.) — лице, назначенное начальникомъ рода

¹⁾ Тибетское гурумба.

²⁾ Гэбкуй и гэскь двѣ различныя личности; гэскь — помощникъ гэбкуа или благочиннаго.

къ кочевникамъ того же рода, удалившимся въ числѣ болѣе 20 душъ отъ мѣста кочевья большинства. Дамаль обязанъ сообщать начальнику всѣ дѣла ввѣренныхъ его надзору инородцевъ (Показ. Хоринскихъ Бурятъ, гл. XII, § 34; Сборн. Самоквасова, стр. 145).

даргуй (бурятск.) ¹⁾—десятникъ въ каждомъ улусѣ (Показ. Селенгинскихъ Бурятъ, § 25; Сборн. Самоквасова, стр. 157).

дагүра (маньчжурск.)—звание въ родѣ шуленги у Забайкальскихъ Тунгусовъ (Словарь).

дарханъ (бурятск.)—вольный, титулъ заслуженнаго ламы (см. № 29 вѣдом. бандида хамбо ламы, въ приложеніи ²⁾).

дацанъ (бурятск.)—ламайскій монастырь (см. Словарь) ³⁾.

деланъ (бурятск.)—двухлѣтная лошадь (см. даганъ).

доганчи или **дуганчи** (бурятск.)—звонарь лама (Игумновъ), смотритель за чистотою въ дацанахъ, (Пояснит. примѣч., ст. III, примѣч. къ § 210, стр. 35).

дониръ (бурятск.) ⁴⁾—секретарь при бандидо хамбо ламѣ (см. лама).

Е.

ела (тунг. нерч.)—пена за воровство скота (см. яла).

енисейскіе кочевые инородцы—въ Ачинскомъ округѣ — Бизильцы и Милетскіе ясачные; въ Минусинскомъ округѣ — Качипцы, Яринцы, Кайбалы, Койдоны и разнородныя племена подъ названіями Кондонцевъ или Шаровъ, Верхонцевъ, Сагайцевъ, Белтировъ и 6 родовъ безъ названій; въ Канскомъ округѣ — 2 рода безъ названій.

Большая часть этихъ племенъ татарскаго происхожденія,

¹⁾ Даруга или даргъ.

А. П.

²⁾ Тарханъ собственно значить: человекъ, освобожденный отъ податей, однакоже, какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго званія.

Н. В.

³⁾ Главный храмъ: Голстунскій, Монголо-ойратскіе законы, стр. 106.

⁴⁾ Тибетское слово.

А. П.

прочіе составляютъ остатокъ неизвѣстныхъ народовъ древности, но всё вообще слывутъ Татарами и говорятъ особеннымъ нарѣчіемъ татарскаго языка. Изъ обращенныхъ въ христіанство весьма немногіе достаточно съ нимъ знакомы и мало отличаются отъ остальныхъ. Язычники, имѣя весьма смутное понятіе о божествѣ (Кхудай), не имѣютъ никакой системы вѣрованій; званіе каммовъ или шамановъ присвоено лицамъ, искуснымъ въ волшебномъ врачеваніи, гаданіяхъ и въ исполненіи нѣкоторыхъ обрядовъ ихъ священнодѣйствія. Управляются эти племена старшинами, называемыми башлыками или князьями, а по уставу 1822 г. — головами инородныхъ управъ. Званіе это было раньше наследственное, нынѣ выборное (Поясн. примѣч. ст. IV, стр. 21 и 22).

Ёряхъ (якутск.)—ученіе (объясн. Попова, Поясн. примѣч. ст. V, стр. 6, см. также Якуты).

Ж.

жамá (бурятск.) ¹⁾ — ламскій поварь (см. лама).

жудба (бурятск.) ²⁾—управляющій службою въ ламайскомъ храмѣ (см. лама).

жинжукъ или **чжинжукъ** ³⁾ — помощникъ умзата, то есть, регента (вѣнтора) въ ламайскомъ храмѣ (см. лама).

З.

зайсанъ (бурятск.)—званіе, помощникъ родоваго старосты (см. шуленга).

закирокчи или **цзакирочки** (бурятск.) ⁴⁾ — помощникъ бла-

¹⁾ Тибетск. джима.

А. П.

²⁾ Тибетск. Джитба.

А. П.

³⁾ Тибетск. джунджикъ.

А. П.

⁴⁾ Цзакиракчи.

А. П.

гочиннаго ламы, чинъ по военной службѣ (объясн. Игумнова, см. лама).

закирокчи-бликту (бурятск.)—помощникъ да-ламы, чинъ свѣтскій (объясн. Игумнова, см. лама).

засуль или **засоль** (бурятск., нерчинск., тунгусск.)—инородческій начальникъ (Сборн. Самоквасова; показ. Тунгус., стр. 25, кн. Гантимурова, стр. 43, см. шуленга).

зимникъ — зимнее стойбище вочевыхъ инородцевъ (см. стойбище).

зорикту (бурятск.)—предпримчивый, титулъ заслуженнаго ламы (объясн. Игумнова, см. № 26 вѣдомость бандидо хамбо въ приложеніи).

зурганъ (тунгусск.) — присутственное мѣсто (см. цзурганъ).

И.

изюбрь — родъ оленя, *sevus carpeolus* (Словарь).

имирякъ или **ѳмюрякъ** (якутск.)—человѣкъ пугливый съ дѣтства, отъ внезапнаго испуга впадающій въ иступленіе или безпамятство (объясн. Игумнова, сводъ степн. закон. § 234).

инчжи (бурятск.) — приданое (Словарь, Поясн. примѣч. ст. III, примѣч. къ § 327, стр. 55).

итягяль (якутск.)—вѣра, въ смыслѣ довѣрія (Поясн. прим. ст. V, стр. 5, объясн. Попова, см. Якуты) ¹⁾.

иччи или **иччитя** (якутск.)—хозяйинъ, въ переносномъ смыслѣ означаетъ божество или онгѳнъ (Словарь, см. Якуты) ²⁾.

К.

казалапъ (бурятск.) ³⁾ — четырехлѣтняя лошадь (Показ.

¹⁾ Итягяль (Словарь Порядина).

²⁾ Иччи, хозяйинъ, владѣтель животныхъ; домовой (Словарь Порядина).

³⁾ Кидзалапъ.

А. П.

Селенгинскихъ Бурятъ (вступленіе; Сборн. Самоквасова, стр. 151).

калымъ или **анзу** (бурятск.) или **боктойнъ малъ**—выдача условленнаго количества скота на снаряженіе приданаго невѣсты при сватовствѣ (Словарь). Въ калымъ выдаются также деньги и вещи (Показ. Верхоленскихъ Бурятъ, § 19; Сборн. Самоквасова, стр. 74, также показ. Явутовъ, гл. XIV; Сборн., стр. 221).

Слово **боктойнъ малъ** у Монголовъ означаетъ сговорный (лыточный) скотъ (Пояснит. примѣч., ст. III, примѣч. къ § 8, стр. 4).

Иностранцы засватываютъ невѣсть своимъ сыновьямъ большею частью съ младенчества сыновей и женятъ по достиженіи невѣстой совершеннолѣтія. Иногда женятъ мальчиковъ 8—12 лѣтъ на дѣвицахъ 17—18 лѣтъ, желая получить работницу въ домъ. При первоначальномъ сговорѣ родители, родственники или опекуны жениха и невѣсты условиваются о количествѣ скота и имущества (калыма), которое должно быть выдано женихомъ будущему тестю на снабженіе (цзасаль) дочери его приданымъ (инчжи).

Другой способъ приобрѣтенія невѣсть у Монголовъ и Бурятъ—покупка малолѣтнихъ дѣвочекъ, которыя по достиженіи совершеннолѣтія выдаются за мужъ за сына или за постороннее лице. Въ послѣднемъ случаѣ владѣлецъ дѣвушки беретъ съ жениха калымъ.

Первоначальное значеніе калыма, то-есть, платы жениха за снабженіе невѣсты всѣмъ необходимымъ для будущаго хозяйства, нынѣ извратилось. Пользуясь тѣмъ, что, по иностранческому обычному праву, женщина не имѣетъ права располагать собою, отцы и родственники изъ расчета и корыстолюбія продаютъ дочерей и родственницъ за калымъ. Это видно изъ показаній Верхоленскихъ Бурятъ, § 21. (Сборн. Самоквасова, стр. 75) и заключенія кн. Гантимурова (тамъ же, стр. 64); всего же опредѣленіе выражено право

продажи въ показаніяхъ Селенгинскихъ Бурятъ § 56 (Сборн., стр. 164). Во всѣхъ этихъ показаніяхъ ясно выражено право продажи и мѣны невѣсть и право инородцевъ располагать по собственному произволу овдовѣвшими женами, сочетая ихъ волею и неволею съ братьями или другими родственниками умершаго мужа, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и право выручать выданный за нихъ калымъ перепродажею постороннимъ лицамъ (Поясн. примѣч., ст. III, примѣч. къ § 8, стр. 4 и 5).

КАЛМЫ (татарск.)— шаманы (см. Еписейскіе кочевые инородцы).

КѢСЪ (якутск.)—собственно котелъ, въ переносномъ значеніи разстояніе. Въ каждой юртѣ есть котелъ, специально назначенный для выварки сосновой или лиственничной коры (нижняго, нѣжнаго слоя), при чемъ получается смолистое вещество, называемое въ Иркутскѣ и Тобольскѣ сокомъ. Для такой выварки требуется время болѣе часа. Разстояніе, которое можетъ, въ это время, пройти пѣшій или проѣхать конный, есть единица разстоянія и называется кѣсъ, поэтому есть пѣшіе кѣсы (саты кѣсъ) и конные (ат-кѣсъ). При этомъ измѣреніи разстоянія предполагается, что всадникъ ѣдетъ хорошею ступью ¹⁾. Изъ сего видно, что тонкая или гористая дорога, на одинаковомъ разстояніи, содержитъ болѣе кѣсъ, чѣмъ сухая и ровная. Русскіе дали кѣсу неправильное названіе днище и считаютъ каждый кѣсъ за 10 верстъ ²⁾. (Пояснит. примѣч., ст. III, примѣч. къ § 522, стр. 69; въ дѣлѣ я нашелъ въ другомъ мѣстѣ, при тожественномъ объясненіи кѣса, ссылку на сочиненіе Геденштрома «Отрывки о Сибири», стр. 85 и 86). Словарь объясняетъ кѣсъ десятиверстнымъ разстояніемъ, что несогласно съ изложеннымъ.

КАЧЕРЕКЪ (бурятск.)— двухлѣтная скотина, какалъ именно, въ показаніяхъ Селенгинскихъ Бурятъ (§ 53, Сборн. Само-

¹⁾ Ступь есть аллюръ лошади подъ сѣдломъ, средній между шагомъ и рысью. Слово это употребительно во всей Восточной Сибири. Ө. Б.

²⁾ По словарю Порядина кесъ также = 10 верстамъ.

квасова, стр. 163) не определено, но можно догадываться, что качерекъ — крупная рогатая скотина ¹⁾.

кичи́нгуй (бурятск.) — тщательный, титуль заслуженнаго ламы (см. № 27 вѣдом. бандидо хамбо въ приложеніи).

кортомъ — аренда или наемъ папши, сѣнокоса, земли, дома и проч. (Якут. показ., гл. XI, § 2, п.; Сборн. Самоквасова, стр. 216). Слово это употребительно во всей Восточной Сибири (Буссе).

кубуны (тунгусск. перч.) — женскій уборъ, но какой именно, изъ показан. кн. Гантимурова (§ 12, Сборн. Самоквасова, стр. 46) не видно. Кубуны выдаются невѣстѣ въ приданое.

кумирня — храмъ ламайскаго вѣроисповѣданія (Словарь).

кумысь (татарск.) — квашенное молоко, питье (Словарь).

кхудай (татарск.) — божество (см. Енисейскіе кочевые и народцы).

кэрякъ (бурятск., тунгусск.) — шкура животнаго, принесенная шаманомъ въ жертву онгонамъ. Кэрякъ вывѣшивается на деревьяхъ или особыхъ шестахъ (Поясн. примѣч., стат. III, примѣч. къ § 221, стр. 39, также см. обонъ) ²⁾.

кюбий хотунъ (якутск.) — почтенная, видная госпожа. Это эпитетъ жены Аръ Тоёна (верховное божество); почитаемой впрочемъ не за божество, а за простаго онгона (см. Якуты) ³⁾.

Л.

лама (бурятск. тибетск.) — жрецъ шигэмоніанскаго или ламайскаго вѣроисповѣданія или шератскаго закона.

Изъ официальныхъ свѣдѣній ⁴⁾ (Пояснит. примѣч., стат.

¹⁾ Хамвракъ — трехгодовалая корова.

А. Ц.

²⁾ Кэрякъ — собственно общее названіе всякаго шаманскаго богослуженія, а отсюда слово это переходитъ и на всякую жертву, приносимую онгонамъ.

А. П.

³⁾ Кюбий — у Порядина: тихая, милостивая.

⁴⁾ Въ 1831 году въ Восточную Сибирь былъ командированъ министерствомъ

III, примѣч. къ § 210, стр. 32) видно, что монголо-бурятское духовенство имѣетъ три степени посвященія: гэлунъ, гэцуль и банди, изъ коихъ первыя двѣ носятъ названіе ламъ, а всѣмъ тремъ степенямъ прилагается общее названіе ховаракъ. Гэлунъ, при посвященіи даетъ обѣтъ соблюдать 253 правила духовной жизни, гэцуль—36 правилъ, а банди—9 правилъ. Обаши (убаши) (назначаемый въ духовное званіе) хотя и обязывается къ соблюденію 5 правилъ изъ обѣтовъ бандія, но въ составъ духовенства не входитъ.

Въ отношеніи къ должностному служенію и по обязанностямъ, присвоеннымъ этимъ должностямъ, ламайское духовенство дѣлится на слѣдующіе разряды:

I. Бандида хамбо, какъ глава монголо-бурятскаго духовенства, смотритъ за точнымъ соблюденіемъ постановленій вѣроученія, а также за неукоснительнымъ исполненіемъ предписаній начальства, во всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстахъ.

II. Помощники Бандида хамбо наблюдаютъ за правильнымъ ходомъ дѣлъ по управленію дацанами (монастырями) и точнымъ исполненіемъ предписаній начальства ¹⁾.

III. Ширѣту управляетъ дѣлами отдѣльнаго дацана и наблюдаетъ, чтобы ламы и банди точно исполняли правила своего священства и обязанности ихъ.

иностранныхъ дѣлъ дѣйств. стат. совѣт. баронъ Шилингъ фонъ-Канштатъ для собранія свѣдѣній, между прочимъ — о ламайскомъ духовенствѣ, на основаніи своихъ изслѣдованій и уложенія Селенгинскихъ Бурятъ 1823 г. (Сборн. Самоковсова). Проектъ этотъ внесенъ былъ Азіатскимъ департаментомъ, въ 1835 году, въ Сибирскій комитетъ, но не былъ утвержденъ (Поясн. примѣч., стат. III, примѣч. къ § 309—311, стр. 47). Кромѣ свѣдѣній, собранныхъ Канштатомъ, есть отзывы и мнѣнія мѣстныхъ властей и переводчика монгольскаго и бурятскаго языковъ, статск. совѣт. Игумнова, знатока быта инородцевъ (Поясн. примѣч., стат. III, примѣч. къ § 210, стр. 25).

Ө. Б.

¹⁾ Интересно знать, когда они существовали, и подъ какимъ титуломъ были извѣстны?

А. П.

IV. Степенные ламы ¹⁾:

а) цдрчжи содѣйствуютъ ширѣтую по управленію дацаномъ.

б) шанцзабѹ ²⁾ и цзаскъ (или цзасакъ) наблюдаютъ за порядкомъ и поведеніемъ ламъ и бандіевъ и содѣйствуютъ ширѣтую и цорчжю, исправляя ихъ порученія по предписаніямъ начальства.

в) дѹ-лѹма и нансѹ, сверхъ надзора за поведеніемъ, въ особенности смотрятъ за ученіемъ бандіевъ и обашіевъ.

г) дониръ управляетъ письменною частію при бандида хамбо.

V. Почетные ламы:

а) лацабъ, за отсутствіемъ или за болѣзнию ширетуя, первенствуетъ при служеніи въ дацанѣ.

б) жудба и гурумба ³⁾ первенствуютъ при служеніи въ малыхъ храмахъ, подобно ширетуя въ дацанѣ.

VI. Должностные ламы и бандіи:

а) гѣбвѹй, благочинный, -- наблюдаетъ за порядкомъ и благочиніемъ во время служенія, назначаетъ ламамъ и бандіямъ мѣста по разрядамъ и степени учености, объявляетъ въ общемъ собраніи ламъ и бандіевъ о вкладахъ, сдѣланныхъ во время богослуженія (хорала), и дѣлитъ эти вклады на доли (намшики).

б) умзѹтъ или умцзѹтъ, уставщикъ ⁴⁾, во время служенія начинаетъ пѣніе и управляетъ имъ, а потому долженъ знать весь порядокъ службы.

в) ноюнь-лама ⁵⁾ и цзакирокчи ⁶⁾ смотрятъ за сохранностью имущества при дацанѣ и ежегодно пробѣраютъ приходъ и расходъ этого имущества.

¹⁾ См. о нихъ у К. Ф. Голстунскаго, Монголо-ойратскіе законы, стр. 106.

²⁾ Шанцзотба. А. П.

³⁾ Джитба, гурумбз. А. П.

⁴⁾ Канонархъ. А. П.

⁵⁾ Ноюнь-лама. А. П.

⁶⁾ Цакирокчи. А. П.

г) нярба ¹⁾, казначей, имѣеть въ своемъ вѣдѣніи имущество дацана, какъ-то: утварь, книги, общественный скотъ, деньги и разныя другія вещи.

д) бигечи ²⁾, письмоводитель, подъ руководствомъ цорчжіа исправляетъ письменныя дѣла по дацану.

е) мэдэчи принимаетъ во время хорала вклады отъ прихожанъ и представляетъ ихъ гѣбкуу, и смотритъ за поступками ламъ и бандіевъ.

ж) чобонба принимаетъ отъ мірянъ приношенія ³⁾ на хораль, распоряжается приготовленіемъ и разстановиваніемъ ихъ передъ бурханами; принимая отъ нярбы музыкальныя орудія и прочія вещи, принадлежащія къ богослуженію, раздаетъ ихъ ламамъ и бандіямъ на хораль, а по окончаніи службы сдаетъ ихъ обратно нярбѣ, на храненіе.

з) жама или чжама ⁴⁾ завѣдуетъ, во время хорала, приготовленіемъ пици для ламъ и бандіевъ.

и) гэюкь ⁵⁾ исправляетъ должность гѣбуу при богослуженіи въ малыхъ храмахъ и служитъ ему помощникомъ въ дацанѣ.

і) жинжукъ ⁶⁾ или чжинжукъ управляетъ пѣніемъ въ малыхъ храмахъ и помогаетъ умзату въ дацанѣ.

к) такильчи, помощникъ чобонбы и исполнитель всѣхъ его распоряженій.

л) доганчи ⁷⁾ наблюдаетъ за чистотою внутри и внѣ дацана, растилаетъ войлоки для ламъ и бандіевъ и повѣщаетъ ихъ о богослуженіи посредствомъ бурэ (труба изъ морской раковины).

¹⁾ Нярба.

А. П.

²⁾ Бигечи.

³⁾ Курительныя свѣчки, хлопчатая бумага, хлѣбцы, разный хлѣбъ въ зернѣ, коровье масло и ходаки (священные платки).

Ө. Б.

⁴⁾ Ажима.

А. П.

⁵⁾ Гэюкь.

А. П.

⁶⁾ Ажунджикъ.

А. П.

⁷⁾ Дуганчи.

А. П.

м) сойбонъ долженъ подавать книги ширету и степеннымъ ламамъ и прислуживать имъ во время богослуженія.

VII. Ученые ламы и бандіи:

а) биликтулама обучаетъ переводу книгъ съ тибетскаго языка на монгольскій.

б) умцзэйту (или улцзейту), эркэту и дарханъ лама обучаютъ обашіевъ правильному чтенію и чистописанію монгольскому и тибетскому.

в) тойнь лама обучаетъ стереотипной рѣзбѣ.

г) цзорохайчи ¹⁾ занимается ежегоднымъ составленіемъ календаря и обучаетъ астрономіи.

д) эмчи обучаетъ врачеванію.

е) цзорачи ²⁾ обучаетъ живописи.

VIII. Простые ламы и бандіи не имѣющіе должностей.

Въ Пояснительныхъ примѣчаніяхъ (стат. III, стр. 30 и 31) есть таблица ламъ и ихъ должностей, представленная бандидо хамбо ламою, съ замѣчаніями и переводомъ статск. совѣт. Игумнова. Эта таблица представляетъ нѣкоторыя уклоненія въ іерархическомъ порядкѣ ламъ и въ правописаніи въ названіяхъ, а также дополненія, сравнительно съ приведеннымъ спискомъ ламъ, почему копія съ нея приложена въ концѣ словаря.

Права ламъ на имущества. Доходы ламъ состоятъ, кромѣ платы за требы, изъ вкладовъ или приношеній прихожанъ. Эти приношенія распредѣляются между ламами по долямъ (намшики) сообразно должностямъ и званіямъ, по слѣдующей пропорціи: бандидо хамбо получаетъ 15 частей, помощникъ его — 12 частей, ширету — 11, цорчжи — 9, Далама, нансу, лацабъ, жудба, гурумба, умзатъ и гѣбкуй, по 5, ноюнъ-лама, цзакирокчи, биликту, улцзэйту, эркэту, дарханъ-лама, нярбъ, бигечи, чобопба и чжама, по 3 части, мэдэчи, тойнь, цзорохайчи, эмчи, цзорачи, гяюкь, чжин-

¹⁾ Дзурухайчи.

А. П.

²⁾ Дзурачи.

А. П.

чжукъ, такильчи, доганчи, сойбонъ и простой гэлунъ, по 2 части, и гэцуль и банди, не имѣющіе должностей, по 1 части. (Расчетъ этотъ, въ Пояснит. примѣч., стат. III, примѣч. къ § 210, стр. 35).

Вклады поступаютъ въ кумирни также въ видѣ штрафовъ за нанесеніе оскорбленія словомъ и дѣйствіемъ не только ламъ, но и инородческихъ начальниковъ и др. (Сборн. Самоквасова: уложеніе Хоринское, гл. II, стр. 109—111, Селенгинское, стр. 166 и пр.).

Изъ выморочныхъ имѣній инородцевъ поступаетъ въ кумирни значительная часть на поминаеніе души умершаго. У Селенгинскихъ Бурятъ (улож. §§ 65, 133 и 136, Сборн. Самоквасова стр. 165, 184 и 185) 1) одна половина выморочнаго имѣнія поступаетъ въ кумирній прикладъ, а другая, съ пахатными и сѣнокосными землями, опредѣляется на платежъ за него податей и повинностей до ревизіи; 2) имѣніе послѣ бездѣтной вдовы дѣлится на двѣ части: одна поступаетъ въ кумирню, другая родственникамъ мужа, а если таковыхъ нѣтъ, то въ общественный доходъ рода; 3) когда умершій лама не имѣлъ родственниковъ или близкихъ прислужниковъ и былъ изъ числа освобожденныхъ отъ податей, то имѣніе его, за отдѣленіемъ части на поминаеніе, обращается въ кумирній прикладъ; если же умершій лама уплачивалъ ясакъ, то имѣніе поступаетъ въ общественный доходъ рода, гдѣ онъ состоялъ.

У Хоринскихъ Бурятъ половина имѣнія родовича, не оставившаго жены и дѣтей, отчисляется въ доходъ кумирни, а другая раздѣляется между родственниками (улож. гл. XII стр. 47, Сборн. Самоквасова, стр. 147).

По показаніямъ вв. Гантимурова (§ 26, Сборн. Самоквасова, стр. 49) у Нерчинскихъ Тунгусовъ выдается одна половина выморочнаго имущества тому, кто читалъ по душѣ его книги, четвертая часть—въ кумирній прикладъ, а остальная четверть выдается тому, съ кѣмъ умершій жилъ.

Въ показаніяхъ Тунгусовъ Нерчинскихъ (§ 17 Сборн. Самоквасова, стр. 29) опредѣлено выдавать треть выморочнаго имущества на поминаеніе, треть обращается въ церковный или кумирный прикладъ, а послѣдняя треть тому, съ кѣмъ покойный жилъ.

О наслѣдованіи имущества послѣ умершихъ ламъ, мы находимъ въ Пояснит. примѣч. стат. III, примѣч. къ § 309—311, (стр. 47) слѣдующія данныя:

У Хоринскихъ Бурятъ (улож. гл. XII, § 47, Сборн. Самоквасова, стр. 147), если лама не распредѣлилъ своего имущества въ духовномъ завѣщаніи, то одна половина отдается въ кумирню, а другая—тому, кто ему служилъ и жилъ съ нимъ издавна. У Селенгинскихъ Бурятъ (§ 136, Сборн. Самоквасова, стр. 185) въ томъ же случаѣ наслѣдуетъ все тогъ, кто жилъ у умершаго, выдѣливъ часть, слѣдующую за поминаеніе души.

Въ проектѣ устава о монголо-бурятскомъ духовенствѣ, составленномъ барономъ Канштатомъ, объяснено, что по безбрачности ламайскаго духовенства, ламамъ и бандіямъ дозволяется по степнымъ законамъ брать въ услуги сыновей у своихъ родственниковъ ¹⁾, а иногда и у постороннихъ, и на семъ основаніи ламамъ и бандіямъ усвоено право отказывать свое имѣніе родственникамъ и постороннимъ по слѣдующимъ правиламъ: 1) по смерти ламы и бандія, если онъ не оставилъ завѣщанія, все имѣніе, какъ движимое, такъ и недвижимое, наслѣдуется бывшимъ у него въ услуженіи, за исключеніемъ части, отдѣляемой на поминаеніе покойнаго, при чемъ никто изъ родственниковъ не имѣетъ права на наслѣдство; 2) если лама или бандій былъ ясачный сверхъ штатный (см. ниже), то наслѣдникъ его обязанъ до ревизіи

¹⁾ По замѣчанію Игумнова, ламы большею частью, подъ названіемъ племянниковъ, держатъ въ качествѣ прислуги, своихъ собственныхъ сыновей, прижитыхъ ими съ родственницами. Впрочемъ, когда у ламы не случится такихъ племянниковъ, то обыкновенно замѣняютъ ихъ бѣднѣйшіе ламы и бандіи той же кумирни.

платить за него подати; 3) лама или бандій имѣть право завѣщать свое имѣніе, по духовной, постороннему лицу изъ другого рода; 4) если умретъ лама, или бандій штатный и сверхштатный, не имѣя ни родственниковъ, ни принятаго въ прислугу, то треть сего выморочнаго имущества употребляется на поминовение души, а остальное имущество постунаетъ въ общественную сумму дацана; 5) если умретъ лама или бандій изъ сверхштатныхъ и не оставитъ никакаго имущества, то дацанъ обязанъ уплачивать, до ревизіи, за него подати и повинности.

Число ламъ ¹⁾ по штату. Постановленіями мѣстнаго начальства, состоявшимися въ разное время, число духовныхъ ламайскаго духовенства, штатныхъ, то-есть, не положенныхъ въ податные оклады, ограничено вообще 150 человеками, и посвященіе въ духовные свыше этого числа строжайше воспрещено, особенно безъ разрѣшенія высшаго начальства. Но старшіе ламы въ забайкальскихъ бурятскихъ и тунгусскихъ родахъ, не повинаясь этимъ постановленіямъ, посвящаютъ въ ламы и обашы всякаго, кто пожелаетъ. Вслѣдствіе сего, число ламъ въ 1831 году, вмѣсто штатныхъ 150, въ дѣйствительности простиралось до 3,600, а обашіевъ — до 1,040, изъ коихъ старшимъ было не болѣе 10 лѣтъ отъ роду.

По кореннымъ постановленіямъ о ламайской вѣрѣ, каждый посвященный въ ламы долженъ оставить свое семейство и поселиться въ кумирнѣ. Но бурятскіе и тунгусскіе ламы, съ построеніемъ многихъ главныхъ и частныхъ кумиренъ въ инородческихъ обществахъ, большею частью безъ дозволенія, собираются въ эти кумирни только одинъ разъ въ мѣсяцъ на общія моленія (хуралы), проживая остальное время разсѣяно по кочевьямъ въ праздности и своеволю, на счетъ родовичей, которые, по суевѣрію, безпрекословно несутъ всѣ возможные для нихъ пожертвованія.

¹⁾ Пояснит. примѣч., стат. III, примѣч. къ § 311, стр. 52 и 53.

Ламы имѣютъ обыкновеніе назначать плату за поминки по душѣ умершаго въ такомъ большомъ размѣрѣ, что нерѣдко инородцы разоряются.

Званіе ламы даетъ поводъ уклониться отъ повинностей, отправляемыхъ инородцами не порознь, а вообще цѣлыми родами. Въ 1831 г. число ламъ составляло почти десятую часть всего числа прихожанъ главныхъ кумирень, почему освобожденіе ламъ отъ повинностей, уплачиваемыхъ за нихъ прихожанами, ложилось бременемъ на родовичей.

Ламы, сравнительно съ родовичами, весьма богаты и даже вели не дозволенную, но весьма прибыльную торговлю съ Китаемъ.

Инородцы стремятся поступить въ ламы, какъ вслѣдствіе выгодъ, такъ особенно для полученія вліянія на свѣтскихъ инородческихъ начальниковъ, которымъ пользуются ламы.

Вслѣдствіе этихъ несообразностей, удостовѣренныхъ въ 1826 и 1832 годахъ главнымъ управленіемъ Восточной Сибири, въ мартѣ 1844 года состоялось высочайшее повелѣніе, которымъ возложено на главное управленіе ограничить особымъ штатомъ число ламъ, соотвѣтственно числу инородцевъ-ламаистовъ и начертать обязанности по духовному управленію бандидо хамбо и остальныхъ ламъ.

Лишеніе ламъ ихъ званія и взысканія ¹⁾. Въ 1780 году, бывшій бандидо хамбо, Кытыркуевъ, на предписаніе Удвской провинціальной канцеляріи объ ограниченіи числа ламъ штатомъ въ 150 человекъ, отозвался, что «по ихъ вѣрѣ и закону, лучше умереть тому ламѣ, который онымъ былъ, нежели живому потерять сіе званіе». Но этотъ отзывъ бандидо хамбо опровергается коренными постановленіями шигмоніанства, введенными въ уложеніе монгольскихъ законовъ китайскимъ правительствомъ. Въ 128 и 130 статьяхъ этого уложенія, коего послѣднее изданіе, 1817 г., выписано изъ

¹⁾ Поясн. примѣч. стат. III, примѣч. къ § 576 и 577, стр. 73 и 74.

Пекина и написано на языкеѣ, на которомъ читають ѣ пишутъ Буряты, значитса:

1) Если доведется судить ламау за какое-либо законопротивное дѣло, то напередъ снять съ него ламское званіе, а потомъ уже судить. Буде же, по точномъ изслѣдованіи, виновнымъ не окажется, тогда опять поставить его ламоу.

2) Если какой-либо лама окажется прикосновеннымъ къ преступленію или будетъ укрывать воровъ, то назазывать его одинакимъ и равнымъ образомъ съ простолюдинами.

Тѣ же постановленія въ уложеніи китайской палаты вѣдѣніи сношеній, изданномъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, часть II, § 88.

Въ проектѣ устава для монголо-бурятскаго духовенства, составленномъ барономъ Канштатомъ, полагалось: ламъ и бандіевъ, безъ всякаго исключенія, уличенныхъ въ блудъ и прелюбодѣянніи во второй разъ, и за воровство, учиненное въ третій разъ, лишать духовнаго званія и обращать въ прежнее званіе.

Литература по вопросу о ламахъ, указанная въ Пояснит. примѣч. стат. IV, стр. 10, въ подстрочномъ примѣчаніи: 1) показанія инородцевъ (нынѣ изданные г. Самоквасовымъ: Сборникъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ. Варшава, 1876). 2) Pallas. Sammlung historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. 2 Bände, 1776 — 1801. St.-Pbrg (о ламайской вѣрѣ — часть II, стр. 413). 3) Гакинфъ монахъ: Записки о Монголіи. С.-Пб. 1825. 4) Abel Remusat. Foe-Koué-Ki, ou relation des royaumes Bouddhiques. Paris. 1836. 5) Гакинфъ: Выписки изъ китайскихъ государственныхъ постановленій и изысканія его о вѣроисповѣданіи подвластныхъ Китаю племенъ и самихъ Китайцевъ. (?). 6) Сперанскій тайн. совѣтн., Изысканія о ламайской вѣрѣ въ 1820 г. (?)

ламайская или шигэмоніанская вѣра или шератскій законъ (бурятск.) (послѣднее названіе со словъ бандидо хамбо)

— занесенъ въ Забайкальскій край Монгольскими племенами, поступившими въ подданство Россіи по Нерчинскому трактату 1689 г. (Поясн. примѣч., стат. IV, стр. 12, также см. Буряты).

лацабъ (бурятск.) — замѣститель ширетуя въ случаѣ его болѣзни (см. лама).

лбантабъ-жуши (бурятск.) — врачебная книга (Показ. Хоринск. Буряты, гл. I, § 4, Сборн. Самоквасова, стр. 107).

лучшее оружіе у Нерчинскихъ Тунгусовъ по смерти отца наследуется старшимъ сыномъ и служитъ символомъ его обязанности пропитывать оставшуюся семью. Оружіе указываетъ на охоту, главное занятіе Тунгусовъ (Поясн. примѣч., стат. III, примѣч. къ § 298 стр. 44).

лѣтникъ — лѣтнее стойбище кочевыхъ инородцевъ (см. стойбище).

М.

малахай (нерч. тунгусск. и бурятск.) — мѣховая шапка (Буссе).

мандалу ¹⁾ (бурятск.) — мѣдный кружокъ, употребляется при наказаніи. Оскорбившій ламъ или тайшей побоями или словами обязанъ, сверхъ внесенія штрафа, кланяться ширетую, держа въ рукахъ мандалу, и просить прощенія (показ. Хоринск. Буряты гл. II, § 1, Сборн. Самоквасова, стр. 110).

ма-ни (монг. бурятск.) — сокращенныя слова извѣстной у ламаистовъ молитвы (тайственное шестисловіе) омъ-ма-ни-бадъ-мэ-хумъ (см. абасанца).

маньжун (тунгусск.) означаетъ Маньчжуровъ (Поясн. примѣч. ст. V, стр. 2, объясненіе Игумнова).

мунгалъ значитъ Монголь. Это слово встрѣчается въ старинныхъ правительственныхныхъ актахъ. Напримѣръ, въ договорѣ

¹⁾ Мандалъ.

Ө. А. Головина съ мунгальскими тайшами о поступленіи ихъ въ русское подданство, 7-го февраля 1689 года (Полюн. Собр. Зак. т. III № 1329. Буссе).

МЭДЭЧИ (бурятск.) — приниматель вкладовъ (см. лама).

Н.

НАМШИКЪ (бурятск.) — паи, доли, на которыя раздѣляются вклады прихожанъ въ ламайской кумирнѣ, при распредѣленіи ихъ между ламами (Поясн. примѣч. ст. III, примѣч. къ § 210 стр. 33, также см. ламы).

НАНСУ (бурятск.) — экономя лама (см. лама).

НАСЛѢГЪ (якутск.) — нѣсколько якутскихъ семействъ, происходящихъ отъ одного прародителя, составляютъ ага-уса, называемый именемъ родоначальника. Изъ нѣсколькихъ ага-усъ образуется наслѣгъ, въ которомъ числится отъ 100 до 1000 душъ мужскаго пола. Управляющій наслѣгомъ — князецъ, нынѣ называемый старостою, но Якуты придерживаются стараго названія, признаннаго первыми царскими грамотами. Изъ нѣсколькихъ наслѣговъ составляется улусъ, подъ управленіемъ инородной управы, въ составъ которой входятъ всѣ старосты, подъ предсѣдательствомъ выборнаго головы. (Сборникъ Самоквасова, стр. 200 и 201).

НОЮНЪ-ЛАМА ¹⁾ (бурятск.), титулъ, даваемый заслуженнымъ ламамъ, которые завѣдуютъ контролемъ въ дацанахъ (см. лама и вѣдом. бандидо хамбо въ приложеніи).

НОЮНЪ ЦОРЧЖІЙ ²⁾. Въ словарѣ означенъ ламою, но такого званія не означено, ни въ Пояснит. примѣчаніяхъ (см. лама), ни въ вѣдомости бандидо хамбо.

НЯРБА ³⁾ (бурятск.) — лама казначей (см. лама).

¹⁾ Ноюнъ-лама.

²⁾ Ноюнъ-цорчжи.

³⁾ Нярба.

О.

обаша ¹⁾ (бурятск.) — мущина, давший обѣтъ соблюдать пять правилъ духовной жизни (см. абасанца) и назначаемый въ духовное званіе ламайской вѣры (Словарь).

обѣкъ или **ясу** (монг.). — Обѣкъ значитъ собственно кость, но употребляется въ смыслѣ родства ясу (русское — кровь, кровный), то-есть, происхожденія отъ одного прародителя. Поэтому всѣ инородцы, составляющіе родъ, считаются между собою родственниками. Такимъ образомъ, родъ первоначально означалъ поколѣніе, а въ совокупности — цѣлое племя, происходящее отъ одного колѣна или общаго родоначальника, жившаго за нѣсколько вѣковъ. Впослѣдствіи мѣстныя власти соединили, для удобства управленія, мелкія племена въ одно общество — тогда понятіе о родствѣ членовъ одного рода нарушилось, и Буряты слово обѣкъ замѣнили словомъ отокъ (Поясн. примѣч., ст. III, прим. къ § 8, стр. 2).

обѣнь, **обѣ**, **обого** (бурятск.), **обна** (тунг. нерчинск.) — часовня въ формѣ конуса, изъ жердей и хвороста, устраиваемая Бурятами и Тунгусами, оставшимися въ шаманствѣ. Обоны ставятся обыкновенно на вершинѣ круглой горы или холма. — Околодокъ пространствомъ на 10 до 30 верстъ, съ населеніемъ въ нѣсколько сотъ юртъ на лѣтнихъ стойбищахъ, имѣетъ свой обѣнь.

Ежегодно въ концѣ мая, или въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда свѣтъ поправится на подножномъ кормѣ, собираются къ обонамъ окрестные жители, съ молочнымъ виномъ и съѣстными припасами, праздновать возвращеніе весны или возрожденіе природы. При этомъ шаманы славословятъ духовъ или онгѣновъ, хранителей страны и стихій, умоляя ихъ о дарованіи благотворнаго лѣта, изобилія травъ и плодородія стадамъ. Празднество оканчивается разными играми, борьбою, стрѣль-

¹⁾ Убаша.

бой изъ лубовъ и конскою скачкою, съ торжественнымъ провозглашеніемъ побѣдителей. Иногда, по разнымъ случаямъ, при обонахъ совершается жертвоприношеніе, и кожу зарѣзаннаго животнаго, съ копытами и рогами, вѣшаютъ на ближайшихъ деревьяхъ или на особыхъ шестахъ. Такія жертвенныя шкуры называются кэрэками (Поясн. примѣч., ст. III, прим. къ § 221, стр. 39).

Обоны встрѣчаются и у Бурятъ-ламаитовъ, сохранившихъ шаманскія суевѣрія. Въ Забайкальской области, у Селенгинскихъ Бурятъ, въ обонахъ иногда встрѣчаются бронзовые ламайскіе бурханы (Буссе).

При обонахъ совершается и присяга свидѣтелей и отвѣтчиковъ по дѣламъ тяжбымъ. Шаманъ, приводящій къ присягѣ, призываетъ онгдоновъ, чтобъ они удостоили присягу своимъ присутствіемъ и лишили счастья и плодородія того, кто клянется лживо (Поясн. примѣч., ст. III, прим. къ § 792, стр. 89).

Кн. Гантимуровъ въ своемъ показаніи (§ 35, Сборн. Самоквасова, стр. 52) вмѣсто обонъ пишетъ обна. Хоринскіе Буряты (показ. гл. I, § 1, Сборн. Самоквасова, стр. 106) пишутъ это слово обого.

огнище.—Сибирскіе инородцы, особенно Забайкальскіе Буряты и Тунгусы, нерѣдко устраиваютъ обширную облаву на звѣрей. Охотники дѣлятся на артели, и каждая изъ нихъ, на привалѣ, собирается около одного огня, отдѣльно отъ другой; поэтому въ слово огневище входитъ понятіе объ артели (Словарь и объясн. Игумнова).

ожин или **ожн** ¹⁾ (тунг. нерчин.) или **оджи** (бурятск.)— часть женской одежды, но что именно—не видно изъ показаній кн. Гантимурова (§ 12, Сборн. Самоквасова, стр. 46) Ожи выдаются въ приданое.

Селенгинскіе Буряты (§ 62, Сборн. Самоквасова, стр. 165) пишутъ это слово оджи.

¹⁾ Ожи, учжимъ, безрукавный камзолъ.

ОМЪ-МА-НИ-БАДЪ-МЭ-ХУМЪ (бурятск.) (см. мани).

ОМИЮРЯХЪ (якутск.) — пугливый (см. имирякъ).

ОНГОНЫ или **ОНГОТЫ** ¹⁾ (бурятск. тунг.)—духи хранители и правители стихій, коимъ поклоняются послѣдователи шаманства (Словарь). Вѣрованіе въ онгоновъ есть главное основаніе шаманства. Онгоненіе торжественное есть по шаманскимъ обрядамъ посвященіе лошади повелителю громовъ; лошадь эта отпускается на свободу и не употребляется на работу (Поясн. примѣч., ст. III, прим. къ § 324, стр. 55, также см. шаманы).

Тунгусы Нерчинскіе (показ. кн. Гантимурова § 51, Сборн. Самоквасова, стр. 55) вмѣсто онгоненіе, пишутъ ангуненіе (см. шаманская вѣра).

ОНГОНЪ ЭМНИКЪ ЦАГАНЪ НОЮНЪ (бурятск.)—неукротимый, суровый, бѣлый князь духовъ, божество шамановъ; престоль его, по древнему преданію шаманствующихъ инородцевъ, находится на камнѣ на рѣкѣ Ангарѣ, при ея истокѣ изъ озера Байкаль; это мѣсто считается самымъ ужаснымъ въ мірѣ. (Пояснит. примѣч., ст. III, прим. къ § 792, стр. 90, также см. присяга).

ОСЕННИКЪ — осеннее стойбище кочевыхъ инородцевъ.

ОСТОЖЬЕ—участокъ сѣнокоса (Словарь). У Якутовъ (гл. XI; § 3, пунктъ а, Сборн. Самоквасова, стр. 215) размѣръ остожья опредѣляется количествомъ выкошеннаго сѣна, отъ 8 до 10 сажень (?) на каждомъ. У другихъ инородцевъ остожье означаетъ ограду стога сѣна или хлѣба (Показ. Верхоленскихъ Бурятъ, § 43, Сборн. Самоквасова, стр. 80; показ. Хоринскихъ Бурятъ, гл. X, § 1, Сборникъ, стр. 132).

ОТОКЪ (бурятск.)—станція, наслѣгъ (Словарь). Собственно названіе это принадлежитъ роду, какъ административной единицѣ (см. обокъ).

¹⁾ Оягонъ, мн. ч. ояготъ.

о́ть (якутск. глаголь) — пронизать (Объясн. Попова, Поясн. примѣч., ст. V, стр. 6, также см. Якуты).

II.

палъ (русск. сибирск.) — напольный или лѣсной пожаръ, или выжиганіе травъ и лѣса (Словарь Буссе).

паты или **патыры** (русск. сибирск.) см. саху.

пѣкати (русск. сибирск.) — Такъ называются въ Сибири цѣлыя страны или части малообитаемыхъ уѣздовъ, лежащія между хребтами горъ и занимающія пространство отъ извѣстной возвышенности до окончанія поватостей и соединенія съ границею другаго уѣзда (Словарь, также Поясн. примѣч., ст. III, прим. къ § 394, стр. 62).

Опредѣленіе это неправильно. По моимъ личнымъ распросамъ и запискамъ, веденнымъ въ Сибири, пѣкати есть опредѣленіе изъ области физической географіи и означаетъ постепенное пониженіе почвы къ водѣ, въ самомъ общемъ смыслѣ. Это опредѣленіе не имѣетъ ничего общаго съ административнымъ дѣленіемъ страны (Буссе).

поскотина (русск. сибирск.) — ограда вокругъ выгоновъ или покосныхъ мѣстъ, для предупрежденія погнѣвъ (Словарь).

присяга исповѣдующихъ шаманство. — Въ присягѣ различаются четыре степени:

I) въ маловажныхъ дѣлахъ или семейныхъ инородцы клянутся передъ домашними бурханами, призывая боговъ и онгоновъ въ свидѣтели своего показанія и предавая себя ихъ гнѣву и карѣ, если повяжутся ложно.

II) по дѣламъ слѣдственнымъ инородцы клянутся передъ заряженнымъ ружьемъ, или обнаженною саблею, и по окончаніи клятвы, цѣлуютъ дуло ружья и лезвее сабли (у Верхоленскихъ Бурятъ — остріе копья. Сборн. Самоквасова, стр. 70). Они твердо убѣждены въ томъ, что въ случаѣ живой присяги, ружье должно выстрѣлить и убить клятвопре-

ступника, или же впоследствии онъ непременно погибнетъ отъ подобныхъ орудій, какъ призванныхъ въ поручительство.

III) въ дѣлахъ тяжбныхъ инородцы клянутся при обонахъ, въ присутствіи шамановъ, которые призываютъ онгоновъ удостоить присягу своимъ присутствіемъ и лишить счастья и плодородія того, кто лживо клянется.

IV) въ особенно важныхъ случаяхъ приводятъ инородцевъ къ присягѣ на мѣстахъ особенно страшныхъ для шаманствующихъ. Въ числѣ ихъ самое ужасное—это шаманскій камень, находящійся на срединѣ рѣки Ангары при истокѣ ея изъ Байкала; камень этотъ возвышается надъ водою около 2 аршинъ. При быстротѣ теченія и шумѣ воды, разбивающейся о камень, это мѣсто опасно и способно вселить ужасъ. Буряты, послѣдователи шаманства, почитаютъ это мѣсто за самое ужасное въ свѣтѣ не столько по видимой его опасности, сколько вслѣдствіе глубокой вѣры въ древнее преданіе, что на этомъ камнѣ имѣетъ престолъ свой и возсѣдитъ онгонъ эмнѣкъ цаганъ ноюнъ, неукротимый, суровый, бѣлый князь духовъ. Присягающихъ инородцевъ подвозятъ на небольшой лодкѣ къ этому страшному и опасному камню, обращаютъ ихъ лицомъ къ Байкалу и заставляютъ присягать словами: «да терзаетъ ихъ неукротимый эмнѣкъ онгонъ цаганъ и да низвергнетъ въ бездну и утопить». Рѣдкіе рѣшаются на такую опасную присягу, большая часть рѣшаются скорѣе нести клевету и напрасное наказаніе (Пояснит. примѣч., ст. III, прим. къ § 792, стр. 89 и 90, также показ. Кудинскихъ Буряты, Сборн. Самовасова, примѣч. на стр. 93) ¹⁾.

Интересенъ обычай инородцевъ, что по требованію истца присягаетъ не отвѣтчикъ, а нѣсколько его родственниковъ, по выбору истца (показ. Верхоленскихъ Буряты § 6, Сборникъ

¹⁾ Въ Отеч. Зап. т. LXXXIV, отд. III, есть прекрасное описаніе этого камня подъ заглавіемъ: «Шаманскій порогъ на рѣкѣ Ангарѣ» (изъ записокъ путешественника).
Н. В.

Самоквасова, стр. 69; Идинскихъ и пр. Бурятъ, гл. IV, § 2, Сборн., стр. 92 и др.).

Р.

родство инородцевъ.— Всѣ родовичи, принадлежащіе къ одному племени, часто весьма многочисленному, принимаютъ общее прозвище и считаются между собою родственниками (туруль), поэтому не женятся на дѣвицахъ и вдовахъ своего племени, считая это непростительнымъ кровосмѣшеніемъ. Это правило соблюдается строго даже тѣми, которые приписываются къ роду изъ другихъ племенъ и въ сущности не состоятъ въ кровномъ родствѣ съ остальными родовичами. Напротивъ родственная связь черезъ жену (урувь) не признается препятствіемъ для брака. Родные братья одного рода женятся на родныхъ сестрахъ другаго, два свата берутъ въ жены сыновьямъ дочерей одинъ у другаго на обмѣнъ, что значить дружитья (андалаху). Меньшой братъ умершаго вступаетъ въ бракъ съ его вдовою (обратно не дозволяется), иногда женится пасынокъ на овдовѣвшей мачихѣ, тестъ на снохѣ-вдовѣ (Пояснит. примѣч., ст. III, прим. къ § 8, стр. 3 и къ § 688, стр. 84, также показ. Верхоленскихъ Бурятъ, § 18, Сборн. Самоквасова, стр. 74).

родъ (см. ага-уса, обдѣкъ, ясу, родство).

родовичъ — единоплеменникъ (Словарь).

С.

сакиль (бурятск.)—красный поясъ, имѣеть значеніе признака человѣка, давашаго обѣтъ (см. бакши). Хоринскіе Буриты требуютъ, чтобы носящіе сакиль не убивали животныхъ (Показ. Хоринскихъ Бурятъ, гл. I, § 2, Сборн. Самоквасова, стр. 107) ¹⁾.

¹⁾ Сакиль значить религиозный обѣтъ; принимающіе на себя какіе-либо

саты кёсь (якутск.) — пѣшій кёсь, единица разстоянія для пѣшаго (см. кёсь).

саху или **цаху** (бурятск.), **патры** или **пятры** (русс. сибирск.) — столбы съ перекладиной для сушки и вѣшанія. По Хоринскому степному уложенію (гл. XII, § 18, Сборн. Самоквасова, стр. 141), саху ставится не ближе 7 саж. отъ юрты; столбы врываются въ землю на 1 арш., перекладина кладется на нихъ на высотѣ отъ земли, не менѣе 1¹/₂ сажени. На саху вѣшаются для просушки, между прочимъ, волосяные мѣшки съ остатками послѣ выкурки молочнаго вина; такимъ образомъ получается родъ творога, называемый арца (Пояснит. примѣч., ст. III, прим. въ § 453, стр. 66, и объясн. Игумнова) ¹⁾.

сойбонъ (бурятск.) — служка старшаго ламы (см. ламы и вѣдомость бандидо хамбо въ приложеніи).

стойбище (русс. сибирск.) — усадьба кочевника, то-есть, мѣсто постановки юрты, скотскихъ загоновъ, амбаровъ и другихъ устройствъ кочеваго хозяйства ²⁾.

Кочевые инородцы Восточной Сибири имѣютъ два постоянныхъ стойбища: обитаемое лѣтомъ — лѣтний, зимою — зимний; болѣе состоятельные имѣютъ еще вешний и осенний. Эти стойбища считаются собственностью инородца, ихъ устроившаго (Поясн. примѣч., ст. III, прим. въ § 143, стр. 19, также объясн. Игумнова). Перемѣна стойбищъ обусло-

духовные обѣты вмѣстѣ съ принятіемъ посвященія получаютъ право носить оркимчи — родъ красной ленты или пояса, навидываемаго на лѣвое плечо.

А. П.

¹⁾ Въ словарѣ слово саху неправильно объяснено коновязью, здѣсь очевидное смѣшеніе съ словомъ сыргу. Это заключеніе основано на показаніи Хоринскихъ Бурятъ, гл. XII, § 19 (Сборникъ Самоквасова, стр. 141), гдѣ прямо запрещается привязывать лошадь къ саху.

Ө. Б.

²⁾ Въ словарѣ стойбище опредѣлено: мѣсто кочевья. Это неправильно, потому что подъ мѣстомъ кочевья, надо понимать цѣлыя урочища, въ границахъ которыхъ кочевые инородцы переходятъ съ мѣста на мѣсто, съ юртой, имуществомъ и скотомъ, а стойбище есть тотъ пунктъ на мѣстахъ кочевья, гдѣ въ данное время стоитъ юрта.

Ө. Б.

вливается необходимостью питать скоть, лѣтомъ на пастбищахъ, зимою на сѣнокосахъ, гдѣ инородцы дѣлають запасы сѣна. Богатые скотомъ мѣняютъ стойбища четыре раза, прикочевывая весною къ открытымъ мѣстамъ, гдѣ раньше таетъ снѣгъ и отсрывается подножный кормъ, а осенью— на пастбище, еще не стопанное скотомъ.

Стойбища большинства кочевыхъ инородцевъ Восточной Сибири, въ настоящее время, имѣють характеръ переходный, почти осѣдлый. Юрты, амбары, загоны для скота построены изъ дерева. Войлочные юрты уже рѣдки и встрѣчаются только въ нѣкоторыхъ родахъ Забайкальскихъ Бурятъ (Буссе, см. юрта).

сугланъ или **цугланъ** (монг., бурятск.)—сходка или собраніе инородцевъ одного рода, или вѣдомства, для обсужденія общественныхъ дѣлъ (Словарь, Буссе). На сугланахъ мѣста занимаются по старшинству лѣтъ, часто не обращая вниманіе на званіе и лицъ (Объясн. Игумнова).

сырга или **цэргэ** (бурятск. хоринск.)—коновязь. По Хоринскому уложенію (гл. XII, § 18, Сборн. Самоквасова, стр. 140) сырга есть столбъ, врываемый въ землю на 2 аршина, вышиною отъ земли не менѣе 1 сажени, въ отрубѣ 4 вершка. Въ проектѣ степныхъ законовъ 1841 г. (§ 632) слово это пишется цэргэ ¹⁾.

сысы иччитя (якутск.).—Сысы значить долина, иччитя хозяинъ; вмѣстѣ означаетъ онгона, завѣдующаго долиной (см. Якуты).

Т.

тавлганъ (бурятск.)—религіозное торжество съ жертвоприношеніемъ, по древнему шаманскому обычаю (Показ. Бурятъ Идинскихъ и пр., гл. I, Сборн. Самоквасова, стр. 87).

¹⁾ Эта послѣдняя форма правильнѣе.

тайша (бурятск.)—родоначальникъ, завѣдующій отдѣльными племенами. Званіе тайши или наслѣдственное, или выборное. Въ первомъ случаѣ званіе переходитъ на сына или ближайшаго родственника, но не иначе какъ по согласію на то родовичей и съ утвержденіемъ начальства. По уставу 1822 г., тайша предсѣдательствуетъ въ степной думѣ (Поясн. примѣч., ст. IV, прил. Б, стр. 5).

такильчи (бурятск.)—лама, завѣдующій пѣніемъ въ кумирнѣ (см. лама) ¹⁾.

тамга или **тамага** (монг., бурятск.)—знакъ, печать (Словарь). Собственно — должностная печать, которую имѣютъ право употреблять одни старшины. У Монголовъ тамга обозначаетъ печать въ приказахъ начальствующихъ лицъ. (Поясн. примѣч., ст. III, прим. къ § 298, стр. 44).

тангара (якутск.)—Богъ (см. Якуты).

тара (якутск.) ²⁾ — кислое молоко (показ. Якутовъ, гл. XXV, § 1, Сборн. Самоквасова, стр. 235).

теннебятъ бесьяхъ (якутск.)—невозвращаемый подарокъ, благодарность за благодѣяніе и услуги. По якутскому обычному праву, въ извѣстныхъ случаяхъ, за извѣстный подарокъ, непременно слѣдуетъ одарить обратно и часто — въ большей цѣнности, въ противномъ случаѣ подарившій имѣетъ право требовать судомъ отвѣтный подарокъ съ процентами; таковы тѣркутъ и подарки въ знакъ дружбы. Въ отличіе отъ такихъ даровъ, теннебятъ бесьяхъ не требуетъ возвратнаго подарка (Показ. Якутовъ, гл. XXIX, Сборн. Самоквасова, стр. 241).

теркутъ или **теркютъ** (якутск.)—пріѣздъ новобрачной къ родственницамъ и друзьямъ бывшихъ у нея на свадьбѣ и получившихъ подарки. Хозяинъ обязанъ одарить новобрач-

¹⁾ Прислужникъ, на обязанности котораго лежитъ смотрѣть за чистотою въ храмѣ, а также зажигать лампады и перемѣнять ежедневно другаго рода жертвы, какъ зерновой хлѣбъ, вино, воду и пр. А. П.

²⁾ Таръ, въ словарѣ Порядина.

ную десятью головами скота въ отвѣтъ за полученный на свадьбѣ подарокъ. Въ случаѣ неисполненія такого требованія обычнаго права, новобрачная можетъ взыскать судомъ эти 10 головъ съ приплодомъ, или деньги по стоимости скота, съ процентами (Сводъ степн. законовъ 1841 г. § 253, также показ. Ябутовъ, гл. XXIX, Сборн. Самоквасова, стр. 241, и объясн. Игумнова).

ТОЕНЬ (явутск.)—господинъ, начальникъ (Словарь).

ТӨИНЪ (бурятск.)—духовный лама, титулъ заслуженнаго ламы (см. № 30 вѣдом. бандидо хамбо въ приложеніи).

ТОЛОЙ (тунгусск. нерч. и бурятск.)—почетное угощеніе старшаго гостя, состоящее изъ вареной головы домашней скотины, преимущественно барана; обыкновенно подается на свадьбахъ чиновному гостю или старшему изъ ламъ.

Слово тѳлѳй Игумновъ производитъ отъ монгольскаго туль, приплодъ (Поясн. примѣч., ст. III, примѣч. въ § 243, стр. 40, также объясн. Игумнова, также показ. Нерчинскихъ Тунгусовъ § 15, Сборн. Самоквасова, стр. 28, также Сводъ степн. зак. 1841 г. § 243).

ТУКЧИНЫ (монг.)—монгольское племя, вошедшее въ составъ Нерчинскихъ Тунгусовъ (см. Тунгусы Нерчинскіе).

ТУНГУСЫ НЕРЧИНСКІЕ, называемые конными или степными, соплеменны Маньчжурамъ. Изъ 37 тунгусскихъ родовъ 13 оставили свой природный маньчжуро-тунгускій языкъ, говорятъ монгольскимъ нарѣчіемъ, грамоту же монгольскую употребляютъ всѣ общества и роды этого племени. Нерчинскіе Тунгусы состоятъ подъ начальствомъ главнаго родоначальника (нынѣ предсѣдателя степной думы), изъ семейства князей Гантимуровыхъ. Предокъ этого семейства вышелъ изъ Монголіи въ 1667 году, принявъ христіанство и былъ пожалованъ императоромъ Петромъ Великимъ землями близъ Нерчинска и денежнымъ окладомъ.

Изъ Нерчинскихъ Тунгусовъ учрежденъ въ 1760 г. казачій

пятисотенный полкъ, для охраны границы нашей со стороны Китая.

Изъ числа Нерчинскихъ Тунгусовъ, въ 1841 году было 5,500 христіанъ, до 5000—исповѣдующихъ ламаизмъ, съ примѣсью своихъ преданій и мнѣній; остальные, около 800 душъ, придерживаются шаманства (Пояснит. примѣч., стат. IV, стр. 13).

Въ составъ Нерчинскихъ Тунгусовъ вошли Уцзены и Тукчйны, два монгольскія племени, которыя перешли въ Россію вмѣстѣ съ Тунгусами, подъ предводительствомъ кн. Гантимурова. Эти два племени ввели въ употребленіе между Тунгусами монгольскую азбуку. Тунгусы не слѣдуютъ маньчжурскому правописанію, не смотря на сходство его съ тунгусскимъ. Самые Маньчжуры (маньчжуи) образовали свои письмена изъ монгольскихъ буквъ въ началѣ XVII вѣка, при первомъ ханѣ Тайцзунѣ, а Монголы изобрѣли свою грамату въ XIII вѣкѣ. Всѣ прочіе Тунгусы Восточной Сибири собственныхъ письменъ не имѣютъ (Объяс. Игумнова, Поясн. примѣч., стат. V, стр. 1 и 2).

ТУРУЛЬ (бурятск.)—родственникъ по мужской линіи (см. родство).

ТѢЛО въ смыслѣ платы за употребленіе скота для ѣзды и въ работу (Словарь). Иностранцы берутъ лошадей и скотъ въ наемъ для работы, когда животныя въ силѣ, то-есть, въ тѣлѣ,—и обязываются возвратитъ въ условленный срокъ живыми и неповрежденными. Конечно, скотъ возвращается изнуреннымъ и тощимъ, и посему иностранцы считаютъ плату за наемъ, какъ бы за тѣло скота, утраченное въ работѣ (Поясн. примѣч., стат. III, примѣч. къ § 253, стр. 41, также показ. Якутовъ, гл. XXV, § 2, Сборн. Самоквасова, стр. 235).

У.

УДЖИ (бурятск.)—предметъ женской одежды, упомянутый, но не выясненный въ показаніяхъ Селенгинскихъ Бурятъ (§ 49, Сборн. Самоквасова, стр. 162).

УЛГАНЧИ (бурятск.) — человекъ пугливый съ дѣтства, впадающій отъ внезапнаго испуга въ иступленіе или безпамятство. По обычному праву, виновный въ испугѣ ұлганчи, подвергается взыскаію, какъ за обиду дѣйствіемъ, а у Хоринскихъ Бурятъ испугавшій, кромѣ того, еще уплачиваетъ половину убытковъ, если таковыя произошли вслѣдствіе испуга (Сводъ степн. зак. 1841 г., § 234 и Словарь).

УЛЗЕЙТУ (бурятск.) — счастливый, титулъ заслуженнаго лама (см. № 25 вѣдом. бандидо хамбо, въ приложеніи).

УЛЛЯРЬ ЭТИНГЪ (явутск.) — всесоврушающій громъ. Такъ называется сынъ Аръ-тобна, то-есть, верховнаго существа. Впрочемъ, ульяръ этингъ не почитается богомъ, это обыкновенный онгонъ (см. Явуты).

УЛУСЪ (явутск., бурятск.). У Явутовъ улусъ означаетъ вѣдомство, въ которомъ соединены нѣсколько наслѣговъ (см. наслѣгъ), а у Бурятъ селеніе одного рода (Словарь).

УМЗАТЬ (бурятск.) — лама, начинающій пѣніе и чтеніе въ кумирнѣ (см. лама).

УНЖИ (бурятск.) — часть приданнаго, но что именно — изъ показанія Селенгинскихъ Бурятъ (§ 64, Сборн. Самоквасова, стр. 165) не видно.

УНТЫ (бурятск.) — зимняя обувь, крытая мѣхомъ съ ногъ дикой козы, шерстью вверхъ (Буссе).

УТУКЪ (бурятск.) — унавоженный сѣнокося (показ. Верхоненскихъ Бурятъ § 35, Сборн. Самоквасова, стр. 79).

УТЬ (явутск.) — глаг. толкай (объясн. Попова, Поясн. примѣч. стат. V, стр. 6, см. Явуты).

УРУКЪ (бурятск.) — родня жены (см. родство).

УЦЗЕНЫ (монгол.) — монгольское племя, вошедшее въ составъ Нерчинскихъ Тунгусовъ (см. Тунгусы).

Х.

халь (бурятск.)—рѣшительный, формальный сговоръ, по наступленіи совершеннolбтія невѣсты (показ. Верховенскихъ Бурятъ, § 18, Сборн. Самоквасова, стр. 74).

хамбо лама (бурятск.)—то же, что бандидо хамбо, глава бурято-ламайскаго духовенства (см. лама).

ховаракъ (бурятск.) ¹⁾—названіе всѣхъ лицъ, принадлежащихъ къ ламайскому духовенству (см. лама).

ходаки ²⁾ (бурятск.)—священные платки (Словарь). Хо-даки шелковые шарфы или полотенца, иногда длиною до 2 аршинъ, съ письменами и изображеніями человѣческихъ фигуръ или разныхъ рисунковъ, тѣсныхъ вмѣстѣ съ матеріей (Буссе).

холку джюль ³⁾ (якутск.) — свободный, или легкій судъ; такъ называютъ Якуты гражданское судопроизводство (объяс. Попова, Поясн. примѣч., стат. V, стр. 5, также см. Якуты).

холобчи (тунг. нерч.) — женскій уборъ, но какой именно не выяснено въ показаніи кн. Гантимурова (§ 12). Выдается въ приданое (Сборн. Самоквасова, стр. 46).

христось ерягинъ холутунъ ылбыттаръ (якутск.)—христіанинъ; собственно значить: принявшій законъ Христова ученія (объясн. Попова, поясн. примѣч., стат. V, стр. 5, также см. Якуты).

христось ерягинъ холутунъ батыспыттаръ (якутск.)—христіанинъ; собственно значить: послѣдователь Христова ученія (тамъ же, см. Якуты).

хураль или **хораль** (бурятск.)—собраніе ламайскаго духовенства для молитвы, соборное богослуженіе, которое бываетъ въ каждое 1-е и 15-е числа мѣсяца, считая со дня рожденія

¹⁾ Хуваракъ.

²⁾ Хадакъ.

³⁾ Холку=свободно, джюль=судъ, по словарю Порядина.

его, иногда же происходит 7-го и 8-го чисель ¹⁾ (Поясн. примѣч., стат. III, примѣч. къ § 221, стр. 39, также объясн. Игумнова).

хуримъ (тунг. нерч.) ²⁾—слово, упомянутое въ § 35 показ. кн. Гантимурова (Сборн. Самоквасова, стр. 52), но значеніе его не объяснено. Можно догадываться, что хуримъ означаетъ какое-то торжество въ частной или общественной жизни. Не искаженное ли это слово хураль?

Ц.

цакирокчи ³⁾ (бурятск.), — то же, что закирокчи, помощникъ благочиннаго (см. лама).

цзасакъ или **цзаскъ** (бурятск.)—правитель и судья внѣ храма (см. лама).

цзасаль (бурятск.)—снабженіе дочери невѣсты платьемъ, посудой и юртою съ принадлежностями; приданое (Поясн. примѣч., стат. III, примѣч. къ § 8, стр. 4). Въ Словарѣ это слово переведено: «условная плата за невѣсту (калымъ)».

цзѳрачи ⁴⁾ (бурятск.)—лама учитель живописи (см. лама).

цзѳрохайчи ⁵⁾ (бурятск.)—лама астрономъ (см. лама).

цзурганъ (бурятск.) или **зурганъ** (тунг. нерч.)—привазъ, управа, всякое присутственное мѣсто, судъ. Нынѣ такъ называютъ степную думу (Поясн. примѣч., стат. III, примѣч. къ § 221, стр. 39, также показ. кн. Гантимурова, § 35, Сборн. Самоквасова, стр. 52).

цѳрчій (бурятск.)—лама судья по нарушеніямъ догматовъ вѣры (см. лама).

цэргэ (бурятск.)—воновязь (см. сырга).

¹⁾ По мнѣнію Игумнова, этотъ порядокъ намекаетъ на древнѣйшее употребленіе седмицы, которую наблюдаютъ всѣ ламы (тамъ же).

²⁾ Свадебный пиръ.

³⁾ Цакирукчи.

⁴⁾ Изурачи.

⁵⁾ Цзурухайчи.

Ч.

ЧЖЕЛИ (якутск.) — дверь (объясн. Попова, Поясн. примѣч. стат. V, стр. 6, также см. Якуты ¹⁾).

ЧЖЕЛЯНИ (якутск.) — женитьба (тамъ же, стр. 5, см. Якуты ²⁾).

ЧОБОМБА (бурятск.) — надзиратель за табульчи (вѣдом. бандидо хамбо, см. приложение), приниматель вкладовъ и завѣдующій музыкальными инструментами (см. ламы).

ЧУБУРОВЪ — стрѣльба (тунг. нерчинск.), какая-то игра на общественныхъ собраніяхъ (показ. вн. Гантимурова § 35, Сborn. Самоковасова, стр. 52).

Ш.

шаманскій камень (бурятск.) — находится въ р. Ангарѣ, при истокѣ ея изъ Байкала и считается престоломъ высшаго шаманскаго божества, онгона эмикъ цаганъ ноюнъ (см. присяга).

шаманъ (монг.) — значить: воздыхающій пустынникъ и обладатель всѣхъ страстей (въ Словарѣ ссылка на соч. Георги: Описаніе народовъ Росс. государства. 1799, часть III, стр. 99. Также см. шаманская вѣра ³⁾).

шаманская вѣра — основана на изустныхъ преданіяхъ; это вѣра первобытная, общая всѣмъ народамъ востока и сѣвера Азии. Она заключается въ боготвореніи онгоновъ, то есть, духовъ владычествующихъ надъ стихіями, горами, долина-

¹⁾ Джелъ=отвертіе юрты, дверь — по словарю Порядина.

²⁾ Джеляни=домообзаведеніе, женитьба — по словарю Порядина.

³⁾ По объясненію о. Іакинѣа слово шаманъ заимствовано отъ тунгусскаго саманъ, которое означаетъ чловѣка, соединяющаго въ себѣ качество жреца, врача и волхва. См. статью его «О шаманствѣ» въ Отечеств. Запискахъ 1839 г., кн. 11-я. Н. В.

ми, рѣками и лѣсами и покровительствующихъ человѣку. Это вѣрованіе нынѣ представляетъ въ Сибири слабую тѣнь ученія, возникшаго въ Азіи въ самой глубокой древности и сохранившагося въ Китаѣ, гдѣ, по кореннымъ законамъ, царствующая династія и должностныя лица маньчжурскаго происхожденія обязаны исповѣдывать шаманскую вѣру. Истинное ея ученіе поклоняться Богу и душамъ людей, жизнь которыхъ была ознаменована подвигами добродѣтели, мужества и особенными заслугами. Эти-то души, подъ общимъ наименованіемъ онгоговъ или онгоновъ и призываются шаманами. Храмовъ и духовнаго сословія, отличнаго правами отъ другихъ, шаманствующіе не имѣютъ. Шаманы (пророки, жрецы) совершаютъ обряды не срочные, а случайные, зависящіе отъ произвола того, кто ихъ испрашиваетъ (Поясн. примѣч., стат. IV, прилож. Б., стр. 11). Шаманы занимаются и врачеваніемъ. Послѣдователи шаманства присвоиваютъ женщинамъ весьма мало человѣческихъ правъ и почитаютъ ихъ отринутыми богами, нечистыми, а въ болѣзненномъ состояніи даже опасными для людей и скота (Въ Поясн. примѣч., ст. IV, стр. 25, ссылка на соч. Георги: Описаніе народ. Росс. государства, ч. III, стр. 98).

шанзаба или **шанзабу** ¹⁾ (бурятск.)—визарный главнаго духовнаго лица (см. ламы).

шератскій законъ—данное бандидо хамбо ламою названіе ламайской вѣрѣ (Поясн. примѣч., ст. IV, стр. 12).

шеръ (якутск.)—обрядовое питье кумыса по окончаніи алгыса на весеннемъ праздниѣ, въ честь наступленія лѣта, перваго доенія кобылъ и перваго приготовленія кумыса (Повяз. Якутовъ, гл. I, Сборн. Самоквасова, стр. 199) ²⁾.

шигэмоніанская или **шигэмоніанская вѣра** (монг.)—ламайское ученіе (см. ламайская вѣра).

¹⁾ Шунцзотба.

²⁾ У Порядина буквы ш и ѣть вовсе.

ШИКГЭМУНИ (монг.)— по догматамъ тибетскихъ и монгольскихъ ламаитовъ (буддистовъ), верховный духъ владычествующій нынѣ надъ вселенною (Словарь). Божества буддистовъ царствуютъ попережънно, и управленіе свѣтомъ шикгэмуни должно продолжаться около 5000 лѣтъ, изъ нихъ уже половина истекла (Поясн. примѣч., ст. IV, стр. 12).

ШИРЭТУ (бурятск.)—предсѣдатель храма (см. ламы).

ШУДУЛУНЪ (бурятск.)—трехлѣтняя лошадь (показ. Селенгинскихъ Бурятъ, вступленіе, Сборн. Самоквасова, стр. 151).

ШУЛЕНГИ, ЗАЙСАНГИ и ЗАСОЛЫ (бурятск.)—старшины инородческихъ родовъ. Изъ нихъ четыре, подъ названіемъ главныхъ, самостоятельно завѣдывали Бурятами: Верхоленискими, Китайскими, Ольхонскими и Ачинскими; нынѣ же, по уставу 1822 г. управленія инородцевъ, всѣ эти начальники назначены засѣдателями степныхъ думъ, головами, выборными инородныхъ управъ и родовыми старостами. Званія эти наследственны или по выборамъ. Въ первомъ случаѣ званіе переходитъ на сына, или ближайшаго родственника, но не иначе какъ по согласію родовичей и съ утвержденія правительства (Поясн. примѣч., ст. IV, прил. Б, стр. 5 и 6).

Въ словарь находится слѣдующее опредѣленіе: шуленга — родовой начальникъ, а зайсанъ—его помощникъ.

ШУРЦЫ (тунг. нерч.)—женскій уборъ, составляющій часть приданаго, но что именно—въ показаніяхъ вн. Гантимурова (§ 12) не опредѣлено (Сборн. Самоквасова, стр. 46).

Ы.

ЫСЭХАХЪ (якутск.)—праздникъ Якутовъ весной или лѣтомъ по поводу возрожденія природы. Слово это происходитъ отъ ысэхъ—кропленіе, составляющее обрядъ на праздникѣ. По совершеніи словословія Творцу Богу шаманомъ или алгысытомъ, праздникъ начинается окропленіемъ юртъ и полей кумысомъ (Поясн. примѣч., ст. IV, стр. 20, прим. 2-е).

Въ Словарѣ самый праздникъ названъ неправильно: ысэхъ.

Ыксары Чжулъ (якутск.)—вѣрпкій судъ; такъ называется у Якутовъ уголовное судопроизводство (Объясн. Попова, Поясн. примѣч., ст. V, стр. 5, см. Якуты).

Э.

эманухъ или **еманухъ** (тунг.) — коза (Поясн. прим., ст. III, прим. къ § 344, стр. 57, также показ. кн. Гавтимурова § 11, Сборн. Самоквасова, стр. 46). Слово это оставлено въ томъ самомъ надежѣ, какъ оно значится въ текстѣ ¹⁾.

эмчи (бурятск.)—лама учитель врачеванія (см. лама).

эркесту (бурятск.)—властный; титулъ заслуженнаго ламы (см. № 28 въ дом. бандидо хамбо ламы, въ приложеніи).

Ю.

юрта — собственно войлочное переносное жилище кочевыхъ инородцевъ; но нынѣ кочевники Восточной Сибири ограничиваются двумя, очень рѣдко четырьмя перекочевками между постоянными своими стойбищами и строить на своихъ лѣтникахъ и зимникахъ постоянныя деревянныя помѣщенія, называемыя также юртами; войлочныя юрты очень рѣдки. Эти строенія разнятся отъ избы весьма существенно тѣмъ, что въ юртахъ нѣтъ оконъ и печей, огонь раскладывается востромъ среди юрты, и дымъ выходитъ черезъ отверстіе въ потолокъ, которое замѣняетъ также и окно. У Забайкальскихъ Бурятъ юрта строится обыкновенно шестигранною.

¹⁾ Козу Нерчинскіе Тунгусы называютъ яма, а Русскіе, принявъ это слово, усвоили ему свое окончаніе; слово ямануха по большей части употребляется для означенія большихъ и тучныхъ козь-матокъ «ладреная ямануха!»

А. П.

Буряты Забайкальскіе называютъ домашняго козла яманъ. Не есть ли это одно и то же слово съ эманухъ?

Ө. Б.

На вопросъ, почему они не строятъ правильной избы, инородцы отвѣчаютъ, что имъ скучно жить безъ свободно горящаго огня, и кромѣ того, въ юртѣ меньше паразитныхъ насѣкомыхъ. Если Бурятъ приметь христіанство, то строить и русскую избы, потому что, по бурятскому воззрѣнію, христіанину погано жить въ юртѣ (Буссе).

ЮТЬ (якутск.)—молоко (Объясн. Попова, Поясн. примѣч., ст. V, стр. 6, см. Якуты) ¹⁾.

ЯКУТЫ — племя татарскаго происхожденія говорящее татарскимъ нарѣчіемъ, съ примѣсю монгольскихъ словъ. Якуты своей грамоты не имѣютъ, а для изображенія звуковъ и словъ заимствуютъ русскія буквы. Якуты обречены, за исключеніемъ 350 душъ обоого пола, оставшихся въ шаманствѣ. Послѣдніе почитаютъ Бога верховнымъ существомъ, и шаманы ихъ и ангысыты, на праздникахъ исѣхахъ и другихъ обрядахъ, словословятъ единаго Бога Творца. Молитва ихъ начинается словами анъ дойдуну айбытъ ай Тангара, то-есть: всюду отверзтую вселенную сотворивый Творецъ Богъ. Онгоны или духи, управляющіе стихіями, долинами и пр., не признаются божествами (тангара), а называются иччи (хозяйнѣ), напримѣръ, смыс иччитя, хозяйнѣ долины. Онгоны подчиняются верховному существу Аръ тоёнъ. Якуты вѣрятъ, что у Аръ тоёна есть жена кюбей хотунъ ²⁾ и сынъ улляръ этингъ, но имъ не приписываютъ свойствъ божества, считаютъ ихъ простыми онгонами и даже не приносятъ имъ жертвъ. Они жертвуютъ огню, совершая возліаніе священнаго масла въ огонь, признаваемый благотворною стихіей (Поясн. примѣч., ст. IV, стр. 20).

Изображенія якутскихъ словъ русскою азбукою, затрудняется тѣмъ, что русскія буквы не всегда вполнѣ выражаютъ якутское произношеніе. Для устраненія такой неточности у

¹⁾ Ють = молоко, въ словарѣ Порядина.

²⁾ Кюбай-хатунъ—милостивая мать, въ словарѣ Порядина.

Якутовъ приняты особыя знаки, которые ставятся надъ буквами:

1) надъ Г ставится сверху точка, тогда буква произносится какъ латинское *g* (*ego*);

2) необходимо Н и Г соединять знакомъ \widehat{HG} , тогда эти буквы произносятся слитно, какъ одна литера, и выговаривается слитно-гортанно. Это тѣмъ необходимѣе, что \widehat{HG} , неотмѣченныя знакомъ составляютъ у Якутовъ рѣчи, имѣющія совсѣмъ другой смыслъ, или же не имѣющія никакого значенія. Напримѣръ, $\widehat{ангарь}$ означаетъ половину, а $\widehat{ангарь}$ ничего не означаетъ.

3) букву *o* необходимо большею частью отмѣчать двумя точками, напримѣръ, \ddot{o} ть (глаголь — проникать); въ отличіе отъ \ddot{e} (еряхъ, ученіе).

4) надъ у ставятъ двѣ точки, для произношенія какъ французское *u*, напримѣръ, уть (толкаѣ), въ различіе отъ ють (молоко).

5) *чж* произносятся какъ одну букву: *чжелн* (дверь) вмѣсто неправильно употребляемаго *ж* (жели).

На якутскій языкъ нельзя перевести буквально нѣкоторыя русскія слова, выражающія отвлеченныя понятія, или мысли, предметы и понятія, незнакомыя кочевымъ инородцамъ, напримѣръ, вѣра (слово *нтягяль* означаетъ не религіозное чувство, а вѣру въ смыслѣ довѣрія), бунтъ, городъ и др. Выраженіе: исповѣдующій христіанскую вѣру, можно замѣнить слѣдующими оборотами: 1) христоръ ѳрагинъ холутунъ ылбыттаръ, то-есть: принявшій законъ Христова ученія, или 2) христоръ ѳрагинъ холутунъ батыспыттаръ, послѣдователи закона Христова ученія. Слово бракъ можно замѣнить выраженіемъ *чжелани*, женитьба. Порядковъ уголовного судопроизводства Якуты называютъ *ыксары чжуль* (крѣпкій судъ), а гражданскаго холку *чжуль* (свободный или легкій судъ). (Поясн. примѣч., ст. V, стр. 5).

Я.

яла (бурятск.) или **сла** (тунг. нерч.)—пена или взысканіе 3 или 4 головъ, за каждую покраденную скотину (Словарь). Изъ введенія въ уложеніе Селенгинскихъ Бурятъ (Сборн. Самоквасова, стр. 151) видно, что указомъ сената въ 1821 г., яла установлена въ 3 головы за каждую покраденную скотину такого же рода и лѣтъ. До того времени размѣръ ялы былъ разный у различныхъ племенъ (Поясн. примѣч., ст. III, примѣч. къ § 594—600, стр. 77, также показ. Хоринскихъ Бурятъ, гл. IX, § 4, Сборн. Самоквасова, стр. 129).

яманъ (бурятск.)—домашній козелъ (Буссе).

ясу (бурятск.)—кровный родственникъ (см. **обоеъ**).

Ө. Буссе.

**ВѢДОМОСТЬ
СОСТАВЛЕННАЯ БАН
СЪ ОБЪЯСНЕНИЯМИ**

ВѢДОМОСТЬ хамбо-ламы.

Названіе ламъ.	Должности ихъ.		
1 хамбо-лама	глава бурято-ламскаго духовенства	1	
2 ширѣту	каедральный протопопъ	2	
3 жудба	имѣющие власть ширетуйскую въ малыхъ кумирняхъ	3	
4 гурумба		4	
5 цорчій	настоятель, книжникъ, помощникъ ширѣту и въскрывающій за маловажныя преступленія	5	
6 шанзаба	помощники цорчію	6	
7 цзасакъ		7	
8 да-лама		учащіе нижнихъ ламъ закону и чтенію	8
9 нансү			9
10 гѣбкүй	наблюдающій за благочиніемъ во время богослуженія	10	
11 умзатъ	начинающій богослуженіе и чтеніе	11	
12 нярба	кумирній казначей	12	
13 такильчи	имѣющихъ въ смотрѣніи духовную музыку и важающій свѣчи	13	
14 дуганчи	призывающій на молитву ламъ	14	
15 закирокчи-биликту	исправляющій по приказанію Хамбы письменныя дѣла на монгольскомъ языкѣ	15	
16 ноюнъ-лама	помощникъ да-ламы	16	
17 закирокчи	помощники гѣбкуямъ	17	
18 гѣскүй (¹).		18	
19 жинжукъ	помощникъ умзату	19	
20 билікту (²)	учащій правиламъ шаратскаго закона	20	
21 сойбонъ	служба старшаго ламы	21	
22 жамá	поваръ ламскій	22	
23 мыдечи	принимаетъ отъ прихожанъ и отпускаетъ жертвенныя припасы	23	
24 чабомбы	надзиратель за такильчїями	24	
25 улзѣйту (³)	помощники ламскіе, наблюдающіе надъ обучающимися грамотѣ и закону	25	
26 ворикту		26	
27 кичіенгуй		27	
28 эркегу		28	
29 дарханъ		29	
30 тоюнъ		30	

Замѣчаніе. Чины, должности и титула ламъ, подъ №№: 3, 15 — 17, 19, 20, 22, 24 до
 (¹) То же, что гѣбкүй (№ 10), по тангутски же гягуй, или гэгуй.
 (²) Секретарь бурятскаго хамбы, по монгольской грамотѣ, какъ и закирокчи или бл
 (³) Послѣднія 6 названій (№ 25 — 30) суть одни титула, придаваемые почетнымъ и зас

**ЛАМЪ,
ДИДО ХАМВО ЛАМОЮ,
ИГУМНОВА.**

Объясненія ст. сов. Игумнова.

Переводъ названій съ тангутскаго и монгольскаго языковъ.

Должности ихъ.

престольный	2	предсѣдатель храма.
коренный	3) управляющіе въ предѣлахъ храма мо- литвенникъ 4) литвословіемъ, службою.
начальникъ области	5	
десницею повелѣвающій	6	викарный главнаго духовнаго лица.
правитель	7	правитель и судья вѣдъ храма.
старшій лама	8	имѣющій надзоръ за ламами.
питающій внутренность	9	провизоръ, эконоомъ.
наблюдающій за добродѣтелями	10	благочинный, то же, что гаскуй, по тангутски гэгуй.
предводитель дѣяній	11	начинающій пѣніе и чтеніе.
казнохранитель	12	казначей.
кадилникъ	13	дъачекъ, пономарь.
ключарь храма	14	звонарь, трапезникъ.
распоряжатель, съ даромъ, съ талантами	15	чинъ свѣтскій.
князь лама	16	титло, придаваемое заслуженнымъ ламамъ.
распорядитель	17	распоряжать, чинъ по военной службѣ.
наблюдающій за добродѣтелями	18	то же, что габкуй, гаскуй, гэгуй и гигуй, благочинный.
помощникъ умзѣта. съ даромъ, съ талантами, геніальный. слуга, официантъ. чаеваръ.		
завѣдыватель	23	эконоомъ.
счастливый. предпримчивый. тщательный. властный. вольный, уволенный. духовный лама.		

30 введены въ недавнее время.

ниту подъ № 15.
луженнымъ ламамъ, независимо отъ чиновъ и степеней.

14,1

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

—
1880.

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

ИЗДАНЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. И. ВЕСЕЛОВСКАГО и П. И. ЛЕРХА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1880.

ИЗДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПО ЧАСТИ ЭТНОГРАФИИ.

Этнографическій Сборникъ.

Выпускъ первый, 1853, под. ред. Н. И. Надеждина и К. Д. Кавелина. Ц. 1 р. 50 к.

Собраніе мѣстныхъ этнографическихъ описаній Россіи: Сельцо Васильевское, Нижегородскаго уѣзда.—Сельцо Ульяновка, Лувьяновскаго уѣзда.—Волость Покровско-Ситская, Мологскаго уѣзда.—Приходъ Станиловскій на Сити, Ярославскаго уѣзда.—Бытъ крестьянъ Тверскаго уѣзда.—Бытъ крестьянъ Нижнедѣвнскаго уѣзда.—Село Бобровки, Ржевскаго уѣзда.—Приходъ Остринскій, Лидскаго уѣзда.—Село Кобыля, Новградъ-Волынскаго уѣзда.—Мѣстечко Александровка, Сосницкаго уѣзда.—Домашній бытъ Малоросса, Хорольскаго уѣзда.

Выпускъ второй, 1854, под. ред. К. Д. Кавелина. Ц. 1 р. 50 к.

Собраніе мѣстныхъ этнографическихъ описаній Россіи: Село Давшино, Пешехонскаго уѣзда.—Село Липицы, Каширскаго уѣзда.—Села Голунь и Новомихайловское, Новосильскаго уѣзда.—Бытъ Бѣлорусскихъ крестьянъ.

Выпускъ третій, 1858, Ц. 1 р. 50 к.

Статьи о Русскихъ и ихъ соплеменникахъ: Слобода Трехъизбянская, Старобѣльскаго уѣзда.—Бытъ Малорусскаго крестьянина, преимущественно въ Полтавской губерніи.—Замѣтки о западной части Гродненской губерніи.—Этнографическій взглядъ на Виленскую губернію.

Выпускъ четвертый, 1858, Ц. 1 р. 50 к.

Статьи объ инородцахъ: О Карагассахъ—Самоѣды Мезенскіе.—Богатырскіи поэмы Минусинскихъ Татаръ.—Курсъ Буддійскаго ученія.—О религіи некрещенныхъ Черемсы, Казанской губерніи.—Этнографическія замѣчанія и наблюденія Кастрена о Лопаряхъ, Корелахъ, Самоѣдахъ и Остякахъ.

Выпускъ пятый, 1862, подъ ред. Н. В. Калачова и В. И. Ламанскаго. Ц. 2 р. 50 к.

Исслѣдованія, описанія и матеріалы: Очеркъ этнографіи Русскихъ Евреевъ.—Отрывокъ изъ путешествія въ Хиву.—Остатки Славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря.—Волжско-Двинскіе удѣльные крестьяне.—Городъ Котельничъ.—Бытъ крестьянъ Оболенскаго уѣзда.—Вельскіе свадебные обряды.—Библиографическій указатель.—Смѣсь (мелкія замѣтки и матеріалы, съ приложеніемъ копій съ чертежа Западной Двины 1701 года.

Выпускъ шестой, 1864, подъ ред. Н. В. Калачова и В. В. Стасова. Ц. 2 р. 50 к.

Исслѣдованія, описанія и матеріалы: Югозападная часть Томской губерніи.—Артели въ древней и нынѣшней Россіи.—Лѣсопромышленность по Унжѣ и строгіе гусянокъ.—Этнографія Европейской Турціи, съ картою.—Монгольскія сказки.—Великорусскія загадки.—Сборникъ Олонецкихъ словъ.—Библиографическій указатель.—Смѣсь (мелкія замѣтки и матеріалы).

Въ приложеніи: О собираніи предметовъ для этнографическаго музея Общества.—Программа для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ.

Труды этнографическо-статистической экспедиции въ Западно-Русской край. Юго-Западный Отдѣлъ (П. П. Чубинскій):

Томъ первый (въ двухъ выпускахъ), 1872, подъ наблюденіемъ П. А. Гильтебрандта. Ц. 2 р.

Вѣрованія и суевѣрія.—Загадки и пословицы.—Колдовство (документы, процессы и изслѣдованіе).—Указатель.

Томъ второй, 1879, подъ наблюденіемъ П. А. Гильтебрандта. Ц. 2 р. 50 в.

Сказки мифическія и бытовыя.

Томъ третій, 1872, подъ наблюденіемъ Н. И. Костомарова. Ц. 2 руб. 50 коп.

Народный календарь или дневникъ, съ относящимися къ нему пѣснями, изъ которыхъ значительная часть сопровождается нотами.

Томъ четвертый, 1877, подъ наблюденіемъ Н. И. Костомарова. Ц. 3 р.

Пѣсни обрядовыя.

Томъ пятый, 1873, подъ наблюденіемъ Н. И. Костомарова. Ц. 3 р.

Пѣсни любовныя, семейныя, бытовыя и шуточныя.

Томъ шестой, 1872, подъ наблюденіемъ П. А. Гильтебрандта. Ц. 2 р.

Народные юридическіе обычаи по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ: Очерки волостнаго суда и обычаевъ.—Систематическій сборникъ уголовныхъ рѣшеній волостныхъ судовъ.—Систематическій сборникъ гражданскихъ рѣшеній волостныхъ судовъ.—Указатель.

Томъ седьмой (въ двухъ выпускахъ съ тремя картами), 1872, подъ наблюденіемъ П. А. Гильтебрандта. Ц. 3 р. 50 в.

Евреи.—Поляки.—Племена не-малорусскаго происхожденія.—Малоруссы (статистика, сельскій бытъ, языкъ).—Указатель.

Записки Имп. Р. Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи.

Томъ первый, 1867, подъ редакціей В. И. Ламанскаго. Ц. 2 р.

Этнографическіе матеріалы по Средней Азии и Оренбургскому краю.—Бѣлорусскія пословицы.—Скопцеская секта въ Симбирской губерніи.—О скопцахъ Перемышльскаго и Лихвинскаго уѣздовъ.—О лето-славянскомъ языкѣ.—О матеріалахъ для объясненія народнаго юридическаго быта.—Что сдѣлано у насъ по обычному праву.—Памятники русской народной рѣчи и словесности.—Свадьба на Угорской Руси.—Преданія о владахъ, съ чертежемъ.

Томъ второй, 1869, подъ редакціей Л. Н. Майкова. Ц. 2 р. 50 в.

Понатія крестьянъ Орловской губерніи о природѣ физической и духовной.—О Русскихъ жителяхъ береговъ рѣки Ояты.—О Ярилѣ.—Сербскія пословицы.—Галицкія и Угорскія пословицы и поговорки.—Бѣлорусскія пословицы и загадки.—Народныя увеселенія въ Иркутской губерніи.—Круговыя пѣсни и игры въ селѣ Ушаковскомъ, Шадринскаго уѣзда.—Великорусскія заклинанія.—Мурманскій и Терскій берега по Книгѣ Большаго Чертежа, съ картою.—Народные юридическіе обычаи въ Малороссіи.—Географическія и этнографическія свѣдѣнія о древней Россіи изъ рассказовъ Итальянцевъ.

Въ приложеніи: Указатель сочиненій о коренныхъ жителяхъ при-Балтійскаго края.

Томъ третій, 1871, подъ редакціей Л. Н. Майжова. Ц. 2 р.

Приданое по обычному праву крестьянъ Архангельской губерніи.—О Буцо-Влахъ.—Мѣстныя названія славянскихъ предѣловъ Адриатики.—О племенномъ составѣ населенія въ княжествѣ Сербскомъ съ картою.—Очерки частнаго быта Евреевъ.—Этнографическія наблюденія на юго-востокѣ Олонецкой губерніи.—Памятники олонецкаго народнаго творчества.

Томъ четвертый, 1871, подъ редакціей А. И. Савельева. Ц. 2 р.

Роспѣвцы секты людей Божіихъ.—Этнографическая карта привислянскихъ губерній, съ объяснительною къ ней запиской.—Остатки языка Полабскихъ Славянъ.—Деревня Квижкая Гора, Лужскаго уѣзда.—Курилы.—Юридическій бытъ Болгаръ.—Областная карта трехъ автокефальныхъ Славянскихъ церквей на Балканскомъ полуостровѣ, съ объясненіемъ къ ней.

Томъ пятый, 1873, подъ редакціей О. Э. Миллера и П. А. Гильдебрандта. Ц. 2 р. 50 к.

Календарь по народнымъ преданіямъ въ Воложинскомъ приходѣ, Опшянскаго уѣзда.—Сборникъ бѣлорусскихъ пѣсень И. Носовича.—Такой же — П. Шейна.

Томъ шестой, 1880, подъ редакціей Н. И. Веселовскаго и П. И. Лерха. Ц. 2 р.

Средняя Зерафшанская долина.—О бассейнѣ Лобъ-Нора.—Фергана по запискамъ Бабера.—Шагрисебзское бекство.—Повѣрья и обряды Казанскихъ Татаръ.—Свѣдѣнія Большаго Чертежа о Киргизскихъ степяхъ, съ картою.—О путешествіи Дженкинсона въ Хиву въ 1559 г. — Кузъ-воръ или Цинъ-хай.—Списокъ словъ бытоваго значенія восточно-сибирскихъ инородцевъ.

Томъ седьмой, 1877, подъ редакціей Л. Н. Майжова. Ц. 3 р.

Прибрежья Ледовитаго и Бѣлаго морей съ ихъ притоками, по Книгѣ Большаго Чертежа.—Церковно-народный мѣсяцесловъ на Руси.—О народной одеждѣ и убранствѣ Русиновъ или Русскихъ въ Галичинѣ и сѣверо-восточной Венгріи, съ рисунками.

Томъ восьмой, 1878, подъ редакціей П. А. Матвѣева. Ц. 3 р.

Объ отношеніи юридическихъ обычаевъ по законодательству.—Очерки народнаго юридическаго быта Самарской губерніи.—Договоръ найма пастуховъ.—Къ вопросу о цензурѣ нравовъ у народа.—Юридическіе обычаи Лопарей, Кореловъ и Самоѣдовъ Архангельской губерніи.—Замѣтки о киргизскомъ судѣ.—Юридическіе обычаи Якутовъ.—Мелкія замѣтки по обычному праву.—Программы для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ: по гражданскому праву и по уголовному праву.—Журналы засѣданій Комиссіи о народныхъ юридическихъ обычаяхъ.

Свѣдѣнія о странахъ по верховьямъ Аму-Дарьи (по 1878 годъ). Составилъ И. Мимаевъ. Съ приложеніемъ карты. 1879. Ц. 1 р. 50 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Записки по Отдѣленію Этнографіи, томъ девятый.

JA

**This book is not to be
taken from the Library**

